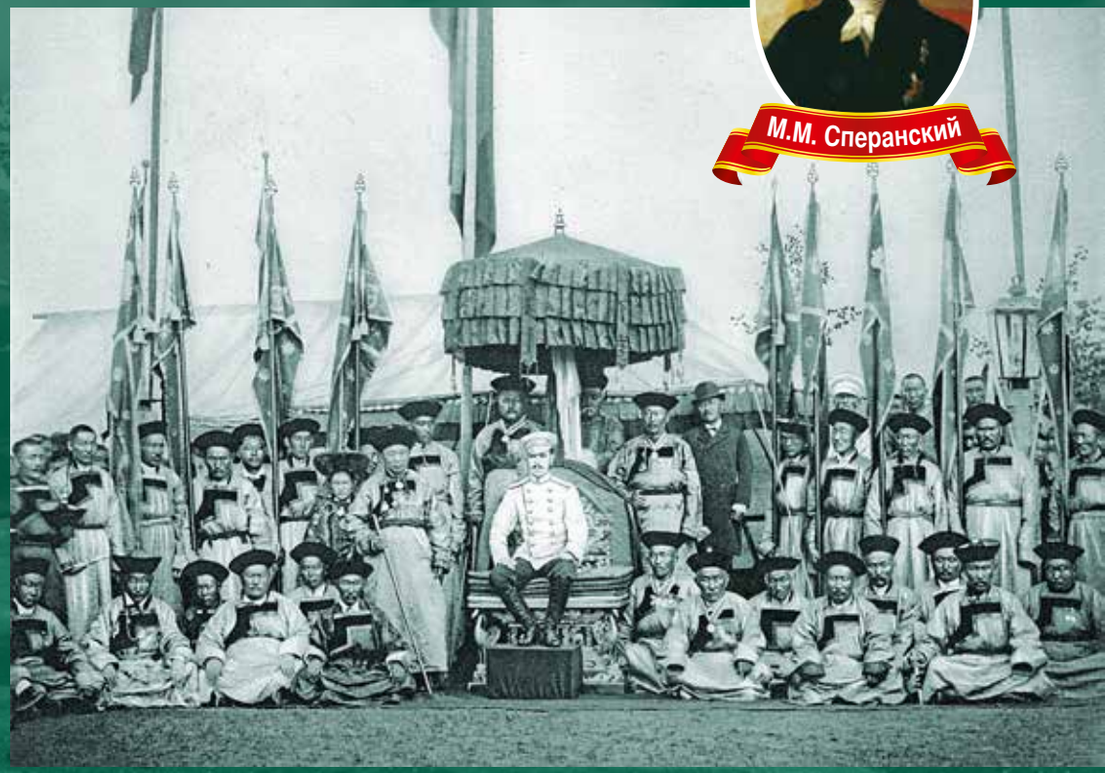
Дамешек Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Иркутского государственного университета, Заслуженный деятель науки России и Республики Бурятия, почетный работник общего образования, автор около 500 публикаций, в том числе 29 монографий, трижды лауреат премии губернатора Иркутской области, лауреат Государственной премии Республики Бурятия.
E-mail: levdameshek@gmail.ru

Жалсанова Бутит Цыдыпмункуевна – доктор исторических наук, директор Государственного архива Республики Бурятия, автор более 120 научных публикаций, в том числе 9 авторских и коллективных монографий, 13 сборников документов и 7 справочных изданий, лауреат Государственной премии Республики Бурятия (2014).
E-mail: butit62@mail.ru

Курас Леонид Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Заслуженный деятель науки Республики Бурятия, член Союза журналистов России, автор 650 публикаций, в том числе 22 авторских и коллективных монографий, 6 сборников документов и 5 учебников, лауреат Государственной премии Республики Бурятия.
E-mail: kuraslv@yandex.ru

Дамешек Л.М., Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В.
Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX – начало XX вв.)



Л.М. Дамешек, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас

Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX – начало XX вв.)

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
Иркутский государственный университет
Государственное автономное учреждение культуры Республики Бурятия
Государственный архив Республики Бурятия

Л.М. Дамешек, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас

Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX – начало XX вв.)

Иркутск
Оттиск
2020

УДК 94(57)
ББК 63.3(2)
Б 91

Работа выполнена в рамках государственного задания России (проект XII.187.1.4. «XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», номер госрегистрации № АААА-А17-117021310264-4)

Ответственный редактор
академик РАН Б.В. Базаров

Рецензенты:
д-р ист. наук, проф. Ц.П. Ванчикова (Улан-Удэ)
д-р ист. наук, проф. А.А. Борисов (Якутск)
д-р ист. наук Л.П. Мамышева (Абакан)

Б 91 Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX – начало XX вв.) [монография] / Л.М. Дамешек, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас / отв. ред. Б.В. Базаров. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. 740 с.

В монографии, через призму имперской системы власти, рассматривается законодательство Российской империи в отношении инородцев Сибири, формирование и развитие органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX вв. Степные думы, инородные управы и родовые управления – их административная, хозяйственная, судебная деятельность, благотворительность, опека и попечительство.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, специалистов-историков, учителей, краеведов и всех тех, кто интересуется историей Бурятии как неразрывной части Российской Федерации.

ISBN 978-5-6044092-0-6

© Л.М. Дамешек, 2020
© Б.Ц. Жалсанова, 2020
© Л.В. Курас, 2020
© ФГБУН «ИМБТ СО РАН», 2020
© Изд-во «Оттиск», 2020

От ответственного редактора

Многолетнее творческое сотрудничество заведующего кафедрой истории России Иркутского государственного университета, доктора исторических наук, профессора Л.М. Дамешека, главного научного сотрудника Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, доктора исторических наук, профессора Л.В. Кураса и директора Государственного архива Республики Бурятия, доктора исторических наук Б.Ц. Жалсановой сделало достоянием научной общественности новую монографию по истории бурятского этноса. Исследование раскрывает многогранную деятельность органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX вв., осуществлявшуюся в русле административной и национальной политики Российской империи. При этом авторы раскрывают законодательные основы имперской системы власти в отношении инородцев Сибири, образование и развитие системы бурятских органов местного самоуправления, административную и хозяйственную деятельность инородных управ и бурятских Степных дум, общественную и частную благотворительность в области народного образования и здравоохранения, а также особую роль органов местного самоуправления бурят в осуществлении опеки и попечительства. Важное место в исследовании занимает проблема судопроизводства в бурятском обществе.

Следует особо подчеркнуть, что все проблемы, поставленные в монографии, рассмотрены авторами через призму имперской системы власти, осуществлявшейся на территории Азиатской России. При этом упор делается на национальный фактор в окраинной политике царизма и зарождение российского патернализма.

Хочется пожелать новой работе долгой жизни, а творческому содружеству – новых достижений на благо исторической науки.

Академик РАН Б.В. Базаров

О задачах монографии

Огромная территория Российского государства сложилась в результате противоречивого процесса. Земли, вошедшие в состав нашего государства, отличались не только разнообразием климата, ландшафта, но и уровнем хозяйственного освоения. В Российской империи существовала большая разница между территориями по уровню экономического развития. Региональные особенности управления отдельными, подчас весьма разнообразными территориями огромного государства вырабатывались по мере вхождения этих территорий в состав России, упрочения власти и авторитета центральной власти. Известный отпечаток на этот процесс накладывали и субъективные взгляды государственных деятелей каждой эпохи. При этом российская модель управления окраинами складывалась и развивалась параллельно с процессом формирования территории государства, объединившего два континента – Европу и Азию.

В отличие от многих единых государств в Европе, которые складывались и развивались как государства мононациональные, Россия всегда была многонациональной. Уже в Древней Руси восточнославянское население было тесно связано с другими этническими группами. По мере формирования территории единого Российского государства во главе с Москвой многонациональный характер все более усиливался. Роль объединителя различных народов в составе одного государства сыграл русский народ. Народы России принадлежали к различным расам и языковым группам, находились на разных ступенях развития, отличались религией и психологией. В этой связи постановка исследовательской задачи нуждается в определенных пояснениях. Прежде всего отметим, что употребляемое в работе понятие «Сибирь» достаточно условно. С точки зрения географии речь идет о юго-восточной части этого обширного региона, выдающейся достопримечательностью которого является озеро Байкал. Это замечательное озеро, которое сибиряки на протяжении многих поколений нередко называют

морем, делит огромную территорию Сибири на две отличные друг от друга в климатическом, ландшафтном и иных отношениях части – Предбайкалье и Забайкалье. Коренным населением этого региона, наряду с эвенками, тофаларами, являются буряты – самый большой по численности **этнос** из коренных народов Сибири. Этническую основу современных бурят составляли племена эхиритов, булагатов, хори-туматов, обитающие в долинах рек Лены, Ангары, Селенги, Баргузина. Именно эту территорию исследователи нередко называют этнической Бурятией. Бурятские территории сформировались в результате сложных процессов смены мировых систем и центров. С появлением на этих землях русских в сложной политической ситуации наметились новые магистральные пути, определившие судьбы народов монгольского мира, значительно ускорились процессы консолидации монголоязычного населения[1].

Сегодня буряты проживают преимущественно на территории трех субъектов Российской Федерации – Республики Бурятия, Иркутской области и Забайкальского края. В императорской России в границах середины XIX в. это была территория Иркутской губернии, в состав которой наряду с Нижнеудинским, Киренским и другими входил и одноименный Верхнеудинский округ, где коренное население в абсолютном большинстве составляли буряты. Поначалу продвижение русских отрядов в Сибирь носило хаотичный и меркантильный характер. Опорными пунктами землепроходцев стали остроги – Братский, Иркутский, Удинский, Селенгинский, Нерчинский и др., формировавшиеся как военные поселения, которые довольно скоро превратились в административные центры. Процесс инкорпорации Сибири в Россию был довольно длительным и сложным, причем на протяжении XVII и значительной части XVIII вв. в нем преобладали военно-административные методы. Власть здесь шла явно впереди экономики[2]. Уже позже на смену военно-административным пришли политико-административные и экономические методы. При этом, решая стратегические задачи закрепления вновь присоединенных тер-

[1] Базаров Б.В. Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций XVII–XIX вв.: к 350-летию присоединения Бурятии к России // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 2. С. 14, 15, 18.

[2] Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое лит. обозрение, 2007. С. 14.

риторий за Россией, московские, а впоследствии и петербургские власти отводили аборигенному, в данном регионе бурятскому фактору немаловажную роль. Именно поэтому авторы сконцентрировали внимание на эволюции административной политики империи по отношению к бурятам.

Организация административно-территориального устройства и методы осуществления государственной власти являются одними из важнейших качественных признаков любого государства. Вертикаль государственных органов, связующая всё государство, образует собой единую систему, звенья которой взаимосвязаны и взаимозависимы. Вся совокупность государственных органов и органов самоуправления находится в непрерывном развитии, которое диктуется самой жизнью, ибо стратегия развития государства должна отвечать требованиям, которые предъявляет время. Особенно важно определение грамотной административной политики для государств полиэтничных и поликонфессиональных.

Исторически Россия приняла в своё лоно множество народов с различными культурными и религиозными традициями. И в 90-е гг. XX в. остро встал вопрос о роли и месте национально-государственных образований в составе Российской Федерации. Поиски оптимальной модели взаимоотношений центра и национальных окраин в наши дни остаются одной из злободневных проблем. Особенную остроту эта проблема приобретает в связи с проводимыми в Российской Федерации административными реформами. Российское государство использовало различные методы административного управления окраинными территориями. Особый интерес вызывает имперский период российской истории, исследование которого представляет как теоретическую, так и практическую ценность. В сфере межнациональных отношений учет исторического опыта, безусловно, необходим, поскольку эта система как наиболее тонкая требует обдуманной и выдержанной политики. Поэтому исследование эволюции особых национальных органов самоуправления и национальной политики государства в имперский период истории имеет большое значение. Разумеется, исследование в этой сфере должно охватывать всё многообразие и вариативность административной практики в различных регионах. Однако бесспорно и то, что подобное исследование должно обязательно основываться на региональных подходах.

Изучение административной практики и национальной политики государства в отдельных регионах позволит в будущем при использовании компаративного метода выделить общие тенденции и особенности, рассмотреть эту проблему во всей полноте.

Объектом исследования являются народы, проживающие на территории Юго-Восточной Сибири – это буряты, эвенки. Однако главное внимание сконцентрировано на бурятском населении региона. Предмет исследования – эволюция административной политики и практики в области управления народами Сибири на протяжении всего имперского периода российской истории.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала XVIII в. и до 1917 г. включительно. Нижняя граница определяется началом петровской модернизации государства. Важно подчеркнуть, что именно с этого времени начинается упорядочение административного управления коренными народами Сибири. Выбор верхней границы обусловлен распадом в 1917 г. Российской империи и связанных с ней политических институтов власти и управления.

Таким образом, в монографии идет речь о достаточно длительном и сложном, почти трехсотлетнем периоде сибирской истории, на протяжении которого политика самодержавного правительства в Сибири эволюционировала от имперского регионализма в сторону постепенного поглощения империей окраинных территорий. Это дает возможность проследить динамику административной политики применительно не только к народам края, но и к региону в целом, выявить ее наиболее специфические и общие черты, выделить основные этапы ее эволюции в Азиатской России как неразрывной составной части империи. Для авторов было важно проследить, насколько наблюдаемые на примере бурятского населения процессы были характерны и для других народов Сибири. Исповедуемая нами идеология компаративизма в исторических исследованиях повлекла за собой необходимость изучения политики властного освоения империей других окраин государства. Так в поле зрения оказались и Западная Сибирь, и Дальний Восток, и некоторые другие окраинные области государства.

Территориальные рамки исследования охватывают Юго-Восточную Сибирь – территории Иркутской губернии и Забайкаль-

ской области середины XIX в., т. е. современных Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края – основные районы компактного проживания бурят. Бурятское население этих административных образований было и остается тесно связанным между собой общностью социально-экономических, политических и этнических процессов в рамках Российского государства, социокультурными, религиозными и иными традициями.

Депутат Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации,
кандидат исторических наук
А.В. Дамдинов

Глава I. Бурятский этнос и имперская система власти в научной литературе и источниках

§1. Отражение взаимоотношений имперской системы власти и бурятского этноса в отечественной и зарубежной историографии

Имперская проблематика в целом, имперская система управления как ее составляющая, вопросы взаимоотношения империи и окраинных (периферийных) регионов в последние десятилетия приобрели особую актуальность и значимость как в России, так и на Западе. Актуализация имперской проблематики обусловлена общим процессом глобализации, а также рядом серьезных событий, произошедших в мире на рубеже 80–90-х годов XX столетия. Существенное влияние на историографию (в равной степени отечественную и западную) оказал распад последней империи – Советского Союза. В частности, в западной исторической русистике зарождается новый подход к истории России, которая стала восприниматься на Западе как полиэтническая, поликонфессиональная и поликультурная империя.

Изучение имперской системы управления вот уже более века не теряет своей актуальности. Причина тому – «вечно юные, неисчерпаемые вопросы, на которые, по-видимому, вовсе не может быть дано одного определенного ответа, одинаково пригодного для всех эпох и народов»[3]. Интерес к феномену российской государственности, активно демонстрируемый в последнее время историками, юристами, географами, политологами и др., определяется еще и тем, что со времени своего возникновения Россия была государством многонациональным. Уже в Древней Руси славянское население, проживающее в районе Новгорода, было тесно связано с неславянскими племенами меря, весь и др. В даль-

[3] Ивановский В.В. Вопросы государствоведения, социологии и политики. Казань, 1899. С. 244.

нейшем, по мере расширения границ Российского государства, его многонациональный характер постоянно усиливался. В итоге к 1917 г. из примерно 178 млн человек населения России свыше 55% составляли нерусские народы.

В ходе исторического развития Российского государства на его огромном и разнообразном пространстве сложился ряд исторических общностей, отличавшихся существенной индивидуальностью. Для этих общностей было характерно наличие единого как политико-административного, так и историко-географического пространства. При этом каждому из регионов были присущи свои характерные черты протекания имперских процессов. Последние определялись особенностями исторического развития территории, ее природно-климатическими особенностями, ландшафтом, этноконфессиональным составом населения и, наконец, внешнеполитическими обстоятельствами. В этом смысле Прибайкалье и Забайкалье, территория этнической Бурятии, вполне могут быть охарактеризованы как важные регионы Российской империи, значение которых существенно возросло во второй половине XIX столетия в связи с активизацией азиатского вектора внешней политики России.

Интерес к проблемам внутренней, в том числе административной политики России исследуемого периода возник в отечественной историографии в середине XIX в. Генерал М.И. Богданович, историк-юрист А.Д. Градовский, историки права Б.Э. Нольде, Э.Н. Берендтс, Н.М. Коркунов, Н.И. Лазаревский и др. подготовили ряд интересных публикаций об истории государственного управления в России[4]. Однако вопросы управления и правового статуса окраин империи и народов их населяющих в этих работах освещались весьма фрагментарно. Не изменила ситуации и работа выдающегося исследователя русского государственного права, профессора В.В. Ивановского[5]. Тем не менее практические задачи государствоведения, интерес правящих кругов к окраинам, стояв-

[4] Градовский А.Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Русский Архив. 1868. Ноябрь-декабрь; Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб.: 1911; Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации // Записка, 1903. СПб.: 1913; Коркунов Н.М. Русское государственное право. Изд. 6-е. СПб.: 1909; Анучин Е. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с учреждения о губерниях 1775 г. и до последнего времени. СПб.: 1872.

[5] Ивановский В.В. Административное устройство наших окраин. Казань: 1891.

шие перед правительством задачи по организации управления окраинами дали толчок изучению окраинной политики Российского государства. Это положило начало формированию так называемого официального направления историографии.

Одной из российских окраин, которая традиционно обращала на себя внимание как имперских властей, так и исследователей, являлась Сибирь. Современная сибирская историография располагает рядом подробных историографических обзоров по имперской политике в этом регионе[6]. Поэтому обозначим принципиальные моменты научной проблематики. Исследовательский интерес российских историков (в равной степени современных и дореволюционных) к проблеме имперской политики на востоке страны обычно фокусируется вокруг следующих вопросов:

а) административные реформы М.М. Сперанского;

б) управление коренными народами Сибири.

Уже в публикациях первых десятилетий XIX в. А.Ф. Раева и М.Геденштрома находим сведения о хозяйственном укладе и управлении народов Сибири[7]. Для предпринятого нами исследования значение работы М. Геденштрома определяется наличием в ней описания и некоторого анализа управления у бурят. Он отмечает, что «настоящее управление бурят, коренное основание свое получило от графа Саввы Владиславича», «их начальники

[6] Дамешек Л.М., Кузнецов А.С. Сибирская реформа 1822 г. // Очерки истории Сибири. Вып. 3. Иркутск: 1973; Маркова И.Б. Вопросы организации управления Сибирью периода позднего феодализма в советской историографии // Вопросы историографии Сибири и Алтая. Барнаул: 1988. С. 51–63; Копылов А.Н. Управление и политика царизма в Сибири в период феодализма // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск: 1971. С. 102–111; Соболева Т.Н. Управление Колывано-Воскресенским (Алтайским) горным округом в XIX – начале XX вв. К историографии вопроса // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск: 1985; Шишкин В.И. Государственное управление Сибирью в XVII–XIX веках: основные особенности организации и функционирования // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XX вв. Новосибирск: 1998; Предисловие А.Ю. Конева к сборнику документов «Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.)». Тюмень: 1999; Ремнев А.В. Имперское управление в 1822–1897 азиатскими регионами России в XIX – начале XX веков. Некоторые итоги и перспективы изучения. http: //www.zaimka.ru/remnev3.shtml; Очерки историографии Сибири эпохи империи. (XVIII – начала XX века) / отв. ред. Л.М. Дамешек. Иркутск: изд-во ИГУ, 2017; Дамешек И.Л. Современная отечественная историография по управлению Сибирью в 1822–1917 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. Том 26. 2019. № 3. С. 5–12.

[7] Геденштром Ю.А. Отрывки о Сибири. СПб.: 1830; Раев А.Ф. Буряты // Вестник географического общества. 1858. Т. XXIV.

суть: один главный тайша, несколько тайшей, товарищей главному, и множество подчиненных им шуленгов и зайсанов. Все сии старшины избираются народом бессрочно, и утверждаются Губернским правлением; они свободны от податей, которые оплачивает за них народ. Главный тайша получает предписания от Земского начальства и передает их чрез свой дзурган или контору к исполнению шуленгам и зайсанам». Такая система управления, основанная на пожизненном занятии должности родоначальниками, на их неограниченной власти над своим народом, освобождении от уплаты податей и повинностей, приводила к социальной и имущественной дифференциации бурятского населения. М. Геденштром проводит параллель инородческого управления с сельским крестьянским: «Вообще все управление приноровлено к сельскому. Главный тайша представляет голову; дзурган или контора волостное правление; а шуленги и зайсаны старост и выборных».

В статистико-экономическом обозрении Л. Львова указываются основные занятия и повинности сельского населения Забайкалья[8]. В статьях Н.С. Щукина дана характеристика хозяйства и быта бурятского населения. Тем не менее отметим, что названые публикации носят обзорно-описательный характер[9].

Демократическое направление на первом этапе дореволюционной историографии представлено декабристами П.И. Пестелем, Н.А. и М.А. Бестужевыми, М.К. Кюхельбекером. В «Русской правде» П.И. Пестель призывает к улучшению положения сибирских народов, при этом важнейшую задачу он видел в переходе кочевых и бродячих племен к оседлости[10]. Впоследствии эти положения нашли отражение в сочинениях ссыльных декабристов, интерес которых к вопросам сибирского краеведения был обусловлен их общественно-политическими взглядами и культурно-просветительскими задачами. Кроме того, Забайкалье привлекло внимание декабристов малоизученностью, своеобразным составом, специфическим укладом общественной и хозяйственной жизни.

[8] Львов Л. Обозрение Забайкальского края // Русский вестник. 1842. №№ 7–10.

[9] Щукин Н.С. Буряты // Журнал МВД. 1849. Ч. 25. Быт крестьян Восточной Сибири // Журнал МВД. 1859. Ч. 34. Кн. 2. Исследование о народах, обитающих в Сибири // Журнал МВД. 1860. Ч. 66. Кн. 5.

[10] Восстание декабристов. Документы. Т. 7. М.: 1958. С. 145–146.

Длительное пребывание в Забайкалье в период каторги и ссылки позволило декабристам хорошо познакомиться с «братским» населением региона. В своих статьях и очерках декабристы Н.А и М.А. Бестужевы, М.К. Кюхельбекер дают интересный материал о хозяйстве, социальных отношениях, управлении, быте и нравах бурят[11]. Этнографическую ценность представляет очерк Н.А. Бестужева «Гусиное озеро», интерес представляют также работы «Бурятское хозяйство» и «Очерки забайкальского хозяйства», посвященные быту и хозяйству бурят. М.К. Кюхельбекер сравнивает управление бурят с русским крестьянским и отмечает следующие особенности:

во-первых, желание многих бурят занять общественную должность, приносившую не только материальные блага, но и почетный чин обер-офицера, награждение кортиками, шпагами и медалями и, как следствие, приводящую к острой борьбе за власть;

во-вторых, почтительное отношение бурят к своему начальству;

в-третьих, наличие коллегиального начала в управлении.

Он отмечает, что «главные старшины строги к старшинам, им подчиненным, и порою жестоко их наказывают; в общественных делах они очень рассудительны и осторожны, долго советуются и терпеливо выслушивают мнения почетных»[12].

Нельзя не отметить исследование П.А. Словцова «Историческое обозрение Сибири», одну из первых серьезных работ по истории Сибири дореволюционного периода[13]. Исследуя историю Сибири в тесной связи с историей России, он рассматривал историю сибирских народов только как часть русского освоения Сибири: «История Сибирская есть добавка к Русской, равно как сама Сибирь для правительства представляет боковую дверь в Азию и Америку. Не трудно предвидеть время, когда законодательство и образованность умственная, поравняв Сибирь с Россией, тем самым закончат отдельность здешней истории», – писал П.А. Словцов.

---

[11] Бестужев Н.А. Бурятское хозяйство; Он же. Гусиное озеро; он же. Очерки забайкальского хозяйства; Кюхельбекер М.К. Краткий очерк Забайкальского края // Декабристы о Бурятии. Статьи, очерки, письма. Улан-Удэ: 1975.

[12] Кюхельбекер М.К. Краткий очерк Забайкальского края // Декабристы о Бурятии. Статьи, очерки, письма. Улан-Удэ: 1975. С. 47.

[13] Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1, 2. СПб.: 1886. 2-е изд.

Еще одним исследователем инородческой жизни был С.С. Шашков[14]. Он считал Сибирь завоеванной колонией, которая влекла всех жаждавших наживы. Реформы М.М. Сперанского он квалифицировал как попытку внести европейское цивилизующее начало, пресеченную в самом своем первоначальном виде, поэтому не внесшими никаких перемен в сибирскую жизнь. Его исследования о бурятах были опубликованы на страницах Иркутских губернских ведомостей[15].

Применительно к теме данного исследования прежде всего следует отметить дореволюционные работы М.А. Корфа и В.И. Вагина, посвященные первому проявлению имперского регионализма применительно к данной окраине, которым явилась сибирская реформа М.М. Сперанского[16]. Барон М.А. Корф оценивал преобразования М.М. Сперанского с точки зрения представителя высшей бюрократии николаевского периода, каковым он и являлся. При этом автор исходил из идеи незыблемости монархии в России и возможности совершенствования системы управления страной путем частичных реформ. Вследствие этого М.А. Корф утверждал, что реформа 1822 г., осуществленная М.М. Сперанским в Сибири, носила радикальный характер. В.И. Вагин в целом достаточно высоко оценил преобразования 1822 г. Однако, являясь представителем раннего демократизма, он одним из первых в историографии стал открыто говорить об ограниченности реформ М.М. Сперанского в Сибири, о несовершенстве организации совещательных советов на всех уровнях управления.

Книга В.И. Вагина дала толчок для представителей иного направления в историографии – демократического. Представителями этого направления являлись А.П. Щапов и идеологи зарождающегося сибирского областничества Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин. Занимаясь активной научно-публицистической деятельностью во время подготовки и проведения реформ сибирского управления, они фактически заложили начало работ по комплексному изучению проблем отношений центра и окраин и

[14] Шашков С.С. Собрание соч., Т.2. СПб.: 1898. С.632–652

[15] Иркутские губернские ведомости. 1858 г. № 11. С. 3–5; там же. № 12. С. 6; там же. № 18. С. 6–7.

[16] Корф М.А. Жизнь графа Сперанского в 2-х тт. СПб.: 1861; Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. Т. 1–2. СПб.: 1872.

внесли существенный вклад в изучение управления Сибирью. В конечном итоге именно областники стали основателями регионализма, причем не только как влиятельного общественного течения, но и как особого научного направления[17].

Значительное место в историографии имперской политики на восточных окраинах России занимает статья А.П. Щапова «Сибирское общество до Сперанского»[18], представляющая собой рецензию на вышеуказанное сочинение В.И. Вагина. В работе выражено стремление автора оценить имперский регионализм – а именно преобразования 1822 г. – с точки зрения интересов рядовых сибиряков. Вместе с тем автор статьи полагает, что сибиряки были не в состоянии воспринять реформы М.М. Сперанского, поскольку его идеи были чужды тогдашнему сибирскому обществу. А.П. Щапов оказался прав – воспоминания многих сибиряков свидетельствуют о том, что большинство местных жителей, современников преобразований 1822 г., не поняли и, соответственно, не оценили ни саму реформу, ни деятельность в крае ее «прародителя» – М.М. Сперанского.

Одним из первых областников, кто откликнулся на труд В.И. Вагина, был Н.М. Ядринцев, чья статья «Сперанский и его реформы в Сибири» была включена в широко известную книгу «Сибирь как колония»[19]. В ней находим краткий очерк организации управления краем с начала XVII в. и до реформ М.М. Сперанского, достаточно подробное описание нравов чиновников, правление Пестеля – Трескина и ревизии новоназначенного сибирского генерал-губернатора. Однако отличительной чертой статьи является невысокая оценка преобразований реформатора, которые были очень скромны и не принесли ощутимых результатов. Он вслед за В.И. Вагиным указывает на недостатки «Учреждения» 1822 г. (в этом вопросе Н.М. Ядринцев солидарен с автором «Исторических сведений...») и дает оценку преобразованиям по истечении 50 лет со дня начала их реализации. Н.М. Ядринцев заключает, что основные цели программы М.М. Сперанского оказались не достигнутыми вследствие недостатков самого «Учрежде-

[17] Ремнев А.В. Западные истоки сибирского областничества // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб.: 1997. С. 142–156.

[18] Щапов А.П. Соч. Т. 3. СПб.: 1908.

[19] Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб.: 1892; Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: 1983. Т. 6.

ния». Между тем в работе Н.М. Ядринцева присутствует не только достаточно жесткая критика реформы 1822 г., но также намечается областническая программа реформ в современной ему Сибири. Характеризуя управление инородцев, он считает, что Устав 1822 г. был «гуманным» и «замечательно доброжелательным по духу», однако «он не мог осуществиться и повел только к недоразумениям»[20]. По мнению Н.М. Ядринцева, установление М.М. Сперанского существовало около 50 лет, и после него этот опыт дал достаточные результаты, чтобы судить о нем. Придуманные М.М. Сперанским советы далеко не оправдали своего назначения: они не нашли никакой самостоятельности и не были ни гарантией от злоупотреблений, ни ограничивали власть отдельных начальников. Степные думы он сравнивал с волостными управлениями, которые на практике подчинялись земским судам[21].

В конце XIX – начале XX вв. развивающийся капитализм внес существенные коррективы в социальные отношения. В условиях Сибири одним из проявлений этого процесса стала эволюция демократического областничества к либерализму[22]. В этот период публикуются работы представителей позднего областничества, которые использовали взгляды Н.М. Ядринцева о вымирании коренных народов Сибири и пагубном влиянии русской цивилизации на их судьбы.

И.И. Серебренников, основываясь на статистических материалах Восточной Сибири, выдвигал тезис о сокращении численности инородцев[23]. Выход из создавшегося положения он видел в образовании Сибирской областной думы, которая мероприятиям по улучшению быта аборигенов придала бы наиболее скорое и целесообразное начало. Такой же подход к исследованию аборигенов Сибири содержится в трудах П.М. Головачева[24]. Он отрицал общие закономерности в развитии Европейской России и Сибири, преувеличивал «особенное и исключительное место Сибири». Переселенческий поток, строительство Сибирской

[20] Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб.: 1882. С. 108.

[21] Там же. С. 87.

[22] Дамешек Л.М. Историография и источниковедение истории Сибири эпохи капитализма. Иркутск: 1990. С. 16.

[23] Серебренников И.И. Инородцы в Сибири, их состав и занятия. (Стат. сб.). Иркутск: 1913; он же. Инородческий вопрос в Сибири. Иркутск: 1917; он же. Сибиреведение. Харбин: 1920.

[24] Головачев П.М. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М.: 1902.

железной дороги привели к изменениям в хозяйственном строе инородческого и крестьянского населения Сибири – сокращается скотоводство, земледельческие приемы устаревают, хищнически истребляется лес. Выход из сложившейся ситуации П.М. Головачев видит в отмене ссылки, улучшении системы суда путем введения присяжных, улучшении медицинской системы и развитии образования. Отмечая положительное влияние русских на бурят в распространении земледелия, хлебопечении, улучшении жилищ, питания, одежды, он пишет об отрицательном влиянии, которое выражалось в распространении пьянства, воровства, азартных игр в карты[25].

Н.Н. Козьмин является одним из активных деятелей позднего областничества. Он разделял мнение П.М. Головачева о самобытности Сибири, пагубном влиянии русских на коренное население Сибири[26]. Если на начальном этапе представители раннего областничества (Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев и др.) хотели добиться отделения Сибири от России, то главной целью поздних областников стало получение самоуправления в составе Российской империи.

Одним из важных пунктов программы поздних областников стало (кроме предложений об отмене ссылки в Сибирь, открытия Сибирского университета, распространения суда присяжных, широкого самоуправления и др.) разрешение инородческого вопроса. Работы Н.Н. Козьмина представляют большой интерес для исследователей истории сибирских народов[27]. Его статьи и исторические очерки охватывали большой круг тем за период с XVI по начало XX вв. Это вопросы присоединения и освоения Сибири, истории хакасов, бурят и якутов, в которых он уделял большое внимание защите их интересов и прав. В целом положительно характеризуя реформы М.М. Сперанского, он пишет о значительном расхождении между законом и практикой в управлении инородцами и приводит наставление губернатора Степанова, данное инородческим властям по поводу введения нового устава: «За такие милости царские должны вы жить мирно, взносить малые

[25] Головачев П.М. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М.: 1902. С. 134–135.

[26] Козьмин Н.Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб.: 1910.

[27] Козьмин Н.Н. Избранные труды: Хакасы. Туба. Князь Иренак. Д.А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае. Абакан: Журналист, 2010. С. 311.

подати и повинности ваши в назначенные сроки бездоимочно и повиноваться окружному начальнику; к нему-то должна относиться с донесениями Степная дума и ходатайствовать о пользе родовичей»[28].

Взгляды Н.М. Ядринцева оказали влияние на С.М. Прутченко. Ему, как чиновнику канцелярии Комитета министров, было поручено подготовить к публикации документы I и II Сибирских комитетов. Двухтомный труд С.М. Прутченко отмечается богатством фактического материала, посвященного проблемам управления Сибирью. Он, как и сам М.М. Сперанский, придавал большое значение правовой регламентации регионального управления. Поэтому неудивительно, что проблемы управления Сибирью он связывал с неспособностью правительства учитывать своеобразие местных условий. Вместе с тем С.М. Прутченко отмечал, что административной политике самодержавия на окраинах были присущи некоторые общие принципы, характерные в целом для российского государственного управления: «Кость от кости и плоть от плоти общерусского управления, – подчеркивал он, – система сибирского управления находилась в непосредственной зависимости от того, в какой мере представлялись разрешенными в коренных областях государства те трудности, которые неразлучны с постановкой управления слагающегося государства»[29]. Важным представляется замечание С.М. Прутченко о том, что «Учреждение» М.М. Сперанского «вносило в русское законодательство признание необходимости областной организации внутри Российской империи»[30]. Заметим, что «Сибирские окраины» С.М. Прутченко являются одной из наиболее значимых работ дореволюционной историографии по проблеме имперской окраинной политики в Сибири.

В окраинной политике немалое значение имел личностный фактор. Деятельность талантливых администраторов – генерал-губернаторов М.М. Сперанского и Н.Н. Муравьева – обусловила значительную активизацию политики империи приме-

[28] Козьмин Н.Н. Избранные труды: Хакасы. Туба. Князь Иренак. Д.А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае. Абакан: Журналист, 2010. С. 159–160.

[29] Прутченко С.М. Сибирские окраины. Историко-юридические очерки. Приложения. Т. 1. СПб.: 1899. С. 5–6.

[30] Там же. Т. 1. С. 279.

нительно к Сибири и в конечном итоге инициировала целый ряд правительственных мероприятий в этом регионе.

Попытку дальнейшего изучения административной политики самодержавия в отношении Сибири через призму конкретной личности осуществил И.П. Барсуков[31]. Как и издание М.А. Корфа, это сочинение является биографией, только уже другого выдающегося администратора – Н.Н. Муравьева. Вследствие этого имперская политика на восточных окраинах в 1848–1861 гг. рассматривается И.П. Барсуковым сквозь призму деятельности (лишь как один из ее эпизодов) этой, безусловно, одаренной личности. В основе данной части монографии лежат уже известные нам воспоминания современников и сослуживцев Н.Н. Муравьева, главным образом Струве, Милютина и некоторых других[32]. Вследствие указанной причины мы не находим в книге каких-либо неизвестных нам ранее фактов и характеристик, относящихся к политике правительства в Сибири. В то же время сочинение И.П. Барсукова представляет немалую историческую ценность как сборник исторических документов: первая книга содержит в себе обширную переписку Н.Н. Муравьева со своими братьями и друзьями, ранее не публиковавшуюся; вторая включает 162 документа, относящихся к деятельности Н.Н. Муравьева (преимущественно к ее «сибирскому» периоду) – некоторые его записки и проекты по разным делам, а также донесения великому князю Константину, императорам Николаю I, Александру II и их министрам. Все эти документы впервые увидели свет благодаря И.П. Барсукову.

Таким образом, в дооктябрьский период тема окраинной политики российской империи привлекла внимание авторов различных идейных течений. Досоветскими исследователями были введены в научный оборот некоторые нормативные и делопроизводственные источники, мемуары, документы эпистолярного жанра, высказаны общие замечания об окраинной политике и намечены некоторые подходы к теме. На примере восточной окраины интересующие нас вопросы затрагиваются в основном в связи с личностью М.М. Сперанского и в меньшей степени – с личностью Н.Н. Муравьева. Сибирь выступает у этих исследователей прежде

[31] Барсуков И.П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский: В 2-х т. М.: 1891.

[32] Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма. (Компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск: 2002. С. 180–181.

всего полем для приложения реформаторских усилий высокопоставленных администраторов, а не объектом исследования.

На этом этапе происходит процесс осмысления основных теоретических и практических проблем темы местного самоуправления, выявивших разные подходы к природе местного самоуправления. Так, в 1860-х гг. получила распространение общественная теория (В.Н. Лешков, А.И. Васильчиков и др.), представители которой выступали за сведение правительственного надзора над местным самоуправлением к минимуму, за особую самостоятельность прав самоуправления. В 1870-х гг. появляется государственная теория (Н.М. Коркунов, Н.И. Лазаревский, А.Д. Градовский, В.П. Безобразов), согласно которой социальной сферой должно было заниматься государство, используя органы местного самоуправления. Несмотря на интерес к истории государства, теоретические разработки проблем местного самоуправления, история управления окраинами Российской империи так и не нашла должного освещения.

Из представителей бурятской интеллигенции приверженцем идей областничества был Э.-Д. Ринчино. В 1914 г. появляется его статья, в которой он выступает в поддержку идей позднего областничества о том, что «Сибирь не может жить без Европейской России, также и Россия без Сибири». Далее он отмечает, что с ростом духовной и экономической культуры Сибири развитие идей областничества «пойдет вперед еще интенсивнее, чем теперь»[33]. Вслед за областниками Э.-Д. Ринчино пишет о том, что инородческая действительность в Сибири в прошлом и настоящем является «кошмарной хроникой постепенного истребления, растления и развращения многочисленных сибирских народностей…». Выход из создавшейся ситуации он видел в развитии культуры, «просвещения в квадрате, кубе…».

Относительно управления бурят Э.-Д. Ринчино дает положительную оценку Уставу об управлении инородцев 1822 г. и отмечает, что «при великом Сперанском сибирские народности увидели было свет правды и справедливости…». Последствиями проведения волостной реформы он считал дальнейшее вымирание многих сибирских инородцев, в том числе и монголо-бурят,

[33] Ринчино Э.-Д. Областническое движение в Сибири и социал-демократия // Ринчино Э.-Д. Документы, статьи, письма. Улан-Удэ: 1994. С. 33.

происходящее на почве медицинской беспомощности и экономической закабаленности, обостренных изъятием инородческих земель для поддержания сибирского колонизационного фонда[34].

Важное место в дореволюционной историографии занимают исследования представителя буржуазно-либерального направления А.А. Кауфмана[35]. Он значительно расширил источниковую базу, ввел в научный оборот материалы статистико-экономических обследований крестьянских хозяйств Сибири, всероссийской переписи 1897 г. А. Кауфман выступал в защиту принципа государственной собственности на земли, занятые инородцами, и утверждал, что притязания инородцев на земли превышают их действительные потребности. Внимательно изучив колонизационный вопрос, он пришел к выводу, что «переселение в коренную Сибирь не может и не должно быть значительным», оно должно быть «сообразовано не только с наличными или возможными запасами земельного фонда, но главное, – с широтой того колонизационного базиса, на который может опереться дальнейшее заселение». Колонизация должна идти с такой постепенностью, при которой вновь возникающие поселения имели бы достаточно крепкий и широкий базис, как в смысле заработков, так и в смысле приобретения продуктов и инвентаря в ранее возникших и хозяйственно окрепших поселениях[36]. Его заслугой является то, что он внимательно исследовал историю сельской общины русских крестьян и кочевых народов Сибири.

В истории Сибири конца XIX – начала XX вв. видное место занимало народническое течение, ярким представителем которого является Д. Клеменц[37]. Он выступил в своих статьях с резкой критикой землеустроительной политики царского правительства, принудительного перевода кочевников на оседлость. Д. Клеменц отметил необоснованность норм наделения землей бурят-скотоводов и единственную практическую цель установления этой нормы видел в том, что правительство хотело с ее помощью выкроить

[34] Ринчино Э.-Д. Бато-Далай Очиров // Документы, статьи, письма. Улан-Удэ: 1994. С. 89, 97.

[35] Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб.: 1905; он же. Сибирские вопросы в сельскохозяйственных комитетах 1902 г. // Сибирские вопросы. 1905 г. № 1. С. 1–32.

[36] Кауфман А.А. Колонизация Сибири в ее настоящем и будущем // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 200.

[37] Клеменц Д. Заметки о кочевом быте // Сибирские вопросы. 1908. № 49–52. С. 7–57; он же. На текущие темы // Сибирские вопросы. 1909. № 1. С. 14–17.

земельные излишки у бурят для устройства переселенческих участков среди бурятских кочевий. Относительно управления кочевых народов он указывает на положительные стороны родовой организации, при которой родович «может рассчитывать, что его не выдадут, не сделают козлом отпущения». Далее Д. Клеменц отмечает, что «причины злоупотреблений властью и богатством – одни и те же у русских и у бурят, и особых средств для избавления от этих зол изобретать не нужно»[38]. Будущее кочевых народов он связывает с «усовершенствованием кочевого быта» и призывает правительство к оказанию им «помощи культурной».

В этот же период публикуются работы Н. Астырева о бурят-монголах Иркутской губернии[39], П.Е. Кулакова об ольхонских бурятах[40], Д.М. Головачева о населении агинских бурят, В.В. Солдатова о хозяйственном быте агинских бурят[41], С. Патканова, А.И. Термена, Б.Э. Петри[42], которые дают обширный фактический и статистический материал.

А.И. Термен рассматривает регионы Иркутской губернии и Забайкальской области с точки зрения пограничного фактора, проблем христианизации бурят, отмечая, что «миссионеры не дали бурятам теплоты веры». Он описывает свои впечатления от встреч с бурятами, указывает на их социальное расслоение[43].

На наш взгляд, особо следует отметить трехтомное издание А.П. Васильева «Забайкальские казаки», вышедшее в 1916–1918 гг.[44] Ценность работы заключается в том, что она основана на значительном количестве источников, и в ней содержатся обширные

[38] Клеменц Д. Заметки о кочевом быте // Сибирские вопросы. 1908. № 49–52. С. 49, 51.

[39] Астырев Н. Монголо-буряты Иркутской губернии // Северный вестник. СПб.: 1890.

[40] Кулаков П.Е. Ольхон. Хозяйство и быт бурят Еланцинского и Кутульского ведомств Верхоленского округа Иркутской губернии. СПб.: 1896.

[41] Труды Агинской экспедиции. Материалы по исследованию Агинской степи Забайкальской области, произведенному в 1908 г. Читинским отделением императорского Русского географического общества. I. Население. Д.М. Головачев. II. Хозяйственный быт. В.В. Солдатов. Чита: 1911.

[42] Патканов С. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб.: 1911; Термен А.И. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области. Очерки и впечатления. СПб.: 1912; Петри Б.Э. Среди кудинских бурят. // Изв. Русского ком. для изучения Средней и Восточной Азии. СПб.: 1913. Сер. 2. Вып. 3.

[43] Термен А.И. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области. Очерки и впечатления. СПб.: Типография МВД, 1912. 130 с.

[44] Васильев А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк в 3 т. Т. 1, 2, 3. Репринтное воспроизведение издания 1916–1918 гг. 893 с. 156 с. Прил.

сведения по истории забайкальского казачества, монголов, инородцев, колонизации Забайкалья с середины XVII в. до начала XX в. Несмотря на погрешности в оформлении научно-справочного аппарата, как пишет сам автор, каждая строчка в работе опирается на исторический документ. В книге опубликованы документы и фактические материалы о количестве и составе населения, хозяйственной жизни Забайкалья в различные периоды и т. д., использованы самые различные виды исторических источников.

Неоценимый вклад в исследование темы внесли первые публикации бурятских просветителей и ученых М.Н. Хангалова, Ц. Жамцарано, М.Н. Богданова, Г.-Ж. Цыбикова[45]. Несмотря на то, что они по-разному подходили к оценке истории бурятского общества, их работы объединяет знание своего народа, забота о перспективах его развития.

Заслуживает внимания теория М.Н. Хангалова о наличии у бурят в далеком прошлом особой формы общественных отношений, при которой в основе хозяйственной жизни общины лежала облавная охота и вся совокупность социальных институтов точно соответствовала организационной структуре облавы. Особую ценность представляет его работа «Юридические обычаи у бурят», в которой он приводит два архивных документа – приказ земского заседателя М. Карамзина главному балаганскому тайше Андрею Назарову о предоставлении сведений о нормах обычного права и общественный приговор Балаганского братского общества от 1 апреля 1818 г. о желании сохранения своих обычаев в управлении и судопроизводстве. К ней были приложены сведения «Об образе суждения иноверческими начальниками в прежние времена своих подчиненных в предоставленных им делах» с примечаниями М.Н. Хангалова[46], являющиеся ценным источни-

[45] Хангалов М.Н. Зэгэтэаба. Общественные охоты у северных бурят. Зэгэтэаба у кудинских бурят. Юридические обычаи бурят. Некоторые нормы обычного права бурят и др. // Собр. соч. Т. 1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 552 с.; Жамцарано Ц. О правосознании бурят // Сибирские вопросы. 1906. № 2; он же. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: 2001; Богданов М.Н. Иркутские буряты и землеустройство // Сибирские вопросы. 1908. № 31–32; он же. К вопросу о бурятском многоземелье // Сибирские вопросы. 1908. №39–40; С. 35–46; Ринчино Э.Д. Областническое движение в Сибири и социал-демократия. //Документы, статьи, письма. Улан-Удэ: 1994.

[46] Хангалов М.Н. Юридические обычаи у бурят // Собр. соч. Т. 1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. С. 153–165.

ком по истории управления и суда бурят до принятия Устава об управлении инородцев 1822 г.

Г. Цыбиков дает отрицательную характеристику Устава 1822 года как акта, консервирующего старые общественные отношения и тормозящего развитие бурятского общества. Он с горечью отмечал, что «жизнь идет вперед так неизменно и быстро, что буряты не опередили ее благодаря уставу 1822 года, а, напротив, далеко отстали от современных форм общественной жизни, вследствие чего им нужно делать не шаг назад или топтаться на месте, а идти ускоренно вперед и вперед, вырабатывая новые и новые способы успешного прогресса и племенного самосохранения»[47].

Ц. Жамцарано являлся одним из лидеров народнического течения общественно-политической мысли бурят, суть которого он определял как «течение против нивелировки и централизма, против искусственного поглощения одной народностью другой, меньшинства большинством, слабого сильным»[48]. Он написал публицистические статьи, в которых были сформулированы его взгляды по вопросам социально-экономического, политического и культурного развития бурятского народа. Ц. Жамцарано резко выступил против земельно-административной реформы, идеализировал родовые порядки: «…род и родовой строй с родовыми старейшинами был для бурят авторитетом нравственности и оплотом от дурного влияния со стороны …»[49].

Особого внимания заслуживает статья о правосознании бурят, в которой он с народнических позиций оценивает «печальное» положение бурят в Российском государстве, вынужденных вести борьбу «с местными властями и миссионерами и с центральным правительством за свои «породные земли», за общинное землепользование, за свои хозяйственные интересы, за неприкосновенность национальных особенностей и свободу в гражданско-экономической и духовно-правовой жизни, которая достигает своего апогея при Николае II, когда к инородцам была приставлена «сильная и близкая власть» в лице крестьянских начальников, когда были стерты с лица земли начатки самоуправления, данные бурятам гр. Сперанским, и заменены волостными правлениями

[47] Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. Т. 1. Новосибирск: 1991. С. 20.

[48] Жамцарано Ц. Народническое движение бурят и его критика // Сибирские вопросы. 1907. № 21.

[49] Жамцарано Ц. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: 2001. С. 26.

и судами, при полном подчинении произволу администрации»[50]. По его мнению, отбывание воинской повинности бурятами является «самой важной и тяжелой общегосударственной повинностью», поэтому все буряты отрицательно относились к несению повинности в форме солдатской и казацкой службы. Такими же тяжелыми повинностями для бурят были дорожная и подводная, которые однако же безропотно несутся бурятами. Несмотря на тяжесть повинностей, правосознание бурят позволяет нести их как нечто великое, чуть ли не религиозного характера, автор даже приводит бурятскую поговорку: «Кто от повинностей бежит, тот недобрый человек».

М.Н. Богданов, лидер западнического течения, выступал за введение единого с русским населением земского управления: «Спасение наше не в том, чтобы дрожать над выдуманными нами национальными особенностями, а в возможно скором и прочном усвоении цивилизации»[51]. Ц. Жамцарано характеризовал это направление как течение в сторону нивелировки, однообразия, скорейшей ассимиляции с русскими вплоть до отказа от родного языка, литературы[52]. В своих публикациях М.Н. Богданов выступал за справедливое земельное устройство в отношении бурят: «Бурятское население ближе к природе, живет почти исключительно земледельческо-скотоводческим хозяйством. Этим легко объясняется то, что всякое стеснение земельного простора чувствуется бурятами гораздо интенсивнее, чем русскими».[53]Он открыто высказывал свое возмущение несправедливостью землеустроительных органов по отношению к бурятам, стремящихся путем «вытравливания» бурят освобождать колонизационный фонд. В своих статьях он опровергает теории о бессилии, слабости и неустойчивости «низших рас», о неизбежном их вымирании и вырождении при столкновении с высшей культурой.

Несомненный интерес представляют исследования проблемы обычного права коренных народов России, в том числе и Сибири. Материалы по обычному праву стали активно собираться по ини-

[50] Жамцарано Ц. О правосознании бурят // Сибирские вопросы. 1906. № 2. С. 168–169.
[51] Богданов М.Н. Бурятское возрождение // Сибирские вопросы. 1907. № 3. С. 50.
[52] Жамцарано Ц. Народническое движение бурят и его критика // Сибирские вопросы. 1907. № 21.
[53] Богданов М.Н. Иркутские буряты и землеустройство // Сибирские вопросы. 1908. № 31–32. С. 42.

циативе правительства в начале 1840-х гг. и первые работы появились в 1870-х гг.

Публикацией памятников обычного права сибирских инородцев в сборнике Д.Я. Самоквасова в 1876 г. было положено начало научным исследованиям в этой области. В сборник были включены нормы обычного права верхоленских, кудинских, тункинских, балаганских, идинских, хоринских и селенгинских бурят (1823 г.). Несмотря на утверждения составителя о том, что предлагаемый им сборник обычного права сибирских народов «представляет собой драгоценнейший для науки материал, подобного которому по полноте и качеству не существует в литературе»[54], с источниковедческих позиций сведения, содержащиеся в данных материалах, имеют недостатки, уже отмеченные в научной литературе: очевидная неточность и неполнота перевода, примерная передача смысла правовых норм и др.

А.Т. Тумурова отмечает, что по библиографическим данным Е.И. Якушкина, начиная с 1823 г. по начало XX в. в самых разных изданиях было опубликовано не менее 40 статей, содержащих сведения об обычном праве бурят. Для всех этих публикаций характерно преобладание этнографического аспекта освещения проблемы. Это было следствием господства точки зрения на обычное право аборигенов как на неперспективное и малозначимое для юридической науки явление.

Некоторые памятники обычного права бурят оказались предметом специального изучения в исследованиях Ф.И. Леонтовича и И.Я. Гурлянда, посвященных разработкам в области монгольского и общеойратского феодального права[55]. Однако ученые не признавали самостоятельного значения правотворчества бурят, считая его в основном заимствованием ойратского устава взысканий «Цааджинбичиг» 1640 г., других монгольских источников.

Вопросам применения норм обычного права в судопроизводстве бурят посвящено исследование миссионера-священника К. Стукова. Его статья «Нечто о монголо-бурятской присяге» связывает общепринятую божбу у бурят со Сводом законов китайской палаты для управления делами Монголии, в котором было

[54] Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава: 1876. С. IX.

[55] Кистяковский А. Собрание и разработка материалов обычного права. СПб.: 1876; Леонтович О.И. К истории права русских инородцев. Одесса: 1879; он же. Калмыцкое право. Одесса: 1880; Гурлянд И.Я. Ойратский устав взысканий. Одесса: 1885.

предусмотрено принятие присяги обвиняемым в случаях отсутствия свидетелей или же непризнания им своей вины[56].

Среди исследователей, занимавшихся изучением бурят, выделяется М.А. Кроль[57]. Изучая быт, обычное право и хозяйственный уклад бурят и тунгусов, он приходит к выводу, что географические условия и степень взаимодействия местного населения с пришлым русским определили качественные изменения в указанных сферах. М.А. Кролю была свойственна некоторая идеализация правительственной политики. Он считал, что главной целью договора наместника Ф. Головина и тайш 1689 г., Степных уложений XVIII в., Устава об управлении инородцев 1822 г. было стремление ослабить произвол бурятских родоначальников, а не желание правительства ввести коренное население Сибири в систему российского управления и подданства, защитить свои финансовые интересы, хотя потом и оговаривался, что «на деле русская администрация часто потворствовала произволу бурятских начальников, которые продолжали грабить своих соплеменников»[58].

Таким образом, в дооктябрьский период тема окраинной, в том числе инородческой политики привлекла внимание авторов различных идейных течений. Досоветскими исследователями были введены в научный оборот некоторые нормативные и делопроизводственные источники, мемуары, документы эпистолярного жанра, высказаны общие замечания об окраинной политике и намечены некоторые подходы к теме. На примере бурят интересующие нас вопросы затрагиваются в основном в связи с личностью М.М. Сперанского. Сибирь выступает у этих исследователей прежде всего полем для приложения реформаторских усилий высокопоставленных администраторов, а не объектом исследования.

В первые послеоктябрьские десятилетия не было издано специальных работ по изучаемому вопросу. Одной из причин

[56] Стуков К. Нечто о монголо-бурятской присяге / К. Стуков // ИЕВ. Прибавления. 11 августа 1879 г. № 32. С. 357–364.

[57] Кроль М.А. О забайкальских бурятах // Записки Читинского отделения Приамурского отдела РГО. 1896. Вып.1. Он же. Очерк экономического быта инородцев Селенгинского округа // Протокол обыкновенного общего собрания Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО. 1896. № 3.

[58] Шахерова С.Л. Инородческий вопрос в трудах присяжного поверенного М.А. Кроля / С.Л. Шахерова // Иркутску 350 лет – история и современность. Материалы всероссийской научно-практической конференции «Сибиряковские чтения» 12–13 октября 2011 г. Иркутск: Оттиск, 2011. С. 181–182.

этого являлась смена идеологии в стране. Тенденции тотальной критики всего дореволюционного не позволили дать объективной оценки. Первый этап (1917 г. – середина 1930-х гг.) характеризуется относительным плюрализмом в сфере исторического знания. Его основным содержанием стало складывание марксистской исторической концепции и вытеснение иных теоретико-концептуальных подходов. В этот период появляются труды С.В. Бахрушина[59], с именем которого связано становление марксистского направления в советском сибиреведении. Он оценивал Устав 1822 г. как важный памятник, свидетельствующий о попытке урегулировать жизнь туземного населения Сибири и его отношения с русскими, защитить экономическое благосостояние и самобытный строй туземцев. С.В. Бахрушин первым из советских историков показал противоречивый характер Устава 1822 г. Подчеркивая колониальную направленность политики царизма, он отмечал, что русское правительство стремилось властвовать над туземцами с помощью родовых князей и старшин, а Устав 1822 г. сохранял привилегии туземной родовой знати различных племен. Исследователь подвергался критике за преувеличение роли «торгового капитализма» в колонизации Сибири.

Этой же критике подвергались Е.Я. Драбкина и Л.П. Мамет[60]. Они критиковали национальную политику царизма в Сибири и отмечали связь сибирского землеустройства со стремлением правительства сохранить помещичье землевладение в центре страны. Надо также отметить работу С.Б. Окунь о колониальной политике царизма на Камчатке.

По мнению Ф.А. Кудрявцева, именно после Октябрьской революции начинается совершенно новый период в изучении истории Сибири, в частности Бурятии. Его началом он считает 1920–1921 гг., время после гражданской войны, когда создаются благоприятные условия для научно-исторических исследований. Развитие партийного, советского, хозяйственного и культурного строи-

[59] Бахрушин С.В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // Советский Север. 1929. № 1. С. 67–69.

[60] Драбкина Е.Я. Национальный и колониальный вопрос в царской России. М.: 1930; Мамет Л.П. Колониальная политика царизма в Якутии в XVII–XIX вв. // 100 лет Якутской ссылки. М.: 1934. С. 26–78.

тельства, образование Бурят-Монгольской АССР обусловили рост интереса к истории молодой республики[61].

В 1921–1922 гг. в Прибайкальском народном университете создается кафедра Прибайкаловедения, которая занималась изучением географии, экономики, истории и этнографии Бурятии. Кафедрой был опубликован ряд статей по истории и этнографии, в том числе и работа В.П. Гирченко «Краткий очерк истории Прибайкалья». В ней автор рассматривает историю Бурятии с начала XVII в., с появления русских казаков, строительства острогов, дает характеристики Нерчинского и Буринского договоров, историю ссылки. Интересными являются статистические данные о населенных пунктах и количестве населения в них, так, он приводит данные о том, что к 1775 г. в общей массе населения Прибайкалья инородцы составляли 47%, крестьяне – 29% и различные категории городского населения –24%[62].

Большой вклад в изучение истории Бурятии внесли Восточно-Сибирский отдел географического общества и Иркутский государственный университет. В 1922 г. был издан историко-этнографический очерк А.Н. Турунова «Прошлое бурят-монгольской народности», написанный с привлечением таких источников, как бурятские летописи, родословные таблицы[63].

Существенный вклад в описание и анализ юридического быта бурят конца XIX – начала XX в. внесли исследования А. Турунова и Ц. Жамцарано[64]. Благодаря их усилиям были сохранены, записаны, опубликованы и переведены на русский язык уникальные материалы, являющиеся основой для исследований правовых обычаев сибирских инородцев: указ 1759 г. о запрещении бурятам закалывать коня в жертву духам, появившийся под влиянием распространения буддизма, уложение 1763 г. с обширными статьями

[61] Кудрявцев Ф.А. Изучение истории Бурятии за годы Советской власти // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. С. 27.

[62] Гирченко В.П. Краткий очерк истории Прибайкалья. Верхнеудинск: 1921. 26 с.

[63] Турунов А. Прошлое бурят-монгольской народности. (Популярный историко-этнологический очерк). Иркутск: 1922. 48 с.

[64] Хангалов М.Н. Зэгэтэаба. Общественные охоты у северных бурят. Зэгэтэ аба у кудинских бурят. Юридические обычаи бурят. Некоторые нормы обычного права бурят и др. // Собр. соч. Т. 1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 552 с.; Жамцарано Ц. Турунов А. Обозрение памятников писаного права монгольских племен. Сб. тр. профес. и преподавателей гос. Иркутского универ. Иркутск: 1921. С. 1–13.

о брачном праве, охоте, борьбе с пьянством, устав 1788 г. о нормах брачного права и т. д.

К принципиально новому этапу в изучении обычного права бурят следует отнести исследование известного юриста В.А. Рязановского, который отмечает, что в основе обычного права бурят лежит не монгольское законодательство, а местное обычное право. Их сходство он объясняет «не законодательным заимствованием, а общностью юридических обычаев»[65]. Вместе с тем ограниченность источниковой базы, отказ от четких хронологических рамок обусловили пробелы в исследовании предмета. В целом же выводы В.А. Рязановского о сущности и правовой природе обычного права бурят до сегодняшнего дня не потеряли своего научного значения, оставаясь источником, содержащим юридический анализ его норм и институтов.

Важный вклад в развитие историко-этнографических исследований внесли Бурятский ученый комитет, реорганизованный в 1929 г. в Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры (БМНИИК), и Научное общество им. Д. Банзарова.

Научное общество им. Д. Банзарова было основано в 1925 г. В задачу этого учреждения входило «всестороннее научное изучение истории бурят-монголов и стран, как ими занимаемых, так и связанных с ними в географическом и культурно-хозяйственном отношениях»[66]. Одним из основных направлений работы историко-этнологической секции научного общества стала разработка архивных материалов по истории Бурятии, в частности, по следующим вопросам: 1) история народного образования; 2) хозяйство Бурятии в XVIII и XIX вв.; 3) история г. Верхнеудинска; 4) декабристы в Бурятии; 5) история золотопромышленности в Западном Забайкалье; 6) история кяхтинской торговли[67].

В эти годы в журнале «Бурятиеведение», научно-краеведческом органе Бурят-Монгольского ученого комитета и Бурят-Монгольского научного общества им. Д. Банзарова, публикуются статьи В.П. Гирченко, Ф.А. Кудрявцева, Г.Ц. Цыбикова, П.П. Хороших и других авторов по приоритетным направлениям истории, археологии и этнографии Бурятии. Интересные работы этих же

[65] Рязановский В.А. Обычное право бурят. Чита: Изд-во Бурят-Монг. автономной области, 1921. 120 с.

[66] Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 246. Оп. 1. Д. 26. Л. 18а.

[67] ГАРБ. Ф. 246. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

авторов были опубликованы в другом журнале – «Жизнь Бурятии», издании ЦИК и Совнаркома БМАССР.

Среди авторов исследований выделяется В.П. Гирченко, в статьях которого на основании архивных документов и исследований разных авторов показаны процессы развития хозяйства, социального расслоения бурятского общества на протяжении XVII – XIX вв. Несомненный интерес представляет исторический очерк о хоринских «происшествиях», свидетельствующий о борьбе разных нойонских партий за место главного тайши и роли царской администрации в этом[68]. Его статья о социальном расслоении в бурятском обществе XVII – XIX вв. представляет собой исследование местного самоуправления у бурят, учрежденного по Уставу 1822 г., с характеристикой должностных лиц. По его мнению, именно статьи Устава, законодательно установив обычай закрепления земельных участков по количеству скота, создали для родового начальства стимул к дальнейшему расширению своих земельных владений[69].

Во второй половине 1920-х гг. публикуются работы Б.Б. Барадина, в которых изложены его взгляды на историю бурятского народа[70]. В историческом очерке он делает попытку периодизации истории управления бурятами в составе Российского государства. Первый этап он называет «периодом покорения и объясачивания» (1628–1689), который охватывает время от первого столкновения бурят-монголов с русскими до заключения Нерчинского договора. Второй период под названием «Период ясачного порабощения и начала колонизации и административной опеки» заканчивается 1822 г. Третий период, с 1822 по 1917 гг., характеризуется как «период административного угнетения, колонизаторской и обрусительной политики» и начинается с принятия Устава об управле-

[68] Гирченко В.П. Социальное расслоение среди бурят-монгол в XVIII–XIX вв. // Жизнь Бурятии. 1929. № 2. С. 100–108; № 3–4. С. 60–66; он же. Хозяйство кудинских бурят в XVIII и первой трети XIX века // Жизнь Бурятии. 1927. № 1–3. С. 73–76; он же. Хоринские «происшествия» 1848–49 гг. и православная миссия // Жизнь Бурятии. 1929. № 1. С. 119–124; он же. Материалы по истории хозяйства и родового управления забайкальских бурят во второй половине XVIII и начале XIX в. // Бурятиеведение. 1926. № 2; он же. К истории бурят-монголов – хоринцев первой половины XIX в. // Бурятиеведение. 1928. № 1–3. С. 43–62.

[69] Гирченко В.П. Социальное расслоение среди бурят-монголов в XVII–XIX в. // Жизнь Бурятии. 1929. № 3–4. С. 60–65.

[70] Барадин Б. Бурят-монголы. Краткий исторический очерк оформления бурят-монгольской народности // Бурятиеведение. 1927. № 3–4. С. 39–52.

нии инородцев 1822 г. М.М. Сперанского. Характеризуя реформы М. Сперанского, Б. Барадин, на наш взгляд, дал им самую объективную оценку. Он пишет, что «Устав Сперанского 1822 г. имел некоторую либерально-покровительственную тенденцию, представлявшую бурят-монголам некоторую свободу самоуправления в области хозяйства и суда», однако результатами введения Устава М.М. Сперанского стали «развитие и укрепление нойонства и ламства, стремление тайшей и хамб к наследственности»[71].

Отдельного внимания заслуживает публикация С. Фридмана «Революция 1905 г. и буряты», в которой подробно рассматривается история управления бурятами, учрежденного по Уставу М.М. Сперанского. Как отмечает исследователь, характерной особенностью Устава об управлении инородцев 1822 г. было устранение грубого вмешательства русского чиновничества во внутреннюю жизнь инородцев[72].

Для сравнительного анализа истории управления бурятами в XIX в. интерес представляет работа В. Неупокоева «Тунгусы в Бурятии». Автор исследует историю тунгусов начиная с XVII в., уделяя большое внимание вопросам этнографии и хозяйственно-экономического развития[73].

Значительный вклад в бурятиеведение внес Н.Н. Козьмин, переехавший в 1923 г. в г. Верхнеудинск, где он работал заместителем наркома земледелия, заместителем председателя Госплана Бурят-Монгольской АССР, был членом правления Бурят-Монгольского научного общества им. Д. Банзарова, членом редколлегии журнала «Жизнь Бурятии». В своей работе по истории скотоводческого хозяйства Бурятии он отмечает, что скотоводческий тип хозяйства в Бурятии был обусловлен не национальными или бытовыми особенностями, а совокупностью физико-географических и общих экономических условий. Политика Российского государства в отношении бурят-скотоводов на протяжении нескольких веков, как он считает, была направлена на колонизацию, заселение Забайкалья и Добайкалья русскими людьми, в ходе которого правительственная власть систематически занималась

[71] Барадин Б. Бурят-монголы… С. 48.
[72] Фридман С. Революция 1905 г. и буряты // Жизнь Бурятии. 1925. № 9–12. С. 117–127.
[73] Неупокоев В. Тунгусы в Бурятии // Жизнь Бурятии. 1927. № 7–9. С. 80–91; там же. № 11–12. С. 59–69.

освобождением наиболее ценных сельскохозяйственных земель от инородцев[74].

В эти же годы появляются публикации по истории народного образования бурят: Б.П. Махатова об истории кударо-бурятской школы, открытой по инициативе тайши Кударинской Степной думы З. Хамаганова[75], Ф.М. Кудрявцева по истории народного образования в Прибайкалье в первой четверти XIX в.[76], истории бурятского учительства в Прибайкалье в 1850–1860-е гг.[77]

В историко-этнологической секции Научного общества им. Д. Банзарова разрабатываются программы по сбору материалов этнографического характера[78]. Так, в программе Л.Я. Штернберга в раздел социальной культуры отдельным пунктом был включен вопрос об исследовании органов родовой власти, роли и значении «лучших» людей в роде, организации родового суда.

В 1927 г. издается сборник «Декабристы в Бурятии», содержавший очерки Н.А. Бестужева «Гусиное озеро» и «Бурятское хозяйство». В 1926 г. Архивное управление БМАССР осуществило публикацию 27 документов по истории Бурятии XVIII – первой половины XIX вв. под редакцией и с примечаниями В.П. Гирченко, тем самым впервые в Бурятии были введены в научный оборот интересные архивные документы. Для публикации были отобраны документы по следующим разделам: хозяйство, родовое управление и суд, обычное право и культ[79]. Интерес представляют комментарии к документам, археографическое и историческое предисловия.

---

[74] Козьмин Н.Н. Очерки скотоводческого хозяйства в Бурреспублике // Жизнь Бурятии. 1925. № 5–6; № 9–12. С. 43–60.

[75] Махатов Б.П. К истории кударо-бурятской школы // Бурятиеведение. 1927. № 3–4. С. 53–54.

[76] Кудрявцев Ф.М. Из истории народного образования в Прибайкалье первой четверти XIX в. // Жизнь Бурятии. 1926. № 4–6. С. 100–106; там же. № 7–9. С. 64–69; он же. «Из истории народного образования в Прибайкалье в эпоху Николая I // Жизнь Бурятии. 1926. № 10–12. С. 49–55.

[77] Кудрявцев Ф.М. Из истории бурятского учительства в Прибайкалье в 50–60-х гг. XIX в. // Жизнь Бурятии. 1926. № 4–6. С. 100–106; там же. № 4–6. С. 62–67.

[78] Штернберг Л.Я. Краткая программа по этнографии // Бурятиеведение. Верхнеудинск. 1927. № 3–4. С. 122–139; Петри Б. Программа для собирания преданий по истории заселения Прибайкалья бурятами. Верхнеудинск: 1925.

Петри Б. Программа для собирания преданий по истории заселения Прибайкалья бурятами. Верхнеудинск: 1925. 26 с.

[79] Сборник материалов по истории Бурятии XVIII-го и первой половины XIX века. Вып. 1. Под ред. и с примечаниями В.П. Гирченко. Верхнеудинск: 1926. 42 с.

Важным событием в исторической науке Бурятии стало издание в 1926 г. Бурят-Монгольским научным обществом им. Д. Банзарова исторических очерков М.Н. Богданова[80]. Автор исследовал ключевые события в истории бурятского народа: вопросы происхождения, расселения бурятских племен, присоединения к Российскому государству, общественный строй и хозяйственный уклад, просвещение и культура. Ценность работы М.Н. Богданова заключается в том, что в монографии впервые дается научная разработка истории бурят на длительном хронологическом фоне. Как отмечает Т.Е. Санжиева, постановка проблемы, использование ранее не известных источников, научная интерпретация исторических событий и фактов, высокий уровень исследовательской процедуры, несмотря на очерковое содержание, делают труд М.Н. Богданова классическим[81].

Следующий этап изучения поставленной проблемы охватывает период со второй половины 1930-х гг. до середины 1950-х гг., для которого характерно исчезновение альтернативности суждений в отечественной историографии и господство официальной точки зрения на историю. В стране происходит процесс усиления административно-командной системы, массовых репрессий. Именно в эти годы происходит утверждение марксистско-ленинской методологии в исторической науке. В 1937 г. был проведен территориальный раздел Бурятии, резко сокращается число публикаций по исследуемой теме. Внимание исследователей к социально-экономической тематике было ослаблено, творческих дискуссий и обсуждений кардинальных проблем истории Сибири почти не проводилось. Вместе с тем в эти годы развернулась плодотворная научная деятельность историков Ф.А. Кудрявцева, А.П. Окладникова и П.Т. Хаптаева.

Новый этап в изучении истории Бурятии начался с 1934 г., когда было опубликовано постановление ЦК ВКП (б) и советского правительства по вопросам преподавания истории. В связи с эти

[80] Петри Б. Программа для собирания преданий по истории заселения Прибайкалья бурятами. Верхнеудинск: 1925.
Богданов М.Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск: Бурят-Монг. изд-во, 1926. 234 с.

[81] Богданов М.Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2008. С. 8.

интерес представляют материалы дискуссии 1934 г.[82], которые способствовали оживлению работы по изучению истории бурятского народа. Участники дискуссии подвергли резкой критике концепции буржуазных националистов, искажавших историю общественного строя бурят-монголов, отрицавших классовую борьбу в бурятском улусе. Были рассмотрены вопросы об общественном строе бурят на разных этапах исторического развития, о роли патриархально-родовых, феодальных и капиталистических отношений[83].

На наш взгляд, интерес представляют тезисы доклада П.Т. Хаптаева «К спорным вопросам исторического процесса в Бурятии». В связи с проведением земельной реформы, изучением своеобразия национально-освободительного движения и Октябрьской революции перед учеными-историками были поставлены основные вопросы исторического процесса в Бурятии, в частности, о том, прошла ли Бурятия через стадию феодализма. По одной концепции Бурятия прошла в своем историческом развитии через стадию феодализма, а по другой Бурятия в прошлом не прошла феодальную стадию развития, пережив интенсивный процесс внедрения капиталистических отношений на фоне разлагающихся патриархально-родовых (Косоков).

П.Т. Хаптаев на основании анализа административно-хозяйственного развития бурятских ведомств делает вывод о том, что «Бурятия до революции была на пути от средневековья к буржуазной демократии, на пути ломки остатков патриархально-родовых и полуфеодальных отношений, создания капиталистических отношений… Величайшее значение Октябрьской революции состоит в том, что она мимоходом разрешила задачи национально-освободительного движения и поставила Бурятию на социалистический путь развития, минуя стадию капитализма». Важными являются замечания о бурятском нойонатстве как об определенной группе людей, особом сословии, господствующем классе, в руках которого находилась вся политическая власть улуса: судопроиз-

[82] К истории Бурят-Монголии. Материалы дискуссии, состоявшейся в июне 1934 г. в Улан-Удэ. М.: 1935.

[83] История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1951. С. 17.

водство, албанный сбор и т. д., благодаря чему они становились крупными скотовладельцами и землевладельцами[84].

В 1935–1940 гг. начинается работа по выявлению и изучению документальных материалов по истории Бурятии, хранящихся в государственных архивах Москвы, Ленинграда, Улан-Удэ, Иркутска и Читы, и на основе их изучения публикуется ряд работ источниковедческого характера. Институтом востоковедения АН СССР и Государственным научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории БМАССР были изданы летописи хоринских, селенгинских и баргузинских бурят, которые содержали огромный фактический материал, дополнявший архивные документы[85].

Богатый материал по истории Восточной Сибири был опубликован М.П. Алексеевым, который поставил своей целью выявить иностранную литературу о Сибири и сделать ее доступной для изучения. Интересные сведения этнографического характера о бурятах даны в работах Ж. Жербильона, Ф. Авриля, И. Идеса[86].

В 1937 г. была издана книга А.П. Окладникова «Очерки из истории западных бурят-монголов»[87], основанная на изучении неопубликованных материалов. Особые разделы посвящены вопросам происхождения бурят и эвенков, их древней истории. С книги А.П. Окладникова начинается новый этап в бурятоведении, ставивший в основу исследований серьезное изучение источников.

Первым опытом научно-популярного изложения истории бурятского народа с древних времен до Октябрьской революции 1917 г. становятся опубликованные в 1938-1947 гг. монографии П.Т. Хаптаева[88]. Используя комплекс архивных документов, ав-

[84] Хаптаев П.Т. Тезисы доклада «К спорным вопросам исторического процесса в Бурятии». Иркутск: 1934. 10 с.

[85] Летописи хоринских бурят. Хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова/ перевод Н.Н. Поппе.М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 108 с.; Летописи селенгинских бурят. Вып. 1. Хроника Убаши Дамби Джалцан Ломбо Цэрэнова 1868 г. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 56 с.; Летописи баргузинских бурят. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 75 с.

[86] Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение, тексты, комментарий. XIII–XVII вв. Второе изд. Иркутск: Иркутское обл. изд-во, 1941. 612 с.

[87] Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л.: 1937.

[88] Хаптаев П.Т. Национальное движение в Бурятии в период первой русской революции. Улан-Удэ: 1938. 148 с.; он же. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа. Улан-Удэ: 1942; он же. Бурят-Монголия в период Октябрьской социалистической революции. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1947. 120 с.

тор рассматривает вопросы национального движения в Бурятии в период революции 1905 г. Ценным является освещение автором вопросов образования и ликвидации Степных дум, борьбы за власть между тайшами, введения волостной реформы. Интерес представляет точка зрения П.Т. Хаптаева относительно буржуазной направленности процесса ликвидации Степных дум и упразднения должности тайшей[89].

Интересной является работа М.И. Помуса «Бурят-Монгольская АССР», в которой подробно освещены географические условия, природные ресурсы, хозяйственное и культурное строительство БМАССР. Значительное внимание уделено дореволюционной истории Бурятии: история присоединения бурят к России, деятельность миссионеров, характеристика хозяйства бурят и т. д. Несмотря на идеологические моменты, автор характеризует Степные думы как «орудия эксплуатации бурятского крестьянства высшим нойонатом», книга содержит большой фактический материал по дореволюционной истории бурят[90].

Важное значение в истории изучения вопроса имел труд Ф.А. Кудрявцева «История бурят-монгольского народа»[91], в котором наряду с изучением общих закономерностей и особенностей социально-экономического развития народов Сибири он охарактеризовал и некоторые направления политики самодержавия в отношении этих народов. Ценность работы заключалась в изучении автором огромного комплекса архивных и литературных документов, что позволило ему написать первый обобщающий труд по истории Бурятии. Оценивая преобразования М.М. Сперанского, Ф.А. Кудрявцев обращает внимание на ограничение административного произвола чиновничества и введение самоуправления у сибирских инородцев.

Новые ценные сведения по истории бурят и обычному праву бурят были опубликованы в статьях С.А. Токарева[92].

---

[89] Хаптаев П.Т. Национальное движение в Бурятии в период первой русской революции. Улан-Удэ: 1938. С. 36.

[90] Помус М.И. Бурят-Монгольская АССР. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. 390 с.

[91] Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа. М.-Л.: 1940.

[92] Токарев С.А. Расселение бурятских племен в XVII в. // Зап. Бурят-Монгольского гос. науч.-исследоват. ин-та языка, лит., искусства (БМГНИИЯЛИ). Вып. I. Улан-Удэ: Бурят-Монг. гос. изд-во, 1939. С. 101–130; он же. Буряты и их «кыштымы» в XVII в. // Зап. БМГНИИЯЛИ. Вып. 2. Улан-Удэ: Бурят-Монг. кн. изд-во, 1939. С. 136–155; он же. О происхождении бурятского народа // Советская этнография. 1953. № 2.

Значительную роль в определении задач, стоявших перед исторической наукой, сыграло состоявшееся 13–16 октября 1947 г. совещание историков г. Улан-Удэ, созванное Бурят-Монгольским научно-исследовательским институтом культуры и экономики. Наиболее полным по охвату проблем истории Бурятии было выступление В.И. Шункова, который подверг критике книгу П.Т. Хаптаева «Краткий очерк истории бурят-монгольского народа», в то же время признавая, что она является единственной работой, претендующей на то, чтобы охватить историю Бурят-Монголии с древнейших времен до 1917 г. По его мнению, скудность материалов по раннебурятскому обществу, слабая их разработанность, часто примитивное и некритическое использование материалов эпоса послужили причиной ряда весьма неточных и иногда спорных положений.

Далее В.И. Шунков ставит основные задачи в изучении истории Бурят-Монголии, требующие дальнейшей разработки:

1) выяснение вопроса об этногенезе;

2) установление правильной периодизации с определением более четких граней, разделяющих эти периоды;

3) борьба с идеализацией дорусского прошлого Бурят-Монголии;

4) история русской колонизации;

5) положение о добровольном присоединении бурят к России;

6) история производительных сил.

В целом дискуссия показала, что имеется ряд существенных недостатков в изданных работах по истории Бурят-Монголии, которые вполне возможно устранить при наличии серьезных кадров историков, имеющих солидный запас конкретно-исторического материала:

1) слабая разработка исторических проблем;

2) отставание местных работ от уровня исследовательских работ центра;

3) наличие грубых ошибок буржуазно-националистического характера[93].

[93] Шунков В.И. Выступление на совещании историков Бурят-Монголии 16.10.1947 // Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры и экономики (НИИКЭ). Вып. VIII. Улан-Удэ: Бурят-Монг. гос. изд-во, 1948. С. 223–237.

На наш взгляд, также необходимо отметить статью Б.Д. Цибикова «О националистических ошибках по истории Бурят-Монголии», написанную в 1948 г. Автор подверг резкой критике работы П.Т. Хаптаева, А.П. Окладникова, Ф.А. Кудрявцева за националистический подход по многим кардинальным вопросам истории Бурятии. Б.Д. Цибиков поднимает вопрос о необходимости разработки истории добровольного присоединения части бурят к России, экономического развития Бурят-Монголии, истории советского периода и т. д.

В 1951 г. вышло первое издание первого тома «Истории Бурят-Монгольской АССР» под редакцией А.П. Окладникова, в котором были преодолены ошибки буржуазно-националистического характера, отмеченные на совещании историков 1947 г.[94] Однако издание было подвергнуто критике из-за отсутствия четкой периодизации истории Бурятии, слабого раскрытия социально-экономического развития и т. д. Ценность же издания для исследуемой темы заключалась в подробном рассмотрении причин принятия Устава 1822 г., организации управления и социальных отношений бурятского общества. Оценивая реформы М.М. Сперанского, авторы отмечают, что «Устав 1822 г. обобщал и систематизировал то, что сложилось в процессе административной практики. Вместе с тем составители Устава об управлении инородцев будущий декабрист Г. С. Батеньков и М.М. Сперанский ввели новшество в виде установления самоуправления и выборности некоторых должностей инородческих родоначальников». Положительными моментами реформы инородческого управления они считали введение норм, ограничивающих вмешательство чиновников в степное управление, их мелочную административную опеку, сопровождающуюся лихоимством и притеснениями сибирского населения; стремление упорядочить взимание податных сборов, ограничить личную власть инородческих начальников коллегиальностью, однако эти стремления составителей Устава, как отмечают авторы, не осуществились[95].

В октябре 1952 г. при отделении истории и философии АН СССР состоялось совместное совещание институтов исто-

[94] История Бурят-Монгольской АССР / под ред. А.П. Окладникова. Т. 1. Улан-Удэ: Бурят.-Монг. кн. изд-во, 1951. С. 331–336.
[95] Там же. С. 334.

рии, востоковедения, этнографии АН СССР и Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры, посвященное обсуждению основных вопросов истории БМАССР. Были заслушаны доклады Ф.А. Кудрявцева «К вопросу о периодизации истории Бурят-Монголии», Г.Н. Румянцева «К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа»[96], И.А. Асалханова «Развитие капиталистических отношений в бурятском улусе», Н. Д. Шулунова «Общественное движение и классовая борьба в Бурят-Монголии во второй половине XIX в.», которые свидетельствовали о большой исследовательской работе, проводимой историками Бурят-Монголии. Совещание имело важное значение для дальнейшего и углубленного изучения истории Бурят-Монголии и оказало большую помощь авторскому коллективу, работающему над вторым изданием первого тома «Истории БМАССР».

Во втором, исправленном и дополненном издании первого тома «Истории Бурят-Монгольской АССР» под редакцией П.Т. Хаптаева[97], вышедшем в конце 1954 г., была четко проведена периодизация истории Бурятии, шире освещено развитие производительных сил, яснее охарактеризованы социально-экономические отношения. В главе «Социальные отношения в Бурят-Монголии в конце XVIII – первой половине XIX в.» Устав 1822 г. и степное управление были освещены отдельным пунктом. В отличие от первого издания «Истории БМАССР», во втором была дана оценка не только деятельности М.М. Сперанского, попытавшегося «упорядочить управление обширным краем, провести здесь административные реформы», но и Уставу об управлении инородцев 1822 г.

В начале 1950-х гг. появляются работы, в которых также анализируется Устав 1822 г. Так, А.И. Мурзина считает, что он не внес существенных изменений во внутреннюю жизнь народов Сибири. Л.И. Светличная же видит в Уставе попытку реформировать хозяйственную и административную жизнь сибирского населения в буржуазном направлении[98].

---

[96] Румянцев Г.Н. К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа // Зап. БМНИИК. Вып. XVII. Улан-Удэ, 1953. С. 30–61.

[97] История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1 / под ред. П.Т. Хаптаева. Улан-Удэ: Бурят.-Монг. кн. изд-во, 1954. С. 222–225.

[98] Мурзина А.И. Реформа Сперанского в Западной Сибири // Учен. зап. ЛГУ. 1950. № 115. Вып. 1; Светличная Л.И. Преобразовательные планы и административная деятельность М.М. Сперанского в Сибири: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М.: 1952.

Со второй половины 1950-х гг. начинается следующий этап советской историографии. Решения XX съезда КПСС способствовали подъему исторической науки, появлению интересных работ. Разрабатываются проблемы социально-экономического развития народов Сибири в период капитализма. В составе Сибирского отделения Академии наук СССР, созданного в конце 1950-х гг., был образован Бурятский комплексный научно-исследовательский институт СО АН СССР. Одновременно с этим происходит переименование республики. Все это обусловило новый этап развития исторической науки.

По рассматриваемой проблеме во второй половине 1950-х гг. в печати появляются исследования В.И. Дулова, В.И. Шункова, Ф.А. Кудрявцева[99], в которых на обширном архивном материале исследуется аграрная история Сибири. В своей монографии В.И. Дулов и Ф.А. Кудрявцев отмечают усиление колонизаторской политики царизма в начале XX в., которое выражалось в обезземеливании коренных народов Сибири, русификации и насаждении христианства, росте административного произвола[100]. В 1956 г. выходит капитальный труд В.И. Шункова «Очерки по истории земледелия Сибири XVII в.», в котором рассматривается история русского земледелия в Предбайкалье и Забайкалье.

К серьезным обобщающим работам этого периода относятся исследования Е.М. Залкинда[101]. На протяжении многих лет он занимался изучением истории Бурятии, ввел в научный оборот обширный корпус архивных документов и стал признанным исследователем в этой области. В его монографии «Присоединение Бурятии к России» характеризуются процессы присоединения, развития отношений между бурятами и русскими, выясняются состояние экономики и характер социальных отношений у бурят. Е.М. Залкинд, исследуя на основании архивных документов хо-

[99] Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век. М.: 1956; Дулов В.И. Крестьянство Восточной Сибири в годы первой русской революции. Иркутск: 1956.

[100] Дулов В.И. Кудрявцев Ф.А. Революционное движение в Восточной Сибири в 1905–1907 гг. Иркутск: 1955.

[101] Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ: 1958; он же. Из истории обычного права западных бурят // Советская этнография. 1952. № 1; он же. Ясачная политика царизма в Бурятии в XVIII – первой половине XIX в. // Сибирь периода феодализма. Новосибирск: 1965. Вып. 2; он же. К характеристике политики царизма по отношению к бурятам в XVIII в. // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ: 1968.

зяйство бурят-монголов в XVII – начале XVIII в., приходит к выводу о переводе повинностей, вопреки правительственной политике, преследовавшей цель максимального выжимания пушнины из сибирских народов, в денежную форму. Это свидетельствовало о развитии товарно-денежных отношений в бурятском хозяйстве, что было прямым следствием усиления русской колонизации Восточной Сибири[102].

В его следующей работе рассматриваются вопросы образования бурят-монгольской народности, решающую роль в котором сыграл Буринский договор 1727 г., окончательно разграничивший бурят с монголами[103]. Относительно характеристики политики царизма по отношению к бурятам Е.М. Залкинд отмечает, что «политика царизма в бурятском вопросе… была довольно гибкой. Тяжкое угнетение и большие… поборы сочетались с защитой бурят от чрезмерного произвола низших чинов власти и сохранением некоторого, фактически иллюзорного, самоуправления, что способствовало ослаблению движения улусных низов и укреплению… положения нойонства»[104]. Исследуя ясачную политику царизма, Е.М. Залкинд связывает ее с развитием товарно-денежных отношений в хозяйстве бурят. Ясак он считает натуральным налогом, который платили сибирские народы в Кабинет, «Т. е. в личные доходы дома Романовых»[105].

Вопросы хозяйственного развития и социальных отношений в Бурятии XVII – начала XX вв. нашли освещение в статьях Д.Г. Бажеева, Е.М. Залкинда, Ф.А. Кудрявцева, И.А. Асалханова, Н.Р. Мангутова[106]. Так, Н.Р. Мангутов исследовал социально-экономические отношения в Западной Бурятии в конце XIX – начале XX вв. и пришел к выводу о том, что основным содержанием развития земельных отношений было «многоземелье нойонско-ку-

[102] Залкинд Е.М. Хозяйство бурят-монголов в XVII – начале XVIII вв. // Зап. БМНИИК. Вып. XXIV. Улан-Удэ: 1957. С. 140–170.

[103] Залкинд Е.М. К вопросу об образовании бурят-монгольской народности. Он же. Хозяйство бурят-монголов в XVII – начале XVIII вв. // Зап. БМНИИК. Вып. XXII. Улан-Удэ: 1956. С. 23–45.

[104] Залкинд Е.М. К характеристике политики царизма по отношению к бурятам в XVIII в. // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ: 1968. С. 149.

[105] Залкинд Е.М. Ясачная политика царизма в Бурятии в XVIII – первой половине XIX в. // Сибирь периода феодализма. Новосибирск: 1965. Вып. 2. С. 245.

[106] Кудрявцев Ф.А. Декабрист Н.А. Бестужев о хозяйстве бурят Селенгинского района // Зап. БМНИИК. 1957. Вып. XXIV.

лацких хозяйств и малоземелье и даже безземелье бедняцких хозяйств»[107]. Д.Г. Бажеев в своем исследовании о развитии земледелия среди добайкальских бурят пишет о существовании у них к началу XVII в. примитивного земледелия. С приходом русских начинается новый этап в развитии земледелия, основанного на технике русской земледельческой культуры[108].

Большим вкладом в изучение социально-экономического развития Сибири XIX – начала XX вв. являются работы известного историка-сибиреведа И.А. Асалханова[109], основанные на тщательном анализе разнообразных источников. В своих исследованиях он изучает вопросы развития земледелия и скотоводства, землевладения и землепользования, роста капиталистических отношений в сельском хозяйстве Юго-Восточной Сибири в XIX в. Исследуя хозяйство русских крестьян Предбайкалья и Забайкалья, забайкальских казаков и бурятского населения, он приходит к выводу, что социально-экономические процессы, происходившие в русских деревнях и бурятских улусах, расширение торговли свидетельствовали о том, что в конце XIX в. капиталистические отношения заняли господствующие позиции в сельском хозяйстве Юго-Восточной Сибири, в том числе Бурятии. Его исследования социально-экономической истории Сибири являются актуальными и в наши дни.

Большой вклад в изучение ламаизма и национально-колониальной политики царизма в Забайкалье в XIX – начале XX в. внесли

[107] Мангутов Н.Р. Социально-экономические отношения в Западной Бурятии // Культура и быт народов Бурятии. Этнографич. сб. Улан-Удэ: 1965. Вып. 4. С. 119.

[108] Бажеев Д.Г. К вопросу о развитии земледелия у бурят // Зап. БМНИИК). Вып. 15. Улан-Удэ: БурМонгиз, 1952. С. 33–52.

[109] Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ: 1963; он же. К вопросу о социально-экономическом развитии забайкальской деревни в конце XIX в. // Зап. БМНИИК. 1955. Вып. XIX; он же. О некоторых вопросах социально-экономического развития бурят Верхоленского ведомства Иркутской губернии в первой половине XIX в. // Учен. зап. Бурят-Монгольского пед. ин-та им. Д. Банзарова. 1957. Вып. XI; он же. О правах хоринских и агинских бурят на занимаемые ими земли // Зап. БМНИИК. 1957. Вып. XXIII; он же. Социально-экономическое развитие улусов Кудинского ведомства Иркутского уезда Иркутской губернии во II половине XIX в. // Учен. зап. Бурятского гос. пед. ин-та. Улан-Удэ: 1958; он же. О бурятских родах // Этнографич. сб. Улан-Удэ: 1960. Вып. 1. Он же. Об аграрной политике царизма в Сибири в конце XIX в. // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ: 1968.

работы К.М. Герасимовой[110], в которых исследуется история ламаистской церкви за этот период, связь политики Российского государства в ее отношении с разработкой и проведением в среде коренного населения аграрных и административных преобразований, показываются ее взаимоотношения с царским правительством.

В 1960-х гг. публикуются статьи о Временном положении о крестьянских начальниках 1898 г. В этом плане интерес представляет исследование Н.П. Егунова[111], который связывает причины введения института крестьянских начальников с историей крестьянского законодательства в России после отмены крепостного права. П.Т. Хаптаев отмечает, что Временное положение передало власть в бурятских улусах из рук тайшей в руки крестьянских начальников[112].

Положительная динамика в отечественной историографии окраинной политики наметилась с середины 60-х годов прошлого столетия. В этот период в свет выходит ряд коллективных трудов историков, приуроченных к 50-летию советской власти. Естественно, что в такого рода юбилейных изданиях известное отражение нашли и проблемы окраинной политики. Но для нас важно отметить не сам характер приводимого в этих работах фактического материала – по понятным причинам он очень небольшой – а прежде всего территории, отнесенные к окраинам России.

В сибиреведческой литературе рассматриваемый период развития историографии проблемы ознаменовался выходом пятитомной «Истории Сибири». Исследуемая нами проблема нашла свое отражение в разделах второго и третьего томов издания[113]. Известно, что изложение конкретных сюжетов в рамках коллективного труда имеет свои плюсы и минусы. Данный случай не является исключением. Поэтому имперская политика в крае не

[110] Герасимова К.М. Материалы о доходах дацанских казначейств. /К.М. Герасимова // Зап. БМНИИК. Вып. XX. Улан-Удэ: 1955. С. 134–154; она же. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX – начале XX вв. / К.М. Герасимова. Улан-Удэ: 1957.

[111] Егунов Н.П. К вопросу о введении института крестьянских начальников в Забайкалье // Учен. зап. Бурятского гос. пед. ин-та им. Д. Банзарова. 1962. Вып. 25. Ист.-филологич. серия.

[112] Хаптаев П.Т. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. Улан-Удэ: 1964.

[113] История Сибири. Т. 2, 3. Л.: 1968.

была надлежащим способом освещена и проанализирована. В то же время «История Сибири» как бы подвела итоги развития отечественного сибиреведения на тот период времени и одновременно продемонстрировала, что интересующая нас тема нуждается в дальнейшем исследовании. В частности, в одном из разделов третьего тома дана общая характеристика областничества – уникального явления в истории Сибири. Автором данного раздела монографии является известный иркутский историк С.Ф. Коваль. В этой работе областническое движение было представлено как исключительно демократическое. Однако спустя двадцать лет такая постановка вопроса вызвала возражения со стороны ряда следующего поколения исследователей. Взвешенные оценки областнического движения представлены в работах М.В. Шиловского – в серии статей, монографии и учебном пособии[114]. Отличительной чертой работ этого автора являются солидная источниковая база и аргументация положений. Для автора областническая концепция представляется одним из проявлений буржуазного либерализма. Анализ деятельности сибирской демократической интеллигенции и разработки ей программы социально-экономического и политического развития региона представлен в работах А.В. Даниленко[115]. Публикации этого исследователя, как правило, имеют солидную документальную основу и отличаются логикой доказательств. Автор справедливо обратил внимание на то немаловажное обстоятельство, что разработанная областниками программа независимо от субъективного понимания ее авторами объективно несла в себе буржуазные черты, способствовала раз-

[114] Шиловский М.В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50-х – 60-х годах XIX века. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1989; он же. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Областники. Новосибирск: 1995; он же. Областничество и регионализм: эволюция взглядов сибирского общества на пути инкорпорации Сибири в общероссийское пространство / Административное и государственно-правовое развитие Сибири XVII–XXI веков. Материалы научно-теоретического семинара (12–13 ноября 2002 г.). Иркутск: 2003. С. 5–21.

[115] Даниленко А.В. Сибирское областничество 60–90-х годов XIX века о странах Востока (по материалам сибирской прессы и публицистики) // Взаимоотношения России с афроазиатскими странами в XIX – начале XX веков. Иркутск: 1987. С. 141–150; он же. Вопросы экономического развития Восточной Сибири во второй половине XIX в. в постановке областников «демократического периода» их истории // Вопросы социально-экономического развития Восточной Сибири (XIX–XX вв.). Чита: 1989. С. 18–34.

витию местного патриотизма и в объективно историческом плане имела положительное значение.

Исследование проблем формирования органов самоуправления сибирских народов, политики царского правительства в Сибири невозможно проводить без изучения истории социально-экономического развития региона. С 1970-х гг. начинается следующий этап советской историографии рассматриваемого вопроса, который характеризуется более пристальным и специальным изучением социально-экономического развития, истории реформ в Сибири, которое велось на базе широкого круга источников с учетом трудов обобщающего характера.

В 1970 г. выходит монография Е.М. Залкинда «Общественный строй бурят XVIII и первой половины XIX в.», в которой исследуются вопросы о степени феодализации бурятского общества, общественном строе бурят. Использование обширных архивных материалов судебного, административного содержания в тесной взаимосвязи с нормами обычного права бурят делают ее одним из первых монографических трудов, содержащих анализ общественных отношений на основе правовой культуры народа. Он акцентирует внимание исследователей на актуальности изучения источников норм обычного права: «Использование опубликованных памятников обычного права в исторической науке значительно ограничивается отсутствием системности исследований их юридических институтов и норм. Поэтому, как никогда ранее для действующего права, так и для истории права, основополагающее значение имеет исследование источников права»[116].

Автор проводит анализ брачно-семейных, административных, имущественных отношений в бурятском обществе после присоединения к России до середины XIX в. Изучение архивных документов XVII и начала XVIII в. привело автора к выводу, что «до присоединения к России феодальные отношения у бурят еще не сложились и буряты находились к этому времени на стадии разложения первобытнообщинного строя»[117]. В более поздний период утверждаются феодальные отношения в так называемой государственной форме, при которой государство является верховным

[116] Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX века. М.: 1970. С. 7–8.
[117] Там же. С. 9.

собственником земли, взимающим в свою пользу ренту и различные повинности. С середины XIX в. буряты вовлекаются в капиталистические отношения. Е.М. Залкинд подробно рассматривает социальную структуру бурятского общества, его имущественное расслоение. Нельзя не согласиться с выводом автора о том, что, несмотря на локальные особенности отдельных ведомств, в целом речь может идти о единстве общественного строя бурят. Работа представляет интерес для исследователей экономического и социального развития бурятского общества в рассматриваемый период. Надо отметить, что венчает творческий путь Е.М. Залкинда посмертное издание, вышедшее в 2012 г. в издательстве Алтайского государственного университета[118].

На этом этапе появляются исследования, в которых рассматриваются проблемы истории народов Сибири, политики самодержавия по отношению к аборигенам. Так, в работах Л.М. Горюшкина, известного исследователя аграрной истории Сибири, нашли отражение также вопросы политики царизма по отношению к инородцам. На основе статистических материалов он приходит к выводу, что в Сибири не было вымирания аборигенов, и предполагает, что это связано с особенностями политики царского правительства в Сибири, «проводимой в более смягченной форме, чем, например, в испанских и португальских колониях»[119]. Рассматривая вопрос о развитии и характере собственности в Сибири, он указывает, что «собственником кабинетных земель являлась корона, монархия, как государственный институт, владельцем и распорядителем – царствующий император, а непосредственно управлял ими Кабинет – главный хозяйственно-финансовый орган коронного ведомства»[120].

Н.А. Миненко в своей работе оспаривает этот тезис, отрицая наличие в Уставе 1822 г. каких-либо буржуазных черт[121]. Т.П. Пруд-

[118] Залкинд Е.М. Очерк генезиса феодализма в кочевом обществе. Барнаул: Изд-во Алтайского госуниверситета, 2012. 242 с.

[119] Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянское хозяйство в эпоху капитализма (проблемы и направления исследования) // Проблемы истории советского общества Сибири: материалы ноябрьского 1969 г. симпозиума по истории рабочего класса и крестьянства Сибири. История крестьянства Сибири досоветского периода. Новосибирск: 1970.

[120] Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917). Новосибирск: 1976. С. 250.

[121] Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск: 1975.

никова рассматривает вопросы о положении оседлых инородцев, попытках царского правительства уравнять их с крестьянами в платежах податей и привлечь к отбыванию воинской повинности[122]. Известный вклад в разработку изучения вопросов социально-экономического положения народов Сибири внес З.В. Гоголев, исследовавший развитие капиталистических отношений у якутов. Он отмечает своеобразие системы управления якутами, основанное на принципах Устава 1822 г., тяжесть налогового гнета, приводившего к обнищанию народа[123].

Большой вклад в изучение рассматриваемой темы внесли исследования В.Г. Карцова и Н.И. Ефремовой, в которых авторы дают положительную оценку Уставу об управлении инородцев 1822 г. М.М. Сперанского[124]. Следует отметить монографии Н.П. Ерошкина, в которых подробно анализируется история государственных учреждений дореволюционной России, в том числе и история управления окраинами Российской империи в дореформенный и пореформенный период, указываются специфические черты управления окраинами, изменения, произошедшие в управлении после реформ 1860–1880-х гг.[125].

В 1970-х – начале 1980-х гг. в советской историографии нашли отражение вопросы аграрной политики царизма в Сибири[126]. В 1975 г. выходит монография И.А. Асалханова о сельском хозяй-

[122] Прудникова Т.П. Основные проблемы истории крестьянства пореформенной Сибири (60–80-е годы) // Проблемы истории советского общества Сибири: материалы ноябрьского 1969 г. симпозиума по истории рабочего класса и крестьянства Сибири. Вып. 2. История крестьянства Сибири досоветского периода. Новосибирск: 1970.

[123] Гоголев З.В. Якутия на рубеже XIX–XX вв. Новосибирск: 1971.

[124] Карцов В.Г. Хакасия в период разложения феодализма (XVIII – первая половина XIX в.). Абакан: 1970. Ефремова Н.И. Управление у хакасов накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Доклады научной конференции ТГУ. Томск: 1972. С. 21–24.

[125] Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: 1968. 368 с. Он же. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: 1983. 352 с.

[126] Сухотина Л.Г. Землеустроительная политика правительства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Томской губернии) // Вопр. ист. Сибири. Вып. 2. Томск: 1965. С. 62–72; Худяков В.Н. К вопросу об аграрной политике царизма пореформенного периода в Сибири // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск: 1978. С. 34–48; Островский И.В. Земельная и фискальная политика царизма в Сибири периода империализма // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск: 1980. С. 57–68; и др.

стве Сибири конца XIX – начала XX в.[127], написанная на основе широкого круга ранее не использованных источников. Он дает анализ землеустройства в Сибири начала XX в., его связь с переселенческой политикой царизма, рассчитанной смягчить аграрные противоречия в европейской России. И.А. Асалханов связывает распространение закона о поземельном устройстве поселян Сибири на инородцев также и с политикой их русификации[128]. Закон должен был решить земельный вопрос населения Сибири, а также проблему переселения крестьян из европейских губерний России в Сибирь, тем самым правительство рассчитывало смягчить аграрные противоречия в центре страны и сохранить в нем помещичьи землевладения. Подчинением сибирского землеустройства задачам переселенческой политики объясняется то обстоятельство, что правительство не согласилось на предоставление земельных наделов в собственность сибирским крестьянам. В целом И.А. Асалханов отмечает, что сибирский землеустроительный закон носил консервативный характер и не был связан с задачами поднятия производительных сил Сибири.

Необходимо отметить работу А.Т. Топчего, который исследовал историю крестьянских преобразований в Сибири конца XIX в. Он рассматривает положение крестьян накануне реформы 1861 г., историю разработки аграрного законодательства закона о крестьянских начальниках 1898 г. Монография представляет интерес для изучения истории аграрной политики царизма в Сибири конца XIX в.[129].

Для сравнительного анализа социально-экономического состояния бурятских обществ интерес представляют работы В.Н. Никулина, В.А. Демидова. В.Н. Никулин исследовал вопросы организации управления русского крестьянства Сибири, однако отдельные его положения могут быть использованы при изучении управления коренного населения Сибири[130]. В.А. Демидов изучал состояние хозяйства и развитие социальных отношений у алтайцев в конце XIX – начале XX вв. Он отмечает прогрессивный характер административных преобразований у народов Сибири в

[127] Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск: 1975.

[128] Асалханов И.А. Об аграрной политике царизма в Сибири в конце XIX в. С. 91.

[129] Топчий А.Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899). Томск: 1979.

[130] Никулин В.Н. Управление крестьянами Сибири в 1861–1905 гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск: 1979.

конце XIX – начале XX в., связывая их с развитием капиталистических отношений[131].

Изучение этих публикаций, посвященных социально-экономическому развитию Сибири, безусловно, необходимо для правильного понимания основных принципов аграрной политики царизма в отношении коренных народов Сибири как особой сословной группы сельского населения Сибири. Однако проблемам аграрной политики непосредственно в отношении коренных народов Сибири были посвящены публикации М.Б. Шейнфельда и Г.А. Елбачевой[132]. На местном архивном материале авторы проанализировали итоги землеустройства у хакасов и алтайцев, отметили связь землеустройства и административной политики с переселением крестьян на земли Азиатской России.

Анализу правового положения народов Восточной Сибири в составе России в XVII – первой половине XIX в. посвящена монография М.М. Федорова[133], внесшая определенный вклад в исследование проблемы взаимоотношений Российского государства и коренных народов Сибири. Он подробно рассматривает предшествующие Уставу 1822 г. законодательные акты правительства, отмечает в целом положительное влияние Устава на развитие народов Сибири. На наш взгляд, интересным представляется предложенная автором периодизация истории управления и правового положения народов Сибири в составе России, основным критерием которой является изменение правового статуса народов Восточной Сибири. По его мнению, их статус изменялся в три этапа:

1) XVII – начало XVIII вв., когда были полностью сохранены старые формы общественного устройства; правительство как собственник земли довольствовалось сбором пушных выплат;

2) 1720–1820 гг. – период принятия первых актов, направленных на обеспечение взаимодействия коренных сибиряков с русскими администраторами, купцами и т. д.;

[131] Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири (1917–1923). Новосибирск: 1983.

[132] Шейнфельд М.Б. Землеустройство и введение волостных учреждений у хакасов в 1908–1914 гг. // Вопр. ист. Хакасии. Абакан: 1977. С. 106–108; Елбачева Г.А. Землеустроительная политика Кабинета в Горном Алтае в 1897–1913 гг. // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск: 1981. С. 68–82.

[133] Федоров М.М. Правовое положение народов Сибири в XVII – первой половине XIX вв. Якутск: Кн. изд-во, 1978. 207 с.

3) 1820–1917 гг., когда целью правительства стало приведение образа жизни коренных народов края в соответствие с общероссийскими канонами[134].

С распадом Советского Союза и образованием Российской Федерации начинается постсоветский этап российской историографии, характеризующийся переосмыслением истории с новых теоретико-методологических позиций: пересматриваются стереотипы, сложившиеся в советской историографии, в оборот вводятся новые документальные источники. Начинаются научные изыскания в разных направлениях, в том числе и в области окраинной и национальной политики Российской империи. На этом этапе появляется множество научных исследований, посвящённых политике Российского государства в отношении Сибири, сибирских народов, среди которых выделяются работы А.В. Ремнева и Л.М. Дамешека.

Исследования А.В. Ремнева занимают особое место в современной историографии. Для нашего исследования интерес представляют его взгляды на эволюцию политики Российского государства в отношении Сибири и сибирских народов. Имперскую политику России он представляет, как совокупность правительственных мероприятий, направленных на сохранение государственной целостности империи, на хозяйственное освоение регионов, как ответ на этнические, конфессиональные и социокультурные запросы.

Исследуя имперскую политику России, он акцентирует особое внимание на ее периодизации. Первую половину XIX в. он условно определяет как классический период имперской политики и управления, который характеризовался многовариантностью систем управления, высокой степенью этноконфессиональной толерантности и прагматизмом.

Определенной вехой в смене политического имперского курса А.В. Ремнев считает рубеж 1850–1860-х гг., когда ускоренная модернизация страны, обострение польского вопроса, а также давление национальной идеологии привели к деформации традиционной имперской политики и обострению национальных и региональных противоречий, когда происходит пересмотр прежней имперской политики. В этот период колонизационное движение

[134] Федоров М.М. Правовое положение народов Сибири в XVII – первой половине XIX вв. Якутск: Кн. изд-во, 1978. С. 11.

русского населения начинает восприниматься в правительстве как целенаправленное политическое конструирование империи, когда важным становится не только экономическое освоение Сибири, но и заселение ее по возможности однородным и единоверным с Россией населением.

Следующим рубежом в имперской политике становится конец XIX – начало XX в. Неудачная русско-японская война заставила приостановить внешнюю экспансию и обратить свои взоры на внутренние проблемы российского Дальнего Востока, когда главными инструментами становятся русская крестьянская колонизация, железная дорога, таможенный протекционизм и опора на национальный капитал[135]. Надо отметить, что его работы по истории административных преобразований в большей степени касались Западной Сибири и Дальнего Востока, а Восточная Сибирь практически осталась не затронутой. В целом же исследования А.В. Ремнева внесли значительный вклад в историографию данного вопроса.

Ни один современный исследователь Сибири не может обойтись без трудов Л.М. Дамешека. Начиная с 1980-х гг. темой его исследований становится изучение правительственной политики в отношении сибирских коренных народов, организации управления ими, место Сибири в составе Российского государства. В 1995 г. издается коллективный труд «История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа» под редакцией Л.М. Дамешека[136], который является заметным событием в жизни региона. Ценность работы заключается в том, что рассматривается история иркутских бурят за огромный период – с эпохи первобытнообщинного строя до 1990-х гг. Следует отметить еще одну книгу Л.М. Дамешека «Иркутск в панораме веков: очерки истории города», в которой автором рассматриваются вопросы своеобразия колонизации Восточной Сибири[137].

Как отмечает Ю.П. Петрушин, в 2000-е гг. Л.М. Дамешек сосредотачивается на переосмыслении вопросов политики россий-

[135] Ремнёв А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск: 1995; он же. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX вв. Омск: 1997. Он же. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 554 с.

[136] История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. М.: 1995. 564 с.

[137] Дамешек Л.М. Иркутск в панораме веков: очерки истории города. Иркутск: 2002.

ского самодержавия в отношении сибирских коренных народов в XVIII – начале XX в. Одновременно ученый обращает большое внимание на административную политику самодержавия в Сибири этого периода, заложившего законодательную базу региональных преобразований. С этой точки зрения реформы М.М. Сперанского предстояло рассматривать как сибирский вариант имперского регионализма[138].

В 2007 г. выходит в свет коллективный труд «Сибирь в составе Российской империи», в котором авторы (И.Л. Дамешек, Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев и др.) стремились не только обобщить уже имеющиеся результаты изучения истории Сибири имперского периода, но и представить новые подходы. Сибирская специфика (видение «образов Сибири») здесь прочитывается на протяжении значительного временного отрезка с разных ступеней властной вертикали, таких ступеней, которые определялись не политическими пристрастиями или классовой принадлежностью, а пространственным расположением, что позволяет приблизиться к созданию общей концепции развития Российской империи[139].

В 2007 г. под руководством Л.М. Дамешека выходят сразу три книги, объединенные серией «Азиатская Россия» и написанные Л.М. Дамешеком, И.Л. Дамешек, А.В. Гимельштейном, А.В. Даниленко, Е.А. Сениной[140]. В монографии Л.М. Дамешека «Сибирские инородцы в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.)» предметом исследования становится правительственная политика по отношению к народам Сибири, главное внимание в ней сконцентрировано на аграрной политике и землеустройстве, организации управления и ясачной политики. Автор проецирует интеграционные процессы в России и Сибири на общемировую историю. Он подчеркивает, что продвижение Российского государства на восток не было исключительно русским явлением, а

[138] Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении (XVIII – начало XX в.) / отв. ред. И.Л. Дамешек, Ю.П. Петрушин. Серия «Азиатская Россия». Иркутск: 2008. С. 20–21.

[139] Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.

[140] Дамешек Л.М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Серия «Азиатская Россия». Иркутск: 2007. 320 с.; Гимельштейн А.В. Дамешек Л.М. Сенина Е.А. Образ «инородцев» на страницах сибирской периодической печати (вторая половина XIX – начало XX в.). Иркутск: 2007; Гимельштейн А.В. Дамешек Л.М. Дамешек И.Л. Даниленко А.В. Региональная власть и общественность Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск: 2007.

представлялось выражением общеевропейских колонизационных движений. Стержнем правительственного курса в отношении сибирских народов становится аграрная политика самодержавия, при этом наблюдается единство имперских методов аграрной политики в отношении и к русскому крестьянству, и к аборигенам. В двух других работах авторы рассматривают инородческий вопрос с точки зрения его освещения на страницах сибирской периодической печати и восприятия власти общественностью Сибири.

Заслуживают внимания монографические работы других авторов – А.Ю. Конева, В.А. Зибирева, М.М. Федорова, посвященные исследованию политики Российского государства в отношении сибирских народов[141].

Несомненный интерес представляют работы Н.П. Матхановой о генерал-губернаторском и губернаторском корпусе Восточной Сибири, которые дали значительный фактический материал для исследования темы[142]. Особо следует отметить ее монографию «Сибирская мемуаристика», в которой дается источниковедческий анализ сибирской мемуаристики XIX в., включающую в себя воспоминания, дневники, путевые записки[143]. Следует отметить исследования И.Л. Дамешек, в которых она рассматривает место Сибири в социально-экономических процессах Российского государства, сочетание имперских принципов и регионализма в законодательной политике империи в регионе[144].

В последние десятилетия значительное место в исследовании инородческого вопроса занимает тема образа инородцев на страницах сибирской периодической печати. Появились интересные

[141] Конев А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX вв.). М.: 1995; Зибарев В.А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск: 1990; Федоров М.М. История правового положения народов Восточной Сибири в составе России. Иркутск: 1991.

[142] Матханова Н.П. Генерал-губернатор в системе управления России: закон и практика (на примере Восточной Сибири середины XIX в.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVIII–XX вв. Новосибирск: 1996; она же. Губернаторский корпус Восточной Сибири в середине XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 2; она же. От Трескина до Муравьева-Амурского (биография сибирского чиновника) // Там же. 1994. № 2; она же. Чиновник и мемуарист Бернгард Васильевич Струве // Там же. 1995. № 1.

[143] Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2010. 552 с.

[144] Дамешек И.Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в). Иркутск: 2005.

работы Е.А. Сениной, А.Ю. Ледовских[145], авторского коллектива в составе А.В. Гимельштейна, Л.М. Дамешека и Е.А. Сениной[146]. А.Ю. Ледовских в ходе своего исследования тем сибирского инородческого вопроса на страницах журнальной прессы начала XX в. отмечает, что сибирская журнальная публицистика начала XX в. представлена двумя изданиями – «Сибирский наблюдатель» и «Сибирские вопросы», за 1901–1912 гг. в них было опубликовано около 190 статей, посвященных «инородцам»[147].

В Бурятии усиливается интерес к истории дореволюционного периода, в научный оборот вводятся новые документальные источники. Вышли в свет работы по истории закаменских бурят Г.Р. Галдановой и Б.Ш. Доржиева[148]. П.С. Дырхеев написал очерк истории верхоленских бурят, используя обширный архивный материал ГАИО и ГАРБ[149]. Интерес представляют исследования историков Б.Б. Батуева и И.Б. Батуевой о селенгинских бурятах[150], Ж.Т. Тумунова об агинских бурятах[151], Ж.А. Зимина об истории аларских бурят[152]. В каждой работе исследуются хозяйство и быт бурят, история создания органов местного самоуправления.

Вопросы административного управления Российского государства Бурятией во второй половине XVII в. – 1917 г. рассмотрены в диссертационной работе С.С. Балданова[153]. Интерес представляет монография С.Г. Жамбаловой о профанном и сакраль-

[145] Сенина Е.А. Инородческий вопрос на страницах сибирской периодической печати во второй половине XIX – начале XX века: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2005; Ледовских А.Ю. Сибирский «инородческий вопрос» на страницах российской журнальной прессы во второй половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск: 2008.

[146] Гимельштейн А.В. Дамешек Л.М. Сенина Е.А. Образ «инородцев» на страницах сибирской периодической печати (вторая половина XIX – начало XX в.». Иркутск: 2007.

[147] Ледовских А.Ю. Сибирский «инородческий вопрос» на страницах российской журнальной прессы во второй половине XIX – начале XX вв. С. 8.

[148] Галданова Г.Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (вторая половина XIX – первая половина XX вв.). Новосибирск: 1992; Доржиев Б.Д. Закамна. Исторический очерк. Улан-Удэ: 1993.

[149] Дырхеев П.С. Очерки истории верхоленских бурят. Улан-Удэ: 2005.

[150] Батуев Б.Б. Батуева И.Б. Очерки истории селенгинских бурят. Улан-Удэ: 1992; они же. Буряты в XVII–XIX вв. Улан-Удэ: 1996.

[151] Тумунов Ж.Т. История Аги (1648–1917). Часть 1. Дооктябрьский период. Улан-Удэ: 2006.

[152] Зимин Ж.А. История Аларского района. Иркутск: 1994.

[153] Балданов С.С. Административное управление Российского государства Бурятией (II половина XVII в. – 1917 г.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ: 1999.

ном мирах ольхонских бурят, в которой отдельный параграф посвящен деятельности Ольхонской Степной думы[154].

Монография С.Ю. Даржаева является практически единственной работой по истории бурятских Степных дум как органов местного самоуправления бурят. Ценность работы состоит в том, что в ней раскрыт процесс формирования Степных дум, на основании анализа архивных документов рассмотрена их административно-хозяйственная и судебная деятельность[155].

Важной исследовательской темой постсоветского этапа отечественной историографии становится сфера межнациональных отношений, культурный и хозяйственный быт сибирских народов. Среди них можно отметить работы Б.Б. Батуева и И.Б. Батуевой, О.В. Бураевой[156]. Следует также отметить книгу Ч.Г. Андреева о коренных народах Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.[157], в которой автор на основе привлечения обширных источников исследует различные способы инкорпорации бурят в хозяйственную систему русского населения Сибири.

В 2004 г. выходит коллективная монография «Буряты» под редакцией Л.Л. Абаевой и Н.Л. Жуковской[158]. В ней собраны обширные сведения по этнической истории и культуре бурят: особый интерес для нашей работы представляют статьи Д.Д. Нимаева об этнической истории бурят, С.Г. Жамбаловой об облавной охоте бурят как отражении ранней формы социальной организации, В.С. Ханхараева об общественном строе бурят в XVII – XIX в., Р.П. Сыденовой об иерархии общинных структур в Бурятии.

Важное значение для исследования темы имеет монография С.Ч. Мантуровой, в которой рассматривается социальное призрение в Забайкальской области во второй половине XIX – начале XX в. Ею впервые рассмотрена деятельность бурятских Степных дум по социальной поддержке коренного населения, выявлены такие

[154] Жамбалова С.Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят. Новосибирск: 2000. С. 59–67.

[155] Даржаев С.Ю. Степные думы – органы самоуправления бурят в российском государстве (1822–1904 гг.). Улан-Удэ: 2001.

[156] Батуев Б.Б. Батуева И.Б. Буряты в XVII–XIX вв. Улан-Удэ: 1996; Бураева О.В. Хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков в XVII – I половине XIX вв. Улан-Удэ: 2000.

[157] Андреев Ч.Г. Коренные народы Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. (60-е гг. XIX в. – октябрь 1917 г.). Улан-Удэ: 2001. 287 с.

[158] Буряты. М.: Наука, 2004. 633 с.

ее формы, как содержание сельских экономических магазинов, содержание приходских школ, подбор и направление стипендиатов в уездные гимназии и училища. Вместе с тем автор отмечает, что Степные думы явились национальными органами самоуправления, благодаря которым сохранились традиционный образ жизни, уникальная культура и такие традиционные черты взаимоотношений бурят, как любовь к ближнему, взаимная помощь и поддержка, взаимная верность, справедливость, честность[159].

Заслуживают внимания для исследования темы диссертации А.В. Сивковой и В.А. Мунханова. Так, в диссертации А.В. Сивковой нашла отражение тема законодательного регулирования политики царского правительства в отношении Сибири в 70-е годы XVIII – 80-е годы XIX в. По мнению автора, если в XVIII в. основными для российского правительства оставались финансовые интересы, то в XIX в. происходит переориентация правительственного взгляда на полную ассимиляцию народов Сибири посредством приобщения их к земледелию[160]. Надо отметить также диссертацию В.А. Мунханова об организации управления народами Юго-Восточной Сибири в имперский период (1721–1917 гг.), в которой рассматривается вопрос об административной политике Российского государства в отношении сибирских народов, перешедшего от патерналистских установок XVIII в. к унификации управленческих форм к концу XIX в., что было вызвано окончательной интеграцией Сибири во внутригосударственное пространство России[161].

Значительный вклад в исследование темы внесла научно-практическая конференция «Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления», состоявшаяся в 2007 г. в г. Якутске. По итогам конференции был опубликован сборник статей ученых, парламентариев и представителей общественности. На наш взгляд, статья А.А. Борисова о деятельности Якутской думы в контексте общероссийских тенденций в организации управления в первой половине XIX в. и статья Б.В. Базарова и С.Ю. Даржаева о деятельности

[159] Мантурова С.Ч. Государственное призрение и благотворительность в социальной и культурной жизни Забайкалья во второй половине XIX – начале XX вв. Улан-Удэ: 2005. 232 с.

[160] Сивкова А.В. Сибирь в системе имперского законодательства в 70-е годы XVIII – 80-е годы XIX в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ: 2006.

[161] Мунханов В.А. Организация управления народами Юго-Восточной Сибири в имперский период (1721–1917 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Иркутск: 2010.

бурятских Степных дум позволяют провести сравнительный анализ между ними, хотя их трудно сопоставить даже в количественном и хронологическом плане. Якутская Степная дума функционировала в течение 11 лет, а 12 бурятских Степных дум – 80 лет. Именно тот факт, что Якутская Степная дума была создана для одного Якутского округа и превратилась в общеякутский орган самоуправления с большим размахом функций и полномочий, позволяет исследователю сделать вывод об уникальности опыта самоуправления на большой территории с охватом широких слоев населения[162].

Следует отметить исследования Т.С. Ивановой, С.И. Бояковой, В.К. Иванова, посвященные юридическому статусу инородцев и местных органов самоуправления в законодательной и государственной системе Российского государства[163]. Надо также обратить внимание на работу Е.А. Пахомова об административно-территориальном устройстве якутов согласно Уставу об управлении инородцев 1822 г., в которой прослеживается история местного самоуправления якутов вплоть до 1917 г.[164].

История хакасских Степных дум нашла отражение в монографии Е.П. Мамышевой, которая в результате проведенных исследований приходит к выводу о положительной роли создания хакасских Степных дум в общественно-политическом развитии минусинских и ачинских инородцев. Автор считает, что Степные думы стали основой будущей государственности хакасов[165].

Предметом изучения Е.П. Коваляшкиной становится исследование концепции государственной политики и областнической мыс-

[162] Борисов А.А. Деятельность Якутской Степной думы в контексте общероссийских тенденций в организации управления первой половины XIX в. // Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления. Якутск: 2007. С. 10–16.

[163] Иванова Т.С. Значение Устава об управлении инородцев 1822 г. в развитии правового положения народов Якутии. Боякова С.И. Становление и эволюция системы органов общественного управления народов Севера Якутии (2 пол. XVIII в. – начало XX в.) // Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления. Материалы научно-практической конференции (Якутск, 3 апреля 2007 г.). Якутск: Изд-во ЯНЦ, 2007; Иванов В.К. Якутская Степная дума и Якутское областное правление: правовой статус и полномочия // Там же.

[164] Пахомов Е.А. Административно-территориальное устройство и традиции местного самоуправления Якутии по «Уставу об управлении инородцев Сибири» // Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления // Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления. Материалы научно-практической конференции (Якутск, 3 апреля 2007 г.). Якутск: Изд-во ЯНЦ, 2007. С. 41–46.

[165] Мамышева Е.П. Хакасия: от Степных дум к автономии (1822–1930 гг.). Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2008. 124 с.

ли в инородческом вопросе в Сибири. Автор анализирует принципы оппозиционных друг другу подходов к решению инородческого вопроса в Сибири, представленных традициями государственной политики и областнической мысли[166]. Интерес представляет ее мнение о том, что одной из причин изменения политики Российского государства по отношению к инородцам во второй половине XIX – начале XX в. стало утвердившееся в общественном и политическом сознании в качестве нормы деление народов на исторические и неисторические. Слияние русской государственной идеи с идеей этнической, православной вызвало административный ассимиляционный национализм – грандиозную программу обрусения инородческого населения России, в частности, полного уравнивания правового положения народов Сибири с русскими[167].

Работы Л.И. Шерстовой позволяют сделать сравнительный анализ бурятских обществ с тюркоязычными южносибирскими народами, у которых в конце XIX – начале XX в. со стороны Российского государства также проводится политика, направленная на нивелировку, унификацию этнически пестрых регионов, с переводом всего инородческого сословия в крестьянское, с общей унификацией прав, обязанностей и органов управления. Государство всеми способами готовило ликвидацию сословия сибирских инородцев, базируясь на извечном, но модифицированном в духе времени принципе о тождестве русских и русифицированных аборигенов, совмещенном с «уваровскими» установками государственной идеологии (православие, самодержавие, народность)[168].

На этом этапе наблюдается большой интерес к изучению норм обычного права бурят, появляются научные работы, рассматривающие обычное право с историко-правовых позиций. Значительный вклад в изучение обычного права бурят, его влияния на жизнь бурятских обществ внесла работа Б.Д. Цибикова об обычном праве хоринских бурят[169]. Автор впервые опубликовал все

[166] Коваляшкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири в концепциях государственной политики и областнической мысли. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 326 с.

[167] Коваляшкина Е.П. Российская государственная идея и аборигенная политика в Сибири // Обычное право и правовой плюрализМ.М.: 1999. С. 187.

[168] Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика в XVII – начале XX вв. Новосибирск: Инс-т археологии и этнографии СО РАН, 2005. 312 с.

[169] Цибиков Б.Д. Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности. Новосибирск: 1992.

известные памятники обычного права хоринских бурят на старомонгольской письменности с переводом на русский язык, с комментариями и кратким обзором самих документов и литературы по данной проблеме, тем самым он внес огромный вклад в расширение источниковой базы темы исследования.

Эмпирическую направленность носят работы историков права В.В. Увачана, М.Н. Игнатьевой, А.Т. Тумуровой, Г.А. Тюньдешева. В них авторы, используя социальную практику (В. Увачан – эвенков, М.Н. Игнатьева – якутов, А.Т. Тумурова – бурят, Г.А. Тюньдешев – хакасов)[170], описывают обычно-правовую соционормативную систему в определенных хронологических и территориальных рамках. Однако эти работы, по мнению И.Б. Ломакиной, будучи историко-правовыми, не выходят на тот уровень обобщения, где исследуются онтология и аксиология обычного права[171].

Проблеме обычного права бурят посвящена монография А.Т. Тумуровой, в которой проводится исследование брачно-семейного, гражданско-правового и уголовно-правового институтов обычного права бурят на основе анализа одного из первых писаных памятников обычного права бурят – Селенгинского уложения 1775 г.[172] Интересной является дальнейшая разработка автором темы исследования, вылившаяся в диссертационную работу «Обычное право бурят: историко-правовое исследование»[173]. А.Т. Тумурова осуществила реконструкцию процесса генезиса обычного права бурят, раскрыла его роль и значение в социальном развитии бурятского общества, показала место в системе социального регулирования.

Значительным вкладом в исследование обычного права сибирских народов являются работы И.Б. Ломакиной, которая впервые ввела в научный оборот термин «этническое обычное право» с целью различения современного обычного права, представлен-

[170] Тюньдешев Г.А. Обычай как элемент культуры хакасов: Автореф. дис… канд. юрид. наук. СПб.: 1997; Игнатьева М.Н. Обычное право якутов (XVII–XIX вв.): Дис. ... канд. юрид. наук. М.: 1989; Тумурова А.Т. Обычное право бурят по Селенгинскому уложению 1775 года: Дис. ... канд. юрид. наук. М.: 1997; Увачан В.В. Обычное право эвенков в XVII – начале XX в. М.: Кн. дом «Ун-т», 2001. 133 с.

[171] Ломакина И.Б. Этническое обычное право: теоретико-правовой аспект: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. СПб.: 2005. С. 3.

[172] Тумурова А.Т. Обычное право бурят: Селенгинское уложение 1775 г. Улан-Удэ: 2004.

[173] Тумурова А.Т. Обычное право бурят: историко-правовое исследование: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. М.: 2010.

ного обычаями делового оборота и прочими обыкновениями, и этнического традиционного обычного права как первоосновы формирования национального государственно организованного права[174]. В своем исследовании институционального аспекта обычного права народов Сибири автор ставит задачу объяснить его природу, его органическую связь с духовным миром, ментальностью жителей суровой земли. На этой методологической основе ею предпринята попытка сформулировать положения и выводы, «которые актуализируют проблему интеграции обычно-правовых систем с государственно-организованным правом».

Следует также отметить исследование Е.С. Гылыковой «Обычное право бурят. (Историко-правовое исследование)», рассматривающее историко-правовую действительность, в которой применялись нормы обычного права бурят в период с XVII по начало XX вв., выделение основных отраслей обычного права и их исследование как части правовой системы России. Интерес представляют выводы автора о влиянии русского права на обычное право бурят, прежде всего отразившееся на системе управления бурятскими родами, отсюда присутствие в памятниках обычного права бурят большого количества статей, посвященных порядку управления, назначению должностей в родовой администрации[175].

Обычное право сибирских народов с позиций его места в правовой системе Российского государства в XIX – начале XX в. исследовано в диссертации В.В. Наумкиной[176]. В ней выявлены особенности содержания и действия обычного права кочевых народов Восточной Сибири в контексте государственно-правовых процессов, направленных на интеграцию обычного права в правовую систему Российского государства XIX – начала XX в.

Наиболее полное собрание переводов памятников обычного права бурят было опубликовано в сборнике «Обычное право сибирских народов (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы)» в 1997 г. Сборник сопровождается статьями известных российских

[174] Ломакина И.Б. Этническое обычное право: теоретико-правовой аспект: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. СПб.: 2005. 43 с.

[175] Гылыкова Е.С. Обычное право бурят (Историко-правовое исследование): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М.: 2005.

[176] Наумкина В.В. Обычное право сибирских народов Восточной Сибири в правовой системе Российского государства в XIX – начале XX в.: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. М.: 2010.

этнологов и антропологов Ю.И. Семенова и В.В. Карлова. Ученые признают обычное право сибирских народов важным эмпирическим материалом для анализа проблемы правогенеза. Ю.И. Семенов в очерке обычного права выделяет главным образом процесс формирования обычного права – нормативной системы, отличной от первоначального табуитета и первобытной морали, и видит в нем прежде всего институт межсоциорных отношений. В.В. Карлов анализирует исследования обычного права народов Сибири в аспекте практической значимости обычноправовых институтов в решении актуальных задач правового регулирования. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что общие и частные выводы ученых базируются в основном на нормах северных народов. Нормы обычного права бурят в приведенных исследованиях рассматриваются лишь фрагментарно, в основном в аспекте особенного и нетипичного.

В основу постсоветских публикаций положен достаточно широкий круг источников: это нормативные акты, делопроизводственные материалы, мемуары и др. Общественно-политическая жизнь Сибири того периода рисуется авторами на фоне общероссийских событий, что придает исследованиям особый колорит. Девятнадцатое столетие завершило целую эпоху инкорпорации народов в Российское государство, превратившееся (в первую очередь благодаря колоссальным масштабам) в суперимперию. Расовые и этнические особенности этносов не помешали вовлечению их разноукладных социальных организмов в новую общность, сложившуюся в результате добровольных, вынужденных и насильственных присоединений. Многочисленные микросоциумы интегрировались в некую универсальную систему, в данном случае – в имперскую структуру.

Геополитические интересы постоянно вели Россию на Восток. Империя, растянувшаяся к середине XIX в. по всему азиатскому континенту, постепенно начинала обретать свою идентичность, отличавшую ее от любой другой европейской империи.

Важным событием в исторической науке Бурятии стало издание в 2011 г. фундаментальной трехтомной «Истории Бурятии». Во втором томе издания дается характеристика реформам М.М. Сперанского, в частности, Уставу об управлении инородцев 1822 г., закрепившему «основные принципы административной,

финансовой, национальной политики империи применительно к сибирским аборигенам» до конца XIX в.[177]

Как известно, 2012 г. был объявлен в России годом истории и ознаменовался целым рядом крупных исторических событий. В эту канву органично вписывается и 90-летие со дня создания одного из старейших академических институтов России – Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБТ СО РАН). Упомянутое событие нельзя рассматривать как региональное, чисто местное явление. Это событие значимо для всей академической науки России. Сами научные сотрудники ИМБТ юбилей института ознаменовали целой серией научных публикаций и международных конференций. В эти же годы в Бурятии был опубликован и цикл монографий, посвященных конкретным вопросам истории этого региона. Для авторов данной книги общественно и научно значимыми представляются исследования Б.Ц. Жалсановой, опубликовавшей в 2009–2019 гг. 13 монографий и сборников документов (в т. ч. в соавторстве), посвященных вопросам развития общественного самоуправления у бурят в XIX в. Сам факт публикации этих научных изданий нельзя рассматривать иначе как продолжение традиционного сотрудничества историков института и архивной службы республики.

В монографиях Б.Ц. Жалсановой рассматривается история формирования и развития местного самоуправления бурят на протяжении всего XIX столетия. Автором обстоятельно исследуется вопрос о создании органов самоуправления у иркутских и забайкальских бурят. История Степных дум и инородных управ у бурят не раз являлась предметом исследования различных авторов. Однако нельзя не признать, что большинство предшественников основное внимание обращали на политическую составляющую проблемы, показав основные тенденции развития административной политики империи в отношении окраинных «инородцев». Сама же огромная работа по созданию этих органов, принципов их территориального размещения, механизм упразднения остались вне поля зрения предшественников. На этих вопросах и сосредоточился автор и вполне с ними справился.

[177] История Бурятии. В 3 т. Т. II. XVII – начало XX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 159.

В ее монографиях исследуется административная и хозяйственная деятельность органов самоуправления бурят, система моральных и материальных поощрений должностных лиц за исполнение своих обязанностей. Особенно хочется отметить исследования об отдельных должностных лицах органов бурятского самоуправления, внесших наиболее существенный вклад в развитие своих ведомств: о Сахаре Хамнаеве, Заяхане Хамаганове, Намдаке Дылыкове и др.[178] Значительное внимание уделяется изучению деятельности органов местного самоуправления по сбору налогов и податей, выполнению арестантской, дорожной, квартирных и иных повинностей. Автор приходит к выводу о полной финансовой самостоятельности бурятских ведомств.

Вполне справедливо отмечается неизбежность эволюции судебной системы инородческого суда, выявляются причины этих изменений. Специально выделен вопрос о следственных делах в отношении должностных лиц общественного самоуправления, исследуется вопрос о социальных и иных причинах коррупции должностных лиц, рассматривается деятельность органов местного самоуправления по социальной политике и благотворительности. Автор справедливо подчеркивает, что в бурятском обществе оба эти вида деятельности были абсолютно лишены какой-либо государственной составляющей. Тем не менее именно благодаря этой деятельности в бурятском обществе отсутствовали такие негативные явления, как сиротство, нищенство и беспризорничество[179].

Эти вопросы получили осмысление и вылились в крупное монографическое издание по истории органов местного само-

[178] Жалсанова Б.Ц. Заяхан Хамаганов – почетный тайша кударинских бурят // От имени народа, во имя народа. Становление и деятельность органов представительной власти в Бурятии. Улан-Удэ: ЭКОС, 2011. С. 48–53; она же. Сахар Хамнаев – великолепный хозяйственный деятель / Б.Ц. Жалсанова // От имени народа, во имя народа. Становление и деятельность органов представительной власти в Бурятии. Улан-Удэ: ЭКОС, 2011. С. 54–62; она же. Намдак Дылыков – видный бурятский общественный деятель конца XIX – начала XX в. / Б.Ц. Жалсанова // Вестник БНЦ СО РАН. 2015. № 4. С. 27–42.

[179] Жалсанова Б.Ц. Инородные управы как органы местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / Б.Ц. Жалсанова. Улан-Удэ: Изд-во ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2009. 240 с.; она же. История формирования и развития органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / Б.Ц. Жалсанова. Иркутск: Оттиск, 2012. 364 с.; она же. Источники и историография истории местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / Б.Ц. Жалсанова. Иркутск: Оттиск, 2012. 138 с.

управления бурят, подготовленное совместно с профессорами Л.М. Дамешеком и Л.В. Курасом[180] и получившее высокую оценку как в российской[181], так и в зарубежной[182] научной периодике. Непосредственным продолжением и дополнением этих публикаций является цикл статей Б.Ц. Жалсановой, опубликованных в различных представительных изданиях[183].

[180] Дамешек Л.М., Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 503 с.

[181] Маглеев А. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. Рец. на монографию «История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.»: монография / Л.М. Дамешек, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 503 с. // Бурятия. 2014. 25 апреля. С. 6; Нанзатов Б.З. Органы местного самоуправления у бурят в XIX в. Рец. на монографию «История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.» / Л.М. Дамешек, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 503 с. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2014. Том 7. С. 228–231; Жабаева Л.Б., Цыпышева Н.В. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. Рец. на монографию «История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.» / Л.М. Дамешек, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 503 с. // Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2014. № 4 (49). С. 186–189; Матханова Н.П. Рец. на монографию «История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.» / Л.М. Дамешек, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 503 с. // Гуманитарные науки в Сибири (Новосибирск). 2014. № 3. С. 106–107; Казарин В.Н. Местное самоуправление бурят в императорской России: современное видение. Рец. на монографию «История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.» / Л.М. Дамешек, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 503 с. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2014. № 4. С. 305–310; Тугужекова В.Н. Рецензия на: Дамешек Л.М., Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX века // отв. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013, 503 с. // Научное обозрение Саяно-Алтая. Рецензируемый научный журнал. № 4 (12). 2015. Серия: история. Вып. 4. С. 117–118.

[182] Robert W. Montgomery [Baldwin Wallace University]. Dameshek, Lev Mikhailovich, Budit Tsydipmunkuevna Zhalsanova, and Leonid Vladimirovich Kuras. Istoriia organov samoupravleniia buriat v XIX–nachale XX v. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013. 503 pp. ISBN 978-5-9624-0930-6 // Russian Review, Vol. 77, No. 1 (January 2018).

[183] Жалсанова Б.Ц. Ответственность должностных лиц органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / Б.Ц. Жалсанова // Власть. 2013. № 5. С. 170–172; она же. Опыт борьбы с пьянством в бурятских ведомствах в XIX – начале XX в. / Б.Ц. Жалсанова // Власть. 2013. № 10. С. 168–171; она же. Бракоразводные дела в инородческом судопроизводстве в XIX в. / Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас // Сибирский юридический вестник. 2016. № 3. С. 15–19; она же. Имущественное право бурят в XIX – начале XX вв. // Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас // Сибирский юридический вестник. 2017. № 4 (79). С. 11–17; она же. Исковые дела бурят по спорам, возникающим из трудовых отношений (XIX в.) / Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас // Сибирский юридический сборник. 2018. № 3 (82). С. 3–8; она же. Роль норм обычного права бурят XIX в. в развитии политико-правовых ценностей конституционализма / Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас // Миссия современного государства и права в эпоху социальных перемен: материалы Между-

Последним по времени наиболее крупным историографическом явлением в изучении рассматриваемой проблемы является выход трехтомника избранных сочинений Л.М. Дамешека, который, по мнению главного редактора издания академика РАН Б.В. Базарова, стал настоящим украшением российской историографии[184].

Названный трехтомник Л.М. Дамешека по истории российской государственности – это классическое напоминание нам, сегодняшним, о существовании базовых понятий классической исторической науки. Кроме того, это несомненная помощь в учебном процессе, содействие доступу к документам крупнейших архивохранилищ страны и работам незаслуженно забытых историков и правоведов.

«Избранные труды» состоят из трех томов: Том I. «Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX вв.)». Научный ред. д.и.н., проф. А.А. Иванов; Том II. «Сибирь в системе имперского регионализма (1822 – 1917 гг.)». Научный ред. д.и.н. М.В. Шиловский; Том III. «Сибирские окраины Российской империи (XVIII – начало XX вв.)». Научный ред. д.и.н., проф. Л.В. Курас[185].

Первый том состоит из шести глав, в которых через призму национального фактора рассматриваются аграрное законодательство и землеустройство, развитие системы управления, процесс христианизации народов Сибири, а также ясачная политика самодержавия в отношении сибирских «инородцев». Сам факт опоры автора на нормативно-законодательную базу, созданную в XIX – начале XX вв. российскими правоведами, делает его творчество не-

нар. науч.-практ. конф. г. Иркутск, 26 окт. 2018 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ», Юрид. ин-т // отв. ред. Т. Л. Курас. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. 375 с. С. 14–17.

Дамешек Л.М., Жалсанова Б.Ц., Чимитдоржиева Л.Ш., Л.М. Бурятские общества в годы Первой мировой войны // Сборник статей по материалам круглого стола «Первая мировая война в истории Байкальского региона», посвященного 100-летию со дня начала Первой мировой войны, 16 окт. 2014 г. Улан-Удэ: 2015. С. 143–148 и др.

[184] Базаров Б.В. Предисловие. Дамешек Л.М. Избранное. Том I. «Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начала XX вв.)». Науч. ред. д.и.н., проФ.А.А. Иванов; Иркутск: Оттиск, 2018. С. 9.

[185] Дамешек Л.М. Избранное. Том I. «Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начала XX вв.)». Научный ред. д.и.н., проф.А.А. Иванов; Иркутск: Оттиск, 2018. 455 с.; Том II. «Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.)». Научный ред. д.и.н. М.В. Шиловский; Иркутск: Оттиск, 2018. 415 с.; Том III. «Сибирские окраины Российской империи (XVIII – начало XX вв.)». Научный ред. д.и.н., проф. Л.В. Курас. Иркутск: Оттиск, 2018. 255 с.

уязвимым, несмотря на изменение методологической составляющей исторического исследования, что неоднократно отмечалось в современной российской историографии[186]. Такое построение монографии является традиционным для творчества ученого и делает ее классической как по форме, так и по содержанию.

На наш взгляд, первый том имеет прорывный характер во многом благодаря сосредоточенности автора на «инородческой» тематике и его совместной работе с учеными Бурятии[187], которые в течение семи лет занимаются подготовкой и публикацией документов из фондов Государственного архива Республики Бурятия «Бурятские Степные думы в документах Государственного архива Республики Бурятия»[188].

Том второй состоит из трех глав, в которых российские окраины рассматриваются в системе внутренней политики империи. В нем дается подробная характеристика высших имперских институтов власти и воздействия их на Сибирь. И, наконец, важнейшая составляющая монографии – «Региональный компонент управления», в котором ученый раскрывает областническую концепцию как выражение сибирского самосознания; механизмы и особенности деятельности губернской администрации; место сибирских

[186] Курас Л.В. Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII – начале X в. (историография проблемы в трудах профессора Льва Михайловича Дамешека) // Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII – начале XX в. [«Азиатская Россия»]. Иркутск: Оттиск, 2013. С. 14–30; Иванов А.А. Иркутский исследователь истории Сибири // Там же. С. 31–43.

[187] Дамешек Л.М. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / Л.М. Дамешек, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас. Серия «Россия Азиатская». Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 503 с.

[188] Ванчикова Ц.П. Матханова Н.П. Местное самоуправление у бурят в XIX – начале XX вв. в документах Государственного архива Республики Бурятия: Жалсанова Б.Ц. История Кударинской Степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия (1825–1903 гг.): [сб. документов, перечень документов] / автор-составитель Б.Ц. Жалсанова / науч. ред. Л.В. Курас. Улан-Удэ: НоваПринт, 2010. 248 с.; Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История Аларской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1889 гг.): [сб. документов, перечень документов] / авторы-составители Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас / науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2015. 352 с.; Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История Баргузинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1889 гг.): [сб. документов, перечень документов] / авторы-составители Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас / науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2012. 352 с.; Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История Хоринской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1825–1904 гг.): [сб. документов, перечень документов] / авторы-составители Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас / науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2016. 592 с. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 4. С. 115–117.

инородцев в имперской стратегии власти; управление каторгой и ссылкой как специфическую функцию местных политических институтов власти.

Особенно хочется обратить внимание читателя на первую главу, которая является по существу методологией исследования. Л.М. Дамешек совершенно обоснованно посвятил первый параграф монографии отработке категориально-понятийного аппарата, что позволило ему выявить роль ресурсного и природно-географического фактора в окраинной политике и выстроить имперскую модель управления окраинами. Не случайно именно этому тому предшествовал ряд монографических сочинений профессора Л.М. Дамешека по поставленной проблеме[189]. Именно поэтому за последние 10–15 лет, во многом благодаря стараниям профессора Л.М. Дамешека, по теме имперского регионализма и окраинной политики России произошел самый настоящий информационный взрыв. Тем самым ученый вплотную подошел к мысли о необходимости издания фундаментального историографического и источниковедческого труда.

Том третий состоит из трех глав, в которых рассматривается проблема имперства на окраинах России. Но особое внимание автор заостряет на проблеме становления имперского регионализма в Сибири черед призму личности М.М. Сперанского и его реформы, что является признаком «высшего пилотажа». Кроме того, важным аспектом монографии стало изучение этнического фактора в имперском измерении, что позволило профессору Л.М. Дамешеку характеризовать окраинную политику как фактор устойчивости Российской империи в XVIII – начале XX вв.

И, наконец, заключительная глава монографии, носящая сугубо источниковедческий характер – «Законодательство как источник изучения правительственной политики в Сибири», построенная на документах «Полного собрания законов Российской империи» и обзоре законодательных актов середины XIX в., действую-

[189] Дамешек Л.М. Региональная власть и общественность Сибири, XIX – начало XX вв. / Л.М. Дамешек, А.В. Даниленко, А.В. Гимельштейн, И.Л. Дамешек. Иркутск: Вост.-Сиб. изд. компания, 2007. 256 с.; он же. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти XVII – начала XX вв. / Л.М. Дамешек. Серия «Азиатская Россия». Иркутск: Вост.-Сиб. изд. компания, 2007. 320 с.; он же. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.) / Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек. Серия «Азиатская Россия». Иркутск: Репроцентр А1, 2009. 389 с. И др.

щих на территории Сибири, что делает работу по-настоящему фундированной.

Надо отметить еще одно новое исследование по истории местного самоуправления калмыков И.В. Лиджиевой, в котором рассматривается процесс становления и деятельности института местного самоуправления в калмыцкой степи в XIX – начале XX вв. в контексте общероссийского исторического развития. На основе комплекса исторических источников, в том числе обычного права калмыков и законодательных актов Российского государства, автором выявлены региональные особенности формирования и деятельности этнического самоуправления в калмыцкой степи Астраханской губернии, Большедербетовского улуса Ставропольской губернии и на территории кочевий калмыков в Области Войска Донского, которое характеризовалось существованием казачьей формы самоуправления калмыков в Области Войска Донского, а также самоуправления в Ставропольской и Астраханской губерниях, представленных улусами, аймаками, хотонами. Работа И.В. Лиджиевой расширяет тему истории этносов в имперской системе власти, в дальнейшем послужит основой для новых исследований компаративистского характера[190].

Уникальность России заключалась не только в территориальной необъятности или многообразии природных и климатических зон, но прежде всего в этническом многообразии входящих в империю народов. Каким образом происходила интеграция окраинных этносов в империю, как проходил процесс их адаптации и в какой мере влиял на этот процесс, в частности, конфессиональный фактор? Нетрудно предположить, что народам, исповедовавшим православие, удавалось войти в империю значительно проще, нежели носителям иных вероисповеданий, острее ощущавшим свою чужеродность в православном государстве. В привилегированном положении находился русский народ, который, являясь титульной нацией, идентифицировал себя с империей в значительно большей степени, чем это происходило с другими народами Европы.

Каждому из населявших империю этносов была присуща своя особая ментальность, во многом определявшая взаимоотношения

[190] Лиджиева И.В. Местное самоуправление калмыков в XIX – начале XX вв. (историко-этнографический аспект). Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 310 с.

с государством, влиявшая на место и роль того или иного народа в системе имперских координат. Что придавало устойчивость физической конструкции империи, обеспечившей значительную, в масштабах мировой истории, продолжительность ее существования? Этот вопрос взаимосвязан с устройством и эволюцией административной системы, исследованию которой советские историки не уделили должного внимания. Одним из факторов стабильности империи было разумное интегрирование в бюрократическую систему государства представителей местных национальных элит. Эффективное имперское руководство могло быть только косвенным, при более или менее добровольном соучастии в исполнении господства со стороны тех, кто ему (имперскому руководству – авт.) подчинен. Подобное было возможно только в том случае, если местные элиты предпочитали подчинение самостоятельности, что, в свою очередь, предполагало их постоянную инкорпорацию в центральную элиту. Действительно, подобная практика была уникальной. Достаточно трудно представить, чтобы английские лорды и индийские магараджи уравнялись в правах и получили одинаковые привилегии, как это происходило с родовой знатью российских провинций, не только регулярно востребуемой властью, но и вносимой в родословные книги русского дворянства. Это обстоятельство является одним из серьезных аргументов в пользу «неколониального» характера Российской империи.

Между тем исследования отдельных сюжетов истории империи в зарубежной историографии начались задолго до становления «имперской» парадигмы в качестве самостоятельной объяснительной модели. Исследователи, придерживающиеся «тоталитарной парадигмы», обнаружили большую склонность к включению проблемы империи в список исследовательских вопросов. Примером может служить монография Р. Пайпса «The Formation of the Soviet Union» (Cambridge (Mass.), 1964). Однако имперская компонента российской и советской истории в его понимании сводилась к констатации факта многонационального состава российского и советского государства, исследованию репрессивной политики имперского (отождествленного с русским) центра по отношению к нерусским национальностям и окраинным регионам и факту внешней экспансии. Взгляд на национальную поли-

тику имперского центра был производным от общей оценки российского государства как репрессивного политического режима.

Между тем имперская проблематика в целом, а также имперская система управления (как ее составляющая часть), вопросы взаимоотношения империи и окраинных (периферийных) регионов в последнее десятилетие вновь становятся актуальными в России и на Западе. Сфера исследовательских интересов в 1990-е гг. сместилась от центра к периферии, к изучению отдельных регионов и политики имперского правительства по отношению к ним.

По-прежнему наиболее заметной среди новейших западноевропейских исследований представляется монография А. Каппелера, получившая высокую оценку специалистов[191]. В центре внимания исследователя – процесс становления России как многонациональной империи на протяжении четырехсот лет (включая и эпоху СССР). Отказавшись от характерного для большинства историков «русоцентрического» подхода, Каппелер сумел объективно проанализировать характер и формы участия многих народов в возведении здания российской государственности. Он проследил эволюцию национальной политики от ее первых шагов до разработки специальных концепций, ложившихся в основу имперского курса на разных этапах истории страны. Россия, утверждает А. Каппелер, была не национальным государством русских, а «династически-сословно легитимизированным государством», а в объединявшей его имперской идее преобладали все же наднациональные черты, несмотря на очевидное родство ее структурообразующих компонентов с русским национальным сознанием.

Любая империя сильна своими государственными институтами, в конечном счете, своим бюрократическим аппаратом. Направление так называемой институциональной истории было весьма популярно в американской русистике 70-х гг. прошлого века. Что представляла собой российская административная система, как она функционировала и главное, как она сумела обеспечить столь длительное и устойчивое сохранение самодержавного режима – таковы основные вопросы в исследованиях западных историков.

[191] Капеллер А. Россия – многонациональная империя / пер. с нем. М.: 1997.

Первое исследование в этом направлении было предпринято в 1973 г. Джорджем Йени[192]. Автор вполне успешно справился с поставленной им самим задачей – «дать портрет царской администрации» во временном промежутке двух веков. Основываясь на историко-социологическом подходе, автор выстраивает концепцию «систематизации» управления. Центральное место здесь он отводит понятию «легально-административной системы». Однако в России процесс формирования подобной системы был фактически невозможен вследствие иных, нежели в Западной Европе, представлений русских о праве и его функциях в обществе.

Заметим, что, несмотря на широко распространенное в западной русистике мнение о серьезных недостатках российской административной системы, ряд исследований показал, что этот тезис не всегда представляется справедливым. В качестве примера следует привести книгу Ричарда Роббинса[193]. Автор подробно исследует институт губернаторов. В рамках этого автор рассматривает и определяет специфику функционирования данного института, взаимоотношения его представителей с чиновниками центральной и местной администраций. Отличительной чертой работы являются «портреты» 53 императорских наместников, приведенные им на фоне широкого исторического контекста. Автор отмечает, что и на рубеже XIX–XX вв. губернаторы сохранили статус «царских наместников». Новаторским подходом является представление о России как о полирегиональном государстве, признание разнообразия его территорий. Однако при этом автор сконцентрировал свое внимание на изучении лишь имперского центра, без учета многонационального характера государства[194].

Следует отметить, что достаточно длительное время имперский аспект истории России находился вне поля внимания западных историков. В данном случае они следовали традициям дореволюционной отечественной историографии, в которой подобные вопросы (по понятным причинам) не исследовались. Между тем полного игнорирования этого вопроса не происходи-

[192] Yaney G. L. The systematization of Russian government: Social evolution in the domestic administration of imperial Russia, 1711–1905. Urbana, 1973. 430 p.

[193] Robbins R. G., jr. The tsar's viceroys: Russian provincial governors in the last years of the empire. Ithaca, 1987. XIV, 271 p.

[194] Robbins R. G., jr. The tsar's viceroys: Russian provincial governors in the last years of the empire. Ithaca, 1987. XIV, p. 13, 17–19.

ло. В частности, известный специалист в русской истории М. Раев одну из своих работ посвятил именно модели имперской политики России[195]. Автор сумел предельно четко выделить основные ее составляющие (этапы): завоевание (присоединение), инкорпорация (территории и населяющих ее народов) и, наконец, ассимиляция. В числе важнейших составляющих имперской экспансии М. Раев называет территориальное, политическое, социально-экономическое и культурное измерения. Мы полностью разделяем мнение М. Раева о том, что российская окраинная политика во многом была зависима от того, каким образом и когда происходило присоединение конкретных территорий, а также от того, какие народы эти территории населяли. Модели имперской политики в отношении коренных народов Сибири и в отношении западных (более развитых) окраин существенно различались.

Одним из важных элементов, обеспечивающих эффективную инкорпорацию новых территорий в единое имперское пространство, выступало вовлечение местных элит в систему управления. Культурная и социальная русификация предоставляла дополнительные возможности для карьеры. Между тем, отмечает М. Раев, для российской национальной политики было характерно игнорирование особенностей национального сознания присоединенных народов, учитывались только юридические формы. Поэтому в течение весьма продолжительного времени проводимая имперскими властями политика русификации и ассимиляции являлась фактически не чем иным, как насаждением единого образа жизни по всей империи. Процесс постепенной социальной русификации присоединенных народов происходил параллельно введению общеимперских институтов, что обеспечивало русификацию административную. Между тем с активизацией во второй половине XIX в. национальных движений на окраинах российское правительство перешло к тотальной, фактически насильственной русификации[196].

[195] Raeff M. Patterns of Russian imperial policy toward the nationalities // Soviet nationality problems/ Ed. ву Allworth E. N.Y., 1971. P. 22–42.

[196] Raeff M. Patterns of Russian imperial policy toward the nationalities // Soviet nationality problems/ Ed. ву Allworth E. N.Y., 1971. P. 39–40.

Политика русификации в Финляндии в период 1855–1914 гг. исследовалась в сборнике под редакцией Эдварда Тадена[197]. Особенность компоновки статей сборника позволяет рассмотреть политику русификации как с позиции российского правительства, так и со стороны финнов. Проводимая в этот период русификация проводилась прежде всего посредством унификации административной. Унификация местного законодательства, единая общеимперская система местного управления, образования и судопроизводства. Между тем активная русификация на западных территориях империи являлась лишь одним из компонентов окраинной политики, основной целью которой было сохранение политической стабильности и порядка. Э. Таден вполне справедливо отмечает, что управление полирегиональной многонациональной империей представляло в высшей степени сложную задачу. При этом он достаточно высоко оценил проводимую в Финляндии политику – как в высшей степени толерантную, позволяющую финнам развиваться в экономическом, социальном и культурном отношении, сохраняя при этом свою национальную идентичность[198].

Таким образом, работы западных историков по проблемам имперского управления, вышедшие в свет в период 70–80-х гг. прошлого столетия, были немногочисленны. Тем не менее в них были намечены определенные проблемы, которые начиная с 1990-х гг. (распада Советского Союза) получили новое звучание и самое пристальное внимание специалистов.

Коллективная монография «После империи: Многонациональное общество и строительство нации» прослеживает процесс распада ряда континентальных империй – в том числе Российской[199]. Авторы стремятся выяснить, является ли упадок империй неизбежным, каково было соотношение властных полномочий между центром и периферией, титульной нацией и национальными

[197] Russification in the Baltic provinces and Finland, 1855–1914 / Ed. by Thaden E. C. Princeton, 1981. XIII, 497 p.

[198] Russification in the Baltic provinces and Finland, 1855–1914 / Ed. by Thaden E. C. Princeton, 1981. III, p. 462–463.

[199] After empire: Multi-ethnic societies and nation-building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg empires/ Ed. by Barkey K., Hagen M. von. Boulder, 1997. VII, 200 p.

меньшинствами, какие механизмы использовала империя для сохранения стабильности в государстве.

Для выяснения специфических особенностей российской империи западные исследователи используют сравнительно-исторический метод. В частности, А. Рибер самое пристальное внимание уделяет фактору исторического времени и географического местоположения. Автор относит Россию к числу так называемых территориально-протяженных империй, имеющих ряд отличий от западноевропейских империй с заморскими колониями.

Отличительными чертами континентальных империй и прежде всего Российской империи было наличие однородного в этническом отношении центра и прилегающих к нему многонациональных периферийных территорий. При этом традиционно именно окраинные территории (в российском варианте – населенные народами Кавказа, поляками, финнами и другими) являли собой наиболее нестабильные зоны империи и могли представлять реальную угрозу центру. Именно географическое положение территориальных империй, как пишет А. Рибер, ставило перед ними проблемы интеграции в целях обеспечения безопасности[200]. Рассматривая вопрос о механизме устойчивости империи, А. Рибер выделяет три его составляющих: имперская идея, имперская бюрократия, защита и интеграция пограничных зон (периферии). Остановимся на третьем компоненте. Автор создает общую типологию фронтиров евразийских империй, анализирует их общие черты, подчеркивая при этом значение фронтиров в формировании государственных институтов и идеологии метрополии. В интерпретации А. Рибера, западные границы Российской империи представляли собой западноевропейский тип фронтира, а юго-восточные – динамический, поскольку там происходило продвижение на восток оседлого народа – в территории с кочевыми племенами[201].

Имперское управление фронтирами представляло собой достаточно сложный, многоплановый процесс. Управление пограничными территориями Российской империи имело свои особенности, обусловленные многонациональным составом населения

[200] Rieber A. From reform to empire: Russia's «new» political history // Kritika. Bloomington: 2001. Vol. 2. N 2. P. 261–268.

[201] Rieber A. Approaches to empire // От мира империи к глобализации. Саратов: 2002. С. 117–138.

на этих землях. Соответственно, достаточно многоплановой была и стратегия имперского центра по присоединению и дальнейшей инкорпорации окраинных территорий. В XIX–XX вв. усилия правительства были сконцентрированы преимущественно на административной и правовой инкорпорации окраин. Именно поливариативность имперских управленческих моделей в отношении окраинных территорий обуславливала столь длительную жизнеспособность Российской империи[202].

Из зарубежной литературы, в которой рассматривается административная политика России на восточных окраинах империи, следует выделить прежде всего широко известные работы М. Раева, известного американского ученого[203]. Глава VIII «Michael Speransky...» – об «управлении русскими провинциями» – посвящена в основном Сибири, а в следующей, IX главе рассматриваются «проекты реформирования провинциальной администрации». Именно эти разделы монографии потребовали от М. Раева дополнительного изучения Сибири, что вылилось в отдельную работу «Сибирь и реформы 1822 г.».

Прежде всего отметим, что оба исследования основаны на солидной источниковой базе. Автор хорошо знаком с российской литературой, свободно ориентируется в ней. Очевидно, это обстоятельство позволило ему с горечью заметить, что «поглощенные драматическими сюжетами революционного и идейного движения, историки перестали серьезно изучать государственно-политическую эволюцию» России XVIII–XIX в. Именно данный вывод заставил М. Раева прежде всего поставить вопрос об эволюции системы управления русскими окраинами и России в целом.

Если в начальный период русской Сибири она интересовала правительство прежде всего как источник меха, то к началу XIX в. в связи с изменениями в экономике Сибири становилось совершенно очевидно, что она «может предложить нечто большее, чем некоторое количество дорогих мехов, и что она может стать «большим, чем принудительной резиденцией для преступников и нежелательных лиц». Изменение взглядов на роль Сибири проис-

[202] Имперский строй в региональном измерении (XIX – начало XX века). Сб. научн. ст. / под ред. П.И. Савельвева. М.: 1997. 237 С.

[203] Raeff M. Michael Speransky. Statesman of imperial Russia. 1772–1839. Martinus Nijhoff-The Hague, 1969. 394 p; Raeff M. Siberia and reforms of 1822. Seattle, University of Washington press, 1956. 210 p.

ходило наравне с изменением общегосударственной философии. М. Раев решительно подчеркивает свое несогласие с теми, кто считает, что в «1905 г. самодержавие было тем же самым, что и после Петра Великого в 1725 г.» Идеи М.М. Сперанского, по мнению М. Раева, оказали исключительное влияние на политическую эволюцию России. Не случайно именно ему, «одной из наиболее крупных фигур в истории России XIX века», Александр I поручил на примере Сибири выявить все недостатки и трудности управления отдаленными регионами.

Основную причину ревизии М. Раев видит в упадке платежеспособности Сибири, прежде всего в сокращении ясачных поступлений пушниной. «До тех пор, пока местные правители ухитрялись доставлять пушнину в должном количестве, центральная власть оставляла их в покое», – отмечает он.

Однако «отсутствие четких инструкций и правил деятельности» превратило сибирских губернаторов в «подлинных сатрапов». Отдаленность окраины от центра, отсутствие надзора и контроля, «ясно очерченных законов, норм и установленных гарантий» оставляли губернаторам «полную свободу действий <...>». Итоги преобразовательной деятельности Сперанского в Сибири М. Раев оценивает очень высоко. О значении «Сибирского учреждения» американский историк говорит следующее: «Реформированная система управления, которая была введена в 1822 г., оставалась без серьезных перемен – базисом политической, социальной и экономической жизни Сибири вплоть до конца режима империи в 1917»[62]. С этим утверждением М. Раева трудно не согласиться.

В монографии, принадлежащей перу Д. Стефана, вышедшей в Калифорнии в 1994 г., в комплексе рассматриваются основные вопросы истории Дальнего Востока от появления там первых русских землепроходцев до наших дней[204]. Тем не менее в первых двух главах автор высказал некоторые суждения по интересующим нас вопросам. Он прежде всего отметил, что по мере расширения территории русского государства, вхождения в его состав новых окраинных земель перед московским правительством встала задача организации системы управления и административного устройства на новых территориях. Уже с самого начала «Москва пыталась усилить кон-

[204] Stephan J. J. The Russian Far East. «A History». Stanford University Press. Stanford, California, 1994. 481 p.

троль в Сибири <...>» путем деления этой территории на маленькие остроги, сменой воевод и насаждением бюрократического принципа соподчиненности местных администраторов. Не имея перед собой задачи специального изучения истории административного устройства на Востоке России, Д. Стефан тем не менее отмечает, что Пестель был на посту генерал-губернатора более 10 лет и, проводя большую часть этого времени в Петербурге, оставил по себе недобрую память. М.М. Сперанский же, «в течение короткого периода» управления Сибирью», «представил рациональные идеи просвещения в сибирскую администрацию». Цель этих «рациональных» идей Стефан видит в четкой регламентации прав и обязанностей представителей местной администрации, в разделении функций и полномочий различных ветвей и ступеней властных органов.

В середине XIX в., отмечает далее Д. Стефан, русские продвинулись на Дальний Восток. Любопытно замечание американского исследователя, что это произошло «больше просвещением, чем силой». Успеху преобразовательных планов Н.Н. Муравьева в немалой степени, как отмечает Д. Стефан, способствовало обострение международной обстановки в этом регионе, в частности, опиумная война, которая заставила правительство предпринять ряд энергичных мер по закреплению этой окраинной территории в составе России.

Деятельность Н.Н. Муравьева, как обоснованно отмечает американский исследователь, вызвала неоднозначную оценку современников. Так, декабрист Д. Завалишин обвинял генерал-губернатора в присвоении его «амурской идеи», а А.П. Щапов, будучи в ссылке, доносил Александру II, что Н.Н. Муравьев «мнит себя сибирским царем». Эти нападки, по мнению Д. Стефана, в немалой степени послужили причиной отставки Н.Н. Муравьева, когда «озлобленный генерал-губернатор добровольно ушел со своего поста в 1861 г, затем уехал в Париж, где и умер в 1881 г.».

Одной из характерных черт Российской империи было восприятие своих окраин как неотъемлемой части унитарного государства. Для решения специфических управленческих проблем на этих территориях был создан институт наместников или генерал-губернаторов. Одной из важнейших их функций было обеспечение интеграции территории в общеимперский административный и хозяйственный механизм. Так, С. Беккер выделяет

основные причины создания подобных институтов на имперских окраинах:

1) уважение «иных» политических институтов и законов окраины (Финляндия, Польша);

2) поддержание внутренней и внешней безопасности (Польша, Кавказ);

3) необходимость контроля в недостаточно колонизированном крае с малым населением (Сибирь, Амур);

4) необходимость делегирования местным администраторам в отдаленных территориях особых полномочий для обеспечения эффективности управления (Сибирь, Амур)[205].

Институт генерал-губернаторов стал предметом исследования американского историка Джона ЛеДонна[206]. Автор прослеживает изменения, происходившие в системе генерал-губернаторской власти в период конца XVIII – начала XIX вв. По словам ЛеДонна, если при Екатерине II генерал-губернаторы являлись гражданскими представителями Сената, то при Павле I, активно проводившем политику централизации, генерал-губернаторы были сохранены только в приграничных областях. Дальнейшее развитие институт генерал-губернаторов получил во времена императора Александра I. Это в значительной степени способствовало усилению самодержавной власти на периферии империи. В своей первой статье автор через призму семейных и служебных связей правящей элиты проводил анализ карьеры 33 российских генерал-губернаторов, служивших на западных окраинах страны. ЛеДонн отмечает, что несмотря на то, что генерал-губернаторы традиционно назначались императором, существовало негласное правило о том, что эти назначения должны были удовлетворять основным кланам. Таковыми в России были семейство Салтыковых и Нарышкиных-Трубецких.

Свою третью статью автор посвятил генерал-губернаторам восточных окраин, особое внимание уделив деятельности М.М. Сперанского и реформе 1822 г. Автор отмечает, что гене-

[205] Becker S. Russia and the concept of empire // Ab imperio. Казань: 2000. № 3/4. С. 329–342.

[206] LeDonne J. Frontier governor general 1772–1825. I. Western frontier//Jb. fur Geschichte Osteuropas. Wiesbaden. 1999. Bd 47, H.I. P. 56–88; II. The Southern frontier// Ibid. Wiesbaden, 2000. Bd 48, H. 2. P. 161–183; III. The Eastern frontier// Ibid. Bd 48, H. 3. P. 321–340.

рал-губернаторы на востоке страны подолгу оставались на своих постах. Анализ семейных связей 14 генерал-губернаторов восточной окраины показал, что трое из них косвенно были связаны с Салтыковыми, а девять – с Нарышкиными-Трубецкими[207].

В своем исследовании ЛеДонн приходит к выводу о том, что генерал-губернаторы были не столько администраторами, занимающими определенное место в бюрократической иерархии с соответствующими правами и обязанностями, сколько членами правящей элиты, чья карьера определялась политикой столицы и борьбой кланов за преобладание при дворе. Генерал-губернаторы являлись прежде всего посредниками между центром и периферией, а также между разными этническим группами в периферийных регионах. В то же время автор, восстанавливая справедливость, отмечает, что некоторые генерал-губернаторы были значительно больше, чем посредники – они выступали как проконсулы со своими программами. Ермолов, Воронцов, Сперанский внесли существенный вклад в освоение окраин и их инкорпорацию в империю[208].

Одной из составляющих вопроса окраинной политики империи выступает проблема выработки правительственного курса по отношению к коренным народам присоединенных территорий. Современная западная историография национальной политики имперской России отмечает ее непоследовательность и противоречивость[209]. В Российской империи не существовало официальной юридической дефиниции национальности, а характерный для нее консерватизм в сочетании с объективными трудностями не позволял России проводить активную национальную политику[210].

В целом все политические меры российского правительства были подчинены главной идее – поддержанию безопасности, а соответственно и устойчивости империи. Об этом в своих исследованиях пишет Теодор Уикс[211]. Автор отмечает, что националь-

[207] LeDonne J. Frontier governor general 1772–1825. I. Western frontier // Jb. fur Geschichte Osteuropas. Wiesbaden. 2000. Bd 48, H. 3. P. 334.

[208] Там же. P. 338–340.

[209] См., например, работу Томаса Барретта. Линии неопределенности…

[210] Barrett T. M. At the edge of empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus frontier, 1700–1860. Boulder, 1999. XV, 243 p.; Beyond the limits: The concept of space in Russian history and culture / Ed. Smith J. Helsinki, 1999. 276 p.

[211] Weeks T. Nation and state in late imperial Russia: Nationalism and russification on the Western frontier, 1863-1914. DeKalh, 1996. XIII, 297 p; Weeks T. Russification and the

ная политика в конечном итоге являлась проявлением насущных сиюминутных нужд по обеспечению этой самой безопасности. Между тем именно развитие национализма, по мнению Т. Уикса, явилось одним из дестабилизирующих факторов, приведших в итоге к коллапсу империи. Стабильность империи могла быть обеспечена в условиях целостной системы администрации. Между тем национализм, развивающийся в России на рубеже XIX–XX вв., усиление национальных чувств коренных народов окраин привело в конечном итоге к оппозиции и отторжению ряда административных установлений Петербурга, прежде всего таких как введение единого для империи государственного русского языка. Проблема осознания современниками этнического многообразия империи и меры по ассимиляции нерусских народов рассматриваются в монографии Р. Джераси[212]. Исследуя многообразие типов культурной интеграции, автор использует широкий спектр терминов – «христианизация», «обрусение», «слияние» и пр.[213]

Вопросы управления дореволюционной России традиционно находились в поле зрения западных русистов. Однако западные историки фокусировали свое внимание на административной компоненте, изучении институтов власти и бюрократии, их взаимоотношениях. Изменения, происшедшие в мире в конце 90-х гг. прошлого столетия, повлекли за собой повышение интереса специалистов именно к имперской сущности России. Исследователи обратили свои взгляды на многонациональный и полирегиональный характер российского государства. В работах последних 15 лет акценты смещаются от центра к периферии, а проблемы управления империей рассматриваются через призму народов, населявших окраины и подвергшихся активной интеграции в единое имперское административное пространство. Работы последних лет свободны от идеологических штампов, что способствует активному международному сотрудничеству историков в рамках совместных проектов. Положительно оценивая разнообразие моделей имперского центра по управлению окраинными регионами, многие современные исследователи именно в регионализме видят

Lithuanians, 1863–1905 // Slavic rev. Chicago, 2001. Vol. 60, N 1. P. 96–114.

[212] Geraci R. Window on the East: National and imperial identities in late tsarist Russia. Ithaca, 2001. XVI, 378 p.

[213] Там же. P.9.

причину устойчивости империи в прошлом и залог процветания России в будущем.

Таким образом, представителями отечественной и зарубежной историографии достигнуты определенные успехи в изучении имперской окраинной политики в отдельных регионах страны. Однако исследовательский интерес традиционно концентрируется либо на анализе нормативной базы, на основе которой осуществлялась управленческая политика на периферии, либо на изучении национальной политики в полирегиональном и многонациональном государстве. Обобщающие монографии, посвященные имперской политике на окраинах страны, в конечном итоге представляют систематизацию уже известного материала, который нуждается в существенном дополнении новыми источниками. Одной из слабых сторон подобных изданий является их очерковый характер. В дополнительной разработке нуждается вопрос об определении места окраинной политики в имперских мероприятиях самодержавия и ее вариантах. Фактическое отсутствие компаративных исследований крайне затрудняет выяснение общих принципов и факторов, оказывавших на окраинную политику определяющее влияние. Одним из важных вопросов, который фактически не затрагивался исследователями, является определение соотношения имперских принципов и регионализма в имперской политике по отношению к окраинам и народам, их населяющим.

§2. Документальные источники по истории бурятского этноса и имперской системы власти

Объективное выявление места и роли бурятского этноса в имперской системе власти невозможно без всестороннего исследования источниковедческой базы и введения в научный оборот ранее не опубликованных источников. В этой связи авторами был выявлен значительный массив исторических источников разных типов. При этом следует отметить, что метод компаративизма, используемый при подготовке монографии, значительные территориальные и хронологические рамки исследования предопределили широкую географию поиска источникового материала с одной стороны и необходимость тщательного репрезентативного

отбора и критического осмысления выявленных источников – с другой.

Важное значение для изучения проблем имперского регионализма рассматриваемого периода имеют нормативные акты самодержавия, опубликованные в первом, втором и третьем «Полном собрании законов Российской империи», в сводах законов империи, ряде специальных изданий. Авторами было выявлено несколько сот указов, манифестов, «учреждений» и иных нормативных актов самодержавия, представляющихся важными источниками для понимания принципов и основ политики империи по отношению к окраинным регионам и окраинным народам государства. Из этого количества актов абсолютное большинство относится к Сибири. При этом независимо от «географической принадлежности» почти все они были использованы при написании настоящей работы.

Присоединением Сибири к Российскому государству собственно закончилось формирование его территории, после чего и начался процесс имперского строительства. Несмотря на отличие типов окраин и колоний, в каждом отдельном случае правительство России пыталось учитывать опыт своей деятельности в конкретном регионе. На востоке страны процесс имперского строительства в начале XIX в. сопровождался сменой первоначальных военно-политических методов на политико-административные. Такой подход по отношению к Сибири нашел отражение прежде всего в законодательной политике и практике самодержавия.

Государственное строительство в первой трети XIX в. характеризуется целым рядом важных направлений административной деятельности российского правительства. Одним из них стала организация управления окраинами империи, поиск их оптимального устройства и организации местного управления. В этом отношении «Сибирское учреждение» М.М. Сперанского 1822 г. и решало поставленную правительством задачу.

Сибирские реформы 1822 г. состояли из 10 законопроектов, важнейшими из которых были «Учреждение для управления Сибирских губерний»214 и «Устав об управлении инородцев»215.

[214] Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности гр. М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. Т. 2. СПб.: 1872.

[215] Устав об управлении инородцев 1822 г. // ПСЗРИ-1. № 29126. 22 июля 1822 г. СПб.: 1830.

«Учреждение для управления сибирских губерний» составило основу кодификации. Оно включило 633 параграфа и определило систему бюрократическо-коллегиального управления краем.

Важной составной частью сибирской реформы М.М. Сперанского стал «Устав об управлении инородцев» – самый значимый законодательный акт правительства в отношении народов Сибири, действовавший без существенных изменений вплоть до начала XX столетия. Устав дает возможность понять правительственный взгляд на коренное население Сибири, определить ту роль, которую отводило самодержавие народам края в социально-экономическом развитии восточных окраин империи. При разработке «Устава об управлении инородцев» была произведена большая работа по сбору и обобщению законодательных актов прежних лет, статистических сведений, анализу материалов, собранных в результате ревизии М.М. Сперанского, и т. д. Следует отметить, что до М.М. Сперанского в Сибири действовало «Положение 1763 г.», которое предусматривало натуральный сбор ясака с коренного населения.

При разработке законодательных актов «Устава об управлении инородцев» были учтены национальный и этнический факторы, характерные для коренного сибирского населения. В «Уставе об управлении сибирских инородцев» М.М. Сперанский учел в первую очередь хозяйственные особенности народностей, населявших Сибирь. Но теперь управление этими народами должно было основываться не на «древнем обычае». Оно приобретало более организованную форму. Роль этих факторов проявилась прежде всего введением в сибирское законодательство новой сословной категории — «инородцы». Заметим также, что само понятие «инородцы» было введено М.М. Сперанским впервые. До него автохтонное население Сибири не было разделено по образу жизни и называлось «иноверцами» или «ясашными» (от слова «ясак»), т. е. платившими дань звериными шкурами. Впоследствии термин «инородцы» стал официальным названием сибирских народов и приобрел сословный характер.

В этом же документе обращает на себя внимание и ряд других положений, связанных с сибирской спецификой: разделение аборигенов на три категории — оседлых, кочевых и бродячих. Вообще же имперское правительство встало перед необходимостью

интеграции родового управления и традиционных регуляций в государственно-правовую систему Российской империи. Определение правового статуса местного населения имело особо важное значение как с экономической, так и с политической точки зрения. Разделение нерусского населения Сибири на группы оказало большое влияние на поддержание финансовой стабильности в регионе и развитие товарно-денежных отношений.

Несмотря на увеличение налогового бремени и продолжающееся влияние местной родовой знати, «Устав об управлении сибирских инородцев» сыграл важную роль в становлении сибирской экономики, вставшей на путь капиталистического развития. Была укреплена частная собственность, получили большое развитие торговля и предпринимательство, благодаря культурному освоению земель понизились цены на хлеб, а большинство коренного населения включилось в товарно-денежные отношения. Для установления порядка имущественных отношений между русским населением Сибири и коренными народами было подготовлено «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и инородцами». «Устав об управлении инородцев» включал 372 параграфа.

Необходимо подчеркнуть два политико-правовых аспекта акта. Во-первых, законодательное определение статуса местного населения, определение «прав» каждой из категорий и хотя бы формальное провозглашение для «оседлых» принципа равенства с российским населением. Параграф 15 Устава определил, например: «Все вообще оседлые инородцы сравниваются с россиянами в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступают. Они управляются на основании общих узаконений и учреждений»[216]. Параграф 169 также подчеркивал, что «оседлые инородцы, имея равные права с россиянами, не подлежат никаким исключениям в зависимости от установленного начала»[217].

Такой порядок колониальной политики в корне отличался от порядка, существовавшего в большинстве западноевропейских стран и Соединенных Штатах Америки, в которых население колоний подвергалось постоянной национальной дискримина-

[216] Устав об управлении инородцев 1822 г. // ПСЗРИ-1. № 29126. 22 июля 1822 г. СПб.: 1830. С. 395.
[217] Там же. С. 403.

ции. Кроме того, в английских и французских колониях постоянно создавались целые туземные армии (в частности, в Индии и Африке), солдаты которых в своем положении уступали рабам. Поэтому идея М.М. Сперанского о постепенном уравнивании положения большинства коренных народов Сибири и русской части населения представляется глубоко прогрессивной для того времени.

Во-вторых, это создание в управлении на компромиссных началах системы, учитывающей как момент централизованного, так и особенности национального управления. Важным моментом этих взаимоотношений являлась и регламентация податных отношений. Большинство натуральных повинностей, в том числе «ясачный сбор», было заменено уплатой денег. Старейшина рода сам собирал налоги и вносил их в ближайшую казенную управу. Губернские сборщики налогов не имели права появляться в расположении кочевий племен.

Данные законодательные акты свидетельствуют о попытке урегулирования национальных отношений в рамках существовавшей системы, упорядочении системы обложения местного сибирского населения повинностями и сборами. М.М. Сперанский сохранил в своем проекте родовой принцип управления для кочевых народов Сибири. В ходе административной реформы предполагалось установить трехступенчатое непосредственное управление родами и племенами. Первоначальной административной единицей для отдельных стойбищ рода являлось родовое управление. Для управления родом в целом создавалась «инородная управа», для всего племени – «Степная дума». Старейшины родов и племен зависимости от местных обычаев избирались на выборах или получали власть по наследству. Хотя местная родоплеменная знать и сохраняла все свои титулы и звания, она не получала прав российского дворянства.

Несмотря на сохранение родовых традиций и обычаев в управлении коренным населением Сибири М.М. Сперанский фактически приравнял это управление к существующей схеме имперского управления государственными крестьянами. Так, родовое управление имело полномочия, схожие с полномочиями сельского управления; «инородная управа» приравнивалась к волостному давлению; «Степная дума» служила аналогией окружного управ-

ления. Эти органы управления коренного населения Сибири обладали независимостью и автономией во взаимоотношениях с российской администрацией и руководствовались в своей деятельности нормами обычного права, а губернское управление ограничивалось общим надзором за их деятельностью.

Таким образом, коренное население ограждалось от постоянного прямого вмешательства государственных чиновников.

Национальный фактор также был учтен при разработке положений «Устава об управлении инородцами». Так, Устав провозгласил свободу вероисповедания для коренного населения Сибири. При этом поощрялась деятельность русской православной церкви, хотя насильственное навязывание христианства местному населению не допускалось. Устав разрешил создавать национальные школы для коренного населения с преподаванием на соответствующем языке, не запрещая обучение детей «инородцев» в русских школах. Указанные акты отличает стремление кодификаторов к законодательному регулированию норм светского, государственного и обычного права, что свидетельствует о попытке хотя бы в какой-то мере решить вопросы взаимодействия между централизованной самодержавной государственной властью и национальным самоуправлением. К нормативным актам об административном устройстве непосредственно «примыкает» комплекс законов 60–70-х гг. и законы конца XIX столетия, связанные с проведением поземельного устройства, административных и финансовых преобразований 90-х гг. XIX в.

Ценность собрания законов как источника заключается в том, что оно позволяет проследить изменение правового положения и административного устройства аборигенов на протяжении всего рассматриваемого периода. Если издаваемые периодически для практических нужд местной бюрократии сборники и своды узаконений представляют собой лишь тематическую подборку законодательных актов правительства, то собрания законов позволяют значительно полнее проследить эволюцию юридических норм самодержавия в отношении народов Сибири. Это стало возможным за счет включения в них широкого круга документов, отражающих иерархию нормативных актов – манифестов, регламентов, рескриптов, инструкций и т. д.

Важным дополнением юридических актов Полного собрания законов являются сенатские указы по второму (крестьянскому) департаменту, не вошедшие в само собрание и опубликованные в сводах законов и специальных изданиях. Они дополнили и конкретизировали действующее законодательство с учетом его применения на практике. В хронологическом отношении эти указы охватывают период с 1905 по 1917 г.

Необходимость единообразия в применении правовых актов на местах и потребность в ускорении текущего делопроизводства повлекли за собой ведомственную систематизацию законодательства. Примером такой деятельности являются неоднократно издаваемые в конце XIX в. «Сборники главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью»[218], содержащие текущие инструкции, повеления, не вошедшие в собрание законов, но требующие от чинов местной администрации оперативного разрешения. Изучение этого комплекса источников позволяет заключить, что учет и использование нормативных актов самодержавия для решения поставленных задач, безусловно, необходимы. Следует, однако, иметь в виду, что сами законы подчас не позволяют выявить причины их происхождения, характер обсуждения законопроектов в правительственных инстанциях. Законы фиксируют лишь конечный результат этой деятельности и не выявляют различные тенденции в правительственной политике. Некоторые законы неточно отражают фактическое положение вещей, так как в силу длительной процедуры разработки и принятия уже не отвечали требованиям времени и являлись «вчерашним днем». Ряд законов или их отдельные положения никогда не были претворены в жизнь. Поэтому необходима проверка и дополнение нормативных источников другими, в первую очередь архивными материалами.

Динамику и состав коренного населения Иркутской губернии и Забайкальской области характеризуют различные статистические источники, собранные, обработанные и опубликованные Ю.А. Гагемейстером, С.О. Паткановым, И.И. Серебренниковым, Д.М. Головачевым, В.В. Солдатовым[219]. На основе статистических

[218] Сборники главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. В 8 т. Иркутск: 1883–1885.

[219] Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. Ч. II. СПб.: 1854. 697 с.; Ч. III. СПб.: 1854. 109 с.; Труды Агинской экспедиции. Материалы по исследованию Агин-

показателей авторы анализируют состав инородческого населения по половозрастному признаку, вероисповеданию, занятиям, семейному положению, сословию, состояниям и их хозяйственный быт.

Ценные статистические сведения о бурятах опубликованы в работе делопроизводителя Первого Сибирского комитета Ю.А. Гагемейстера в статистическом обозрении Сибири. Его обозрение, составленное по прямому поручению правительства, выделяется из всего корпуса статистических источников перовой половины XIX в. своей информативностью. В нем он приводит данные о демографии инородцев Сибири, состоянии их хозяйства, суммах налогов и т. д. Рассматривая данные о количестве инородцев Иркутской губернии за 1823–1851 гг., т. е. за 28 лет, которое увеличилось на 41%, он сравнивает их с приростом населения в Англии, которое за 1821–1851 гг., т. е. за 30 лет, увеличилось на 48%. Малый прирост населения автор объясняет огромной детской смертностью среди инородцев.

Представляют интерес статистические таблицы о количестве населения Сибири за 1823–1852 гг., числе родившихся, умерших и бракосочетавшихся по Сибири за 1835–1852 гг.; о состоянии городов, количестве ссыльных за 1825–1852 гг.; количестве ввезенного и вывезенного товара в Китай и т. д. – всего 25 обширных таблиц.

Значительное место занимают статистические сведения о сборе ясака и других видов налоговых сборов, количестве населения по вероисповеданиям и т. д. Так, по данным Ю.А. Гагемейстера, к 1852 г. при 266 православных церквях Иркутской губернии служил 821 священник, а при 157 ламских кумирнях служили 4546 лам; если в Иркутской епархии в 1852 г. крещение приняли всего 9 инородцев, то в Томской епархии – 528, а в Камчатской – 788[220].

Издания Центрального статистического комитета МВД представлены материалами «Волостей и населенных мест 1893 г.», содержащими разнообразные сведения о сословном составе и по-

ской степи Забайкальской области, произведенному в 1908 г. Читинским отделением императорского Русского географического общества. I. Население. Д.М. Головачев. II. Хозяйственный быт. В.В. Солдатов. Чита, 1911. 338 с.; Серебренников И.И. Инородцы Восточной Сибири, их состав и занятия (статистический очерк). Иркутск, 1913; Патканов С.О. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб.: 1911.

[220] Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. Ч. II. СПб.: 1854. 697 с.; Ч. III. СПб.: 1854. С. 109.

ловозрастной структуре народонаселения, развитии хозяйства, доходности угодий, соотношении доходов и расходов населения. Сведения о демографии и сословном составе населения содержатся в статистических ежегодниках России, материалах ревизий, статистических таблицах империи, материалах переписей населения. К сожалению, в материалах Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. интересующие нас сведения отложились далеко не полно. Сами переписчики отмечали, что «хозяйства кочевых инородцев были переписаны не сплошь, а приблизительно в 10% общего их числа». Наиболее отдаленные местности Сибири «не подвергались переписи совсем».

Таким образом, указанные статистические источники создают лишь приблизительную картину динамики народонаселения, однако исследователи этого вопроса убедительно доказали возможность их использования при условии критического анализа.

В документах этого же типа отложились материалы по управлению Сибирью. Среди наиболее важных отметим обзор деятельности Государственного совета при Александре III, ряд изданий об изменении в распределении административных единиц «со списками начальствующих лиц», отчеты по земскому отделу МВД, материалы по выборам в Государственную думу. Эти источники характеризуют как отдельные звенья системы управления аборигенами, так и общее направление политики в этом вопросе. Они содержат описание правительственных мероприятий по усилению административно-полицейского надзора за аборигенами, сведения о деятельности органов их «самоуправления». В большинстве эти документы вышли от представителей различных эшелонов царской администрации – центральной, губернской, уездной. Тем не менее на всех уровнях отчетливо прослеживаются русификаторские тенденции, попрание национальных традиций и чувств народностей.

Среди воспоминаний современников для характеристики политики царизма в Сибири особое значение имеют мемуары С.Ю. Витте, А.А. Половцева и неопубликованные воспоминания А.Н. Куломзина. Их значение для исследуемой темы определяется не только наличием характеристик внутриполитического курса царизма в целом, но и рядом важных замечаний и оценок непосредственно сибирских сюжетов, к которым эти сановники имели от-

ношение как современники и непосредственные участники событий. Особенно важны воспоминания А.Н. Куломзина, под непосредственным руководством которого разрабатывались основы административного устройства и земельной политики в отношении бурятского населения Забайкальской области. Несмотря на известный субъективизм, воспоминания довольно точно воссоздают картину взглядов высшего эшелона власти на решение задач административной и землеустроительной политики по отношению к бурятам, вскрывают связь сибирского землеустройства с задачами сохранения помещичьего землевладения в Европейской России.

Эпистолярное наследие представлено главным образом перепиской С.Ю. Витте с К.П. Победоносцевым и Николаем II, с П.А. Столыпиным. В ней отложились материалы по вопросам административной реформы в Сибири, проведении в жизнь закона о крестьянских и «инородческих» начальниках, организации переселений.

Надо отметить, что особую ценность для исследователей истории бурят представляют материалы, собранные Сахаром Хамнаевым, главным тайшой баргузинских бурят. О его широких познаниях пишет Н.В. Ким, который отмечает, что в конце 1840-х гг. «Сахар Хамнаев познакомился с поэтом и краеведом Д.П. Давыдовым, служившим тогда смотрителем Верхнеудинского уездного училища, которому были подведомственны все приходские училища в округе. С этого времени началась их многолетняя совместная деятельность в краеведении, продолжавшаяся до 1860 г., когда Давыдов вышел в отставку и переехал в Иркутск, а оттуда в Тобольск»[221]. Он приводит строки из письма Д.П. Давыдова, свидетельствующие о том, что при работе над составлением программы о климате Забайкалья и происхождении географических названий привлек верхнеудинского купца А.М. Курбатова, учителя уездного училища А.М. Паршина и Сахара Хамнаева. Как пишет далее Д.П. Давыдов, других людей, сведущих в краеведении, в округе не оказалось.

[221] Ким Н.В. Вопросы истории становления бурятской национальной историографии в XIX в. // Вопросы историографии истории Бурятии XIX – начала XX в. Улан-Удэ: 1994. С. 66.

Еще об одном факте сотрудничества Сахара Хамнаева с известными учеными пишет Н.В. Ким: «Начиная с 1850 г. Сахар Хамнаев выполняет научное задание известного монголоведа, профессора Казанского университета О.М. Ковалевского и собирает для него бурятские пословицы и поговорки. Работа затянулась на несколько лет и оказалась весьма результативной. Собранные и переведенные им на русский язык афористические материалы Ковалевский получил в два срока: летом 1853 г. и в 1854 г.

Известный ученый-монголовед намеревался издать бурят-монгольские пословицы и поговорки на языке оригинала с переводом на русский и французский языки. Однако осуществить интересный замысел не удалось. В Варшаве, в доме, где прошли последние годы жизни Ковалевского, случился пожар, уничтоживший большую часть рукописей ученого, в том числе и собрание пословиц и поговорок»[222].

Сахар Хамнаев был знаком с Доржо Банзаровым, о чем свидетельствуют баргузинские летописи: «…в 1854 г. ученый ориенталист буддийской веры, окончивший курс в Казанском университете кандидатом – Доржо Банзаров сказывал бывшему тайше Сахару Хамнаеву, что он читал описание в китайских и манджурских историях, что за 1000 лет китайские войска проходили вниз по р. Селенге …» и т. д.[223]

Сахар Хамнаев внес свой значимый вклад в бурятскую национальную историографию. На сегодняшний день выявлено несколько его работ: рукопись под названием «Исторический очерк города Баргузина и населяющих его округ инородцев», статьи «Несколько сведений о г. Баргузине и его округе», «О землетрясении в улусе Алла», «Описание заселения бурятами и тунгусами Баргузинского округа», а также его письма Степной думе о путях улучшения жизни баргузинских бурят[224]. Предметом его интересов становилась даже такая специфическая тема, как профилактика от укусов бешеных собак. Так, в своей записке «О способе лечения от укушения бешеными волками», написанной им для

[222] Ким Н.В. Указ. соч. С. 66.

[223] Востриков А.И. Поппе Н.Н. Летопись баргузинских бурят. Тексты и исследования. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 31.

[224] Сахар Хамнаев – выдающийся бурятский общественный деятель XIX в. К 200-летию со дня рождения. Документы. Статьи. Письма /автор-составитель Б.Ц. Жалсанова / науч. ред. Л.В. Курас. Улан-Удэ: Изд-во Новапринт, 2014. 112 с.

редакции газеты «Забайкальский листок», автор предлагает распространить опыт лекаря-ламы лечения от укуса бешеного волка как эффективный и малозатратный[225].

Особое место среди его письменных работ занимает малоизвестный исследователям «Исторический очерк города Баргузина и населяющих его округ инородцев», написанный им не ранее 1880 г. Сахар Хамнаев в данной работе показал себя, безусловно, как человек, обладающий широкими познаниями в истории своего края, этнографическими знаниями. Его подробные описания обрядов богослужения баргузинских лам, традиционной медицины лам, молебнов шаманов представляют большой интерес для современных исследователей.

Возможно, что при его знаниях и способностях им было написано много и других работ, к сожалению, они еще не выявлены. О его работах над статьями и интересе к печатным материалам свидетельствуют воспоминания Л.В. Аксеновой: «На другой день нашего приезда после утреннего чая Хамнаев просил нас прослушать его статью, приготовленную для напечатания, желая знать наше мнение. Он описывал состояние другой бурятской орды, которую недавно посетил, сравнивал ее положение и состояние со своей и выражал мнение о том, что следовало бы применить и у своих бурят. Потом читали газеты. У нас образовалось как бы литературное утро»[226].

Политику самодержавия в отношении народов Сибири в известной степени отражают материалы центральной и местной периодической печати различных направлений. Отдельные публикации встречаются на страницах «Московских ведомостей», «Гражданина», «Русского слова». Основное обсуждение вопросов шло на страницах сибирских журналов и газет – «Сибирские записки», «Сибирский архив», «Сибирский земледелец», «Сибирь», «Восточное обозрение» и др. Количество материалов различного характера о народах Сибири на страницах местной печати было достаточно велико, что свидетельствует об устойчивом интересе общественности к положению коренного населения. Сибирский регион вплоть до середины XIX в. оставался краем, которому была

[225] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 982. Л. 6–7.

[226] Аксенова Л.В. Шесть месяцев в сибирской тайге // Русский вестник. 1880. Т. 145. № 2. С. 740.

известна только центральная печать. Во второй половине XIX в. периодическая печать становится мощным средством информации, появляются собственные газеты: в 1857 г. начали издаваться «Иркутские губернские ведомости», в 1862 г. – «Кяхтинский листок», в 1865 г. – «Забайкальские областные ведомости», в 1882 г. – «Восточное обозрение» и т. д. В начале XX в. издавались журналы «Сибирские вопросы», «Сибирский наблюдатель», «Сибирский архив». Следует отметить, что материалы местной периодической печати имели как общую направленность с общероссийской печатью, так и свою специфику.

Важные сведения для исследования рассматриваемых вопросов были обнаружены авторами на страницах газет и журналов «Байкал», «Забайкалье», «Амур», «Иркутские губернские ведомости», «Забайкальские областные ведомости», «Сибирские вопросы», «Сибирский архив», «Восточное обозрение», «Иркутские епархиальные ведомости» и «Забайкальские епархиальные ведомости».

«Иркутские губернские ведомости» не отличались активным освещением инородческого вопроса. Тем не менее на страницах издания публиковались статьи о нравах, обычаях, верованиях, легендах и песнях бурят Иркутской губернии С. Шашкова[227], о крещении главного тайши тункинских бурят Н.А. Хамакова и других родоначальников с семействами в числе 79 человек в Торском улусе[228], об утверждениях в должностях инородческих начальников и об их отстранениях[229]. Например, приказом Иркутского губернатора Носовича от 24 декабря 1884 г. № 465 главный родоначальник идинских инородцев Пирожков был отстранен от занимаемой им должности на время производства следствия о злоупотреблениях, допущенных им при исполнении своей обязанности. В газете размещалась рубрика «О вызове на суд», из которой можно почерпнуть интересные сведения о самых разных судебных делах с участием инородцев.

В газете «Амур» были опубликованы интересные материалы о проведении ярмарки в с. Агинском. При этом автор пишет о том,

[227] Иркутские губернские ведомости. 1858 г. № 11. С. 3–5; там же. № 12. С. 6; там же. № 18. С. 6–7.

[228] Иркутские губернские ведомости. 24 октября 1857 г. № 24. С. 1–4.

[229] Иркутские губернские ведомости. 16 января 1885 г. № 3. С. 3; там же. 16 окт. 1885 г. № 42. С. 3.

как купцы на ярмарках обманывают бурят. Далее он пишет, что «буряты не так верно глупы, как об них думают, … и в нынешнем году устроили свою хитрость». Они половину объема товаров скрыли, купцы назвали цену 5 руб. 90 коп. за пуд масла. Подъехали еще 2 покупателя – управляющий Амурской К° в Чите Красильников и торгующий мещанин Шмулович. В конце торгов 500 пудов масла ушло по цене 7 руб. 25 коп.

В другой статье говорится о готовности хоринских бурят к участию в военных действиях во время Отечественной войны 1812 г.: «Хоринцы поднялись летом 1812 г., в апреле 1813 г. тайша получил письмо о прекращении вооружения, а в январе 1815 г. приезжал из Иркутска чиновник благодарить храброе хоринское иррегулярное войско за преданность русскому правительству и вместе с тем объяснить, что, так как за окончанием войны со славой для России в поголовном вооружении уже не предстоит надобности, то русскому правительству было бы приятно, если бы хоринцы усилили земледелие, занялись уходом за скотом и проч.»[230]

В газете «Амур» от 25 апреля 1862 г. сообщается о крещении в Иркутском кафедральном соборе почетных забайкальских бурят Мурзы Хамаганова и Алексея Шангина, которые понесли значительные убытки от землетрясения: «Но и при этом положении этот добрый бурят нашел средство ознаменовать первый день новой жизни богоугодным делом, и помочь своим единоплеменникам, пострадавшим больше его. В благодарность за благодать, которой бог призвал Хамаганова к новой жизни, он пожертвовал в пользу пострадавших своих единоплеменников значительное количество хлеба, сена и других предметов, всего на сумму 950 руб. серебром»[231].

Газета «Байкал» также публиковала статьи о бурятах, в частности, об их отношении к строительству Сибирской железной дороги: «…буряты всегда очень неохотно уступали места под золотые прииски и вообще для всего того, что привлекает русский люд на занимаемые ими места, что тем более неминуемо с проведением железной дороги. Поэтому естественно, что буряты, вместо содействия изысканиям, по возможности старались их затруднить»[232].

[230] Газета «Амур». 21 января 1861 г. № 6. С. 3. Там же. 11 марта 1862 г. № 19. С. 3–4
[231] Газета «Амур». № 30. 25.04.1862. С. 4.
[232] Газета «Байкал». 9 ноября 1897 г. № 24. С. 3.

Из всей периодической печати Восточной Сибири XIX в. активным освещением инородческого вопроса отличалась газета «Забайкальские областные ведомости». На ее страницах постоянно публиковались приказы военного губернатора Забайкальской области об утверждениях в должности или увольнении должностных лиц инородческого управления, например, приказом от 29 февраля 1896 г. № 1126 Цыден Цыдыпов был утвержден в должности родового головы Шарайтского рода Хоринской Степной думы, соответственно был освобожден от должности Намсарай Намжилов[233], о награждениях должностных лиц местного самоуправления бурят, например, приказ от 4 апреля 1896 г. № 1984 о награждении инородческих начальников Селенгинской Степной думы серебряными медалями «За усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте[234], приказ от 29 апреля 1896 г. № 2354 об объявлении благодарности главному тайше Агинской Степной думы Жану Бодиину за бездоимочное взыскание податей[235], о награждении заседателя Баргузинской Степной думы Цыдена Аранзаева серебряной медалью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте «за полезную деятельность по развитию хлебопашества»[236] и т. д.

«Восточное обозрение» являлось одной из лучших провинциальных газет, отражающей взгляды областников. Задача газеты заключалась в стремлении дать читателю максимально правдивую картину жизни Востока в ее многообразных проявлениях, попытаться определить роль русского этноса на азиатском Востоке, выразить нужды и потребности русского общества на окраине. На страницах газеты постоянно печатались статьи о тяжелом положении сибирских инородцев. Например, в одной из статей отмечалось, что «власть тайшей и нойонов еще очень обширна, и хотя, они стеснены вмешательством русских чиновников, но при условии дружбы с ними, делают с инородцами, что хотят»[237]. В другой статье «Бурятское дело» автор пишет, что «отношения бурятских

[233] Забайкальские областные ведомости. 8 марта 1896 г. № 10. С. 2.
[234] Забайкальские областные ведомости. 19 апреля 1896 г. № 16. С. 3.
[235] Забайкальские областные ведомости. 3 мая 1896 г. № 18. С. 3.
[236] Приказ и. д. Приамурского генерал-губернатора от октября 1891 г. № 4234 // Забайкальские областные ведомости. 3 января 1892 г. № 1. С. 1.
[237] Восточное обозрение. 1883. № 37.

тайшей к простым бурятам напоминают крепостное право в форме старинной исторической сибирской кабалы»[238].

Особо следует отметить журналы «Сибирские вопросы», «Сибирский наблюдатель» и «Сибирский архив», на страницах которых рассматривались основные аспекты инородческого вопроса, например, место сибирских инородцев в аграрной, административной и церковной политике российского государства. Журнал «Сибирские вопросы» издавался в 1906–1912 гг. и, несмотря на то, что издание было еженедельным, его материалы сохраняли серьезный аналитический характер. Например, в «Сибирских вопросах» в 1906–1909 гг. были опубликованы статьи М. Богданова о земельном вопросе бурят, В. Григорьева о поземельном устройстве инородцев Сибири, Ц. Жамцарано о правосознании бурят, Д. Клеменца о кочевом быте сибирских инородцев, В. Моравского об инородческом образовании в Сибири[239] и т. д.

Публикации журнала о решении инородческого вопроса с учетом национальных особенностей шли вразрез с официальной политикой Российского государства, направленной на русификацию сибирских инородцев. Публикации журнала поднимали такие актуальные вопросы, как землеустройство, вопросы, связанные с введением в Сибири земства и представительством аборигенного населения в Государственной Думе. Так, публицисты умеренно-либерального направления (Ю.Г. Горбатовский, А. Максимов, В.К. Никольский), чья позиция была представлена на страницах «Сибирского наблюдателя», в целом соглашались с необходимостью приобщения кочевых «инородцев» к земледелию и проведения землеустройства на общих с крестьянами основаниях. Авторский коллектив журнала «Сибирские вопросы» (в частности, М.Н. Богданов, Д.А. Клеменц, Н.Н. Козьмин и др.) находился в жесткой оппозиции к правительственному курсу, требовал пересмотра государственной землеустроительной политики, считая,

[238] Восточное обозрение. 1884. № 27.

[239] Богданов М.Н. Иркутские буряты и землеустройство // Сибирские вопросы. 1908. № 31–32; он же. К вопросу о бурятском многоземелье // Сибирские вопросы. 1908. № 39–40. С. 35–46; Григорьев В. К вопросу о поземельном устройстве инородцев в Сибири // Сибирские вопросы. 1906. № 2. С. 55–74; Жамцарано Ц. О правосознании бурят // Сибирские вопросы. 1906. № 2. С. 167–185; Клеменц Д. Заметки о кочевом быте // Сибирские вопросы. 1908. № 49–52; Моравский В. Инородческое образование в Сибири // Сибирские вопросы. 1909. № 28. С. 11–14.

что в своем нынешнем варианте ее осуществление приведет к разорению как «инородцев», так и крестьян-переселенцев[240].

В журнале «Сибирский архив» (Минусинск) издавались статьи В.А. Ватина об «эпохе» Н.И. Трескина в Восточной Сибири и оценке его деятельности В. Вагиным, А.П. Щаповым, М.М. Сперанским; о результатах сенаторской ревизии 1843 г. в Енисейской губернии; И. Я. Чибизева об инородцах Енисейской губернии в начале XIX в.[241], путевые записки о поездке по Тункинскому краю В. Загорского[242] и других авторов, представляющие огромный интерес для нашей работы.

Важное место в череде периодической печати Восточной Сибири XIX в. занимают «Иркутские епархиальные ведомости» и «Забайкальские епархиальные ведомости», которые являются ценным источником по истории бурятских ведомств. «Иркутские епархиальные ведомости» являлись официальным органом Иркутской духовной епархии и издавались в 1863–1917 гг. Журнал сыграл важную роль в популяризации среди русской читающей публики работы Иркутской епархии по миссионерской деятельности среди инородческого населения Восточной Сибири. Следует отметить, что абсолютное большинство документов издавалось на страницах «Прибавлений к ИЕВ». «Забайкальские епархиальные ведомости» – официальное издание Забайкальской и Нерчинской епархий – издавались в Чите с января 1900 по ноябрь 1919 гг. и являются не менее важным источником по истории бурятского этноса.

Анализ этих материалов показывает, что основное внимание корреспондентов привлекали вопросы этнического характера. На втором месте шли материалы о хозяйстве и социальных отношениях. Вопросам чисто политического характера уделялось гораздо меньше внимания. Следует учитывать, что многие публикуемые на страницах газет и журналов материалы, особенно статистического характера и о землеустройстве, полемически заострены и не

[240] Ледовских А.Ю. Сибирский «инородческий вопрос» на страницах российской журнальной прессы во второй половине XIX – начале XX вв. Автореф. Омск, 2008. С. 8.

[241] Ватин В.А. Восточная Сибирь в начале XIX в. // Сибирский архив. Март–апрель 1916 г. № 3–4. С. 97–156; он же. Ачинский округ по сенаторской ревизии 40-х годов XIX в. // Сибирский архив. Февраль 1915 г. № 2. С. 61–72; Чибизев И. Я. Инородцы Енисейской губернии в первые годы ее существования // Сибирский архив. Сентябрь 1914 г. № 9. С. 379–390.

[242] Загорский В. По Тункинскому краю // Сибирский архив. Март-апрель 1916 г. № 3–4. С. 173–187.

могут быть отнесены к категории полностью достоверных. Отсюда вытекает необходимость комплексного системного использования различных источников.

Оригинальным источником являются летописи. В 1858–1861 гг., а затем в 1892–1895, 1897–1898 гг. на страницах Иркутских губернских ведомостей была опубликована летопись П.И. Пежемского с продолжением летописи В.А. Кротова. Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова были опубликованы в 1911 г. с предисловием, добавлениями и примечаниями И.И. Серебренникова под названием «Иркутской летописи»[243]. Н.С. Романов продолжил «Иркутскую летопись» с 1857 по 1880 гг., которая была издана в 1914 г.[244]. Эти летописи содержат огромный фактический материал об истории не только г. Иркутска, но и губернской жизни в целом: о назначениях и перемещениях губернаторов и других должностных лиц местной администрации, о приездах различных комиссий, деятельности миссионеров и т. д., например, 25 мая 1857 г. тайша Тункинской Степной думы Зангей Хамаков принял крещение со своим сыном Дамба Зангеевым, еще 13 родовыми шуленгами, 50 бурятами и 14 бурятками[245].

Бурятские летописи в большинстве своем схожи по структуре и форме с монгольскими летописями, но в то же время отличаются от них своей документальностью, особенно начиная с событий, происходивших после вхождения Бурятии в состав Российского государства. Бурятские летописцы с большой тщательностью и добросовестностью использовали подлинные исторические документы, хранившиеся в делах канцелярии Степных дум, инородных управ и дацанов, в личных архивах представителей бурятской аристократии, просветителей и ученого духовенства. Если учесть, что многие архивные документы прошлых столетий не дошли до нас, становится ясным, насколько ценными историческими источниками являются бурятские летописи, поэтому сведения, сохранившиеся в них, приобретают особое значение[246].

[243] Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). Иркутск, 1911. 418 с.

[244] Романов Н.С. Иркутская летопись. 1857–1880 г. (Продолжение Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). Иркутск, 1914. 426 с.

[245] Романов Н.С. Иркутская летопись. 1857–1880 г. (Продолжение Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). Иркутск, 1914. С. 6–7.

[246] Бурятские летописи / сост. Ц.П. Ванчикова, Ш. Б. Чимитдоржиев, М.В. Аюшеева. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2011. С. 3.

Особенностью бурятских летописей является личностное отношение авторов к тем или иным событиям или должностным лицам. Т. Тобоев с неодобрением относится к деятельности Ринчин-Доржи Дымбилова, который был «нравом груб, корыстолюбив и собирал подати без разрешения начальства», в то же время дает положительную характеристику Тарба Жигжитову, также обвиненному впоследствии в неблаговидных поступках.

В летописях значительное внимание уделяется истории местного самоуправления бурят, имеются сведения о должностных лицах и т. д. Наиболее известными являются летописные сочинения Т. Тобоева «Прошлая история хоринских и агинских бурят», В. Юмсунова «История происхождения одиннадцати хоринских родов», Д.-Ж. Ломбоцыренова «История селенгинских монгол-бурят», Ц. Сахарова «Историческая записка о баргузинских бурятах», «Бишыхан записка» Н. Вампилова, Ю. Буянтуева и др., «История Подгородного рода» Д.-Д. Гемпилона, «Доклад о происхождении одиннадцати хоринских родов» Д. Дарбаева, Шираб-Нимбу Хобитуева и др.

Несомненно, следует отметить летопись В. Юмсунова 1875 г., названную Е.М. Залкиндом, и не без оснований, историко-этнографическим очерком, в которой отдельные главы посвящены истории управления хоринских бурят, родоначальникам, описанию образа жизни и быта, повинностям бурят и т. д. Следует отметить также и Аларскую летопись, изданную Г.Н. Румянцевым.

Не менее ценными источниками являются баргузинские летописи: «Краткое повествование о старинной истории Баргузина» анонимного автора, историко-этнографический очерк «Об инородцах, обитающих в Баргузинском округе Забайкальской области» Николая Цыван Жаб Сахарова 1869 г. и «Летопись баргузинских бурят» 1887 г. Александра Цэдэб Жаб Сахарова. Г.Н. Румянцев считает, что сочинение Николая Сахарова по своей структуре и содержанию не является летописью: это краткая справка или записка о прошлом и современном автору состоянии баргузинских бурят[247].

Появление «Летописи баргузинских бурят» 1887 г., как и «Летописи хоринских бурят» 1887 г. Ш.-Н. Хобитуева и «Краткой исторической справки о селенгинских бурятах» С. Юмова, связа-

[247] Румянцев Г.Н. Баргузинские летописи. Улан-Удэ: 1956. С. 6.

но с именем Э.Э. Ухтомского, которому понадобились исторические материалы для его работы. На наш взгляд, следует отметить летопись Ш.-Н. Хобитуева, которая отличается подробным описанием исторических событий в хронологической последовательности с 1875 по 1887 гг. Ценность летописи заключается в том, что автор является свидетелем описываемых событий, например, был одним из представителей хоринских бурят, отправившихся в Санкт-Петербург ходатайствовать по земельному вопросу[248].

Баргузинские летописи подробно описаны учеными А. Востриковым, Г.Н. Румянцевым, Н.Н. Поппе, которые, отмечая их источниковую ценность, подчеркивают, что они не являются «образцовыми среди других летописных сочинений бурят-монголов». Им недостает ни той обстоятельности и подробности, ни даже той точности, которая характеризует летописи хоринских и селенгинских бурят. Тем не менее они являются продуктом собственно баргузинской историографии[249].

Памятники обычного права бурят составляют весьма информативную группу источников и являются ценнейшими материалами для изучения социальных отношений, форм хозяйства, административного устройства бурят на протяжении XVII–XIX вв. Как отмечает Б.Д. Цибиков, «до присоединения Бурятии к России обычное право у бурят представляло единственный вид права. Они не знали писаных законов, общественная жизнь народа передавалась на основе установившихся правовых обычаев, передававшихся устно из поколения в поколение»[250]. С появлением письменности и началом кодификации норм обычного права появляются памятники писаного права.

О ценности памятников обычного права писал еще Д.Я. Самоквасов, выделяя три вида источников для изучения истории политических учреждений и права:

1) описания современников, имевших возможность наблюдать явления политической жизни и оставивших потомкам описания этих явлений;

[248] Бадмаева Л.Б. Очирова Г.Н. Летопись Ш.-Н. Хобитуева как памятник письменной культуры бурят. Улан-Удэ: Бэлиг, 2018. 288 с.

[249] Востриков А.И. Поппе Н.Н. Летопись баргузинских бурят. Тексты и исследования. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 76 с.

[250] Цибиков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ: 1970. С. 3.

2) предания, которые сохранили современные общества об условиях прежней жизни;

3) сохранившиеся памятники обычного права, дающие представление о социальной жизни различных обществ[251].

Одним из наиболее ранних памятников обычного права бурят является «скаска» балаганских бурят 1693 г., в 11 статьях которой кратко говорится о наказаниях, полагавшихся за наиболее тяжкие преступления: убийство, увечье, насилие, воровство[252]. Как отмечает Б.Д. Цибиков, научная ценность «Скаски» заключается в том, что она является источником для изучения социальной структуры бурят в дорусский период их истории, когда бурятские правовые понятия еще не успели подвергнуться влиянию русской государственности и ее правовых норм. Б.Д. Греков назвал этот памятник по аналогии с «Правдой русской» – «Бурятской правдой»[253].

Самым ранним из известных памятников обычного права забайкальских бурят является Указ 1759 г., составленный родоначальниками 11 хоринских и двух селенгинских родов – цонгольского и ашибагатского – в ответ на запрос пограничного комиссара В. Якоби о вероисповедании бурят[254]. Появление этого акта было следствием распространения ламаизма и вытеснения им шаманства.

Следующим сборником законов является Уложение 1763 г. хоринских бурят, состоявшее из трех обширных статей о брачном праве, охоте и борьбе с пьянством[255].

Из крупных сборников «степных законов» самым ранним является Книга записи судебных законов 1775 г. селенгинских бурят, известная под названием Селенгинское Уложение 1775 г. Б.Д. Цибиков по праву считает его ценным источником, служащим для изучения социально-экономических отношений бурят, так как нормы обычного права, зафиксированные в этом сборнике, были составлены без постороннего вмешательства. Примитивизм и

[251] Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава: В типографии Ивана Носковского, 1876. С. 4.

[252] Хрестоматия по истории Бурятии: документы и материалы. С древнейших времен до 1917 г. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. С. 51–53.

[253] Цибиков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. С. 7.

[254] Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности / перевод с монг. Новосибирск: 1992. С. 14–15.

[255] Обычное право хоринских бурят. С. 15–16.

казуистичность этого памятника показывают, что он мало подвергался влиянию более развитой государственности и соответствующей ей правовой системы[256].

Вторым большим сборником степных законов является Положение 11 хоринских родов 1808 г. по управлению внутренними делами и судопроизводству, состоявшее из 132 статей[257]. Б.Д. Цибиков считает, что по содержанию сборник 1808 г. близок к Селенгинскому судебнику 1775 г.

Не меньшую научную ценность представляют Устав 1788 г. хоринских и селенгинских бурят о нормах брачного права, Наказ главного тайши хоринских родов Шираб Дамба-Дугар Ринцено 1793 г., статьи которого направлены на борьбу с пьянством, развратом, азартными играми, расточительностью; Согласительный устав 1800 г., устанавливающий нормы торговых сделок; Приговоры 1817 г. и 1818 г. об упорядочении управления внутренними делами 11 хоринских родов, содержавшие ценные сведения об их административном устройстве накануне введения Устава об управлении инородцев 1822 г.; приговор 1820 г. о взыскании податей[258].

После принятия Устава об управлении инородцев 1822 г. была предпринята попытка кодифицировать право сибирских народов. По предписанию М.М. Сперанского были собраны значительные материалы по обычному праву бурят, которые находятся на хранении в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге[259]. К ним относятся Степные уложения бурят Балаганского, Идинского, Верхоленского, Тункинского, Хоринского и Селенгинского ведомств.

Сборники обычного права Верхоленского, Идинского, Тункинского, Балаганского, Кудинского, Хоринского, Селенгинского ведомств 1823 г. были опубликованы в сборнике Д.Я. Самоквасова[260]. Кроме этих сборников обычного права бурят были опубликованы обычное право калмыков и татар Бийского уезда, инородцев Кузнецкого уезда, вогулов, остяков и самоедов, якутов, киргизов и тунгусов. Оценивая изданный им сборник, Д.Я. Самоквасов

[256] Цибиков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. С. 8–11.
[257] Обычное право хоринских бурят. С. 24–48.
[258] Там же. С. 16–24, 48–60.
[259] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309.
[260] Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876. 282 с.

пишет, что он представляет собой «драгоценнейший для науки материал, подобного которому по полноте и качеству не существует в литературе. В противоположность существующим сборникам обычного права первобытных народов, составленным по известиям путешественников, часто отрывочным, случайным, в которых действительность более или менее пострадала от субъективных воззрений авторов»[261].

Из материалов, собранных комиссией М.М. Сперанского, Б.Д. Цибиков отмечает большую ценность Хоринского уложения 1823 г. как одного из главных источников «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» 1841 г. и Селенгинского сборника 1823 г., составленных по распоряжению Иркутского гражданского губернатора И.Б. Цейдлера. В этих уложениях нормы обычного права разделены на главы по отраслям: о буддийских кумирнях и ламах, о взыскании податей и повинностей, о порядке исполнения дел должностными лицами, о сватовстве и тяжбах, связанных с ним, о взыскании долгов, запрещении пьянства, азартных игр, о сбережении сенокосных угодий, о недопущении пожаров и т. д. В них заметно значительное влияние норм права российской государственности.

Следующим памятником обычного права бурят является Хоринское положение 1851 г., состоявшее из 19 разделов и 197 статей. Положение охватывает все стороны жизни хоринских бурят, особо надо отметить раздел «Об отнесении обязанностей должностными лицами по управлению хоринскими инородцами», в которых подробно расписаны обязанности и льготы всех должностных лиц местного самоуправления в соответствии с Уставом об управлении инородцев 1822 г.

Одним из последних памятников обычного права бурят является «Положение о степных законах и обычаях между инородцами Забайкальской области кудыринского племени существующих», выработанное в 1860 г. и состоящее из 151 статьи[262]. Положение было составлено по инициативе главного тайши кударинских бурят Заяхана Хамаганова и, как отмечает Е.М. Залкинд, «свидетельствовало об оживлении интереса к кодификации

[261] Самоквасов Д.Я. Указ. соч. С. 9.

[262] Положение о степных законах и обычаях между инородцами Забайкальской области… // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ: 1968. С. 177–211.

обычного права, связанного не только с трудностями и произволом при решении судебных дел, на что указывают сами его составители, но и стремлением нойонства использовать старинные обычаи для укрепления своего положения, сильно поколебленного уже новыми процессами, протекавшими в бурятском улусе»[263]. Далее он пишет, что при составлении свода закона кударинских бурят были использованы своды других ведомств. На это указывают и совпадения в формулировке отдельных статей, и однотипность многих параграфов, трактующих хозяйственные или семейно-брачные отношения. Вместе с тем и по содержанию, и по структуре Положение столь существенно отличается от других сводов, что его следует рассматривать как вполне оригинальный памятник обычного права. Надо отметить, что это единственный свод, пытающийся утвердить шаманизм в качестве официального вероисповедания.

Справочные издания могут быть отнесены к самостоятельным историческим источникам ввиду их информативности. Так, примером справочников могут послужить календари «Памятные книжки Забайкальской области» (издание Забайкальского областного статистического комитета) и «Памятные книжки Иркутской области», издававшиеся в конце XIX – начале XX вв. Они содержат информацию о российском государственном аппарате, структуре и личном составе правительственных и общественных учреждений Забайкальской области и Иркутской губернии, сведения об учреждениях финансового, военного, религиозного, тюремного и других ведомств, справочные и статистические данные об экономическом состоянии, о народном образовании и т. д., которые использованы нами в исследовании. Так, в календаре на 1911 г. имеется список всех дацанов Забайкальской области с именными списками ламайского духовенства[264], в календаре 1898 г. – сведения о благотворительной деятельности Правления Комитета по оказанию помощи пострадавшим от наводнения 1897 г., отчеты совета Комитета по улучшению средств содержания женских гимназий и прогимназий Забайкальской области за 1895–1897 гг.[265], в календаре на 1895 г. – именные списки тайшей и волостных

[263] Залкинд Е.М. Новый памятник обычного права бурят // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ: 1968. С. 212.
[264] Памятная книжка Забайкальской области (ПКЗО) на 1911 г. Чита: 1910. С. 116–126.
[265] ПКЗО на 1898 г. Чита: 1897. С. 1–7.

старшин Забайкальской области[266] и т. д. Большой интерес для исследователей представляют аннотированные хронологические перечни событий в Забайкальской области, изложение которых начинается с 1638 г.

К справочно-статистическим источникам следует отнести ежегодные обзоры Забайкальской области[267], дающие общее представление о составе населения по половозрастному признаку, по вероисповеданию, состоянии хозяйства.

На наш взгляд, много интересных фактов о границах бурятских ведомств, месторасположении селений, улусов и урочищ, о размерах владений и т. д. можно почерпнуть из географических карт. В Госархиве Бурятии имеется фонд «Коллекция картографического материала Бурятии» за 1894–1912 гг., в котором хранятся карты Забайкальской области за 1894 г., альбом карт Баргузинского ведомства за 1901 г.[268] В ходе исследовательской работы в ГАРБ нами была обнаружена карта ведомства Хоринской Степной думы за 1878 г. с планом с. Онинское, Онинского миссионерского стана, а также земель, отведенных Степной думой крещеным бурятам. Именно факт отведения земель крещеным бурятам нашел отражение во многих архивных документах и мемуарах миссионеров, поэтому обнаруженная карта, безусловно, дополняет и расширяет тему исследования.

В фонде Главного управления Восточной Сибири нами была обнаружена карта Идинского (Боханского) ведомства за 1882 г.[269], которая, при скудности материалов по его истории, служит дополнительным источником по истории идинских бурят.

Ценные сведения содержатся в картах Забайкальской области и Иркутской губернии XIX – начала XX в., например, в книге П.Е. Кулакова о хозяйстве и быте бурят Ольхонского ведомства имеется карта Ольхонского ведомства[270]. Огромную источниковую ценность представляют карты, опубликованные в историко-культурном атласе Бурятии – карты расселения племен и на-

[266] ПКЗО на 1895 г. Чита: 1895. С. 1–8.
[267] Обзоры Забайкальской области за 1896 г. Чита: 1897.
[268] ГАРБ. Ф. 507. Оп. 1. Д. 1–4.
[269] ГАИО. Оп. 9. Картон 2053. Д. 512. Л. 46–53.
[270] Кулаков П.Е. Ольхон. Хозяйство и быт бурят Еланцинского и Кутульского ведомств Верхоленского округа Иркутской губернии. СПб.: 1896.

родов Сибири в XVII в., формирования бурятской народности, Иркутской губернии и Забайкальской области[271] и т. д.

На наш взгляд, надо отметить интересное направление в исследовательской деятельности Б.З. Нанзатова, который занимается составлением карт бурятских ведомств в XIX в. Именно составленные им карты бурятских ведомств публикуются при издании сборников документов по истории бурятских Степных дум[272].

Фотодокументы, хранящиеся в фотофонде Госархива Бурятии, Национального музея Республики Бурятия, Кяхтинского краеведческого музея, являются важными источниками в изучении темы работы. Надо отметить, что фотодокументов XIX в. по истории бурятских ведомств насчитывается незначительное количество, в основном все они введены в научный оборот. Ценность фотодокументов заключается в том, что они запечатлевают облик времени и играют немаловажную роль для выяснения достоверности описания определенного события в письменных источниках. Раскрывая исторические события в виде статических или динамических зрительных образов, фотодокумент улавливает такие детали и нюансы, присущие тому или иному явлению или событию, которые вряд ли могут быть отражены в любом другом виде источников. Из фотодокументов мы можем почерпнуть факты, неизвестные нам ранее по другим источникам, и важные данные для уточнения уже известных событий.

Так, нами были исследованы фотоизображения главных тайшей кударинских бурят Заяхана Хамаганова, Ивана Заяханова, агинских бурят Жана Бодиина, хоринских бурят Ирдыни Вамбоцыренова, селенгинских бурят Вандана Жамбалтарова, баргузинских бурят Ринчина Сотиева и многих других должностных лиц местного самоуправления. Например, фотодокумент, на котором запечатлен цесаревич Николай с должностными лицами местного самоуправления Агинского ведомства на станции Туриноповоротная в июне 1891 г., позволил авторам провести комплексное исследование с привлечением архивных документов ГАРФ и

[271] Историко-культурный атлас Бурятии. Основной тоМ.М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2001. С. 162, 169, 212–213.

[272] Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История Баргузинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия. Иркутск: Оттиск, 2012. С. 1.

ГАРБ, воспоминаний современников и опубликовать его результаты[273].

Фотодокумент с изображением Заяхана Хамаганова с сыном Иваном (конец XIX в.) также послужил поводом для исследования, в ходе которого был снят телесюжет с выездом в их сохранившийся родовой дом, в котором потомки бережно хранят такие реликвии, как сабля, кортик и именные печати, принадлежавшие Заяхану Хамаганову.

Интересными представляются фотографии буддийских деятелей конца XIX – начала XX вв.: Пандито хамбо-лам Дампила Гомбоева, Чойнзон-Доржи Иролтуева, Даши-Доржи Итигэлова, выдающихся ученых профессоров Цыбена Жамцарано, Гомбожапа Цыбикова, Базара Барадина, видных бурятских общественных деятелей П.А. Бадмаева, Намдака Дылыкова и других.

Ведущее место в изучении истории народов Сибири принадлежит архивным источникам. Необходимые материалы по данной проблеме отложились во всех сибирских и некоторых центральных архивах. Из последних наиболее важное значение имеют архивные фонды РГИА, ГАРФ, ЦГВИА и АГО. Абсолютное большинство архивных источников носит делопроизводственный характер. Их можно подразделить на документы высших и центральных правительственных учреждений, сибирской губернской и уездной (окружной) администрации и исходящие от самих «инородцев» и их «общественных» организаций.

Делопроизводственные документы высших, центральных и губернских правительственных учреждений, занятых выработкой и осуществлением политики в отношении аборигенов, представляют особый интерес. Абсолютное большинство их не предполагалось для публикации. Поэтому обсуждение как текущих, так и прогнозируемых мероприятий в различных комитетах, комиссиях носило весьма откровенный характер. Это обстоятельство позволяет понять не только психологию царских чиновников – авторов источников, но и выявить их классовые, политические позиции, которыми они руководствовались в своей деятельности. Анализ этих позиций показывает, что они были всецело на стороне само-

[273] Жалсанова Б.Ц. «…Юному побудит быть честным и верным слугою своего дорогого Отечества». Документы Национального архива Республики Бурятия о посещении цесаревичем Николаем Агинского ведомства Забайкальской области и учреждении стипендии его имени. 1890–1892 гг. // Отечественные архивы. 2011. № 2. С. 97–109.

державия. Не случайно эта группа источников содержит неполные сведения об общественно-политической обстановке в стране, и лишь после 1905 г. в документах можно встретить материалы о влиянии революционного движения на внутреннюю политику.

По содержанию делопроизводственные документы высших, центральных и местных учреждений подразделяются на источники по аграрной политике, организации управления и христианизации, ясачному режиму. Разумеется, деление это условное, так как в одних и тех же источниках встречаются материалы по различным аспектам правительственной политики.

Официальные документы правительственных учреждений, занятых разработкой и осуществлением административных мероприятий, являются одним из основных источников для изучения сущности управленческой политики самодержавия в Сибири. Для периода 60–80-х гг. XIX в. наибольшую ценность представляют материалы межведомственной комиссии под председательством барона Медема. Комиссия была создана в 1873 г. по инициативе министра государственных имуществ П.А. Валуева. В ее состав вошли представители министерств государственных имуществ, финансов, внутренних дел. Основная задача комиссии состояла в разработке вопроса о возможности распространения в Сибири ряда положений крестьянской реформы 1861 г.

Наибольшую ценность представляют рабочие журналы комиссии – своего рода протоколы заседаний, четко фиксирующие борьбу различных мнений по вопросам формирования административной и аграрной политики в огромном зауральском крае. Протокольные записи заседаний содержат сведения по таким принципиально важным вопросам, как права аборигенов на занимаемые земли, размеры земельных наделов. Особый интерес представляют конкретные предложения авторов законопроекта по развитию административной и земельной политики. Они содержат первое в официальных источниках обоснование необходимости приравнивания оседлых и кочевых «инородцев» в отношении управления и прав землепользования к русскому крестьянству. Полнота обоснований, точность формулировок свидетельствуют о том, что новому законопроекту придавалось особое значение. Социальная направленность программы преобразований убедительно вскрывает исходные позиции ее авторов, сви-

детельствует об усилении шовинистических и русификаторских тенденций в национальной политике царизма. На это же указывают материалы, ведущие свое происхождение от высших государственных чиновников. Комплекс источников по управлению аборигенами включает в себя различные материалы. Большей частью они отложились в фондах министерства внутренних дел. Для пореформенного периода 60–80-х гг. важны документы сибирских губернских комиссий, образованных для обсуждения вопроса о возможности изменения системы управления аборигенами и причисления их к русским волостям. Они содержат заключения окружных комиссий и губернского совета, описание первых попыток губернской администрации по введению у аборигенов волостного и сельского управления по крестьянскому образцу.

Дополнением этих материалов являются многочисленные «личные» представления начальников губерний и областей в различные правительственные инстанции, позволяющие раскрыть взгляд высших чинов губернской администрации на характер будущей реформы, выявить степень их личного участия в разработке программы преобразований. Характерно, что в этих материалах мы не встречаем сведений об отношении аборигенов к разрабатываемой реформе. Авторов законопроектов эта сторона дела совершенно не интересовала.

Последующий этап в развитии системы управления аборигенами представлен делопроизводственными материалами, отложившимися в архивах различных ведомств. Для начала 1880-х гг. особую ценность имеет программа преобразований местного управления иркутских генерал-губернаторов А.П. Игнатьева и А.Д. Горемыкина, содержавшая развернутые предложения о введении в Сибири по образцу Европейской России института крестьянских начальников и распространение его компетенции на аборигенов.

Ход разработки закона о крестьянских инородческих начальниках и проведения его в жизнь отражает разнообразная документация министерств финансов и внутренних дел. Это проекты штатного расписания и программа испытаний на право занятия должности, статистические сведения о размерах участков крестьянских начальников, предложения чиновников различных рангов по «совершенствованию» деятельности этого институ-

та власти. Особый интерес представляют формулярные списки крестьянских начальников, содержащие подробные сведения о перемещениях по службе, социальном происхождении, образовании, вероисповедании, материальном положении. Эта группа источников не вызывает сомнений в достоверности.

Характер деятельности этих чиновников отражают материалы ревизий крестьянских начальников, проводимые представителями местных губернских и центральных учреждений. В них содержатся многочисленные свидетельства о вопиющих злоупотреблениях чиновников – кражах общественных сумм, вымогательстве, прямом надругательстве над трудовым русским и коренным сельским населением. Об отношении аборигенов к крестьянским начальникам и другим царским чиновникам дают подробное представление материалы отдела по делам местного управления, а также земского и национального отделов министерства внутренних дел Временного правительства.

Среди документов выделяется проект о преобразовании управления оседлыми и кочевыми народами Сибири, составленный по прямому указанию министра И.Д. Горемыкина делопроизводителем земского отдела министерства И.И. Крафтом в 1899 г. Новый проект – своего рода свод основных норм хозяйственной и административной жизни аборигенов, предполагавшихся к введению. Хотя по широте рассматриваемых вопросов он уступал Уставу об управлении инородцев 1822 г. М.М. Сперанского, тем не менее он явился важным документом, отразившим правительственный подход к управлению аборигенами на рубеже XIX и XX вв., и заслуживает внимания.

В анализируемый комплекс источников органически входят материалы обсуждения проекта И.И. Крафта в Забайкальской области. Ознакомление с мнением лиц, непосредственно обслуживающих нужды бурят, является необходимым для воссоздания подлинной картины состояния управления народами региона. Информативная нагрузка анализируемых материалов достаточно широка. Кроме критических высказываний в адрес предложений И.И. Крафта, они содержат проекты реорганизации управления аборигенами Забайкальской области и Иркутской губернии. Составной их частью являются «особые мнения» чиновников, не согласных с решениями губернских комиссий. Это свидетельствует

о столкновениях в рядах реформаторов по вопросам преобразования старого аппарата управления аборигенами, приспособления его к новым историческим условиям.

Для характеристики подхода высших чинов царской бюрократии к проблемам «инородческого» населения Сибири имеют большое значение материалы Государственного совета и Сената, относящиеся к концу XIX в., т. е. ко времени активизации русификаторской политики самодержавия и очередных реформаторских потуг в Сибири. Наибольшую ценность представляют материалы делопроизводства комиссий и совещаний, специально занимающихся рассмотрением сибирских вопросов: об устройстве суда по делам «инородцев», о «видах на жительство» для аборигенов, о привлечении их к отбыванию воинской повинности и т. п. Эти материалы отложились в различных фондах и архивах. Важность обсуждаемых вопросов требовала обширной дополнительной информации. Поэтому в материалах обсуждения имеются сведения о численности и соотношении полов коренного населения, развитии хозяйства, состоянии управления и деятельности должностных лиц, четко прослеживается политическая заинтересованность царизма в скорейшем обрусении аборигенов.

Особенный интерес в этом плане представляют документы о попытках привлечения аборигенов к отбыванию воинской повинности. Охватывающие период с 60-х гг. XIX в. и до 1917 г., они недвусмысленно отражают правительственный подход к этому вопросу, в основе которого лежали соображения отнюдь не военного, а чисто политического, обрусительного характера. Эти же материалы содержат цифровые данные о привлечении аборигенов к тыловым работам в годы Первой мировой войны, распределении их по районам работ, характере деятельности, свидетельствуют о резко негативном отношении аборигенов к отбыванию новой повинности.

Интерес для исследователей представляют публикации документов Государственного архива Республики Бурятия об участии бурят в Первой мировой войне: буряты, освобожденные от воинской повинности, организовали Общебурятское общество по сбору пожертвований Забайкальской области и Иркутской губернии под председательством Пандито хамбо-ламы буддийского духовенства Восточной Сибири Д.-Д. Итигэлова. На собранные

пожертвования бурятские общества содержали Бурятский лазарет в г. Петрограде, Бурятский врачебно-питательный отряд, перечисляли Красному Кресту и т. д., только за один год буряты собрали более 86 тыс. руб. Введение в научный оборот новых документов позволяет расширить исследования по истории местного самоуправления[274].

Для избранной темы исследования весьма существенное значение имеют документальные материалы по дореволюционной истории бурят XVII в., опубликованные Г.Н. Румянцевым, С.Г. Окунь[275]; сборник материалов по истории Бурятии XVIII и первой половины XIX в. под редакцией и с примечаниями В.П. Гирченко[276], хрестоматия по истории Бурятии, охватывающая период с древнейших времен до 1917 г.[277] Материалы и документы сборников позволяют исследовать социально-экономическое и культурное развитие Бурятии.

После длительного перерыва со времени издания сборников документов, в последнее деятилетие появляются новые публикации архивных материалов по рассматриваемой теме. В 2010 г. пу-

[274] Жалсанова Б.Ц., Чимитдоржиева Л.Ш. «Мы предполагали создать на первое время хоть временный орган объединения разрозненных частей бурятского народа…» (Документы о создании Общебурятского комитета по сбору пожертвований в годы Первой мировой войны) / Б.Ц. Жалсанова, Л.Ш. Чимитдоржиева // Вестник БНЦ СО РАН. 2014. № 4. С. 294–300; они же. «На пожертвования бурятского населения области учреждается в Петрограде Лазарет бурятского имени на 30 кроватей…» (Документы о деятельности Бурятского петроградского лазарета) / Б.Ц. Жалсанова, Л.Ш. Чимитдоржиева // Вестник БНЦ СО РАН. 2015. № 1. С. 289–297; они же. «…Буряты и тунгусы, простолюдины и интеллигенция, духовные и статские! К вам мы обращаемся – организуйтесь в волостные, булучные и улусные комитеты, организуйте сборы пожертвований везде и всюду, покажите в этой работе – горячем отклике на наше обращение, что вы граждане, дети своей родины, что жива в вас великая совесть!» (Документы о вкладе бурятского населения по сбору пожертвований и благотворительной деятельности бурятских обществ в помощь пострадавшим от войны) / Б.Ц. Жалсанова, Л.Ш. Чимитдоржиева // Вестник БНЦ СО РАН. 2015. № 2. С. 245–252; они же. Первая мировая война в документах Государственного архива Республики Бурятия. «…Для работ по устройству оборонительных сооружений военных сообщений в районе действующей армии привлечь реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи» (документы о реквизиции бурят в годы Первой мировой войны) / Б.Ц. Жалсанова, Л.Ш. Чимитдоржиева // Вестник БНЦ СО РАН. 2015. № 3. С. 240–252.

[275] Сборник документов по истории Бурятии XVII в. Вып. 1. / сост. Г.Н. Румянцев, С.Г. Окунь. XVII век. Улан-Удэ: 1960. 493 с.

[276] Сборник материалов по истории Бурятии XVIII-го и первой половины XIX века. Вып. 1 / под ред. и с примеч. В.П. Гирченко. Верхнеудинск: 1926. 42 с.

[277] Хрестоматия по истории Бурятии: документы и материалы. С древнейших времен до 1917 г. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. 224 с.

бликуется сборник документов по истории Кударинской Степной думы, который явился первым пофондовым изданием сборника документов дореволюционного периода Бурятии научного типа[278]. В сборник вошли 94 документа в хронологической последовательности, позволяющие полнее раскрыть деятельность местного самоуправления кударинских бурят в 1825–1903 гг. Кроме документов в сборнике опубликованы комментарии к документам и тематический перечень из 797 документов. Ценность издания заключается в широком изучении и вводе в научный оборот целого комплекса архивных источников, способствующих расширению источниковой базы по истории местного самоуправления бурят.

Значительный источниковый материал представлен в публикации «История Ольхонской Степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия»[279], в которой дается историческая справка о деятельности учреждения за 1824–1890 гг., и тематический перечень фонда Ольхонской Степной думы, включающий в себя 714 документов.

Продолжением серии публикаций по истории Степных дум явилось издание Б.Ц. Жалсановой и Л.В. Курасом в 2012 г. пофондового сборника документов «История Баргузинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия»[280], в который вошли 106 документов фонда Баргузинской Степной думы, дающих ценный фактический материал по истории Баргузинского ведомства. К документам были составлены 109 комментариев, в которые включены материалы Баргузинских летописей, публикаций исследователей и комплекс архивных документов, не вошедший в сборник. Издание позволяет на примере истории одной Степной думы рассматривать вопросы становления и развития органов местного самоуправления всех бурятских ведомств.

Вообще, с этого времени Государственный архив Республики Бурятия совместно с Институтом монголоведения, буддологии и

[278] История Кударинской Степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия (1825–1903) / автор-составитель Б.Ц. Жалсанова. Улан-Удэ: Новапринт, 2010. 248 с.

[279] История Ольхонской Степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия (1824–1890) / составители Б.Ц. Жалсанова, О.И. Прокопьева, А.Т. Дадаева. Улан-Удэ: Новапринт, 2010. 120 с.

[280] Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История Баргузинской Степной думы в документах Баргузинской Степной думы (1824–1903). Иркутск: Оттиск, 2012. 352 с.

тибетологии СО РАН начал многолетнюю работу по выявлению и публикации документов бурятских Степных дум. Б.Ц. Жалсановой и Л.В. Курасом были выявлены, исследованы и изданы, кроме Кударинской и Баргузинской, сборники архивных документов по истории Аларской и Хоринской Степных дум, что нашло отражение в научной периодике[281]. В настоящее время опубликовано трехтомное издание по истории Агинской Степной думы[282].

Представленные документы, во-первых, раскрывают процесс создания системы местного самоуправления; а во-вторых, раскрывают суть функционирования органов местного самоуправления на основе норм обычного права при полном следовании российскому законодательству. В свою очередь это позволяет выявить главные вопросы административной, хозяйственной, судебной и социальной деятельности органов местного самоуправления.

Впервые приводимые данные по истории бурятских ведомств, включающие историко-архивные сведения о родоначальниках, названиях родов, улусов и селений в каждом ведомстве, данные

[281] Ванчикова Ц.П., Матханова Н.П. Местное самоуправление у бурят в XIX – начале XX вв. в документах Государственного архива Республики Бурятия: Жалсанова Б.Ц. История Кударинской Степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия (1825–1903 гг.): [сб. документов, перечень документов] / автор-составитель Б.Ц. Жалсанова / науч. ред. Л.В. Курас. Улан-Удэ: Новапринт, 2010. 248 с. История Аларской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1889 гг.): [сб. документов, перечень документов] / авт.-сост. Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас; науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2015. 352 с.; История Баргузинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1889 гг.): [сб. документов, перечень документов] / авт.-сост. Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас; науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2012. 352 с.; История Хоринской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1825–1904 гг.): [сб. документов, перечень документов] / авт.-сост. Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас; науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2016. 592 с. // Гуманитарные науки в Сибири. Том 24. № 4. С. 115–117.

[282] Базаров Б.В., Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1839–1904 гг.). Часть I. Формулярные и послужные списки должностных лиц Агинской Степной думы / авторы-составители Б.В. Базаров, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас / науч. ред. Н.Н. Крадин. Иркутск: Оттиск, 2017. 676 с.; Базаров Б.В., Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1839–1904 гг.). Часть II. Делопроизводственные документы Агинской Степной думы / авторы-составители Б.В. Базаров, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас / науч. ред. Н.Н. Крадин. Иркутск: Оттиск, 2019. 368 с; Базаров Б.В., Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1839–1904 гг.). Часть III. Ревизские сказки, посемейные списки агинских бурят Галзотского и саганского родов / авторы-составители Б.В. Базаров, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас / науч. ред. Н.Н. Крадин. Иркутск: Оттиск, 2018. 516 с.

об их месторасположении, списки жителей ведомств, имеют практическое значение для тематических и генеалогических исследований. Все представленные сборники документов являются пофондовыми изданиями научного типа, построенными по хронологическому принципу. Самостоятельное значение имеет научно-справочный аппарат, состоящий из исторического и археографического предисловий, именного указателя, списка использованных фондов, тематического перечня выявленных документов и комментариев. Все сборники документов снабжены картами, составленными канд. ист. наук Б.З. Нанзатовым. Серьезную научную ценность имеет богатейший комментарий, содержащий информацию по этнической истории, истории самоуправления, образования, повседневной жизни бурят[283].

В 2012 г. к 190-летию приятия «Устава об управлении инородцев» Государственный архив Хакасии опубликовал сборник документов, дающий представление о деятельности органов местного самоуправления на территории Хакасии[284].

Существенным вкладом в комплексное исследование темы местного самоуправления у инородцев Российской империи является издание в 2017 г. сборника документов по истории местного самоуправления калмыцкого народа, в который вошли 250 документов, выявленных в фондах Национального архива Республики Калмыкия[285].

Надо отметить выход в свет в 2019 г. сборника документов по истории забайкальского казачества, который является первым изданием такого рода по данной теме. Селенгинские буряты составили основу забайкальского пограничного казачества, хоринские буряты – иррегулярного инородческого войска, именно эти бурятские роды, хотя и были освобождены от воинской повинности, тем не менее становятся на охране российской границы. В сборник вошли 149 документов за 1823–1919 гг., 46 обширных комментариев к документам. Безусловно, ценным является историческое предисловие, в котором проанализировано российское законодательство в отношении забайкальского казачества за XVII

[283] Ванчикова Ц.П., Матханова Н.П. Указ. соч. С. 115.

[284] Степные думы и инородные управы на территории Хакасии. Сборник архивных документов. К 190-летию «Устава об управлении инородцев». Абакан: Бригантина, 2012.

[285] История местного самоуправления Калмыцкой степи в XIX – начале XX вв. Сборник документов и материалов /сост. И.В. Лиджиева. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 240 с.

– начало XX вв. Информативным является научно-справочный аппарат к сборнику: тематический перечень выявленных документов из 356 заголовков, именной указатель из 1547 имен, а также приложения[286].

Основным же источником для настоящего исследования являются преимущественно делопроизводственные материалы государственных архивов: Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Государственный архив Архангельской области (ГААО), Государственный архив Иркутской области (ГАИО), Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК), Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ).

В ходе работы над монографией нами также был изучен состав архивных документов по истории бурят Российского государственного исторического архива (РГИА) и Архива института этнографии в Санкт-Петербурге по перечню документов, составленному Диттмаром Шорковитцем[287]. Перечень состоит из 3443 заголовков дел и документов с аннотациями, входящих в 1696 фондов данных архивов. Интерес представляют ежегодные отчеты генерал-губернаторов Восточной Сибири, губернаторов Иркутской губернии, Забайкальской области (фонды 1276, 1281, 1284), проекты степных законов бурят Иркутской губернии за 1823 г. (фонд 1264), сведения о награждениях родоначальников и т. д. В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) был рассмотрен фонд 199, опись 2 «Портфели Миллера», портфель «Описание Селенгинского и Нерчинского уездов Иркутской провинции в Сибири в нынешнем их положении, летом 1735 г.», портфель № 526, часть 2, дело 2 «Географическое описание и современное состояние Нерчинского уезда Иркутского уезда Иркутской губернии в Сибири» и другие, дающие представление о состоянии Иркутской губернии в XVIII в.

Интерес для исследователей истории воинской повинности бурят в начале XX в. представляет фонд 1233 «Заведующий Архангельской инородческой дружиной», хранящийся в Государ-

[286] Жалсанова Б.Ц., Шаповал Е.Ю. Хранители границ… История забайкальского казачества в документах Государственного архива Республики Бурятия (1823–1919) / науч. ред. Л.В. Курас. Улан-Удэ: Изд-во ПАО «Республиканская типография», 2019. 320 с.

[287] Шорковитц Диттмар. Этноисторические документы по калмыкам, бурятам и монголам Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) и Архива Института этнографии в Ленинграде. Берлин: 1988. 278 с.

ственном архиве Архангельской области. В фонде имеются документы «о реквизиции бурят» на тыловые работы во время Первой мировой войны, деятельности бурятской общественности по поддержке реквизированных бурят и т. д. В ходе работы с документами фонда Государственного архива Архангельской области нами были получены их копии, которые в комплексе с воспоминаниями о реквизированных бурятах, фотодокументами, материалами периодической печати позволили авторам сформировать новый фонд в Государственном архиве Республике Бурятия – ФР.2104 «Коллекция документов по истории реквизиции бурят в годы Первой мировой войны (1916–1917, 1998–1999, 2007 гг.)», включающий в себя 31 единицу хранения. Безусловно, интересными для изучения являются сведения о деятельности бурятских органов местного самоуправления по подготовке к отправлению бурят на тыловые работы, сборе средств и теплой одежды для них, именные списки реквизированных бурят, донесения начальников о тяжелых условиях работы и быта бурят, об их массовых заболеваниях и т. д.

Особое внимание для исследования привлекают пять фондов в Государственном архиве Забайкальского края (ГАЗК), в которых сосредоточен обширный комплекс документов по истории органов местного самоуправления тунгусов и бурят Восточного Забайкалья.

В фонде 1 «Забайкальское областное правление» (1851–1917 гг.) находится 26300 единиц хранения, из которых часть дел связана с историей бурятских и тунгусских инородческих ведомств. Это делопроизводственные документы общераспорядительного, политического, тюремного, сельскохозяйственного, строительного, врачебного, ветеринарного отделов, отчеты о состоянии ведомств, отдельные разделы которых содержат сведения о количественном и качественном составе населения, состоянии хозяйства, народного образования и здравоохранения и др. В фонде также находятся на хранении отчеты инородческих ведомств Забайкальской области, статистические сведения о населении Забайкальской области, об утверждении должностных лиц, ревизские сказки всех бурятских ведомств за 1831, 1851 и 1858 гг., следственные дела по обвинению главных тайшей Сахара Хамнаева, Дмитрия Минеева, Тарбы Жигжитова и других, материалы о ламах, дацанах, отчеты

об имуществе дацанов, формулярные списки переводчиков Цокто Бадмажапова, Раднажапа Бимбаева и Буды Рабданова, главных тайшей Ирдыни Дансорунова, Тугултура Тобоева и других, Пандито хамбо-лам и т. д., в которых имеются интересные сведения. Например, в формулярном списке Тарбы Жигжитова, главного тайши Хоринской Степной думы, отмечается, что в 1835–1837 гг. он воспитывался в доме у коменданта Нерчинских рудников генерал-лейтенанта С. Р. Лепарского в Петровском Заводе, известного своим добрым отношением к декабристам. Образование получил в Троицкосавской русско-монгольской школе[288]. Имеется много дел по земельным тяжбам агинских и хоринских бурят, урульгинских тунгусов, армакских бурят и тунгусов.

Представляют интерес документы о праве собственности бурят и тунгусов на свои земли, начиная с заверенных копий указов Петра и Ивана Алексеевичей 1697 г., Петра Великого 1703 г. и т. д.

Законодательная база в отношении прав собственности на земли хоринских бурят, историография вопроса рассмотрены в «Объяснительной записке по вопросу о праве собственности хоринских бурят Хоринского и Агинского ведомств», написанной и поданной П.А. Бадмаевым 28 мая 1892 г. А.Н. Куломзину.

Уникальным документом фонда является Положение о степных законах и обычаях кударинских бурят 1860 г., последний известный памятник обычного права бурят. Памятник был обнаружен и опубликован И.А. Асалхановым.

2) Дополнением к документам фонда 129 «Агинская Степная дума» Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ) являются 58 дел фонда 284 «Агинская Степная дума (1830–1917 гг.)» ГАЗК. Это общественные приговоры Агинской Степной думы за 1877–1881, 1886–1887, 1902–1903 гг., сведения о происшествиях за 1886 г., ревизские сказки хоринских бурят за 1831 г. и др.

3) Фонды тунгусских органов местного самоуправления, хранящиеся в ГАЗК, содержат значительный корпус делопроизводственных документов, позволивший провести сравнительные исследования тунгусских обществ Западного и Восточного Забайкалья. В ГАЗК находится фонд 55 Урульгинской тунгусской Степной думы (1823–1896), состоящий из 520 единиц хранения. Фонд является полноценным, в нем представлены документы,

[288] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 677. Л. 1–3.

раскрывающие административную и хозяйственную деятельность Урульгинской Степной думы практически за весь хронологический период ее функционирования. Характерными для фонда являются ежегодные отчеты, ведомости думы, сведения о налогах, о крещении тунгусов. Имеются заверенные копии указов российских царей о награждении Гантимуровых княжеским титулом, об их льготах, о праве на земли, занимаемые ими, послужные списки князей Гантимуровых и т. д.

4) Фонд 29 Урульгинской тунгусской инородной управы из 386 дел за 1822–1899 гг. представлен ежегодными отчетами управы, общественными приговорами о выборах должностных лиц, сведениями о происшествиях. В фонде имеются формулярные списки Никандра Иванова, родового старосты Дулигарского рода, Диониса Лиханова, родового старосты Почегорского рода, и др.[289]

5) Ранний период истории забайкальских тунгусов отражен в фонде 300 «Начальник эвенкийских родов» за 1752–1822 гг. В фонде числится 38 дел, в которых имеются сведения о земельных спорах тунгусов за 1752–1779 гг., списки шуленг, сведения о сборе ясака. Указы Нерчинского нижнего земского суда от 8 января 1816 г. о нечинении особого денежного сбора с обществ за составление ревизских сказок, о доставлении в Онинскую братскую контору девицы Марфы Лосевой от 28 января 1816 г., о строгом надзоре за состоянием хлеба в экономических магазинах[290] и другие, рапорты старшин родов начальнику тунгусских родов дают представление о взаимодействии органов местного самоуправления тунгусов с вышестоящим начальством, деятельности начальника тунгусских родов и старшин родов по управлению тунгусским обществом в указанный период.

Важными источниками в работе явились следующие фонды Государственного архива Иркутской области (ГАИО):

Фонд 24 «Главное управление Восточной Сибири» (ГУВС) – 29153 дела за 1822–1887 гг. Главное управление Восточной Сибири являлось центральным административным органом управления Восточной Сибирью в 1822–1887 гг., куда входили Иркутская и Енисейская губернии, Якутская область. В ГУВС была сосредоточена вся административная власть по управлению экономикой, хозяйством, строительством, связью, образованием в Восточной

[289] ГАЗК. Ф. 300. Оп. 1. Д. 159. Л. 2.
[290] Там же. Д. 28. Л. 19–22, 36–37.

Сибири, решение военных вопросов в пограничных районах, в том числе управление инородцами, поэтому фонд богат интересными документами, такими, например, как всеподданнейшие отчеты по управлению Восточной Сибирью, отчеты о состоянии Забайкальской области, отчеты о состоянии Иркутской губернии, о выборах и утверждении родоначальников, прошения инородцев по разным вопросам и т. д. Непосредственно инородцев касаются дела по описи № 6 – 2257 д. за 1840–1885 гг., описи № 10 – 1028 д. за 1833–1885 гг., описи № 9 – 1518 д. за 1852–1886 гг.

2) Фонд 29 «Канцелярия Приамурского генерал-губернатора» – 1385 дел за 1859–1911 гг. Фонд поступил на хранение в канцелярию иркутского генерал-губернатора в августе 1906 г. и содержит дела по Забайкальской области за 1884–1906 гг., когда область находилась в ведении Приамурского генерал-губернаторства. С целью подбора документов с их последующим приемом и пересылкой из г. Иркутск в г. Хабаровск был направлен чиновник особых поручений[291]. В 1920 г. фонд поступил на государственное хранение в Государственный архив Иркутской области в неразобранном виде. После усовершенствования фонд состоит из двух описей и нескольких делопроизводств.

Документы фонда представляют огромный интерес для исследователей истории Забайкальской области за указанный период, в частности истории бурятских и тунгусских обществ. Например, в 30 с лишним делах имеются интересные сведения об управлении инородцев, в 20 делах – о состоянии и распространении ламаизма среди инородцев, во многих делах есть данные о податной системе инородцев, об их земельных тяжбах и т. д.

3) Фонд 151 «Ленская инородная управа» – 847 дел за 1837–1916 гг. Фонд представлен документами о сборе податей и повинностей, земельных угодьях, торгово-промышленных заведениях, статистическими сведениями о населении, населенных пунктах, мирскими приговорами. Интересными для исследования являются указы Иркутского губернского правления «О пресечении денежных сборов с обществ на содержание инородцев» от 7 апреля 1843 г., «О пресечении денежных сборов, производимых с обществ, на содержание инородцев во время съезда их по разным обще-

[291] ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 1733. Л. 6–7 об.

ственным делам на свои собрания или сугланы» от мая 1843 г.[292], которые регламентировали порядок сбора налогов на внутреннее управление.

4) Фонд 152 «Хенхедурское родовое управление» – 254 дела за 1844–1919 гг. Хенхедурское родовое управление входило в состав Ленской инородной управы и в основном представлено документами о сборе податей и повинностей и взыскании недоимок по ним.

5) Фонд 223 «Верхоленская Степная дума» – 5 дел за 1821–1883 гг. В фонде имеются документы о земельных угодьях и спорных землях, осмотре границ и их межевании, взыскании с бурят хлебной недоимки.

6) Фонд 224 «Родоначальник 11 аларских родов Аларского бурятского ведомства Иркутской губернии» – 1 дело за 1867–1869 гг.

7) Фонд 237 «Идинская Степная дума» – 1 дело за 1857 г. (списки жителей ведомства).

8) Фонд 534 «Контора главного тайши Балаганского ведомства» – 5 дел за 1775–1803 гг. Контора главного шуленги была учреждена в 1775 г. и переименована в Контору главного тайши Балаганского ведомства в 1795 г. Ценность фонда заключается в том, что здесь представлены документы за ранний период истории балаганских бурят, это указы, постановления нижнего суда, главного шуленги и главного тайши о землевладении и землепользовании, сведения о злоупотреблениях родовых шуленг, взыскании недоимок, розыске отлучившихся из ведомства бурят и др.

9) Фонд 715 «Аларская Степная дума» – 25 дел за 1851–1888 гг. В фонде имеются документы о сборах податей и повинностей, ведомости о хлебопашестве и скотоводстве, мирские приговоры, а также подворные списки Хигинского родового управления за 1881–1883 гг.

10) Фонд 149 «Китойская инородная управа» – 135 дел за 1877–1918 гг. Фонд в основном представлен документами о сборе податей и повинностей, статистическими сведениями о населении и населенных пунктах, ведомостями о мукомольных мельницах. Безусловную ценность имеют общественные приговоры о выборах должностных лиц[293], метрические книги лиц шаманской веры

[292] ГАИО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 17 а. Т. 2. Л. 29–29 об.
[293] ГАИО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 5, 11.

за 1877 г.[294], посемейные списки Китойского ведомства за 1899 г. и 1907 г.[295] и др.

11) Фонд 717 «Балаганская Степная дума» – 2 дела за 1851–1888 гг.

Особую источниковую ценность для работы имеют фонды тунгусских органов местного самоуправления Иркутской губернии, хранящиеся в ГАИО: фонд 150 «Киренско-Хандинская эвенкийская инородная управа Киренского уезда» – 50 дел за 1812–1875 гг., фонд 461 «Нижнеилимская эвенкийская инородная управа Киренского уезда» – 35 дел за 1817–1883 гг., фонд 148 «Очеульская эвенкийская инородная управа Верхоленского уезда», фонд 387 «Тутурская инородная управа» за 1813–1858 гг. Фонды в основном содержат отчеты управ о состоянии ведомств, статистические сведения о населении, ведомости о стойбищах и родовых управлениях.

Важным источником по истории бурят XIX – начала XX вв. являются фонды личного происхождения Госархива Иркутской области:

1) фонд 295 «Личный фонд Ядринцева Николая Михайловича» – 143 дела за 1870–1894 гг. Фонд содержит материалы о переселении русского оседлого населения в Алтае, о хозяйственной жизни сибирских крестьян и т. д. Особую ценность для исследования имеют рукописи его статей о посещении «ламайского епископа», о М.М. Сперанском, о сибирском провинциальном вопросе и др. В своих статьях он пишет о том, что Сибирь надо рассматривать как колонию не только в качестве «территории, предназначенной принимать избыточное население, как путь для транзитной торговли Азии с Россией, как лицо для эксплуатации различных произведений, могущих обеспечить метрополию, как территории, могущей увеличить и усилить могущество государства и служить лучшим орудием для международных отношений». Прежде всего, по мнению Н.М. Ядринцева, Сибирь должна рассматриваться с точки зрения внутренней жизни колонии, интересов местного колониального населения, «поднятия его благосостояния, его развития и преуспения»[296];

2) фонд 609 «Личный фонд Серебренникова Ивана Иннокентьевича» – 110 дел за 1906–1919 гг. В фонде хранятся дневники,

[294] ГАИО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 4.
[295] Там же. Д. 27, 65.
[296] ГАИО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 65. Л. 17–17 об.

рукописи статей, выписки и т. д. Интерес для исследователей представляет рукопись его работы «Буряты, их состав и занятия (по данным переписи 1897 г.)» с посвящением «дорогому Цыбену Жамцарано»[297].

Основным ценным источником для изучения истории системы местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. является богатейший корпус документов, хранящийся в Государственном архиве Республики Бурятия (ГАРБ): 11 фондов Степных дум, 21 фонд инородных управ и 11 фондов родовых управлений, насчитывающих в общей сложности более 37000 единиц хранения. К сожалению исследователей, не сохранился фонд Идинской Степной думы, который, по данным Е.М. Залкинда, полностью сгорел[298]. Не сохранились также до наших дней и архивы Закаменской, Армакской, Капсальской инородных управ, поэтому сведения об этих ведомствах нами извлечены из косвенных источников.

Самыми богатыми по количеству и содержанию документов являются фонды Селенгинской, Агинской, Баргузинской, Кудинской, Верхоленской и Балаганской Степных дум. Фонды Кударинской, Аларской и Ольхонской Степных дум насчитывают незначительное количество дел, а фонд Тункинской Степной думы из-за случившегося пожара, в котором сгорела вся документация за первую половину XIX в., насчитывает всего 340 единиц хранения.

Самое большое Хоринское ведомство, в котором числилось 14 инородных управ и 108 родовых управлений, не сохранило свой архив, и мы сегодня располагаем фондом, состоящим в основном из дел Галзутской инородной управы.

В ГАРБ были исследованы фонды 11 бурятских Степных дум:

1. фонд 6 «Аларская Степная дума» (1832–1912) – 1243 дела;
2. фонд 3 «Балаганская Степная дума» (1809–1902) – 2063 дела;
3. фонд 4 «Верхоленская Степная дума» (1821–1919) – 2078 дел;
4. фонд 1 «Кудинская Степная дума» (1789–1898) – 3833 дела;
5. фонд 12 «Ольхонская Степная дума» (1816–1894) – 1142 дела;
6. фонд 171 «Тункинская Степная дума» (1844–1896) – 340 дел;
7. фонд 129 «Агинская Степная дума» (1846–1909) – 5165 дел;
8. фонд 7 «Баргузинская Степная дума» (1810–1902) – 2976 дел;

[297] ГАИО. Ф. 609. Оп. 1. Д. 18.

[298] Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX века. М.: Наука, 1970. С. 13.

9. фонд 5 «Кударинская Степная дума» (1809–1904) – 1527 дел;

10. фонд 2 «Селенгинская Степная дума» (1825–1914) – 6531 дело;

11. фонд 8 «Хоринская Степная дума» (1743–1904) – 2719 дел.

Фонды 10 бурятских инородных управ Забайкальской области:

1. фонд 293 Барун-Хоацайская (1874–1904) – 89 дел;
2. фонд 369 Бырке-Цугольская (1830–1906) – 91 дело;
3. фонд 253 Галзутская (1821–1884) – 10 дел;
4. фонд 103 Кялинская (1851–1904) – 236 дел;
5. фонд 104 Могойтуйская (1840–1903) – 79 дел;
6. фонд 294 Тутхалтуевская (1855–1902) – 486 дел;
7. фонд 178 Тургинская (1850–1903) – 560 дел;
8. фонд 272 Цугольская (1842–1904) – 178 дел;
9. фонд 291 Челутаевская (1860–1903) – 436 дел;
10. фонд 427 Агинская инородная управа (1806–1916) – 253 дела.

Фонды 11 бурятских инородных управ Иркутской губернии:

1. фонд 15 Абаганатская (1890–1912) – 167 дел;
2. фонд 17 Аларская (1890–1915) – 679 дел;
3. фонд 345 Койморская (1891–1914) – 181 дело;
4. фонд 13 Кудинская (1890–1907) – 583 дела;
5. фонд 465 Кутульская (1890–1916) – 373 дела;
6. фонд 184 Ользоновская (1887–1913) – 583 дела;
7. фонд 252 Торская (1868–1917) – 26 дел;
8. фонд 161 Тункинской (1845–1893) – 136 дел;
9. фонд 16 Унгинская (1848–1916) – 629 дел;
10. фонд Харибятская (1883–1922) – 778 дел;
11. фонд 18 Хоготовской (1822–1915) – 477 дел.

Фонды 11 бурятских родовых управлений:

фонд 41 1-е Абаганатское (1872–1902) – 43 дела;
фонд 40 2-е Абаганатское (1876–1899) – 50 дел;
фонд 37 3-е Абаганатское (1864–1915) – 192 дела;
фонд 42 4-е Абаганатское (1871–1906) – 127 дел;
фонд 38 Абазаевское (1850–1885) – 264 дела;
фонд 118 Осинское (1892–1920) – 46 дел;
фонд 47 Сарминское (1872–1887) – 22 дела;
фонд 43 Семисосенское (1873–1887) – 15 дел;
фонд 39 Хигинское (1867–1889) – 270 дел;

фонд 49 Чернорудское (1873–1887) – 14 дел;

фонд 46 Шалотское (1840–1904) – 211 дел.

Кроме перечисленных фондов нами были исследованы фонды пяти бурятских Степных контор, органов местного самоуправления, существовавших до издания Устава 1822 г.: Балаганской, Верхоленской, Кударинской, Кудинской и Ольхонской, всего 392 дела за 1782–1824 гг. Документы фондов дают представление об административной и хозяйственной деятельности Степных контор, о судопроизводстве и т. д. В ходе своей работы, несмотря на большое количество дел и на их зачастую неудовлетворительное состояние, с учетом значимости документов, мы стремились максимально изучить все фонды.

Особый интерес представляет одно дело Верхоленской Степной конторы, в котором подшиты все законодательные и правовые акты, действовавшие в отношении бурят до учреждения Устава об управлении инородцев 1822 г.: это Манифест Екатерины II от 19 марта 1775 г., указ Иркутского земского суда 1809 г. «О правилах, как обязаны старшины иноверцев и поселян чинить расправу над подчиненными и воздерживать их от пороков и преступлений», «Положение о выборах иноверческих начальников и о правах их» от 1812 г. и т. д.[299]

Фонды бурятских Степных дум, инородных управ и родовых управлений в основном представлены делопроизводственными документами, которые характеризуются своей масштабностью и разнообразием. Делопроизводственные материалы в отечественной историографии определяются как вид исторических источников, функцией которых является документное обслуживание различных управляющих систем (государственное делопроизводство, вотчинное делопроизводство, делопроизводство акционерных компаний и т. д.)[300]. В нашем исследовании делопроизводственные документы рассматриваются как вид исторических источников, которые содержат интересные сведения об административной, хозяйственно-экономической, судебной деятельности органов местного самоуправления бурят. Хронологически фонды охватывают период с конца XVIII в. по 1917 г., и надо отме-

[299] ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118.

[300] Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учебное пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: 1998. С. 392.

тить, что в фондах имеются также дела Степных контор за период с конца XVIII в. до начала XIX в. и документы инородческих волостных правлений начала XX в.

Делопроизводство XVIII–XIX в. имело свои особенности, связанные с тем, что с расширением управленческого государственного аппарата возрастало значение делопроизводства и его важнейшие основы утверждались в законодательном порядке. Важное значение для делопроизводства имело издание Генерального регламента от 28 февраля 1720 г., основополагающего документа, определившего систему делопроизводства до 1917 г. Впоследствии, на протяжении XVIII–XIX вв., издавались законодательные акты, устанавливавшие формуляры документов отдельных разновидностей. Например, 11 января 1721 г. был издан «Регламент, или Устав Главного магистрата», к которому прилагались формы ведомостей, рапортов и т. д. Все эти указы строго регламентировали делопроизводство и нашли свое отражение в документах органов местного самоуправления бурят в указанный период.

Временем лучшего оформления делопроизводства органов местного самоуправления является вторая половина XIX в. Документы этого периода отличаются видовым разнообразием, грамотным составлением делопроизводственной документации, хорошим почерком по сравнению с делопроизводством первой половины XIX в. Исследователи в основном выделяют три группы делопроизводственной документации по происхождению: 1) переписка учреждений; 2) внутренние документы; 3) просительные документы[301].

Переписка является самой распространенной делопроизводственной документацией и представлена разными видами документов. Так, переписка вышестоящих органов с нижестоящими представлена указами, предписаниями, распоряжениями, приказами, циркулярами генерал-губернатора Восточной Сибири, Главного управления Восточной Сибири, губернаторов Иркутской губернии и Забайкальской области, окружных начальников в отношении подчиненных бурятских ведомств.

[301] Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учебное пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: 1998. С. 395.

Следующую группу представляет делопроизводственная переписка учреждений одного уровня в виде писем-отношений. В фондах имеется много отношений, написанных между Степными думами и волостными крестьянскими правлениями по спорным вопросам, связанным с потравой скота, сенокосными угодьями, дачными земельными участками и т. д.

Третья группа переписки – это документы переписки нижестоящих учреждений с вышестоящими, представленные в виде рапортов и донесений, сюда же можно включить все отчеты бурятских ведомств.

Внутренние документы представлены приказами и предписаниями органов местного самоуправления, общественными приговорами сугланов, договорами и контрактами на содержание оброчных статей, обывательской гоньбы, ведомостями о сборе податей и отбывании повинностей, именными списками жителей ведомства – налогоплательщиков и т. д.

Прошения и жалобы частных лиц в государственные учреждения, органы местного самоуправления также составляют значительную долю в фондах бурятских органов местного самоуправления. Они в основном касались жалоб на действия определенных лиц, в том числе и должностных, спорных вопросов по хозяйственным делам, исковым делам и т. д. Прошения зачастую служили основанием для многолетних разбирательств, превращаясь в громоздкие дела, затрудняющие делопроизводство.

Исходя из многообразия делопроизводственных документов по происхождению и содержанию, целесообразным для исследования, на наш взгляд, является систематизация делопроизводственных документов по содержанию:

Документы распорядительного характера.

Документы отчетно-исполнительного характера.

Протокольный вид делопроизводственных документов.

Докладные виды документов.

Следственные дела.

Учетные документы (ревизские сказки, подворные списки).

Формуляры, послужные списки должностных лиц.

Учетные документы внутреннего документопотока (журналы регистрации исходящей и входящей документации).

Документы распорядительного характера представлены указами, приказами, распоряжениями, наставлениями, инструкциями вышестоящих органов подчиненным им учреждениям, которые регламентировали повседневный круг прав и обязанностей Степной думы, должностных лиц и заключали в себе огромную массу первичной информации. Это предписания о сборе податей и повинностей, предоставлении отчетности, распространении земледелия, принятии мер по борьбе с эпидемиями, пожарами, эпизоотией, назначении выборов, утверждении должностных лиц и т. д. Схема нисходящего документооборота была проста: в Степную думу направлялись распорядительные документы от вышестоящего начальства, а Степная дума копировала их и направляла родовым управлениям для ознакомления и исполнения. Так, например, указ Верхнеудинского земского суда Кударинской Степной думе, запрещающий инородцам вывозить молочное вино за пределы своих ведомств для продажи от 29 августа 1830 г.[302], предписание военного губернатора Забайкальской области об объявлении бурятам о недопустимости излишних сборов денег, кроме утвержденных высшим начальством[303] и др.

Документы отчетно-исполнительного характера определяли отношения подчиненных с начальством и представлены отчетами и рапортами. Отчетная документация является особенным видом делопроизводственных документов, содержавших основную информацию о жизнедеятельности бурятских обществ. Ежегодные отчеты Степных дум и инородных управ составлялись должностными лицами местного самоуправления в двух экземплярах, один из которых направлялся в вышестоящие инстанции, а второй оставался в делопроизводстве. Отчеты обычно были представлены двумя частями – статистическим и текстовым, каждый из которых имел свой определенный формуляр.

Статистический отчет состоял из нескольких таблиц, в которых излагались данные о количестве населения, социальной структуре, вероисповедании, состоянии народного продовольствия, состоянии промышленности и т. д. К таблицам прилагались комментарии и примечания. Так, огромный фактический материал дается в ведомостях Баргузинской Степной думы о состоя-

[302] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 197. Л. 89–90.
[303] Там же. Д. 627–629. Л. 154–154 об.

нии народонаселения, зверопромышленности, добытой рыбе, произведенных промышленных приобретениях и поступивших в продажу, об оборотах на ярмарке, о посеве и урожае хлеба, овощей и плодов, числе разного рода скота, хлебных запасах и продовольствии, денежных сборах на отправление разных повинностей и т. д.[304]

Весьма ценными материалами являются текстовые приложения, в которых тайши и другие должностные лица излагали сведения о состоянии нравственности, народного просвещения и здравия, общественного призрения, местной администрации, судопроизводства. Они дают возможность исследовать динамику экономического и социального развития бурятского общества по тематическому и хронологическому принципу.

Текстовые отчеты также составлялись по определенному формуляру, так, отчет Кударинской Степной думы за 1870 г. состоит из 8 пунктов:

1) народное хозяйство и экономическая деятельность населения, где дается характеристика хозяйственной деятельности ведомства;

2) подати и повинности – даются сведения о недоимках государственных податей и повинностей и причинах допущенной недоимки;

3) общественное благоустройство и благочиние – приводятся данные об общественных учреждениях, состоянии дорог, мостов по ведомству;

4) народное здравие – о состоянии здоровья населения, эпидемических болезнях;

5) народное образование – о наличии образовательных учреждений;

6) земские и сословные учреждения, в которой имеются сведения о Степной думе, родовых управлениях, должностных лицах местного самоуправления;

7) административные и судебные учреждения;

8) общие заключения и предположения, в которых даются выводы о состоянии ведомства.

К текстовому отчету имелись пространные приложения с цифровыми данными о состоянии земледелия, обеспечении на-

[304] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2370. Л. 9–37.

родным продовольствием, промыслах населения и т. д., например, отмечается, что общее число жителей составляет 2438 душ м. п., 2502 души ж. п., всего 4940 душ, число родившихся в 1870 г. 141, умерших – 79, к 1 января 1871 г. состоит в недоимке за жителями ведомства 4259 руб. 95 ½ коп.[305].

К важным видам отчетной документации относятся документы податно-налоговой системы, которые состояли из следующих видов ведомостей:

1) ведомость о количестве налогоплательщиков с указанием общей суммы подлежащих к сбору денег по налогам и повинностям, разбитая на первую и вторую половину года;

2) ведомость о количестве налогоплательщиков с указанием конкретных видов налогов и повинностей в денежном выражении;

3) ежемесячные ведомости;

4) ведомость о сборе денег на внутренние повинности (содержание местной администрации, тюрем, приходских школ, учащихся и т. д.);

5) ведомость о недоимках;

6) ведомость о сдаче собранных налогов в казначейство.

Рапорт как вид отчетно-исполнительской документации являлся формой отношений должностных лиц и учреждений с вышестоящим начальством. Составлялся от нижестоящей инстанции к вышестоящей и назывался по-разному: «рапорт», «покорный рапорт», «покорнейший рапорт». При рапорте могли посылаться отчеты и ведомости, общественные приговоры, другие документы, отправляться лица, подозреваемые в преступлениях, истцы и ответчики. Формуляр рапорта очень прост: в начальный протокол входили адресат (должностное лицо или учреждение), дата, номер исходящего документа; адресант: «из Баргузинской Степной думы»; обозначение разновидности документа: «Рапорт», «Покорнейший рапорт». В основную часть документа входило изложение обстоятельств дела, также могла содержаться просьба к начальству. В конечный протокол входили дата, подпись или печать, иногда конечный протокол отсутствует.

Протокольный вид делопроизводственных документов представлен общественными приговорами (решениями) сугланов при

[305] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 893–894. Л. 64–73.

Степной думе и родовых управлениях, представляющих особую ценность. Они дают огромный фактический материал о хозяйственной и административной деятельности органов местного самоуправления, повседневной жизни бурятского общества. Общественным приговором решались вопросы о раскладке податей и повинностей, сборах на содержание местного самоуправления, выборов должностных лиц местной администрации. Общественные приговоры оформлялись по определенному формуляру и состояли в основном из трех частей:

а) преамбула, вступительная часть, которая имела определенную форму, где указывалось на дату, место проведения собрания, его кворум, повестку, и беспрекословно соблюдалась во всех ведомствах. Так выглядит примерная преамбула общественного приговора: «1866 года июля 9-го дня мы, нижеподписавшиеся ведомства Баргузинской Степной думы родовые начальники и почетные инородцы, быв в полном собрании в нашей Степной думе, где выслушав объявленный нам указ Забайкальского областного правления от 25 июня с[его] г[ода] за № 2669 о предположении сбора на содержание сельской врачебной части с начала 1866 года с каждой ревизской души по 8 коп. …».

б) основная часть – непосредственно решение или приговор собрания с его детальной аргументацией: «вследствие сего постановили мы сей наш приговор согласно вышесказанному указу областного правления производить сбор на этот предмет в каждый год с каждой ревизской души по 8 коп. всего с 4344 душ 347 руб. 52 коп.»;

в) заключительная часть, излагавшаяся также по определенной форме: «почему и просим Степную думу этот сбор ввести в смету и представить на рассмотрение высшего начальства, в том и подписуемся»[306]. Обязательным условием достоверности общественного приговора были подписи всех участников собрания.

Большой интерес для исследования представляют общественные приговоры об отмене калыма в Кударинском ведомстве от 7 ноября 1885 г.[307], в Кудинском ведомстве от 17 сентября 1883 г.[308], баргузинских бурят о нежелании принимать волостную реформу от января 1901 г.[309], о заслугах Сахара Хамнаева от 20 марта

[306] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1322. Л. 338.
[307] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1261. Л. 5–8.
[308] ГАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 148. Л. 80–81 об.
[309] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2890. Л .3–4.

1870 г.[310], агинских бурят о выборе депутатов для встречи цесаревича Николая[311], о направлении Цыбена Жамцарано стипендиатом им. Николая II на учебу в Иркутскую учительскую семинарию[312] и т. д.

Докладные виды документов (доклады и записки) составлялись в произвольной форме и отражали определенную тему. Так, ценными являются докладная записка баргузинского тайши С. Хамнаева об устройстве хлебозапасных экономических магазинов с подробными расчетами, аргументами[313], тайши Кударинского ведомства И. Заяханова об отмене калыма[314] и т. д.

Отдельно надо отметить записки-письма Сахара Хамнаева Степной думе, в которых он излагал свои взгляды о путях развития Баргузинского ведомства. Например, его письмо в Степную думу о необходимости развития земледелия в ведомстве от 9 февраля 1855 г.: перед нами предстает живая картина жизни баргузинских бурят середины XIX в., для которых земледелие было сложным занятием, и органы местного самоуправления, должностные лица бурят прилагали огромные усилия для развития земледелия.

В письме дается полная инструкция по земледелию, начиная с того, что должны быть определены ответственные за распространение земледелия должностные лица, составлены списки бурят, которые будут сеять хлеб и каким образом ведется распашка земли. Далее в письме говорится о необходимости избрания полевых смотрителей, в обязанность которых входил контроль за качеством пахоты, посева, огораживанием посевных полей. Важным моментом письма является забота Сахара Хамнаева об улучшении образа жизни баргузинских бурят, стремление избавить их от «праздношатательства» – безделья, праздного образа жизни, особенно молодежи[315].

Следующие письма «Описание образа жизни и хозяйства баргузинских бурят»[316], «О мероприятиях к удержанию от праздношата-

[310] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1444. Л. 5–12.
[311] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2952. Л. 77–77 об.
[312] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2929. Л. 67–67 об.
[313] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 624. Л. 20–28.
[314] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1260. Л. 1–4.
[315] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 432. Л. 17–19 об.
[316] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 616. Л. 4–12.

тельства развратных инородцев»[317], «Об устройстве хозяйственных обзаведений бурят»[318] представляют собой ценнейший материал по истории развития хозяйства баргузинских бурят в XIX в.

Следственные дела – это, как правило, решения судебных инстанций по тому или иному следственному делу с описанием процесса ведения следствия и решения суда. На примере таких следственных дел можно рассмотреть порядок ведения следствия, дознания, судопроизводства и наказания. Так, интерес представляют следственные дела об убийстве с грабежом старосты Могойтуевского родового управления С. Ирдынеева в 1899 г.[319], по тяжбе инородца Абаганатской инородной управы Кузьмы Хинхоруева о нанесении ему побоев братьями Забиновыми[320], о краже бычка у бурята Абаганатской инородной управы Х. Хунхеева в августе 1891 г.[321] и т. д.

В фондах Госархива Бурятии также имеются следственные документы по громким должностным преступлениям тайшей и других должностных лиц местного самоуправления бурят. Это дела по обвинению баргузинских тайшей С. Хамнаева от 1858 г., 1861 г., 1870 г., К. Сахарова от 1894 г., ольхонских тайшей И.Н. Муравьева в 1859–1864 гг. и Х. Якшеева в 1892 г. и т. д.

Учетные документы представлены ревизскими сказками, отражающими результаты проведения ревизий податного населения Российской империи в XVIII – 1-й половине XIX вв., проводившихся с целью подушного налогового обложения населения. Ревизские сказки являлись именными списками населения, в которых указывались имя, отчество и фамилия владельца двора, его возраст, имя и отчество членов семьи с указанием возраста, отношение к главе семьи. В ревизские сказки (кроме 1, 2 и 6 ревизий) включались лица мужского и женского пола, но в сводных таблицах женский пол никогда не фигурировал.

Всего в России было проведено десять ревизий: в 1719, 1762, 1782, 1796, 1811, 1815, 1836, 1851, 1858 гг. Одними из самых ранних в фондах ГАРБ являются окладные списки ольхонских бурят за 1815 г., составленные по итогам 7-й всероссийской ревизии населения 1815

[317] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 432. Л. 1–9.
[318] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 456. Л. 5–13 об.
[319] ГАРБ. Ф. 294. Оп. 1. Д. 122.
[320] ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 153. Л. 48.
[321] Там же. Д. 12.

г.[322] В фонде Кударинской Степной думы имеются ревизские сказки бурят по 9-й переписи 1851 г.[323] и 10-й ревизии 1858 г.[324], в фонде Баргузинской Степной думы –ревизские сказки 1851 г.[325] и т. д.

Высокой степенью информативности отличались подворные списки, которые составлялись в 1880–1913 гг. в ходе комплексных исследований социально-экономического положения крестьянских хозяйств. Основной целью проведения подворных переписей было выяснение общего социально-экономического состояния крестьянских хозяйств на определенный момент, как правило, в масштабах губернии, отдельных уездов, в том числе инородческих ведомств. В фонде Ольхонской Степной думы имеются подворные списки за 1889 г., в которых приводятся ценные сведения о составе семьи и состоянии хозяйства. Так, в подворном списке Хонгора Якшеева, бурята 6-го Чернорудского рода Кутульского улуса Ольхонского ведомства, значится, что на тот момент ему был 61 год, у него было две жены Больгей и Улахай, четверо сыновей: Харнут 20 лет, Алагуй 15 лет, Алгана 12 лет, Роман 6 лет и три дочери: Ногол 18 лет, Матрена 7 лет, Бутунай 3 года[326]. В фонде Агинской Степной думы имеются посемейные списки за 1893–1895 гг. и т. д.

Формулярные списки должностных лиц органов местного самоуправления бурят являются уникальными по своим информационным возможностям источниками. Официальный характер этих документов предполагает большую степень достоверности информации: в них содержатся подробные сведения о социальном происхождении, имущественном положении, возрасте, образовании, вероисповедании, составе семьи, общественной службе, что дает широкие возможности для изучения истории бурятских обществ. В фондах архива имеется большое количество формулярных списков, так, только в одном фонде Кударинской Степной думы имеются послужные списки Хамагана Дамбуева за 1831 г.[327], Заяхана Хамаганова за 1856 г.[328], Якова Березовского за 1865 г.[329],

[322] ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 224. Л. 1–258.
[323] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 570–573. Л. 1–137.
[324] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 118. Л. 1–37. Д. 222. Л. 1–60.
[325] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2854. Л. 1–439.
[326] ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 719. Л. 11.
[327] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 207. Л. 16–17.
[328] Там же. Д. 683. Л. 1–5.
[329] Там же. Д. 798–799. Л. 2–6.

Ивана Заяханова за 1883 г.[330] и других, в которых, кроме сведений об общественной службе, имеются данные об их семьях с указанием имен и фамилий жен, имен детей и их возраста.

Учетные документы внутреннего документопотока представлены журналами регистрации. Существовали журналы регистрации входящей и исходящей корреспонденции, имеющие информационную ценность, так как в них приводилось краткое содержание документов, по ним можно было искать необходимые документы, уточнять содержание утерянных бумаг. При поступлении в учреждение документы регистрировались, им присваивался номер, ставилась дата и передавалось краткое содержание. Входящие документы учитывались в специальных журналах регистрации, исходящие документы регистрировались также в журнале исходящих документов.

Журналы регистрации общественных приговоров появились к концу XIX в. и сохранились в фондах отдельных ведомств. Безусловно, они являются ценными источниками по истории бурятских ведомств, так как общественные приговоры имели законодательную и исполнительную силу в своих ведомствах. Именно общественными приговорами утверждались нормы обычного права, имеющие силу закона, бюджет ведомства; должностные лица местного самоуправления и т. д.

Особую источниковую ценность представляют фонды органов местного самоуправления тунгусов Западного Забайкалья, позволяющие углубить тему исследования:

1. фонд 320 Баргузинская тунгусская инородная управа (1832–1873) – 32 дела;

2. фонд 9 Баунтовская тунгусская инородная управа (1853–1923) – 54 дела;

3. фонд 328 Нижнеангарское Киндигирское родовое управление (1832–1917) – 93 дела;

4. фонд 50 Подлеморско-Шимагирское родовое управление (1831–1919) – 46 дел.

Фонды были сформированы из архивов инородных управ и родовых управлений, поступивших на государственное хранение в 1920-х гг., и представлены делопроизводственными документами, которые содержат интересные сведения об их административной, хозяйственно-экономической, судебной деятельности.

[330] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1070. Л. 2 об.–4.

Значительную часть фондов составляют организационно-распорядительные документы – это указы, приказы, распоряжения, наставления, инструкции вышестоящих учреждений, регламентирующие сбор податей и повинностей, предоставление отчетности, распространение земледелия, принятие мер по борьбе с эпидемиями, пожарами, эпизоотией, назначение выборов, утверждение должностных лиц и т. д. Важное место среди них занимают предписания вышестоящего начальства, следившего за состоянием охотничьего промысла. Так, в 1911 г. Главное управление землеустройства и земледелия направляет предписание «О запрещении продажи и хранения убитых соболей, соболиных мехов и шкур без печати, клейма и пломбы»[331]. В 1913 г. Баргузинский уездный комиссар предписывает «принять самые энергичные меры, чтобы вся добытая тунгусами пушнина не попала в руки частных скупщиков, а сдавалась в родовое управление для продажи с торгов и расчета затем вырученными деньгами с продовольственным отделом и покупки на таковые нового количества продуктов»[332].

Следующую группу источников составляет отчетная документация, где особое место занимают отчеты и рапорты, содержавшие основную информацию о жизнедеятельности тунгусских обществ. В отчетах можно найти статистические сведения о количестве тунгусов, занятиях и промыслах. Так, согласно отчету Баргузинской тунгусской инородной управы за 1872 г., насчитывалось 516 ревизских душ[333], которые подразделялись на четыре рода: Лимагирского, Мунгальского, Баликагирского и Чильчагирского[334].

Интерес представляют отчеты органов местного самоуправления о состоянии рыболовства, охоты, скотоводства и ремесла. Так, в ведомости Баргузинской инородной управы за 1873 г. отмечается, что «жители ведомства сей управы ловят рыбу в р. Баргузин и ее притоках, в основном ловят язя, окуней, леньков, тайменей, сигов, щук и сорог»[335]. В 1871 г. баргузинскими тунгусами было добыто «медведей – 1, коз – 20, кабарги – 25, белок – 800»[336].

[331] ГАРБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 19. Л. 16–16 об.
[332] ГАРБ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 26. Л. 35.
[333] ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 7. Л. 10.
[334] Там же. Л.2–4.
[335] Там же. Д. 6. Л. 5–8.
[336] Там же. Д. 8. Л. 4.

В хозяйстве тунгусов имелись «рогатый бык лучшего качества для приплода и работ, а корова вообще для домашнего хозяйства»[337].

Документы протокольного характера представлены общественными приговорами (решениями) собраний при инородной управе и родовых управлениях, дающих большой фактический материал об их хозяйственной и административной деятельности. Имеются приговоры об избрании шуленгой Подлеморско-Шемагирского родового управления А. Шадрина, головы Баунтовской инородной управы И. Найканчина и т. д.

Таким образом, хранящиеся в Госархиве Бурятии документальные источники позволяют исследовать историю тунгусских органов местного самоуправления в XIX – начале XX в., содержат существенную информацию о жизни и быте тунгусов.

Историю взаимоотношений бурятских органов местного самоуправления с миссионерскими учреждениями можно проследить на основании документов фондов миссионерских церквей, таких как фонд 195 Усть-Ордынской Троицкой миссионерской церкви (1870–1919) – 298 д.

Ценными источниками, дополняющими и обогащающими фонды бурятских органов местного самоуправления, являются фонды личного происхождения Государственного архива Республики Бурятия:

1) фонд 362 Личный фонд Мангатхана Маласагаева (1867–1930) – 27 дел;

2) фонд 357 Личный фонд Андрея Михайлова (1870–1923) – 2 д.,

3) фонд 353 Личный фонд Ильи Иннокентьевича Пирожкова (1823–1906) – 6 д.

Мангатхан Маласагаев является собирателем устного народного творчества бурят, составителем генеалогической таблицы потомков трех бурятских племен: эхиритов, булагатов и хоридоев, а также краеведом, этнографом, даже в некотором роде историографом, жившим и творившим в конце XIX – начале XX в. Огромный интерес к прошлому и настоящему бурят, любознательность и трудолюбие заставляют малограмотного самоучку и самородка взяться за перо, и он начинает заниматься описанием обычаев и обрядов бурят, собиранием и исследованием устного народного

[337] ГАРБ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 6. Л. 5–8.

творчества. Все свои материалы он собирал с удивительной добросовестностью и знанием дела: пишет он на русском языке, стиль речи бытовой, наивный. Кредо своих рукописей Мангатхан Маласагаев сформулировал таким образом: «Я, Маласагаев, хотя и пишу, пишу мое писание не легенда, мое писание нельзя называть легендами, потому что я спрашиваю, ты чей, как тебя зовут, как отца зовут, как дедушку зовут, как прапрапрапрадедушку, так и дохожу до Эхирита». В числе его информантов 87 мужчин и 87 женщин.

Его рукописные записи представляют источниковую ценность, так как в них имеются интересные исторические и статистические сведения о бурятских ведомствах. Он работал с архивными документами бурятских органов местного самоуправления, делал многочисленные выписки. Интерес представляют его замечания на работы Б. Барадина, М.Н. Богданова и М.Н. Хангалова по вопросам истории Бурятии. Например, он критикует М.Н. Богданова и Б. Барадина за недостаточную работу с информантами, а М.Н. Хангалова – за пренебрежение к бурятской мифологии[338].

Интерес для исследователей представляют родословные таблицы эхиритского, булагатского и хоринского родов, описание свадебных и шаманских обрядов бурят, народные приметы, сонники, песни иволгинских, селенгинских, ольхонских, верхоленских бурят. Фонд Мангатхана Маласагаева является ценным источником, который обогащает наше представление о происхождении, быте, обычаях и жизни бурят.

В целом материалы фонда можно условно разделить на несколько групп:

1. Автобиографические сведения.

2. Генеалогические таблицы эхиритского, булагатского и хоринского родов, проживавших в его родном улусе и расселившихся по всей этнической Бурятии, легенды, предания о происхождении родов, об их прародителях, история их переселения из Монголии и Туркестана и т. д.

3. Материалы о шаманизме бурят: мифы, легенды, предания о знаменитых родовых шаманах, злых духах, онгонах-покровителях, описание шаманских обрядов, тайлганов, посвященных ду-

[338] ГАРБ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–8 об.

хам хозяев местностей. Имеются записанные М. Маласагаевым тексты шаманских призываний, заклинаний.

4. Описание быта бурят, особенно много материалов о свадебных обрядах, народных приметах, традициях воспитания детей и т. д.

Фонд Андрея Михайлова, одного из родоначальников кудинских бурят XIX в., представлен частной перепиской, темой которой являются вопросы хозяйственной деятельности, открытия учебных заведений для бурятских детей, будущего бурят. Ценность представляют письма Ц. Жамцарано, Б. Петри, Ч. Иролтуева, Н. Ханхасаева и других, свидетельствующие о хозяйственном и политическом положении в бурятских ведомствах в конце XIX – начале XX в. Через письма чувствуются настроения, присутствовавшие в те годы в социальной и общественной жизни бурятских обществ.

И.И. Пирожков занимал должность главного тайши Идинской Степной думы в 1857–1877 гг. Интерес представляют его формулярный лист, сведения о состоянии хозяйства, в том числе о Хого-то-Тарасинском Иннокентьевском крупчато-мельничном заведении, являющемся примером организации крупного предприятия в бурятских ведомствах. К 1902 г. заведение представляло собой шестиэтажное здание на правом берегу реки Тарасы с железной крышей, которое оценивалось в 43 867 руб. 4 ¼ коп. Смежно со зданием крупчато-мельничного заведения было построено здание «паровичного отделения», оборудованное машинами, стоимость составляла 28 538 руб. 37 коп. При заведении были построены трехэтажное здание раструсной мельницы, здание машинного отделения при ней, оцениваемое в 4972 руб. 85 коп. В комплекс заведения входили также мост через р. Тарасу, соединяющий «крупчатку» с мельницей, и плотина, всего крупчато-мельничное заведение с раструсной мельницей оценивалось в 100 000 руб.

О высоком качестве выпускаемой предприятиями И.И. Пирожкова мукомольной продукции свидетельствуют документы фонда о наградах, полученных им на различных выставках: в 1866 г. он был награжден малой серебряной медалью Иркутской публичной выставки, в 1905 г. – золотой медалью Международной выставки мукомольного дела в г. Париже[339].

[339] ГАРБ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 2. Л .2–9.

В «Пообщинном бланке», составленном 27 июня 1888 г. И.И. Пирожковым, даны подробные сведения о владеемой им земле, ее площадях, урожайности посевов и т. д. Он безвозмездно владел земельными угодьями площадью 1000 десятин согласно общественным отводным приговорам, из которых на 164 десятинах сеял рожь, ярицу, овес и картофель. В его хозяйстве насчитывалось 77 лошадей, 23 головы рогатого скота, 63 свиньи. И.И. Пирожков активно использовал труд 124 наемных работников.

Еще одной стороной деятельности И.И. Пирожкова была благотворительность: в 1883 г. в г. Балаганске было учреждено отделение Общества попечительства о тюрьмах, и И.И. Пирожков был утвержден в должности директора Балаганского тюремного отделения. Два журнала исходящих и входящих документов за 1883–1884 гг. свидетельствуют о его активной деятельности по сбору пожертвований для Балаганской тюрьмы, так, ежемесячно И.И. Пирожков отправлял в Балаганское тюремное отделение собранные им по пригласительным листам денежные суммы в размере от 18 до 50 руб.[340]

В ходе изучения архивных документов выявились определенные трудности, связанные прежде всего с рукописным характером документов, многие из которых трудно читаются из-за плохого почерка, иногда сложно понять смысл предложений из-за орфографических ошибок или стилистических оборотов.

Рассматривая фонды архивов бурятских ведомств, надо отметить еще одну особенность, связанную с тем, что значительная часть документов Степных дум, инородных управ и родовых управлений Забайкальской области изложена на монгольской письменности. Известный бурятский исследователь Р. Е. Пубаев отмечал, что «научные статьи и монографии по истории дореволюционной Бурятии писались без привлечения архивных документов на монгольской письменности. При исследовании истории Бурятии ученые исключительно использовали документы на русском языке, тогда как с подлинно бурятскими документами ознакамливались по переводам или кратким письменным пересказам старых писарей-переводчиков Степных дум и вышестоящих канцелярий царской администрации, притом на доброкачествен-

[340] ГАРБ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–3. Там же. Д. 4. Л. 1–1 об.

ность и полноту этих переводов не всегда можно было положиться»[341].

В 1950-е, позже в 1990-е годы в архиве силами ученых, переводчиков проводилась работа по фондированию документов на монгольской письменности. В результате были образованы фонды органов местного самоуправления бурят Забайкальской области XIX – начала XX вв. и дацанов, всего 54 фонда, в том числе 6 фондов Степных дум (Ф. 2 «Селенгинская Степная дума» объемом 6524 дела за период с 1822 по 1914 гг., Ф. 8 «Хоринская Степная дума» и многие другие документы) и главных тайшей Агинской и Хоринской Степных дум, 10 фондов инородческих управ, 8 фондов волостных, хошунных правлений, 6 фондов инородческих судов, фонды Бурнацкома, Бурнардумы, аймачные комитеты общественной безопасности, аймачные и хошунные земские управы, 18 фондов дацанов за 1788–1929 гг.: Ф. 84 «Гусиноозерский дацан» объемом 610 единиц хранения за период 1818 по 1929 гг., Ф. 494 «Коллекция документов на монгольской письменности» объемом 552 единицы хранения за 1822–1933 гг., Ф. 517 «Ацайский дацан» объемом 103 единицы хранения за 1787–1917 гг. и др.

Именно в фондах дацанов, в которых насчитывается 1380 единиц хранения за 1788–1929 гг., дела почти полностью сформированы из документов на монгольской письменности. Дацаны являлись центром общественной жизни бурятских обществ, поэтому их документы представляют большую ценность как источники, раскрывающие социально-экономическую, политическую, культурную жизнь региона. Тот же Р. Е. Пубаев пишет, что «излишне доказывать, что писари-переводчики переводили главным образом те документы, которые были адресованы или по ходу дела попадали в распоряжение русской администрации, а между тем подавляющее большинство оставалось на старомонгольской письменности не переведенными на русский язык …»[342].

Большая часть документов относится к периоду 1820–1920 гг. Временем наибольшего составления деловых бумаг на монгольской письменности является вторая половина XIX века. Все эти документы представляют большую ценность как источники, рас-

[341] Пубаев Р.П. Архивные документы по истории Бурятии на старомонгольской письменности // Путеводитель по дореволюционным фондам НАРБ. Улан-Удэ: 1998. С. 113.
[342] Там же. С. 113.

крывающие социально-экономическую, политическую, культурную жизнь региона.

Р. Е. Пубаев, исследовавший архивные документы на монгольской письменности, пишет, что в результате огромной работы группы переводчиков по переводу документов, осуществленной в 1957–1959 гг., была определена их фондовая принадлежность. Он сгруппировал документы на монгольской письменности по нескольким темам:

1) податно-налоговая система, куда вошли раскладки по сбору налогов и повинностей с населения, распоряжения и рапорты об исполнении этой раскладки;

2) годовые отчеты;

3) деятельность сельских экономических магазинов, представленная ведомостями об их состоянии, сборе хлебных недоимок и т. д.;

4) земельные отношения, большую часть документов составляют общественные приговоры о разделах сенокосных угодий, тяжебные дела по землепользованию и т. д.;

5) семейно-брачные отношения, представленные значительным количеством прошений женихов и невест о разборе их споров относительно калыма, следствиями инородческих властей по семейным спорам и т. д.;

6) исковое дело – по этой теме имеются заявления о взыскании денег, разного имущества и скота, протоколы допроса истцов и ответчиков;

7) народное просвещение;

8) уртонная (почтово-перевозочная) повинность – имеются многочисленные раскладки по строительству и ремонту дорог, мостов, почтовой гоньбе, распоряжения о перевозке грузов и т. д.;

9) общественная жизнь и администрация, представлена общественными приговорами о выборах доверенных делегатов на собрание в присутствии думы для разбора и обсуждения вопросов уплаты налогов, исполнения повинностей, о выборах должностных лиц;

10) ламаистская церковь – самыми важными документами являются годовые отчеты ширетуев, переписка со Степными думами;

11) здравоохранение представлено документами о вакцинации;

12) законодательные акты – переводы законодательных актов Российского государства касательно инородцев[343].

Р. Е. Пубаев сделал описание самых интересных документов на монгольской письменности. Например, летопись «Краткая история селенгинских бурят Дармы Лумбунова» 1900 г., историческая записка главного тайши Жалсарая Зориктуева от 13 декабря 1883 г. о правах бурят на занимаемые ими земли и т. д.

В ходе работы над монографией нами также были переведены многие документы, представляющие научный интерес. Интересным является предписание окружного начальника Протопопова о порядке вручения знамен 11 хоринским родам[344], следственное дело Вандана Дэмпилуна, обвиненного в растрате общественных денег[345], и др. Учитывая отсутствие архивных документов Хоринской Степной думы из-за случившегося пожара, в котором сгорел архив думы, также переведены списки жителей Галзутской инородной управы, дающие целостную картину о количественном и качественном составе населения за 1831и 1850 гг.[346]

В последние годы Госархивом Бурятии проводится исследовательская работа по переводу документов с монгольской письменности на современный бурятский язык, что позволило создать «Электронную базу данных архивных документов на монгольской письменности из фондов Государственного архива Республики Бурятия», которая размещена на сайте архива gbu-garb.ru в открытом доступе.

За 2016–2018 гг. переведено более 550 листов документов на монгольской письменности фондов Тамчинского, Ацагатского, Тугно-Галтайского, Чесанского, Эгитуйского и Янгажинского дацанов, а также Селенгинской Степной думы, в том числе послужной список главного хамбо-ламы Гаван Ишижамцуева за 1835 г., решение лам и почетных лам 13 селенгинских дацанов об оплате расходов, связанных с отправкой Галсана Гомбоева в Казань за

[343] Пубаев Р. Е. Архивные документы по истории Бурятии на старомонгольской письменности // Путеводитель по дореволюционным фондам НАРБ. Улан-Удэ: 1998. С. 113–125.

[344] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 69.

[345] Там же. Д. 253. Л. 11об.–12.

[346] Там же. Д. 48. Л. 1-58об., Д. 85.

1842 г., сопроводительное письмо военного губернатора Забайкальской области об отправке грамоты Ишижамцуеву об утверждении последнего в должности Пандито хамбо-ламы, предписание Селенгинской Степной думы об отправке серебряной медали ширетую и учителю Ринчину Номтоеву, о предписании военного губернатора об уничтожении обо и бурханов, о патентах наследников Ухин-тайши: атамана 2-го цонголова полка Вамбучун Намтайсараева, потомка тайши Ловсан Ухинова, именной список потомков Ловсан Ухинова, числящихся в Цонгольском роде, за 1845–1846 гг. и др. Ввод документов на монгольской письменности в научный оборот позволяет значительно расширить и углубить исследования по истории бурятских ведомств. Переводы документов дают уникальный шанс прикоснуться к повседневной жизни бурятских обществ, дацанов, а самое главное – живой истории через возвращение имен и фамилий жителей разных ведомств, лам, хувараков, разных должностных лиц местного самоуправления.

Одновременно с изучением фондов бурятских Степных дум и инородных управ нами были составлены тематические перечни наиболее интересных документов фонда 5 «Кударинская Степная дума», фонда 7 «Баргузинская Степная дума», фонда 12 «Ольхонская Степная дума», фонда 178 «Тургинская инородная управа», фонда 15 «Абаганатская инородная управа», первые три перечня уже опубликованы.

Таким образом, по своему составу привлеченный нами корпус делопроизводственных никогда ранее не используемых исследователями источников весьма разнообразен и представлен документами распорядительного, отчетно-исполнительного, протокольного характера, докладными записками, учетными видами документов, формулярными списками. Разнообразие привлеченных источников, их высокая информативность, характер и деловое назначение дают необходимый материал для широкого изучения истории местного самоуправления бурят XIX – начала XX в., позволяют расширить информационное поле исторических источников.

К ценным документам относится мемуарная литература, включающая в себя воспоминания, дневники, путевые записки, оставившие нам личные впечатления авторов от тех или иных собы-

тий, в которых они участвовали или которые просто наблюдали. В отечественной историографии термин «мемуары» определяется как вид источников личного происхождения, целью которых является индивидуальная фиксация общественно значимых событий с целью передать их в эволюционном целом[347]. По мнению части исследователей (А.А. Курносова, С.С. Дмитриева, А.Г. Тартаковский и др.), в понятие мемуаров входят автобиографии и воспоминания, другая же часть (А.С. Маджаров, Л.И. Деревнина, С.В. Житомирская и др.) включает в мемуаристику автобиографии, воспоминания, дневники, путевые записки[348]. В данной работе мемуаристика рассматривается как источник, включающий в себя воспоминания, дневники, путевые записки.

Дневники, безусловно, являются ценными источниками для исследования истории бурят XIX – начала XX в. и представляют собой записки личного характера, ведущиеся по желанию и последовательно. Многие исследователи отмечают существование особой разновидности дневников, в которых в равной степени присутствуют черты дневников и путевых записок. К таковым относятся путевые дневники Цыбена Жамцарано[349], которые он вел в 1903–1907 гг. во время своих экспедиций по Иркутской губернии, Забайкалью и Монголии, свидетельствующие о его научном подвиге, о понимании значения его работы и его ответственности перед будущим. Его полевые дневники – это записные книжки, содержащие уникальные заметки самого разнообразного содержания: фольклорные, этнографические, исторические и другие материалы. Ценность дневников Ц. Жамцарано заключается также и в описании им экономического и административного состояния бурятских ведомств в начале XX в., например, он приводит статистические данные по бурятским обществам Иркутской губернии, обнаруженные им в архивах. Несомненный интерес представляют описания его встреч с бурятами, их мнений по поводу местного самоуправления.

[347] Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учебное пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: 1998. С. 472.

[348] Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. С. 50.

[349] Жамцарано Ц. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2011. 264 с.

Дневник священника Ользоновской Петро-Павловской церкви Ксенофонта Попова за 1904 г. свидетельствует о его миссионерской деятельности в Ользоновском ведомстве, о крещениях и бракосочетаниях бурят, тяготах, связанных с «тайным противодействием» некрещеных, например, некрещеный ямщик требует с него плату за провоз, объясняя это тем, что священника должны возить крещеные[350].

Воспоминания – это повествования о прошлом, основанные на личном опыте и собственной памяти автора, целью которых является сохранение и передача личных знаний и впечатлений. Интерес представляют мемуары политического ссыльного – петрашевца Ф.Г. Толя, в которых он дает описание нравственности бурят, их хозяйства и быта, вероисповеданий, а также характеристики должностных лиц местного самоуправления[351].

Интерес представляет работа Евгения Жмиевского, участника польского национально-освободительного движения, политического ссыльного, мемуариста-очеркиста. За причастность к организации «Содружество польского народа» он был приговорен военным судом к пяти годам каторжных работ с последующим поселением в Сибири (1839 г.). Каторгу отбывал с 1840 г. на Нерчинских заводах (Газимурский рудник) техником при рудных разработках. После выхода на поселение (май 1841 г.) проживал в Жилкинской волости Иркутского округа. Начиная с 1844 г. в течение 14 лет вел золотоискательскую деятельность, совершил при этом многочисленные экспедиции, путешествия по обширным пространствам Забайкалья, Якутии, пограничья с Монголией (включаемой тогда в состав Китая). Наблюдения, накопленные им во время продолжительных путешествий, легли в основу его последующих мемуарно-очерковых работ, созданных по возвращении на родину. Они были опубликованы в 3-томном издании «Сцены из кочевой жизни» (1859–1862 гг.), которое содержит ценную информацию о местных народах, особенно о бурятах и эвенках, о быте и образе жизни золотоискателей. Эти работы до сих пор не переведены на русский язык, остаются малоизвестными в отечественном научном и читательском обиходе. Благодаря

[350] ГАРБ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 261. Л. 42–46.

[351] Толь Ф. Г. Воспоминания о Восточной Сибири / Ф. Г. Толь // Петрашевцы в Сибири. Иркутск: 2005. С. 325–371.

выборочному переводу исследователя Е. В. Семенова нам удалось представить семью Сахара Хамнаева, уклад и быт жизни.

Е. Жмиевский пишет: «Вокруг очага, пылающего в самом ее центре, из досок было изготовлено возвышение или эстрада в пол-локтя от земли, доходящая до стен юрты и застланная шерстяными войлоками вместо ковров. На ней, у стены, противоположной входу, т. е. напротив двери, находился ламаистский алтарь, заставленный фигурками различных божеств и дарами, которые обычно кладут в маленьких металлических чашечках. По левую руку от входа, рядом с алтарем сидел, скрестив под собой ноги согласно бурятского обычая ширет-лама, брат хозяина дома. Это был молодой и симпатичный мужчина высокого роста с бледным лицом, несущим на себе выражение спокойной суровости. Одет он был в красное и длинное платье…

Если бы я даже не знал, что красную одежду носят только ламы, глядя на него сразу бы догадался, что это был один из священников. Рядом с ним, немного ближе к дверям, занимал место сам тайша, Сахар-Хамнай. Ниже своего брата ламы, достаточно полный и румяный, выглядел на несколько лет его старше. Его лицо сияло приятным добродушием и спокойствием. При нашем дальнейшем общении я убедился, что его характер был точно такой же, как его приятное выражение лица, которое произвело на меня впечатление. Был это человек честный, добросовестный и очень человечный. В то время ему было около 30 лет. Бурятско-монгольский тип был в нем более приятный чем в других членах его семьи: познакомился я с его отцом, двумя братьями и сестрами и потому мог сравнить.

Посетив Москву и Петербург Сахар-Хамнай знал русский язык и русские обычаи, даже читал и писал по-русски, потому я и мог с ним легко разговаривать. Одежда его ничем не отличалась от одежды других богатых бурят»[352].

Большое значение для нашего исследования имеют путевые записки – описание путешественником географического, этнографического и социального облика увиденных им стран, земель, народов. Н.П. Матханова отмечает, что путевые записки являются одной из наиболее часто встречающихся разновидностей сибирской мемуаристики, что естественно вытекает из самого места

[352] Eugeniusz Żmijewski. Sceny z życia koczującego. Warszawa: 1859–62. T. I–III.

Сибири в Российской империи, из доминировавшего до середины XIX в. восприятия ее как своей, но в то же время и чужой, неизвестной территории, от ощущения культурно-психологической дистанции приезжими из европейской части России. Она разделяет путевые записки о Сибири XIX в. на несколько групп[353].

К первой группе путевых записок относит сочинения, включающие собственные впечатления автора от местности, населения и т. д. Таковы путевые записки – воспоминания Л.В. Аксеновой о поездке в начале 1860-х гг. на прииск вблизи Баргузина и пребывании там, содержащие описания природы, местного общества, быта бурят. Она подробно описывает тайшу, его семейный быт: «Он пользуется большим уважением, как между бурятами, так и у русских. Он очень умен и с некоторым образованием … В суждениях его видна серьезность и самостоятельность. Платье носит бурятское, вероисповедания ламайского и твердо придерживается своих родных обычаев. … У Хамнаева три сына: все они воспитывались в русских училищах, носят европейское платье или мундиры. Старший занимается хозяйством, живет при отце; два младшие были тогда на государственной службе, один гражданским чиновником, другой – учителем в бурятской школе. Тогда они все были дома и еще две дочери лет 16 и 17, очень милые и недурны собою, но крайне застенчивы, хорошо говорят по-русски, читают, пишут. Одеты они по-бурятски, но с примесью общепринятых у нас мод: платья покроя бурятского в роде длинной рубахи, но длинные совсем, и даже с маленьким шлейфом, что выходит очень недурно; ботинки с каблуками, белые воротнички и рукава; прическа по-бурятски в несколько висящих кос, переплетенных кораллами и на голове серебряные бляхи, на шее также кораллы. Все семейство Хамнаева также ламайского вероисповедания. Дом деревянный небольшой, но очень опрятный; около него только службы и юрта его же семейная … Одна половина дома Хамнаева устроена и отделана по-европейски, есть гостиная, кабинет и вполне приличная мебель, а другая по-бурятски. Здесь в главной комнате находится жертвенник, род комода с уступами, на которых расставлены изображения различных божеств их, символи-

[353] Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX в. С. 76.

ческие фигуры, жертвы из зерен и вина в маленьких чашках и свечи. Кругом у стен широкие и очень низкие лавки»[354].

Следующую группу составляют путевые записки, примыкающие к научным и деловым отчетам. К ним можно отнести путевые записки Р. К. Маака «Путешествие на Амур», содержащие сведения о научно-исследовательской экспедиции, осуществленной в 1855 г. по распоряжению Сибирского отдела императорского русского географического общества. В них наряду с описанием путешествия от г. Иркутск до г. Айгун и обратно имеются «естественно-исторические статьи» о флоре и фауне края. Интерес для исследования представляет также история происхождения бурят, их вхождения в состав Российского государства, написанная Г. Герстфельдом в ходе путешествия по Забайкальской области в 1854 г. и переданная Р. К. Мааку для публикации в книге. Управление бурят представлено описанием Степных дум хоринских и селенгинских бурят с их тайшами и ссылками на Степные уложения, имевшие силу закона[355].

Отчет епископа Мартиниана о Забайкальской духовной миссии за 1869 г. содержит сведения об открытии Улюнского миссионерского дацана, о баргузинском тайше Сахаре Хамнаеве: «В день освящения церкви Баргузинский тайша, человек влиятельный и благоразумный, но к несчастью язычник, в благоговейном восторге от сего торжественного христианского священнодействия высказал желание принести в новоосвященный храм Божий свою лепту – покрыть листовым железом весь купол и снаружи обшить тесом всю церковь. В сердце его оставили глубокое впечатление умилительные молитвы, читаемые во время освящения храмов»[356].

Третью группу путевых записок составляют работы, в которых весьма существенно представлены беллетристические или публицистические элементы. Это, например, путевые очерки Д.И. Стахеева, в которых бурятам посвящен очерк с описанием их обычаев и верований, экономического положения и быта. Он дает оценку

[354] Аксенова Л.В. Шесть месяцев в сибирской тайге // Русский вестник. 1880. Т. 145. № 2. С. 738–739.

[355] Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела императорского русского географического общества, в 1855 г., Р. Мааком. СПб.: 1859 г. С. 8–15.

[356] Епископ Мартиниан. Отчет Забайкальской духовной миссии за 1869 год. Миссионерские станы и при них церкви // ИЕВ. Прибавления. 24 октября 1870 г. № 43. С. 361–362.

Степной думе как «высшей власти в пределах инородческих обычаев»[357].

Следующая группа – путевые записки, нередко служившие путеводителями. К ним можно отнести публикации В.П. Паршина, в которых даны не только описания природы, местных жителей, городов, но и указаны расстояния между станциями, гостиницы, достопримечательности и т. д.[358] Ценность представляют его наблюдения за характером бурят, которые «дружелюбны, охотно помогают друг другу в нужде, сострадательны и человеколюбивы», описания об их хозяйственном быте[359].

Мемуары священников-миссионеров, опубликованные в Иркутских епархиальных ведомостях, занимают особое место в сибирской мемуарной литературе и являются ценным источником личного происхождения. Несмотря на то, что предметом их мемуарных записей была прежде всего их миссионерская деятельность среди инородцев, большой интерес вызывают описания образа жизни, обычаев и религиозных воззрений бурят, их отношение к православию и крещению, оценка политики Российского государства в отношении инородцев, местного самоуправления бурят, должностных лиц и статистические данные.

В большинстве случаев мемуары священников представлены воспоминаниями о миссионерских поездках разных духовных лиц. Например, в записках о поездке Мелетия, епископа Селенгинского, совершенной в 1879 г., имеются сведения об Агинской, Хоринской и Баргузинской Степных думах[360].

К интересным воспоминаниям относятся записки забайкальского миссионера священника Алексея Малкова, побывавшего на молебне в Цугольском дацане Агинского ведомства летом

[357] Стахеев Д. Буряты // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 12. Ч. 1. Восточные окраины России. Восточная Сибирь. СПб.-М.: Изд-ние Тов-ва М.О. Вольф, 1895. С. 167–190.

[358] Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край. Часть 1–2. М.: В типографии Н. Степанова, 1844. 208 с.; он же. Описание пути от Иркутска до Москвы, составленное в 1849 г. М.: 1851. 230 с.

[359] Там же. С. 54–56.

[360] Воспоминание о миссионерской поездке преосвященнейшегоМелетия, епископа Селенгинского (ныне епископа Якутского и Вилюйского), совершенной в 1879 г. // ИЕВ. Прибавления. 2 марта 1891 г. № 9. С. 1–11; 16 марта 1891 г. № 11. С. 10; 23 марта 1891 г. № 12. С. 1–11; 27 апреля 1891 г. № 17. С. 1–13.

1865 г.[361]. Он описывает процесс молебна, выноса колесницы со слоном, свои впечатления от встреч с ламами и бурятами, прибывшими на молебен. Посмотрев на хурал, конские ристалища, борьбу атлетов, он делает вывод о том, что «бурят в этом хурале получает все, что нужно для верования и для чувственного удовольствия». Безусловную ценность представляют записки о встрече со знакомым Тугултуром Тобоевым, главным тайшей агинских бурят, и князем Гантимуровым, председателем Урульгинской тунгусской Степной думы.

О быте и обычаях агинских бурят пишет миссионер Павел Шавров, уделяя особое внимание негативному влиянию ламства на развитие бурятского общества, в особенности переходу к оседлому образу жизни[362].

Несомненный интерес представляют записки миссионера Анинского стана Н. Виноградова о праздновании молебна Майдари в Анинском дацане в октябре 1897 г. Ценность записей заключается в подробном описании статуи Майдари, процесса молебна и празднования, в отношении бурят к самому празднику[363].

Особо надо отметить воспоминания миссионера Боханского Пророко-Ильинского стана Н. Попова, которые он называет историческими записками. Описывая массовое крещение идинских бурят 19 июля 1891 г., он подробно рассматривает не только историю миссионерства среди идинских бурят, но и географическое положение и историю Идинского инородческого ведомства. При отсутствии архивных документов воспоминания Н. Попова о должностных лицах Идинской Степной думы, в том числе о главном тайше И.И. Пирожкове, об известных событиях в Идинском ведомстве в 1884–1887 гг., когда все население было разделено на несколько «враждебных партий», приводимые им сведения о населении ведомства имеют особую источниковую значимость. Интересными являются его размышления о благотворном влиянии христианства на идинских бурят: «Распространение христианства

[361] Малков А. Из записок забайкальского миссионера. Хурал. // Прибавления к ИЕВ. 30 апреля 1866 г. № 17. С. 207–213. 7 мая 1866 г. № 18. С. 95–215–222. 14 мая 1866 г. № 19. С. 239–248.

[362] Шавров П. Агинские буряты и их ламы. // ИЕВ. Прибавления. 17 августа 1885 г. № 33. С. 404–417.

[363] Виноградов Н. Религиозное торжество ламаизма по поводу святыни Анинского сумэ в честь Майдари // ИЕВ. Прибавления. 1 апреля 1898 г. № 7. С. 178.

в Идинском ведомстве не прошло бесследно не только для религиозно-нравственной, но также для семейной, бытовой и общественной жизни инородцев. Везде оно разлило свою благотворную силу». Именно с распространением христианства Н. Попов связывает успешную политику Российского государства по русификации бурят и унификации их управления с крестьянским[364].

Ценными источниками являются дневники миссионеров, в которых они подробно описывали свои поездки по бурятским ведомствам. Особенностью сибирских дневников было наличие в них признаков и дневников, и путевых записей. Именно таковыми являются опубликованные дневники архимандрита Гурия (С.В. Буртасова), К.К. Стукова, Н. Шастина и др.

Путевые записки архимандрита Гурия можно отнести к дневниковым запискам, так как в них присутствуют признаки дневника. Он в хронологической последовательности описывает состояние дороги с указанием расстояния между населенными пунктами, погоду, природу, все свои встречи с бурятами, их должностными лицами и свои впечатления от общения с ними[365]. Интересными являются описания дома И.И. Пирожкова, главного тайши идинских бурят, который «мог бы служить украшением любого города». Далее он пишет: «Внутреннее убранство в комнатах свидетельствует об особенной любви к изяществу его обитателей. Дорогие иконы в серебро-позолоченных ризах, весьма приличная драпировка, дорогие цветники, мебель высокой работы – вот предметы убранства дома Пирожкова».

Таким же образом он описывает дом П.П. Баторова, главного тайши Аларской Степной думы, где «вся обстановка в русском вкусе». Воображение автора потрясла богатая коллекция ружей и револьверов разных видов, а также других охотничьих принадлежностей хозяина дома.

В дневниковых записях К.К. Стукова сочетаются взгляды миссионера и этнографа. Он знает язык и многие обычаи бурят, поэ-

[364] Попов Н. Историческая записка о распространении христианства среди инородцев Идинского ведомства и о Боханском Пророко-Ильинском миссионерском стане // ИЕВ. Прибавления. 1 мая 1895 г. № 9. С. 217–225. 15 мая 1895 г. № 10. С. 243–253; 1 июня 1895 г. № 11. С. 276–290.

[365] Архимандрит Гурий (С.В. Буртасовский). Первое мое знакомство с деятельностью Иркутской духовной миссии // ИЕВ. Прибавления. 22 ноября 1880 г. № 47. С. 580–592; 29 ноября 1880 г. № 48. С. 595–607; 6 декабря 1880 г. № 49. С. 610–630; 13 декабря 1880 г. С. 632–639.

тому ему легче описывать жизнь и быт бурят[366]. Ценным источником по истории Закаменской инородной управы, архив которой, к сожалению, не сохранился до наших дней, являются также записки Цакирского миссионера Н. Шастина[367].

Особо надо отметить дневники миссионерских поездок разных духовных лиц, например, дневник поездки Вениамина по Иркутскому и Балаганскому округам за 1882 г., которые вел архимандрит Макарий. Записи велись по хронологии с описанием всех событий во время путешествия с личными впечатлениями автора[368]. Или же дневник поездки Макария в пограничный Окинский караул в 1884 г., в котором анонимный автор, называющий себя «одним из спутников его преосвященства», ежедневно описывает не только события, но и природу Тункинского края с «высями, скалами, стремнинами, болотами и бушующими грозными горными ручьями»[369].

Путевые записки миссионеров представляют интересную разновидность сибирской мемуаристики, их отличительной чертой является описание путешествий по бурятским ведомствам. Они включают в себя описания природы, климата, образа жизни, обычаев, хозяйства и т. д. Такими мемуарами являются путевые записки миссионеров Ф. Альбицкого, Н. Виноградова и др.

В путевых записях миссионера священника Ф. Альбицкого описывается его путешествие по бурятским улусам Закаменского ведомства. Он отмечает влияние лам как основную причину своих неудач в миссионерской деятельности. Интерес представляют описание ведомства, например, о количестве жителей, кото-

[366] Стуков К.К. Из дневника, веденного на Братской степи, что в Забайкалье / К.К. Стуков // ИЕВ. Прибавления. 2 июля 1866 г. № 26. С. 318–324; 9 июля 1866 г. № 27. С. 330–334; 16 июля 1866 г. № 28. С. 337–343.

[367] Шастин Н. Дневник Цакирского миссионера священника Николая Шастина за 1886 г. / Н. Шастин // ИЕВ. Прибавления. 19 сентября 1887 г. № 38. С. 345–354; 26 сентября 1887 г. № 39. С. 355–361; 3 октября 1887 г. № 40. С. 371–375; 10 октября 1887 г. № 41. С. 377–388; 17 октября 1887 г. № 42. С. 389–396; 24 октября 1887 г. № 43. С. 397–398; 31 октября 1887 г. № 44. С. 401–403; 7 ноября 1887 г. № 45. С. 407–410; 14 ноября 1887 г. № 46. С. 412–418; 21 ноября 1887 г. № 47. С. 419–426; 28 ноября 1887 г. № 48. С. 427–430.

[368] Архимандрит Макарий (М.Ф. Дарский). Дневник, веденный во время поездки Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Вениамина, архиепископа Иркутского и Нерчинского, по Иркутскому и Балаганскому округам с 20 мая по 3 июня 1882 г. // ИЕВ. Прибавления. 31 июля 882 г. № 31. С. 393–406.

[369] Миссионерская поездка его преосвященства преосвященнейшего Макария, начальника Иркутского отдела миссии, в пограничный Окинский караул // ИЕВ. Прибавления. 8 сентября 1884 г. № 36. С. 399–412.

рых насчитывалось 5002 души обоего пола, проживавших в 2450 деревянных юртах, «крытых корьем и дерном»[370], и т. д.

Записки миссионера Шимковского стана 1879 г. представляют ценность как источник по истории Тункинского ведомства. Сравнивая Тункинское ведомство с Идинским, он рассматривает не только хозяйство и быт бурят, но и местное самоуправление с институтом тайшинства, который характеризуется «вопиющими безобразиями чиновничества: неправдами, происками, потворствами богатым, взяточничеством, гонениями». Далее он пишет, что «благодаря отсутствию инициативы у бурят, она сохранила все свои права, как управления совершенно самодержавного, и пользуется ими, в лице своих членов, в духе знаменитого в летописях сибирских Лоскутова»[371]. Миссионер выступает за введение у них русского управления с разделением на волости и определением во главе их выбираемых волостных голов не более чем на три года.

Предметом исследования миссионера С.В. Копылова стало изучение религиозных верований, семейных обрядов и жертвоприношений северобайкальских бурят-шаманистов. Он пишет, что своими изысканиями вносит вклад в исследование монголо-бурятской культуры. Для этнографов ценными сведениями являются описания разных шаманских жертвоприношений[372].

Надо отметить исследование священника И. Подгорбунского о шаманистических верованиях монголов и бурят, посвященное истории распространения буддизма в бурятских ведомствах[373].

Особый интерес представляют мемуары, написанные бурятами. Н.П. Матханова отмечает, что речь не идет о летописях, исторических преданиях и фольклоре. Далеко не всегда можно

[370] Альбицкий Ф. Записки забайкальского миссионера / Ф. Альбицкий // ИЕВ. Прибавления.12 марта 1866 г., № 11. С. 131–138.

[371] Записки миссионера Шимковского стана за 1879 г. // ИЕВ. Прибавления. 3 апреля 1882 г. № 14. С. 175–176.

[372] Копылов С.В. Религиозные верования, семейные обряды и жертвоприношения северобайкальских бурят шаманистов / С.В. Копылов // ИЕВ. Прибавления. 21 декабря 1885 г. № 51. С. 620–636; он же. Тайлаганы, или общественные жертвоприношения у северобайкальских бурят. ИЕВ. Прибавления. 22 марта 1886 г. № 12. С. 143–151; 29 марта 1886 г. № 13. С. 155–164.

[373] Подгорбунский И. Шаманистические верования монголов и бурят / И. Подгорбунский // ИЕВ. Прибавления. 1 января 1895 г. № 1. С. 6–25; 15 января 1895 г. № 2. С. 38–45; 1 февраля 1895 г. № 3. С. 63–69; 15 февраля 1895 г. № 4. С. 87–98; 1 марта 1895 г. № 5; С. 119–128. 15 марта 1895 г. № 6. С. 154–16;. 1–15 апреля 1895 г. № 7–8. С. 203–213.

установить этническую принадлежность мемуаристов, особенно у крещеных и имевших русские фамилии. Очень сложная проблема – кем считать детей от межнациональных браков. О.В. Бураева называет несколько миссионеров из таких семей, в том числе и авторов мемуарных произведений А.А. Виноградова и К.К. Стукова[374]. Скорее всего, как это и принято у современных этнографов, самым важным критерием является этническое самосознание индивида. Поэтому «смешанные корни» многих священников, ведущих свое происхождение от бурят и русских, не позволяют, как нам представляется, безоговорочно считать их представителями сибирских аборигенов[375].

Пока что абсолютно бесспорным для XIX в. представляется только один мемуарист из бурят – Михаил Егорович Этагоров, воспоминания которого посвящены Бажею (после крещения Николаю Александровичу) Косомову[376]. Основная идея произведения – показать заслуги Н.А. Косомова, родового шуленги 5-го Хонходоровского рода Аларского ведомства, перед земляками, рассказать о его успехах. Подробно излагается история крещения Б. Косомова и его конфликта с тайшой П. Баторовым.

В Иркутских епархиальных ведомостях также печатались статьи миссионеров, посвященные теме распространения христианства среди бурят. Так, Вениамин, архиепископ Иркутский, в своей статье о положении христиан в бурятских обществах отмечал, что успехи в христианизации инородцев зависят от позиции родовых старшин[377]. Он являлся ярым сторонником проведения политики унификации управления инородческого населения с русским и подчинения их общим законам Российского государства на основе приобщения к христианству. Архиепископ выступает с критикой Главного управления Западной Сибири, которое «боится

[374] Бураева О.В. Православие у бурят (XVII – начало XX в.) // Этнографическое обозрение. 2010. № 1. С. 62.

[375] Матханова Н.П. Мемуары представителей коренного населения Сибири (XIX век) / Н.П. Матханова// Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск. 2010. № 3. С. 19–22.

[376] Бажей, во святом крещении Николай Александрович Косомов, первый из родоначальников Аларского ведомства, принявший христианство. (Из памятной записки аларского инородца Михаила Егоровича Этагорова) // Иркутские епархиальные ведомости (ИЕВ) (прибавления), 21 ноября 1892, № 47. С. 1–6.

[377] Вениамин, архиепископ Иркутский. Положение христиан в бурятских обществах под начальством язычников / Вениамин, архиепископ Иркутский // ИЕВ. Прибавления. 28 июля 1884 г. № 30. С. 337–347. Там же. 4 августа 1884 г. № 31. С. 349–361.

привилегированного положения христиан среди язычников из опасения вреда для мирного и более успешного распространения самого православия между язычниками, считает необходимым поддерживать степные обычаи инородцев и право большинства и наконец, даже опасается за общественное спокойствие между инородцами от предпочтения христиан язычникам»[378].

В записках миссионера Е. Кузнецова дается психологический портрет бурят, в котором он сравнивает их с «полем, богатым по своему содержанию, способным восприять и возродить семя Слова Божьего и высшей культуры». Высоконравственные качества бурят он связывает с широким развитием благотворительности в бурятских обществах[379]. Взаимоотношения между бурятами-буддистами и новокрещеными сородичами в полной мере предстают в записках миссионера Анинского дацана, в которых он подробно описывает известное Кудунское межевое дело 1889 г. Интересным является изложение миссионером позиции должностных лиц Хоринской Степной думы по этому вопросу, их взаимодействия с местной администрацией[380]. Среди всех миссионеров забайкальский священник А. Виноградов занимал наиболее жесткую позицию по отношению к распространению буддизма у бурят и выступал за устранение привилегий ламства. В его записках резкой критике подвергается чересчур «мягкая» политика государства по отношению к буддийскому духовенству, выразившаяся в «неверных» началах Положения о ламайском духовенстве 1853 г.[381]

В отдельную группу следует выделить источники эпистолярного характера – письма. В первую очередь это опубликованные письма. В 1869 г. издаются письма М.М. Сперанского к дочери, в которых имеются сведения о сибирских народах: «… те же пороки; те же глупости; то же терпение в бедных и своекорыстие в

[378] Вениамин, архиепископ Иркутский. Положение христиан в бурятских обществах под начальством язычников / Вениамин, архиепископ Иркутский // ИЕВ. Прибавления. 4 августа 1884 г. № 31. С. 355.

[379] Кузнецов Е. Характеристика бурят с точки зрения способности их к принятию христианства и общеевропейской культуры. / Е. Кузнецов // Забайкальские епархиальные ведомости (ЗЕВ). 15 ноября – 1 декабря 1904 г. № 22–23. С. 310–330; 15 декабря 1904 г. № 24. С. 346–368.

[380] Ш. А. Кудунское межевое дело 1889 г. крещеных инородцев Хоринского ведомства // ИЕВ. Прибавления. 21 декабря 1891 г. № 51. С. 1–6.

[381] Виноградов А. О ламаизме за Байкалом / А. Виноградов // ИЕВ. Прибавления. 30 ноября 1885 г. № 48. С. 581–596; 7 декабря 1885 г. № 49. С. 598–606.

богатых. Различие только в том, что здесь, говоря вообще, всем жить широко, земля довольно хороша, и, следовательно, бедных меньше»[382].

Несомненно, большой интерес представляют неопубликованные письма, которые хранятся в разных фондах Государственного архива Республики Бурятия. На наш взгляд, это уникальные документы, где большую историческую ценность имеет переписка бурятских общественных деятелей Ц. Жамцарано, Н. Ханхасаева, М. Бадмаева с А. Михайловым с 1900 по 1906 гг., в один из самых драматических периодов в истории бурятского общества, когда у бурят Забайкальской области проводилась волостная реформа, поземельное устройство бурят в Иркутской губернии, которые на волне российской революции 1905 г. способствовали росту национального самосознания бурят, выдвижению из их среды национальных лидеров, таких как Ц. Жамцарано, Г. Цыбиков, М. Богданов, Э.-Д. Ринчино и др.

Например, в фонде личного происхождения Андрея Михайлова Государственного архива Республики Бурятия авторами выявлено шесть писем Ц. Жамцарано, которые характеризуют состояние бурятского общества в начале XX в. В конце XIX – начале XX вв. бурятское население волновали такие вопросы, как реформа местного самоуправления, воинская повинность бурят, вопросы духовенства, свободы вероисповедания, остро стоял земельный вопрос, поднимался вопрос о нецелесообразности перехода бурят к оседлому образу жизни и занятию хлебопашеством. Все эти насущные вопросы отражены в письмах Цыбена Жамцарано.

Тексты писем Ц. Жамцарано насыщены происходящими в тот период событиями. 26-30 апреля 1905 г. впервые в истории бурятского народа в Чите состоялся съезд бурят Забайкальской области, а 20-26 августа того же года – съезд бурят Иркутской губернии. Основные решения съездов были вызваны необходимостью введения местного самоуправления, ограждения земельных угодий от изъятия их в колонизационный фонд, обязательного обучения детей грамоте, уничтожения ограничений приема в высшие и средние учебные заведения. В письме А.М. Михайлову от 7 августа 1905 года речь идет о съезде: «О Вашем съезде объявлено

[382] Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне. М., 1869. С. 11–12.

народу, все благословляют. <…> Желательно бы получить программу Сократа. Очень рад, что он с Богдановым так стараются. Надеюсь, что Вам – иркутским нашим сородичам, удастся объединиться под чувством грядущего национального возрождения. Да здравствует бурятское племя! Да здравствует бурятский язык! Без языка нет народа, а богатство языка засвидетельствовано ориенталистами. Надо получить права, а воспользоваться могут все!»[383].

Письмо от 3 сентября 1905 года начинается со слов поздравления в связи с состоявшимся съездом бурят Иркутской губернии: «Поздравляю с удачным съездом. Сижу в Аларском дацане, <…> и досыта ознакомился с вашим съездом – очень, бесконечно рад, так рад, что не могу и выразить в письме! Будут в восторге все забайкальцы – ибо они уже давно с большим нетерпением ждут не дождутся результата вашего съезда».

Далее пишет: «Пока наши депутаты не пойдут, а будут ждать, пока выяснится положение дела в СПб. Мне поручено позондировать почву. Везу с собой проекты и предположения своих сородичей о тибетской медицине и ламском духовенстве. По самоуправлению – мне заказано придерживаться положения читинского съезда, а нужные дополнения делать от себя. Скоро пойдет вероятно лектор Цибиков, <…> Подъем духа день ото дня увеличивается»[384].

Но уже в письме А. Михайлову от 22 января 1906 г. он пишет о трудностях, возникших при продвижении их идей: «Дела забайкальцев неважны. Реакция сошла с ума. Ужас и горе»[385]. Такими словами Ц. Жамцарано передает переживания, трагедию невозможности претворить в жизнь все задуманное.

В своих письмах Ц. Жамцарано большое внимание уделяет образованию и здоровью бурятского населения, справедливо отмечает невозможность для бурят нести воинскую повинность: «Буряты и так вымирают, незачем ускорять эту печальную смерть. Потом – все прямо таки задавлены работой для своего пропитания. Если теперь лучших людей возьмут на службу – кто будет работать? Кто производить…? …Гораздо нужнее – медицинская и просветительская помощь, чем военная служба. Вот, когда буряты

[383] ГАРБ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 1. Л. 124.
[384] Там же. Л. 90–92, 124, 125–126, 137.
[385] Там же. Л. 137.

станут людьми, перестанут вымирать и болеть – тогда они и сами пожелают служить. Наше Правительство никогда не пожелает, чтоб его инородцы вымерли, но может впасть в заблуждение от ложного донесения ваших управ, и может признать своевременным привлечение инородцев к воинской повинности»[386].

О хозяйственной деятельности бурятского предпринимателя и видного общественного деятеля иркутских бурят Андрея Михайлова можно узнать из его переписки со своими поставщиками, работниками. Интерес представляет его переписка со своим сыном Василием Михайловым, известным исследователем шаманизма. Определенную информативную значимость представляют письма известного российского этнографа и антрополога Б.Э. Петри Андрею Михайлову, которые свидетельствуют об их тесном научном сотрудничестве. А. Михайлов по просьбе Б.Э. Петри отправлял предметы быта и культа бурят для Музея антропологии и этнографии им. императора Петра Великого, щедро делился своими знаниями по этнографии бурят[387].

В фондах Госархива Бурятии авторами также выявлены письма Гомбожаба Цыбикова Бато-Далаю Очирову от 8 января 1907 г. об отношении к «стародумцам», Цыбену Жамцарано о своих планах по научной деятельности[388]; письма от 25 августа 1907 г. Цыбена Жамцарано Бато-Далаю Очирову о своем бедственном положении в Санкт-Петербурге[389], от 2 июня 1908 г. о нахождении в Чите под надзором полиции и тяжелом финансовом положении[390]; письмо Будды Рабданова от 20 апреля 1908 г. Бато-Далаю Очирову об идее издания монгольской светской газеты и просьба о предоставлении во временное пользование подшивки газеты, издававшейся в Чите[391], и др.

Интересной представляется выявленная авторами переписка главного тайши агинских бурят Жиана Бодиина с Э.Э. Ухтомским. Например, письмо от 12 июля 1897 г. Э.Э. Ухтомского, в котором он с сожалением пишет о том, что «возвращаясь из Пекина после успешной миссии туда, степями столь мне полюбившейся Мон-

[386] ГАРБ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 1. Л. 90–92.
[387] Там же. Л. 192–197 об.
[388] Там же. Д. 856. Л. 15–16 об.
[389] Там же. Л. 3–4 об.
[390] Там же. Д. 857. Л. 5.
[391] Там же. Л. 1–2.

голии, я до последней минуты надеялся приехать от Урги через Агинское ведомство в Читу. К сожалению, депеши призывают меня поскорее домой и мне это лето не придется пережить в вашем краю мои памятные впечатления поездки 1886 г. и 1891 г.», называя Жиана Бодиина «близким и преданным человеком»[392]. Для исследователей ценными являются сведения о работе комиссии А.Н. Куломзина в Забайкальской области, которую Жиан Бодиин оценивает таким образом: «Комиссия земельного устройства в Забайкалье, в Агинском ведомстве, ограничилась только собиранием хозяйственно-статистических сведений крайне поверхностно, даже некоторые буряты, кочующие вне своего ведомства, например, по р.р. Шилке, Аргуни, остались неопрошенными, но что она работала в Чите, об этом мы ничего не знаем»[393].

О деятельности П.А. Бадмаева можно судить также по выявленным письмам в фондах Агинской Степной думы и главного тайши агинских бурят: его письмо от 7 июля 1874 г. Агинской Степной думе о том, что он принял «православие по своему искреннему убеждению и желанию» и подписывается «крестник его императорского высочества государя наследника студент Санкт-Петербургского императорского университета Петр Александрович Бадмаев»[394]; письмо от 5 сентября 1879 г. брату Ампилу Бадмаеву, которого выбрали доверенным от агинских бурят для решения земельного вопроса, с советами и четкими инструкциями по ведению дела[395] и т. д.

Таким образом, несмотря на то, что письменные источники по истории бурятских органов местного самоуправления отличаются многообразием, особое место занимают архивные документы. В ходе исследования авторы работали с документами различных архивных хранилищ, непосредственно дающих огромный фактический материал, позволяющий глубже и всесторонне изучать избранную тему исследования.

[392] ГАРБ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 147. Л. 11–12 об.
[393] Там же. Л. 23–23 об., 26–26 об.
[394] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3674. Л. 3–3 об., 4.
[395] Там же. Д. 3671. Л. 46–46 об., 48–48 об.

Глава II. Имперская система власти и Азиатская Россия

§1. Национальный фактор в окраинной политике империи

Процесс вхождения Сибири в состав России начался в конце XVI в. Он носил весьма противоречивый характер и имел длительную историю. Это было не только военное, но и прежде всего административное и экономические закрепление за Российской империей новых территорий и народов огромного Зауральского края. Не менее важным был процесс ментального осмысления Сибири как земли русской, неотъемлемой составной части России. Существенное влияние на это оказало географическое изучение и картографирование Сибири[396]. Трансформации образов Сибири в российском общественном сознании в немалой степени способствовало установление новых административных границ и центров. Дальнейшая инкорпорация Сибири в Россию породила проблему взаимоотношений периферии и государственного ядра, вопрос о колониальном положении Сибири в составе Российской империи.

География Сибири, как свидетельствуют факты, в значительной мере зависела не столько от природного ландшафта, сколько от изменения государственных и административных границ империи на Востоке в целом. Интерпретация региона постепенно усложнялась как с расширением внешних имперских границ, так и нарастанием внутренних политических и управленческих задач, управленческой специализацией и дифференциацией, изменением этнодемографической структуры, новыми экономическими интересами. Власть здесь шла явно впереди экономики, создавая административно-территориальные единицы и формируя экономические районы.

[396] Постников А.В. История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII – начале XX в. в связи с формированием русско-китайской границы. М.: 2013. 364 с.

Вопрос о пространстве Сибири в России не так прост, как может показаться на первый взгляд. Административное деление зачастую не совпадало с географическими границами Сибирского региона, а образы Сибири приобретали расширенное символическое восприятие. Картографирование и конструирование географического, административного, экономического и ментального пространства Сибири составляло основу имперской географии власти. Различные комбинации территорий в больших административных группах (генерал-губернаторствах) не только повторяли природный ландшафт в поисках естественных границ, но и активно формировали новую географию. Динамичное освоение государственной властью новых восточных территорий, осмысление их внутренних и внешних границ на протяжении всего достаточно длительного периода империи приводило к неоднократным попыткам административного переустройства края. В данном контексте история тесно переплеталась с географией.

Территориальный объем имени «Сибирь» рос параллельно движению русских на восток, достигнув своего предела к концу XIX в. Ю.А. Гагемейстер, автор «Статистического обозрения Сибири», составленного по поручению второго Сибирского комитета в середине XIX в., описывал границы Сибири следующим образом: «Сибирью называется весь северный отдел азиатского материка, который обозначается на западе продольною цепью Уральских гор, на востоке Тихим океаном, с севера омывается Ледовитым морем, а к югу граничит с владениями Китая и свободного Туркестана»[397]. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, определяя объем сибирского пространства, включал в него все азиатские владения Российской империи, кроме Закавказья, Закаспийской области и Туркестана. В конечном итоге в начале XX столетия правительство пришло к заключению о том, что именно следует считать территорией Сибири. В издании «Азиатская Россия», предпринятом в 1914 г. Переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия в связи с 300-летним юбилеем дома Романовых, отмечалось, что помимо административного деления в Азиатской России существует еще и деление историческое: Сибирь (Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская губернии, области Якутская и Забай-

[397] Гагеймастер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб.: 1854. Ч. 1. С. 1.

кальская) и Дальний Восток, куда включают, помимо Амурской, Приморской, Камчатской областей и Сахалина, иногда и Забайкалье как связующее звено между ними. Именно в этих исторических границах определяется география нашего исследования. Поэтому территориальные рамки монографии охватывают всю Сибирь, т. е. территории бывших Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей. Эти губернии и их население были тесно связаны между собой общностью социально-экономических и политических процессов в составе империи, социокультурными, религиозными и иными традициями. По мере усиления интеграции Сибири в состав России, адаптации сибирского населения к общерусским хозяйственным, культурно-бытовым связям, религиозным и иным традициям на практике осуществлялась идея превращения Сибири в Россию.

Сегодня, после распада Советского Союза в 1991 г., площадь современной Азиатской России составляет 13,1 млн кв. км, что составляет около 77% территории нынешней России. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., на территории Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов проживает свыше 39 млн человек – 27% от общей численности населения Российской Федерации.

Одной из важнейших особенностей исторического развития России был фактор ее «огромности». Раскинувшись на территории двух материков – Европы и Азии, территория Российской империи к началу Первой мировой войны насчитывала 21,8 млн квадратных километров. Романовская империя по площади была крупнейшим государством мира, в котором к 1914 г. проживало 178 млн человек. На протяжении XVIII–XIX вв. площадь государства и численность народонаселения неуклонно увеличивались. Все европейские страны по росту народонаселения существенно отставали от России, и к 1914 г. каждый третий житель Европы был подданным российского монаха (32%).

Еще одной важной исторической особенностью России стал фактор ее многонациональности. Территориальная экспансия России на протяжении XVI–XIX вв., включение в ее состав народов Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Польши, Финляндии, Кавказа, Средней Азии превратили ее в многонациональную

империю. В начале XX в. на территории России проживало около 200 больших и малых народов, отличных по языку, культуре, религии, менталитету и т. д. Данное обстоятельство накладывало существенный отпечаток на этническую структуру государства. Если в середине XVII в. на долю русского населения приходилось 95% населения России, то в начале XX в. – только 44,6%.

Здесь следует отметить, что Россия со времени своего возникновения была страной многонациональной. Уже в Древней Руси славянские племена, проживавшие в районе Новгорода, были тесно связаны с племенами неславянского происхождения, такими, как чудь, карела, меря, весь… Именно с ними славяне и «ходили» за море, «к варягам, к Руси» приглашать Рюрика и его братьев Синеуса и Трувора на княжение. Дальнейшее развитие российской государственности, эволюция сословно-представительной монархии в империю происходили на протяжении длительного времени и не были результатом случайных процессов. Одним из наиболее характерных явлений этого периода стал процесс «собирания земель», а его важнейшей формой – внешняя политика, со времен Олега и Святослава направленная на укрепление и расширение границ государства. Стремление России к расширению своих границ не было каким-то исключительным явлением, характерным только для русского государства.

Этот процесс можно наблюдать на примере многих цивилизаций Европы и США. В большинстве случаев типология данного явления вполне сопоставима. Как правило, для территориального роста того или иного государства характерно многообразие методов – от прямого завоевания до добровольного присоединения и подписания официальных документов. В Европе период складывания единых государств ознаменовался резким усилением борьбы за новые земли. Существующее до сих пор Британское содружество или, например, Франция с ее заморскими департаментами являются в известной мере наследниками этой борьбы.

Не являются исключением и США, территория которых создавалась не только в результате подписания договоров с индейскими племенами, но и путем откровенного насилия, военной экспансии. Сопоставляя процесс формирования территориальных границ на примере европейских государств, США и России, нельзя не прийти к заключению о том, что зачастую сложно от-

делить понятие «экспансия» как насильственное присоединение земель от мирной колонизации как прежде всего земледельческого освоения, хозяйственного вовлечения в оборот новых территорий. На практике эти процессы тесно переплетались и усиливались интеграционной политикой, направленной на скорейшую ассимиляцию новых территорий с «основным» историческим ядром государства.

Территориальная экспансия России на всех этапах ее истории в первую очередь объяснялась геополитическими факторами, связанными со стремлением обеспечить прочность границ государства. Разумеется, в этом колонизационном движении присутствовали и экономические мотивы. В то же время, сознавая всю непрочность и сиюминутность насильственных мероприятий, российские власти вслед за военной экспансией начинали властное, в первую очередь политико-административное освоение новых территорий, затем наступала очередь экономической интеграции. Это было одно из проявлений взаимосвязи между внутренней и внешней политикой, присущих каждой стране на любом этапе ее истории.

Процесс «оцентровывания границ» завершился во второй половине XIX в., когда окончательно устанавливаются границы империи. К осени 1917 г. российская монархия представляла собой унитарное централизованное государство, единство которого обеспечивалось и олицетворялось императором. На практике же Россия являла собой конгломерат административных единиц, неравнозначных по экономическому и политическому развитию, далеко не однородных по этническому и конфессиональному составу населения. Еще раз подчеркнем, что к 1917 г. большую часть населения империи составляли нерусские народы, проживающие преимущественно на окраинах государства. На протяжении всей истории существования империи национальный вопрос оставался весьма сложной проблемой для правительства. Россию не раз сотрясали мощные национальные конфликты. Поэтому центральные власти были вынуждены учитывать национальный фактор в своей политике.

Развитие отношений центра с национальными окраинами неотделимо от процесса формирования политико-административной системы империи. Именно в рамках этой системы определя-

лись конкретные модели взаимоотношения с этносами. Однако одним из наиболее важных принципов выстраивания отношений «центр – национальная окраина (периферия)» был вопрос о характере вхождения той или иной территории в Россию, о существовании или, наоборот, отсутствии в ней государственности, общепризнанных в Европе норм права и т. д. Именно это обстоятельство предопределило появление своеобразных политических автономий на территории Российской империи, какими, например, были Польша и Финляндия. Автономии эти были различны по содержанию: они развивались спорадически, а размер самой автономии зависел от многих, в том числе внутри- и внешнеполитических факторов. Однако стратегической линией правительственной политики оставался курс на интеграцию этих территорий в экономическое, административное и социокультурное пространство империи, что особенно откровенно проявилось в эпоху контрреформ 80-х гг. XIX в. Подобная политика российского правительства по отношению к территориям, преимущественно заселенным нерусскими народами, не может быть понята вне контекста особенностей колонизационной политики России на ранних этапах складывания российской государственности.

Этнический фактор накладывал несомненный отпечаток на формирование административной инфраструктуры государства. Она была вынуждена учитывать определенные национальные традиции и особенности вплоть до названия административно-территориальных единиц и должностных лиц, традиционного «национального» законодательства. На окраинах допускалось даже «инородческое» самоуправление на низшем уровне. Разумеется, эта система неоднократно трансформировалась в соответствии с изменениями административно-территориального устройства империи в целом. Однако общей для всех национальных окраин оставалась концентрация основных властных полномочий в руках центра и лишь определенная трансляция этих полномочий местным органам власти. Соотношение полномочий центра и периферии было просто несопоставимым.

На национальных окраинах влияние этносоциального фактора особенно рельефно проявилось на начальных этапах инкорпорации территорий. Во всех регионах – Польша, Финляндия, Кавказ, Сибирь – наблюдается стремление царизма опереться на нацио-

нальную элиту. После взятия Казани привилегии и земли лояльной татарской аристократии были сохранены. На национальных окраинах Урала, Сибири, Дальнего Востока шел процесс формирования местных элит, состоящих из представителей родовой знати и старшин местных народов, а представители родоплеменной знати в «массовом порядке» принимались на русскую службу, им присваивались русские классные чины, вручались именные подарки и т. д. Более того, в регионах, коренное население которых до прихода русских не знало письменных законов, центральные власти официально предписывали при разборе «маловажных дел» руководствоваться нормами обычного права коренных народов. Предпринимались даже попытки их кодификации.

В истории России при выстраивании взаимоотношений центральных властей с национальными окраинами имели место случаи протекционистской политики по отношению к этим регионам и их населению, предоставления им существенных налоговых льгот по сравнению с населением «внутренних» губерний империи. Так, например, «своя» финансовая система существовала в Финляндии. Без одобрения сейма вводить новые налоги в Финляндии было нельзя. Княжество имело свою таможенную границу, а таможенное законодательство предоставляло право беспошлинной торговли с Россией, в то время как российские товары облагались пошлиной. Денежные средства княжество имело право хранить в зарубежных банках. Для другой западной окраины – Польши Конституция 1815 г. гарантировала несомненную самостоятельность в области финансов. Именно в этой важнейшей экономической сфере деятельности государства правительство Царства обладало наибольшей независимостью. В 1815–1830 гг. Царство Польское было наделено важнейшими атрибутами финансовой самостоятельности: бюджетной автономией, казной и самостоятельной ответственностью по государственному долгу.

Реализацию этих же принципов, предусматривающих особую гибкость и осторожность по отношению к нерусскому населению окраин империи, можно наблюдать и в Сибири. Применительно к народам Сибири на первых порах процесс имперского строительства сопровождался обложением их данью (ясаком) в пользу государства. По мере втягивания аборигенов в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них

были распространены и другие виды податных обязанностей, например, земские, мало или ничем не отличающиеся от обычного крестьянского тягла. Следовательно, и сибирские аборигены, и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и должны были уплачивать соответствующие налоги на его содержание.

Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и, в соответствии с Конституцией США, не считались гражданами государства. США, продвигаясь с Востока на Запад, осуществляли новые территориальные приобретения путем покупки по договорам индейских земель или же путем насильственного лишения индейцев их охотничьих угодий. В России по мере ее продвижения с Запада на Восток правительственные указы, наоборот, требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли, что обеспечивало сибирским народностям возможность выполнения их основной обязанности по отношению к государству – уплаты ясака. Кроме того, в условиях малочисленности русского населения, огромной территориальной разбросанности и слабости русских административных и военных центров, потенциальной угрозы столкновения интересов России с государствами Центральной Азии и решения стратегической задачи – закрепления Сибири за Российским государством – московские, а впоследствии петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль. Характер взаимоотношений между аборигенами и русскими пришельцами оказал серьезное влияние на темпы продвижения русских к Тихому океану.

Анализируя влияние этнического фактора на формирование окраиной политики, следует заметить, что, как правило, действие его проявлялось не изолированно, а в сочетании с иными обстоятельствами. Наиболее значимыми из них были естественно-географические особенности региона. Географический фактор оказывал непосредственное влияние на административно-территориальное устройство регионов, функции органов власти и управления, полномочия должностных лиц. В империи существовали специальные органы по управлению этими территориями. Такими, например, были Кавказский, Польский и Сибирские коми-

теты в центре и институты наместников, генерал-губернаторов и главных управлений на местах. В этой структуре окраинного управления особое значение имел институт генерал-губернаторов как «главных блюстителей неприкосновенности верховных прав самодержавия, … и точного исполнения законов и распоряжений правительства». Наряду с генерал-губернаторами в ряде территорий, например, на Кавказе, существовал институт наместников, обладающих широкими военными и административными правами по управлению регионом. Несмотря на стремление к централизации, петербургские власти реально сознавали невозможность концентрации всех властных функций по управлению окраинными территориями в столице и были вынуждены делиться частью из них с высшими должностными лицами регионов.

Небезынтересно отметить, что зачастую функциональный характер и компетенция главных органов местного управления были тем шире, чем дальше находилась от центра подведомственная территория. Известное значение в данном случае имел и внешнеполитический фактор. Эта особенность хорошо прослеживается на примере сопоставления должностных функций и обязанностей генерал-губернаторов Западной и Восточной Сибири. Так, генерал-губернатор Восточной Сибири, начиная со времени Н.Н. Муравьева (впоследствии Амурского), обладал известными дипломатическими полномочиями, специальной дипломатический канцелярией, чего не было у его западносибирского коллеги. Характерно, что местная власть зачастую была далеко не безгрешна в использовании и истолковании этих полномочий. Исследование корпоративной этики чиновничества свидетельствует о том, что масштабы злоупотреблений по службе в немалой степени зависели от удаленности от центра и, как следствие, отсутствия действенного контроля.

Структура местных органов управления и их функциональный характер в известной степени определялись и ресурсными факторами, экономическими потребностями по инкорпорации окраинных территорий в общероссийские экономические процессы. В Сибири, например, были открыты Алтайский и Нерчинский горные округа в связи с началом активной добычи золота. В структурах Главных управлений Западной и Восточной Сибири были учреждены специальные горные отделения, а с началом мас-

сового переселения на местах начали действовать специальные переселенческие отделы.

Влияние ресурсного фактора находило выражение и в законодательной политике. На протяжении XVIII и XIX вв. был принят ряд законов по охране сибирских лесов, о временном прекращении добычи соболей для восстановления популяции этого ценного промыслового зверя и т. д.

На характер взаимоотношений центра и окраинных регионов несомненное влияние оказало и интенсивное железнодорожное строительство, в частности развитие средств связи, системы коммуникаций в целом, что открывало перспективу активной экономической эксплуатации окраин империи. В конце XIX в. в связи с усилившейся интеграцией окраинных земель в общероссийское экономическое и политико-административное пространство значение этнического и географического факторов во внутренней политике трансформируется. Стремление к экономической интеграции, которая стала рассматриваться как важнейший стимул к политической консолидации империи и изживанию национального сепаратизма, становится преобладающим. Это повлекло изменения в административной и социокультурной политике центра по отношению к периферии и, как следствие, разработку единого законодательства, исключающего какие-либо местные особенности. Не случайно, что именно в это время появляется такое понятие, как Азиатская Россия. Несмотря на определенный географизм, оно отражало те важные изменения, которые происходили во взаимоотношениях между модернизирующейся империей и обширным зауральским краем во всех сферах – экономической, административной, социокультурной. Итогом этих изменений стало превращение Сибири в часть России. Единство государственных учреждений с единым государственным языком и единой религией, развитие коммуникаций, распространение русской земледельческой колонизации, строительство Транссиба способствовали не только укреплению связей окраин и центра, но и дальнейшей интеграции восточных окраин в состав империи, «превращению» Сибири в Россию. Образование единого административно-правового, экономического и культурно-языкового пространства способствовало тому, что Россия как бы передвинулась за Урал. Разумеется, территории, включаемые в географиче-

ское понятие Азиатская Россия – Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток, – были неоднородны.

Историко-типологические модели интеграции окраинных территорий в состав Российской империи формировались и развивались на протяжении всего периода существования государства и отличались существенным разнообразием. В основе дифференцированного подхода правительства к окраинам и народам Европейской и Азиатской России лежали особенности геополитического положения конкретного региона, природно-климатические условия, этнический и религиозный факторы, сословный состав населения и др. На востоке империи процесс властного освоения новых территорий в XVII в. претерпел существенные изменения. На смену военно-мобилизационным пришли политико-административные и экономические методы. Вновь присоединенные территории правительство теперь стало рассматривать не только как плацдарм для дальнейшего расширения границ государства на восток, но и как важный источник поступления в казну ценной сибирской пушнины. Именно финансовые соображения предопределили позиции центральной власти в вопросах землепользования аборигенов. Уже первые правительственные указы требовали не допускать столкновения колонистов и «иноверцев» из-за земли. Когда в 1639 г. татарские жители волостей Ермолаевой, Колмаковой и др. в Западной Сибири пожаловались государю, что «русские крестьяне …поселились дворами своими на их землях», отняли пашни и покосы, а в «наших угодьях промышляют бобров, лисиц и соболей», местные воеводы немедленно «приняли сторону» иноверцев и со своей стороны обратились в Москву с просьбой «свести» русских крестьян с «иноверческих» земель, что и было сделано[398].

Аналогичные принципы правительственного подхода к «иноверческим делам» можно наблюдать и на Дальнем Востоке на примере действия там отряда Е.П. Хабарова в 1649 г. На Амуре Хабаров вместо того, чтобы призывать «иноверцев» в русское подданство «ласкою и приветом», как требовали того царские инструкции от начальников всех отрядов землепроходцев, грабил, жег, насиловал и убивал. Именно поэтому в сентябре 1653 г. он

[398] Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ея насельников. Харьков: 1889. С. 330–332.

был отстранен от должности прибывшим с инспекционной поездкой из Москвы дворянином Д.И. Зиновьевым, а новым приказным человеком на Амуре назначен О. Степанов[399].

В XVII в. для московских Романовых Сибирь была неисчерпаемым источником ценной «мягкой рухляди». Правительственные указы требовали взимать ясак исключительно мехами. Однако к началу XVIII в. правильность такой политики оказалась под сомнением. Соболь был почти повсеместно выбит, и у многих «иноверцев» охота стала превращаться в подсобное занятие. Кроме того, интенсивный приток русского населения, потребности в развитии надежной продовольственной базы на Востоке заставили правительство взглянуть на народы Сибири не только как на плательщиков ясака, но и как на потенциальных хлебопашцев. Правда, до конца XVIII в. поощрительные меры к занятию земледелием чередовались с попытками побудить аборигенов к занятию исключительно пушным помыслом. Но в XIX в. попытки обеспечить приоритет звероловства над хлебопашеством были уже нежизненными, тем более что развитие в Сибири горной промышленности, начало массовой золотодобычи, рост численности городов и русского населения в целом порождали все возрастающий спрос на продукты земледелия. Экономические потребности, воздействие русской деревни, мероприятия администрации послужили толчком к развитию пашенного земледелия у народов Сибири и, как результат, возрастанию оседлости. В хозяйственном отношении возникновение земледелия и возрастание оседлости у аборигенов стали важнейшими результатами прихода русских в Сибирь.

Однако распространение пашенного земледелия у народов Сибири имело целью не только их экономическую, но и социокультурную инкорпорацию в составе империи, а в конечном итоге превращение Сибири в Россию. В этом плане особая роль отводилась православному русскому крестьянину-земледельцу, который должен был духовно сплотить империю, научить сибирского «инородца» не только пахать, косить, строить дома, но даже молиться и думать по-русски. В этом смысле проблемы имперского и национального строительства тесно переплетались и были при-

[399] Артемьев А.Р. Формирование геополитических интересов России на Дальнем Востоке и присоединение к ней Приамурья и Приморья (середина XVIII в. – 1860 г.) // Русская Америка и Дальний Восток. Конец XVIII в. – 1867 г. Владивосток: 2001. С. 287.

званы обеспечить стабильность империи на перспективу. Именно такую задачу колонизации Сибири видели современники, отстаивающие идею «поглощения» русским национальным ядром восточных окраин империи.

К занятию земледелием народы Сибири приобщились в разное время и в различной степени. Объясняется это отличиями в природно-климатических условиях мест обитания и степенью интенсивности влияния русской деревни. На примере бурят Иркутской губернии хорошо видно, что первое место в области земледелия занимали бурятские роды, проживающие совместно с русскими в удобных для хлебопашества долинах рек. Приемы агротехники, календарные сроки и даже религиозные обряды, связанные с началом и окончанием полевых работ, были заимствованы ими у русских крестьян.

Под влиянием христианства буряты вместе с зерном стали разбрасывать по пашне скорлупу крашеных яиц с сакральным смыслом – оплодотворения земли, чтобы хорошо вырос хлеб. Уборку урожая начинали в конце августа – первой декаде сентября. Сначала косили овес и ячмень, во второй половине сентября жали рожь и пшеницу. Сжатый хлеб связывали в снопы и складывали в копны. После окончания жатвы снопы свозили в усадьбу в специальные загороди – овин или гумно. По окончании полевых работ земледельцы-аборигены устраивали праздник урожая. Во время уборки урожая на краю пашни оставляли пучок срезанных колосьев – это была доля «хозяина» земли. Такой обычай был заимствован у русских крестьян, которые оставляли в поле несжатый клок хлеба для предохранения земли от бесплодия.

На систему земледелия существенное влияние оказывали природные условия. У якутов преобладала подсечно-переложная система, у хакасов под влиянием русских крестьян выработалась парозалежная система. У бурят Иркутской губернии господствовала паровая двухпольная система полеводства. Вся культивируемая площадь делилась на два клина: один находился под паром, другой – под посевом. У забайкальских бурят существовала парозалежная система земледелия[400].

Наибольших успехов в земледелии добивались «инородцы», пахотные угодья которых находились на границах волостей,

[400] Андреев Ч.Г. Коренные народы Восточной Сибири во II половине XIX – начале XX века. Улан-Удэ: 2001. С. 90.

смежных с землями, занимаемых русскими крестьянами. В хозяйстве жителей Аскизского ведомства Енисейской губернии (у хакасов), в Иркутской губернии у бурят Балаганского, Иркутского и Нижнеудинского округов уже в середине XIX в. земледелие стало играть доминирующую роль. Современники не раз отмечали, что у них отлично «родятся» рожь, пшеница, ячмень, овес. Не случайно на публичной сельскохозяйственной выставке в 1858 г. в Иркутске многие буряты были награждены медалями и похвальными листами за успехи в земледелии.

Под влиянием русских крестьян у всех народов Сибири, перешедших к оседлому образу жизни, были заведены огороды. На них с успехом культивировались картофель, огурцы, морковь, свекла, капуста. Даже в северной Якутии в Олекминском округе в 1890 г. местные жители-якуты собрали 30 тыс. пудов картофеля.

По мере успехов земледелия оно все больше приобретало товарный характер. В ряде «инородческих» хозяйств различных губерний продажа хлеба доходила до 70% всего урожая. Хлеб сбывался на золотые прииски, винокуренные заводы, в различные казенные места.

В целях повышения эффективности своего хозяйства богатая верхушка «инородцев» приобретала современные по тогдашним понятиям орудия сельскохозяйственного производства: сенокосилки и конные грабли, железные плуги, бороны, конные и даже паровые молотилки, веялки, строили водяные мельницы. Среди «инородцев» появились представили крупных европейских фирм, производящих сельскохозяйственное оборудование: «Мак-Кормик» и «Осборн».

Развитие земледелия и сенокошения у народов Сибири имело большое значение в переходе их к оседлости. Татары, буряты, хакасы по примеру русских крестьян начали рубить деревянные дома, амбары, хозяйственные постройки. В связи с этим у них стало развиваться плотничное ремесло, они научились делать телеги, сани, сохи, бороны. Большое распространение получили извозный промысел, заготовка и сплав леса, прокладка дорог. Определенное значение у «инородцев», как и у русских крестьян, получил отхожий промысел, вызванный необходимостью дополнительных заработков для содержания семьи и уплаты налогов. В хозяйстве народов Сибири значение его было неодинаковым и

колебалось от 20% у забайкальских бурят до 7–9% у татар, хакасов, якутов.

Цивилизаторские тенденции империи, связанные с приобщением сибирских «инородцев» к земледелию и оседлости, наиболее ярко проявились в аграрной и административной политике самодержавия. Правительство сознавало, что задача «окрестьянивания» аборигенов не может быть решена только при помощи эмпирических примеров. Важной составляющей хозяйственной адаптации аборигенов к общероссийской системе стала экономическая политика.

На протяжении всего имперского периода истории Сибири в этой политике прослеживается сочетание методов материального и морального поощрения с неприкрытым администрированием. К первым следует отнести систематическую раздачу «инородцам» ссуды деньгами и семенами для проведения посевных работ, предоставление различных, порой весьма значительных налоговых льгот, всевозможные поощрения родоначальников за успехи в земледелии. Примером другого рода является «Положение о развитии хлебопашества» Иркутского гражданского губернатора И. Трескина, в котором жестко определялись размеры «инородческой» запашки, сроки проведения полевых работ и способы наказания «огурщиков» [«ослушников»][401]. Это положение получило широкое распространение, неукоснительно соблюдалось и надолго осталось в памяти населения. Впоследствии даже ссыльные декабристы отзывались о нем как о благодетельной мере, искренне полагая, что именно И. Трескин приучил к земледелию и оседлости кочевых бурят.

Вопрос о способах приобщения аборигенов к земледелию и оседлости постоянно находился в поле зрения правительства. В наказах сенаторским ревизиям и ясачным комиссиям Сибири традиционно предписывалось обратить на него особенное внимание[402]. Наибольшее значение данный вопрос приобрел после введения в 1822 г. «Устава об управлении инородцев» М.М. Сперанского, которым народы Сибири были разделены на категории оседлых, кочевых и бродячих. В соответствии с Уставом оседлые аборигены приравнивались к крестьянам во всех податях и повинностях, кроме

[401] ГАИО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 24.

[402] Дамешек Л.М. Материалы правительственных комиссий как источник изучения аграрной политики самодержавия в Сибири // Молодые ученые вузов города Иркутска в 11 пятилетке. Иркутск: 1983. С. 69–71.

рекрутской. Экономические выгоды правительства при перечислении кочевников в разряд оседлых были несомненны. Поземельное устройство аборигенов на одинаковом с крестьянами основании должно было не только привести к росту оседлости, образованию земельных излишков, но и возведению их в гораздо более высокий податной оклад государственных крестьян.

В пореформенный период эти идеи получили дальнейшее развитие. Несмотря на зигзаги аграрной политики империи в Сибири, на всех этапах ее разработки и проведения присутствовал «инородческий» вопрос. Его место в аграрном законодательстве определялось надеждами правительства на значительные земельные изъятия у «инородцев» с целью образования переселенческого земельного фонда и последующей хозяйственной и социокультурной интеграции с русским крестьянским населением региона. В конечном итоге правительство решило провести землеустройство аборигенов на одинаковом с крестьянами основании, наделив их 15 дес. наделом. Земля отводилась не в собственность, а в пользование «инородческих» обществ. Отчуждение и залог земельных наделов запрещались. За пользование землей аборигены обязывались платить казне оброчную, а впоследствии поземельную подать.

Аграрные законы конца XIX – начала XX вв. распространялись на всю территорию Сибири за исключением Якутской области. Категория «бродячих инородцев» также не подлежала землеустройству. Империя исходила из постулата признания верховного права собственности на все сибирские земли за государством и Кабинетом, поэтому земля отводилась аборигенам не в собственность, а в пользование. За исключением скотоводов Забайкальской области все остальные «инородцы» по окончании землеустройства переводились в разряд оседлых.

В дополнение к аграрным законам 1896–1901 гг. в 1905–1917 гг. в форме указов сената было принято еще около 20 актов о земельном устройстве коренного населения. Особое внимание при этом уделялось убеждению аборигенов в законности землеустройства и переводу их в категорию оседлых, обоснованию минимальных норм земельных наделов[403].

[403] Дамешек Л.М. Аграрное законодательство самодержавия и народы Сибири в пореформенный период // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. Иркутск: 1984. С. 34–48.

Поначалу к проведению землеустройства аборигенов правительство подходило очень осторожно. Основной причиной этому являлись широкие протесты коренного населения и наличие свободного фонда пустопорожних земель, пригодных для колонизации. В ходе революции 1905–1907 гг. национальное движение народов Сибири значительно активизировалось. Потенциальная опасность одновременного выступления русского и «инородческого» крестьянства заставила правительство приостановить землеустроительные работы на землях коренного населения.

После 1907 г. в условиях столыпинской аграрной реформы и значительного роста переселенческого движения сибирский земельный фонд стал одним из основных средств решения аграрных противоречий империи. Для этого периода характерны многочисленные категорические требования правительства об активизации землеустройства и сокращении земельных наделов аборигенов. Даже Якутия, на территорию которой землеустройство никогда не распространялось, стала рассматриваться как возможный резервный район для переселения крестьян из центра страны. Создаются специальные «инородческие» землеустроительные партии, а с 1915 г. землеустроительные работы стали вестись исключительно на «инородческих» землях. Из серии правительственных распоряжений этого периода обращает на себя внимание указание главноуправляющего землеустройством и переселением А.В. Кривошеина сибирским губернаторам о необходимости всячески содействовать чиновникам землеустроительных партий по «обращению земельных излишков инородцев» в переселенческий фонд.

Тем не менее к 1917 г. землеустройство народов Сибири, за исключением территории Горного Алтая, так и не было завершено. В Томской губернии, например, работами было охвачено 55% земель коренного населения, в Тобольской – менее половины. Но и в этих условиях земельные отрезки у аборигенов были очень велики. У бурят Иркутской губернии они составляли 945 115 десятин, или 47% дореформенного землепользования; у бурят Забайкальской области – 206 1000 десятин, или 30%; у хакасов Енисейской губернии – 67 0000 десятин (33%); у аборигенов Томской губернии – 59 000 десятин (34%); в Горном Алтае – 121 622 десятин (25%); в Тобольской губернии – 27 407 десятин (2%), а всего по

Сибири 3 884 188 десятин, что составляло 29%[404]. Большая часть земельных отрезков была использована для образования резервного переселенческого фонда. Компаративный анализ агарной политики империи в отношении народов Сибири, сравнение ее с аналогичными мероприятиями правительства в других колонизуемых районах страны – Башкирия, Казахстан, Туркестан и др. – позволяют сделать вывод о том, что для этих окраинных территорий характерна сословная неполноправность «инородцев» в отношении прав землепользования. В начале XX в. империя отказалась от провозглашенного в XVII в. курса на признание незыблемости прав сибирских народов на занимаемые ими земли. Новые политические и экономические интересы империи в Азиатской России потребовали и выработки новых контуров национальной политики, одним из приоритетов которой стала идея «слияния» аборигенного населения Сибири с коренным русским населением государства.

Развитие земледелия и связанный с ним рост оседлости, постоянные многообразные контакты с русским населением, численно многократно превосходящим аборигенов, приводили к проникновению русской культуры во все сферы жизни аборигенов – от хозяйственной до культурно-бытовой. Во многих местах возникали «инородческие» поселения по русскому типу, некоторые из них не отличались от русских селений, другие представляли собой переходный тип. С середины XIX в. все большее распространение получают стационарные деревянные юрты, а с конца XIX столетия зажиточные «инородцы» стали обзаводиться просторными деревянными домами, бытовая обстановка которых не отличалась от домов русских крестьян. В таких домах ставилась глинобитная русская печь, служащая для обогрева жилья и выпечки хлеба. Кроме русской печи обязательно присутствовала небольшая печурка для установки котла, в котором готовилась пища. Это была дань древнему обычаю – готовить пищу и напитки в чугунных котлах. В некоторых домах появились умывальники. Дома внутри не белили, пол не красили. Периодически, по

[404] Данные об итогах землеустройства народов Сибири рассчитаны по материалам: РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1311. Л. 231–233 об.; ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 120 об.–121; Отчет о землеустроительных работах в четырех сибирских губерниях им области Забайкальской. За 1908 г. СПб.: 1909. С. 45; РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 45. Л. 5; Там же, Оп. 10. Д. 9. Л. 3.

примеру русских крестьян, пол тщательно мыли теплой водой и терли песком. Вместе с домами русского типа появились русские надворные постройки и строения: амбары, сараи, ворота, заборы, сени, бани, вначале «черные», а потом и «белые».

Традиционная одежда кочевника из кожи уступила место хлопчатобумажным, шелковым и шерстяным изделиям. У татар, бурят, хакасов, якутов летняя одежда мужчин нередко состояла из русской рубахи навыпуск и шаровар, женщины же носили ситцевое платье, покрой которого заимствовали у русских.

Таким образом, активное крестьянское движение на восток приводило к стиранию этнической границы между Европейской и Азиатской Россией. Наметившееся стихийное «обрусение инородцев» на практике было экономически обусловленным явлением, порожденным мощностью интеграционных процессов на востоке империи.

§ 2. Присоединение юго-восточной Сибири (Бурятии) к России как политический процесс. Соотношение аборигенного и пришлого населения Азиатской России.

Ко времени прихода русских в Сибирь ее огромные, кажущиеся на первый взгляд незаселенными территории были освоены и обустроены местными народами. Но это мироустройство представляло иной тип, отличный от сложившегося в России. С появлением русских в Сибири началась перестройка системы общественного разделения труда, проникновение товарно-денежных отношений, что оказало огромное влияние на динамику и социальную структуру туземного общества, его политическую организацию, характер международных отношений в регионе.

К началу XVII в. этнолингвистическая карта Сибири включала несколько десятков лингвистических общностей численностью около 200 000 человек. На пространстве большем, чем вся Европа, обитало редкое население, весьма неоднородное в языковом отношении. Наиболее многочисленными были народы, говорящие на языке тюркской ветви алтайской языковой семьи. На северо-востоке Сибири, по среднему течению Лены и рекам Алдану и Вилюю, компактно проживали представители самого крупного тюркоязычного этноса – якуты.

Основная часть тюркоязычных народов селилась к западу от Саянских гор. Это были предки современных тувинцев и тофаларов, которые в ранних китайских источниках известны под именем «лесных народов». Минусинскую котловину заселяли многочисленные тюркоязычные группы, известные под названием енисейских кыргызов. Именно из них впоследствии сформировалась хакасская народность сагайцы, бильтыры, качинцы, кизильцы.

К тюркам по языку принадлежало и население, заселявшее лесостепные и таежные районы Западной Сибири – предки омских и томских татар.

Монголоязычным было население, обитающее по берегам Байкала и долинам рек Лены, Ангары, Селенги, Баргузина. Это были племена, составившие этническую основу бурят – эхириты, булагаты, хори-туматы. Ко времени прихода русских буряты были одним из самых больших по численности народов Сибири.

К остяцкой языковой группе принадлежали тунгусы, проживающие в таежных лесах Восточной Сибири от Енисея до Охотского моря.

На склонах Уральских гор, в нижнем и среднем Приобье жили ханты и манси, представляющие угро-финскую языковую группу сибирских народов. Иногда их называют обскими уграми или остяками.

В дорусский период с экономической точки зрения аборигены освоили всю обширную территорию Сибири. В процессе ее заселения у коренного населения сложилось несколько культурно-хозяйственных типов. Патриархально-родовые отношения были присущи большинству коренного населения. Наиболее развитыми в социально-экономическом отношении в Западной Сибири были татары, в Восточной Сибири – буряты и якуты. Общий ход исторического процесса у народов Сибири был резко изменен событиями конца XVI – начала XVII в., когда они оказались включенными в состав Российского государства.

Вопрос об исторических судьбах народов Сибири в составе России имеет важное значение, ибо он напрямую связан с определением путей и методов инкорпорации Сибири и ее населения в Россию. Можно говорить как минимум о трех составляющих этого процесса: политическом, экономическом и социокультурном компонентах. Характеризуя начальный этап инкорпорации,

некоторые современные исследователи считают возможным отказаться от употребления идеологизированных определений «завоевание», «покорение», «вхождение», «присоединение», а само продвижение русских в Сибирь рассматривать как продолжение процесса «собирания» земель и закономерного укрепления границ национального государства[405].

В исторической литературе территориальное расширение России обычно рассматривается как создание империи. Продвижение русских на восток не было исключительно русским явлением. Хронологически оно совпало со временем основания англосаксами первых европейских колоний на Северо-Американском континенте. Рождающимся нациям было тесно в своих прежних границах. Однако темпы продвижения, методы освоения новых территорий, взаимоотношения с аборигенным населением в Сибири и на американском Западе существенно разнились между собой. Продвижение русских на восток сопровождалось распространением на новые территории общенационального политико-административного, хозяйственного и социокультурного уклада, «втягиванием», подчас противоречивым, в общенациональную экономическую, политическую и социокультурную систему этих народов. В США же, наоборот, складывающаяся рыночная экономика молодого государства поглощала индейские племена[406].

Тенденция к компаративному анализу методов колонизации Сибири с колониями западноевропейских стран – Канадой, Австралией, Алжиром и др. – наметилась еще в XIX в. В связи со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали резко возрос интерес иностранцев к Сибири, где они надеялись найти выгодное приложение своим капиталам. По мнению английского исследователя Р. Джефферсона, французского экономиста К. Оланьона, американца Р. Глейнера и др., в основу колонизации Сибири русское правительство положило те же принципы, что и Англия в отношении Канады[407]. Сибирь для России имела

[405] Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтитов. Иркутск: 2002. С. 90–95.

[406] Дамешек Л.М. Интеграция Сибири в Россию как компонент государственной национальной политики // Этнокультурное взаимодействие в Сибири. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. 19–20 июня 2003 г. Новосибирск: 2003. С. 8.

[407] Jefferson R. Roughing it in Siberia with the same account of the TranSiberian railway and the gold-mining industry of Asiatic Russia. London: 1897. P. 25; Оланьон К. Сибирь и ее

точно такое же значение, как Алжир для Франции или Канада и Австралия для Англии. Могучая волна русских переселенцев буквально сметала туземные племена, которые не могли оценить природного плодородия своих земель. Именно русская колонизация придала ценность землям Северной Азии. В силу своей неразвитости аборигены ничего не могли перенять у русских. В Сибири, как и в Канаде или Австралии, масса европейских переселенцев буквально поглощала «самые жизненные элементы туземного общества», а остальные вытеснялись в районы крайнего Севера, где и вымирали[408]. Этот тезис оказал влияние и на представителей русской общественной мысли, получивших название сибирских областников.

Областничество как одна из форм общественного движения и мысли в России второй половины XIX – начала XX вв. характерно не только для Сибири. Определенные его проявления можно наблюдать и в других регионах России, например, на Дону. Однако именно за Уралом в связи с постановкой и обсуждением вопроса о месте и статусе Сибири в составе империи областничество получило наибольшее развитие и значение. «Инородческий вопрос» занимал важное место в системе областнических доказательств колониального положения Сибири, а краеугольным камнем этой системы был тезис о вымирании сибирских аборигенов как следствие присоединения их к России. Наиболее остро он был поставлен Н.М. Ядринцевым, Г.Н. Потаниным, И.И. Серебренниковым, П.М. Головачевым и др.[409]. По мнению Н.М. Ядринцева, в правительственном подходе к «инородческому вопросу» можно отчетливо наблюдать эволюцию от прямых методов военного истребления до вовлечения в сферу совместной с русским населением хозяйственной деятельности. В основе этой эволюции, по Н.М. Ядринцеву, лежали фискальные мотивы, стремление к бездоимочному сбору ясака. Однако, по мнению идеолога областничества, русское население во взаимоотношениях с «инородцами» руководствовалось исключительно корыстными побуждениями. Поэтому русские не могли принести в Сибирь ничего положи-

экономическая будущность. СПб:. 1903; Глейнер А. Сибирь, Америка будущего. По сочинению Джона Фостера Фразера. Киев: 1906. С. 9, 10.

[408] Оланьон К. Указ. соч. С. 5, 76, 77, 250.

[409] Шейнфельд М.Б. Историография Сибири (конец XIX – начало XX вв.). Красноярск: 1973. С. 242.

тельного, наоборот, аборигены погибали от соприкосновения с русской цивилизацией.

И.И. Серебренников вслед за Н.М. Ядринцевым также писал о пагубном влиянии русской государственности на аборигенов, акцентируя внимание на их обрусении и сокращении численности.

Примерно такой же поход к изучению исторических судеб народов Сибири в составе России содержится в трудах М.П. Головачева. Признавая некоторое положительное влияние русского крестьянства на народы Сибири, М.П. Головачев вместе с тем подчеркивал, что эта сторона с лихвой перечеркивается отрицательными последствиями прихода русских в Сибирь. Важнейшим проявлением этого процесса он считал вымирание аборигенов.

Иной подход к демографическим проблемам аборигенов содержится в трудах Н.Н. Козьмина, который считал принципиально неверным в любом факте сокращения численности аборигенов видеть процессы вымирания. По его мнению, материалы ревизий и переписей «инородцев» на протяжении всего XIX и начала XX вв., наоборот, свидетельствуют об увеличении численности бурят, якутов, хакасов, татар. В то же время Н.Н. Козьмин указывал на получившие значительное распространение на рубеже веков факты метисации и обрусения аборигенов, проходивших при прямом участии государства[410]. Рассмотрим вопрос об изменении численности аборигенов более подробно.

На протяжении всего рассматриваемого периода происходит рост численности коренного населения. С 1795 по 1897 гг. оно увеличилось более чем в два раза, с 183 тыс. душ м. п. до 413 тыс. Однако в результате интенсивного притока пришлого, главным образом русского населения, численность которого за этот же период с 412 тыс. душ м. п. возросла до 2,3 млн, т. е. в 5,6 раза, наблюдается падение удельного веса аборигенного населения с 30% в 1795 г. до 15% в 1897 г.

Наиболее быстрыми тепами коренное население росло в Иркутской губернии. С 1795 по 1897 гг. оно увеличилось со 127 тыс. душ м. п. до 309 тыс., т. е. в 2,4 раза. За этот же период количество аборигенов Томской губернии возросло в 2 раза, в Тобольской – в

[410] Дамешек Л.М. Взгляды ссыльных разночинцев 70–90-х годов на «инородческий вопрос» в Сибири // Ссыльные революционеры в Сибири. Вып. 11. Иркутск: 1989. С. 25–35; он же. Историография и источниковедение истории народов Сибири эпохи капитализма. Иркутск: 1990. С. 14–18.

1,6 раза. Главной причиной роста численности большинства народностей и этнических групп следует считать распространение между аборигенами земледелия, возрастание оседлости, происходившие под влиянием русского крестьянства и правительственной политики. Эти процессы протекали быстрее в районах более интенсивного общения аборигенного и русского населения. Приросту аборигенного населения способствовало и соотношение мужского и женского полов, которое у коренного населения в принципе не отличалось от русского. В Томской губернии от количества коренных жителей мужского пола женщины составляли 97,9%; Енисейской – 95%; Иркутской – 94,6%; Забайкальской области – 90,3%. Более высокие темпы прироста коренного населения были невозможны по ряду причин, в числе которых следует назвать высокую степень эксплуатации аборигенов самодержавием, эпизодические неурожаи и падежи скота, подрывающие основу благосостояния коренного населения. Немаловажную роль в сдерживании темпов прироста коренного населения играло и неудовлетворительное состояние системы медицинского обслуживания, высокая детская смертность. В 70-х гг. XIX в. у бурят Иркутского округа одноименной губернии из 100 родившихся младенцев в живых оставалось только 23, в Балаганском округе – 26, в Верхоленском – 30. Иными словами, детская смертность была исключительно высокой.

Распределение коренного и пришлого населения по округам сибирских губерний было неравномерным. В силу исторических особенностей ведения хозяйства и быта абсолютное большинство аборигенов проживало в сельской местности. В Тобольской губернии основная масса хантов и манси (около 73%) проживала в северных Березовском, Сургутском и частично в Тобольском округах. Значительную часть коренного населения губернии составляли татары, проживающие в одноименном округе.

В Томской губернии наиболее высокий удельный вес коренного населения был в Бийском округе – 13%. В остальных округах он колебался от 1% (Барнаульский) до 5–6% (Кузнецкий) от общей численности народонаселения.

В Енисейской губернии по количеству проживающих аборигенов – ненцев и эвенков – выделялся Туруханский край: 71% жителей. Следует также отметить Минусинский и Ачинский округа,

где аборигенное население составляло соответственно 16 и 8% общей численности населения округа.

В Иркутской губернии наиболее высоким удельным весом аборигенного населения – 20% – выделялся одноименный округ.

В Забайкальской области коренное население составляло примерно третью часть всех жителей. Большая часть аборигенов – бурят селилась в Селенгинском (61%), Баргузинском (51%) и Читинском (44%) округах. Кроме бурят значительную часть населения области составляли эвенки. В 1897 г. их насчитывалось 16,6 тыс. душ обоего пола.

В Якутской области коренное население (якуты и эвенки) составляло абсолютное большинство жителей – от 76 до 98% во всех округах, кроме Олекминского.

Среди аборигенов наиболее многочисленной народностью были буряты. По переписи 1897 г. их насчитывалось 288,6 тыс., или более 35% всей численности коренного населения. За бурятами по численности следовали якуты – 226,7 тыс. (27,55%), далее на Алтае – саянские нарды (алтайцы, хакасы) – 108,7 тыс. (13,21%), эвенки – 64,5 тыс. (7,84%), сибирские татары – 53 тыс. (6,44%), ханты и манси – 27,7 тыс., ненцы – 9,4 тыс. и др. Некоторые малые народности, например, тофалары, проживающие на границе Нижнеудинского и Иркутского округов, не превышали по численности 400 человек. Всего же за 250 лет, прошедших со времени присоединения Сибири к России и до начала XX в., численность бурят возросла примерено в 10,6 раза; якутов – в 7,9; алтае-саянских народов – 6,5; татар – 3,1; хантов и манси – 1,5 раза. Приведенные цифры, разумеется, не означают, что у всех народностей Сибири прослеживается тенденция к увеличению численности. Так, например, за этот же период численность юкагиров, ительменов, энцев не возросла, а наоборот, уменьшилась. Однако отнюдь не каждый факт сокращения численности аборигенов следует рассматривать под углом их вымирания. Известную роль в подобных случаях играли процессы миграции и ассимиляции, особенно усилившиеся по мере притока в Сибирь русского населения. Эти наблюдения подтверждаются свидетельствами современников и значительным распространением среди аборигенов русского языка и языка соседних, более крупных народностей.

По материалам Первой всероссийской переписи населения 1897 г. количество «инородцев», признавших своим родным языком русский, по отношению ко всем коренным жителям данной губернии или области выглядит следующим образом: Тобольская – 3,4%; Томская – 22%; Енисейская – 10,6%; Иркутская – 12,2%; Забайкальская – 13,3%; Якутская – 0,1%[411]. На это же указывают многочисленные свидетельства миссионеров.

Присоединение Сибири к России является одним из выдающихся событий отечественной истории XVII в. Имея в виду именно это обстоятельство, М.Я. Гефтер отмечал, что Россия только тогда стала Россией, «когда вобрала в себя Сибирь». Именно с Сибирью Россия стала тем огромным пространством, которое называется Евразией[412]. Дальнейшие взаимоотношения центра и вновь присоединенных восточных территорий в немалой степени определялись характером присоединения этих земель к России. Разделяя точку зрения датского историка О.Г. Кристенсена о том, что в России «в восточном направлении приращение земель носило характер колонизации», следует отметить, что применительно к Сибири более обоснованным представляется вести речь о сочетании методов колонизации как освоения пустопорожних земель и прямой экспансии, под которой автор понимает захват чужой территории. Продвигаясь на восток, русское государство решало двуединую задачу: с одной стороны, расширение территории, несомненно, способствовало упрочению границ на восточном порубежье. С другой – Сибирь манила к себе и своими немалыми естественными ресурсами: пушниной, солью, рыбой. Отмеченное обстоятельство в сочетании с природно-георафическими и этническими особенностями региона предопределили «в известном смысле умеренный», мягкий характер колонизации, «мягкое» отношение к местным народностям[413].

Именно эти процессы с позиций политики патернализма рассматриваются в настоящей публикации, которая в территориаль-

[411] Цифровые показатели рассчитаны по материалам: Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М.: 1973. С. 256; Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав, язык и роды инородцев. СПб.: 1912. С. 3; Азиатская Россия. Т. 1. СПб.: 1914. С. 86.

[412] Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Омск. 1995. С. 15; Гефтер М.Я. Из тех и этих лет… М.: 1991, С. 383.

[413] Кристенсен О.Г. История России в XVII в. М.: 1989. С. 134, 143.

ном отношении, как и фундаментальная трехтомная «История Бурятии»[414], охватывает этническую Бурятию. При этом авторы исходят из того, что бурятские территории в Сибири сформировались в результате сложных и длительных процессов смены основных мировых систем и центров. Однако не подлежит сомнению факт, что важнейшим следствием вхождения Бурятии в состав России стало совместное освоение богатств края русским, бурятским и эвенкийским населением, «несравненно ускорилось социально-экономическое развитие края»[415].

К концу XVII в. почти все племена и роды народов Юго-Восточной Сибири были приведены под подданство русского царя. Единственной проблемой, которую ещё предстояло решить, было весьма неопределенное положение бурятских родов, кочевавших в Забайкалье. Известный исследователь Средней Азии середины XIX в., русский географ Н.А. Северцов, рассматривая границы России и среднеазиатских государств, выделял два рода границ: «...постоянные границы оседлого населения и подвижные, беспрестанно изменяющиеся – границы кочевых племён». Современный географ Д.Н. Замятин, рассматривая ту же проблему, отмечает: «Кочевая периферия этих в европейском понимании полугосударств определяла неустойчивый, колеблющийся характер внешних границ, когда кочевые племена в зависимости от конкретных обстоятельств переходили в подданство того или иного среднеазиатского владетеля. Граница России со среднеазиатскими государствами и кочевыми племенами представляла собой пересечение совершенно разных геополитических сред, причём в классическом европейском или западном понимании границы попросту не было, не существовало»[416].

Точно так же чрезвычайно сложно было провести границу между кочевьями монгольских племён и кочевьями «братских людей». Более того, в XVII в. среди забайкальских монголоязычных племён вряд ли можно было выделить однозначно бурятские и монгольские племена. По всей видимости, территория Забай-

[414] История Бурятии. Т.Т. I–III. Улан-Удэ: 2011.

[415] Базаров Б.В. Исторический опыт взаимодействия народов и цивилизаций XVII–XX вв.: к 350-летию присоединения Бурятии к России // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук 2012. № 2. С. 14, 19.

[416] Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: 2003. С. 240–241.

калья вплоть до прихода русских находилась в полном владении халхаских ханов. Не случайно в отписках русских казаков она именовалась «мунгальской землей». Различия в языке и культуре в силу относительной географической изоляции более ярко проявляются в Предбайкалье[417]. С приходом в регион первых отрядов русских служилых людей ситуация изменяется радикальным образом: вскоре бурятские племена были выделены из сферы влияния монгольского кочевого мира.

В связи с интенсивным продвижением на восток у Российского государства появляется новая задача – закрепление восточных рубежей, что в первую очередь подразумевало разграничение границ с сопредельными государствами. Продвижение русских по «ничейной» земле заканчивается в середине XVII в., когда отряды казаков подходят к китайским владениям на Амуре.

Несколько иная ситуация сложилась на границах монгольских кочевий. Монголия находилась под властью Китайской империи, монгольские племена в силу кочевого образа жизни и, соответственно, высокой мобильности находились на особом положении, обозначая своего рода западный фронтир Китая. В силу того обстоятельства, что какой-либо даже примерно определенной границы между Российским государством и Китаем вплоть до 1689 г. не существовало, в середине XVII в. на смежных территориях кочевники часто облагались двойной данью: монгольскими феодалами и русскими служилыми людьми. Связано это было с тем, что в поисках пастбищ или спасаясь от притеснений, кочевники могли совершать переходы за сотни километров. Надо отметить, что и впоследствии, после закрепления границы, для кочевников не составляло труда уйти при необходимости в монгольские степи, равно как и многие монгольские племена при необходимости перекочёвывали на территории, которые к тому времени уже облагались ясаком русской воеводской администрацией.

Забайкалье, исторически являвшееся периферией монгольского кочевого мира, на протяжении XVII в. довольно часто подвергалось нападениям монгольских феодалов, которые нередко организовывали походы и в Предбайкалье[418]. В 1668 г. отряды монгольского тайши Сейгуна напали на районы, примыкавшие к Ба-

[417] История Бурятии. Т. II. Улан-Удэ: 2011. С. 15.
[418] Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ: 1958.

лаганскому, Идинскому и даже Братскому острогам. В 1674 г. другой монгольский тайша Гыган вторгся в бурятские земли, угрожая Иркутскому острогу. Это нашествие было отражено совместными усилиями русских служилых людей и ангарских бурят[419]. Кроме крупных вторжений имели место и довольно частые мелкие набеги. И буряты, и эвенки, и русские в этот период должны были всерьез опасаться нападений из монгольских степей. Именно этим и объясняется то обстоятельство, что народы Юго-Восточной Сибири относительно бесконфликтно приняли русское подданство.

Сеть острогов, сложившаяся в XVII в., связала воедино огромную, плохо ещё освоенную территорию Юго-Восточной Сибири. Как пишет Ф. Бродель: «В целом это было баснословное пространство, завоеванное поначалу в несколько стихийных продвижений, вследствие индивидуальных предприятий – процесса, не зависящего от официальной воли и планов: пожелания и планы появятся позднее»[420]. Несомненно, что это гигантское по масштабам пространство было присоединено не в результате планомерной и выверенной внешней политики правителей Российского государства, но имело в своей основе стихийное продвижение, которое, как правило, совпадая с общегосударственным интересом, получало в дальнейшем официальное признание и оформление. Этот процесс менее всего зависел от официальной воли и государственных планов, наличие которых тем не менее полностью отрицать не следует. Одним словом, естественный процесс продвижения русских на восток подкреплялся стремлением Российского государства установить государственный контроль на присоединённых территориях.

В Прибайкалье первые остроги появляются с 30-х гг. XVII в. В 1631 г. был возведен Братский острог, в 1641 г. – Верхоленский, 1654 г. – Балаганский, в 1661 г. – Иркутский, в 1666 г. были построены Селенгинский острог и Удинское зимовье (в 1689 г. преобразованное в острог) и несколько других. А в 1657 г. в верхнем течении реки Амур был основан острог Албазин, за которым начинались земли Цинской династии.

В целом, к концу 80-х гг. XVII в. русские достигли рубежей Китая. Возникла насущная необходимость определения границ

[419] История БМАССР. Т. 1 / под ред. А.П. Окладникова. Улан-Удэ: 1951. С. 96.

[420] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М.: 2007. С. 496.

между двумя крупными державами, было необходимо разрешить вопросы о торговых и дипломатических отношениях. Для этого московское правительство организовало специальное русское посольство во главе с окольничим Фёдором Головиным. Происходило это на фоне очередного вторжения монгольских феодалов во главе с Очирой-ханом в Забайкалье, которые в 1687 г. осадили Селенгинск и продвигались к Верхнеудинску. Кроме того, в Забайкалье находились крупные отряды табангутских тайшей, против которых выступили русские казаки, бурятские и эвенкийские конники. Под командованием русского посла Ф. Головина монгольские отряды были изгнаны из Забайкалья, а табангутские тайши заключили договор о переходе в русское подданство. После этого в результате длительных переговоров с китайскими посланниками 25 августа 1689 г. был заключен Нерчинский договор, определивший восточную границу России с Китаем. Граница была проведена на левом берегу Амура по реке Горбице, впадающей в Шилку, и Становому хребту, на правом берегу реки Аргуни. Были также определены правила торговли для подданных обоих государств по проезжим грамотам[421]. Дальнейшее русское продвижение на восток в этом регионе было остановлено. Как пишет Ф. Бродель: «Китай под управлением маньчжур проявил себя миром политически могущественным, агрессивным и склонным к завоеваниям. Нерчинский договор 1689 г. в действительности означал блокирование русской экспансии в бассейне Амура»[422].

Во внутриполитическом плане главным итогом Нерчинского договора стало окончательное закрепление Забайкалья за Россией. Вопрос о границе ещё не был решён в полной мере и потребовал в дальнейшем нескольких корректировок, не повлекших, впрочем, значительных территориальных изменений на забайкальском участке границы. Буряты, эвенки и некоторые монгольские роды, кочевавшие в Забайкалье, были признаны подданными русского царя. Можно констатировать, что здесь, на стыке двух могущественных держав и двух культур, обладавших огромным ассимиляционным потенциалом, произошёл раздел в центральноазиатском кочевом мире: часть её, степи и лесостепи Прибай-

[421] История БМАССР. Т. 1 / под ред. Окладникова А.П. Улан-Удэ: 1951. С. 96–101.

[422] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс, 2007. С. 501.

калья, вошли в лоно русского мира-империи, русского мира-экономики. Этот раздел породил качественно иные процессы национального и культурного развития сибирских народов, обусловив их уникальный путь исторического развития в новом культурном и социально-экономическом окружении.

Наряду с вопросами внешнеполитического характера Федором Головиным были рассмотрены и вопросы, касавшиеся обложения ясаком инородцев, кочевавших на территориях, закреплённых по Нерчинскому договору за Россией. Договоры окольничего Федора Головина, заключенные в 1689 г. с монгольскими тайшами и табангутскими сайтами, кочевавшими в Забайкалье в конце XVII и в начале XVIII вв., считались руководящими нормативно-правовыми актами. В исторической литературе их называют первыми нормативно-правовыми договорами, регламентировавшими основы взаимоотношений русской администрации с народами Юго-Восточной Сибири. С некоторыми изменениями основные положения этих актов были распространены на управление всеми группами бурятского и эвенкийского населения. Акты были посвящены прежде всего порядку сбора ясака и общим обязанностям новых подданных: за исключением некоторых пунктов, устанавливавших порядок взаимоотношений между администрацией и родами, почти во всех остальных сферах жизни сибирские народы пока были предоставлены самим себе. Договор, заключенный 15 января 1689 г., гласил:

1) «быть им, тайшам, в вечном подданстве и служить им, великим государям, со всякой верностью и с войсками их царского величества самим ходить и своих улусных людей посылать, как о том повеление будет великих государей;

2) к подданным их царского величества, которые будут кочевать близ их кочевных людей, обид и налог отнюдь никаких не чинити и конных табунов и никакого рогатого скота не отгонять, и о том в улусах своих учинить заказ крепкий;

3) в православную христианскую веру улусных их людей, также и самих тайшей и зайсанов не велено ни крестить и не принуждать, и улусных их людей у них тайшей в ясачный платёж не отнимать;

4) прежних своих владельцев ни в чём не слушать и никаких сношений с ними не иметь;

5) призывать под самодержавную великих государей руку иных мунгальских владельцев и милостию великих государей обнадеживать»[423]. Кроме этого, тайши обязывались с пяти хошунов ежегодно платить 50 лошадей, 50 быков и 50 баранов.

Таким образом, согласно этому договору монгольские тайши и табангутские сайты, подписавшие его, признавались подданными русского царя. Второй пункт документа наглядно демонстрирует, что монгольские и табангутские роды, в это время кочевавшие в Забайкалье, четко противопоставляются другим кочевым племенам (бурятам и эвенкам), которых в этом договоре уже бесспорно относят к подданным русского государя. Более того, принимая в подданство монголов и табангутов, Ф. Головин учитывает интересы других прибайкальских племен: «братских людей» и «тунгусов». В договоре четко были очерчены права новых подданных, причём специально оговаривалось исключительное право царских воевод на сбор дани с бурятских и эвенкийских родов, кочевавших в Забайкалье: Российское государство определяло свою прерогативу на фискальные сборы. Монгольские тайши, ранее неоднократно организовывавшие грабительские походы в бурятские кочевья, теперь уравнивались в статусе с бурятскими родоначальниками.

Тайши и сайты, в свою очередь, давали клятву верности русскому царю и обещали быть «их царского величества под самодержавною высокой рукою в подданстве и вечном холопстве и служить им великим государям… и никакого злого умысла на них великих государей не мыслить, и их царского пресветлого величества русским людям и подданным ясачным иноземцам никаких обид и налог не чинить… а наступающих неприятельских, каких ни есть народов с людьми великих государей им сайтам с шуленги и с детьми своими ходить и не щадя головы своей биться верно и до смерти». Кроме этого, они обязывались «…Китайского и Мунгальского ханов у Геген Хутукты и у прежних их владельцев быть не желать и ни в каких злых умыслах им Табангутским сайтам с ними не пересылаться и для воинских поведении Китайских и Мунгальских и иных не мирных иноземцев в сторону царского пресветлого величества на украиные грады на Селенгу и под Удинск и под Нерчинские остроги и под заимки с ратьми

[423] ПСЗРИ-I. № 1329. Т. 3. СПб.: 1830. С. 3–7.

не позывать и самим не ходить». В конечном итоге, родоначальники обязывались «в казну великих государей с себя ясак давать поголовный по вся года добрыми соболями, рысьми и лисицами добрыми, и никаких оговорок о ясаке не чинить»[424].

Кроме общих положений о статусе вновь принятых в русское подданство родов, в договоре была сделана попытка решить некоторые моменты внутриродового управления. Касалось это прежде всего судопроизводства, что выглядело вполне естественно: государство вслед за установлением фискальной прерогативы пыталось регламентировать и некоторые вопросы, касающиеся порядка наказания за преступления. Разумеется, что в этот период подобные инструкции имели общий рекомендательный характер в силу отсутствия (пока ещё) органов надзора и государственных рычагов воздействия, но тем не менее в договоре устанавливались наказания за определённые преступления. Наряду с естественной попыткой установить санкции за посягательства на представителей царской администрации предусматривались наказания и за преступления, совершаемые как внутри родов, так и на территории соседних родов. Так, за «учинение бесчестия посланцу великого государя» был предусмотрен штраф: пять верблюдов, десять лошадей, десять быков и двадцать баранов. За убийство (любое) предусматривалась смертная казнь. Особенно суровое наказание предполагалось тайшам за нарушение присяги и попытки «из-под самодержавныя их великих государей руки отойти». Наказание «изменника» возлагалось на прочих тайшей, которым предоставлялось право разграбить их улусы, отнять жену и детей, а самих изменников предписывалось передать в «украйные города» в руки воевод[425].

Таким образом, в договоре о принятии «вечного подданства» монгольскими тайшами и табангутскими сайтами были означены основные моменты взаимоотношений царской администрации с коренным населением Прибайкалья. Несомненно, что в силу пограничного положения кочевий тех племён, с которыми был заключен договор, данный документ имеет свою специфику и направлен на более плотное закрепление «иноземцев» в русском

[424] ПСЗРИ-I. № 1336. Т. 3. СПб.: 1830. С. 15–17.

[425] Договор, заключенный мунгальскими тайшами с российским послом на Китайской границе о вечном оных тайшей подданстве российскому престолу // ПСЗРИ-1. № 1329. 15 января 1689 г. Т. 3. СПб.: 1830. С. 3–6.

подданстве и защиту как приграничных городов, так и бурятских и эвенкийских племен, ранее принявших подданство русского царя.

При анализе данного документа, несомненно, следует обратить внимание и на термины, которыми обозначали представителей аборигенного населения. Более обобщающий термин – «иноземцы». Так, в договоре «иноземцев» делят на две категории: «ясачные иноземцы» (принявшие русские подданство плательщики ясака) и «неясачные иноземцы». Кроме того, дифференцируя внутриродовой статус, авторы текста договора выделяют отдельно тайшей, зайсанов и сайтов (родовую верхушку), остальных же относят к категории «улусные люди»[426]. Интересно, что всю ответственность по договору несли родоначальники, вплоть до того, что отвечали за действия своих родовичей. Этот договор, изначально имевший локальное применение, на протяжении долгого времени оставался одним из руководящих в сфере взаимоотношений царской администрации с народами Юго-Восточной Сибири. Многие его положения впоследствии были расширены и применялись вплоть до начала XIX в.

Основные задачи, стоявшие перед царской администрацией в то время, были решены: не вмешиваясь во внутренние дела сибирских племён и родов, администрация упорядочивает сбор ясака и пытается обеспечить безопасность на новой границе, всё плотнее закрепляя осваиваемые территории. Уже в 1693 г. был издан специальный наказ таможенным головам о сборе пошлин в сибирских городах с русских, сибирских, китайских и бухарских товаров[427]. Были разосланы наказы сибирским воеводам, в которых чётко регламентировался порядок сбора ясака. Такой подход вполне отвечал задачам Российского государства, на первом месте стояли фискальные интересы: ценой «мягкой рухляди» сибирские народы получали право на относительно безопасную жизнь с минимальным вмешательством в привычный уклад, который, однако, вскоре будет подвергнут мощному влиянию со стороны русского населения.

[426] Договор, заключенный мунгальскими тайшами с российским послом на Китайской границе о вечном оных тайшей подданстве российскому престолу // ПСЗРИ-1. № 1329. 15 января 1689 г. Т. 3. СПб.: 1830. С. 3–6.

[427] ПСЗРИ-I. № 1474. Т. 3. СПб.: 1830. С. 160–167.

Для жителей лесостепной и степной зон Прибайкалья, занимающихся преимущественно скотоводческим хозяйством, охота имела сезонный характер. По этой причине выплата ясака пушниной была для них весьма затруднительна. Хорошо понимая это, уже в середине XVII в. якутский воевода велел управителю Верхоленского острога брать ясак с «братских» людей тем зверем, какой есть, а в 1703 г. из Сибирского приказа последовал указ, разрешавший при уплате ясака заменить пушнину скотом. Примеры подобной практики можно наблюдать и в первой половине XVIII в.[428]. Однако предпочтение всё же отдавалось пушнине, которая в то время являлась одной из важнейших статей доходов казны. Надо особо отметить, что государство ревностно защищало свое исключительное право на сбор пушнины, даже скупка пушнины купцами напрямую у аборигенов ограничивалась. Так, например, в Сибирский приказ было дано особое распоряжение о запрете провоза табака в сибирские улусы «для мены на соболи и всякую рухлядь» под страхом смертной казни[429].

Патерналистская политика государства по отношению к сибирским народам в научной литературе объясняется заинтересованностью царской администрации в «мягкой рухляди» – пушнине, которой выплачивали ясак сибирские народы. Однако подобное объяснение вряд ли можно признать исчерпывающим, скорее всего, оно является лишь одним из факторов, от которых зависело формирование политики государства в этой сфере. Объяснение этой уникальной в мировой практике модели взаимоотношений, на взгляд авторов, кроется в особенностях исторического развития русского государства и его географического положения. Будучи государством, которое явилось своеобразным буфером между Европой и Азией, Российское государство явило собой уникальный процесс межкультурного взаимодействия: племена и народы Азии, принятые в лоно русской государственности, никогда не выносились за рамки принятых общечеловеческих ценностей и, занимая конечно же особую нишу в государственной структуре, имели возможность сохранить своё хозяйство и культуру.

[428] Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. Иркутск: 1983. С. 33–39; Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири XIX – начала XX века. Иркутск: 1986. С. 31–32.

[429] ПСЗРИ-I. № 1590. Т. 3. СПб.: 1830. С. 329.

Яркий пример реализации патерналистской политики в отношении «иноверцев» являют собой «наказы воеводам» конца XVII – начала XVIII вв. Так, в Наказе Тобольскому воеводе боярину Черкасскому от имени царя Петра Алексеевича 1697 г. велелось «сказать сибирским тобольским татарам и бухарцам, а из волостей ясачным лучшим людям великого царя и великого князя Петра Алексеевича жалованное слово, что царское величество их пожаловал, велел их держать во всяком их Царском милостивом призрении и ото всяких людей велел их оберегать, чтоб им никаких обид и продажи и убытков и налогов и разорения ни от кого не было, а они б Тобольские татаровя и бухарцы и уездные ясачные люди в их Царском жалованье во всем покое и в тишине безо всякого сумнения и промыслы всякими промышляли по прежнему». В свою очередь, «иноверцам» давался «крепкий заказ», чтобы они царю «служили и прямили и добра во всё хотели» и, разумеется, исправно платили ясак. Вполне естественно, что порядку сбора и учёта ясака в документе уделено первостепенное внимание: весь процесс был чётко регламентирован (по крайней мере законодательно). В этом же наказе строго запрещалось насильственное крещение, а в случае принятия православия добровольно предписывалось принять на службу и наделить жалованьем. Интересно, что в случае, когда крещение принимали женщины, их предписывалось выдавать замуж за русских служилых людей[430]. В целом, документы подобного рода содержали полный перечень инструкций и указаний, которые строго регламентировали все стороны деятельности царской администрации в Сибири.

Подобные же указания содержатся и в наказных статьях другим сибирским воеводам. Например, в наказных статьях Нерчинскому воеводе было велено улусных людей «от всяких людей оберегать, чтоб им насильства продаж и разорения ни от кого не было» и «ласку и привет к ним держать». Тех же служилых людей, которые нарушат указания царя и совершат преступления в отношении инородцев, предписывалось «чинить им наказания, смотря по их винам по Уложению и новоуказным статьям, кто

[430] Наказ ближнему боярину князю Черкасскому, назначенному в Тобольск воеводой. Об управлении казенными земскими и военными делами // ПСЗРИ-I. № 1594. 1 сентября 1697 г. Т. 3. СПб.: 1830. С. 335–375.

какого наказания достоин»[431] – то есть по общегосударственному законодательству. Это на первый взгляд заурядное положение, однако оно свидетельствует о том, что сибирские народы, принявшие русское подданство, в законодательстве были защищены от личных посягательств и произвола служилых людей фактически наравне с прочими подданными государства. Особенностью наказных статей Нерчинскому воеводе является акцент на укреплении российско-китайской границы.

Одним из важных проявлений патерналистской политики государства в отношении народов Сибири стала защита «иноверческих» земель от занятия последних русскими крестьянами-переселенцами.

Вполне естественно, что вдали от центра, в условиях отсутствия какого бы то ни было контроля, воеводы часто злоупотребляли своим положением. Казнокрадство, самоуправство, доходящее до бесчинства, характеризовали сибирское воеводство начала XVIII в. не с лучшей стороны. Так, в 1698 г., в Аргунском остроге ехавший в Китай сын боярский Шестаков ограбил данного ему в проводники тунгуса и пытался сжечь его живьем, после чего весь род тунгусов укочевал из-под острога. Подобные же бесчинства он творил и в Иркутском уезде не только в отношении «иноверцев», но и в отношении казаков, которые, не стерпев его «озорничества», убили Шестакова[432].

Подобные притеснения в отношении аборигенов имели место довольно часто, порой ясак взимался несколько раз за один год. Более того, сибирские воеводы, выясняя отношения с другими воеводами, вступали в вооруженные конфликты. Ответом на подобные злоупотребления были попытки наказать тех воевод, о деяниях которых становилось известно в Москве. Однако эти меры не могли изменить ситуацию. Законодательно предусматривалось суровое наказание, в целях защиты же «иноверцев» был издан специальный указ, в котором отмечались преступления прежних воевод, из-за действий которых «многие ясачные люди отошли в подданство в Китайское государство, а иные от того сами себя разными случая-

[431] Наказные статьи нерчинским воеводам. Об управлении земскими и военными делами // ПСЗРИ-I. № 1542. 18 февраля 1696 г. Т. 3. СПб.: 1830. С. 235–254.

[432] Особенный наказ отправленному в Нерчинск воеводой стольнику Бибикову. Об управлении казенными и военными делами // ПСЗРИ-I. № 1835. 1 февраля 1701 г. Т. 4. СПб.: 1830. С. 140–149.

ми побивали и в Якутском ясачные иноземцы за свои нестерпимые налоги и разорения и грабеж ясачных сборщиков и служилых людей на дорогах побивают до смерти». За нарушение предписаний воеводам гарантировалась «казнь смертью»[433].

§3. Потестарные институты власти народов Сибири и их эволюция в административную систему Российской империи в XVIII в.

Имперский механизм законодательства в России стал складываться со времени реформ Петра Великого. В сквозную систему преобразований возникавшей империи вполне вписывалась губернская реформа, призванная в первую очередь способствовать усилению местной власти. Узаконения 30-х гг. XVIII в. дали территориям России, в том числе и Сибири, единообразное устройство, что вполне вписывалось в концепцию тотального государства, созданного Петром. Господство полицейского государства приобрело всеобщий характер, и невозможно представить какую-либо категорию населения империи, жизнь которой не подверглась бы жесткой регламентации. Не являлась исключением и Сибирь.

Первые попытки проникновения русских «за камень» носили откровенно меркантильный характер. Этими же соображениями правительство руководствовалось при выстраивании взаимоотношений с аборигенами края, основную задачу которых московские цари видели в уплате ясака натурой. Именно финансовые соображения определяли позиции центральной власти в вопросах землепользования аборигенов. Вот почему первые правительственные указы требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли...

Однако интересы российского государства определялись не только чисто экономическими, но и политическими соображениями, связанными прежде всего с потребностями укрепления позиций российской государственности на востоке. В этом смыс-

[433] Именной указ Сибирскому приказу «О нечинении казней и пыток сибирским ясачным инородцам ни по каким делам без доклада государям, об охранении их от обид и налогов, и притеснений, о посылке приказчиков для ясачного сбора людей добрых по выбору градскому, и о наблюдении, чтобы они ясачных людей не грабили, запрещенными товарами не торговали, и вина не курили и не продавали» // ПСЗРИ-I. № 1526. 26 декабря 1695 г. Т. 3. СПб.: 1830. С. 213–215.

ле Прибайкалью и Забайкалью принадлежала особенная роль. Периферийный и практически никем не обжитый колоссальный регион оказался на перекрестке стратегических интересов России и государств Центральной Азии. В решении стратегической задачи закрепления Сибири за российским государством московские, а затем и петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль.

В русской экспансии в Сибирь, в отличие от европейских стран – Англии, Франции, Голландии, Испании, – аборигенный, демографический и территориальный факторы играли совершенно иную роль. Они не создавали у русского сибиряка состояние психологически-национального одиночества и дискомфорта. Именно поэтому в Сибири русская и аборигенная цивилизации не просто существовали и развивались параллельно, как, скажем, европейцы и индейцы на Атлантическом побережье США, а как бы проникали, входили друг в друга. В Сибири русский человек отнюдь не ощущал себя за рубежом или за границей и домой в «Расею» вовсе не стремился, а Уральские горы, в отличие от Атлантического океана, не были пограничным рубежом и не создавали у русских сибиряков чувство оторванности от исторической родины. Именно эти особенности русской колонизации Сибири и определяли механизм разработки законодательства о коренных народах, что отчетливо прослеживается на протяжении XVIII–XIX вв. Несмотря на имевшие место изменения, на протяжении всего рассматриваемого периода стержневой линией правительственного законодательства является стремление глубже вовлечь народы Сибири в систему общероссийских административных, хозяйственных и иных связей.

В то же время власти отчетливо сознавали абсурдность идеи полного подчинения аборигенов действию общероссийского законодательства. Независимо от способа и формы вхождения нерусских народов в состав российской империи, каждый из этих народов принес в новое для него государство свой менталитет, культуру, вероисповедание, сложившиеся формы судопроизводства и местного самоуправления. Бездумный мгновенный слом этого «юридического быта» народов и народностей не отвечал ни геополитическим, ни внутриполитическим интересам российского государства. Более того, он мог вызвать нежелательные по-

литические осложнения во вновь присоединенном крае. К этому фактору всегда могли добавиться и нежелательные внешнеполитические обстоятельства, связанные с соперничеством держав в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Важно отметить еще одно обстоятельство. Если на западных национальных окраинах империи (Польша, Финляндия) создаваемая правовая система могла в известной степени опереться на европейские источники права, то на восточных окраинах государства правовая система регуляции народов, находившихся на стадии родового строя, должна была быть иной. Именно поэтому империя на первых порах не только не ломала существующую у народов Сибири систему местного управления и самоуправления (потестарные институты власти), но и стремилась интегрировать ее в создававшийся на окраинах механизм государственно-правовой власти. Таким образом, законодательный механизм империи как бы впитывал в себя те законодательные системы, которые приносили с собой новые народы.

Патерналистские тенденции приобретали самые разнообразные формы при реализации на местах, тем не менее, важно подчеркнуть, что российское государство изначально приняло сибирские народы как новых подданных, достойных защиты и имеющих право на сохранение своих земель и обычаев. Сочетание этих двух тенденций имперской политики породило первые зачатки будущей модели административного устройства и управления аборигенами в виде указов графа С.Л. Владиславича-Рагузинского пограничным дозорщикам Фирсову и Михалеву от 22 июля 1728 г. и сенатской инструкции, данной за «высочайшим подписанием», лейб-гвардии семеновского полка секунд-майору Щербачеву в 1763 г.

XVIII в. для России ознаменовался периодом бурного развития и активной внешнеполитической деятельности: изменилось само государство, изменилась его роль на международной арене. Петровская модернизация, затронувшая практически все стороны жизни российского общества, не могла не коснуться и вопросов административного устройства государства: старая феодальная модель создавала широкое поле для злоупотреблений и имела очень аморфный характер. Захватив огромные территории, русское государство стремилось закрепить их в самой системе

государственной власти и неизбежно должно было приступить к их дальнейшему освоению. В 1721 г. была провозглашена Российская империя, и это событие ознаменовало новый этап в истории России, выдвинув её в качестве одной из сильнейших держав того времени.

Как признает большинство исследователей, Нерчинский договор, на самом деле сыгравший важную роль в российско-китайских отношениях, изначально предполагал более подробную регламентацию пограничного режима и упорядочения торговых и иных отношений. Кроме того, незамедлительного решения требовали ухудшившиеся отношения с Китаем (в 1722 г. русские купцы были выдворены из Пекина)[434]. В связи с этим в 1725 г. в Китай было направлено посольство во главе с Саввой Владиславичем-Рагузинским. Посольство успешно решило возложенную на него задачу, и в результате двойного Кяхтинского договора (20 августа и 21 октября 1727 г.) стороны определили границу между государствами и установили порядок торговых отношений. Ф. Бродель справедливо оценивает этот договор как попытку отбросить русских купцов за пределы Монголии: помимо прочих в договор был включен пункт о создании на самой границе русско-китайской ярмарки и ограничении въезда караванов русских купцов в Китай[435].

Наряду с сугубо внешнеполитическими решениями особое значение имел Буринский трактат, заключенный 20 августа 1727 г.[436] По трактату (который, по сути, закрепил подобные же положения Нерчинского договора) все племена, кочевавшие вдоль границы, признавались подданными того государства, на территории которого они находились на момент заключения договора[437].

В приложении к трактату графом С.Л. Владиславичем-Рагузинским была издана особая инструкция, известная как «Инструкция пограничным дозорщикам». В инструкции Посольской канцелярии графа С.Л. Владиславича-Рагузинского погранично-

[434] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М.: 2007. С. 500.
[435] Там же. С. 501.
[436] Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. С конца XVI в. до 1917 г. М.: 1973. С. 37.
[437] История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. М.: 1995. С. 110.

му дозорщику Григорию Фирсову и толмачу Ст. Кобею от 27 июня 1728 г. устанавливались основные положения по управлению пограничным населением (бурятские, эвенкийские и монгольские племена; к их числу следует отнести также и немногочисленные тюркоязычные племена, такие как сойоты). В «Инструкции» содержались следующие пункты:

1) малые дела: споры о калыме, воровстве, драки подлежали суду родоначальников; менее значительные тяжбы разрешались в каждом роде его родовыми начальниками, а для более сложных дел составлялся суд из начальников трёх соседних родов (по два от каждого рода). Конкретно было сказано: «В калыме малые споры, в воровстве скота, побоях и прочее (кроме криминальных дел и смертного убийства) могут они верноподданные судиться своими начальниками и разводить таковые ссоры посредственно, дабы к тяжбе и волоките не допускать, а когда дело малое судить бы каждого рода начальнику, а когда побольше, то выбирать из трёх родов по два начальника и в чём оные осудят, на том и стоять, дабы земские комиссары по уездам и острогам за малые причины не грабили и не разоряли, а некоторые дела суть важные криминальные, те предаются суду земских комиссаров»[438].

2) ясак собирался натурой или деньгами по его действительной стоимости; сбор производился через бурятских начальников;

3) каждый «иноверец» был обязан числиться в каком-нибудь роду под ведением своих начальников и подчиняться им; «перебежка» из одного рода в другой запрещалась: бежавших возвращали в те роды, к которым они были приписаны.

Впоследствии специальным указом коллегии иностранных дел в Иркутскую губернию было выслано дополнение к инструкции графа Рагузинского. В ней особо отмечались принципы, на которых должны были основываться взаимоотношения местной администрации и «иноверцев»: «Указами государственной коллегии иностранных дел от 8 ноября 1729 года иркутской губернии заказать земским комиссарам и пограничным комендантам ясашных подданных притеснять, грабить и прочее оным разорение не чинить и велеть их судить в гражданских судах только в криминальных делах, а в прочих ссорах дать им позволение суды отправлять между собой по родам, как в наставлении помянутого Саввы Вла-

[438] ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 31.

диславича-Рагузинского написания, чтобы иначе тех иноверцев не озлоблять и за границу не отгонять»[439].

Интересна эволюция терминов, которыми обозначаются в документах сибирские народы: если в договоре 1689 г. используется термин «иноземцы», то уже в Инструкции графа С.Л. Владиславича-Рагузинского используется термин «иноверцы». Отсюда можно сделать вывод о том, что в конце XVII в. земли Юго-Восточной Сибири воспринимаются ещё как «чужие», «иные», соответственно, и население этих земель чуждое, «иноземное». В конце первой четверти XVIII в., когда всё Прибайкалье плотно было закреплено в составе Российского государства, на первое место выходит качественно иной признак, который должен был отражать отличие этой особой категории подданных – «иноверцы». Этот термин, за редким исключением, использовался вплоть до введения в действие «Устава об управлении инородцев» 1822 г., в котором все народы Сибири были закреплены юридически на правах особого сословия «сибирские инородцы». Этот термин использовался вплоть до 1917 г.

После заключения Буринского трактата 1727 г. с Китаем царское правительство награждает бурятских начальников званием тайшей, зайсанов, освобождает их от ясачного платежа. Кроме того, начинают награждать бурятских родоначальников по Табели о рангах званиями титулярных советников, коллежских асессоров, надворных советников. Так, в 1729 г. зайсан Галзутского рода Шодой получил патент на звание тайши по представлению графа С.Л. Владиславича-Рагузинского. Предписывалось губернаторам, воеводам, чиновникам и другим Шодоя «тем чином писать, признавать и почитать». Шодой со своими детьми и братьями освобождался от уплаты ясака и получал ежегодно 20 руб. жалованья. Хоринцам 11 родов предписывалось, чтобы они Шодою в делах и отправлениях были все по своей присяжной должности послушны[440]. Через родовую верхушку царская администрация организовывала управление всем «иноверческим» населением.

Практика взаимодействия с представителями родовой верхушки была оптимальным способом управления «иноверцами». Так, еще в 1685 г. эвенкийский родоначальник Гантимур, глава 15 эвенкийских родов, прикочевавших в Забайкалье из Маньчжу-

[439] ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 31.
[440] История БМАССР. Т. 1 / под ред. Окладникова А.П. Улан-Удэ: 1951. С. 248.

рии, и принявший русское подданство, посетил Москву, где был вместе со своим сыном утвержден в княжеском звании и причислен к дворянам «Московского списка»[441]. Им были дарованы земли в наследственное владение и право наследственной власти внутри подведомственных им родов.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, необходимо отметить тот факт, что согласно этим нормативно-правовым актам «иноверцам» изначально гарантировалось минимальное вмешательство во внутренние дела. Как уже отмечалось, царская администрация, преследуя фискальные и экономические интересы, стремилась удержать новых подданных в границах Российской империи. Кроме того, в условиях незначительного освоения этих территорий и отсутствия развитого административного аппарата прямое управление иноверческим населением Восточной Сибири в это время было невозможно. Административная практика выстраивала в Сибири определённую модель взаимоотношений, оставляя законодателю лишь констатацию и упорядочение уже сформировавшихся норм.

Во второй четверти XVIII в. подобная модель взаимоотношений с народами Сибири сохранялась практически неизменной, обогащаясь практикой, не получавшей пока законодательного оформления. «Иноверцы», упоминаемые в документах, фактически не обладали каким бы то ни было определённым юридическим статусом, и в их отношении никаких значительных мер не принималось. Царское правительство в отношении к ним исходило из позиции патернализма, на местах же жизнь создавала уникальную и тонкую систему взаимоотношений.

Лишь в годы правления императрицы Екатерины II предпринимаются попытки упорядочить управление и сбор ясака. Документом, который вплоть до 1822 г. использовался наряду с «Инструкцией пограничным дозорщикам», является инструкция Сената, данная за «высочайшим подписанием» лейб-гвардии Семёновского полка секунд-майору Щербачеву, командированному в 1763 г. в Сибирь для урегулирования ясачного сбора. Документ этот характеризует суд и управление «иноверцев» Восточной Сибири во второй половине XVIII в.

[441] История Бурят-Монгольской АССР. В 2 т. / под ред. П.Т. Хаптаева. Т. 1. Улан-Удэ: 1954. С. 155.

По этому поводу Екатериной II был также издан манифест, в котором говорилось следующее: «Монаршим нашим словом обнадёживаем, что не только все подвластные подданные наши ясачные, равным образом и впредь в империю нашу и в подданство приходящие, содержаны будут в желаемом спокойствии, почему мы все нашим верноподданным повелеваем с оными ясачными обходиться ласково, показывая им всякое доброхотство и не чиня им не только каких-либо притеснений, обид, грабительств, но ни малейших убытков. Если же кто за сим нашим монаршим повелением дерзнёт чинить ясачным народам нашим грабительства и разорения, а от ясачных в учреждённых от нас правительствах принесены будут нам на кого во взятках и в прочем тому подобные жалобы, то повелеваем наистрожайше следовать и с винными поступать по законам, а обидимых по справедливости защищать без промедления малейшего времени, о чём сей наш манифест по всей Сибирской губернии публиковать во всенародное известие»[442].

Эти положения и легли в основу инструкции Щербачеву. Основные положения инструкции Щербачеву соответствовали инструкции С.Л. Владиславича-Рагузинского. «Ближайшее управление по улусам и стойбищам вверялось родоначальникам «иноверцев», им же предоставлялась «расправа в делах тяжебных и маловажноуголовных». Наряду с этим комиссия впервые провела перепись «ясачных иноземцев», обложила их новой податью. Комиссия Щербачева внесла и принципиальное новшество в систему сбора ясака, разрешив туземцам платить ясачную подать пушниной или эквивалентно деньгами. Это нормативное нововведение отражало наметившийся процесс коммутации ясака, который во второй половине XIX в. приобрел необратимый характер. Тогда Екатерина указала на различие финансовых интересов казны и императорского Кабинета в Сибири. До 1763 г. пушнина поступала в Сибирский приказ, а оттуда лучшие сорта пушнины пересылались в Кабинет. Однако в связи с упразднением Сибирского приказа собираемая в качестве ясака пушнина стала поступать непосредственно в Кабинет. В 1782 г. последовал именной указ императрицы «Об оставлении собираемой в Сиби-

[442] Ядринцев Н.М. Сочинения. Т. 1. Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Её нужды и потребности. Её прошлое и будущее. Тюмень: 2000. С. 116.

ри мягкой рухляди и всего ясачного сбора с 1763 г. в ведомстве Кабинета по-прежнему». Так юридически было оформлено право собственности императорского Кабинета на сибирский ясак.

Как заметил уже в начале XX в. А.И. Термен: «Приказы Петра I и Екатерины II предписывали справедливость и непричинение обид, бурятам представлялась возможность жить по-своему, и с них требовалась лишь уплата ясака. Они являлись как бы дикими пчёлами, которые должны доставлять известное количество мёда: об их культуре сначала не заботились»[443]. Действительно, у имперской администрации в Сибири в XVIII в. на первом месте стояли сугубо фискальные интересы, которые влекли за собой попытки упорядочения процессов учёта населения и налогообложения.

[443] Термен А.И. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области. СПб.: 1912. С. 25.

Глава III. Имперское законодательство в отношении инородцев Сибири в XIX – начале XX вв.

§1. Законодательство Российской империи и инородцы Сибири (1822 – середина 1890-х гг.)

В силу сложности и вариативности истории Российской империи ее изучение требует регионального измерения. Россия как империя постоянно расширялась, включая в свое государственное пространство все новые территории и народы, различные по многим социально-экономическим и социокультурным параметрам. За решением первоначальных военно-политических задач имперской политики неизбежно следовали задачи административного обустройства и последовательной интеграции региона в имперское пространство[444], которые нашли свое отражение в законодательной политике Российского государства в отношении регионов, в частности инородцев Сибири.

Сибирь, как и все остальные губернии и области Российской империи, подчинялась законам, принятым царским правительством. Важное значение для раскрытия сущности политики Российского государства в отношении сибирских инородцев, уяснения их правового положения имеют нормативные акты царского правительства, которые отличались многообразием: уложения, уставы, учреждения, грамоты, положения, наказы (инструкции), манифесты, указы, мнения государственного совета и доклады, удостоенные высочайшего утверждения.

Наиболее полно нормативные акты в отношении инородцев Сибири с XVII по начало XX в. отложились в «Полном собрании законов Российской империи» (ПСЗРИ), где они сгруппированы в

[444] Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. С. 9.

следующие разновидности: 1) уложения, уставы, учреждения, наказы; 2) жалованные грамоты; 3) манифесты и указы; 4) трактаты.

Следующим источником законодательных актов является Свод законов Российской империи, появившийся в результате попыток кодификации законов в XIX в. Первый свод законов был издан в 1832 г., второй − в 1842 г., третий − в 1857 г. Третий свод явился последним единовременным изданием, впоследствии он издавался отдельными уставами. Свод законов 1832 г. составил 15 томов, заключавших 42198 статей. Структура свода законов была определена М. Сперанским и включала восемь главных отделов: 1) Учреждения (первые три тома); 2) Законы правительственных сил (уставы о повинностях, уставы о податях и пошлинах, устав таможенный, устав монетный, горный и о соли, уставы лесной и т. д.); 3) Законы о состояниях; 4) Законы гражданские и межевые; 5) Уставы государственного благоустройства (уставы кредитный, торговый, промышленности и т. д.); 6) Уставы благочиния (законы полиции); 7) Законы уголовные; 8) Законы уголовно-процессуальные. Свод законов приводил существующие законы в единообразие и порядок. В 1845 г. было издано Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, после реформы 1864 г. в свод был добавлены Судебные уставы.

Не менее важным источником законодательных актов служат издававшиеся с 1809 г. «Санкт-Петербургские сенатские ведомости», в которых особым разделом под названием «Собрание узаконений и распоряжений правительства» помещались все манифесты, высочайшие повеления, указы сената, трактаты, постановления, имеющие силу закона. С 1863 г. этот раздел начал выходить отдельным изданием Правительствующего сената – «Собрание узаконений и распоряжений правительства». Как отмечает Н.И. Дружинин, Собрание узаконений отличалось значительной полнотой по сравнению с Полным собранием законов Российской империи[445].

Кроме официальных изданий законов, существовали и неофициальные, которые имели важное значение для правительственных учреждений и частных лиц. Они выпускались быстрее официальных изданий и пользовались большим спросом. К таковым относятся, например, Городовое положение с разъяснениями 1897 г., Устав гражданского судопроизводства с разъяснениями 1896 г. и т. д.

[445] Дружинин Н.П. Общедоступное руководство к изучению законов. СПб.: 1899. С. 56.

В соотношении с мировыми системами права российская система права в XVIII в. была основана на судебных прецедентах и больше тяготела к англосаксонской системе, особенностями которой были: во-первых, то, что все суды имели общую юрисдикцию, т. е. могли разбирать разные категории дел: публично- и частноправовые, гражданские, торговые, уголовные; во-вторых, суд, рассматривая дело, выяснял, не было ли аналогичное дело рассмотрено раньше, и в случае положительного ответа руководствовался уже имеющимся решением. Например, на судебных прецедентах основаны указ Иркутского губернского правительства от 17 июля 1817 г. о том, чтобы без ведома старшин и их местного начальства «никто не осмеливался задолжать якутов и других иноверцев», принятый по делу о чинимых титулярным советником Климонтовичем и бывшим чиновником Кычкиным якутам налогах и притеснениях[446]; июньский Указ 1817 г. по вопросу: «Может ли засватанная братская девка и впоследствии времени приведенная в грекороссийское исповедание Марья быть в замужестве за некрещеным братским Хандреевым?», разрешающий браки между крещеными и некрещеными бурятами[447], и т. д.

В XIX в. в России большим влиянием стало пользоваться континентальное право, основанное на сводах писаных законов, образующих систему гражданского права, которое регулировали и договорные отношения. Другие источники права (административные акты, обычаи и т. д.) играли незначительную роль, а судебная практика вообще не считалась источником права. Примером реализации континентального права являются законодательные акты Российского государства. Следует отметить, что специфика российского законодательства определялась личностным фактором. Право окончательного утверждения законодательных актов принадлежало царю, его убеждения, окружение серьезным образом влияли на характер политики правительства и принятие конкретных решений.

С учетом иерархии законодательных актов российские исследователи выделяют следующие разновидности законодательных актов:

1) Манифесты – законодательные акты, провозглашавшие вступление на престол нового императора, сообщавшие о рожде-

[446] ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 20–20 об.
[447] Там же. Л. 39 об.

ниях, браках и кончинах лиц императорской фамилии, а также о наиболее существенных реформах (Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству от 18 февраля 1702 г., Манифест об отмене крепостного права от 19 февраля 1861 г.). Манифесты издавались при объявлении войны, заключении мира и при стихийных бедствиях (например, во время эпидемии чумы).

2) Указы – наиболее многочисленная и разнообразная группа законодательных актов. Указами могли регулироваться почти все сферы государственной и общественной жизни.

3) Уставы – специальные законодательные акты, регулирующие какую-либо сферу деятельности (Новоторговый устав 1667 г., Воинский устав 1716 г., Морской устав 1720 г., Устав благочиния 1782 г., Таможенный устав по Европейской торговле 1819 г.) или отрасль материального права (Устав о векселях 1729 г., Устав о банкротах 1800 г.).

4) Регламенты и учреждения – законодательные акты учредительного характера, определявшие организацию, состав, компетенцию и регулирующие деятельность государственных учреждений (Регламент главного магистрата 1721 г., Генеральный регламент 1720 г., Духовный регламент 1721 г.).

5) Уставы и регламенты – законодательные акты кодифицирующего характера[448].

Законодательная политика Российского государства в отношении Сибири, сибирских народов на всем протяжении процесса присоединения была направлена на получение максимальных доходов с новых территорий и народов, а также на их постепенное интегрирование в систему государства. Как считает Г. Савич, исследовавший российское законодательство об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края, в политике Российского государства в азиатских областях, направленной на насаждение в них гражданственности и устройство местного самоуправления, можно выделить три периода:

1) введение русского гражданского управления с учреждения Сибирской губернии в 1708 г. до 1822 г.;

[448] Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: 1998. С. 380–381.

2) выработка положений об этом управлении сообразно особенностям края с издания Учреждения для управления сибирских губерний и Устава об управлении инородцев 1822 г. с последующими изменениями до 1896 г.;

3) устройство местного управления и быта сибирского населения на общих основаниях с российскими губерниями с утверждения Главных оснований поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской от 23 мая 1896 г. [449]

Интерес представляет периодизация М.М. Федорова, предложившего в качестве основного критерия изменение правового статуса народов Восточной Сибири:

1) XVII – начало XVIII вв., когда были полностью сохранены старые формы общественного устройства; правительство как собственник земли довольствовалось сбором пушных выплат;

2) 1720–1820 гг. – период принятия первых актов, направленных на обеспечение взаимодействия коренных сибиряков с русскими администраторами, купцами и т. д.;

3) 1820–1917 гг., когда целью правительства стало приведение образа жизни коренных народов края в соответствие с общероссийскими канонами[450].

Л.М. Дамешек рассматривает законодательную политику Российского государства в отношении сибирских народов в связи с изучением основных направлений правительственной политики в отношении сибирских аборигенов XIX – начала XX в. и приходит к выводу, что «в имперской административной практике в Сибири применительно к коренному населению на протяжении всего рассматриваемого периода можно наблюдать эволюцию от косвенной системы управления к управлению по крестьянскому образцу. В конце XIX в. в противовес регионализму Сперанского на основе осуществления идеи необходимости единства Российской империи возникает замысел ликвидации сословия «инородцев» как такового. В данном случае стратегические цели империи по экономической, политической и социокультурной интеграции народов Сибири в состав национального Российского государ-

[449] Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края. По новому, 1902 года, изданию / сост. Г. Савич. СПб.: 1903. С. 8–13.

[450] Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX века). Якутск: 1978. С. 11.

ства не только сливались и взаимно дополняли друг друга, но и приобретали новые очертания»[451].

Говоря об исследовании проблематики управления Сибирью, сибирскими народами в XIX – начале XX в., необходимо отметить важность изучения российского законодательства в системе с конкретно-историческим материалом. В связи с этим возникает необходимость периодизации не только законодательной деятельности Российского государства в отношении Сибири, но и имперской политики и имперского строительства Российского государства. А.В. Ремнев, исследуя имперскую политику России, акцентирует особое внимание на периодизации имперской политики, на связи имперской политики Российского государства с региональной как совокупности правительственных мероприятий, направленных на сохранение государственной целостности империи, хозяйственное освоение регионов, ответ на этнические, конфессиональные и социокультурные запросы, а также учет управленческих и правовых традиций:

1) первую половину XIX в. он условно определяет как классический период имперской политики и управления, который характеризовался многовариантностью систем управления, высокой степенью этноконфессиональной толерантности и прагматизмом;

2) определенной вехой в смене политического имперского курса А.В. Ремнев считает рубеж 1850−1860-х гг., когда ускоренная модернизация страны, обострение польского вопроса, а также давление национальной идеологии привели к деформации традиционной имперской политики и обострению национальных и региональных противоречий, когда происходит пересмотр прежней имперской политики. В этот период колонизационное движение русского населения начинает восприниматься в правительстве как целенаправленное политическое конструирование империи, когда важным становится не только экономическое освоение Сибири, но и заселение ее по возможности однородным и единоверным с Россией населением;

3) следующим рубежом в имперской политике становится конец XIX – начало XX в. Неудачная русско-японская война заставила приостановить внешнюю экспансию и обратить свои взоры

[451] Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек, Л.М. Дамешек, В. Л. Зиновьев, А.В. Ремнев, Н. Г. Суворова, В. Л. Шахеров, М.В. Шиловский. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 243.

на внутренние проблемы российского Дальнего Востока, когда главными инструментами становятся русская крестьянская колонизация, железная дорога, таможенный протекционизм и опора на национальный капитал[452].

Таким образом, исходя из приведенных выше периодизаций с учетом хронологических рамок исследования целесообразнее выделить два периода:

1) законодательство Российского государства с принятия Устава об управлении инородцев 1822 г. с последующими изменениями и дополнениями до принятия Положения об инородцах 1892 г., основным содержанием которого стала политика регионализма, политика учета особенностей жизни сибирских народов;

2) с утверждения Главных оснований поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской от 23 мая 1896 г. вплоть до 1917 г., характеризующийся политикой унификации управления сибирских народов, отходов от принципов политики регионализма М. Сперанского.

На наш взгляд, политику Российского государства в отношении инородцев в XIX в. невозможно рассматривать без анализа действовавших важнейших законодательных актов XVIII в. Российское законодательство в отношении сибирских инородцев XVIII – начала XIX в. было фрагментарным, в основном речь шла о ясаке и христианизации местного населения. Кроме них можно условно выделить еще несколько направлений законодательной политики Российского государства в отношении инородцев: 1) уголовное законодательство; 2) земельный вопрос; 3) охрана границ.

Появление значительного количества законодательных актов в отношении сибирских народов по организации сбора ясака связано с тем, что Сибирь долгое время оставалась основным поставщиком пушнины в российскую казну. На протяжении XVI–XVIII в. российское правительство чаще регулировало вопросы налогообложения инородческого населения, придерживаясь курса минимизации административного вмешательства.

К таким законодательным актам относятся именные указы о запрещении казней и пыток в отношении сибирских ясачных ино-

[452] Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. 554 с.

родцев без разбирательства от 26 декабря 1695 г.[453], о взимании ясака в Иркутской провинции с ясачных людей соболями, а не деньгами от 22 июля 1735 г.[454], сенатские указы о сборе с русских ясачных крестьян, с татар и с прочих иноверцев сверх подушных денег провианта натурой от 12 января 1737 г.[455], о проведении новой переписи в Сибирской губернии от 23 сентября 1761 г.[456] и другие.

Следующее направление в законодательной политике Российского государства в отношении сибирских инородцев связано с их христианизацией, политикой по приравниванию инородцев к другим своим подданным. Законодательные акты XVIII в. предусматривали различные льготы инородцам, принявшим православие. Так, к ним относятся Сенатские указы о выплате жалованья священникам и о выдаче награждений инородцам, «восприявшим христианскую веру», от 1 сентября 1720 г.[457], о льготах новокрещеным от всяких сборов и податей на три года от 1 сентября 1720 г.[458], об исключении из подушной переписи крестившихся сибирских ясачных инородцев от 26 сентября 1726 г.[459], о льготах новокрещеным от платежа подушных податей от 3 апреля 1731 г.[460] и т. д.

Определенным поворотом в политике Российского государства в отношении сибирских народов становится изданный в 1763 г. Манифест относительно переписи инородцев в Сибири, в кото-

[453] «О нечинении казней и пыток сибирским ясачным инородцам ни по каким делам без доклада государям, об охранении их от обид и налогов и притеснений, о посылке приказчиков для ясачного сбора людей добрых по выбору градскому, и о наблюдении, чтобы они ясачных людей не грабили, запрещенными товарами не торговали и вина не курили и не продавали» // ПСЗРИ-1. № 1526. 26 декабря 1695 г. Т. 3. СПб.: 1830. С. 213–215.

[454] «О взимании ясака в Иркутской провинции с ясачных людей соболями, а не деньгами» // ПСЗРИ-1. № 6775. 22 июля 1735 г. Т. 9. СПб.: 1830. С. 549.

[455] «О сборе с русских ясачных крестьян, с татар и с прочих иноверцев сверх подушных денег провианта натурой…» // ПСЗРИ-1. № 7480. 12 января 1737 г. Т. 10. СПб.: 1830.

[456] «Об учинении новой переписи ясачным народам в Сибирской губернии» // ПСЗРИ-1. № 11191. 23 сентября 1761 г. Т. 15. СПб.: 1830.

[457] Сенатский указ «О произвождении жалования священникам и о выдаче награждений инородцам, восприявшим христианскую веру» // ПСЗРИ-1. № 3636. 1 сентября 1720 г. Т. 6. СПб.: 1830. С. 233.

[458] Сенатский указ «О льготе новокрещеным от всяких сборов и податей на три года» // ПСЗРИ-1. № 3637. 1 сентября 1720 г. Т. 6. СПб.: 1830. С. 234–235.

[459] Сенатский указ «О выключке из подушной переписи крестившихся в грекороссийскую веру сибирских ясачных иноверцев и о собирании ясаку с них по прежнему» // ПСЗРИ-1. № 4860. 26 сентября 1726 г. Т. 7. СПб.: 1830.

[460] О даче новокрещеным разных народов людям льготы от платежа подушных денег // ПСЗРИ-1 № 5737. 3 апреля 1731 г. Т. 8. СПб.: 1830.

ром Екатерина выступила с идеей покровительства и заботы об инородцах со стороны правительства.

Важным направлением в законодательной политике Российского государства в отношении сибирских инородцев являлось уголовное законодательство. Российские исследователи особо отмечают Манифест Екатерины II от 17 марта 1775 г., провозгласивший отмену наказания «батожьем, кошками и плетьми» без суда. Следует также отметить указы от 3 апреля 1781 г.[461], от 6 марта 1783 г.[462], от 31 июля 1799 г.[463], от 14 мая 1802 г.[464], от 16 мая 1812 г.[465], от 15 июня 1814 г.[466], подтвердившие правила местного разбирательства малых судебных дел и наказания за преступления и правонарушения.

Близость к китайской границе, соседство с родственными монгольскими племенами диктовали русскому правительству особый подход в политике по управлению бурятами, направленной на закрепление их подданства при минимальном вмешательстве во внутренние дела и на использование их в охране границ. Буряты и тунгусы начали нести пограничную службу еще до заключения Буринского договора 1727 г. По указу Екатерины от 30 июня 1764 г. для усиления Селенгинской и Нерчинской границ были сформированы четыре бурятских полка, находившихся на полном содержании бурятских обществ. 17 октября 1760 г. был принят Указ Сената об учреждении тунгусского конного полка. Образованием бурятских и тунгусских полков был успешно разрешен вопрос охраны границ России в Забайкалье[467].

Надо отметить, у русского правительства был неоднозначный подход к разным бурятским ведомствам. В.П. Гирченко, иссле-

[461] Именной указ Сенату «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях» // ПСЗРИ-1. № 15147. 3 апреля 1781 г. Т. 21. СПб.: 1830. С. 108

[462] Именной указ Сенату «Об устройстве Иркутского наместничества» // ПСЗРИ-1. № 15680. 6 марта 1783 г. Т. 25. СПб.: 1830. С. 875.

[463] Именной указ Сенату «О наказаниях за смертоубийство, воровство грабеж и воровство кражу» // ПСЗРИ-1. № 19059. 31 июля 1799 г. Т. 25. СПб.: 1830. С. 742.

[464] Именной указ Сенату «О мерах наказания преступников, учинивших воровство от 20 до 100 рублей и выше» // ПСЗРИ-1. № 20263. 14 мая 1802 г. СПб.: 1830.

[465] ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 31.

[466] Именной указ Сенату «О наказании за воровство кражу до 5 рублей домашним образом и об отсылке дел о преступлениях свыше 5 до 20 рублей к суду» // ПСЗРИ-1. № 25605. 15 июня 1814 г. Т. 32. СПб.: 1830. С. 825.

[467] Васильев А.П. Забайкальские казаки: исторический очерк в 3 томах. Т. 2. С. 20–21.

довавший историю хоринских бурят в первой половине XIX в., считает, что именно буряты Хоринского ведомства пользовались определенными преимуществами, продиктованными не только их многочисленностью, богатством и огромными территориями, которые они занимали, но в большей мере их соседством с Монголией: «Пользуясь своим соседством с Монголией, хори-буряты сохранили большую, по сравнению с другими бурят-монгольскими племенами, независимость по отношению к русскому правительству вообще, и к русской восточносибирской администрации в частности, угрожая в случаях недовольства своим уходом за границу, в Монголию»[468].

В 1823 г. М.М. Сперанский, генерал-губернатор Сибири, пишет министру духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицыну: «Хоринцы прилегают к китайской границе, и спокойствие их должно быть охраняемо не токмо по уважению собственного их благосостояния, но и по уважениям пограничным. Каждое движение между ними не может быть принято равнодушно для соседей их и однородцев, в смежной с ними китайской Монголии обитающих»[469].

Такое представление о хори-бурятах заставляло русское правительство обходиться с ними возможно осторожнее и мягче, при этом вести наблюдение за их настроением. Среди бурятских ведомств только у хоринских бурят было законодательно закреплено право собственности на занимаемые ими земли. Они скрупулезно вели учет всем важным законодательным актам о правах собственности на занимаемые ими земли, принятым в их отношении, с даты вхождения в состав Российского государства. Так, хоринские буряты делают ссылки:

1) на указ Петра I от 22 марта 1703 г. «стольникам и воеводам Петру Савичу и Федору Петровичу Мусиным-Пушкиным о приписке братских людей и ясашных (подчиненных или подданных) к Нерчинску, по поводу жалобы их на притеснения русскими людьми, с наказом, чтобы они кочевали на природных своих землях, и быть бы им в вечном ясачном платеже, и чтобы всяких

[468] Гирченко В.П. К истории бурят-монголов-хоринцев первой половины XIX в. // Бурятиеведение. Вып. 1–3. Верхнеудинск: 1928. С. 43.

[469] Вагин В. Исторические сведения о деятельности Сперанского в Сибири. Т. 1. СПб.: 1872. С. 277.

чинов люди, оберегали братских, и в случае споров защищали их от всяких обид»;

2) на патент Петра Великого от 4 июня 1729 г., «жалующий зайсана Шодоя в чин тайши за оказание великого содействия с 11 родами хоринцев послу Иллирийскому графу Савве Владиславичу при установлении границы»;

3) указ Иркутской провинциальной канцелярии от 3 марта 1749 г. № 1066 тайшам Иринцею Шодоеву и Олборию Дашиеву, запрещающий русским людям притеснять хоринских бурят и доставить право этим бурятам свободно кочевать и занимать все порожние места от Байкала до китайской границы;

4) именной высочайший указ от 17 октября 1799 г. об отведении под русское поселение в южной части Забайкалья самых удобнейших мест по 30 десятин на душу, не касаясь земель между Удинским и Читинским, занятых братскими хоринцами, и других мест, занимаемых кочующими народами;

5) высочайший указ от 29 июня 1806 г. об уступке хоринскими бурятами своих земель[470].

Интерес представляет докладная записка П.А. Бадмаева от 28 мая 1892 г., поданная председателю Комиссии для рассмотрения ходатайства забайкальских бурят о специально-коштном межевании занимаемых ими земель, о праве собственности хоринских бурят Хоринского и Агинского ведомств[471]. В записке дается юридическая оценка законодательных актов в отношении прав на землю хоринских и агинских бурят, начиная с указа царя Михаила Федоровича от 11 декабря 1623 г. служилым людям о привлечении бурят в российское подданство.

Н.Н. Козьмин, рассматривая законодательную политику Российского государства в отношении инородцев, считает, что до принятия Устава 1822 г. она ограничивалась небольшим количеством указов о приведении их в христианство и двумя инструкциями:

1) инструкцией 1728 г. С.Л. Владиславича-Рагузинского пограничным (по Китайской линии) дозорщикам, Фирсову и Михалеву, о разборе маловажных дел ясачных инородцев;

[470] Именной указ Сенату «О производстве поселения за Байкалом и о принятии для водворения поселенцев и об уступленных хоринскими бурятами земель» // ПСЗРИ-1. № 22189. 29 июня 1806 г. Т. 29. СПб.: 1830. С. 395–407.

[471] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13785. Л. 4–17

2) инструкцией 1763 г. секунд-майору А. Щербачеву, о ясачной подати, хотя, с течением времени образ жизни, свойство промыслов и почти все обстоятельства быта большей части племен видимо изменялись»[472].

Инструкция 1728 г. С.Л. Владиславича-Рагузинского определила правовые основы управления ясачными народами:

1) малые дела: споры о калыме, воровстве, драки и пр., за исключением «криминальных» дел и убийств, подлежали суду бурятских начальников, что было продиктовано целью царской администрации «дабы земские комиссары по уездам и острогам за малые причины не грабили и не разоряли» ясак собирался натурой или деньгами по его действительной стоимости;

2) сбор производился через бурятских начальников;

3) каждый бурят был обязан числиться в каком-нибудь роде под ведением своих начальников и подчиняться им[473].

Надо отметить, что значение Инструкции вышло за рамки, первоначально определенные ей: разработанная для конкретных задач управления инородцами на приграничных территориях, на практике она превратилась в директиву для всей администрации края и стала основным правовым документом, регулировавшим внутреннюю жизнь бурят и их взаимоотношения с государством, наряду с другими актами, вплоть до принятия Устава 1822 г.[474]

Следующий документ, определявший порядок управления и суда для сибирских народностей – это Инструкция капитану А. Щербачеву, командированному Екатериной II в Сибирь в 1763 г. для урегулирования ясачных сборов у жителей Сибирской губернии и Иркутской провинции «для отвращения происходящих там непорядков и взяток, вымогаемых при сборе ясака»[475]. Инструкция определяла порядок сбора ясака, предоставив решение вопросов по раскладке податей и повинностей, земельных, судебных и других дел сугланам, руководствовавшимися нормами

[472] Козьмин Н.Н. Избранные труды: Хакасы. Туба. Князь Иренак. Д.А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае // Н.Н. Козьмин. Абакан: Журналист, 2010. С. 155.

[473] ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 30 об.

[474] Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределениЕ.М.: 2000. С. 68.

[475] Именной указ Сенату «Об отправлении капитана Щербачева с командой в Сибирь для отвращения происходящих там непорядков и взяток, вымогаемых при сборе ясака» // ПСЗРИ-1. № 11749. 6 февраля 1763 г. Т. 16. СПб.: 1830. С. 153–154.

обычного права[476]. По мнению М.М. Федорова, Инструкция сыграла решающую юридическую роль в установлении новой системы общественного управления[477].

Существовала третья инструкция, которая редко упоминается исследователями в числе законодательных документов, это Инструкция, данная Тобольскому и Иркутскому генерал-губернатору И.О. Селифонтову 23 мая 1803 г. «Об образе управления сими губерниями», подтвердившая силу Инструкции С.Л. Владиславича-Рагузинского: «многими указами и другими актами повелено было оставить ясачных при их собственных правах и обычаях, которыми сами бы они разбирались во всех маловажных своих делах, не привлекая их к тяжбе и волоките по судному обряду доколь не последует о сем надлежащего постановления. Вы должны подтвердить, чтоб отнюдь никто не вмешивался в таковые дела ясачных, исключая уголовных или подлежащих особенной важности, в таких случаях должны они судимы быть по общим государственным узаконениям»[478].

О значимости Инструкций для бурятского общества свидетельствуют архивные документы – общественные приговоры, в которых имеются ссылки на них в вопросах о судопроизводстве и замещении должностей[479]. Формально эти инструкции ограничивали вмешательство чиновников во внутренние дела народов Сибири, фактически же «все управление … перешло большею частью в зависимость от земских чиновников и сделалось поводом к великим злоупотреблениям»[480].

Кроме Инструкций существовали указы местной администрации по отдельным судебным и административным вопросам, например, указ Государственной коллегии иностранных дел Иркутской губернии от 8 ноября 1729 г. земским комиссарам и пограничным комендантам, запрещавший притеснять и грабить ясачных подданных, чтобы «тех иноверцев не озлоблять и за границу

[476] ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 31.

[477] Федоров М.М. История правового положения народов Восточной Сибири в составе России (XVII–начало XIX в.). С. 118.

[478] Именной указ, данный тобольскому и иркутскому генерал-губернатору Селифонтову «Об образе управления сими губерниями» // ПСЗРИ-1. № 20771. 23 мая 1803 г. Т. 27. СПб.: 1830. С. 627–631.

[479] Сборник материалов по истории Бурятии XVIII-го и первой половины XIX века / под ред. и с примеч. В.П. Гирченко. Верхнеудинск: 1926. Вып. 1. С. 18–22.

[480] История Сибири. Т. 2. Л.: 1968. С. 310–311.

не отгонять»[481], от 9 июля 1754 г. о наказании за кражи скота[482], от августа 1812 г. о задержании должностных лиц за недоимки в городской полиции вместо работного дома[483], от июня 1817 г., разрешавший браки между крещеными и некрещеными[484] и т. д.

Необходимо отметить еще два документа, имевших законодательную силу для инородцев – это положения, разработанные Иркутским гражданским губернатором Н.И. Трескиным в 1812 г.:

1) «Положение, учиненное господином Иркутским гражданским губернатором и кавалером в подтверждение и постановление в действие узаконений и правил по предметам иноверческого и сельского управлений»;

2) «Правила для прекращения несогласий и разврата в супружеской жизни иноверцев, Иркутскую губернию населяющих».

Положение об иноверческом и сельском управлении имело важное значение в политике правительства по управлению бурятами[485]. Этим правовым актом закреплялся наследственный принцип передачи родовыми начальниками своих прав[486]. Как отмечает Е.М. Залкинд, Положение играло по существу роль «избирательного закона» в течение длительного времени[487], значительно расширив судебные функции родоначальников.

Правила для прекращения несогласий и разврата в супружеской жизни иноверцев были призваны регулировать семейно-брачные отношения у инородцев, важными пунктами которых были добровольное вступление в брак и разбор бракоразводных дел родоначальниками и родственниками[488].

Таким образом, на основании этих инструкций, указов, положений и правил, основывающихся на принципах невмешательства во внутренние дела сибирских аборигенов, сохранения норм обычного права и традиционного уклада их жизни, происходило управление сибирскими народами до принятия Устава 1822 г. Правовые акты XVIII – начала XIX в. возложили на сибирских

[481] ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 30 об.
[482] Там же. Л. 30 об.–31
[483] Там же. Л. 26.
[484] Там же. Л. 39 об.
[485] Там же. Л. 12–18.
[486] Там же. Л. 12 об.
[487] Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX века. М.: 1970. С. 285.
[488] ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 37–38 об.

инородцев, кроме обязанности по уплате налогов, обязанности по несению службы в пограничных караулах, выставлению по первому требованию дополнительных вооруженных отрядов, участию в строительстве крепостей и иных оборонительных сооружений, обеспечению подводами и проводниками перевозок вооруженных отрядов, экспедиций, снаряжения, продовольствия, почты и других грузов, строительству и ремонту дорог, содержанию станций и пунктов на этих трактах. Увеличение населения Сибири в начале XIX века, возрастание значения Сибири как места ссылки, социально-экономические сдвиги в развитии нерусских народов – все это вызывало необходимость организации более сложной и гибкой системы управления. Непосредственным толчком к реформе сибирского управления послужили грандиозные злоупотребления сибирской администрации, в которых царизм усмотрел подрыв своего авторитета на окраинах[489]. В 1819 г. сибирским генерал-губернатором был назначен М.М. Сперанский, которому было поручено провести ревизию с целью проведения административных и социально-экономических преобразований. В ходе ревизии были выявлены многочисленные злоупотребления губернатора И.Б. Пестеля и его помощника Н.И. Трескина, которые были преданы суду. Ревизия подтвердила необходимость административных реформ, вызванных, по мнению М.М. Сперанского, отсутствием законов.

Для рассмотрения материалов, собранных М.М. Сперанским, указом от 28 июля 1821 г. был образован Сибирский комитет[490], результатом работы которого стала реформа всех звеньев сибирского управления, осуществленная в июле 1822 г. принятием законодательных актов[491]: «Учреждения для управления Сибирских губерний»; «Уставы об управлении инородцев»; «Уставы о ссыльных»; «Устав об этапах в Сибирских губерниях», «Устав о сибирских городовых казаках»; «Положения о земских повинностях в Сибирской губернии», «Положение о казенных хлебных запасных магазинах» и др.

[489] Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М.: 1960. С. 240.

[490] «О составлении особого комитета для рассмотрения отчета, представленного сибирским генерал-губернатором по обозрению Сибирских губерний» // ПСЗРИ-1. № 28706. 28 июля 1821 г. Т. 37. СПб.: 1830. С. 790.

[491] Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 240.

Согласно Сибирскому учреждению, Сибирь была разделена на два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское с центром в г. Тобольске и Восточно-Сибирское с центром в г. Иркутске[492]. В состав первого вошли Тобольская и Томская губернии, Омская область, а второго – Иркутская и Енисейская губернии, Якутская область, а также Охотское, Камчатское, Приморское и Троицко-Савское пограничное управления. Во главе генерал-губернаторства стоял генерал-губернатор, наделенный обширнейшими административными, хозяйственными, финансовыми и судебными полномочиями, во главе губерний – губернаторы с губернским правлением. Губернии подразделялись на округа, во главе которых находились окружные начальники, а каждый округ – на волости и инородные управы. Таким образом, управление Сибири представляло собой четырехступенчатую систему: 1) главное, 2) губернское, 3) окружное, 4) волостное и инородное.

Городское управление содержало в себе полицию, хозяйство и суд, полиция была представлена городничим и городской управой, хозяйственное управление – думой. Для русского сельского населения Сибири было установлено сельское управление, существовавшее у государственных крестьян Европейской России. Сельское управление составляли волостное – в волости, по селениям – старшины и десятские. Особые органы самоуправления были учреждены для инородцев Сибири, определенных как «племена обывателей не российского происхождения, в Сибири обитающие». Его основные положения были изложены в Уставе об управлении инородцев. Устав об управлении инородцев 1822 г. – основной законодательный акт правительства в отношении народов Сибири, действовавший без существенных изменений вплоть до начала XX столетия. Как отмечает Л.М. Дамешек, Устав дает возможность понять правительственный взгляд на коренное население Сибири, определить ту роль, которую отводило самодержавие народам края в социально-экономическом развитии восточных окраин империи[493].

В основу Устава были положены следующие принципы: 1) разделение инородцев на три разряда в соответствии с родом заня-

[492] Учреждение для управления Сибирских губерний // ПСЗРИ-1. № 29125. 22 июня 1822 г. Т. 38. СПб.: 1830. С. 345–394.

[493] Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири в XIX – начале XX вв. Иркутск: 1986. С. 35.

тий и образом жизни (оседлые, кочевые, бродячие); 2) предоставление обширного самоуправления коренным народам Сибири, ограничение опеки над ними со стороны русской администрации и полиции; 3) уничтожение торговой монополии чиновников, упорядочение займов у инородцев, введение свободной торговли с инородцами, что соответствовало объективным потребностям экономического развития народов Сибири; 4) упорядочение порядка найма на работу инородцев; 5) количество налогов и податей предполагалось привести в соответствие с экономическими потребностями каждого народа и впредь основываться на данных «общей ревизии, по временам производимой». Устав состоял из 4 разделов: о правах инородцев, составе управления, наказе управлению и о порядке сбора податей и повинностей и имел в общей сложности 43 главы и 372 параграфа. Устав об инородцах подразделил все нерусские народы Сибири на три категории: бродячих, кочевых и оседлых и законодательно ввел термин «инородцы». К разряду оседлых Устав относил народы, живущие в городах и селениях, основными занятиями которых были земледелие и торговля. Оседлые инородцы, «занимающиеся свойственными земледельцам упражнениями», приравнивались к сословию государственных крестьян, сравниваясь с ними во всех правах и обязанностях, кроме рекрутской, от которой они освобождались.

Значительное место в Уставе уделено «кочевым народам» (бурятам, якутам, хакасам, остякам, вогулам, тунгусам). Разряд кочевых составляли коренные жители, «занимающие определенные места, по времени года переменяемые», т. е. ведущие полуоседлый образ жизни. Кочевые жители составляли «особенное сословие в равной степени с крестьянами, но отличное от оного в образе управления»[494]. Третью группу коренного населения составляли «бродячие инородцы» (охотничьи и оленеводческие народы Крайнего Севера), переходящие с одного места на другое «по рекам и урочищам».

Основной целью разрядной системы являлся переход бродячих и кочевых жителей в категорию оседлых инородцев[495]. Перевод инородцев в разряд оседлых преследовал защиту фискальных

[494] Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири в XIX – начале XX вв. С. 396.

[495] Устав об управлении инородцев // ПСЗРИ-1. № 29126. 22 июля 1822 г. Т. 38. СПб.: 1830. С. 397.

интересов самодержавия, так как он сопровождался возведением в более высокий оклад государственных крестьян. Наряду с этим разрядная система преследовала и ассимиляторские цели. Однако нельзя не отметить, что приравнивание народов Сибири к русскому населению имело и прогрессивное значение. Задача постепенного перехода бродячих и кочевых жителей в категорию оседлых была основана на успехах хлебопашества, а распространение земледелия в хозяйстве коренного населения уже само по себе было положительным явлением.

Вторая часть Устава посвящена организации управления народами Сибири. Учреждалось трехступенчатое административное устройство: родовое управление, инородная управа, Степная дума. Следующий раздел Устава «Наказ управлениям инородцами» рассматривал обязанности родовых управлений, инородных управ и Степных дум, обязанности земской полиции по управлению инородцами. Оценивая в целом систему органов инородческого местного самоуправления, можно сделать вывод о том, что они являлись частью государственной системы управления России.

Судебные функции органов управления состояли в исполнении определений высших мест по делам гражданским, уголовным, разборе незначительных гражданских дел. Согласно Уставу об управлении инородцев 1822 г. инородные управы и родовые управления наделялись правом осуществления суда и судопроизводства. Устав об инородцах предусматривал сбор сведений о степных законах и дальнейшую кодификацию норм обычного права. Недостаток в степных законах при решении дел дополнялся российскими общегосударственными законами[496].

Важное место в Уставе об инородцах отводится экономической политике правительства, которая определялась финансовыми интересами самодержавия. Наряду с регламентацией сбора налогов Устав провозгласил принцип свободной торговли, согласно которому инородцам разрешалась свободная торговля «всеми припасами и изделиями, кроме «горячих напитков»[497], не только на ярмарках и сугланах, но и в городах и селениях. В целях пресечения злоупотреблений запрещалась торговля чиновников, служащих в

[496] Устав об управлении инородцев // ПСЗРИ-1. № 29126. Т. 38. СПб.: 1830. С. 398.
[497] Там же. С. 397.

той же губернии, с инородцами, «под каким бы то предлогом и видом ни было»[498].

Устав регламентировал государственные, земские, уездные и местные сборы. Важное значение для инородцев имело положение о том, что «никакой новый по государству налог не распространяется на сибирских кочующих и бродячих инородцев, если о том именно не будет определено»[499]. Наряду с денежным взносом разрешалось сдавать ясак и пушниной, которая при этом подразделялась на два сорта – обыкновенную и дорогую. Ясачный сбор следовало вносить деньгами или «рухлядью» в инородное управление или непосредственно в земский суд.

Ряд статей Устава был посвящен вопросам культурно-бытовой жизни народов Сибири. В вопросах религии Устав стоял на позициях веротерпимости. Устав отрицал насильственное крещение как меру распространения христианства, земским властям запрещалось стеснять инородцев под предлогом обращения в христианскую веру. Некрещеные аборигены получали свободу «отправлять богослужение по их закону и обрядам»[500]. Вместе с тем Устав подчинял «иноверческое духовенство местной полиции наряду с прочими инородцами». Принятие христианства расценивалось как положительное явление, но вместе с тем Устав не наделял никакими преимуществами крестившихся инородцев. Положительным моментом Устава было предоставление инородцам права отдавать своих детей в государственные учебные заведения и открывать свои училища.

Следует отметить, что инородцы руководствовались не только Уставом об управлении инородцев, но и другими положениями, регламентировавшими сбор налогов, деятельность хлебных экономических магазинов, разбор исков. Так, высочайше утвержденное Положение о земских повинностях в Сибирских губерниях от 22 июля 1822 г. упорядочило раскладку и сбор земских повинностей[501]. Денежные земские повинности разделялись на постоянные – содержание почтовых подвод и помещений, земских и этапных подвод и рабочих дорожных команд и временные – устройство

[498] Устав об управлении инородцев // ПСЗРИ-1. № 29126. Т. 38. СПб.: 1830. С. 397.
[499] Там же. С. 411.
[500] Там же. С. 410.
[501] Положение о земских повинностях в Сибирских губерниях // ПСЗРИ-1. № 29132. 22 июля 1822 г. Т. 38. СПб.: 1830. С. 545–550.

воинских, этапных, почтовых и тюремных помещений. Смета и раскладка земских повинностей утверждались в губернском или областном совете на каждое наступающее трехлетие, и никакие другие сборы в губернии не допускались без утверждения. Положение ввело важные улучшения в содержании земских подвод, дорог и мостов, почти уничтожив натуральные повинности, которые служили источником многочисленных злоупотреблений. Согласно Положению вводился новый порядок исполнения повинностей, учреждая два вида публичных торгов с тем, чтобы в окончательном результате предпочтение отдавалось тем из них, которые окажутся выгоднее для земства. Однако в связи с приостановлением ввода в действие Устава о сухопутных сообщениях дороги остались на натуральной повинности населения.

Важное значение в хозяйственном развитии инородческих ведомств имело изданное в 1822 г. Положение о казенных хлебных запасных магазинах[502], согласно которому магазины делились на постоянные и временные. Первые наполнялись положенным количеством хлеба ежегодно, вторые учреждались только в неурожайные годы. Число магазинов и количество запасов определялись расписанием, которое могло быть изменено главным управлением магазинами, подчинявшимся в губернии губернатору, на местах – городничим и исправникам.

Хлеб для магазинов заготавливался или с торгов, или «хозяйственным распоряжением из первых земледельческих рук». Договоры заключались преимущественно с целыми обществами с выдачей вперед под круговую поруку их всей договорной платы. В городах запасы должны быть всегда открыты для пособия бедным с наложением 6% прибыли на заготовительную цену, а кочевым и бродячим инородцам продажа хлеба производилась в случае не улова рыбы и зверя и при недостатке обыкновенных их способов пропитания на наличные деньги или звериные шкуры после оценки их на ярмарках и сугланах или же в долг на известные сроки.

Важную роль в упорядочении сделок между народами Сибири сыграло высочайше утвержденное Положение о разборе исков по обязательствам, заключаемым в Сибирских губерниях между

[502] Положение о казенных хлебных запасных магазинах // ПСЗРИ-1. № 29133. 22 июля 1822 г. Т. 38. СПб.: 1830. С. 550–557.

обывателями разных сословий от 22 июля 1822 г.[503] Как отмечалось в Положении, в Сибири, по особенному свойству промыслов, долговые обязательства между крестьянами, поселенцами, инородцами и торговыми людьми составлялись словесно, поэтому не могли подлежать общему порядку судебного разбирательства. Это приводило к многочисленным злоупотреблениям и подлогам, обращению обывателей в неоплатных должников.

Положение состояло из трех глав: 1) О наймах на работу; 2) О займах (денежных); 3) Отдача в оброчное содержание, отражавших три вида долговых исков крестьян и инородцев. Наймы на работу составляли все денежные одолжения, заключавшие в себе условие заработать взятые деньги. Договоры наймов инородцев заключались лично, составлялись письменно или словесно, но обязательно должны быть зарегистрированы в родовом управлении, инородной управе или Степной думе при двух свидетелях.

Денежные займы производились или наличными деньгами, или вещами в цену положенными. Важным фактором было запрещение чиновникам, служащим в губернии, вступать в долговые обязательства с крестьянами и инородцами, что должно было устранить многочисленные злоупотребления со стороны начальства. Все денежные займы регистрировались и обеспечивались обязательствами: 1) должны быть написаны на гербовой бумаге; 2) с указанием занятой суммы; 3) с указанием срока платежа; 4) с одобрением и поручительством членов волостного правления или инородной управы.

В целом Положение о разборе исков по обязательствам, заключаемым в сибирских губерниях между обывателями разных сословий, регулировало все роды экономических сделок сельского и инородческого населения и сыграло важную роль в устранении многочисленных злоупотреблений.

В ходе реализации реформы 1822 г. выявилось несовершенство многих его положений и потребовались многочисленные уточнения и исправления, поэтому в 1830–1840-е гг. наблюдается всплеск законодательной активности. Приход к власти Николая I также способствовал количественному увеличению законода-

[503] Положение о разборе исков по обязательствам, заключаемых в Сибирских губерниях обывателями разных сословий // ПСЗРИ-1. № 29134. 22 июля 1822 г. Т. 38. СПб.: 1830. С. 557–565.

тельных актов. Законодательные акты внесли изменения в Устав об управлении инородцев 1822 г., и в 1832 г., 1842 г., а затем в 1857 г. были изданы Своды законов об инородцах с внесенными изменениями. Наиболее значимым по количеству внесенных изменений является Учреждение управления инородцев 1857 г.[504] (далее – Свод 1857 г.).

Свод законов 1857 г. состоит из 7 разделов и 843 статей, из которых 176 статей первой главы посвящены вопросам управления сибирскими инородцами. В свою очередь, глава первая состоит из 2 отделений: 1) состав управления сибирских инородцев; 2) наказ управлению инородцев. В Своде имеются ссылки на 50 с лишним законодательных актов, принятых в период с июля 1822 г. по 1857 г., которые в той или иной мере касались управления кочевыми народами, в том числе бурятами. Важное значение в дальнейшем упорядочении сбора ясака, других податей и повинностей имело принятие следующих законов:

1) именной указ, данный министру финансов, от 21 июня 1827 г. об освобождении сибирских оседлых инородцев от всех ясачных и других сборов, которым они подлежали до Устава 1822 г.[505];

2) именной указ от 13 декабря 1827 г. о подчинении Главным Сибирским управлениям комиссий, отправленных в Сибирь для составления окладных ясачных книг[506], и общем наставлении комиссиям Западной и Восточной Сибири по составлению для кочевых и бродячих инородцев окладных ясачных книг[507], согласно которым учреждались и направлялись в Западную и Восточную Сибирь комиссии для составления новых окладных ясачных книг взамен устаревших окладов 1763 г. Главным предметом комиссий являлось обложение ясаком кочующих и бродячих инородцев. Было определено, что до утверждения новой окладной книги ино-

[504] Учреждение управления инородцев // Свод законов Российской империи. СПб.: 1857. Т. 2, ч. 2.

[505] «Об освобождении сибирских оседлых инородцев от всех ясачных и других сборов, коим они подлежали до Устава 1822 г., и о ежегодной передаче из Государственного казначейства в Кабинет ЕИВ той суммы, которая с них собирается в оброчную подать» // ПСЗРИ-2. № 1197. 21 июня 1827 г. Т. 2. СПб.: 1830. С. 547.

[506] «О подчинении Главным Сибирским управлениям Комиссий, посланных в Сибирь для составления окладных ясачных книг» // ПСЗРИ-2. № 1610. 13 декабря 1827 г. Т. 2. СПб.: 1830. С. 1061.

[507] «Общее наставление Комиссиям Западной и Восточной Сибири, о составлении для кочевых и бродячих инородцев окладных ясачных книг» // ПСЗРИ-2. № 1611. 13 декабря 1827 г. Т. 2. СПб.: 1830. С. 1061–1069.

родцы платят подать по положению 1763 г. согласно Уставу 1822 г. (§§ 306–365). В особом наставлении этим комиссиям было указано как основное начало, что инородцы должны быть разделены на три разряда по Сибирскому учреждению. При этом указывалось, что по учреждению предлагалось обложить оседлых податью наравне с государственными крестьянами, «для кочевых и бродячих, сохранив и определив точностью права их и обязанности и утвердить внутреннее их управление на точных основаниях, распространить свободу промышленности и доставить более удобства к сбыту и платежу податей», а количество сборов основать на общей ревизии, производимой по временам. Комиссии должны были удостовериться в правильности разделения инородцев на разряды по Уставу 1822 г., узнать о причинах накопления на некоторых родах недоимок, принимать от инородцев просьбы об их общих нуждах и особенно жалобы на неправильное завладение их угодьями и на злоупотребления окружных и родовых управлений.

Родовым старшинам оставляли право на получение наград от правительства за исправный сбор платежей. Комиссия определила, что ясак можно вносить другими зверями, часть зверями, часть деньгами или одними деньгами. От платежа освобождались по ревизии умершие, престарелые (старше 50 лет), выбывшие из рода по разным причинам;

3) высочайше утвержденное положение Сибирского комитета от 1 ноября 1832 г. о передаче «44-копеечной подушной подати, принадлежащей по приложениям 1797 и 1806 гг. Государственному казначейству и взимаемой ныне с кочевых и бродячих инородцев Кабинетом в общей массе ясака, из Кабинета в казначейство»[508];

4) высочайше утвержденный доклад Министра императорского двора и финансов от 3 марта 1835 г., согласно которому кочевые и бродячие инородцы должны были вносить ясак, поступающий в Кабинет Его Величества, деньгами и звериными шкурами, в особых случаях, заменять шкуры деньгами[509];

[508] «О передаче подушной подати с сибирских инородцев из Кабинета в Государственное казначейство» // ПСЗРИ-2. № 5720. 1 ноября 1832 г. Т. 7. СПб.: 1833. С. 816.

[509] «О вновь положенных на кочевых и бродячих инородцев окладах звериными шкурами и деньгами» // ПСЗРИ-2. № 7917. 3 марта 1835 г. Т. 10. СПб.: 1836. С. 921.

5) высочайше утвержденное положение Сибирского комитета от 31 декабря 1836 г., определившее, что инородцам, переходящим в оседлое состояние, в качестве поощрения разрешить платить подати и ясак как кочевым до наступления новой ревизии, после ревизии – облагать на общем основании[510];

6) высочайше утвержденное Положение Комитета Министров, объявленное Министром финансов от 26 июля 1838 г., утвердившее «обложение инородческих семейств сбором на земские повинности на том самом основании, как и ясаком, возвышая токмо оклад по соразмерности; семейства, перешедшие в оседлое состояние, облагать оными по окладам волостей, в кои они вступили за те только души, которые будут обязаны до новой ревизии платить подати по положению Сибирского комитета от 31 декабря 1836 г. … взимание земского сбора по сей части Сибири начать с 1842 г.»[511];

7) именной указ, данный Сенату от 9 ноября 1839 г., о переводе всех платежей с 1 января 1840 г. на серебро[512].

Важным стимулом к крещению инородцев послужили:

1) высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 17 июня 1826 г. о льготах, предоставляемых иноверцам магометанской или языческой веры, принимающим святое крещение[513];

2) высочайше утвержденное положение Сибирского комитета от 23 декабря 1832 г., постановившее, что вместе с освобождением от платежа податей в течение трехлетней льготы вычитать из общего родового сбора и таковую же часть ясачной подати[514].

Устав 1822 г. установил порядок надзора губернского начальства за инородцами, предусматривавший обязательное посе-

[510] «Об окладе податями и земскими повинностями семейств инородцев в Сибири, переходящих из кочевого в оседлое состояние» // ПСЗРИ-2. № 9823. 31 декабря 1836 г. Т. 11. СПб.: 1837. С. 368–369.

[511] Положение Комитета министров «Об обложении земскими повинностями инородческих семейств в Сибири» // ПСЗРИ-2. № 11438. 26 июля 1838 г. Т. 13. СПб.: 1839. С. 31.

[512] Именной указ Сенату «О переложении на серебро разных податей и сборов» // ПСЗРИ-2. № 12867. 9 ноября 1839 г. Т. 14. СПб.: 1840. С. 839.

[513] «О выгодах, предоставляемых иноверцам магометанского или языческого закона, принимающим святое крещение» // ПСЗРИ-2. № 409. 17 июня 1826 г. Т. 1. СПб.: 1830. С. 576.

[514] Положение Сибирского комитета «О сложении ясака на три года с инородцев, вступивших в христианскую веру» // ПСЗРИ-2. № 5847. 23 декабря 1832 г. Т. 7. СПб.: 1833. С. 918–919.

щение гражданским губернатором их стойбищ один раз в год[515]. Высочайше утвержденное положение Комитета министров от 11 ноября 1830 г.[516] установило новую периодичность посещения губернатором инородцев: «губернатор обязан сам лично, или через доверенного чиновника по его выбору, один раз в два года, посещать стойбища инородцев или места, с которыми они могут иметь сообщение»[517].

Важную роль в дальнейшем развитии свободной торговли инородцев сыграло высочайше утвержденное положение Сибирского комитета о свободе торговли с сибирскими инородцами от 6 ноября 1831 г., в котором строго предписывалось начальникам Восточной Сибири отменить все меры, ограничивающие свободную торговлю[518]. По ходатайству начальника Якутской области генерал-губернатор Восточной Сибири А.С. Лавинский входил с представлением в Сибирский комитет об отмене правил о свободе торговли с инородцами. Торговля с инородцами подвергалась всяческим стеснениям со стороны местных полиций, которые запрещали торговым людям проникновение в инородческие ведомства без разрешительных билетов, выдаваемых земской полицией.

Царское правительство в своей политике по отношению к народам Сибири опиралось на родовую аристократию, предоставляя почетным инородцам различные льготы и привилегии. Подтверждением служит принятое 1 ноября 1832 г. Высочайше утвержденное положение Сибирского комитета об освобождении от ясака детей и внучат тех инородцев сибирских, которые пользуются правами личного дворянства: «Согласно Высочайшему Манифесту от 10 апреля 1832 г. о почетном гражданстве[519], законные дети сибирских инородцев, рожденные по получении их отцами их чинов, с коими сопряжено личное дворянство, принад-

[515] Устав об управлении инородцев // ПСЗРИ-1. № 29126. 22 июля 1822 г. Т. 38. СПб.: 1830. С. 411.

[516] «Об обозрении Тобольской и Томской губерний и состоящего в Енисейской губернии Туруханского края в два года один раз» // ПСЗРИ-2. № 4088. 11 ноября 1830 г. Т. 5. СПб.: 1832. С. 364–365.

[517] Учреждения управления инородцев издания 1857 г. С. 19.

[518] Положение Сибирского комитета «О свободе торговли с сибирскими инородцами» // ПСЗРИ-2. № 4922. 6 ноября 1831 г. Т. 6. СПб.: 1832. С. 20.

[519] Манифест «Об установлении нового сословия под названием почетных граждан» // ПСЗРИ-2. № 5284. 10 апреля 1832 г. Т. 7. СПб.: 1833. С. 193.

лежат по праву рождения к почетному гражданству потомственному и должны пользоваться свободой от платежа подати»[520].

Значительные изменения в Устав 1822 г. были внесены высочайше утвержденным Уложением о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. По Уставу 1822 г. уголовные дела словесным судом не разбирались[521]. Согласно Приложению IV к статье 173 Уложения было внесено дополнение о том, что все кочующие и бродячие сибирские инородцы за преступления и проступки менее важные судились по их обычаям и приговаривались к наказаниям по общим законам империи, если преступление или проступок совершены не в местах их кочевья, а в городе, селениях. Инородцы могли отдаваться на военную службу, если законом определялся этот вид наказания[522].

Царское правительство стремилось контролировать деятельность родоначальников во избежание злоупотреблений с их стороны. 9 апреля 1845 г. было принято высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, объявленное Министром государственных имуществ, о порядке удаления от исполнения должностных обязанностей. На основании этого мнения было внесено дополнение, предусматривавшее освобождение от должностных обязанностей в случае наличия долга, когда должник не имел других средств к его уплате, кроме поступления на срочную работу. В этом случае уволенный не лишался на будущее время права быть избранным на общественную службу[523].

Существенным дополнением в инородческое законодательство стало положение Сибирского комитета от 4 июня 1853 г. о порядке избрания Сибирских инородцев Западной и Восточной Сибири в должности, замещаемые по выбору, согласно которому разрешалось «избирать инородцев не моложе 21 года, имеющих собственное хозяйство и не только не порочных судом и не огла-

[520] Положение Сибирского комитета «Об освобождении от ясака детей и внучат тех инородцев сибирских, кои пользуются правами личного дворянства» // ПСЗРИ-2. № 5721. 1 ноября 1832 г. Т. 7. СПб.: 1833. С. 816–817.

[521] Устав об управлении инородцев // ПСЗРИ-1. № 29126. 22 июля 1822 г. Т. 38. СПб.: 1830. С. 401.

[522] Дополнительные постановления о распределении и употреблении осужденных в каторжные работы // ПСЗРИ-2. № 19284. 15 августа 1845 г. Т. 20. СПб.: 1845. С. 1008–1009.

[523] «О причинах удаления от должностей инородческих начальников в степном управлении Сибири» // ПСЗРИ-2. № 18908. 9 апреля 1845 г. Т. 20. СПб.: 1845. С. 316.

шенных в дурном поведении, но и не состоящих под судом и следствием»[524].

В целом, по новому Своду 1857 г. управление инородцами не претерпело значительных изменений. Изменения коснулись тех статей, которые регулировали налогообложение инородческого населения.

Высочайше утвержденное положение от 11 июля 1851 г. об управлении Забайкальской областью и образовании Забайкальской области с административным центром в г. Чите имело важное значение в улучшении административной системы бурятских ведомств и их взаимоотношений с вышестоящим начальством[525]. Образование Забайкальской области позволило создать новый управленческий центр, способный принимать важные военно-политические и экономические решения, не отягощенный сложной системой учреждений и делопроизводства. Административное преобразование упростило управление, предоставив губернаторам больше самостоятельности, значительно ускорив и уменьшив делопроизводство, сократив расходы казны. Согласно этому положению Хоринская, Агинская, Кударинская, Баргузинская и Селенгинская Степные думы вошли в состав Забайкальской области.

Надо также отметить высочайше утвержденное Положение о ламайском духовенстве Восточной Сибири от 15 мая 1853 г., которое не было внесено в Свод законов Российской империи[526]. Положение утвердило список из 34 буддийских дацанов, обязательный штат комплектных лам и хувараков для них. Должность Пандито хамбо-ламы как главы ламайского духовенства Восточной Сибири являлась выборной. Выборы обязательно должны были проходить при Селенгинской Степной думе на альтернативной основе. Кандидатур должно было быть три, основными требованиями были необходимые познания и качества, также непременное знание русского языка. Пандито хамбо-лама непосредственно подчи-

[524] «О порядке избрания сибирских инородцев Западной и Восточной Сибири в должности, замещаемые по выбору» // ПСЗРИ-2. № 27320. 4 июня 1853 г. Т. 28. СПб.: 1853. С. 279.

[525] Положение об управлении Забайкальской областью // ПСЗРИ-2. № 25394. 11 июля 1851 г. Т. 26. СПб.: 1852. С. 476–479.

[526] Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири // ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 539. Л. 1–17 об.

нялся генерал-губернатору Восточной Сибири. Его резиденцией официально был утвержден Тамчинский (Гусиноозерский) дацан. Положение регламентировало не только количество штатных служителей, но и запретило строительство новых дацанов без разрешения генерал-губернатора Восточной Сибири.

Вступление России на путь капитализма оказало сильное влияние на развитие сибирских окраин. Административная система, призванная обеспечить проведение колонизаторской политики царизма, взыскание податей и повинностей, ведать каторгой и ссылкой, казенными заводами, проводить закупки для казны, не отвечала новым условиям. Появляются идеи коренной реформы управления инородцами на русификаторских началах. Однако начавшаяся Крымская война и отмена крепостного права, буржуазные реформы 1860–1870-х гг. отодвинули Сибирь, в том числе «инородческий вопрос», в кругу государственных интересов на второй план. Тем не менее в период с 1857 г. по 1892 г. было принято более 60 законодательных актов в отношении сибирских инородцев, внесших изменения и уточнения в Учреждение управления инородцев 1857 г., и в 1892 г. было издано Положение об инородцах с учетом внесенных изменений.

Положение об инородцах состояло из четырех разделов: 1) О сибирских инородцах; 2) об инородцах Архангельской губернии, именуемых самоедами; 3) об инородцах в губерниях Ставропольской и Астраханской; 4) об управлении киргизов, кочующих в степях между Каспийским морем, землею Уральского казачьего войска и губернией Астраханской, включавших 588 статей.

Непосредственно управления бурятами касается 224 статьи первого раздела, состоявшего из двух глав: 1) о правах сибирских инородцев; 2) учреждение управления сибирских инородцев. Во втором отделении главы о правах сибирских инородцев рассматриваются личные и имущественные права кочевых и бродячих инородцев. Первое отделение второй главы посвящено управлению оседлых, кочевых и бродячих инородцев Сибири, составу и обязанностям Степной думы, судам словесной расправы, торговле, ярмарке и сугланам инородцев, вопросам утверждения и увольнения инородческих должностных лиц, порядку подчинения степного управления, его связям с местным гражданским начальством.

Второе отделение второй главы «Наказ управлению инородцев» рассматривает обязанности родовых управлений, инородных управ, Степных дум, обязанности полиции по управлению инородцами, вопросы о разъездах чинов полиции по инородческим стойбищам, о судах по уголовным делам, о податях и повинностях инородцев, о казенных продажах и богослужении, о надзоре и ответственности губернского начальства.

В инородческое законодательство было внесено изменение о количестве выборных инородных управ на основании высочайше утвержденного положения Сибирского комитета о прибавке в Агинскую инородную управу двух выборных от 23 декабря 1832 г. По статье 27 Учреждения управления инородцев 1857 г. каждой инородной управе полагалось иметь двух выборных, но «в уважение многолюдства заведываемых упомянутой управой инородцев и рассеянности их стойбищ» было разрешено добавить еще двух выборных[527] и статья 11 Положения об инородцах 1892 г. определяла, что инородная управа может состоять из двух или более выборных[528].

Высочайше утвержденное положение Сибирского комитета, объявленное Сенату Министерством государственных имуществ от 3 июня 1858 г.[529] нанесло, по мнению А.Н. Куломзина, «последний удар родовому принципу». Согласно закону разделение инородческих родов допускалось с разрешения Главных управлений Сибири по причине отдаленности кочевий и других местных обстоятельств в видах пользы инородцев или облегчения управления ими. Перечисления кочевых инородцев из одного рода в другой разрешались Казенными палатами вследствие их просьбы по увольнительным и приемным свидетельствам только после уплаты всех податей и недоимок, с перенесением их доли ясака и податей в новый род и отсутствием претензий на земельные наделы в оставленном роде.

11 марта 1859 г. был принят именной указ, объявленный Сенату министром юстиции, согласно которому был определен «в

[527] Положение Сибирского комитета «О прибавке в Агинскую инородную управу двух выборных» // ПСЗРИ-2. № 5848. 23 декабря 1832 г. Т. 7. СПб.: 1833. С. 919.

[528] Положение об инородцах 1892 г. СПб.: 1892. Т. 2. С. 2.

[529] Положение Сибирского комитета «О порядке разделения инородческих в Сибири родов и перечисления инородцев из одного рода в другой» // ПСЗРИ-2. № 33244. 3 июня 1858 г. Т. 33. СПб.: 1860. С. 707–708.

Восточную Сибирь со стороны Кабинета Его Величества чиновник для наблюдения за правильным сбором ясака и ограждения инородцев от притеснения торгующего сословия[530].

20 октября 1859 г. было принято высочайше утвержденное положение Сибирского комитета о порядке отлучек кочующих инородцев Восточной Сибири, которое постановило дополнить статью 516 Свода законов следующим примечанием: «изъясненные в сей статье правила об отлучках инородцев Якутской области могут быть по усмотрению Главного управления Восточной Сибири распространяемы и на других инородцев, в Восточной Сибири кочующих»[531]. Положение уточнило статью 148 об отлучках инородцев с мест кочевья по правилам, изложенным в Уставе о паспортах[532].

Манифест о всемилостивом даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта от 19 февраля 1861 г.[533] относится к великим событиям XIX века. Реформа имела исключительно важное значение, она освободила крестьян от крепостной зависимости и положила начало реализации долгосрочной программы российского правительства в крестьянском вопросе. Одним из важных пунктов этой программы была реформа управления сибирскими инородцами, которая предусматривала подчинение оседлых инородцев общим крестьянским учреждениям и установлениям, в отношении кочевых и бродячих инородцев предлагалось изыскать средства для привлечения их к оседлости. Так, в 1862 г. вышло предписание военного губернатора Забайкальской области о принятии мер по переходу кочующих инородцев к оседлости путем наделения их землей. Однако предписание не нашло поддержки у бурятских ведомств. В своем донесении главный тайша Кударинского ведомства Заяхан Хамаганов выразил мнение бурят: «…главным препятствием к оседлому водворению бурят служит инстинктивная

[530] «Определение в Восточную Сибирь чиновника для наблюдения за правильным сбором ясака и ограждения инородцев от притеснений торгующего населения» // ПСЗРИ-2. № 34230. 11 марта 1859 г. Т. 34. СПб.: 1861. С. 195.

[531] Положение Сибирского комитета «О порядке отлучек инородцев, кочующих в Восточной Сибири» // ПСЗРИ-2. № 35001. 20 октября 1859 г. Т. 34. СПб.: 1861. С. 170.

[532] Положение об инородцах. С. 16.

[533] Манифест «О Всемилостивом даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта» // ПСЗРИ-2. № 36650. 19 февраля 1861 г. Т. 46. СПб.: 1863. С. 425.

их привычка к кочевой жизни, укоренившаяся и переходящая из одного поколения в другое»[534]. Далее он указывает, что основным препятствием для перехода бурят к оседлости является земельный вопрос.

На распространение православия оказало влияние высочайше утвержденное мнение Государственного Совета о допущении в Степные думы выборных от крещеных инородцев от 12 июня 1867 г., в котором отмечается, что «в видах оказания инородцам, принимающим святое крещение, надлежащего покровительства, а также для ограждения их от могущих быть со стороны некрещеных инородцев стеснений за оставление прежней веры и для усиления через это самого обращения некрещеных инородцев в православие, генерал-губернатор Восточной Сибири сделал распоряжение о допущении в Степные думы Восточной Сибири депутатов от инородцев крещеных»[535].

К этой мере сибирская администрация вынуждена была прибегнуть из-за невозможности отделить крещеных инородцев от некрещеных и учредить из первых, при их малочисленности и бедственном состоянии, особые самостоятельные управления. Тем более все повинности инородцы, вне зависимости от религиозной принадлежности, отбывали целыми обществами. Это положение вошло в статью 68 «Положения об инородцах» 1892 г. как примечание[536].

18 июня 1868 г. была принята высочайше утвержденная новая редакция статей Устава о питейном сборе[537]. Статья 290 Устава регламентировала правила продажи вина в стойбищах сибирских инородцев и вошла в статью 163 Положения об инородцах 1892 г.: «Продажа крепких напитков в стойбищах и на ярмарках сибирских кочевых и бродячих инородцев строжайше запрещается. За ввоз и продажу сим инородцам крепких напитков непосредственно ответствует инородная управа, имея такую продажу остановить, напитки отобрать и виновных представить начальству для

[534] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 207. Л. 11–12.

[535] «О допущении в Степные думы выборных от крещеных инородцев» // ПСЗРИ-2. № 44682. 12 июня 1867 г. Т. 42. СПб.: 1869. С. 881.

[536] Положение об инородцах. С. 9.

[537] Новая редакция статей Устава о питейном сборе // ПСЗРИ-2. № 46003. 18 июня 1868 г. Т. 43. СПб.: 1873. С. 861.

поступления по законам»[538]. Самим инородцам не запрещалось покупать вино в местах дозволенной продажи для собственного потребления, но они не имели права перепродавать вино.

11 октября 1868 г. было принято высочайше утвержденное положение Комитета министров об установлении единообразного взимания с инородцев ясака деньгами. В нем было предложено оставить по-прежнему сбор ясака звериными шкурами с тех инородцев, которые имеют возможность вносить ясак зверями, остальных инородцев обложить денежным сбором с производством нового переобложения и составлением вновь окладных книг[539].

Принятое 16 июня 1870 г. Городовое положение[540] практически закрепило содержащиеся в статье 167 Положения об инородцах нормы о том, что «Степные думы представляют общественные собрания и имеют одни хозяйственные обязанности»[541].

Интерес представляет высочайше утвержденное положение Комитета министров о предоставлении генерал-губернатору Восточной Сибири права награждать должностных лиц Чукотских обществ и других инородцев установленными для государственных крестьян форменными кафтанами от 5 августа 1872 г., согласно которому генерал-губернатор имел право награждать инородческих должностных лиц форменными кафтанами. Им также разрешалось носить кортики, при этом они служили только знаком должности, а не наградой, и при смене одного должностного лица передавались другому вновь избранному[542]. Положение вошло в статью 11 Положения об инородцах 1892 г. как примечание[543].

В 1874 г. были приняты высочайше утвержденные мнения Государственного Совета о введении общей воинской повинности[544]

---

[538] Положение об инородцах. С. 18.

[539] «Относительно установления единообразного взимания с инородцев ясака деньгами» // ПСЗРИ-2. № 46341. 11 октября 1868 г. Т. 43. СПб.: 1874. С. 335–337.

[540] Городовое положение // ПСЗРИ-2. № 48498. 16 июня 1870 г. Т. 45. СПб.: 1875. С. 821–823.

[541] Положение об инородцах. С. 18.

[542] Положение Комитета министров «О предоставлении генерал-губернатору Восточной Сибири права награждать должностных лиц Чукотских обществ и других инородцев установленными для государственных крестьян форменными кафтанами» ПСЗРИ-2. № 51180. 5 августа 1872 г. Т. 47. СПб.: 1874. С. 365.

[543] Положение об инородцах. С. 2.

[544] О введении общей воинской повинности // ПСЗРИ-2. № 52983. 1 января 1874 г. Т. 49. СПб.: 1875. С. 27.

и Устав о гербовом сборе[545]. Общая воинская повинность не распространялась на «неотбывающее доселе рекрутские повинности ни натурою, ни деньгами инородческое население … Восточной Сибири …». Устав о гербовом сборе предусматривал заключение всех явочных наймов (трудовых договоров) с соблюдением правил о гербовом сборе. От гербового сбора освобождались «по делам, актам и документам разного рода, а также при совершении долговых обязательств и других сделок: кочевые и бродячие инородцы в Сибири…, за исключением дел по искам между сими инородцами и другими лицами»[546]. Эти изменения вошли в Приложение к статье 38 «О наймах в работу сибирских обывателей и самоедов Архангельской губернии» Положения об инородцах[547].

В 1884 г. было учреждено Приамурское генерал-губернаторство. Забайкальская, Амурская и Приморская области, также Владивостокское военное губернаторство и остров Сахалин были изъяты из ведения Главного управления Восточной Сибири и подчинены Главному начальству отдельного Приамурского генерал-губернаторства. В высочайше утвержденном мнении Государственного Совета об учреждении Приамурского генерал-губернаторства определялись права и обязанности Приамурского генерал-губернатора[548], на основании которых были внесены изменения в статьи 15, 125 и 202 Положения об управлении инородцами – праве освобождать от должностей лиц степного управления, утверждении сметы внутренних повинностей.

В 1885 г. были приняты высочайше утвержденные Временные правила о некоторых изменениях по судопроизводству в губерниях Тобольской и Томской, Восточной Сибири и Приамурском крае[549], согласно которым были внесены изменения в статьи 81, 83, 94, 98, 128, 133 Положения об инородцах. Так, все жалобы на управы и суды волостные, станичные и инородческие приносились на окружные суды. Исковые дела рассматривались в окружных судах только после рассмотрения во всех степенях суда сло-

[545] Устав о гербовом сборе // ПСЗРИ-2. № 53379. 17 апреля 1874 г. Т. 49. СПб.: 1875. С. 638.
[546] Там же. С. 638.
[547] Положение об инородцах. С. 5.
[548] Об учреждении Приамурского генерал-губернаторства // ПСЗРИ-3. № 2324. 16 июня 1884 г. Т. 4. СПб.: 1886. С. 376–378.
[549] Временные правила о некоторых изменениях по судопроизводству в губерниях Тобольской и Томской, Восточной Сибири и Приамурском крае // ПСЗРИ-3. № 2770. 23 февраля 1885 г. Т. 5. СПб.: 1887. С. 80–86.

весной расправы и производились по правилам, изложенным в Законах гражданского судопроизводства. В порядке судопроизводства инородные управы подчинялись окружному суду и жалобы в них решались окончательно, с соблюдением годового срока, по истечении которого не принимались.

12 июля 1889 г. было принято Положение о земских участковых начальниках[550], которое сыграло значительную роль в последующих изменениях в административном устройстве инородцев Сибири. Земские участковые начальники сосредоточили всю административную власть во вновь образованных учреждениях по крестьянским собственно делам.

Таким образом, российское законодательство в период с принятия Устава 1822 г. до середины 1890-х гг. в отношении сибирских инородцев характеризуется доминированием политики регионализма, позволившей бурятским ведомствам сохранить традиционный образ жизни. Важнейшие преобразования, происходившие в России на рубеже 1860–1870-х гг., не коснулись инородческого вопроса. На протяжении рассматриваемого периода были приняты законодательные акты, которые не внесли значительных изменений в систему управления инородцев Сибири, учрежденную Уставом 1822 г. Они лишь дополнили и уточнили многие параграфы Устава, касавшиеся налогообложения инородцев, контроля за деятельностью инородческого управления на местах и уголовного судопроизводства. С учетом этих изменений вышли Свод законов 1832 г., 1842 г. и 1857 г. и затем Положение об инородцах 1892 г.

§2. Законодательство в отношении сибирских инородцев в период поздней империи (конец XIX – начало xx вв.)

В конце XIX – начале XX века возрождается интерес российского правительства к Сибири, который был вызван прежде всего экономическими и политическими факторами. Вступление России на путь капиталистического развития после 1861 г. оказывало сильнейшее влияние на развитие национальных окраин, которые постепенно втягиваются в единый общероссийский рынок.

[550] Положение о земских участковых начальниках // ПСЗРИ-3. № 6196. 12 июля 1889 г. Т. 9. СПб.: 1891. С. 508–535.

В Польше и на Кавказе упраздняются должности наместников, в Прибалтике проводятся городская и полицейская реформы, в Средней Азии было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, а затем и Степное генерал-губернаторство.

Значительные изменения происходят и в управлении Сибирью: в 1882 г. было упразднено Западно-Сибирское генерал-губернаторство, управление входящих в его состав губерний получило общее устройство. В 1884 г. было учреждено Приамурское генерал-губернаторство, в состав которого вошла Забайкальская область[551], а Восточно-Сибирское генерал-губернаторство в 1887 г. было переименовано в Иркутское генерал-губернаторство.

Проведенные правительством мероприятия по крестьянскому вопросу не смогли решить проблему крестьянского малоземелья, и этот фактор на фоне революционных настроений в обществе заставил самодержавие взглянуть на Сибирь как на источник дополнительного земельного фонда и принять ряд конкретных мер по освоению «свободных» земель[552].

Дальнейшее развитие России предполагало унификацию ее этнически пестрых регионов, одним из которых являлась Сибирь. Конкретным вариантом этого процесса стал бы перевод всего инородческого сословия в крестьянское, с общей унификацией прав, обязанностей и органов управления. Необходимые земли можно было получить в Сибири через отождествление инородческого и крестьянского землепользования и выделение «свободных земель» из инородческих территорий.

В целом в российском законодательстве в отношении сибирских инородцев в конце XIX – начале XX века можно условно выделить несколько направлений: 1) земельный вопрос; 2) унификация управления сибирских инородцев; 3) уголовное законодательство; 4) вопрос о вероисповедании.

С середины 1890-х гг. последовали важные законы, которые свидетельствовали об изменении политики российского государства в отношении сибирских инородцев – переходе от политики регионализма к политике унификации управления. Существенные изменения произошли в уголовном судопроизводстве инородцев с принятием вы-

[551] Об учреждении Приамурского генерал-губернаторства // ПСЗРИ-3. № 2324. 16 июня 1884 г. Т. 4. СПб.: 1886. С. 376–378.

[552] Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири в XIX – начале XX вв. Иркутск: 1986. С. 67.

сочайше утвержденных «Временных правил о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири» от 13 мая 1896 г., согласно которым были отменены статьи 817–826 Законов о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках издания 1892 г.[553]

Уголовные дела рассматривались на основании правил, изложенных в Уставе уголовного судопроизводства. Дела о преступлениях и проступках, совершенных туземцами, подлежали ведению местных народных судов, за исключением обвинений в совершении следующих преступлений:

1) против христианской веры;

2) против государственной власти;

3) против порядка управления;

4) по службе государственной и общественной;

5) против постановлений о повинностях государственных и земских;

6) против имущества и доходов казны;

7) против общественного благоустройства и благочиния, нарушения постановлений, ограждающих народное здравие;

8) против общественного спокойствия и порядка: а) составление злонамеренных шаек и пристанодержательство; б) лживые доносы и лжесвидетельство по делам, судимым по законам империи; в) укрывательство беглых; г) порча телеграфов и путей сообщения;

9) против законов о состояниях;

10) против жизни, здоровья, свободы и чести: а) убийство; б) нанесение ран и побоев, последствием коих была смерть, а также умышленное причинение тяжелых ран и увечий и подвергающих жизнь опасности побоев или иных истязаний и мучений; в) изнасилование; г) мужеложство с насилием или над малолетними; д) противозаконное задержание и заключение;

11) против собственности: а) насильственное завладение чужим недвижимым имуществом; б) поджог и вообще умышленное истребление чужого имущества; в) разбой и грабеж; г) подложное составление актов, совершенных по русским законам; д) похищение казенного имущества, а равно дела о преступных деяниях, хотя и не принадлежащих к вышеперечисленным, но совершенных туземца-

[553] Временные правила о применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири // ПСЗРИ-3. № 12932. 13 мая 1896 г. Т. 16. СПб.: 1899. С. 416–425.

ми относительно русских или иностранных подданных, ведаются судебными установлениями на общем основании[554].

23 мая 1896 г. было издано высочайше утвержденное положение «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской»[555], имевшее огромное значение в экономической жизни сибирских инородцев. Появление закона было вызвано желанием царского правительства изъять под колонизационный фонд часть земель, находившихся в пользовании у сибирских крестьян и инородцев, для переселенцев из внутренних губерний Европейской России. Интересы переселенческой политики были основными факторами для проведения давно назревшего сибирского землеустройства.

И.А. Асалханов связывает распространение закона о поземельном устройстве поселян Сибири на инородцев также и с политикой их русификации[556]. Закон должен был решить земельный вопрос населения Сибири, а также проблему переселения крестьян из европейских губерний России в Сибирь, тем самым правительство рассчитывало смягчить аграрные противоречия в центре страны и сохранить в нем помещичьи землевладения. Подчинением сибирского землеустройства задачам переселенческой политики объясняется то обстоятельство, что правительство не согласилось на предоставление земельных наделов в собственность сибирским крестьянам.

Согласно Положению поземельное устройство получали крестьяне и инородцы (оседлые и кочевые), хотя изначально по проекту земельное устройство получали все русские крестьяне и оседлые инородцы края. По настоянию иркутского генерал-губернатора, заявившего, что из кочевых инородцев многие, числясь в разряде кочевых, фактически перешли к оседлому образу жизни, Государственный совет постановил распространить действие закона и на кочевых инородцев. Таким образом, буряты Иркутской губернии получали землеустройство наряду с русскими крестьянами.

---

[554] Устав уголовного судопроизводства. Ст. 1407 // Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края. По-новому, 1902 года, изданию / сост. Г. Савич. СПб.: 1903. С. 170–174.

[555] О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской // ПСЗРИ-3. № 12998. 23 мая 1896 г. Т. 16. СПб.: 1899. С. 503–505.

[556] Асалханов И.А. Об аграрной политике царизма в Сибири в конце XIX в. С. 91.

Закон установил 15-десятинную норму на душу мужского пола, хотя многие члены Государственного совета были против такой нормы, считая ее слишком высокой для Сибири. Однако большинство членов Государственного совета, в том числе А.Н. Куломзин, не согласились с 15-десятинной нормой для Сибири, учитывая многоземельные размеры края. В связи с этим они ссылались на именной указ, данный Сенату «О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях» от 24 ноября 1866 г.[557], по которому в малоземельных уездах определялась норма 8 десятин на душу, а в многоземельных уездах разрешалось отводить крестьянам наделы размером до 15 десятин на душу. Следующим обоснованием послужили доводы, высказанные А.Н. Куломзиным о кочевом образе жизни сибирских народов, требующем значительных территорий для выгонов и пастбищ. Надо отметить, что предусмотренная положением даже и 15-десятинная норма надела на наличную душу мужского пола не обеспечивала потребности бурятского кочевого хозяйства.

В законе был предусмотрен отвод обществам и селениям лесных наделов в размере не свыше 3 десятин на наличную мужскую душу независимо от земельных наделов по мере возможности. Статья 12 определяла, что за пользование лесными наделами крестьяне и инородцы уплачивают в пользу казны особый лесной налог. Казенные земли и леса, отведенные по отводным записям обществам и селениям, не могли быть ими ни отчуждаемы, ни обременяемы долгами, т. е. наделы предоставлялись в пользование, а не на правах собственности[558]. Статья 3 определяла, что «крестьяне и инородцы, владея предоставленными им, по отводным записям, землями, обязаны вносить в казну определенный законом ежегодный платеж, под названием государственной оброчной подати»[559].

Наделы обществам и селениям должны были отводиться за счет земельных угодий, находившихся в фактическом пользовании этих обществ и сел к началу поземельно-устроительных работ в данной

[557] «О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях» // ПСЗРИ-2. № 43888. 24 ноября 1866 г. Т. 41. СПб.: 1868. С. 280–283.

[558] О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской // ПСЗРИ-3. № 12998. 23 мая 1896 г. Т. 16. СПб.: 1899. С. 504.

[559] Там же. С. 503.

местности. В статье 8 говорилось: «Если пространство земель и угодий, подлежащих отводу в земельный надел … не достигает 15-десятинного на наличную мужского пола душу размера, то, по ходатайству подлежащих обществ и селений, надел может быть увеличиваем, не свыше упомянутого размера, в тех случаях, когда такая прирезка окажется возможной и необходимой для обеспечения хозяйственного быта сих обществ и селений». Если фактическое землепользование превышало 15-десятинный надел на наличную душу мужского пола, то излишняя часть могла быть оставлена во владении обществ и селений лишь в том случае, когда эти общества и селения принимали на себя обязанность доприняти такое число членов, какое будет соответствовать излишне отводимому количеству земли. В течение 3 лет со времени составления отводной записи новые члены могли приниматься только по приемным приговорам, по истечении этого срока могли быть заселены и без приговоров, по распоряжению местного начальства[560].

В отношении недр земли, отведенных в надел крестьянам и инородцам, соблюдались правила, изложенные в Уставе горном, согласно которому недра казенных земель, отведенных в постоянное пользование государственных крестьян и иных поселян, но не предоставленных им в собственность, принадлежат государству.

4 июня 1898 г. были опубликованы Правила о порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов, определении лесного налога и пользовании лесными наделами в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской[561], согласно которым определялся порядок отвода и отграничения земельных наделов крестьянам и инородцам, их состав и размер. Земельные наделы должны были отводиться каждому селению особо, а в исключительных случаях, когда все угодья или часть пашен, или сенокосов находятся в общем пользовании, двум или нескольким селениям.

[560] О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской // ПСЗРИ-3. № 12998. 23 мая 1896 г. Т. 16. СПб.: 1899. С. 504.

[561] Правила о порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов, определении лесного налога и пользовании лесными наделами в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // ПСЗРИ-3. № 15539. 4 июня 1898 г. Т. 18. СПб.: 1901. С. 454–465.

Для работ по отграничению и отводу земельных наделов создавались поземельно-устроительные комиссии под председательством старшего производителя работ, производителя работ, местного крестьянского начальника, податного инспектора, исправника и лесничего. В работе комиссии должны были принимать участие уполномоченные от крестьян и инородцев. Важными этапами работы комиссии были: установление количества наличных душ, съемки местности, на которых обязательно показывались удобные и неудобные земли. Собирались сведения «об избытке или недостатке земли против 15-десятинной нормы, о числе душ, подлежащих обязательному доприняти́ю, в случае избытка земли в наделе».

По итогам работы поземельно-устроительной комиссии принималось постановление в виде актов, в которых значилось:

1) подлежит ли надел утверждению на основании главного отвода по ст. 4 Положения «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской» от 23 мая 1896 г. или же проектируется по существующему пользованию;

2) число наделяемых душ;

3) общая площадь проектируемого земельного надела с показанием земель удобных и неудобных и количества удобной земли по расчету на наделяемую душу;

4) число душ, подлежащих обязательному доприняти́ю, и т. д.[562]

Высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 19 января 1898 г. в Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях отменялись подушная и оброчная подати, ясачный сбор и сбор на межевание с 1 января 1899 г. Вместо отмененных сборов взимались государственная оброчная подать за отведенные от казны земельные наделы и с инородцев, за земли, принадлежавшие им на правах собственности, поземельная подать[563].

[562] Правила о порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов, определении лесного налога и пользовании лесными наделами в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // ПСЗРИ-3. № 15539. 4 июня 1898 г. Т. 18. СПб.: 1901. С. 460.

[563] «О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственной оброчной и поземельной податями» // ПСЗРИ-3. № 14908. 19 января 1898 г. Т. 18. СПб.: 1901. С. 40–43.

Важное значение для инородческого вопроса имело высочайше утвержденное «Временное положение о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской» от 2 июня 1898 г.[564], наделившее крестьянских начальников широкими правами в управлении «общественным управлением сельских обывателей, а также обязанности по устройству быта этих обывателей и переселенцев и по управлению и суду инородцев». Крестьянские начальники учреждались для контроля за работой волостных учреждений и наделялись исключительными правами: они были правомочны без ведома схода снять волостного старшину, а также сельского старосту, наложить штраф, замечание, выговор, денежное взыскание не свыше пяти рублей или арест на время не свыше семи дней[565].

Статья 35 закона определила их властные полномочия: «Крестьянским начальникам принадлежит: 1) исполнение, лежащих на полиции, согласно положению об инородцах, обязанности по общему наблюдению за инородческим управлением и попечению о нуждах инородцев и 2) разрешение в качестве третьей ступени словесной расправы судебных дел инородцев, подведомственных их родовым управлениям»[566]. Таким образом, они стали исполнять роль суда словесной расправы 3-й степени, ранее находившегося в компетенции местной полиции[567]. Крестьянские начальники получили право утверждать повестку инородческих сугланов, что приводило к полному контролю с его стороны решений собраний.

В судебных делах в отношении инородцев они имели право разбирать дела по спорам на сумму не свыше 2 тысяч рублей: «1) по найму на сельскохозяйственные работы и должности; 2) по отдаче в наем земель или оброчных при них статей, когда на таковую отдачу не было совершено крепостного, нотариального или засвидетельствованного у нотариуса договора; 3) по пользованию

[564] Временное положение о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // ПСЗРИ-3. № 15503. 2 июня 1898 г. Т. 18. СПб.: 1901. С. 403–416.
[565] Там же. С. 410.
[566] Там же. С. 409.
[567] Положение об инородцах. С. 10.

земельными и иными угодьями, отведенными в надел сельским обывателям; 4) по потравам полей, лугов и других угодий»[568].

В случае неисполнения законных его распоряжений или требований предписаний лицами, «подведомственными крестьянскому и инородческому управлениям, начальник имеет право подвергать виновного, без формального производства аресту не свыше трех дней или денежному взысканию не свыше пятнадцати рублей»[569].

Согласно Временному положению был утвержден временный штат крестьянских начальников. Так, в Тобольской губернии полагалось иметь 36 крестьянских начальников с денежным содержанием 1500 руб. в месяц, в Томской губернии – 29, в Енисейской губернии – 21, в Иркутской губернии – 21 с денежным содержанием 1700 руб. в год[570]. В Забайкальской области полагалось иметь 19 крестьянских начальников с годовым содержанием в 2200 руб. каждому[571]. В целом же, по данным официальных источников, расходы крестьянских начальников по Иркутской губернии определялись суммой 69917 руб., по Забайкальской области – 33430 руб.

Введение института крестьянских начальников было призвано дать крестьянину, в том числе и инородцам, в лице начальника «и судью, и попечителя, и друга, и отца»[572], однако на самом деле привело к усилению административной опеки над ними. По мнению многих современников, попечительная деятельность крестьянских начальников дала поразительный материал для печальной характеристики данного института, даже такое официальное лицо, как тобольский вице-губернатор, в своем отзыве о крестьянских начальниках на совещании в Тобольском комитете был вынужден высказать следующее мнение: «С глубоким прискорбием должен сознаться, что некоторые крестьянские начальники Тобольской губернии приобрели грустную славу своими беззакониями и даже хищениями».

---

[568] Временное положение о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // ПСЗРИ-3. № 15503. 2 июня 1898 г. Т. 18. СПб.: 1901. С. 409.

[569] Там же С. 409.

[570] Штаты крестьянских установлений // Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края. По новому 1902 г. изданию / сост. Г. Г. Савич. СПб.: 1903. С. 241.

[571] Штаты крестьянских установлений. С. 242.

[572] Карпинский В. Крестьянские начальники в Сибири // Сибирские вопросы. 1909. № 41. С. 13–19.

Прежде всего, сам состав крестьянских начальников был крайне неудовлетворителен по нравственному и образовательному уровню: в их рядах часто можно было встретить чиновников монопольного ведомства, странствующих актеров, лиц с отметкой о домашнем или низшем образовании, что приводило к массовым нарушениям с их стороны. Этому способствовало также отсутствие контроля за деятельностью самих крестьянских начальников.

О многочисленных нарушениях со стороны крестьянских начальников свидетельствовали письма, поступавшие в редакцию журнала «Сибирские вопросы». В. Карпинский приводит такие примеры злоупотреблений, как обращение ими школьных зданий в склады для собственных товаров, выдача себе монополий на право торговли в подведомственном крае, расходование общественных сумм населения, взимание с них дополнительных сумм, применение экзекуций при сборе недоимок и т. д., сравнивая их с «щедринскими помпадурами и господами «ташкентцами» с явно выраженными хищническими ухватками»[573]. Соединение административной и судебной власти в руках крестьянских начальников особенно тяжело отражалось на положении инородцев, превращая их в бесправных людей.

Немаловажную роль в усилении полицейской опеки и дальнейшей русификации сибирских окраин сыграло решение Государственного Совета «О видах на жительство для инородцев», утвержденное царским указом 8 июня 1898 г.[574], поставившее отлучки инородцев из мест проживания под прямой контроль местной администрации. Положение определяло инородцам места постоянного проживания, при отлучке из которых они обязывались иметь паспорт под предлогом обеспечения налоговых поступлений. У оседлых инородцев местом постоянного жительства считалось общество или волость, к которой они были приписаны, у кочевых инородцев – район перекочевок. Все инородцы, за исключением оседлых, должны были иметь паспорта при отлучке из мест постоянного проживания для устройства на работу по найму. Срок действия паспорта ограничивался одним годом, для его

[573] Карпинский В. Указ. соч. С. 16.

[574] О видах на жительство для инородцев // ПСЗРИ-3. № 15606. 8 июня 1898 г. Т. 18. СПб.: 1901. С. 518–519.

продления требовалось разрешение общества или инородческого начальника. За нарушение паспортных правил инородцы наказывались административной высылкой в 7-дневный срок.

Правительственная политика Российского государства, направленная на унификацию управления в Сибири, в 1901 г. была распространена и на Забайкальскую область, входившую на тот момент в состав Приамурского генерал-губернаторства. Еще в 1897 г. для поземельного устройства населения Забайкальской области было высочайше учреждено Особое совещание под председательством статс-секретаря А.Н. Куломзина.

30 июня 1897 г. военный губернатор Забайкальской области направил директиву, в которой предписывалось всем окружным начальникам, полицейским управлениям, участковым приставам, волостным старшинам, сельским старостам, станичным и поселковым атаманам, тайшам и всем прочим инородческим начальникам оказывать всяческое содействие членам комиссии, за неисполнение виновных ожидало строгое взыскание[575]. В работе комиссии участвовали Д.М. Головачев, Д.А. Клеменц, М.А. Кроль и др.

На основании собранных комиссией материалов в Забайкалье Особым совещанием были выработаны проекты, послужившие основанием к изданию четырех важнейших законов:

1) высочайше утвержденное Положение от 10 апреля 1899 г. «О пределах прав Кабинета Его Императорского Величества на Нерчинский округ», принятое, «дабы установлением сих границ были вместе с тем обеспечены права местного населения и положены твердые основания предстоящего его землеустройства». В Положении были оговорены условия наделения крестьянского и инородческого населения, казачьего войска в пределах Нерчинского округа Забайкальской области земельными, лесными и иными угодьями. Кабинетские земли в пределах Нерчинского округа, подлежащие отводу крестьянскому и инородческому населению, объявлялись казенными, но Кабинету принадлежало право на благородные металлы и драгоценные камни, заключающиеся в недрах этих земель[576];

[575] ГАРБ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 148. Л. 10.

[576] О пределах прав Кабинета Его Императорского Величества на Нерчинский округ // ПСЗРИ-3. № 16736. 10 апреля 1899 г. Т. 19. СПб.: 1902. С. 300–302.

2) 13 февраля 1900 г. были определены условия земельного обеспечения Забайкальского казачьего войска в пределах Нерчинского округа[577];

3) высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 5 июня 1900 г. «Об утверждении главных оснований поземельного устройства населения Забайкальской области»[578]; согласно которому крестьянским и инородческим обществам отводились наделы и выдавались отводные записи;

4) высочайше утвержденные Правила от 3 июня 1902 г. о порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов, определении лесного налога и пользовании лесными наделами в Забайкальской области[579].

Министр земледелия и государственных имуществ по соглашению с министром внутренних дел, председателем высочайше утвержденного совещания о поземельном устройстве населения Забайкальской области и приамурским генерал-губернатором могли приостановить применение узаконений об отводе наделов к тем кочевым инородцам, поземельное устройство которых по условиям их быта будет признано преждевременным. Таким образом, кочевые инородцы Забайкальской области получили возможность отодвинуть применение закона об отводе наделов и немедленное перечисление их в разряд оседлых[580].

Надо отметить особый именной высочайший указ от 10 июня 1900 г. о даровании хоринским бурятам (Агинским инородцам) права собственности на земли, подлежащие им отводу, согласно которому хоринским бурятам было даровано право собственности на их наделы[581]. На наделы, которые отводятся «сельским обществам и селениям бурят ныне ведения Хоринской и Агинской Степных дум выдавать взамен отводных записей, данные, с

[577] Собр. Узак., 1508.

[578] Об утверждении главных оснований поземельного устройства населения Забайкальской области // ПСЗРИ-3. № 18735. 5 июня 1900 г. Т. 20. СПб.: 1902. С. 598–601.

[579] Правила о порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов, определении лесного налога и пользовании лесными наделами в Забайкальской области // ПСЗРИ-3. № 21577. 3 июня 1902 г. Т. 22. СПб.: 1904. С. 523–537.

[580] Об утверждении главных оснований поземельного устройства населения Забайкальской области // ПСЗРИ-3. № 18735. 5 июня 1900 г. Т. 20. СПб.: 1902. С. 600.

[581] Собр. Узак., 1505.

указанием в последних как причитающейся с сих наделов, вместо государственной оброчной подати и лесного налога, поземельной подати в том размере, который имеет быть особо установлен»[582].

Согласно высочайше утвержденным правилам о порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов, определении лесного налога и пользовании лесными наделами в Забайкальской области от 3 июня 1902 г.[583], если отводные земли присуждались крестьянам и инородцам в собственность, то государственная оброчная заменялась поземельной податью. В Правилах четко оговаривался порядок выдачи сельским обществам и селениям бурят Хоринской и Агинской Степных дум актов об отграничении надела.

Следующим законом, имевшим важное значение для инородческого управления и заменившим устаревшие пункты Положения об инородцах 1892 г., явилось высочайше утвержденное 23 апреля 1901 г. Временное положение об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области[584]. Волостная реформа явилась самым решительным проведением политики Российского государства по унификации бурятского и тунгусского населения с русским крестьянским населением.

Временное положение об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области[585] появилось в результате огромной работы, проведенной комиссией А.Н. Куломзина в течение нескольких лет. А.Н. Куломзин в своем письме приамурскому генерал-губернатору Н.И. Гродекову от 18 июня 1899 г. четко определяет цели разрабатываемого проекта: «Стремясь по отношению к бурятам и тунгусам продолжить твердо усвоенную по отношению ко всем инородцам империи политику сближения их с коренным населением государства, я ис-

[582] «О даровании Хоринским бурятам (Агинским инородцам) права собственности на земли, подлежащие им отводу, в силу высочайше утвержденных 5 июня 1900 г. Главных оснований поземельного устройства населения Забайкальской области» // ПСЗРИ-3. № 18735. 5 июня 1900 г. Т. 20. СПб.: 1902. С. 629–630.

[583] О порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ и об отводе лесных наделов, определении лесного налога и пользовании лесными наделами в Забайкальской области // ПСЗРИ-3. № 21577. 3 июня 1902 г. Т. 22. СПб.: 1904. С. 523–537.

[584] Временное положение об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области // ПСЗРИ-3. № 19984. 23 апреля 1901 г. Т. 21. СПб.: 1903. С. 253–260.

[585] Там же. С. 253–260.

ходил из мысли о необходимости введения в забайкальских степях устройства, сообразованного в главных своих началах с организацией прочего сельского населения империи, но, в частности, столько от нее различного, насколько этого требует характер народа, степень его развития, а также экономические и политические условия, в которые поставлено инородческое население»[586].

К своему письму А.Н. Куломзин прилагает «Записку об административном и судебном устройстве кочевых инородцев Забайкальской области»[587], в которой рассматривается история административного устройства инородцев Забайкальской области с момента их присоединения к Российскому государству. Первым актом, установившим порядок управления «ясашными иноземцами» Забайкалья, были, по мнению А.Н. Куломзина, особые «Правила пограничным дозорщикам» С.Л. Владиславича-Рагузинского 1727 г., то же родовое начало было положено в основание Устава об управлении инородцев 1822 г.

К концу XIX в. произошли глубокие изменения в экономической и социальной сфере жизни инородцев, связанные прежде всего с распадом родового строя и переходом инородцев к оседлому образу жизни. Закон 1858 г. о порядке перечисления из рода в род и разделения родов[588] нанес последний удар родовому принципу, с этого времени переход из рода в род, даже из бурятского в тунгусский и из тунгусского в бурятский, сделался явлением заурядным и практикующимся в весьма широких размерах. К 1897 г. по Забайкальской области из 405 зарегистрированных инородческих общин с 30420 хозяйствами с однородным составом оказались только 74 (18,3%) с 5137 хозяйствами (16,9%)[589].

За основу проекта Временного положения об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области были положены результаты исследований особой Степной комиссии, направленной в киргизские степи в 1865 г. для изучения на месте быта кочевников. Труды Степной комиссии и ее заключения о необходимости органического слияния населения

[586] ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. 3 дп. Д. 288. Л. 1.
[587] Там же. Л. 3–19.
[588] Положение Сибирского комитета «О порядке разделения инородческих в Сибири родов и перечисления инородцев из одного рода в другой» // ПСЗРИ-2. № 33244. 3 июня 1858 г. Т. 33. СПб.: 1860. С. 707–708.
[589] ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. 3 дп. Д. 288. Л. 3 об.

степей с прочими частями Российской империи и о приближении административного устройства края к формам управления, существующим в России, были высочайше одобрены Особым совещанием об устройстве среднеазиатских владений и были приняты следующие законы об устройстве инородцев:

1) именной указ, данный Сенату «Об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства в составе двух областей Семиреченской и Сыр-Дарьинской» от 11 июля 1867 г.[590];

2) именной указ, данный Сенату «О преобразовании управления киргизскими степями Оренбургского и Сибирского ведомств и Уральскими и Сибирскими казачьими войсками» от 21 октября 1868 г.[591] об управлении областями Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской;

3) высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанского края и Правила о введении поземельно-податного устройства в Туркестанском крае от 12 июня 1886 г.[592];

4) высочайше утвержденное Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения от 25 марта 1891 г. об управлении Туркестанского края[593].

Согласно этим законодательным актам происходило административное, судебное, поземельное устройство и формировалась система податей и повинностей по степным областям Туркестанского края и Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей. Стремясь к постепенному введению в пределах инородческих кочевий общего строя управления, насколько это допускают местные условия, особенности и обычаи, и пользуясь положениями закона от 19 февраля 1861 г., вышеперечисленные законы выполняли такие важные задачи, как, во-первых, установ-

[590] «Об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства в составе двух областей Семиреченской и Сыр-Дарьинской» // ПСЗРИ-2. № 44831. 11 июля 1867 г. Т. 42. СПб.: 1871. С. 1150–1151.

[591] О преобразовании управления киргизскими степями Оренбургского и Сибирского ведомств и Уральскими и Сибирскими казачьими войсками» // ПСЗРИ-2. № 46380. 21 октября 1868 г. Т. 43. СПб.: 1873. С. 364–365.

[592] Положение об управлении Туркестанского края. Правила о введении поземельно-податного устройства в Туркестанском крае // ПСЗРИ-3. № 3814. 12 июня 1886 г. Т. 6. СПб.: 1888. С. 318.

[593] Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской и об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края // ПСЗРИ-3. № 7574. 25 марта 1891 г. Т.11. - СПб., 1894. С.133-147.

ление выборного начала как основы организации низшей общественно-народной власти, и, во-вторых, разделение администрации и суда, насколько это было возможно по местным обычаям.

А.Н. Куломзин, принимая во внимание то, что буряты и тунгусы связаны «с киргизами объединяющим влиянием степи и степного быта и в то же время по образу жизни и степени хозяйственно-экономического развития стоящие гораздо ближе к оседлому сельскому населению»[594], решил применить эти законы и в Забайкальской области.

8 сентября 1899 Г.Н.И. Гродеков, ознакомившись с проектом, в своем ответе А.Н. Куломзину выражает беспокойство по поводу того, как примут буряты реформу, в особенности каково настроение «бурятских вожаков», справедливо полагая, что именно от их позиции зависит общее состояние бурятского населения. По его мнению, едва ли настроение бурятской верхушки может быть благоприятным, так как даже недогадливый человек, не говоря уже о развитых умственно и образованных бурятах, поймет, «к чему клонится дело и как радикально изменится общественное и имущественное положение родовичей, играющих роль «улусных князьцев», а впоследствии вынужденных подчиниться, а подчас просить, кланяться простым, вовсе не родовым людям, избираемым в волостные управители, сельские старшины и народные судьи».[595] Далее он предлагает поручить военному губернатору Забайкальской области провести секретные исследования настроения выдающихся инородческих родовичей, обратив внимание и на религиозную сторону, потому что даже философски спокойный и безразличный буддизм при благоприятных обстоятельствах и в искусных руках может создать фанатиков на почве религиозно-национальных идей и мечтаний[596].

Н.И. Гродеков, подробно изучив проект закона об общественном управлении и суде кочевых народов Забайкальской области, высказал свои замечания по ряду его статей. Так, он предложил заменить названия «волостной управитель» на «волостного начальника», «сельский старшина» на «сельского старосту», в отношении судов ограничиться без упоминания слова «инородче-

[594] ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 288. Л. 8 об.
[595] Там же. Л. 45.
[596] Там же. Л. 49.

ского». Самой значительной правкой в проект закона является его замечание о том, что все должности, включая и должности судей, должны быть «платными», т. е. всем должностным лицам необходимо назначить жалованье из общественных сборов для привлечения в состав туземной администрации отборных лиц из элемента, отличающегося средней достаточностью и привычкой работать за вознаграждение.

В августе-сентябре 1899 г. проходят заседания областной Комиссии по обсуждению проекта «Временного положения об административном и судебном устройстве кочевых народов Забайкальской области» под председательством военного губернатора Забайкальской области Е.О. Мациевского. Члены комиссии также предлагали заменить слово «волостной управитель» на «волостного старшину», «сельский старшина» – на «сельского старосту», «волостной съезд» – на «волостной сход», «сельский съезд» – на «сельский сход». Важным замечанием явилось предложение дополнить статью 4, где говорилось о порядке перечисления инородцев из одного общества в другое, примечанием об обязательном извещении об этом в Забайкальскую Казенную палату. В статью 6 предлагалось включить пункт об избрании помощников волостных старшин, в статью 10 к требованиям для избрания должностных лиц добавить «знающих русскую грамоту и русский язык». Областная комиссия также поддержала предложение Н.И. Гродекова об обязательном назначении денежного содержания выборным должностным лицам. Статья 20 дополнялась примечанием о том, что книги и отчетность должны вестись на русском языке.

Таким образом, в течение 1899–1900 гг. шло обсуждение проекта, надо отметить, что все предложенные замечания и дополнения не вносили особых изменений. В июне 1900 г. состоялось заседание Совещания о поземельном устройстве населения Забайкальской области под председательством А.Н. Куломзина, которое после обсуждения истории вопроса и всех замечаний, дополнений, высказанных Приамурским генерал-губернатором и областной Комиссией, пришло к заключению:

1. Представить проект с изменениями на рассмотрение и утверждение Николаю II;

2. Ввести Положение об административном и судебном устройстве кочевых народов Забайкальской области одновремен-

но с введением в Забайкальской области Положения о крестьянских начальниках;

3. С упразднением инородческих органов местного самоуправления текущие административные дела всех учреждений и должностных лиц инородческого управления распределить между вновь образуемыми инородческими волостями и сельскими обществами[597].

С введением волостной реформы упразднялось административное устройство бурят и эвенков Забайкальской области, основанное на Уставе об управлении инородцев 1822 г. М.М. Сперанского, имевшее почти восьмидесятилетнюю историю. Правительство «Временным положением» преследовало цель заменить родовые органы самоуправления волостными правлениями, упразднить должности тайшей, заседателей, голов и выборных, образовать вместо ведомств волости по территориальному принципу. Все текущие дела Степных дум, инородных управ и родовых управлений распределялись между новыми волостными и сельскими учреждениями, неоконченные производством судебные дела во всех степенях словесной расправы прекращались и начинались по новым искам в учреждаемых инородческих судах, все оконченные производством дела передавались в областной архив[598].

Волости управлялись волостными старшинами, а сельские общества – сельскими старостами. Для содействия старшинам в исполнении их обязанностей могли назначаться помощники старшины. Волостные старшины, их помощники и сельские старосты могли носить почетные инородческие звания шуленг, зайсанов и т. п., но в сношениях с правительственными учреждениями должны были именоваться по должностям, которые они занимают[599].

Волостные старшины, их помощники и сельские старосты назначались по выбору своих обществ на четыре года, что является существенным отличием от Положения об инородцах 1892 г., согласно которому выборными считались только должности головы и выборных инородных управ, избравшиеся сроком на три

[597] ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 288. Л. 113–140.

[598] Временное положение об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области // ПСЗРИ-3. № 19984. 23 апреля 1901 г. Т. 21. СПб.: 1903. С. 254.

[599] Там же. С. 255.

года. Требования к должностным лицам оставались такими же, как и к должностным лицам степного управления: домохозяин, старше 25 лет, не бывший и не находящийся под судом и следствием. На каждую должность волостного старшины и его помощника избирались по два кандидата, на которых в случае их отсутствия, увольнения от должности, болезни или смерти возлагалось исправление их обязанностей. Особо был выделен пункт о том, что волостные старшины и их помощники избираются преимущественно из лиц, знающих русский язык и русскую грамоту[600].

Согласно волостной реформе, инородческим должностным лицам полагалось содержание в соответствии с величиной и благосостоянием общества. Так, волостной старшина должен был получать не больше 500 руб. в год, его помощник – не более 300 руб., сельский староста – не более 250 руб. в год[601]. Место сугланов заняли волостные сходы выборных, избираемых от каждых 25 домохозяев на сельских сходах простым большинством голосов.

Волостная реформа проводилась одновременно с распространением на Забайкальскую область с 1 октября 1901 г. Временного положения от 2 июня 1898 г. о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской[602]. Вводился институт крестьянских начальников, которые наделялись исключительными правами: они были правомочны без ведома схода снять волостного старшину, сельского старосту, наложить штраф, подвергать аресту крестьян, контролировать всю деятельность волостных учреждений.

Согласно статье 48 «Временного положения об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области», у кочевых инородцев учреждался «инородческий» суд, в круг ведения которого входило разрешение подсудных ему дел «на основании существующих у названных инородцев обычаев».

Ведению инородческого суда подлежали:

---

[600] Временное положение об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области // ПСЗРИ-3. № 19984. 23 апреля 1901 г. Т. 21. СПб.: 1903. С. 257.

[601] Там же. С. 256.

[602] Собр. узак. № 1080 // Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края. По новому, 1902 года, изданию / сост. Г. Савич. СПб.: 1903. С. 427–428.

1) все дела о преступлениях и проступках, совершенных кочевыми инородцами, кроме изъятых из их подсудности;

2) возникающие между кочевыми инородцами дела брачные и семейные, о недвижимом имуществе, входящем в состав их надела, а также по наследованию и разделам имущества между наследниками без ограничения суммы;

3) все остальные гражданские дела между инородцами, если цена иска не превышает двух тысяч руб. за исключением случаев: а) когда ответчик имеет постоянное жительство в пределах поселений оседлых жителей и б) когда дела эти основаны на документах, совершенных либо засвидетельствованных при участии подлежащих властей по общим законам империи, или на векселях.

Из подсудности инородческого суда были изъяты преступления и проступки, за которые инородцы привлекались к ответственности на общих основаниях: 1) против христианской веры; 2) государственные; 3) против порядка управления; 4) по государственной и общественной службе; 5) против постановлений о государственной и общественной повинностях; 6) против имущества и доходов казны; 7) против общественного благоустройства и казны; 8) против общественного спокойствия и порядка; 9) против законов о состояниях; 10) против жизни, здоровья, свободы и чести; 11) против собственности[603].

Вводились выборные должности инородческих судей, которых назначали по выбору общества на волостных сходах сроком на четыре года. Число инородческих судей в каждой волости устанавливалось согласно «пространству и населенности», но не более четырех. Судьей мог быть избран домохозяин не младше тридцати лет, пользующийся уважением и доверием общества. К избранию не допускались подвергшиеся по приговору суда наказаниям, превышающим семидневный арест или денежное взыскание в тридцать рублей; состоявшие или состоящие под следствием или судом за преступления и проступки.

Особо надо отметить пункт о том, что лица, занимающие другие должности по инородческому управлению, не могли избрать-

[603] Временное положение об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области // ПСЗРИ-3. № 19984. 23 апреля 1901 г. Т. 21. СПб.: 1903. С. 258.

ся в судьи[604], тем самым согласно волостной реформе судебная власть в бурятских и тунгусских обществах отделялась от исполнительной власти. Председатели инородческих судов и инородческие судьи должны были получать денежное содержание: первые – не свыше 500 руб., а вторые – не свыше 300 руб. в год за счет общественных средств. Инородческий суд мог выносить следующие наказания: 1) выговор; 2) штраф не свыше трехсот руб.; 3) заключение под стражу не свыше шести месяцев, а при повторении или совокупности преступлений и проступков – не свыше одного года.

Таким образом, учреждение инородческого суда в корне изменило систему судопроизводства у бурят и тунгусов Забайкальской области. Если в Уставе об управлении инородцев 1822 г. исполнительная и судебная власть не были отделены, должностные лица местного самоуправления являлись одновременно судьями, то волостная реформа впервые отделила инородческий суд от органов местного самоуправления.

Волостная реформа полностью изменила административное устройство забайкальских бурят и тунгусов и явилась, по мнению П.Т. Хаптаева, «самым решительным и вместе с тем самым обнаженным проведением русификаторской политики царизма в деле административного устройства бурят». Однако соседство с Монголией продолжает оставаться козырной картой бурят во взаимоотношениях с русским правительством. По этому поводу миссионер Е. Кузнецов пишет в 1904 г.: «Если в некоторых, по их мнению, важных случаях ходатайства их не будут уважены, то буряты готовы решиться на самое крайнее средство – выселиться в Монголию»[605]. Так, на неопределенный срок был отложен вопрос о воинской повинности бурят, предполагалось меньшее налогообложение бурят и выделение большего земельного надела по сравнению с русскими крестьянами.

Администрация Забайкальской области понимала, что основной экономической причиной массовых перекочевок бурят в пределы Монголии может стать наступающее на их родине земельное утеснение, несоответствие существующих хозяйственных форм

[604] Временное положение об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области // ПСЗРИ-3. № 19984. 23 апреля 1901 г. Т. 21. СПб.: 1903. С. 257.

[605] ИЕВ. 15 декабря 1904 г. № 24. С. 347.

занятыми бурятами земельным площадям. На первый взгляд можно было бы подумать, что выселение бурят может быть выгодно для остающегося здесь оседлого крестьянства в некоторых местностях малоземельного населения.[606] Это привело бы, как может показаться, к освобождению земли для русского коренного населения и однообразию состава населения области.

Однако все эти меры, по мнению администрации Забайкальской области, привели бы:

1) к характеру международного скандала, международное положение России на Дальнем Востоке было бы окончательно потеряно, экономические узы России и Монголии порваны навсегда.

2) к обезлюдению приграничных областей, что привело бы к ослаблению экономической мощи. Восполнить пробел путем колонизации их выходцами из коренной России – дело затяжное и не вполне осуществимое, потому что большая часть земель бурят в силу физико-географических условий совершенно непригодна для оседлого земледельческого хозяйства. После перекочевок эти земли превратятся в пустыни, это вызовет падение скотоводства, и все это приведет к необходимости усиления ввоза продуктов скотоводства[607].

К числу экономических последствий нарушений добрососедских отношений с Монголией администрация Забайкальской области относит «выселение из Монголии всех русских, разрушение русских торгово-промышленных предприятий и разорение работающих там торговых фирм, усиление китайского влияния, захват монгольского рынка Китаем, усиленную колонизацию пограничной Монголии китайскими переселенцами, которые будут еще в большем размере проникать в пределы России, конкурировать с русскими рабочими и мелкими производителями, вытесняя их массами, как теперь китайские торговцы, ремесленники, огородники и рабочие вытесняют частично русских», что, несомненно, в дальнейшем может привести к мясному голоду в Иркутске и Забайкалье[608].

Общее настроение политики Российского государства в отношении бурят выразил приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф: «Я считаю крайне желательным успокоение бурят,

[606] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17327. Л. 3 об.
[607] Там же. Л. 3 об. – 4.
[608] Там же. Л. 2 об.

этого весьма нравственного и добродушного населения, отбывающего бездоимочно все повинности, всецело приверженного к России и занимающего на большом протяжении пограничной полосы с соплеменными с ними монголами, китайскими подданными. Чем счастливее и спокойнее будет жизнь наших бурят, тем больше усиливается тяготение к России китайских монголов и тем обеспеченнее будет наша забайкальская граница»[609].

Важное значение в религиозной жизни бурят имело издание в 1896 г. Устава духовных дел иностранных исповеданий, согласно которому большое значение придавалось управлению духовными делами ламаитов и язычников. К ламаитам были отнесены некоторые калмыки, кочующие в Астраханской и Ставропольской губерниях и часть войска Донского, и некоторые буряты в Иркутской губернии и Забайкальской области, при этом в примечании указывается, что правила о ламайском духовенстве в Восточной Сибири определяются особыми постановлениями.

Об изменениях в миссионерской политике свидетельствовали, например, такие пункты Устава: сибирские инородцы, не исповедующие христианскую веру, имеют свободу отправлять богослужение по их обрядам и обычаям; православное духовенство в обращении сибирских инородцев к христианству имеет поступать по правилам кротким, ограничиваясь одними убеждениями, без малейших принуждений, в то же время местное начальство обязано не допускать стеснения тех и других инородцев под предлогом обращения их в христианскую веру; в случаях несоблюдения инородцами церковных обрядов по невежеству их не подвергать никаким взысканиям[610].

Принцип «свободы верования и молитв по велениям его совести» для всех жителей Российской империи провозгласил именной высочайший указ, данный Сенату от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», имевший важное значение не только для бурятского, но и для всего российского общества[611]. Он отменил все действовавшие до этого законы, противоречившие веротерпимости, существенно изменил правовой статус инославных и иноверных испо-

[609] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13785. Л. 3об.

[610] Устав духовных дел иностранных исповеданий 1896 г. // Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края. По новому, 1902 года, изданию / сост. Г. Савич. СПб.: 1903. С. 207–208.

[611] Именной указ Сенату «Об укреплении начал веротерпимости» // ПСЗРИ-3. № 26125. 17 апреля 1905 г. Т. 25. СПб.: 1908. С. 257–258.

веданий, что раскрепостило религиозное исповедание и способствовало укреплению взаимопонимания народов, населявших Россию.

Вслед за указом было принято высочайше утвержденное Положение Комитета Министров об укреплении начал веротерпимости, разработанное в соответствии с высочайшим указом от 12 декабря 1904 г. «для выполнения высочайшей воли об охранении терпимости в делах веры»[612]. Указ предоставлял всякому совершеннолетнему русскому подданному право исповедовать любое христианское вероучение и признал подлежащими пересмотру законоположения, касавшиеся важнейших сторон религиозного быта лиц магометанского исповедания, а также изменял действующие узаконения о ламаитах, «возбранив впредь именование их в официальных актах идолопоклонниками и язычниками»[613].

В связи с принятыми законами, внесшими значительные изменения в управление инородцев, назрела необходимость в новой редакции Положения об инородцах 1892 г. С учетом законодательных актов, принятых после 1895 г., было принято Продолжение 1906 г. Положения об инородцах 1892 г. (Свод законов 1906 г.) В статью 8 на основании «Временного положения об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области» от 23 апреля 1901 г. были внесены два примечания:

1) «общественное управление и инородческий суд кочевых инородцев Забайкальской области образуются на основании правил, при сем приложенных»;

2) «Степные думы, инородные управы и родовые управления кочевых инородцев Забайкальской области, а также должности по управлению этих инородцев, существовавшие до издания правил … упразднены»[614]. Это же примечание относилось ко всем статьям, где упоминались органы степного управления.

Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 27 мая 1902 г. «О распространении на Амурскую и Приморскую области действия Временного положения 2 июня 1898 г. о крестьянских начальниках»[615] возложило обязанности по управлению, суду

[612] Положение Комитета министров «Об укреплении начал веротерпимости» // ПСЗРИ-3. № 26126. 17 апреля 1905 г. Т. 25. СПб.: 1908. С. 258–262.

[613] Там же. С. 258.

[614] Свод законов 1906 г. СПб.: 1907. Ст. 8.

[615] «О распространении на Амурскую и Приморскую области действия Временного положения 2 июня 1898 г. о крестьянских начальниках» // ПСЗРИ-3. № 21505. 27 мая

и по земельному устройству сибирских инородцев на крестьянских и инородческих начальников, уездные съезды крестьянских начальников, губернские управления (Областные по крестьянским делам присутствия) и поземельно-устроительные комиссии[616]. Данный пункт дополнил статью 15 Положения об инородцах 1892 г., в которой управление кочевыми и бродячими инородцами Приморской и Амурской областей предоставлялось военным губернаторам[617].

Закон о состояниях издания 1899 г. определил, что к числу обитающих в Российской империи инородцев принадлежат сибирские инородцы, самоеды Архангельской губернии, кочевые инородцы Ставропольской губернии, киргизы Внутренней Орды, инородцы областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской, инородческое население Закаспийской области и евреи. Права сибирских инородцев определялись Положением об инородцах. Принятие христианской веры кочевыми сибирскими инородцами не препятствовало им оставаться при прежних правах[618].

На основании высочайше утвержденных Правил от 4 июня 1898 г. статья 26 была дополнена примечанием: «В губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской кочевые инородцы, получив поземельное устройство, при выдаче им отводных записей, перечисляются в разряд оседлых». Статья 34 дополнилась соответственно примечанием: «В губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской кочевые инородцы по делам, касающимся поземельного их устройства, имеют право составлять сходы и постановлять на них приговоры, на одинаковых основаниях с инородцами оседлыми».

Были внесены изменения в статьи о деятельности инородческого суда. В статью 75 о словесной расправе инородцев были добавлены два примечания об исключении кочевых инородцев Забайкальской области из народов, судящихся по нормам обычного права, и о праве крестьянских и инородческих начальников налагать взыскания за маловажные проступки инородцев[619]. В примечании к статье 81 указывалось, что у инородцев, кроме инородцев

1902 г. Т. 22. СПб.: 1902. С. 394–395.

[616] Положение об инородцах // Продолжение Свода законов Российской империи 1906 г. Часть 1. Статьи к Т. I и II. СПб.: 1907. С. 3.

[617] Положение об инородцах. С. 3.

[618] Закон о состояниях. Ст. 762–764 // Продолжение Свода законов Российской империи 1906 г. Часть 1. Статьи к Т. I и II. СПб.: 1907. С. 24–25.

[619] Положение об инородцах // Продолжение Свода законов Российской империи 1906 г. Часть 1. Статьи к Т. I и II. СПб.: 1907. С. 4.

Забайкальской области, крестьянским и инородческим начальникам давалось право выступать в качестве суда третьей степени словесной расправы. Были внесены изменения в статьи о деятельности судов, так, статья 98 заменена следующим текстом: «Исковые дела кочевых и бродячих инородцев начинаются в окружных судах не прежде, как по неудовольствиям на решение во всех степенях словесной расправы. Дела эти производятся в окружных судах с соблюдением правил, постановленных в Законах о судопроизводстве гражданском. Решения окружных судов по сим делам признаются окончательными и обжалованию не подлежат»[620].

В статью 94 Положения об инородцах 1892 г. было внесено примечание о том, что в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской, а также в областях Забайкальской, Амурской и Приморской переименованы: округи – в уезды; должностные лица в учреждении, которым присвоено было название окружных – в уездные и земские заседатели (участковые приставы) – в становые приставы[621]. В местностях, на которые распространялось Временное положение о крестьянских начальниках, исполнение ранее лежавших на полиции обязанностей по общему наблюдению за инородческим управлением и попечению о нуждах инородцев по Положению об инородцах 1892 г. возлагалось на крестьянских и инородческих начальников. (Статья 128, примечание 2)[622].

Статья 187 Положения об инородцах 1892 г. допускала разъезды чиновников по стойбищам инородцев в следующих случаях: 1) для ревизии порядка по управлению; 2) для следствий; 3) для сбора податей; 4) для надзора за порядком на ярмарках[623]. В связи с принятием высочайше утвержденных «Временных правил о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири» от 13 мая 1896 г. в п. 2. статьи было внесено изменение о том, что разъезды чиновников по стойбищам инородцев допускаются для производства дознаний и следствий[624].

Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 21 апреля 1903 г. о возложении на уездные съезды крестьянских начальников в Тобольской и Томской губерниях рассмотре-

[620] Положение об инородцах 1906 г. С. 5.
[621] Там же. С. 5.
[622] Там же. С. 5.
[623] Там же. С. 3.
[624] Там же. С. 6.

ния жалоб на решения волостных управ и о распространении на Усинский пограничный округ действия высочайше утвержденного 2 июня 1898 г. Положения о крестьянских начальниках[625] отменило положение о представлении сметы внутренних повинностей для рассмотрения Губернскому совету. Исчисление внутренних повинностей теперь предоставлялось местному губернатору и Общему присутствию губернского управления.

После издания Свода законов 1906 г. были приняты законодательные акты, с учетом которых появилось Продолжение 1912 г., 1914 г. Положения об инородцах 1892 г. Эти законы коснулись в основном управления инородцев Архангельской, Ставропольской, Астраханской губерний и не внесли изменений в управление бурятского населения Иркутской губернии и Забайкальской области.

Вышеуказанное позволяет нам сделать следующий вывод: с середины 1890-х гг. начинается новый этап в законодательной политике Российского государства в отношении инородцев, связанный с переходом к политике унификации управления окраинами. Российское законодательство конца XIX – начала XX в., переработав все существовавшее до него законодательство по крестьянскому и инородческому делу в Сибири и Степном крае, в корне изменило быт населения и устройство управления в Сибири.

Таким образом, на основании анализа инородческого вопроса в общеимперском и местном законодательстве можно проследить эволюцию правительственного взгляда на коренное население Сибири от политики регулирования сбора налогов до политики регионализма М.М. Сперанского с идеей сохранения особого статуса Сибири и сибирских народов, от него до политики унификации сибирских народов.

Законодательство XVIII – начала XIX вв. в отношении инородцев Сибири носило фрагментарный характер и законодательные акты касались в основном вопросов организации сбора налогов и крещения инородцев. Устав об управлении инородцев 1822 г. явился переломным моментом в политике Российского государ-

[625] «О возложении на уездные съезды крестьянских начальников в Тобольской и Томской губерниях рассмотрения жалоб на решения волостных управ и о распространении на Усинский пограничный округ действия высочайше утвержденного 2 июня 1898 г. Положения о крестьянских начальниках» // ПСЗРИ-3. № 22821. 21 апреля 1903 г. Т. 23. СПб.: 1905. С. 404–405.

ства в отношении инородцев, основной смысл которой заключался не только в стремлении обеспечить бесперебойное пополнение государственной казны налоговыми поступлениями, но и в процессе унификации управления, который происходил за счет приобщения инородцев к земледелию, уравнения в правах оседлых инородцев с крестьянами. Российское государство до середины XIX в. стремилось не ломать существующую у народов Сибири систему местного управления и самоуправления, основанную на родоплеменном принципе, и сохранить традиционный образ жизни. Однако такой подход перестал отвечать политике Российского государства, пытавшегося изменить геополитическую ситуацию на востоке – сделать азиатские окраины России русскими.

Однако только в середине 1890-х гг. Российскому государству удается законодательно провести коренные изменения в политике в отношении инородцев, направленные на унификацию их управления с крестьянским. Законы конца XIX – начала XX в. отразили изменения в политике Российского государства в отношении инородцев, связанные с ассимиляцией инородцев с русским населением, с социально-экономическим развитием народов Сибири, разложением патриархально-феодальных и развитием капиталистических отношений. Новое законодательство уничтожило систему М.М. Сперанского, также упразднило и юридическую функцию родов. Царское правительство привело администрацию бурят в соответствие с принципами управления русскими крестьянами в Сибири, разрушив родоплеменную организацию.

Характеризуя политику Российского государства в дореволюционный период в отношении бурят, надо отметить, что оно старалось чрезвычайно бережно и осторожно подходить к разрешению вопросов, затрагивающих существенные интересы бурятского населения Иркутской губернии и Забайкальской области[626]. Основной причиной проведения такой политики, на наш взгляд, стал пограничный фактор, желание России сохранить свои государственные границы, развивать в Монголии торговые интересы, восстановить и закрепить свое международное положение на Дальнем Востоке.

[626] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17327. Л. 4об.–5.

Глава IV. Степные думы, инородные управы, родовые управления бурят в имперской системе власти (XIX – начало XX в.)

§ 1. Образование и развитие системы органов местного самоуправления бурят (1820–1890-е гг.)

В начале XIX в. в российском правительстве шел интенсивный поиск приемлемых форм организации власти на окраинах Российской империи. В этот период система управления национальными окраинами России отличалась «особенным характером» административно-территориального деления (наместничества в Царстве Польском с 1815 г. и на Кавказе с 1844–1845 гг., генерал-губернаторства в Прибалтике, Оренбургском крае, Западной и Восточной Сибири и т. д.) и наличием «особенных» специфических, нередко для данной окраины, учреждений и должностных лиц. Специфика же управления отдельными национальными окраинами определялась местными задачами царизма: например, на Кавказе она была вызвана частыми войнами с Турцией и Персией и почти постоянным состоянием войны с борющимися за свою независимость горскими народами, в Польше – необходимостью укрепления западных границ и угрозой восстания и т. п.[627] Основной задачей Российского государства в Сибири было удержание под своей властью более 30 этносов, столь отличных по своему этническому, хозяйственному, культурному облику народов, а также создание механизмов их интеграции в систему общероссийских государственных связей, которые обеспечили бы целостность государства[628].

[627] Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М.: 1960. С. 239.

[628] Мамышева Е.П. Хакасия: от Степных дум к автономии (1822–1930). Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2008. С. 21–22.

Особую остроту вопросу об управлении в Сибири придавал непрекращающийся поток жалоб о злоупотреблениях сибирских чиновников. «Темные поборы», взяточничество, казнокрадство, административный произвол снижали податные возможности сибирского населения, что наносило ощутимый ущерб фискальным интересам царизма. В правительственных кругах шла борьба между сторонниками унификации управления окраинами и приверженцами идеи особого статуса окраинных территорий[629].

Следующим фактором проведения реформы управления в Сибири становятся изменения в хозяйственном укладе бурятского населения, происходившие в конце XVIII и первой половине XIX в. Наряду со скотоводством развивается земледелие, увеличивается сенокошение, распространяется использование наемного труда в сельском хозяйстве, развиваются товарно-денежные отношения. Уменьшение доли охоты приводит к вытеснению натурального ясака денежным. Все эти факторы свидетельствовали о вхождении бурятского хозяйства в рыночные отношения и необходимости перестройки системы управления.

В целом, рассматриваемое время было периодом преобладания регионалистских тенденций в политике царизма по управлению окраинами. Создание и деятельность органов местного самоуправления у некоторых сибирских народов в форме Степных дум, инородных управ и родовых управлений было проявлением этих тенденций.

История органов местного самоуправления сибирских народов в XIX – начале XX в. как уникальный опыт самоуправления коренных сибирских народов представляет огромный интерес для исследователей. В ходе присоединения новых сибирских территорий Русское государство встало на путь инкорпорирования существовавших ранее форм социальной самоорганизации народов Сибири, в том числе и имеющих властные полномочия, в свой состав. Кроме того, царское правительство было вынуждено считаться с нормами обычного права и некоторыми другими обычаями, регулировавшими жизнь этих народов[630].

[629] Дамешек И.Л. Российские окраины в имперской стратегии власти. (Начало XIX – начало XX вв.). Иркутск, 2005. С. 70.

[630] Борисов А.А., Дамешек Л.М. Степные думы Сибири: исторический опыт самоуправления в имперской системе власти // Известия ИГУ. Серия «Политология. Религиоведение». 2011. № 1(6).

Согласно Уставу 1822 г., устанавливалось трехступенчатое управление кочевыми народами: Степная дума, инородная управа, родовое управление. Степные думы как высшая ступень органов инородческого самоуправления были образованы у бурят, хакасов, эвенков и якутов. У бурят было учреждено 12 Степных дум, у хакасов − четыре думы: Кызыльская, Койбальская, Качинская, Аскызская, у эвенков – Урульгинская Степная дума, у якутов – Якутская Степная дума. Всего по Уставу 1822 г. в Сибири было образовано 18 Степных дум. Кроме Степных дум также были образованы самостоятельные инородные управы и родовые управления.

Новая система органов местного самоуправления была достаточно эффективной: инородческие общества самостоятельно, в пределах своего ведомства, при четком следовании общероссийским законам решали все административные, хозяйственные, судебные, кроме уголовных, вопросы, занимались развитием народного образования, здравоохранения, социальным призрением и благотворительностью. Таким образом, на протяжении XIX в. у сибирских народов, в том числе и бурят, создавался уникальный опыт самоуправления.

Хакасские Степные думы были учреждены по предписанию Енисейского губернского правления от 4 февраля 1825 г., согласно которому «инородцы, живущие в Ачинском и Минусинском уездах, причислены по образу их занятий ко 2 разряду и разделены на южных скотоводцев и промышленников и на кочующих земледельцев, между ними учреждены и думы, и 39 родовых управ, и выбраны начальники и головы. Инородцы, занимающие Енисейский округ, по образу их занятий подходят все к 3-му разряду и наименованы бродячими; разделены на 42 родовые управления, каждое под ведомство своего князьца». В момент реформы инородцев в Енисейской губернии, по данным губернского правления, насчитывалось 15076 душ; по уездам они распределялись так: в Ачинском – 2855, в Минусинском – 8069, в Енисейском – 4152[631].

Особенностью системы местного самоуправления хакасов является то, что трехступенчатая система была создана по настоя-

[631] Чибизев И.Я. Инородцы Енисейской губернии в первые годы ее существования // Сибирский архив. Сентябрь 1914 г. № 9. Минусинск: Типография А.Ф. Метелкина, 1914. С. 379.

нию енисейского гражданского губернатора А.П. Степанова в обход Устава об управлении инородцев 1822 г. По его инициативе от минусинских и ачинских инородцев были собраны «приговоры, утвержденные рукоприкладством и печатями князьцов» с просьбой об учреждении у них Степных дум «по образцу забайкальских». На основании этих приговоров в Енисейском губернском совете вынесли соответствующее решение, утвержденное восточносибирским генерал-губернатором[632].

Качинская (Усть-Абаканская) Степная дума была учреждена в Минусинском уезде Енисейской губернии и функционировала в 1823–1854 гг. В состав думы вошли административные роды Шалошина I и II половины, Тубинский, Кубанов, Татаров, Мунгатов, Абалтаев, Таташев, Абалаков, Тинский и Ярино-Остынский численностью в 3821 человек[633]. Местонахождение думы было в с. Усть-Абаканское. После упразднения в 1854 г. образованы Абаканская и Июсская инородные управы[634].

Койбальская Степная дума была учреждена в 1823 г. в Минусинском округе Енисейской губернии и состояла из семи административных родов или улусов: Таражаковский, Больше-Байкотский, Мало-Байкотский, Абугачаевский, Кольский, Арши, Кандыковский[635]. Общее количество населения составляло в 1823 г. 1317 человек (861 М.П. и 456 ж. п.). Местонахождение думы сначала было на протоке реки Абакан, а позже в деревне Уты. По инициативе Минусинского окружного начальника в 1856 г. семь родов были объединены в два рода: Койбальский и Салбино-Койбальский. Койбальский род был причислен к Степной думе соединенных разных племен, а Сабино-Койбальский – к Абаканской инородной управе[636].

Аскызская (Сагайская) Степная дума входила в состав Минусинского уезда и состояла из 10 административных родов: Бельтирского, Кизильско-Каргинского, Бийско-Ковинского, Ближне-Каргинского, Дальне-Каргинского, Кивинско-Кубинского, Ка-

[632] Мамышева Е.П. Хакасия: от Степных дум к автономии (1822–1930 гг.). С. 29.

[633] Чибизев И.Я. Инородцы Енисейской губернии в первые годы ее существования. С. 380.

[634] Энциклопедия Республики Хакасия. Т. 1. Красноярск: ООО «Поликор», 2007. С. 270–271.

[635] Чибизев И. Я. Инородцы Енисейской губернии в первые годы ее существования. С. 381.

[636] Энциклопедия Республики Хакасия. Т. 1. С. 286–287.

зановского II половины, Сагайского I и II половины, Карачаровского. В ведомстве числилось 3654 душ[637].

Кызыльская Степная дума была учреждена в Ачинском округе из 12 родовых управ во главе с родоначальником Григорием Ульчегачевым и состояла из инородцев Кызыльского, Мелецкого I и II половины, Большеачинского, Малоачинского, Игинского, Шуйского, Малоаргунского, Басагарского отделенного от II половины, Басагарского I и II половины, Камларского и Курчиковского административных родов. По статистике Енисейского губернского правления, по ведомству числилось 2855 душ «скотоводцев и промышленников», из них 374 «кочевых земледельцев»[638]. Место пребывания думы – улус Печищенский, с 1868 г. – ул. Божьеозерский. В 1835 г. из ведомства думы выделились в Мелецкую инородную управу Мелецкий I и II половины административные роды. В 1893 г. Кызыльская Степная дума преобразована в Кызыльскую инородную управу[639].

Кроме кочевых инородцев в Енисейской губернии проживали бродячие инородцы: 1434 души тунгусов, 1299 остяков, 249 юраков, 429 самоедов, 296 якутов, для которых были учреждены 42 родовых управления.

К 1872 г. в Минусинском округе Енисейской губернии население инородцев было представлено двумя ведомствами: Абаканской инородной управой и Сагайской Степной думой, которые были разделены на родовые управления. В Ачинском округе Енисейской губернии имелись два инородческих ведомства: Кызыльская Степная дума и Мелецкая отдельная инородная управа, население которых вело кочевую жизнь.

В 1893 г. оставшиеся две Степные думы были упразднены и установилась двухступенчатая система органов местного самоуправления: инородная управа – родовое управление. В 1908–1914 гг. в Минусинском и Ачинском уездах Енисейской губернии в рамках активизировавшегося землеустройства проводилась и административная реформа: традиционные органы самоуправления заменялись волостными учреждениями по крестьянскому образцу. Постановлением Енисейского губернского управле-

[637] Чибизев И.Я. Инородцы Енисейской губернии в первые годы ее существования. С. 381.
[638] Там же. С. 379.
[639] Энциклопедия Республики Хакасия. Т. 1. С. 335–336.

ния от 28 октября 1911 г. хакасы были перечислены из кочевых в оседлые, а инородные управы были преобразованы в волости[640].

Особенностью реформы управления в Якутской области было то, что к концу 1823 г. была создана система территориального административного управления, имеющая в своем составе 17 инородных управ и 195 родовых управлений, и только в 1827 г. была учреждена Якутская Степная дума. По характеру и значению своей деятельности Якутская Степная дума вскоре стала органом самоуправления областного уровня. Среди основных дел думы наиболее впечатляющими были организация хозяйственного освоения значительных площадей земельных угодий в Центральной Якутии, распределение населения по пяти земельно-ясачным разрядам и проведение в 1830 г. в г. Якутске съезда представителей инородческого населения[641].

Однако по распоряжению иркутского генерал-губернатора в 1838 г., через 11 лет после учреждения, Якутская Степная дума была распущена. В обоснование этого было сказано следующее: якуты никогда не были подчинены, подобно бурятам, одному главному родоначальнику; учреждение Степной думы в многолюдном городе само по себе было незаконным; выбор главного родоначальника провоцировал вражду между родоначальниками; содержание думы стоило более 4000 руб. ежегодно.

Как считает В.К. Иванов, действительной причиной роспуска думы явилось то, что власти опасались деятельности думы, которая проводила достаточно самостоятельную политику и противодействовала им, защищая права и свободы якутского народа. Оценивая значение Якутской Степной думы, он отмечает, что ее деятельность привела: 1) к уменьшению письмоводительства в наслегах; 2) сокращению разъездов чиновников, казаков и транспортных смотрителей по наслегам и улусам; 3) уменьшению собраний старост и старшин; 4) прекращению самоуправного жительства русских в якутских местностях; 5) ограничению содержания скота русскими и т. д. В целом, благодаря деятельности Якутской Степной думы

[640] Мамышева Е.П. Хакасия: от Степных дум к автономии (1822–1930 гг.). С. 50–51.

[641] Пахомов Е.А. Административно-территориальное устройство и традиции местного самоуправления Якутии по «Уставу об управлении инородцев Сибири» // Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2007. С. 44–45.

стало возможным добиваться большей свободы в экономической, финансовой, политической деятельности[642].

Важное место в истории народов Сибири XIX в. занимают тунгусские органы местного самоуправления. Тунгусы, населявшие Иркутскую губернию, были объединены в несколько инородных управ и родовые управления. Так, в Киренском округе были учреждены Киренско-Хандинская, Кондогирская, Курейская, Нижне-Илимская инородные управы, в Верхоленском округе – Очеульская и Тутурская инородные управы, в Баргузинском ведомстве – Баргузинская тунгусская инородная управа, Баунтовское, Верхнеангарское Чильчагирское, Нижнеангарское Киндигирское, Подлеморское Шимагирское и Кучитское родовые управления, в Селенгинском ведомстве – Армакская инородная управа со смешанным тунгусским и бурятским населением. Малочисленные роды тунгусов также входили как административные единицы в состав Степных дум, как например, род Малобельских тунгусов входил в состав Аларской Степной думы. Единственная тунгусская Урульгинская Степная дума объединила роды степных, или так называемых конных тунгусов, и бродячих орочон Восточного Забайкалья. Тунгусы Восточного Забайкалья приняли русское подданство в 1667 г. Родоначальниками тунгусских родов становятся князья Гантимуровы по наследственному принципу с конца XVII в.[643]

Территория Урульгинской думы была обширной и включала в себя плодородные земли в верховьях р. Онон, ниже по течению, а также земли по рекам Ингода, Шилка и т. д. В ведение думы первоначально вошли шесть инородных управ: Урульгинская, Оловская, Шундуинская, Маньковская, Кужертаевская, Онгоцонская, каждая из которых, в свою очередь, состояла из нескольких родовых управлений.

Устав 1822 г. отнес тунгусов к бродячим народам, приравненным в правах с кочующими инородцами, т. е. они составляли особенное сословие в равной степени с крестьянским, но отличное от него по управлению. На тунгусов распространялся сбор ясака, освобождение от рекрутской повинности. Отличие от кочевых народов заключалось в том, что бродячим тунгусам отводились

[642] Иванов В.К. Якутская Степная дума и Якутское областное правление: правовой статус и полномочия // Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления. С. 104–105.

[643] ГАЗК. Ф. 55. Оп. 2. Д. 48.

целые полосы земли и на них не распространялись земские и губернские повинности, не предусматривались расходы на содержание степного управления[644]. Забайкальские же тунгусы были приравнены к кочевым инородцам, поэтому на них распространялись земские, губернские и внутренние повинности.

В 1886 г. содержание степного местного самоуправления обходилось Урульгинскому ведомству в 11742 руб. 56 ½ коп., с каждой ревизской души по 1 руб. 39 ¼ коп. Эта цифра является также средней по сравнению с другими инородческими ведомствами, так, в Селенгинской Степной думе собирали по 1 руб. 5 ½ коп. с одной ревизской души, Баргузинской Степной думе – по 1 руб. 46 ¼ коп., Кударинской Степной думе – по 3 руб. 60 коп.[645] и т. д.

Внутренние повинности включали в себя жалованья писарям 26 экономических магазинов, шести письмоводителям инородных управ, письмоводителя думы, его двух помощников, содержание семи мальчиков при Урульгинском приходском училище, жалованье учителя, содержание тюремных помещений, дорог, мостов, наем лошадей под воинские и арестантские партии с продовольствием и т. д.[646]

Тунгусы управлялись собственными своими родоначальниками и почетными людьми, из которых составлялось свое управление. Из всех сибирских народов только у тунгусов были потомственные дворяне Гантимуровы по Московскому списку, что свидетельствовало об их значимости для Российского государства. Они с самого начала носили титул начальника тунгусских родов, а позднее – Председателя Урульгинской Степной думы, который передавался по наследству только прямым наследникам Петра Гантимурова. Должности заседателей думы, голов и выборных были выборными.

Все важные административные и хозяйственные вопросы решались на общих собраниях (сугланах) при Степной думе, которые обычно созывались два раза в год, в марте и декабре. На сугланах производили раскладку казенных сборов, обсуждали различные хозяйственные вопросы. Все дела решались с общего согласия, принятием общественных приговоров (решений).

[644] ПСЗРИ-1. № 29126. Т. 38. СПб.: 1830. С. 398.
[645] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2172. Л. 19 об.
[646] Там же. Л. 101–102.

Согласно статистическим отчетам, численность тунгусов ведомства составляла: в 1827 г. 4834 человека, в 1852 г. – 13779, в 1864 г. – 16295, в 1874 г. – 15845, в 1886 г. – 22564, в 1894 г. – 26209, т. е. на протяжении всего XIX в. шел непрерывный рост населения. Основное население ведомства было отнесено к разряду кочевых – 99,9%, только 0,1% составляли оседлые тунгусы. В составе населения числились около 400 бродячих орочон.

В 1864 г. из 16295 жителей ведомства 8333 были мужского пола, 7962 – женского пола, т. е. мужское население преобладало над женским на 371 человека, что является обычным показателем среди инородческих ведомств[647]. Например, в Агинском ведомстве на 15696 мужчин приходилось 14828 женщин[648], в Хоринском ведомстве на 23827 мужчин – 22407 женщин, в Селенгинском ведомстве на 16135 мужчин – 16023 женщины[649].

В 1851 г. из 14740 жителей Урульгинской думы 4270 (29%) человек исповедовали ламаизм, 7526 (51%) – христианскую веру, а остальные 20% относились к «идолопоклонникам». В 1886 г. православные тунгусы составляли 66%, а буддисты и шаманисты – 34%. Тунгусы Оловской, Шундуинской и Маньковской инородных управ почти полностью были православными, а в Урульгинской, Кужертаевской и Онгоцонской управах большая часть населения были «идолопоклонниками», т. е. буддистами и шаманистами. Тунгусы Кужертаевской управы, проживавшие в Приононьe, к началу XX в., по мнению Ц. Жамцарано, представляли собой «обурятившийся и омонголившийся» народ[650].

Урульгинская Степная дума была ликвидирована после введения волостной реформы 1901 г. К моменту ликвидации в ее составе числилось семь инородных управ, добавилась Ульдургинская инородная управа, образовавшаяся из бурят, выселившихся из Баргузинского ведомства на р. Улдургу. Согласно журналу Забайкальского областного по крестьянским делам присутствия от 30 сентября 1902 г., Урульгинская Степная дума была упразднена, а инородные управы были реорганизованы в инородческие волости.

Большой интерес представляет история бурятских Степных дум, инородных управ и родовых управлений, которые охватывают

[647] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 566. Л. 145.
[648] Там же. Д. 2672. Л. 87–88.
[649] Там же. Д. 13785. Л. 70.
[650] Котвич В. Л. Из эпистолярного наследия. Улан-Батор: 2011. С. 87.

в хронологическом отношении длительный период времени с 1822 по 1904 гг., в территориальном отношении – значительные площади в Иркутской губернии и Забайкальской области, в количественном отношении – учреждение 12 Степных дум, более 50 инородных управ в Иркутской губернии и Забайкальской области.

Согласно Уставу 1822 г., в течение 1823–1825 гг. было учреждено 11 Степных дум в Иркутской губернии – Аларская, Балаганская, Идинская, Кудинская, Верхоленская, Ольхонская, Тункинская, Кударинская, Баргузинская, Селенгинская, Хоринская. В 1839 г. из Хоринской Степной думы выделилась Агинская Степная дума. Таким образом, было учреждено 12 бурятских Степных дум в Иркутской губернии.

С образованием Забайкальской области в 1851 г. Хоринская, Агинская, Селенгинская, Кударинская и Баргузинская Степные думы вошли в ее состав, а остальные семь Степных дум остались в территориальном ведомстве Иркутской губернии.

В середине 1824 г. началось формирование новых бурятских органов местного самоуправления. Указом Иркутского губернского правления «О новом образе устройства инородческого управления» объявлялось «инородцам об их разделении на родовые управления, инородные управы и Степные думы и вместе с тем привести в действие согласно высочайшему Уставу новый образ инородческого управления»[651]. Новая система органов местного самоуправления создавалась не на пустом месте. Надо отметить, что первыми органами местного самоуправления бурят стали «мирские сборные избы», затем переименованные в Степные конторы, учрежденные в середине XVIII в. По сведениям Главного управления Восточной Сибири, буряты имели родовые конторы, составленные из шуленгов под председательством тайши, у остяков – сборные или сугланные места, якуты – по родам и старшинами и князьцами родовыми и наслежными, а по улусам – головами улусными, тунгусы – главными родоначальниками, князьцами и даругами[652].

Первая мирская изба была учреждена для хоринских бурят в 1749 г. в с. Онинском. В задачу Степных контор входили раскладка, сбор и передача в казну податей, распределение повинностей,

[651] ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2687. Д. 23. Л. 131–136 об.
[652] Там же. Л. 180.

исполнение предписаний губернского и уездного начальников. В состав конторы входили главный тайша и депутаты. Впоследствии в разные годы были учреждены Степные конторы в Балаганском, Верхоленском, Кудинском, Ольхонском, Селенгинском и других ведомствах.

В связи с учреждением новой системы местного самоуправления по Уставу 1822 г. Степные конторы переименовываются в Степные думы, образуются инородные управы и родовые управления. Особенностью формирования новой системы инородческого управления бурят явилось учреждение в разных ведомствах полной трехступенчатой и неполной двухступенчатой системы. В справке Иркутского губернского общего управления, представленной в ГУВС 26 июля 1882 г., отмечается, что само губернское управление оказалось в затруднительном положении по вопросу об истории учреждения инородческого местного самоуправления по Уставу 1822 г. из-за отсутствия архивных документов. Благодаря представленному подлинному делу Балаганской Степной думы за 1823–1824 гг. удалось установить, что формирование Степных дум, инородных управ и родовых управлений у бурят происходило в течение 1824 г., так, в августе 1824 г. были образованы Идинская и Балаганская Степные думы, в ноябре 1824 г. – Кудинская Степная дума, в декабре 1824 г. – Верхоленская и т. д.[653]

Таким образом, оказалось, что в большинстве бурятских ведомств были учреждены Степные думы и родовые управления, т. е. двухступенчатая система органов местного самоуправления, что явилось нарушением статьи 114 Устава об управлении инородцев 1822 г., согласно которой Степные думы разрешалось учредить только забайкальским бурятам[654]. Как отмечает П.Т. Хаптаев,[655] Степные думы оттеснили инородные управы на задний план, в результате здесь к концу XIX в. существовали две системы управления: 1) родовое управление – Степная дума; 2) родовое управление – инородная управа.

В 1889 г. иркутский генерал-губернатор А.П. Игнатьев отмечает, что «в ведомствах Тункинском, Балаганском, Верхоленском,

[653] ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2687. Д. 23. Л. 66 об., 114–116, 131–136 об.

[654] Устав об управлении инородцев // ПСЗРИ-1. № 29126. 22 июля 1822 г. Т. 38. СПб.: 1830. С. 400.

[655] Хаптаев П.Т. Национальное движение в Бурятии в период первой русской революции. Улан-Удэ: 1938. С. 32.

Аларском, Кудинском, Ольхонском и Идинском были, как оказалось, еще с 1824 г. по указу Иркутского губернского правления, учреждены Степные думы, принявшие на себя, вопреки точному указанию закона, права и обязанности инородных управ; причем в тех ведомствах, где были образованы думы, инородные управы, установление которых также требовалось вышеупомянутым указом Губернского правления, по всему вероятию, или вовсе не были учреждены, или поглощенные захватом власти первыми и их председателями главными родоначальниками, совершенно прекратили свое существование»[656].

Трехступенчатая система в полном соответствии с Уставом 1822 г. была первоначально учреждена только в Хоринском ведомстве, самом многочисленном и крупном бурятском ведомстве. По 7-й ревизии в Хоринском ведомстве насчитывалось крещеных и некрещеных инородцев мужского пола 21116 душ, которые состояли в ведении Верхнеудинского земского суда под управлением главной Анинской конторы, состоявшей из «четырех тайшей и некоторого числа депутатов», избираемых из всех родов. Их кочевья простирались по Верхнеудинскому и Нерчинскому уездам, а также по Нерчинско-Заводскому ведомству, которых насчитывалось 7007 душ в 2770 семьях. Отдаленность от главной конторы, огромные расстояния между родами от 150 до 600 верст привели к разделению 3 хоринских родов из 11 на две части: Харганатской, Кубдутской и Хуацайского на восточные (*зүүн*) и западные (*баруун*). Удаленность хоринских родов от Верхнеудинского уезда затрудняла следственные и другие дела, вела к их затягиванию и увеличению переписки между Верхнеудинским и Нерчинским земскими судами, поэтому Нерчинский окружной начальник в 1823 г. обращается к гражданскому губернатору Иркутской губернии с предложением учредить для этой группы хоринских бурят отдельную Агинскую Степную думу. Однако хоринское общество выступило против такого предложения, обосновывая это тем, что отделение части хоринских бурят вызовет затруднения в платежах государственных и общественных повинностей. С другой стороны, создание и содержание новой Степной думы приведет к новым материальным издержкам[657].

[656] ГАРБ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 156. Л. 87.
[657] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–8.

Учитывая мнения двух сторон, с целью сохранения целостности хоринского общества Иркутское губернское правление приняло решение об учреждении Агинской бурятской инородной управы в Нерчинском уезде с непосредственным подчинением Анинской (Хоринской) Степной думе, в судебной и полицейской части – под ведение Нерчинского земского суда. Агинским бурятам было предоставлено право избирать в звание головы одного из тайшей или родоначальника, двух выборных из старшин или почетных родовичей.

По сведениям Иркутского губернского правления, изначально предполагалось учреждение в бурятских ведомствах двухступенчатой системы инородные управы – родовые управления: например, в Балаганском ведомстве 16 инородных управ и 23 родовых управления, в Идинском – 12 инородных управ и 39 родовых управлений и т. д.[658] Однако во всех крупных бурятских ведомствах, кроме Хоринского, по неизвестным обстоятельствам была учреждена двухступенчатая система родовое управление – Степная дума. Двухступенчатая система родовое управление – инородная управа была учреждена у закаменских бурят, цонголов, ленских, китойских и капсальских бурят. Учреждение двухступенчатой системы органов местного самоуправления Степная дума – родовое управление у западных бурят и бурят Селенгинского, Баргузинского, Кударинского ведомств, возможно, оправдывалось необходимостью экономии средств на их содержание, ведь введение еще одной ступени предполагало увеличение суммы внутренних повинностей и значительное увеличение числа должностных лиц, пользовавшихся различными льготами, в том числе и налоговыми, также увеличение междудворной гоньбы.

Однако подтвердить этот довод не представляется возможным, так как не сохранились архивные документы из-за пожара, случившегося в Иркутске в 1879 г., когда огнем были уничтожены фонды Иркутского губернского архива. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1880-х гг. при рассмотрении инородческого вопроса и Иркутское губернское правление, и Главное управление Восточной Сибири, и сами бурятские ведомства оказались в неведении, каким образом происходило формирование системы инородческого местного самоуправления по Уставу 1822 г.

[658] ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2687. Д. 23. Л. 200–202.

Селенгинская Степная дума была учреждена в 1825 г. и первоначально объединяла 18 родовых управлений: Атагановский, Сартоловский, 1-й Табангутский, 2-й Табангутский, 3-й Табангутский, Чернорудский, Селенгинско-Харанутский, Бабай-Хуромшинский, Ользоновский, Хатагинский, Подгородный, Узеновский, Бумал-Готольский, Цонгольский, Ашебагатский, Чикойско-Харанутский, Иройско-Харанутский, Алагуевский[659]. В 1888 г. в состав Селенгинской Степной думы входили 22 родовых управления.

Дума располагалась в с. Иннокентьевском, в 45 верстах от г. Селенгинска. В 1833 г. во главе думы стоял главный родоначальник (тайша), который имел двух помощников, также в думе служило 8 заседателей. Канцелярия думы состояла из письмоводителя и его помощника – переводчика[660]. Главными тайшами в разные годы были: Ломбоцыренов Юмдэлэг (Дамби-Жалсан) (1825–1836), Вампилов Ниндак (1837–1853), Буянтуев Жамбал-Доржи (1853–1860), Минеев Дмитрий (1860–1875), Дансорунов Эрдэни (1875–1882), Михайлов Дарма (1882–1885), Юмов Сайнцак (1885–1895), Жамбалтаров Вандан (1895–1903).

Хоринская Степная дума была образована в 1824 г. и первоначально объединяла 11 родов. В Хоринской думе было учреждено 14 инородных управ: Галзотская, Барун-Харганатская, Зун-Харганатская, Барун-Хоацайская, Зун-Хоацайская, Барун-Кубдутская, Зун-Кубдутская, Батанайская, Шарайтская, Ботонгутская, Ходайская, Гучитская, Цаганская, Хальбинская и Курбинское отдельное общество[661].

Всего по Хоринскому ведомству числилось 38303 человека, однако их распределение по управам было неравномерным. Например, самой малочисленной управой была Цаганская – всего 546 жителей. Самой многочисленной была Галзотская управа, в которой проживало 4589 жителей. Неравномерность распределения населения по управам объясняется приоритетом родового принципа формирования органов самоуправления хоринских бурят.

Главными тайшами хоринских бурят были Жигжит Дамбадугаров, Бадма Павлов, Николай (Ринчин-Доржи) Дымбилов, Тарба

[659] ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 203. Л. 185
[660] Там же. Оп. 2. Д. 174. Л. 91
[661] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 580. Л. 21–24.

Жигжитов, Бадма Очиров, Цэдэб Бадмаев, Цыден Аюшиев, Ирдыни Вамбоцыренов.

Агинская Степная дума. По причине уступки земель по долинам рек Ингода, Тура, Оленгуй и их притокам переселенцам из центральных областей России и перекочевки бурят этих местностей в долины рек Онон – Борзя, Урулюнга, Онон и их притоков возникла территориальная оторванность и отдаленность агинских бурят от основной массы хоринских бурят. Жители Аги стали испытывать большие, часто непреодолимые трудности в решении личных и общественных дел и нужд. Они обратились к генерал-губернатору Восточной Сибири с «жалобой на значительные неудобства», которая была поддержана Иркутским губернским советом. После утверждения решения губернского совета постановлением Восточно-Сибирского генерал-губернатора от 27 июля 1837 г. было образовано ведомство Агинской инородной управы в составе Нерчинского округа.

Однако это преобразование оказалось недостаточным и не решало всех проблем жителей, и постановлением от 2 марта 1839 г. была учреждена Агинская Степная дума в составе шести инородных управ (Цугольская, Бырке-Цугольская, Могойтуевская, Шолотуевская, Кялинская, Тутхалтуевская)[662]. Позднее постановлением Иркутского губернского совета от 7 ноября 1846 г. была учреждена Тургинская инородная управа из бурят галзотского рода Могойтуевской управы[663]. В 1893 г. была образована Барун-Хоацайская инородная управа[664]. Таким образом, в Агинской Степной думе стало восемь инородных управ, включавших в себя в общей сложности 40 родовых управлений.

В Агинское ведомство входили буряты девяти родов: Галзотского, Харганатского, Хоацайского, Ходайского, Цаганского, Кубдутского, Хальбинского, Шарайтского, Бодонгутского. Дума размещалась в с. Агинском.

Тайшами Агинской Степной думы были Зангя Данжинов, Тугултур Тобоев, Жалсарай Зориктуев, Жиан Бодиин.

---

[662] Хроника Тугултура Тобоева // Летописи хоринских бурят. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 32.

[663] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 387. Л. 2–2 об.

[664] Там же. Д. 2967. Л. 13–15.

Кударинская Степная дума. Население Кударинской Степной думы в 1826 г. составляло 4103 человека[665], в 1895 г. – 4868 человек[666]. Дума объединяла бурят четырех родов: 1, 2-й Чернорудский, Абазаевский и Сборный. В состав Чернорудских родов входили буряты рода шоно, в Сборный род входили буряты родов алагуй, курумчин, хайтал, галзут и др.

До 1875 г. Степная дума размещалась в улусе Хараузском, однако в связи с угрозой наводнения была перенесена в селение Корсаковское. Степная дума состояла из главного тайши, помощника тайши, четырех заседателей, четырех родовых голов, улусных старшин.

Тайшами Кударинского ведомства в разные годы были: Додоев Карп (1825–1827), Дамбуев Хамаган (1827–1852), Хамаганов Заяхан (1852–1864), Березовский Яков (1864–1868), Соктоев Сувор (1868–1870), Бушин Андрей (1874–1875), Хамаганов Владимир (1879–1880), Заяханов Иван (1880–1883), Новолодский Тимофей (1884–1887), Гашов Митрофан (1887–1894), Хамаганов Семен (1894–1895), Заяханов Илья (1896–1898), Махатов Прокопий (1899–1902).

Баргузинская Степная дума образована в 1824 г.[667] и размещалась в селении Улюн[668]. Первоначально Баргузинское ведомство состояло из пяти родов: Сборного, Ченоевского, Баяндаевского, Бурского, Чендылдурского[669]. С 1889 г. ведомство состояло из восьми родов: Бурского, Сборного, Баяндаевского, 1-го Чендылдурского, 2-го Чендылдурского, Ченоевского, Оторчинского, Галзутского[670]. В 1899 г. дума состояла из главного тайши, пяти заседателей, восьми родовых голов, одного письмоводителя, восьми помощников родовых голов, 23 улусных (участковых) старшин, выборного от крещеных бурят[671].

Главными тайшами Баргузинской Степной думы в разные годы были: Мархун Байдуев, из рода галзут (1820–1826), Хамнай Цанкиров, из рода бура (1827–1846), Норбо Галсанов, из рода сэнгэл-

[665] ГАРБ. Ф. 5.Оп. 2. Д. 32. Л. 21–22
[666] Там же.Оп. 1. Д. 1158. Л. 18.
[667] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–20
[668] Там же. Д. 406. Л. 40
[669] Там же. Д. 22. Л. 120
[670] Там же. Д. 2370. Л. 133–134
[671] Там же. Д. 2528. Л. 3–23

дэр (1846–1850), Базар Танганов, из рода сэнгэлдэр (1850–1854), Сахар Хамнаев, из рода бура (1854–1875), Цэрэнжаб (Константин) Сахаров, из рода бура (1875–1882), Цэдэбжаб (Александр) Сахаров, из рода бура (1883–1892), Ринчин Сотиев, из рода сэнгэлдэр (1892–1902).

Тункинская Степная дума располагалась в Торском улусе, состояла «из главного тайши, помощника главного тайши, двух заседателей, письмоводителя»[672]. В состав думы входили 14 родов: Тыртыевский, 1 и 2-й Куркутский, 1, 2, 3, 4-й Хонгодоровский, 1, 2-й Хойготский, 1, 2-й Челдарский, Шемоловский, Бодорхонский и Иркитский, в которых насчитывалось 11373 жителя[673]. В Тункинском ведомстве было учреждено пять экономических магазинов: Торский, Бухэгорохонский, Койморский, Кыренский, Хорликский.

Верхоленская Степная дума размещалась в улусе Тотском. На момент образования думы в нее входило 10 родов: два Абызаевских, Баяндаевский, Ользоновский, три Буровских, Хенхедурский, два Чернорудских рода с населением более 16000 человек[674]. В 1830 г. буряты пяти родов выступили с прошением об отделении от Верхоленской Степной думы на основании отдаленности от думы и образовании отдельной Ленской думы[675]. По данным архивных документов, в 1836 г. буряты Хенхедурского, 2, 4, 5-го Чернорудских, 2, 3-го Буровских родов с населением около 9000 человек отделились от Верхоленской думы и образовали отдельную Ленскую инородную управу.

Верхоленское ведомство располагалось «между Кудинской, Идинской, Ленской и Манзурской волостями». По ведомству протекало «восемь рек, именно с протяжением Манзурка на 30, Кудинца 50, Куйтун 10, Байтук 5, Хурай 6, Каменная 40, Алаин 20 и Куда 50 верст, все вообще небольшой ширины мелководны, судоходности по ним никакой не имеет».

Тайшами ведомства были: Александр Ертогаров (1824–1830), Бутухан Кунгеев (1830–1840), Матвей Бутуханов (1840–1862), Александр Номогоев (1862–1863), Бабай Архоков (1864–1878), Степан Александров (1878–1885), Осип Степанов (1885–1889).

[672] ГАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 48. Л. 1 об., 2 об.
[673] Там же. Д. 29. Л. 11об. –14.
[674] ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.
[675] Там же. Д. 74. Л. 47–48 об.

Ольхонская Степная дума была образована в конце 1824 г. и объединяла первоначально пять родов: 1, 2, 3-й Чернорудский, 1, 2-й Абызаевский роды[676]. В 1837 г. был учрежден 5-й Чернорудский род из 1-го Чернорудского рода, в 1839 г. 4 и 6-й Чернорудский род из 1-го Чернорудского рода, в 1847 г. Хенхедурский род из 2-го Абызаевского рода[677]. Таким образом, к 1847 г. было девять родов: 1 и 2-й Абзаевский, 1, 2, 3, 4, 5, 6-й Чернорудский и Хенхедурский. Алагуевская инородная управа с улусом Бугульдейка до 1917 г. относилась к Капсальскому уезду Иркутской губернии. Косостепский участок с селениями Косая Степь, Куреть относился к Манзурской волости Верхоленского округа Иркутской губернии.

В 1836 г. дума размещалась в Кутульском стойбище[678]. В 1858 г. дума размещалась в улусе Тутаевском[679], в 1885 г. – снова в улусе Кутульском. В 1872 г. было образовано четыре родовых управления[680].

Тайши Ольхонской Степной думы в разные годы: Банаев Баин (1821–1835), Баинов Суван (1836–1849), Муравьев Иннокентий (1850–1859), Якшеев Хонгор (1860–1872), и.д. Имеев Башин (1872–1873), Хахин Дырхей (1873–1874), и.д. Баронов Александр (1876–1878) (до крещения Халюев Алюбаты, умер 14.03.1878), Тахаев (Тахоев, Тохоев) Дырхун (1880–1882), Муравьев Григорий (1882–1885), Борькин Болхон (1885–1887), Муравьев Григорий (1888–1890).

Аларская Степная дума была образована в 1824 г.[681] и состояла из 10 родовых управлений, представлявших восемь Хонходоровских родов, 9-й Шаранутский род и один род Малобельских тунгусов[682]. В 1853 г. из Идинского ведомства в Аларское был перечислен 3-й Халтубаевский (Халтубаев) род, таким образом, в Аларском ведомстве стало 11 родовых управлений[683]. Административный центр Аларской Степной думы находился в с. Кутулик.

Аларское инородческое ведомство располагалось в юго-западной части Иркутской губернии, граничило к востоку и северу с

[676] ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 5. Л. 2
[677] Там же. Д. 738. Л. 62–63
[678] Там же. Д. 26. Л. 26–26 об.
[679] Там же. Д. 400. Л. 51.
[680] Там же. Д. 602.
[681] ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3391. Л. 53
[682] ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 85. Л. 15.
[683] Там же. Д. 155. Л. 1 об.

Черемховской волостью, к югу и западу – с пустопорожними местами, лежащими около подошвы Аларских гор. В Аларском ведомстве «удобной земли считается, под строением усадьбами и выгонами 52111 десятин 400 саженей, пашнями 19204 десятин, сенокосами 12554 десятин 1330 саженей, под лесами 58835 десятин, 1810 саженей; неудобных земель под дорогами и водами 13396 десятин 1525 саженей. Удобных и необработанных не имеется, солонцов 26529 десятин 170 саженей. Всего 183125 десятин 435 саженей».

В Аларском ведомстве не имелось судоходных рек, важную роль в обеспечении жизнедеятельности аларцев играли реки Малый и Большой Белым (Белая), Малая и Большая Иреть (Ира), Голуметь, Аларь, богатые рыбой. На реках Малая Белая и Ирети строили мельницы. Озеро в Аларском ведомстве имелось только одно – Алятское, имевшее в длину 5 верст, в ширину – до 1,5 версты и глубину до 3 саженей.

В 1855 г. в ведомстве числилось 10773 жителя, из них 5440 душ м. п., 5333 души ж. п.[684] В ведомстве имелись также три деревянных общественных здания, одна деревянная церковь, один деревянный дацан, 35 кузниц, 11 сельских экономических магазинов и другие строения[685].

Основную часть населения составляли кочевые буряты 95%, оседлые буряты 4%, бродячие тунгусы 0,5%, духовенство и другие категории 0,5%. Большинство населения исповедовало ламаизм – 83%, остальные 17% – православие[686].

Тайши Аларской Степной думы в разные годы: Батор Васильев, Павел Баторов, Галсан Баторов, Николай Матханов, Николай Самсонов, Петр Баторов.

Балаганская Степная дума объединяла бурят 19 родов: Булутского, Онгоевского, Кульметского, два Олзоевских, два Икинатских, два Муруевских, три Ноетских, Халтубаевского, Быкотского, Зунгарского, Бараевского, Онхотоевского, Шаратского и Боролдоевского. По ведомству числилось 25 экономических магазинов[687].

[684] ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 188. Л. 3 об.
[685] Там же. Д. 296. Л. 72–74.
[686] Там же. Д. 188. Л. 4–6.
[687] Там же. Д. 276. Л. 149.

Кудинская Степная дума была учреждена в 1824 г. В состав думы первоначально входило 17 родовых управлений: 1, 2, 3, 4-й Абаганатские, 1, 2, 3, 4-й Харанутские, 1, 2, 3, 4-й Бабаевские, 1, 2-й Шаралдаевские, Курумчинское и 1, 2-й Ашехабатские, 1, 2, 3-й Буяновские и Алагуевское. После отделения трех Буяновских и Алагуевского родов в Капсальскую инородную управу в 1839 г. в ведомстве стало 14 родовых управлений. В 1852 г. ведомство населяли 12509 «природных бурят», 157 оседлых бурят, 143 бродячих тунгуса, всего 12809 жителей. Из них православную веру исповедовали 424 человека, к иноверцам относились остальные 12385[688].

Тайшами думы были в разные годы: Абахан Шеноев, Алтай Абаханеев, Хантай Ханхаев, Михайло Бунаев и др.

*Идинская Степная дума***.** В связи с пожаром, случившимся в середине XIX в. в здании Степной думы, весь архив думы был уничтожен, поэтому имеются лишь незначительные косвенные данные о деятельности думы. Согласно отчетам Иркутской духовной миссии за 1874 г., численность населения Боханского ведомства составляла 24643 души обоего пола, из них православные составляли более 4000 человек[689]. В 1882 г. в Боханской думе числилось 10 родовых управлений, в которые входили 29 родов. Самым известным родоначальником Идинского ведомства является Илья Пирожков, бывший главным тайшой в 1857–1877 гг. В 1867 г. за активную работу по крещению бурят своего ведомства он был награжден орденом св. Владимира 4-й степени[690].

По свидетельству миссионера Боханского стана Н. Попова, в 1884–1886 гг. в Идинском ведомстве происходили беспорядки в инородческом управлении, которые разделили инородцев на враждебные партии. В 1887 г. Идинское ведомство было разделено на пять инородных управ.

Закаменская инородная управа состояла из бурят 12 родов и, по данным переписи 1897 г., здесь проживало 8831 житель (4366 мужчин и 4465 женщин), а также 1225 бурятских казаков, причислявшихся к Троицкосавскому округу. Из 8831 человека хонгодоров было 830 мужчин и 944 женщины, тэртэ – соответственно 705 и 774, hойhо – 1649 мужчин и 1644 женщин. hойhо разделились на

[688] ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 543. Л. 22, 35 об.
[689] ИЕВ. № 19. 10 мая 1875 г. С. 274.
[690] ИЕВ. 8 июля 1867 г. № 27. С. 163.

два территориально-административных рода, бульбуев род, хурхут, хонгодор и тэртэ также имели роды по два рода. Последними головами управы были Д. Бальжитов из Тамчи, Морин Базаров из Ехэ-Цакира[691].

Армакская инородная управа. Кочевое население управы было распределено по булукам: булук Саган-нуга – 11 хозяйств, Дархинтуй – 5, Сангинтуй – 12, Хара-хужир – 23, Хамней – 18, Мэлэйский – 44, Баинхорский – 24, Снежинский – 13, Илькейский – 11, Сагагшанский – 13, Сагагшанский 2 – 15, Дархинтуевский – 43 хозяйства. В 1886 г. в состав управы входили 4 рода с жителями: Заектаевский – 278 душ, Цингиндинский – 364, 1-й Тыртеевский – 594, 2-й Тыртеевский – 124, всего 1260 душ[692]. В Армакское ведомство входили также тунгусы, которые были переселены из Тунки в конце XVII в. для охраны Джидинского караула по реке Армак[693].

Кудинско-Капсальская инородная управа была образована в 1839 г., когда буряты трех Буяновских и Алагуевского родов отчислились из Кудинской Степной думы и выделились в отдельную управу. Причиной отделения они называли отдаленность их Капсальского улуса от Усть-Ординской станции, где размещалась Степная дума, что приводило к трудностям при судопроизводстве, дополнительным расходам на поездки за увольнительными билетами, за регистрацией заявлений и т. д.[694] Головой управы стал Шистуй Маханов, выборным – Мойгу Малахаев[695].

Китойская инородная управа состояла из бурят Чечеловского и Куркутского родов. Здание управы находилось в с. Архиерейском. В ведомстве числилось 438 платежных душ, 218 домохозяев[696].

Ленская инородная управа образована в 1836 г. из Верхоленского ведомства из бурят Хенхедурского, 2, 4, 5-го Чернорудских, 2, 3-го Буровских родов. В 1828 г. из состава Верхоленского ведомства отделилась Ленская инородная управа в составе пяти родов: 2 и 3-го Буровских, 2 и 4-го Чернорудских и Хэнгэлдэровского

[691] Доржиев Б.Ш. Закамна: исторический очерк. Улан-Удэ: 1993. С. 28.
[692] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2172. Л. 175–180.
[693] Галданова Г.Р. Закаменские буряты: историко-этнографические очерки. С. 25–26.
[694] ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1 Д. 180. Л. 19–26.
[695] Там же. Д. 181. Л. 11–15.
[696] ГАИО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 33. Л. 1 об., 8.

рода с населением 8235 человек. Это примерно 50% бурятского населения всего ведомства[697].

В разное время должности головы занимали Куреган Убугунов (1840–1848), Банай Куреганов (1860–1868), Махос Илькин (1875–1878) и другие[698].

Тункинская инородная управа была образована в 1844 г. из ясачно-крещеных бурят Тыртеевского, двух Куркутских, четырех Хонгодорских родов, двух Хойгодских, двух Чечелдарских, Шешеловского, Иркитского и Бодорхонского родов. В 1847 г. насчитывалось 1952 жителя, в том числе 1057 мужского пола, 895 женского пола[699]. Головой управы в разные годы избирались Павел Порушенов (Пятницкий), Андреев, Федор Кобелев.

С учреждением Степных дум, инородных управ и родовых управлений начинается процесс поступательного развития местного самоуправления бурят. Так, по свидетельству Л.Я. Штернберга, 1822 г. «...правительство в лице гр. Сперанского впервые вмешалось в дело самоуправление инородцев, издав положение об инородцах. Бывали случаи вмешательства – и очень сильного – и раньше, но то было вмешательство не законодательного характера, а, так сказать, злоупотребительного. Но вмешательство Сперанского было благожелательное. В действительности Положение лишь узаконило уже существующий порядок, подчинив его, правда, надзору администрации, и этому узаконению, быть может, буряты обязаны тем, что самоуправление приняло демократический характер, и значительно ослабило значение родовой аристократии. Так или иначе, все стороны самоуправления, начиная со сложных аграрных распорядков и кончая судом, юридическими обычаями, продовольственным делом, культом, повинностями и полицией оставались в основном в руках бурят»[700].

В середине XIX в. происходит изменение политики Российского государства в отношении Сибири и сибирских народов, на которую в значительной мере повлияло поражение России на западном и ближневосточном направлениях. Ускоренная модернизация страны, обострение польского вопроса, а также давление

[697] ГАРБ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.
[698] Дырхеев П.С. Очерки истории верхоленских бурят. Улан-Удэ: 2005. С. 62.
[699] ГАРБ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 27. Л. 3, 3 об., 6, 6 об.
[700] Штернберг Л.Я. Буряты. Формы национального движения в современных государствах. СПб.: 1910. С. 608.

национальной идеологии привели к деформации традиционной имперской политики и обострению национальных и региональных противоречий, когда происходит мощная активизация политики Российского государства на Дальнем Востоке и в Центральной Азии, меняется ее идеологическое обеспечение[701]. Существенным фактором, повлиявшим на смену политики правительства, становится неудачный исход для России в Крымской войне, который поднял вопрос о поисках дополнительных источников пополнения государственной казны. В этих условиях самодержавие вновь обратилось к Сибири.

В этот период в российском обществе происходят такие масштабные события, как принятие крестьянской реформы 1861 г., а вслед за ней ряда буржуазных реформ 1860–1870-х гг., к числу которых относятся земская реформа 1864 г., городская реформа 1870 г. и др. В административно-хозяйственной жизни сибирских инородцев также происходят значительные изменения, связанные с развитием хлебопашества, успехами в христианизации и, как следствие, их переводом в разряд оседлых. Развитие земледелия, расширение торговых связей между ведомствами требовали открытости инородческих ведомств, частых перемещений и переездов инородцев, которые были затруднены по закону. В инородческих ведомствах наблюдается процесс имущественной дифференциации, что приводило к экономической и политической конкуренции между знатными фамилиями.

Если в первой половине XIX в. Российское государство смотрело на Сибирь как на источник налогового поступления в казну и стремилось к многовариантности систем управления, высокой степени этноконфессиональной толерантности и прагматизму с учетом местных особенностей, то на рубеже 1850–1860-х гг. становится важным не только экономическое освоение Сибири, но и «заселение ее однородным единоверным с Россией населением». Появляются идеи коренной реформы управления инородцами на русификаторских началах и системы их налогообложения.

Формальным поводом для реформирования системы налогообложения и местного самоуправления стали многочисленные нарушения, допущенные инородческими обществами при сборе

[701] Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. С. 41.

податей и отбывании повинностей, при разборе судебных следственных дел, выборе должностных лиц и т. д.

В 1850–1860 гг. вопрос о реформе управления сибирскими аборигенами неоднократно обсуждается в правительственных кругах и среди местного чиновничества. Национальная программа царизма предусматривала подчинение оседлых инородцев общим крестьянским учреждениям и установлениям. В отношении кочевых и бродячих коренных жителей предлагалось изыскать средства для привлечения их к оседлости и ограждению от разных притеснений[702]. Были предложены разные проекты и предложения, которые так и не были осуществлены на тот период.

В 1847 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев высказался в пользу распространения на коренных жителей края действия общих законов. Он предложил рассмотреть его в губернских советах, и в феврале 1853 г. в Иркутском губернском совете рассматривался вопрос о подчинении инородцев общим законам. Для достижения этой цели предлагалось начинать с создания отдельных инородческих волостей с оседлым населением. Так называемые образцовые инородческие волости для управления оседлыми аборигенами получили распространение в Западной Сибири: к концу 1850-х гг. в Тобольской губернии было образовано 28 образцовых волостей, в Томской губернии – 15[703].

В 1858 г. на Совете Главного управления Восточной Сибири (ГУВС) вновь обсуждаются вопросы: о даровании инородцам льгот от повинности для привлечения их к оседлости; о распространении на них общих законов империи; о введении между ними образования и гражданственности. Осуществление проекта о подчинении инородцев общим законам империи предполагалось начать с Кударинского ведомства, так как считалось, что кударинские буряты живут оседло, занимаются хлебопашеством. Однако в 1862 г. кударинские буряты приняли общественный приговор о своем нежелании перейти к оседлому образу жизни: «… желаем в настоящее время продолжать жизнь свою по прежнему порядку, т. е. кочевать с места на место и пользоваться угодьями на том самом порядке как прежде и ныне», об этом же свидетельствует рапорт главного тайши Кударинской Степной думы З. Ха-

[702] Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири. Иркутск, 1986. С. 54.
[703] Там же. С. 57.

маганова[704]. Такой же ответ о решительном отказе баргузинских бурят от перехода к оседлой жизни дал главный тайша Баргузинской Степной думы С. Хамнаев[705].

По вопросу о введении между инородцами образования и гражданственности планировалось учредить школы во всех инородческих ведомствах, хотя были предложения учредить одно общее училище, как у калмыков. Важным пунктом было предложение уничтожить право наследования должностей родоначальников, избирать на должности родоначальников людей не только достойных, но и знающих русский язык[706].

Журнал Совета ГУВС не был подписан и утвержден, кроме вопросов о мерах к привлечению к оседлости и введения между ними образования. Генерал-губернатор Н.Н. Муравьев обратился в Министерство государственных имуществ с этими предложениями, однако оно не нашло необходимости во введении этих мер.

В 1872 г. на Совете Главного управления Восточной Сибири обсуждался вопрос о сравнении налогового обложения инородческого населения Восточной Сибири с русским крестьянским населением как одного из направлений в попытке унификации системы управления инородческим населением Сибири. По сведениям, поданным членами Совета Большаковым и Полонским, размер ясака и всех прочих сборов с инородцев по Иркутской губернии составлял от 2 руб. 35 коп. до 3 руб. 56 коп., в Енисейской губернии – от 1 руб. 21 ½ коп. до 1 руб. 59 коп., в Забайкальской области – от 1 руб. 65 коп. до 3 руб. 46 коп. с каждой души. В то же время крестьяне платили сборы от 4 руб. 87 коп. до 6 руб. 30 коп. в год с каждой души, почти вдвое больше против инородцев[707].

Между тем, по мнению Большакова и Полонского, «инородцы в значительной массе занимаются хлебопашеством так же, как и крестьяне, имеют в большей части более земли и скотоводства и в равной степени могут пользоваться всеми местными промыслами. Вообще состояние сказанных инородцев никак не ниже состояния крестьян. Поэтому, а равно принимая во внимание, что инородцы не относят самой тяжелой повинности рекрутской, что при таком привилегированном положении их, которое в настоя-

[704] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 207. Л. 11–12, 14–15.
[705] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1054. Л. 12–13.
[706] ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2034. Д. 93. Л. 185–187.
[707] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3671. Л. 2–2 об.

щее время ничем не может быть оправдано, они неохотно приходят к оседлой жизни и избегают обращения в христианскую веру, было бы полезно и справедливо сравнить их к платежу податей и повинностей с крестьянами»[708]. Согласно статистическим данным, приведенным ими, по последней ревизии насчитывалось до 130000 ревизских душ, из них платят ясак до 60900 рабочих душ. В случае обложения их ясаком наравне с крестьянами сумма должна была бы увеличиться до 300000 руб. ежегодно.

На основании предоставленных сведений Совет ГУВС пришел к заключению о необходимости ходатайства перед Кабинетом об утверждении в законодательном порядке предложения о сравнении по платежу податей с крестьянами тех из кочевых инородцев Иркутской и Енисейской губерний и Забайкальской области, экономическое состояние которых не ниже крестьян[709]. Этот проект также не был претворен в жизнь.

Иркутским губернским управлением и Забайкальским областным правлением неоднократно предпринимались попытки учредить недостающую ступень в инородческом управлении – инородные управы. Опыт управления в инородческих ведомствах показал, что отсутствие инородных управ, их подмена Степными думами в системе органов местного самоуправления самым серьезным образом негативно повлияли на развитие бурятских ведомств.

Во-первых, инородная управа в отличие от Степной думы, имеющей только хозяйственные функции, обладала всей полнотой власти на подведомственных ей территориях. Инородная управа, являясь судом второй степени словесной расправы, была фактически высшей ступенью инородческой судебной власти. В тех ведомствах, где не было инородных управ, была только первая ступень инородческого суда – суд родового управления. В случае немирного исхода дел буряты были вынуждены обращаться в полицейские управления, являвшиеся для них высшей ступенью суда, что представляло для них большие трудности, связанные с незнанием русского языка, грамоты, необходимостью найма переводчиков, письмоводителей и т. д.

[708] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3671. Л. 2 об.–3.
[709] Там же. Л. 13–13 об.

Во-вторых, введенная по закону выборность должностных лиц в инородных управах развивала общественную активность в бурятском обществе, способствуя росту политической культуры бурят. Система же родовое управление – Степная дума, исключавшая инородные управы, приводила к сосредоточению огромной власти у Степных дум и главных тайшей, что служило источником многочисленных злоупотреблений и борьбы за власть между тайшинским династиями. Принцип наследственной передачи власти не позволял выдвигаться на руководящие должности умным и способным людям.

С целью облегчения судопроизводства, улучшения административной системы в бурятских ведомствах предпринимались самостоятельные инициативы учреждения инородных управ, как, например, в Баргузинском ведомстве в 1860 и 1867 гг. В связи с этим необходимо отметить проект баргузинского окружного исправника Ухтомского об упразднении Баргузинской Степной думы, должности главного тайши и учреждении на месте думы двух инородных управ с должностями головы и выборных. Видимо, появление проекта упразднения Степной думы и должности главного тайши также было связано с многолетней борьбой за власть между братьями Хамнаевыми.

В 1872 г. появился еще один проект военного губернатора Забайкальской области Н.П. Дитмара об учреждении особой инородной управы для инородцев, недовольных управлением С. Хамнаева. Однако баргузинские буряты не пожелали учредить еще одну инородную управу: «Из нас нет желающих и имеющих надобность выделиться в особую инородную управу согласно предложению бывшего военного губернатора Забайкальской области, изложенному в предписании от 25 октября 1872 г. за № 1672-м, так как недовольных родом Хамнаева (бывшего нашего тайши) в обществе нашем никого нет, да и самое предложение об отделении инородцев в особую управу в то время, вероятно, было основано по возникаемым тогда от некоторых инородцев ложным жалобам на тайшу Хамнаева и которые инородцы ныне все почти перечислены в Урульгинское ведомство»[710].

Следующий проект изменения инородческого управления связан с «идеей» Общего присутствия Забайкальского областного

[710] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1744. Л. 8–14.

правления об улучшении управления инородцев. В ноябре 1873 г. на его заседании рассматривалось состояние управления инородцев Забайкальской области. В частности, отмечалось, что Степные думы вместо общественного собрания, созываемого для разного рода дел, превратились в присутственные места, захватывающие в свои руки все без исключения отрасли инородческого управления. Далее говорилось о том, что Степные думы обезличивают инородные управы, создавая тем самым своим членам преобладающую роль, которой в силу закона они и не должны были иметь. Сугланы превратились в сборище богатого «меньшинства», которое решало все инородческие вопросы.

Поводом для обсуждения вопроса стало донесение Верхнеудинского окружного исправника полковника Поротова от 22 июля 1873 г. и.д. военного губернатора Забайкальской области, в котором он отмечает: «Самоуправление, дарованное законом кочующим сибирским инородцам (том II, часть II), бурятами Хоринского ведомства не исполняется в самых существенных началах, указанных для блага их. Нарушение закона повлекло к злоупотреблениям власти родоначальниками их, к деланию громадных сборов денег с инородцев, не утвержденных высшим правительством и полнейшему давлению бедного класса до того, что буряты в настоящее время составляют два отдельных класса людей: один из них – родоначальники и богатые почетные инородцы с ламайским влиянием, а другой класс, громадное большинство рабов (приблизительно $^{19}/_{20}$ всего населения)»[711].

Далее он пишет, что «на исправление дорог и мостов в настоящем 1873 г. также собраны весьма значительные суммы в разном количестве по инородным управам с души от 2 до 3 руб. На выполнение объясненных сборов зайсаны и их помощники, если у бурята нет денег, отбирают скот и другие вещи, нередко с употреблением даже насилия по собственной своей оценке, а если нет у бурят скота или других вещей, тогда за бедняка платит богатый, а бедняк остается в работниках у него за самую ничтожную годовую плату и так как сборы производятся ежегодно, то он остается в безвыходной кабале»[712].

[711] ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2034. Д. 93. Л. 1–1 об.
[712] Там же. Л. 2.

Подобное положение бурятского населения, достойного всякого уважения по своим нравственным началам, по мнению верхнеудинского окружного исправника, создалось вследствие невыполнения инородными управами функций, положенных по закону. В связи с этим он предлагает: 1) созывать сугланы при инородных управах, а не при Степной думе; 2) воспретить выбор ближайших родственников на любые инородческие должности; 3) в инородных управах должны быть книги для регистрации жалоб инородцев на монгольском и русском языках, копии с которых должны отправляться исправнику или полицейскому управлению; 4) построить пять зданий для инородных управ два – по тракту Чита-Верхнеудинск, одно – по р. Кудун, одно – в Тугнуйской степи, одно – по р. Хилок); 5) усилить контроль со стороны Степных дум за сборами денег[713].

Общее присутствие Забайкальского областного правления своим заключением предложило Верхнеудинскому, Селенгинскому и Баргузинскому окружным исправникам принять к сведению то, что касается улучшения деятельности Степных дум, инородных управ и родовых управлений. Например, наладить делопроизводство в инородных управах и родовых управлениях, назначить монгольских писарей в родовые управления, утвердить штатную должность монгольского писаря и переводчика в Баргузинском полицейском управлении и т. д.

В ответ на заключение Общего присутствия Забайкальского областного правления генерал-губернатор Восточной Сибири П.А. Фредерикс 25 июня 1874 г. пишет военному губернатору Забайкальской области И. К. Педашенко, что прежде всего областное начальство обязано принимать меры по устранению беспорядков в инородческих ведомствах и не видит оснований во введении новых штатных единиц монгольских писарей[714].

Идея сокращения инородных управ со строительством зданий для постоянного местопребывания в инородческих ведомствах получила отклик в Главном управлении Восточной Сибири. 20 июня 1874 г. председательствующий в Совете ГУВС направил губернаторам Енисейской и Иркутской губерний, военному губернатору Забайкальской области предписания, в которых пред-

[713] ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2034. Д. 93. Л. 2–6.
[714] Там же. Л. 26 об.–38.

ложил высказать свои мнения по данному вопросу. Уже 22 июля 1875 г. Енисейское общее губернское правление отписывается, что не видит особой необходимости в изменении существующей системы инородческого управления. К этому времени в Енисейской губернии работают Кызыльская Степная дума, Мелецкая отдельная инородная управа, Степная дума разнородных соединенных племен и Абаканская инородная управа[715]. Якутский губернатор в своем рапорте от 11 января 1875 г. просит даже увеличить количество инородных управ и отмечает, что якуты по существу не являются кочевым народом, а живут оседло в своих наслегах и не покидают места своих стойбищ[716]. Иркутский губернатор в донесении от 31 марта 1875 г. отмечает, что иркутские буряты живут почти оседло, и предлагает вообще упразднить Степные думы и должность главного родоначальника[717].

Военный губернатор Забайкальской области 8 ноября 1874 г. направил доклад об инородческом управлении по итогам ревизии делопроизводства, проведенной им в Хоринской Степной думе. В ходе ревизии он выяснил, что Хоринская Степная дума приняла на себя обязанности инородных управ, причинами чего являются: 1) кочевой образ жизни инородцев; 2) отсутствие постоянного места пребывания инородных управ и родовых управлений. Исходя из этого военный губернатор предлагает запретить инородцам покидать места своих кочевий, уменьшить число инородных управ с установлением мест их постоянного пребывания[718].

К докладу военного губернатора были приложены общественные приговоры селенгинских, хоринских, баргузинских бурят о сокращении инородных управ в их ведомствах. Селенгинские буряты своим приговором от 19 декабря 1874 г. представили следующий проект об образовании семи инородных управ вместо 22 родовых управлений[719]. Баргузинская Степная дума предъявила общественный приговор от 10 сентября 1875 г. об образовании двух инородных управ: 1) Улюнская; 2) Аргадинская[720]. Баргузинское общество высказалось против той части проекта, где говори-

[715] ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. 3 д-во. Д. 6. Л. 13–15.
[716] Там же. Л. 205 об.–206.
[717] Там же. Л. 206 об.–207.
[718] Там же. Л. 1–2.
[719] Там же. Л. 18–21.
[720] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1744. Л. 8–14.

лось об упразднении думы и должности тайши, мотивируя тем, что «Степная дума есть единственное учреждение между инородцами, которое по закону обязано наблюдать хозяйственную часть в распространении земледелия и народной промышленности, что главное необходимо для нас, инородцев, вместе с тем, Степная дума составляла общественные собрания подобно как городские думы на ее попечении по закону возлагается хозяйство в ограждении нужд инородцев на основании этого закона»[721].

Хоринские буряты направили свой приговор от 18 сентября 1875 г. о сокращении инородных управ с 14 до пяти[722]. Агинские буряты, имевшие всего шесть инородных управ, решили, что им сокращать их ни к чему, так же поступили тунгусы Урульгинской Степной думы, принявшие общественный приговор от 13 января 1876 г. об оставлении у них шести инородных управ.

Окончательно вопрос об улучшении управления инородцев обсуждался на Забайкальском областном совете 3 февраля 1876 г., на котором было решено:

1) строго следить за деятельностью Степных дум, учрежденных по закону для забайкальских инородцев, сократить расходы на их содержание, в частности канцелярские расходы;

2) количество инородных управ определить согласно желаниям инородцев, равно и место их пребывания, и распределение инородцев;

3) определить особую инструкцию для ведения делопроизводства в инородных управах;

4) определить состав родовых управлений: староста, 2 помощника, избираемых обществом;

5) обязать инородческие ведомства определиться с родовыми управлениями;

6) обязать инородческие ведомства разделить земли по границам инородных управ;

7) крещеным инородцам дать право образовать отдельные родовые управления и дать право избирать выборных из своей среды в состав инородных управ[723].

[721] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1744. Л. 8–14.
[722] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 580. Л. 14–16.
[723] ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2687. Д. Л. 208 об.–210.

Таким образом, в 1873–1876 гг. в местной администрации обсуждается вопрос об улучшении управления инородцев, при этом начали собирать все сведения об истории их управления. Основными приоритетами политики Главного управления Восточной Сибири в данный период стало появление предложений о сравнении по платежу податей кочевых инородцев Иркутской и Енисейской губерний и Забайкальской области с крестьянами, усиление контроля за Степными думами и родоначальниками, прощупывание вопроса об их будущем упразднении и учреждении инородных управ или же унификация местного самоуправления сибирских инородцев с крестьянскими.

В 1880-х гг. со стороны царской администрации была предпринята очередная попытка ликвидировать систему органов местного самоуправления бурят в Забайкальской области. Опубликованное в газете «Восточное обозрение» сообщение о предстоящем рассмотрении в Комитете Министров проекта о подчинении инородцев Восточной Сибири, за исключением бродячих, общим действующим по империи законам вызвало большой резонанс в бурятских ведомствах.

Проект предусматривал слияние как оседлых, так и кочевых инородцев с государственными крестьянами во всех правах и обязанностях, т. е. уравнение с крестьянами в земельных наделах, так как дарованные инородцам в давнее время грамоты на владение большим количеством земли утратили всякое значение, распространение на инородцев обязанности платить взамен ясака все подати и отбывать все повинности наравне с крестьянами, не исключая и воинской, и подчинение инородцев как уголовным, так и гражданским законам. Предполагалось, что инородцы, окруженные русским населением, освоились с обычаями и общественным управлением крестьян и занимаются в равной, если не в большей степени хлебопашеством.

Сторонники проекта считали, что уравнение прав и обязанностей поднимет нравственное развитие инородцев, будет способствовать распространению между ними образования и вместе с тем увеличит доходы государства. Важной стороной проекта было упразднение Степных дум и инородных управ с переименованием их в волостные правления и сельские общественные управления, а родовые управления как составляющие принадлежность каж-

дого отдельного рода инородцев с подчинением общим законам империи должны были сами собой ликвидироваться[724]. В связи с этим в декабре 1879 г. агинские буряты приняли общественный приговор, в котором, ссылаясь на кочевой характер уклада, более близкий к бродячим инородцам, незнание русского языка и практическое отсутствие земледелия, отмечают, что подчинение их общероссийским законам является преждевременным, даже могущим принести им вред в нравственном и материальном состоянии, а государству – никакой пользы.

В 1880-х гг. проблема ликвидации Степных дум и должности главного родоначальника особенно остро встает в Идинском ведомстве Иркутской губернии. 23 июня 1882 г. состоялось заседание Совета ГУВС, на котором обсуждался вопрос о разделе Идинского инородческого ведомства и восстановлении законного порядка управления инородцами в Иркутской и Енисейской губернии.

Поводом для обсуждения стали «ежедневно поступающие к начальнику Иркутской губернии от инородцев Идинского ведомства жалобы на разные притеснения и обиды, причиняемые будто бы им местными инородческими властями»[725]. При проверках со стороны губернского начальства оказалось, что предъявленные претензии составляют не что иное, как «плод усиленного раздора существующих в Идинском ведомстве враждебных партий, имея во главе людей влиятельных». Подобные усобицы, сопровождаемые тяжбами, жалобами, подаваемыми местному начальству, в конечном своем результате крайне неблагоприятно отражались на материальном положении инородцев. В связи с таким положением в ведомстве иркутский губернатор И. К. Педашенко поручил Балаганскому окружному исправнику изыскать способы к устранению жалоб и распрей.

Балаганский окружной исправник провел исследования состояния дел в Идинском ведомстве, привлекая архивные документы, и составил подробную справку. Идинские буряты занимали пространство земли площадью 1075 квадратных верст, в ведомстве числилось 12577 душ м. п. и 11670 душ ж. п., делившиеся на 29 родов. Каждый род управлялся родовым старостой, несколько

[724] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3671. Л. 43 об.
[725] ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 21. Л. 1 об.

родов объединялись в родовые управления, которых было учреждено 10. В течение декабря 1881 г. прошли собрания идинских бурят, на которых большинство высказалось за раздел ведомства. Учитывая огромные площади, занимаемые ведомством, и многочисленность населения, бесконечные распри идинских бурят, балаганский окружной исправник предложил разделить Идинское ведомство на две части с центрами в улусах Бохан и Бильчир[726].

Иркутский губернский совет, обсудив вопрос о разделении Идинского ведомства, пришел к заключению:

1) упразднить Идинскую Степную думу и должность главного родоначальника;

2) разделить Идинское ведомство на три ведомства:

- Идинское с учреждением Боханской инородной управы;
- Осинское – Бильчирской инородной управы;
- Молькинское – Молькинской инородной управы[727].

Таким образом, предполагаемое разделение Идинского ведомства на три самостоятельные и независимые части, упразднение Степной думы преследовали цель прекращения усобиц, отступление от «неправильного устройства внутреннего управления учреждением Степной думы», захватившей в свои руки полное управление инородцами и присвоившей те права и обязанности, которые непосредственно должны относиться к инородным управам как единственным распорядительным учреждениям.

Совет ГУВС, рассмотрев все представленные Иркутским губернским советом материалы, пришел к выводу, что не может упразднить Степные думы и должность главного родоначальника, учрежденные по закону указом Иркутского губернского правления в 1824 г., тем более упразднить их в одном ведомстве. Совет порекомендовал Степным думам исполнять свои функции согласно закону и учредить инородные управы[728]. Генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин в 1884 г. поддержал решение ГУВС, тем самым был отложен вопрос о разделе Идинского ведомства.

Попытка разделения Идинского ведомства, упразднения Степной думы и должности главного родоначальника, учрежде-

[726] ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 21. Л. 4–8.
[727] Там же. Л. 30.
[728] Там же. Л. 37.

ния инородных управ явилась реальным шагом к ликвидации системы инородческого управления в Иркутской губернии и Забайкальской области, основанной на положениях Устава 1822 г. Захват Степными думами и главными родоначальниками полной распорядительной и судебной власти привели к многочисленным раздорам, вражде в бурятских ведомствах и, как следствие, вызвали непрекращающийся поток жалоб, прошений бурят.

Свидетель тех событий – миссионер Шимковского стана – в 1882 г. дает такую характеристику Степным думам: «Благодаря отсутствию инициативы у бурят, она (Степная дума – прим. авт.) сохранила все свои права, как управления совершенно самодержавного, и пользуется ими в лице своих членов в духе знаменитого в летописях сибирских Лоскутова. К несчастью, до сих пор не находилось подражателя Сперанскому, хотя бы в миниатюре, который бы взял на себя почин обуздать произвол этой гидры и избавил бы народ от египетского ига … Насилие, грабеж и беззаконие завоевали себе право гражданства и разгуливают себе преспокойно!»[729].

В 1885 г. военный губернатор Забайкальской области Я.Ф. Барабаш пишет докладную записку приамурскому генерал-губернатору А.Н. Корфу «Доклад об устройстве быта кочевых инородцев Забайкальской области», в которой подробно остановился на проблемах инородческого управления и мерах по его реорганизации. Было отмечено, что «удержание инородцев в той форме быта, которая противоречит экономическим интересам» российского государства, «явление ненормальное». Такие привилегии, данные инородцам по Уставу 1822 г., как 1) освобождение их от воинской повинности; 2) сравнительно слабое обложение прямыми налогами, когда низший оклад с кочевой ревизской души составляет 1 руб. 42 коп., а оседлой – 4 руб. 75 коп.; 3) пользование сравнительно большим количеством земель, когда на одну кочевую ревизскую душу в Забайкальской области приходится по 90 десятин земли, а у крестьян – по 18 десятин, привели к кризису инородческого управления.

Прежде всего, как отмечает военный губернатор, недостатки системы инородческого управления привели к появлению массы деспотических родовых начальников и других влиятельных лиц,

[729] ИЕВ. 3 апреля 1882 г. № 14. С. 175–176.

которые прямо заинтересованы в сохранении существующих порядков. Они присвоили право полного господства над инородцами своих ведомств, когда в их руках сосредоточилась и административная, и распорядительная, и полицейская, и хозяйственная, и судебная власть. Главный тайша судит кочевников своего ведомства, наказывает их телесно или сажает на долгое время под арест и в тюрьму. В то же время он делает распоряжения по исправлению дорог по своему определению, назначает для этого людей, количество лошадей и материалов, он же распределяет число подвод на разных трактах и т. д. В руках у родоначальников оказалось так много самой лучшей земли, что из бурятских ведомств стали поступать бесконечные жалобы на нехватку земель.

Главной же причиной существующих беспорядков, как считает Я.Ф. Барабаш, является кочевой образ жизни, когда из-за дальних расстояний нет возможности обратиться к должностным лицам местного самоуправления. Выходом из такой ситуации явилось бы побуждение кочевников к оседлой жизни, ограничение пользованием земли, реорганизация инородческого управления в сторону приближения к крестьянскому управлению путем упразднения Степных дум и должности главного тайши. По его мнению, «пока будут присутствовать думы, до тех пор за главными тайшами останется значение первых людей в своем ведомстве, с соответственным ему влиянием, пользуясь которым они, как это можно опасаться, будут поддерживать между бурятским населением племенную и религиозную обособленность и, таким образом, тормозить дело объединения инородцев с коренным русским населением, которое неизбежно должно получиться в результате проектируемых мер»[730].

Такими мерами явились бы:

1) сохранение инородных управ, которые по кругу их деятельности близко подходят к русским волостным правлениям и могут вступать в непосредственные сношения с земской полицией, а Степные думы подлежали упразднению «не только без вреда, но и с пользой для дела»;

2) изъятие из употребления степных законов и подчинение всех инородцев юрисдикции русских судов;

[730] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2172. Л. 11 об.

3) привлечение всех инородцев к воинской повинности на общих основаниях: «Инородцы, пробыв определенный срок в войсках, ознакомятся и с русскими обычаями, и с русским языком, и по возвращении домой, знание их будут распространять между своими соплеменниками, на что нельзя рассчитывать, если из инородцев будут формироваться особые казачьи или милиционные части»[731]. Предполагалось также сохранение за инородцами таких привилегий, как меньшее налогообложение и выделение большего земельного надела по сравнению с русскими крестьянами.

Администрации Забайкальской области в этот период не удалось претворить в жизнь данный проект ликвидации Степных дум и должности главных тайшей. Прежде всего это было обусловлено нерешенностью основного вопроса – о земле, отсутствием законодательства в области суда и т. д.

Одним из направлений политики царского правительства в отношении народов Сибири конца XIX – начала XX вв. стал еще один вопрос, кроме уравнения кочующих инородцев в управлении и налогах с крестьянским населением: о привлечении сибирских инородцев к отбыванию воинской повинности[732]. Привлечение бурят к отбыванию воинской повинности в XIX – начале XX вв. рассматривалось как одно из направлений политики Российского государства по их включению в систему общеимперских законов. Согласно определению, воинская повинность является установленной российским законодательством обязанностью мужчин нести военную службу по защите Родины.

В соответствии с § 42 Устава об управлении инородцев Сибири 1822 г. «все кочующие инородцы освобождались от рекрутской повинности»[733], таким образом, законодательно буряты были освобождены от несения воинской повинности. Однако надо отметить, что буряты и тунгусы со времени вхождения в состав Российского государства несли пограничную службу вместе с русскими казаками.

К концу XVII в. бурятские роды принимают российское подданство, заключаются договоры между Ф.А. Головиным и «мун-

[731] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2172. Л. 12 об.–13.

[732] Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири в XIX – начале XX вв. Иркутск: 1986. С. 112–113.

[733] ПСЗРИ. 1 собр. Т. XXXVIII. Ст. 29126. СПб.: 1830. С. 396.

гальскими тайшами», одним из пунктов которых было условие охранять российские границы: «Быть им тайшам Ирки Кантазию, Ерени Батуру, Серензабу Бантухаю, Чин Ердени Доржи, Ирки Ахаю, Елден Ахаю в вечном подданстве, и со всеми зайсанами и улусными их людьми … служить им, великим государям, их царскому величеству, со всякой верностью», и «на наступающих на них каких владельцев воинским способом ратным своим людям оборону чинить повелят»[734], «Быть им Саин Окину, Нармо Тархану, Башуру Сотую, Начину Мосого, Саинке Сотулай, Карцагаю, Нескею Зайсану, Инкиню, Иркибею, Башки Дархану, Ниретую Удзин, Кашке Унен, Гуин Зайсан с вышеописанными шуленгами и с детьми своими и с улусными людьми великих государей их царского пресветлого величества под самодержавной высокой рукой в подданстве и в вечном холопстве, и служить им великим государям», а также обязательство защищать от «наступающих неприятельских каких-либо ни есть народов», «не щадя головы своей, биться до смерти»[735].

Заключение договоров о принятии бурятскими родами российского подданства и обязательстве защищать российские границы стало основой, на которой начало формироваться бурятское казачество. С заключением 21 октября 1727 г. генерального трактата С.Л. Владиславича-Рагузинского с китайским уполномоченным[736] устанавливаются границы и начинаются работы по организации охраны: наблюдение за маяками и за переходом за границу людей и скота было поручено бурятским родам и немногочисленным русским, поставленным для надзора за ними. Например, маяки № 1-4 были поручены бурятам Цонгольского, Ашибагатского, Та-

[734] Договор, заключенный мунгальскими тайшами с российским послом на Китайской границе о вечном оных тайшей подданстве российскому престолу // ПСЗРИ-1. № 1329. 15 января 1689 г. Т. 3. СПб.: 1830. С. 3–6. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Выпуск 1 / составители Г. Н. Румянцев, С. Б. Окунь. Улан-Удэ: 1960. С. 326–330.

[735] Договорные статьи и шерть табанутских сайтов вследствие заключенного с ними договора 1689 года января 15 о вечном их подданстве Российскому престолу // ПСЗРИ-1. № 1329. 12 марта 1689 г. Т. 3. СПб.: 1830. С. 15–17. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Выпуск 1 / составители Г. Н. Румянцев, С. Б. Окунь. Улан-Удэ: 1960. С. 331.

[736] Генеральный трактат между Россией и Китаем «О вечном между обеими империями мире, об утверждении границ, о неудержании перебежчиков, об оставлении Удинских границ по-прежнему и о свободной торговле // ПСЗ-1. № 5286. 14 июня 1728 г. Т. 8. СПб.: 1830. С. 49–53.

бангутского родов, которые стояли пятью юртами против маяка № 4 на реке Керан. Маяки № 5-6 наблюдали три русских казака, жившие в деревне Кузнецово (с 1764 г. Кударинская крепость). За маяками № 11-15 наблюдали хоринские буряты 11 родов, выставлявшие 10 юрт с двумя засулами (Мензенский караул), маяками 16-28 – тунгусы Сартульского рода и т. д. Охрана границы была возложена на 25 караулов, которые были разбросаны на расстоянии более 2000 верст. При каждом карауле состояло 5-10 юрт (семейств) тунгусов или бурят, следивших за исправностью маяков, ловили нарушителей границы, держали их под караулом и доносили вышестоящему пограничному начальству. Русских казаков на Нерчинской границе было 12, на Селенгинской – два или три караула[737].

Сенатским указом от 29 марта 1728 г. по прошению 18 бурятских родов Селенгинского и Нерчинского дистриктов «за их прилежность к службе его императорского величества» каждому роду было выдано по знамени, при этом было объявлено, что знамена пожалованы им «за их верную и прилежную службу, и чтобы впредь служили со всякой ревностью»[738].

Согласно установленной графом С.Л. Владиславичем-Рагузинским системе наблюдений за границами, в 1727–1752 гг. нерчинские тунгусы содержали пограничные караулы в Восточном Забайкалье. После создания Сенатским указом от 17 октября 1760 г. тунгусской пятисотенной команды для пограничной службы селенгинские буряты также выступили с предложением о создании такой команды. По своей инициативе они выбрали из своей среды 2400 человек для этой цели: цонгольский род – 582 (с детьми), ашибагатский – 352, остальные роды – 1466 человек. Селенгинские буряты просили об освобождении казаков от ясака, в то же время обязывались содержать своих казаков-пограничников за свой счет.

Сенатским указом от 2 июля 1764 г. было решено «учредить 2400 селенгинских бурят легкими нерегулярными военнослужа-

[737] Васильев А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк в 3 томах. Т. II. Репринтное издание 1916–1918 гг. Благовещенск: 2007. С. 20–21.

[738] Сенатский указ «О сделании гербовой печати в Нерчинской и Иркутской провинциях для прикладывания к выдаваемому купечеству из Таможен и из Ратуши паспортам; о заведении судов для удобного сношения через озеро Байкал и о выдаче знамен бурятским племенам» // ПСЗ-1. № 5254. 29 марта 1728 г. Т. 8. СПб.: 1830. С. 22–23.

щими на таком основании, как от него, Якоби, представлено было и ясака с них не взыскивать до указа, о чем им объявить с тем, дабы они оказанную к ним высочайшую ее императорского величества милость ревностью и усердием к службе заслужить старались»[739].

В сформированных сотнях из родовых старшин выбирали сотников, пятидесятников и десятников. Шесть сотен выбирали себе из своей среды командира полка – есаула и знаменщика, избранные есаулы и сотники представлялись войсковому старшине Цырену Бадалуеву. После назначения сотники принимали в свое ведение караулы и маяки, назначали стражников, а остальных распускали. Все казаки служили поочередно, сменяясь через месяц.

Таким образом, учреждением четырех бурятских полков разрешился вопрос об охране границ в Забайкалье. По данным 1764 г., в Забайкалье находились на службе: якутский пехотный полк (1498 человек), конно-гренадерская рота (100 человек), якутский конный полк (591 человек), на Нерчинской границе 500 тунгусов, на Селенгинской – 2400 бурят[740].

В 1785 г. в очередной раз обострились русско-китайские отношения на границе, Кяхтинская торговля была закрыта. Иркутский губернатор И.В. Якоби был вынужден укреплять границу, усилить ее новыми войсками. С этой целью он решил из 17 тыс. хоринских бурят набрать милицию для прикрытия некоторых пограничных мест в случае вторжения неприятеля. Главный тайша хоринских бурят Дамбадугар Ринчинов обязался выставить милицию из 2500 лучших людей и содержать в готовности для охраны границы. Хоринская милиция должна была расположиться: при реке Тугнуй в 120 верстах от Кяхты (1000 человек), на реке Ингоде в 30 верстах от Доронинска (500 человек), при устье реки Иля на реке Онон в 30 верстах ниже Акшинской крепости (500 человек), при Чинданте – Турукаевской крепости по рекам Борзе и Турге (500 человек). Хоринцы должны были выставлять милицию со своим оружием по первому извещению пограничных командиров. 14 января 1800 года (по справке в делах Главного управления иррегулярных войск) императором Павлом I бурятскому

[739] Васильев А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк в 3 томах. Т. II. Репринтное издание 1916–1918 гг. Благовещенск: 2007. С. 185.
[740] Там же. С. 178–179.

иррегулярному войску за верную службу были пожалованы семь знамен[741].

О боеспособности и желании бурят защищать свое Отечество в тяжелое время для России свидетельствует статья, опубликованная в газете «Амур»: «В 1812, 1813, 1814 годах забайкальским монголо-бурятам было не до русской грамотности. В это время все они – кто бы этому поверил? – с энергией готовились идти войной на француза!»[742].

Несмотря на законодательное освобождение бурят от воинской повинности, со стороны царской администрации на общегосударственном и региональном уровне периодически поднимались вопросы об их привлечении к воинской службе. Так, в 1872 г. на заседании Комиссии о личной военной повинности при Главном управлении Восточной Сибири обсуждался вопрос об обложении кочевых инородцев милиционной военной службой. На инородческую милицию предполагалось возложить «земскую службу, как, например, препровождение местных арестантов по проселочным трактам, назначение конных инородцев в помощь к пешим этапным командам, сопровождение сельской почты, назначение их нарочными от полицейских управлений и т. п.»[743]. В ответ на требование о предоставлении сведений о возможности несения милиционной службы бурятами Агинская Степная дума отписывается, что «по неопытности, необразованности и незнанию русского языка, а также по образу кочевой жизни инородцев, составить со своей стороны предположения не может»[744].

1 января 1874 г. был принят Манифест «О введении всеобщей воинской повинности», согласно которому был утвержден Устав о воинской повинности. Было объявлено, что «защита престола и отечества есть священная обязанность каждого подданного, Устав сей привлекает к участию в отправлении воинской повинности все мужское население, без допущения денежного выкупа или замены охотниками»[745].

С введением Устава о всеобщей воинской повинности положение инородцев изменилось следующим образом: в Манифесте

[741] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1934. Л. 4 об.
[742] Газета «Амур» 1862. № 19. 11.03.1862. С. 3–4
[743] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1934. Л. 3 об.
[744] Там же. Л. 6 об., 8.
[745] ПСЗРИ-2. № 52982. Т. XLIX. СПб.: 1876. С. 2.

было определено, что «действие нового закона не должно распространяться лишь на казачье население, несущее военную службу в установленном для него порядке, а также на некоторых инородцев»[746], в число которых вошли и буряты.

С принятием Устава о воинской повинности возникли вопросы о привлечении сибирских инородцев к отбыванию воинской повинности по особым положениям. В этом же 1874 г. во все бурятские ведомства были отправлены письма о предоставлении сведений о том, смогут ли быть обеспечены семейства бурят материально в случае призыва мужчин на военную службу. Это было своего рода социологическое обследование, имевшее целью выяснить подлинное отношение инородцев к перспективе привлечения их к отбыванию воинской повинности, а заодно и политическую лояльность империи. Например, Ольхонская Степная дума отвечает: «В случае призыва на службу таких инородцев, у которых не будет оставаться в семье других работников, кроме их самих, место мужа или отца для детей, равно и сына для престарелых родителей могут, по мнению думы, заступать их ближайшие или дальние, но живущие отдельно родственники, а если родственников нет, то и посторонние люди, участие которых к таким семействам можно ручаться уже по одному тому, что между ними никогда нет нищих»[747].

В 1880-х гг. снова поднимается вопрос о подчинении сибирских инородцев действующим общеимперским законам и уравнении их во всех правах и обязанностях с крестьянами, в том числе в отнесении ими воинской повинности. Предполагалось, что эти мероприятия приведут к росту нравственного развития инородцев, будут способствовать распространению среди них образования и самое главное, увеличит доходы государства[748]. По данному вопросу в 1879 г. агинские буряты отмечают, что «при кочевой жизни в степных местах и незнании русского языка еще далеко не освоились с обычаями и общественным управлением крестьян, а подходя более к бродячим инородцам, мы не занимаемся хлебопашеством, как инородцы других ведомств Восточной Сибири, по случаю степной местности нами обитаемой, годной единственно

[746] ПСЗРИ. 2 собр. Т. XLIX. Отд. 1. Ст. 52982. СПб.: 1876.
[747] ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 921. Л. 42–42 об.
[748] Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири в XIX – начале XX вв. С. 112–113.

для скотоводства, которое и составляет источник нашего существования…, а потому подчинение нас, бурят Агинского ведомства, общим законам империи с привлечением к воинской повинности, уменьшением количества владеемой нами степной земли с изменением существующего ныне порядка управления (упразднением Степных дум и инородных управлений), мы признаем по изложенным выше причинам и особенностям нашей жизни преждевременным и могущим принести для нас вред, как в нравственном, так и в материальном состоянии, а для государства не могущим принести существенной пользы»[749].

Эти факты свидетельствуют о готовности бурят к несению воинской службы в той или иной форме, но в целом отношение бурят к воинской повинности по существу было отрицательным. Администрации большинства сибирских губерний и областей выразили согласие на введение в той или иной форме воинской повинности у аборигенов. В основе этого решения лежали внутриполитические интересы, связанные прежде всего с дальнейшей русификацией аборигенов. Тем не менее военный министр Д.А. Милютин, признавая принципиальную важность участия инородцев в военной службе как одной из главных государственных обязанностей народов Сибири, воздержался от введения воинской повинности инородцев, снова отложив на неопределенное время вопрос о привлечении инородцев Сибири к воинской службе[750].

Таким образом, в первой половине XIX в. происходит процесс формирования и развития органов местного самоуправления бурят, учрежденных по Уставу об управлении инородцев 1822 г. Надо отметить, что при формировании системы инородческого самоуправления было допущено значительное отклонение от норм Устава 1822 г., выразившееся в учреждении Степных дум и должности тайшей у западной части бурят, которым принадлежала вся власть в своих ведомствах. До середины XIX в., по нашему мнению, наблюдается «расцвет» инородческого самоуправления, когда бурятские ведомства в пределах своих полномочий занимались вопросами местного значения, чему способствовали: во-пер-

[749] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3671. Л. 39–42.

[750] Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири в XIX – начале XX вв. С. 118.

вых, политика Российского государства, которое смотрело на Сибирь и сибирские народы как на источник налогового поступления в казну, во-вторых, старые «традиции» самоуправления бурят в виде Степных контор, сугланов, норм обычного права.

В связи с принятием крестьянской реформы 1861 г. и последующими реформами 1860–1870-х гг. появляются проекты реформирования инородческого самоуправления, основными идеями которых становится ликвидация Степных дум, должности тайши, изменение системы налогообложения, привлечение инородцев к воинской службе. Эти проекты так и остались проектами.

§ 2. Местное самоуправление бурят в конце XIX – начале XX в.

В конце XIX – начале XX века наблюдается качественное изменение политики Российского государства в отношении сибирских народов. На смену политике регионализма с учетом национальных особенностей приходит политика, направленная на унификацию управления инородцами по образу русских крестьян, а также унификацию их прав и обязанностей с крестьянскими. Правительство предпринимает попытки ликвидации инородческого управления в Сибири, что удается провести в Енисейской и Иркутской губерниях. Степные думы в Енисейской губернии были упразднены в 1892 г. и вместо них были образованы инородные управы[751], а в Иркутской губернии к 1890 г. были ликвидированы все семь Степных дум, вместо которых учреждались, по признанию царских чиновников, более гибкие административные единицы – инородные управы[752].

Генерал-губернатор Восточной Сибири указывал, что ликвидация Степных дум и учреждение инородных управ были предприняты им «для прекращения раздоров» и «для умиротворения враждующих между собой партий, образовавшихся среди бурят». Вместе с тем царское правительство преследовало русификаторскую цель. В представлении Государственному Совету статс-секретарь А.Н. Куломзин писал по поводу ликвидации Степных дум в Иркутской губернии: «Означенная мера несомненно принесла

[751] Мамышева Е.П. Хакасия: от Степных дум к автономии (1822–1930). С. 37.
[752] Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири. Иркутск: 1986. С. 54.

уже большую пользу, уничтожив среди иркутских бурят понятие о себе… и приблизив население к надзору и воздействию правительственных органов»[753].

Инородные управы в Иркутской губернии были образованы в основном в 1889–1890 гг. До этого момента в Иркутской губернии было четыре инородные управы, которые являлись самостоятельными административными единицами, не подчинявшимися Степным думам: Кудинско-Капсальская, Китойская, Ленская и Тункинская. В 1880-х гг. перед администрацией Иркутской губернии встала задача упорядочения инородческого управления, вызванная многочисленными нарушениями в бурятских ведомствах, связанными с увеличением расходов на содержание управления, борьбой между тайшинскими династиями за власть, несовершенством судебной системы, приводившими к бесконечным апелляциям в вышестоящие учреждения и т. д. К пониманию перемен в инородческом управлении пришли и некоторые представители родовой верхушки бурят. Так, в 1885 г. главный родоначальник идинских бурят Илья Пирожков пишет письмо и.д. генерал-губернатора А.П. Игнатьеву, в котором предлагает одновременно с предстоявшим упразднением подушного налога провести уравнение бурят с крестьянским населением Восточной Сибири.

По его мнению, все привилегии, данные инородцам, «в настоящее время утратили не только своего значения, но и всякого смысла на том основании, что: 1) судом по своим обычаям инородцы очень редко и то в самых маловажных случаях бывают довольны, чему доказательством служит переполнение всех присутственных мест и должностных лиц их всевозможными жалобами и просьбами; и 2) о спорах и владениях всякого рода земельными угодьями буряты также и давно не управляются своими обычаями и правами, а постоянно обращаются в полицейские управления или в казенную палату»[754]. Христианская вера распространена среди бурят, а по образу жизни они совсем немного отличаются от окружающих их крестьян: занимаются хлебопашеством, грамотных даже больше, чем среди крестьян. И. Пирожков считает, что «исключительное же положение, в котором теперь находятся инородцы, ведет только к вражде партий, домогающихся полу-

[753] История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ: 1954. Т. 1. С. 290.
[754] ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 2034. Д. 93. Л. 167 об.

чить власть для своих единомышленников и в своих эгоистических интересах, потому только преобразование инородческого управления в духе вводимого ныне в Сибири крестьянского самоуправления с выборными лицами на срок не более трех лет, способно положить конец всем распрям и волнениям и обеспечить инородцам спокойствие и благосостояние под покровительством закона»[755]. В порядке исключения он просит «единственную для бурят привилегию, это оставить за ними право не допускать в местах их поселений открытия как питейных заведений, так и оптовых винных складов»[756].

Генерал-губернатор Иркутской губернии А.П. Игнатьев в своем предписании и.д. иркутского губернатора от 16 февраля 1889 г. «О мерах к упорядочению инородческого управления» отмечает, что неоднократно убеждался «во многих неправильностях и отступлениях от основных начал, установленных для него положением 22 июля 1822 г.»[757]. По его мнению, в Иркутской губернии необходимо было провести упорядочение инородческого общественного управления, основными пунктами которого должны были стать:

инородческое управление должно состоять только из двух степеней: инородной управы и родового управления;

содержание канцелярий родовых управлений или вообще писарей, а тем более постройка особых помещений не обязательны для инородцев, так как по силе ст. 24 Устава об управлении инородцев 1822 г. все дела в родовом управлении производятся словесно;

низшей степенью инородческого управления по ст. 17-23 Устава об управлении инородцев 1822 г. должно быть родовое управление в лице старосты и одного или двух помощников из почетных и лучших родовичей;

с установлением правильного порядка в общественном инородческом управлении отпадет необходимость в содержании значительного количества междудворной гоньбы[758].

В ходе подготовительной работы А.П. Игнатьев посещает бурятские ведомства, проводит там собрания, на которых разъяс-

[755] ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 2034. Д. 93. Л. 168.
[756] Там же. Л. 168 об.
[757] ГАРБ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 156. Л. 87.
[758] Там же. Л. 87 об.

няет пользу предстоящей ликвидации Степных дум и должности тайши. Так, 2 февраля 1886 г. он посещает собрание при Балаганской Степной думе, где присутствовали родоначальники и доверенные лица. В течение часа он беседовал с бурятами, разъясняя пользу учреждения инородных управ, расспрашивая об их нуждах, также давал советы по улучшению их быта[759].

В 1886 г. началось упразднение Степных дум среди бурят Иркутской губернии. Ликвидация проводилась следующим образом: распускалась дума, создавались несколько инородных управ, родовых управлений; упразднялась должность тайши, создавались должности голов. Таким образом, тайши потеряли свое доминирующее положение среди бурят Иркутской губернии, и для многих зажиточных бурят был открыт доступ к высшим должностям степного управления.

Идинская Степная дума была ликвидирована первой согласно журналу Совета ГУВС от 30 июля – 27 августа 1886 г. Идинское ведомство было разделено на пять инородных управ: Боханская, Укырская, Бильчирская, Улейская, Молькинская.

Верхоленская Степная дума была упразднена с 1 января 1889 г. и разделена на три инородные управы: Верхнекудинскую, Баяндаевскую, Хоготовскую[760]. Буряты 2-го Абызаевского рода вышли с ходатайством к иркутскому генерал-губернатору о выделении из Баяндаевской инородной управы и образовании отдельной Ользоновской управы с центром в селении Ользоновском, и в конце 1890 г. была образована Ользоновская инородная управа.

Верхнекудинская инородная управа образовалась из бурят Ользоновского, 1-го Буровского и 4-го Буровского родов с населением 2555 душ мужского пола.

Баяндаевская инородная управа включала в себя Баяндаевский, Бахаевский роды с населением 2380 душ мужского пола.

Хоготовская инородная управа состояла из бурят 1-го Абызаевского рода с населением 1508 душ мужского пола. Головой управы был избран Осип Степанов[761].

---

[759] Медведев А. Посещение генерал-губернатором Восточной Сибири графом А.П. Игнатьевым Балаганского инородческого ведомства / А. Медведев // ИЕВ. Прибавления. 22 февраля 1886 г. № 8. С. 97–100.

[760] ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1918. Л. 53.

[761] ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 39. Л. 86.

Ользоновская инородная управа была образована в конце 1890 г. из бурят 2-го Абызаевского рода и состояла из 13 улусов: Гулунтумурский, Шаракшанский, 1-й Онгоевский, 2-й Онгоевский, 3-й Онгоевский, Нугулурский, Нога-Алыкский, Тыпхисырский, 1-й Молойский, 2-й Молойский, Идыгейский, Маралтуевский, Уваровский и двух селений: Ользоновского и Маркеловского[762]. Головой управы в разные годы избирались: Исаак Ертагаев (1890–1900), Хуригатай Хунгыров, Монхор Могоров.

Тункинская Степная дума в 1889 г. распалась на три управы: Харибятская с центром в улусе Жемчугском, Койморская с местопребыванием в улусе Узур-Нинугуне, Торская с центром в улусе Торском и отдельное Окинское родовое управление, при этом к первой управе были отнесены 4834 души обоего пола, ко второй – 2885, к третьей – 2597.

Харибятская инородная управа находилась в селении Жемчуг. В 1898 г. головой управы был избран Иван Дуйбанов, выборными – Ардан Ошоров и Энхэ Якшиев[763]. В 1893 г. управа состояла из бурят шести родов: 1) 1, 2, 3, 4-й Хонгодорский; 2) Шеронхонский; 3) 1, 2-й Хойготский; 4) Иркитский; 5) Шишеловский; 6) Челдарский[764]. К 1915 г. образовались еще два рода – Тыртеевский и Туранский.

Койморская инородная управа размещалась в улусе Узур-Шинугун, в ее состав входили 3999 жителей, пять родовых управлений: Шеронхонское, Бадарханское, 2-е Хонгодорское, 3-е Хонгодорское, 4-е Хонгодорское; 12 улусов: Тагархайский, Койморский, Шардобунский, Уляборский, Ундур-Шогенский, Ойбойский, Хура-Хобокский, Хебокский, Шархоловский, Кунтенский, Улбугайский, Енгаргинский; три селения: Тальское, Токуренское, выселок Кутул. Головой управы в разные годы были Михаил Ефимович Сороковиков, Синельников, Александр Шобонов, Артемий Балсанов, Молонов. Управа содержала совместно с Харибятской и Торской управами анатомический ледник, Тункинское почтовое отделение, Торское и Тункинское училища, Торский и Эхенугинский перевозы.

[762] ГАРБ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 40. Л. 29, 30.
[763] ГАРБ. Ф. 241. Оп. 1. Д. 259. Л. 50.
[764] Там же. Д. 116. Л. 155.

Торская инородная управа образована в 1891 г., размещалась в улусе Торском Иркутского уезда Иркутской губернии. Подчинялась крестьянскому начальнику 3-го участка Иркутского уезда, приставу 3-го стана. При образовании управы население составляло 3308 человек, в том числе 1673 м. п. и 1635 ж. п.[765], и состояло из четырех родовых управлений: Тыртеевского, 1-го Куркутского, 2-го Куркутского и 1-го Хонгодорского[766]. В 1909 г. было образовано Торское родовое управление.[767] В 1901 г. в ведении Торской управы числились улусы: Подкокуйский, Шадур Тологойский, Хабин-Дыбинский, Шулутовский, Янданский, Торский, Хараугунский, Шинайский, Ноетский и 2 селения – Тибильтийское, Гужирское[768]. На должность головы избирались в разные годы: А. Кирилов (1897 г.), Н. Мункуев (1898 г.), А. Хамаков (1901 г.), Манзарханов (1908 г.), Дарма Кырмыгенов (1914 г.), Холбоев (1916 г.)

Окинское родовое управление объединяло бурят 1, 2, 3, 4-го Хонгодорских родов, Шалдаровского, Хайгатского, 2-го Кургутского, Тыртеевского и Иркетского родов.

Кудинская Степная дума была упразднена по приказу Иркутского губернатора от 8 января 1890 г.: «Упразднить с 1 января 1890 г. Кудинскую Степную думу и должность главного родоначальника и затем ведомство это разделить на три инородные управы:

1) Абаганатскую с резиденцией управы против горы Хандагай, на 4-й версте от селения Усть-Ординского на правой стороне почтового тракта из 1, 2, 3, 4 Абаганатских родов с населением 2449 душ обоего пола;

2) Кудинскую с резиденцией управы в с. Усть-Ординском из 1, 2, 3, 4-го Харанутских родов, причисленных к последнему роду инородцев Харбятинского улуса 1 и 4-го Бабаевских родов, Усть-Ординского и Курского селений оседлых инородцев и бродячих тунгусов, с населением 5268 душ обоего пола;

3) Усть-Ординскую с резиденцией управы в 16 верстах от с. Усть-Ординского, по левой стороне почтового тракта, около Гушитского улуса, из 1, 2, 3, 4 го Бабаевских родов, за исключением из первого и последнего инородцев Харбятинского улуса, причис-

[765] ГАРБ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 2.
[766] Там же. Д. 1.
[767] Там же. Д. 18.
[768] Там же. Д. 13. Л. 41.

ленных к 4-му Харанутскому роду Кудинской Управы Курумчинского рода, с населением 3920 душ обоего пола»[769].

Ольхонская Степная дума и должность главного родоначальника были упразднены по приказу Иркутского генерал-губернатора с 1 января 1890 г. и на ее месте были образованы две инородные управы:

1) Еланцинская, с резиденцией в улусе Еланцинском, из 4 родов – 2, 3, 4, 5-го Чернорудских родов и Тыргинской деревни оседлых инородцев с населением 1342 души м. п. и 1279 душ ж. п;

2) Кутульская, с резиденцией в Кутульском улусе, из 5 родов – 1 и 6-го Чернорудских родов, 1 и 2-го Абызаевских родов и Хенхедурского рода с населением 1374 души м. п. и 1413 душ ж. п.[770]

Первым головой Кутульской управы был избран Гаврило Мадакшинов, выборными – Баяган Заяхаев, Мангут Бартушкин[771]. В 1899 г. головой управы был избран Албашей Елбаскин, выборными – Номо Номолов, Ожголдой Харагаев. Основные занятия населения – скотоводство, рыболовство, охота.

Аларская Степная дума в начале1890 г. была разделена на три управы: Аларскую, Хыгдинскую и Куйтунскую[772].

Аларская инородная управа размещалась в Хангинском улусе. В ведение управы входило население улусов 1, 2, 3, 6, 7-го Хонходорских родов. В управе было шесть экономических магазинов: Верхне-Иретский, Хигинский, Грязнухинский, Куркатский, Шалотский, Бурковский[773]. В 1910 г. девять школ размещались в улусах: Албазей, Кукунор, Ямат, Киркет, Куркат, Шалот, Туглуй, Аляты, Хандагай[774]. 20 декабря 1906 г. был открыт фельдшерский пункт для обслуживания Аларского, Ныгдинского, Куйтинского ведомств и открыта аптека.

Куйтинская инородная управа имела резиденцию в улусе Куйтинском и состояла из бурят 9-го Шаранутского, 8-го Хонходоров-

[769] ГАРБ. Ф.15. Оп.1. Д.147. Л. 3-4.
[770] ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 682. Л. 16.
[771] ГАРБ. Ф. 240. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.
[772] Цыбен Жамцарано. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. С. 26
[773] ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 703. Л. 10.
[774] ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 795. Л. 1.

ского и 3-го Халтубаевского родов с населением в 1222 ревизских души, наличных 1409 душ и имеющих право голоса 588 душ[775].

Ныгдинская инородная управа состояла из бурят 3, 4, 5-го Хонходоровских родов с населением в 1457 ревизских душ, наличных 1345 души, имеющих право голоса 864 души. Размещалась в деревне Бажеево[776].

Балаганская Степная дума была упразднена в 1889 г.

Унгинская инородная управа была образована 1 января 1890 г. и состояла из бурят 14 родов: Булутский, Онгоевский, Шалотский, 1-й Олзоевский, 2-й Олзоевский, 1-й Муруевский, 2-й Муруевский, 1-й Кульметский, 2-й Кульметский, Шаратский, Тыретский, 2-й Икинатский, Тагнитский, Борольдоевский и 98 населенных пунктов. В 1896 г. Боролдоевский род составил отдельное общество – Заблагорская деревня[777] и в 1899 г. была образована Тыретская волость[778]. В итоге Унгинская управа стала состоять из 12 родов. Управа находилась в Нукутах. Первым головой управы был избран Петр Шагланов (1890). В последующем в разные годы головой управы избирались А. Зонхоев (1891–1893), П. Маракта-ев, М. Мармуев, Ф. Жербаков.

Нельхайская инородная управа

Зунгаро-Быкотская инородная управа

Ашахабатская инородная управа

Ленская инородная управа была упразднена в 1889 г. и на ее месте образованы три управы:

1) Ангинская с резиденцией в улусе Краснояровск (Басай) в составе 2 и 3-го Буровских и 2, 4, 5-го Чернорудских родов с населением 1720 душ мужского пола; во главе управы в разные годы находились Педус Ебенов, Николай Бернаев, Алексей Анганов, Гавриил Дырхеев.

2) Куленгская – с резиденцией в Гогоне состояла из одного 3-го Чернорудского рода с населением 386 душ мужского пола.

3) Ленская (Харбатовская) – с резиденцией в Содое и с населением 2503 души мужского пола. В нее вошли буряты Хэнгэлдэровского и 6-го Чернорудского рода. Хэнгэлдэровский род

[775] Хаптаев П.Т. Национальное движение в Бурятии в период первой русской революции. Улан-Удэ: 1938. С. 34.
[776] Там жеи. С. 34.
[777] ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 262. Л. 1–3.
[778] Там же. Д. 333.

разделился и образовал три самостоятельных рода: Кырменский, Никилейский и Содохойбетский. В разные годы у руководства управы находились Михаил Бичиханов, Хагдай Дембелов, Михаил Балхаев и др.

В 1909 г. образовалась самостоятельная Кырменская инородная управа[779].

Таким образом, на месте семи Степных дум Иркутской губернии были образованы 24 инородные управы, в свою очередь, самостоятельно существовавшие инородные управы разделились на более мелкие инородные управы.

Следующей попыткой региональной администрации по унификации прав и обязанностей инородцев стало издание в 1890 г. проекта военного губернатора Забайкальской области М.П. Хорошхина о привлечении бурят к воинской повинности. Согласно проекту, они должны были в мирное время привлекаться к учебным сборам один или два раза в год, на срок не более 6 недель. В пояснениях чиновника особых поручений графа А. Кейзерлинга при приамурском генерал-губернаторе главному тайше селенгинских бурят Сайнцаку Юмову отмечается, что «цель привлечения бурят к воинской повинности – в случае войны с Китаем и большего требования войск бурятская милиция будет относить гарнизонную службу, будут наряжаться конвоирами, проводниками войск и на разведки неприятельских войск»[780].

На сборы должны были призываться буряты в возрасте от 21 до 24 лет, они должны были получать деньги на продовольствие. После четырехлетних сборов они должны были зачисляться в ополчение[781]. Граф А. Кейзерлинг отписывает: «Буряты будут привлекаться в мирное время ежегодно на учебные сборы на 4 или 5 недель. Ежегодно для образования бурятской национальной милиции буряты 21 года и в каждой не более 250 человек со всего бурятского населения области и таким порядком в течение четырех лет из четырех возрастов 21, 22, 23, 24-летних должен составиться один полк в 1000 человек, впоследствии с запасными будут составлять 4 полка обученного войска»[782].

[779] Дырхеев П.С. Очерки истории верхоленских бурят. Улан-Удэ: 2005. С. 62–63.
[780] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3855. Л. 11–13.
[781] Там же. Д. 2862. Л. 3–4.
[782] Там же. Д. 3855. Л. 11.

В связи с проблемой привлечения бурят к воинской повинности возникли вопросы, например, как определить возраст бурята, кто будет составлять списки, кто проверит правильность составления списков, кто может быть освобожден от призыва, как должны происходить сборы, как определить количество призываемых – по родам или по обществу, кто должен следить за сборами, как поступить с теми, кто уклоняется от сбора, кто будет производить освидетельствование больных, как собирать их, какое вознаграждение давать призываемым и т. д. Единственным вопросом, на который сразу был дан ответ, был вопрос о том, кто должен осматривать призывников. На предложение Хоринской Степной думы о необходимости осмотра лекарями-ламами следует резолюция военного губернатора – «ни в коем случае»[783].

Селенгинский главный тайша откликнулся на призыв к воинской службе следующим образом: «Как я, так и все мои сородичи, поселившиеся в недалеком расстоянии от китайской границы обязаны охранять неприкосновенность престола Его Императорского Величества, охранять интересы Его и защищать границы, принадлежащие России, в подданство которой наши монголы-буряты перешли с лишком 200 лет тому назад. Я полагаю, что в случае каких-либо военных действий, они строго будут держаться к защите своих границ и оберегать как границы России, так и свои жилища и свою имущественность. Я полагаю, что должно настать время, когда забайкальские буряты должны быть привлечены к отнесению воинской повинности»[784].

Агинские и хоринские же буряты стали активно ходатайствовать об отсрочке исполнения воинской повинности, мотивируя свой отказ кочевым образом жизни, трудными климатическими условиями, незнанием русского языка. Так, 2 октября 1890 г. Хоринская Степная дума пишет рапорт военному губернатору Забайкальской области, в котором приводит следующие доводы для отсрочки от воинской повинности: «Если привлечение бурят к отнесению воинской повинности будет сопряжено с денежными расходами с их стороны, то это неминуемо повлечет за собой упадок экономического их благосостояния»[785].

[783] ГАЗК. Ф. 1об. Оп. 1. Д. 2725. Л. 5–9.
[784] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3855. Л. 10.
[785] ГАЗК. Ф. 1об. Оп. 1. Д. 2725. Л. 5–9.

Военный губернатор расценил это как намеренное уклонение от воинской службы[786], на что агинские буряты отвечали: «… Чем могли буряты вызвать такое замечание Его Превосходительства, тогда как хоринские буряты не только не думали намеренно уклоняться от исполнения какой-либо службы в пользу Отечества, но они, питая безупречную любовь и преданность Царю и Престолу, неоднократно доказали свою верность и неизменную покорность как со времени принятия добровольного подданства, охранением русско-китайской границы, о чем свидетельствуют не только устные предания, но и государственные документы, как патент императора Петра II, данный хоринскому тайше Шодо Больтирикову от 4 июня 1729 г., так последующее поколение доказало неизменную преданность своему Отечеству уступкой своих удобных земель для поселения русских, оказали значительные услуги при взятии Амура, как пожертвованиями в пользу Аянских и других переселенцев, добровольного флота и раненых и больных воинов, так и передвижением войск и крепостных орудий на Амур, исправным платежом ясака и повинностей»[787]. Далее они просили отложить решение вопроса о воинской повинности до окончательного межевания земель и переустройства их быта, образа жизни. Вопрос о привлечении бурят к милиционной службе был отложен снова на неопределенный срок.

В дальнейшем неоднократно предпринимались попытки привлечения сибирских инородцев к отбыванию воинской повинности. Так, в 1896 г. была образована специальная комиссия под председательством генерал-лейтенанта Н. Обручева, итогом работы которой стало предложение о привлечении к отбыванию воинской повинности только оседлых и кочевых «инородцев» Тобольской и Томской губерний.

В январе 1902 г. военный министр А.Н. Куропаткин доложил о результатах работы комиссии Николаю II, предложив привлечь к отбыванию воинской повинности всех оседлых и кочевых инородцев Сибири и Забайкалья. Идея понравилась императору, и предложения министра были утверждены. Бурятские ведомства были извещены об этом и готовили свои предложения по вопросу о воинской повинности.

[786] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2862. Л. 26.
[787] Там же. Д. 3855. Л. 8–8 об.

Однако начавшаяся вскоре Русско-японская война и революция 1905–1907 гг. отодвинули разработку этого вопроса на задний план. Правительство вновь вернулось к нему лишь в 1910 г. Для вынесения окончательного суждения в Сибирь был направлен начальник управления по делам о воинской повинности С.А. Куколь-Яснопольский. В этом же 1910 г. при Главном управлении Генерального штаба была образована комиссия по пересмотру Устава о воинской повинности. В апреле 1913 г. Комитет министров заслушал доклад этой комиссии и признал, что привлечение «инородцев» Кавказа, Туркестана и Сибири к отбыванию воинской повинности желательно и возможно.

Принятию изменений в Устав о всеобщей воинской повинности помешала начавшаяся Первая мировая война. Хотя буряты как инородческое население были освобождены от воинской повинности, они не остались в стороне от этого события. Участие бурят на начальном этапе выражалось в сборе огромных пожертвований для оказания помощи пострадавшим во время военных действий. Так, в 1915 г. по инициативе лидеров бурятских обществ и Пандито хамбо-ламы Д.-Д. Итигэлова был учрежден Общебурятский комитет для оказания помощи жертвам войны и оказания помощи нуждам семейств воинов[788]. Целью деятельности Общества было оказание помощи больным и раненым воинам путем устройства лазаретов, коек, полевых питательно-врачебных отрядов, эвакуационных поездов[789].

Как отмечал Д.-Д. Итигэлов в своем докладе, сделанном на общем собрании членов Общества 1-2 августа 1915 г., со всего бурятского населения за короткий срок было собрано 86010 руб. 72 коп., в том числе от 20 бурятских волостей Забайкальской области – 63500 руб. 19 коп., по подписным листам – 7269 руб. 32 коп. и т. д. Из них было израсходовано 77766 руб. 16 коп., в том числе на содержание бурятских коек на Кавказе, семьям призванных на войну низших чинов, содержание бурятского врачебно-питательного отряда, содержание Петроградского Бурятского лазарета и т. д.[790]

Петроградский бурятский лазарет на 30 коек был учрежден на пожертвования бурят и размещался в Старой деревне в доме

[788] ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 475. Л. 55–56.
[789] Там же. Л. 114.
[790] Там же. Л. 47–48.

буддийского храма в Петрограде. Старшим врачом был назначен Ю.Д. Талько-Гринцевич, врач, в течение 10 лет работавший окружным врачом в г. Троицкосавске (1899–1908), известный краевед, один из инициаторов создания Кяхтинского краеведческого музея. Врачом работал один из первых бурятских врачей Л. Жабэ, письмоводителем – М.М. Сахьянова, будущий лидер бурятских большевиков, секретарь Бурятского областного комитета РКП (б), в то время учившаяся на Высших курсах П.Ф. Лесгафта в Петрограде. Только за период с ноября 1915 г. по июль 1916 г. в лазарете на лечении находились 113 воинов.

Первая мировая война затянулась, и появилась необходимость в привлечении инородцев как дешевой рабочей силы к тыловым работам. 25 июня 1916 г., Николай II издал указ о мобилизации инородцев на тыловые работы в районе действующей армии, согласно которому многие народы Сибири были реквизированы на тыловые работы, в том числе и буряты.

Призыву по мобилизации подлежали лица, родившиеся между 1897 и 1885 годами, в возрасте от 19 до 31 года. Мобилизация бурят началась сразу же после обнародования указа. Количество мобилизованных бурят, по данным мобилизационного отдела штаба Иркутского военного округа, составляло 20878 человек. Часть мобилизованных была отправлена в Архангельскую область, другая – на окопные работы Северо-Западного фронта. Незначительная часть их была распределена по разным предприятиям, работавшим на войну. Труд бурят использовался при разгрузочных работах в Архангельском порту, при строительстве железнодорожных веток «Смольный Буян-Экономия», «Экономия-Мудьюг», в качестве кочегаров на поездах Архангельской железной дороги, в Вологодских и Ярославских главных мастерских, Твери, Пскове, при заготовке дров для Москвы, Петрограда и т. д.[791].

Для организации тыловых работ мобилизованных бурят в Архангельске была образована инородческая дружина. Вскоре ее администрации пришлось столкнуться с серьезными проблемами, связанными с массовыми заболеваниями среди бурят, смертельными случаями. Причинами заболеваний бурят были не только плохое питание, жилищные условия, тяжелый неквалифицированный физический труд, но и местные климатические условия. В

[791] Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1233. Оп. 1. Д. 32. Л. 32 об.

своем рапорте врач дружины докладывал, что «инородцам, привыкшим к сухому степному климату, является тяжелым климат Архангельска, как более сырой по сравнению с климатом их родины»[792].

Бурятская общественность забила тревогу, и в начале 1917 г., благодаря усилиям Пандито хамбо-ламы Д.-Д. Итигэлова, Лхаромба Цанит Хамбо А. Доржиева, уполномоченного А.Н. Ханхасаева и других, Петроградский городской бурятский лазарет был предоставлен исключительно для больных реквизированных бурят. Распоряжением санитарной части Главнокомандующего Северного фронта больные буряты из Архангельской области стали поступать в бурятский лазарет в Петрограде[793]. Только за период с января по июль 1917 г. через лазарет прошли 218 бурят.

После Февральской революции уполномоченные начинают активнее ходатайствовать об отправке бурят на родину[794]. 5 мая 1917 г. последовал долгожданный Указ Временного правительства о возвращении на родину сибирских туземцев, в том числе и бурят.

На протяжении длительного периода своей истории в составе Российского государства буряты не только изъявляли желание и готовность служить защите Отечества, но и успешно охраняли рубежи границы. О военных заслугах бурятских родов свидетельствуют высочайше пожалованные знамена, служившие знаком существования войска: 1) 29 марта 1728 г. был опубликован указ Петра II о пожаловании 18 родам братских иноземцев Селенгинского и Нерчинского дистриктов [7]; 2) 14 августа 1800 г. – 7 знамен пожалованы Павлом I братскому иррегулярному войску; 3) 20 октября 1837 г. – Николаем I пожалованы 7 знамен бурятскому иррегулярному войску, 14 знамен –бурятским родам Хоринского ведомства, 3 знамени – табангутским родам; 4) 24 ноября 1842 г. – 9 знамен бурятам Агинского ведомства; 5) 15 августа 1845 г. – 15 знамен бурятам Селенгинского ведомства[795].

С принятием Устава об управлении инородцев 1822 г., учредившего систему местного самоуправления (Степные думы, инородные управы, родовые управления), сохранившего степные

[792] ГААО. Ф.1233.Оп.1. Д.32. Л.32 об.
[793] ГАРБ. Ф. 32.Оп. 1. Д. 395. Л. 78.
[794] ГАРБ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 64. Л. 29 об.
[795] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 970. Л. 5.

законы и обычаи, освободившего их от несения воинской повинности, буряты оказались в изоляции. На наш взгляд, именно изоляция стала одним из факторов, приведших к тому, что буряты, готовые в 1812–1813 гг. идти «войной на француза», к концу XIX в. под разными предлогами отказывались от несения воинской повинности. Начавшаяся Первая мировая война, затем реквизиция бурят на тыловые работы внесли огромные изменения в уклад жизни бурятских ведомств: буряты, до этого жившие достаточно изолированно в пределах Забайкальской области и Иркутской губернии, ограничиваясь платой податей и повинностей, оказались непосредственно втянутыми в активную экономическую и политическую жизнь страны.

Следующим проектом по упразднению системы местного самоуправления бурят, учрежденной по Уставу об управлении инородцев 1822 г., стало введение волостной реформы в Забайкальской области, которое предварили подготовительные мероприятия. Одним из таких этапов стал сбор сведений о возможности перечисления кочевых инородцев Забайкальской волости в оседлое состояние по предписанию Приамурского генерал-губернатора от 28 ноября 1897 г.

13 марта 1899 г. Общее присутствие Забайкальского областного управления рассматривает вопрос о перечислении кочевых инородцев в оседлые. На заседании было отмечено, что баргузинские буряты владеют по 41 десятине на ревизскую душу, крещеные – по 21 десятине. Земледелием они практически не занимаются, засевается только до 960 десятин из 224591 десятины, т. е. 1/234 часть. Оседлые селенгинские буряты живут в селениях Алтанском, Иннокентьевском, Новопокровском, Новопавловском и Нарынском, а остальные ведут кочевой образ жизни.

В Хоринском ведомстве к 1899 г. числилось всего 301 оседлое хозяйство, разбросанное в 16 поселениях, однако управлявшееся на основании степных законов. Оседлыми они могли быть названы только в силу того, что они приняли христианство и оставили обычай перекочевок на зимники и летники. Агинские буряты относились к кочевым, кроме тех, кто проживал в Агинском селении (69 душ м. п. и 63 души ж. п. – оседлые буряты, 62 души м. п. и 83 души ж. п. – кочевые).

Что касается тунгусов, то в Ульдургинской тунгусской отдельной управе проживали только кочевые тунгусы, тунгусы Урульгинской инородной управы оседло жили в 11 селениях, вели кочевой образ жизни в 8 улусах и бродячий – 1 род. В Оловской управе тунгусы жили оседло в 25 улусах, в Онгоцонской и Кужертаевской управах все вели кочевой образ жизни.

Волостная реформа началась с издания высочайше утвержденного «Временного положения об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области» от 23 апреля 1901 г., разработанного высочайше утвержденным Совещанием о поземельном устройстве населения Забайкальской области под председательством А.Н. Куломзина.

Проект был разработан Комиссией А.Н. Куломзина на основе разработанных законодательных актов в отношении инородцев Западной Сибири в 1860-х гг. Они руководствовались положениями, изданными большей частью в первой четверти XIX в. Явное отставание инородческих законов вызвало командирование в 1865 г. в киргизские степи особой Степной комиссии для изучения на месте быта кочевников. По результатам работы Комиссии были приняты несколько законодательных актов, которые привели к унификации местного самоуправления с общероссийским крестьянским с учетом местных условий и обычаев населения. Именно этот опыт организации общественного устройства Комиссия А.Н. Куломзина решила применить к бурятам и тунгусам Забайкальской области, взяв за основу Степное и Туркестанское Положения и закон от 19 февраля 1861 г.

Развивавшиеся в сельском хозяйстве капиталистические отношения вели к росту общественного разделения труда, частному передвижению населения внутри и за пределы ведомства, к уходу батраков в города и на золотые прииски. Развитие капиталистических отношений, открывая возможность свободного передвижения населения, разрушало и уничтожало не только феодальные институты, но также и пережитки родового быта. Бурятские роды утрачивали остатки территориального единства, и члены его перемешивались с членами других родов, расселялись по различным местностям. Те из органов «инородческой» администрации, которые были приурочены к родовым подразделениям бурят, утратили прежнее значение, сохранив за собою только распреде-

ление денежных повинностей между членами подведомственных им родов. Такое административное деление не отвечало новым условиям, оно мешало нормальной хозяйственной жизни населения бурятских ведомств[796].

А.Н. Куломзин в своей Записке об административном и судебном устройстве кочевых и инородцев Забайкальской области отмечает, что Устав 1822 г. с отжившим родовым принципом устарел и не отвечает требованиям времени. Это подтверждается при рассмотрении характера и значения административных учреждений в Забайкальских степях, которые отступили от многих требований существующего закона. Устав 1822 г., признававший род территориальной единицей, приспосабливает к нему всю систему внутреннего управления инородцев и, в частности, пределы власти и круг ведомства отдельных его органов: родовых управлений, инородных управ и Степных дум, родовых старост, голов, заседателей и родоначальников.

Род утратил свое территориальное единство, и на замену ему сами собой появились другие, не предусмотренные законодательством территориальные величины – булуки с их булучным устройством. Таким же образом изменилась общественная организация инородцев: Степные думы, являвшиеся фактическими величинами с определенным земельным пространством, унаследовали, помимо закона и в нарушение его, все функции инородных управ. К концу XIX в. род оставался лишь податной единицей, но и в этом отношении его роль не была благоприятной для правильной и стройной организации быта забайкальских инородцев.

А.Н. Куломзин приводит данные о том, что именно благодаря разложению податных тягот по родам дорожная повинность отбывается инородцами совершенно нецелесообразно, когда они были вынуждены отбывать их за сотню верст от мест постоянного жительства. Сборщики податей от родовых управлений круглый год проводили в разъездах по Забайкалью и даже в прилежащих частях Монголии за поисками, часто безрезультатными, своих плательщиков, часто оказывалось, что местные инородческие власти не располагали точными сведениями о действитель-

[796] История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ: 1954. С. 383.

ных размерах податной и повинностной тяготы отдельных своих сородичей.[797]

Тем не менее родовое устройство имело свои достоинства, например, родовая организация забайкальских инородцев оказывала благотворное, уравнительное, нивелирующее в экономическом отношении влияние на хозяйственную жизнь инородцев, живущих в обществах однородным составом. Родовой принцип способствовал сохранению нравственности у инородцев, связанной с родовыми обычаями и традициями, запрещающими употребление алкогольных напитков, оставление без опеки детей-сирот, стариков и бедных сородичей и т. д.

Проектируемое переустройство административного управления предполагало изменение судебной организации инородцев. А.Н. Куломзин предложил проект судоустройства кочевых инородцев Забайкальской области, главными основаниями которого должны стать:

1) возможность для инородцев разбираться во всех своих спорных делах по их обычаям;

2) отсутствие характера публичности в уголовных преступлениях и проступках, подсудных особому инородческому суду;

3) выборное начало при назначении судей;

4) возможность помимо органов инородческого суда для решения споров обращаться к суду посредников или в общие судебные установления. Главные изменения в организации инородческого суда сводились к введению территориальной подсудности, отделению судебной власти от административной и устранению участия полиции в решении судебных дел инородцев[798].

Таким образом, проект административной и судебной реформы кочевых инородцев Забайкальской области преследовал цель заменить родовые органы самоуправления территориальными волостными правлениями, упразднить должности тайшей, заседателей, голов и выборных, установить территориальный принцип судов и отделить судебную власть от административной. Все предполагаемые изменения по проекту были направлены к тому, чтобы ввести у кочевых инородцев Забайкальской области устройство по подобию устройства крестьянского населения

[797] ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 288. Л. 14.
[798] Там же. Л. 16–16 об.

России, в то же время с учетом особенностей народа, степени его развития, политических и экономических условий, в которые поставлено инородческое население.

На проведение волостной реформы повлиял также пограничный фактор. П.Т. Хаптаев связывает актуальность проведения волостной реформы с тем, что буряты Забайкальской области находились в пограничной полосе, в полосе стыка с дальневосточными соседями России (Японией и Китаем). В связи с предстоящей войной с Японией укрепление дальневосточной пограничной полосы приобрело особо важное значение. Российскому государству необходимо было иметь такой оплот, который был бы более или менее надежным на случай войны. С этой целью был ликвидирован старый административный строй бурят и тунгусов и введен институт крестьянских начальников, которым было полностью подчинено их административное управление[799].

Реформа распространялась на бурят и тунгусов Забайкальской области: упразднялись Степные думы, инородные управы и родовые управления. Введение волостного управления и института крестьянских начальников было принято кударинскими бурятами, хоринские, агинские, баргузинские и селенгинские буряты не приняли реформу и оказали сопротивление. Причинами непринятия волостной реформы бурятами являлись враждебное отношение родовой верхушки, которая увидела в реформе ограничение их власти над своими сородичами, и нежелание основной массы бурят изменить свой образ жизни.

По этому поводу довольно красноречивую характеристику консервативности бурят дал миссионер, священник Е. Кузнецов: «Хотя буряты не представляют из себя самостоятельного государственного организма, тем не менее, у них сильно развито чувство общественности. … Если они замечают покушения на нарушения их установившихся форм жизни, то не жалеют ни средств, ни трудов, чтобы отстоять свое statuquo. Этим только можно объяснить то, что почти ежегодно снаряжаются бурятами депутации в Петербург от всего народа для того, чтобы упросить высшее начальство не нарушать существующего у них порядка жизни». Для примера он берет общенародную негативную настроенность бурят к

[799] Хаптаев П.Т. Национальное движение в Бурятии в период первой русской революции. С. 65.

проводимой волостной реформе только из-за страха перемен в их общественном порядке[800].

Введение волостной реформы растянулось на три года (1901–1904 гг.). До публикации положения о новом административном устройстве кочевых инородцев Забайкальской области 15 ноября 1900 г. агинские буряты приняли общественный приговор, в котором писали, что «предполагаемое преобразование не может стремиться к потрясению устоев, на которых опирается быт инородцев». Они отмечали: «Три четверти века, протекшие со времени издания «Положения об инородцах», не прошли, конечно, даром и произвели значительные изменения в нашем быте, за которым, естественно, последовали некоторые изменения во внутреннем управлении»[801], однако в экономическом отношении жизнь изменилась мало.

Исходя из этого, агинские буряты предложили свой вариант нового административного устройства:

1) земли разделить между восемью родами на восемь территориальных единиц;

2) родовая территория распределяется между аймачными общинами или булуками;

3) руководство аймаком или булуком поручается зайсангу, волостью – аймачному зайсангу;

4) булучные или аймачные зайсанги, родовые шуленги, помощники тех и других, состоящие при волостных (родовых) управлениях, письмоводители избираются булучными и родовыми сугланами;

5) руководство восемью родами возлагается на тайшу, которому присваиваются звание и права крестьянского начальника; тайша избирается съездом родовых управителей;

6) если сохранение Степных дум невозможно, учредить при тайше особый совет из 8 лиц, избираемых родовыми сугланами. На содержание совета рассчитывается ежегодно сумма, подлежащая сбору от народа. Предложения о количестве и раскладке этой суммы предоставляются тайшой на утверждение губернатора;

7) должностным лицам присваиваются печати и особые знаки в виде шариков на шапках, сообразно их обычаям. Тайша, кроме

[800] ИЕВ. № 24. 15 декабря 1904 г. С. 347–348.
[801] ГАИО. Ф. 29. Д-во 3. Оп. 1. Д. 288. Л. 186–190.

рубинового шарика на шапке, носит форму, присвоенную крестьянским начальникам;

8) для рассмотрения по обычаям дел по преступлениям и проступкам, кроме предусмотренных в законе, а равно гражданских между собой дел сохраняются народные наши суды, состоящие из выборных судей[802].

Предложенный проект административного устройства практически ничем не отличался от действовавшей системы местного самоуправления, поэтому был сразу отклонен.

Буряты отказывались принимать реформу, саботировали выборы волостных старшин и сельских старост. С опубликованием Временного положения о введении волостного правления агинские буряты отправили делегацию в Петербург к царю с ходатайством о дальнейшем сохранении Устава 1822 года. В сентябре 1902 г. делегации удалось подать прошение, и ответ царя последовал в ноябре: «Благодарю Вас, приехавших из-за дальней окраины, за чувства, выраженные мне от имени бурятского населения Агинской Степной думы. Исконная верность бурят Русским Государям мне хорошо известна. Передайте, что я внимательно выслушал ваши слова о тревожном настроении, переживаемом бурятами, вследствие установления нового закона об устройстве их быта. Этот закон, закрепляющий оседлый строй жизни бурят взамен кочевого, ставшего несовместимым с экономическими интересами прочего населения Сибири, вызван государственным ростом Русской державы и отмене не подлежит; вы должны примириться с временными невзгодами, которые может вызвать для представителей бурятских родов применение нового закона, и помните, что мне дорого благо всех подданных бурят, независимо от существующих между ними родовых различий; передайте также бурятскому населению, что веления мои исполняются лицами, облеченными моим доверием, и что к ним поэтому они должны обращаться за разъяснением нового закона. Прощайте, я вас не забуду»[803].

Приказом крестьянского и инородческого начальника от 16 ноября 1903 г. разъяснялись положения приказа губернатора области о сроках проведения реформы, упразднении органов ро-

[802] ГАИО. Ф. 29. Д-во 3. Оп. 1. Д. 288. Л. 190.
[803] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 4386. Л. 44, 44 об.

дового управления: «1, что Приамурский генерал-губернатор, по указанию наместника ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА на Дальнем Востоке, окончательным сроком введения административной реформы инородческого суда и управления назначил 1 января 1904 г.; 2, что булучные сходы для избрания старост и прочих должностных лиц должны состояться не позднее 10 декабря с.г. и в том же месяце – волостные сходы; там же, где должностные лица избраны не будут, кандидаты на должности будут представлены крестьянскими и инородческими начальниками и утверждены Приамурским генерал-губернатором; 3, что никакие просьбы инородцев об отсрочке реформы не будут приниматься; 4, что, землеустройство будет произведено только у тех инородцев, которые этого сами пожелают, или там, где существуют земельные споры с русскими; 5, что просьбы об отсрочке земельной реформы инородцы должны направлять через губернатора генерал-губернатору, и 6, что 31 декабря с.г. думы, управы и родовые управления должны быть закрыты»[804].

Борьба с волостной реформой не прекращалась, несмотря на приказы вышестоящих органов. Военный губернатор был вынужден два раза обратиться к забайкальским бурятам письменно о бесповоротности введения реформы, подчинении властям, наказаниях неповинующихся.

В январе 1904 г. агинские буряты отправили телеграмму императрице Александре Федоровне с просьбой приостановить введение волостной реформы как вредной для экономического благосостояния, уничтожающей их национальную самобытность, в случае отказа – о разрешении им выселиться за границу, в Монголию[805]. В ответ на это следует приказ военного губернатора Забайкальской области с объявлением об отклонении царем данного прошения: «… реформа вводится бесповоротно, землей бурят будут наделять в размере от 15 до 30 и даже до 80 десятин на душу, смотря потому, хорошая земля или плохая; никто не будет заставлять бурят жить большими селениями – как жили улусами, так и будут жить, как кочевали, так и будут кочевать. А если кто самовольно переселится в Монголию, то, согласно трактатов и договоров, я немедленно потребую от китайских и монгольских властей обратного возвра-

[804] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3366. Л.4.
[805] ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 199. Л. 47.

щения; … перебежавшие самовольно в Монголию только потеряют там свое имущество и ни с чем вернутся сюда назад»[806].

О негативном отношении агинских бурят к введению волостной реформы свидетельствует донесение крестьянскому и инородческому начальнику 2-го участка головы Тургинской управы Линховы Санжиева. Он описывает события в Агинском селении 4 января 1904 г., когда толпа из более двухсот человек вынуждала должностных лиц, назначенных по приказу военного губернатора, отказаться от должностей и присоединиться к протесту против введения волостной реформы[807]. 5 января 1904 г. он просит крестьянского начальника освободить его от занимаемой должности помощника волостного старшины в связи с угрозами физической расправы со стороны противников реформы[808].

В ходе введения реформы были приняты репрессивные меры в отношении лиц, оказавших сопротивление ее введению. Одни были подвергнуты аресту и заключены в Читинскую тюрьму, другие высланы за пределы области. Например, постановлением крестьянского начальника 1-го участка Баргузинского уезда Любинского от 29 февраля 1904 г. 12 бурят Улюнской и Гаргинской волостей были подвергнуты аресту при Баргузинской полиции каждый на семь суток за отказ подписать протокол о добровольном принятии волостной реформы[809].

Кроме того, была проведена разъяснительная работа с населением. Все эти меры способствовали принятию реформы агинскими бурятами. Так, хоринский тайша Э. Вамбоцыренов, убедившись в бесполезности борьбы против реформы, послал телеграмму военному губернатору Забайкальской области о своей готовности принять реформу[810]. 18 февраля 1904 г. агинские буряты отправили телеграмму военному губернатору о подчинении новому управлению и суду. В ответ следует приказ и.д. губернатора с объявлением благодарности царя на решение агинских бурят подчиниться волостной реформе[811].

[806] ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 199. Л. 45.
[807] Там же. Л. 110–110 об.
[808] Там же. Л. 41–42.
[809] Хаптаев П.Т. Национальное движение в Бурятии в период первой русской революции. С. 141–142.
[810] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3366. Л. 60, 60 об.
[811] Там же. Л. 48, 49 об., 74.

В ходе реформы на территории Агинской Степной думы были учреждены две волости – Цугольская и Агинская. В 1903 г. в ходе волостной реформы приказом губернатора Забайкальской области органы местного самоуправления (Агинская Степная дума, инородные управы, родовые управления) бурят были упразднены. Годовые оклады определялись в следующих размерах: волостному старшине – 500 руб., его помощнику – 300 руб., председателю инородческого суда – 500 руб., судьям – по 250 руб. каждому, сельским старостам – по 250 руб. каждому[812].

Буряты Баргузинского ведомства также выступили против волостной реформы. На общем собрании они выбрали доверенных Ринчина Бальжирова и Шагдыржаб Арсаланова от восьми родов ведомства Баргузинской Степной думы для ходатайства об отсрочке проведения реформы, которые обратились с прошением 5 января 1901 г. к председателю Комиссии поземельного устройства населения Забайкальской области А.Н. Куломзину.

В прошении они подробно описали историю заселения Баргузинского края, закрепления за ними земельных площадей и устройства их хозяйственной, административной жизни в соответствии с Уставом об управлении инородцев 1822 г.

В связи с принятием закона от 5 июня 1900 г. об утверждении главных оснований поземельного устройства населения Забайкальской области, как отмечают доверенные, надел на каждую наличную душу мужского пола сокращается инородцам до 15 десятин, и кочевые инородцы должны быть перечислены в оседлое состояние. Далее они пишут: «После такой казенной и слишком резкой ломки образа жизни и с издревле установившихся обычаев по степным законам, если воле правительства угодно будет сразу установить такой крутой переход от кочевой жизни к оседлой – сельской, то для доверителей наших – кочевников послужит большим упадком в хозяйстве потому, что они хотя и живут в деревянных юртах и даже некоторые в домах, в разброску по степи, но образ жизни ведут буквально кочевой – степной и занимаются специально скотоводством, для пастьбы перекочевывают с места на место от двух до четырех раз в году на заранее устроенные стойбища, которые по времени для выгодности корма переносят на новые места и таким образом удобряют навозом почвы

[812] ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 199. Л. 5.

сплошных каменистых россыпей, годными для корма и частью для сенокошения; хлебопашеством же занимаются сравнительно небольшая часть бурят и в малом количестве, засевая от ¼ до ½ десятины на семью, по случаю невыгодности этого занятия вследствие того, что в занятых бурятами землях нет удобных земель для разработки под хлебопашество, а из наилучших разработанных под хлебопашество земель далеко не равняются в качестве с соседними крестьянскими землями, так что иногда труды хлебопашцев бурят не оправдывают произведенных затрат, вообще земли, обитаемые баргузинскими бурятами, более пригодны только для кочевников скотоводов».

В прошении отмечается, что всего скота в ведомстве 118587 голов, что приходится на каждую ревизскую душу 19 голов. В случае перехода бурят в оседлое состояние семья, проживая в селении, не в силах будет заготовить корма для содержания такого количества скота, даже половины его, тогда как при кочевой жизни может переезжать за кормом с одного места на другое. С другой стороны, при отсутствии пригодных для развития хлебопашества земель хозяйства бурят неминуемо придут к разрушению и полному разорению, что приведет к упадку их нравственного устоя.

В конце прошения они пишут: «…баргузинские буряты поручили нам подвергнуть на милостивейшее благовоззрение Вашего единодушные их желания: 1) утвердить за ними земли в том размере, как они пользуются в настоящее время…; 2) оставить их в прежнем кочевом состоянии, и если потребуется, непременное распределение земель, то разделить на родовые общества; 3) в отношении административного и судебного устройства, применительно к кочевой степной жизни, оставить те же инородческие управления, именно: Степную думу, инородные управы и родовые управления, согласно Уставу 1822 г. с тем лишь изменением, чтобы третью и последнюю инстанцию инородческого суда составляла взамен нынешней полиции Степная дума»[813].

В ответ на прошение 8 февраля 1901 г. А.Н. Куломзин подробно разъясняет основные положения поземельного устройства населения Забайкальской области: «Наделение инородцев отнюдь не связано с обращением их в оседлое состояние. Справедливость такого положения вытекает из ст[атьи] 17 отд[еления] II выше-

[813] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2890. Л. 7–10 об.

упомянутого узаконения, по силе коей: «кочевые инородцы Забайкальской области получают поземельное устройство, хотя бы перечисление их в разряд оседлых не могло быть осуществлено немедленно». Мало того, по дальнейшему тексту той же 17-й статьи: «Министру земледелия и государственных имуществ предоставляется по соглашению с Министром внутренних дел, Председателем высочайше утвержденного совещания о поземельном устройстве населения Забайкальской области и Приамурским генерал-губернатором, а в подлежащих случаях также с Министром императорского двора, приостанавливать применение узаконений об отводе наделов к тем кочевым инородцам, поземельное устройство коих, по условиям их быта, будет признано преждевременным. Таким образом, выражаемое баргузинскими бурятами опасение обязательного, связанного с земельным наделением обращения в оседлое состояние представляется необоснованным»[814].

Далее он отмечает, что столь же неправильным является представление баргузинских бурят о норме наделения, предписываемой законом 5 июня 1900 г. Согласно статье 10 «при уважительных местных условиях, по ходатайствам обществ и селений может быть разрешаемо: 1) сохранение во владении их обществ и селений указанных в статье 9 излишних (сверх 15-ти десятин на наличную мужского пола душу земель, без приселения новых членов, и 2) увеличение отводимых им наделов путем прирезки свободных казенных или кабинетских земель, сверх 15-десятинного на наличную душу размера, если такое увеличение будет признано необходимым в виду исключительно невыгодного положения сих наделов или особых условий быта наделяемого населения», поэтому не только кочевники, но даже и оседлые жители могли получить свыше 15-ти десятин на наличную мужского пола душу и в зависимости от качества земли и от особых условий быта наделяемого населения, надел мог быть увеличен до 30 и свыше десятин[815].

Несмотря на ходатайства и противодействия баргузинских бурят, волостная реформа была введена. 20 декабря 1902 г. крестьянский начальник 1-го участка Баргузинского уезда предписывает

[814] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2890. Л. 13.
[815] Там же. Л. 14–15.

Степной думе и родовым управлениям: «…все дела должны быть сданы сельским старостам не позже 2 января 1903 г., неоконченные судебные дела прекратить и предоставить право, если пожелают, возобновить иск в новых волостных судах… Привести в порядок книги по взысканию дорожной натуральной повинности и другие учетные книги во избежание споров и недоразумений»[816].

На основании Временного положения об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области от 23 апреля 1901 г. и постановления Забайкальского областного по крестьянским делам присутствия от 30 сентября 1902 г. Баргузинское ведомство было разделено на две волости: Улюнскую и Гаргинскую. В своей деятельности волости подчинялись крестьянскому начальнику 1-го участка Баргузинского уезда[817].

Баргузинское ведомство постановлением думы от 22 августа 1902 г. было распределено на восемь сельских обществ, как и предполагалось уездным съездом. В Улюнской волости образовано четыре сельских общества: Улюнское, Караликское, Елысунское, Нурское; в Гаргинской волости – Кармодунское, Мургунское, Гаргинское, Подхребетное.

В Хоринском ведомстве было образовано семь волостей – Хоацайская, Кубдутская, Галзутская, Харганатская, Ходайская, Бодонгутская, Гучитская.

В Кударинском ведомстве была учреждена Кударобурятская волость, состоящая из четырех сельских обществ: Корсаковское, Дологонское, Часовенское, Хандалинское. В Селенгинском ведомстве было образовано три волости: Селенгинская, Чикойская и Оронгойская.

Инородные управы и родовые управления Иркутской губернии были упразднены в ходе проведения волостной реформы в 1912–1917 гг. С 1908 г. началась землеустроительная работа у бурят Иркутской губернии. По плану Иркутского переселенческого управления на 1908 г. предполагалось заселить земли бурят Балаганского, Иркутского и Верхоленского уездов Иркутской губернии. Всего проектировалось обратить в переселенческие участки до 235 тысяч десятин удобной земли. Такую огромную площадь

[816] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2647. Л. 44.
[817] Там же. Л. 26.

земли правительство не сумело отвести под колонизационный фонд в течение одного года: оно не имело для этого ни средств, ни специалистов-землемеров. Отвод этих земель растянулся на несколько лет, захватив первые годы Первой мировой войны.

Губернское управление, параллельно с землеустройством, стало вводить среди бурят Иркутской губернии волостную реформу. Учитывая опыт проведения волостной реформы в Забайкальской области в 1901–1903 гг., волостное правление вводилось поэтапно. Бурятам выделялись земельные наделы, затем они перечислялись из разряда кочевых в разряд оседлых, только после этого губернское управление вводило волостные учреждения.

Таким образом, реформа проводилась по мере проведения землеустроительных работ: в ведомствах, где заканчивался отвод земельных и лесных наделов, упразднялись инородные управы и создавались органы волостного управления. На практике такая политика привела к тому, что когда у бурят Аларского ведомства были проведены землеустроительные работы, перевод на оседлость и введено волостное управление, буряты Ленского ведомства управлялись по-старому, являясь кочевым народом. Бурятское население противилось проведению землеустроительных работ, введению волостной реформы. Буряты оказывали сопротивление землеотводным партиям Переселенческого управления, отчуждавшим у них земли в колонизационный фонд. Они отказывались предоставлять землеотводным партиям подводы, рабочую силу. На улусных собраниях выносились решения, требовавшие прекращения землеустройства, возбуждались ходатайства с просьбой сохранить прежние земельные угодья.

Так, доверенными унгинских бурят в 1912 г. было написано письмо в Государственную Думу и Правительственный Сенат: «… нельзя принудительно отводить наделы кочевым бурятам, нельзя переводить их в оседлое состояние против их воли и нельзя причислять к крестьянскому сословию без их согласия… Просим Правительствующий Сенат признать отвод наделов незаконным и преждевременным…»[818]. Такие просьбы отклонялись.

В 1912 г. Аларская инородная управа была упразднена и разделена на три волости: Аларскую, Алятскую и Зонскую. В 1913 г. была упразднена Балаганская инородная управа, в 1914 г. – Унгин-

[818] ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 617. Л. 1–5.

ская инородная управа. Последними были ликвидированы инородные управы Тункинского ведомства.

Проведение землеустройства, введение волостной реформы было медленным, мучительным способом ломки устоев патриархального быта бурят, разрушения полуфеодальных отношений, кочевого и полукочевого образа жизни. Введение волостной реформы среди бурят Забайкальской области и Иркутской губернии имело своим последствием упразднение старой системы инородческого самоуправления, основанной на родовом принципе.

Таким образом, в первой половине XIX в. происходит процесс формирования органов местного самоуправления бурят Иркутской губернии согласно Уставу 1822 г., при этом явно не соблюдались его требования. Так, во всех бурятских ведомствах, кроме Хоринского, была учреждена система местного самоуправления: Степная дума – родовое управление, что было уже нарушением, так как Степные думы могли учреждаться только у забайкальских бурят. В политике Российского государства в этот период преобладали военные и фискальные интересы, а система местного самоуправления должна была способствовать безболезненной постепенной интеграции сибирских народов в общероссийское пространство, поэтому упор делался на принцип регионализма с учетом местных особенностей.

Однако в 1850–1860-х гг. поражение России на западном и ближневосточном направлениях приводит к активизации политики в Сибири, на Дальнем Востоке, к необходимости проведения реформ в стране, в частности, в отношении управления Сибирью и сибирскими аборигенными народами. В российском обществе происходят такие значимые события, как отмена крепостного права по реформе 1861 г., а вслед за ней проведение ряда буржуазных реформ 1860–1870-х гг. Развитие земледелия, расширение торговых связей между ведомствами требовали открытости инородческих ведомств, частых перемещений и переездов инородцев, которые были затруднены по закону. В этот период становится важным не только экономическое освоение Сибири, но и «заселение ее однородным и единоверным с Россией населением». Появляются идеи коренной реформы управления инородцами на русификаторских началах и системы их налогообложения, которые так и не были законодательно приняты. Это связано с тем,

что в 1870–1880-е гг. дальневосточное направление российской политики вновь отходит на второй план, правительственное и общественное внимание переключается с Дальнего Востока на Среднюю Азию.

В 1890-х гг. политика Российского государства в Восточной Сибири вновь активизируется, что было связано не только с экономическими, но и внешнеполитическими задачами. Основными инструментами в экономическом освоении Сибири становятся русская крестьянская колонизация и строительство железной дороги, которые потребовали коренной реформы в землеустройстве, налоговой политике, административно-судебном устройстве бурят и тунгусов. Важным фактором становятся и внешнеполитические задачи России на Дальнем Востоке: буряты и тунгусы Иркутской губернии и Забайкальской области находились в полосе стыка с дальневосточными соседями России, и в случае войны Российскому государству необходимо было иметь здесь надежную опору, каковой, на взгляд царской администрации, инородцы с их инородческим самоуправлением, своими законами и судами не являлись. Выражением активизации политики Российского государства на дальневосточном направлении явилась постепенная ликвидация местного самоуправления бурят и тунгусов, учрежденного по Уставу 1822 г., и унификация их управления с крестьянским.

Глава V. Административная и хозяйственная деятельность органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.

§ 1. Административная деятельность органов местного самоуправления бурят

Административная деятельность органов местного самоуправления бурят регулировалась «Уставом об управлении инородцев» 1822 г., который учредил новую трехступенчатую административную систему управления:

1. Родовое управление – низшая, для отдельных улусов и стойбищ рода, насчитывавших не менее 15 семейств, во главе которого стоял староста, имевший одного или двух помощников. Родовое управление подчинялось инородной управе.

2. Инородная управа – средняя ступень, состоявшая из нескольких стойбищ и улусов или нескольких родовых управлений. Управой руководили голова, несколько выборных и письмоводитель. Управа подчинялась Степной думе.

3. Степная дума – высшая административная единица, объединявшая много родов, могла состоять из нескольких родовых управлений или нескольких инородных управ. Степная дума состояла из главного родоначальника, его помощников, голов.

Таким образом, в административной и хозяйственной деятельности родовые управления подчинялись инородным управам, инородные управы – Степным думам. Только в судебной деятельности инородные управы имели «прямое и непосредственное сношение с местной полицией и исполняли все получаемые от оной предписания»[819].

Местное самоуправление бурят подчинялось окружным управлениям, в задачи которых входили: 1) надзор над правиль-

[819] Положение об инородцах. СПб.: 1892. Т. 2. С. 19.

ным и успешным течением дел в местах, им подчиненных; 2) ежемесячное свидетельство всех сумм и всего казенного имущества, в том числе и хлебных казенных запасов; 3) ежемесячная ревизия состояния недоимок и удостоверение, все ли законные меры к их взысканию были приняты; 4) ежемесячная ревизия дел на местах; 5) представление о наградах и взысканиях; 6) наряд следствий на места по делам особенной важности; 6) производство торгов и подрядов по установленным правилам; 7) предварительный распорядок повинностей и раскладка их на местах и т. д. К 1854 г. бурятские ведомства подчинялись в Иркутской губернии Иркутскому окружному управлению, в Забайкальской области – Верхнеудинскому и Нерчинскому окружным управлениям.

Надо отметить, что окружные управления, несмотря на свои властные полномочия, старались не вмешиваться в инородческие дела по «мелким» вопросам, таким, как административная и хозяйственная деятельность. Изредка они вмешивались в их управление своими проверками в «степное делопроизводство», а также в состояние экономических магазинов. Такие дела обычно получали большой резонанс и находили отражение в архивных документах.

Интересным представляется дело о проверке делопроизводства Хоринской Степной думы, длившееся в течение 1850–1853 гг. 5 октября 1850 г. чиновник Беляев произвел проверку делопроизводства в Хоринской Степной думе и уже 23 октября того же года подал материалы проверки в Верхнеудинское общее окружное управление. В своем отчете он обратил внимание на то, что многие поступившие бумаги остаются без исполнения, журнал исходящих документов не ведется на русском языке, в книгу учета общественных приговоров вносятся только те приговоры, которые связаны с денежными вопросами, дежурные заседатели Степной думы отсутствуют и т. д. На основании вышеуказанного он приходит к выводу, что недостатки в делопроизводстве происходят по причине слабого контроля со стороны главного тайши и других должностных лиц степного управления. Однако в ходе разбирательства выяснились дополнительные обстоятельства, характеризующие чиновника Беляева с неприглядной стороны. Главный тайша Тарба Жигжитов в своей объяснительной записке пишет об этом: «Неудовольствие ко мне» *вызвано* (прим. автора)

из-за моего отказа поехать с ним по его личным делам». Далее он отмечает, как «секретарь Беляев в столь краткое однодневное время так быстро и прозорливо мог заметить и даже усмотреть все недостатки, для этого необходимо пробыть здесь несколько месяцев». Действительно, в ходе следствия выяснилось, что Беляев «ездил по своим делам для покупки сена и попутно по указанию исправляющего должность Верхнеудинского окружного начальника проверил один день думу». Учитывая все эти факты, 22 февраля 1853 г. Верхнеудинское окружное управление вынесло резолюцию, что дело о ревизии не требует дальнейшего производства, потому что замеченные беспорядки исправлены[820].

Приведенный пример показывает, что царская администрация старалась не вмешиваться во внутренние дела органов местного самоуправления бурят, если это не касалось налоговых сборов, в случае же выявления недостатков в их работе проводили следствия, завершавшиеся обычно рекомендациями.

В. Вагин, Ф.А. Кудрявцев и другие исследователи указывают на «аристократический» характер бурятского степного управления[821]. Степные аристократы в бурятском варианте назывались нойонами, сайтами. Под нойонством, можно согласиться с утверждением Е.М. Залкинда, мы понимаем «всех должностных лиц, которым было вверено управление бурятами, что сопровождалось присвоением соответствующих званий, заимствованных по большей части из монгольской феодальной терминологии»[822].

Высшим в бурятской иерархии было звание тайши, которое появилось у бурят с начала XVIII в. Сначала присвоение звания тайши рассматривалось как поощрение более влиятельных родоначальников за особые заслуги перед русской администрацией. Впервые звание тайши было присвоено патентом Петра II от 4 июня 1729 г.: «Жалующий зайсана Шодоя в чин тайши за оказание великого содействия с 11 родами хоринцев послу Иллирийскому графу Савве Владиславичу при установлении границы». В начале XIX в. звания тайшей, шуленг и зайсанов становятся

[820] ГАЗК. Ф.1. Оп.1. Д.15654.

[821] Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. СПб.: 1872. Т. 1. С. 267–268. Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа. (От XVII в. до 60-х годов XIX в.). М.; Л.: 1940. С. 178.

[822] Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX века. М.: 1970. С. 268.

должностными, универсальными для всех бурят. В отличие от западных бурят, в Забайкалье имелись еще звания засулов, дамалов, знаменщиков. В ведомости о количестве населения Г. Ф. Миллер приводит сведения о 14 родах селенгинских бурят с указанием наличия у цонгольского рода тайшей, шуленг, зайсанов и засулов[823]. С принятием Устава 1822 г. тайши становятся должностными лицами, шуленги, зайсаны, засулы или есаулы – почетными званиями[824], остальные звания постепенно исчезают из употребления.

Устав 1822 г. строго регламентировал состав должностных лиц степного управления. К должностным лицам Степной думы относились тайша, заседатели, письмоводитель, его помощник; инородной управы – голова, два выборных, письмоводитель, его помощник; родового управления – родовой староста и его помощник. Должности тайши, заседателей, головы, родовых старост могли быть или наследственными, или выборными и утверждались высшим начальством после процедуры выборов на общественном суглане. Препятствиями к утверждению являлись: 1) доказанное судом худое поведение; 2) несогласие на выбор более половины родовичей; 3) уважительный отзыв от должности самого избираемого[825]. Все должностные лица избирались общими собраниями. Главный тайша утверждался в должности генерал-губернатором Восточной Сибири, заседатели думы, головы инородных управ и родовые старосты утверждались в должности губернаторами Иркутской губернии и Забайкальской области.

Избранные и утвержденные при вступлении в должность принимали присягу, поэтому они назывались присяжными. Кроме них по ведомству имелись неприсяжные должности, это те, которые не принимали присяги при вступлении в должность: письмоводители, монгольские писари и переводчики, смотрители и вахтеры экономических магазинов, полевые смотрители, караульные и прочие, всех таковых лиц, например, в 1886 г. по Агинскому ведомству насчитывалось 121 человек[826].

[823] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 199. Оп. 2. Д. 481. п. VII. Л. 58–60.
[824] Тугэлдэр Тобын. Прошлая история хоринских и агинских бурят // Бурятские летописи. Улан-Удэ: 1995. С. 19.
[825] ПСЗРИ. Ст. 29126. 1 собр.Т. 38. СПб.: 1830. С. 403.
[826] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2858. Л. 26–28.

Среди них письмоводитель относился к разряду оплачиваемых и важных должностей. Вследствие низкой грамотности бурят на должности письмоводителя в основном избирались представители русского населения. Письмоводитель избирался на общественном собрании (суглане). О важности должности письмоводителя говорит такой факт: в Аларской инородной управе должность письмоводителя занимали лица, которые брали удостоверения от исправника, что с его стороны нет претензий на замещение должности. Бывали случаи, когда некоторые из них не оправдывали рекомендацию и подлежали увольнению со службы, но общества удерживали их на должности, видя в них ставленников высшего начальства. Своим циркуляром от 31 декабря 1892 г. Балаганский окружной исправник разъяснял, что выбор письмоводителя не зависит от него и других чинов полиции, они могут только рекомендовать[827].

4 марта 1897 г. предписанием земского заседателя 2-го участка вместо уволенного письмоводителя Абаганатской инородной управы И. Большакова направлялся А.С. Михалев. При этом он отметил, что «по дошедшим до меня слухам некоторые лица, путем спаивания влиятельных инородцев, добиваются места письмоводителя управы и без суглана стараются составить приговор, собирая подписи по домам» и далее предупреждал о незаконности такого приговора[828]. Немаловажным фактором престижности должности письмоводителя служил тот факт, что они получали денежное вознаграждение от управы в сумме от 800 до 900 руб. в год.

В середине XIX в. к должностным лицам инородческого самоуправления присоединяются представители от крещеных инородцев. Благодаря настойчивости миссионерских деятелей, понимавших значение огромного влияния крещеных родоначальников на сородичей, генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков в 1864 г. предписал всем инородческим ведомствам о необходимости включения по одному заседателю от христиан в Степные думы. Как пишет архиепископ Вениамин, получив такое предписание, «язычники сочли это для себя оскорблением и долго не соглашались исполнить требование генерал-губернатора, даже протестовали против него, потому что допущением христианина

[827] ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 109. Л. 130–130 об.
[828] Там же. Д. 50. Л. 33.

в думу заседателем, как они выражались в общественном приговоре, будто бы нарушится благоустройство их и свобода вероисповедания»[829].

5 февраля 1867 г. Совет Главного управления Восточной Сибири постановил в виде опыта допустить выборных от крещеных инородцев в инородные управы и родовые управления с правом протеста против постановлений органов местного самоуправления, которые покажутся стеснительными для христиан или незаконными[830].

В 1872 г. Иркутский губернский совет порекомендовал повременить с назначением выборных от христиан впредь до общего преобразования инородческих учреждений, а предписанием Иркутского полицейского управления от 18 июня 1886 г. в состав инородных управ и родовых управлений вновь вводились представители от христиан в целях их защиты от притеснений со стороны язычников – начальников, некрещеных. В выборах представителя участвовали все крещеные. В случаях, если голова или староста были крещеные, то не следовало упразднять должность представителя от христиан[831].

В 1907 г. в Кой морской инородной управе была учреждена новая должность – заместитель головы. Это был единичный случай введения новой должности по инициативе общества в обход Положения об инородцах 1892 г. Общество ходатайствовало о введении должности заместителя головы ввиду того, что в случае болезни, смерти или отпуска головы происходят задержки судебных разбирательств. Крестьянский начальник 3-го участка Иркутского уезда разрешил введение должности без права ношения знака и служебной печати, исходя из того, что есть помощники старосты, заместитель старшины[832].

Обязанности должностных лиц органов бурятского управления подробно расписаны в Уставе 1822 г. и обычном праве бурят. Например, в Хоринском положении 1851 г. подробно говорится об этом:

1. «Тайша в Степной думе решает, надзирает и осуществляет казенные и общественные дела, способствует усердию податного

[829] ИЕВ. 28 июля 1884 г. № 30. С. 346.
[830] ИЕВ. 4 августа 1884 г. № 31. С. 361.
[831] ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 148. Л. 21.
[832] ГАРБ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 8. Л. 54–56.

населения в хлебопашестве и подобных доходных стремлениях, отвращает от беспутных и плохих занятий. Если кто подаст жалобу по тяжебным и исковым делам, то, получив ее, для решения и осуществления передает сайтам отока или по желанию обеих тяжущихся сторон, согласно статье 130 Устава, может сам разрешить окончательно. Если подчиненные головы и заседатели в результате отсутствия усердия в исполнении должности не будут выполнять порученные дела, то взыскивать на основании общего положения, а старост сечь розгами установленного образца.

2. Заседатели Степных дум, кроме присутствия и решения дел в думе, должны стараться, чтобы хоринские инородцы занимались хлебопашеством, полезным и доходным делом, следить и строго спрашивать, чтобы сайты отоков, а также лица, ведающие делами экономических магазинов, выполняли казенные подати, пополняли запасы хлеба в магазинах.

3. Головы и выборные инородных управ, родовые старосты и их помощники, исполняя ко времени и без опозданий, предписания по любому поводу, полученные от соответствующего начальства, рассматривают и разрешают спорные дела, кроме четырех криминальных, поступившие от сайтов родовых управлений… Они должны заботиться и надзирать за сбором казенных податей, пополнением хлеба в экономических магазинах, поощрять податное население к более широкому распространению хлебопашества, разведению скота и стремлению к различным доходным занятиям»[833].

Таким же образом в обычном праве расписывались должностные обязанности у бурят Иркутской губернии: «Власть иноверческих родоначальников заключается:

во-первых, главного тайши в исполнении и наблюдении законов и предписаний высшего начальства, в сохранении тишины и порядка вверенного ему народа, в наблюдении за правосудием, бескорыстием, за поступками родовых шуленг и старшин, в понуждении их исполнять свои обязанности к беспорочному прохождению службы; в точном и непременном исполнении указов начальства и его приказаний, по службе им даваемым, во всевозможном старании и попечении доставить своим подчиненным

[833] Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности / пер. с монг. Новосибирск: ВО «Наука», 1992. С. 94–95.

лучшую и спокойную жизнь, улучшая сельское их хозяйство и ограждая законами и древними своими обыкновениями вольную жизнь и имение каждого, без пристрастия, от всякого насилия и удерживая предоставленной ему властью и мерой приличного наказания от всех преступлений, непорядков, лености и радения,

а во-вторых, прочих родоначальников власть и обязанность состоит в тех самых предметах, как у главного тайши, яко его помощников или местных родовых начальников над родовыми только своими братскими»[834].

Согласно Уставу 1822 г., должностные лица, кроме письмоводителя и его помощника, «не получают от родовичей своих никакого жалованья, но исправляют должности по сим званиям как общественную службу»[835], тем самым для людей малоимущих доступ в учреждения родового управления был закрыт. Вместе с тем Российское государство узаконило меры материального и морального поощрения должностных лиц местного самоуправления, так, Устав закрепил за родовой знатью «доходы, какие их званию присвоены по степным законам и обычаям с промыслов и земель»[836].

В дальнейшем в Степных законах закрепили сосредоточение в руках должностных лиц огромного количества земель, позволявшее им безвозмездно относить общественные должности. Так, в статье 82 Хоринского положения 1851 г. отмечается, что «среди хоринского населения из занимающих должности тайши, заседатели, головы, выборные, старосты не получают жалованье ни от казны, ни от населения, поэтому в силу 143-й статьи вышеуказанного Устава (1822 г.) в соответствии со званием и с одобрения населения сенокосных и пахотных земель получают во владение побольше»[837]. В Положении о Степных законах кударинских бурят 1860 г. тоже указывается: «Так как главный начальник в ведомствах, заседатели думы и родовые старосты, головы не получают никакого жалованья, то в вознаграждение за их службу отводятся им особые участки пахотной и сенокосной лучшей земли в не-

[834] Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава: 1876. С. 102.
[835] ПСЗРИ. 1 собр. СПб.: 1830. Т. 38. Ст. 29126. С. 402.
[836] Там же. С. 402.
[837] Обычное право хоринских бурят. С. 95.

сколько раз более против простого инородца с общего согласия родовичей целого ведомства или одного рода»[838].

Следующей привилегией должностных лиц инородческого управления было освобождение от уплаты ясака, которое первоначально осуществлялось в двух вариантах: либо они не включались в список плательщиков ясака, либо их ясак раскладывался на весь род. С 1763 г. исключение из списков перестало практиковаться, сохранялось освобождение родоначальников от ясака с разложением их доли на всех родовичей[839]. С принятием Устава об управлении инородцев 1822 г. особых изменений не произошло, бурятские общества продолжали платить ясак за своих родоначальников.

Так, в Хоринской Степной думе в 1853 г. не платили ясак 50 человек, из них 8 штатных лам и 42 штаб- и обер-офицерских детей и личных дворян[840]. По данным миссионера С. Стукова, в 1884 г. только в одном Хоринском ведомстве были освобождены от несения натуральных повинностей 304 человека: тайша, его помощник, 12 заседателей, 14 родовых голов, 27 выборных, 83 родовых старосты и 166 их помощников[841].

В Селенгинской Степной думе в 1879 г. пользовались налоговыми льготами 151 человек, потомственные почетные граждане. В Аларской Степной думе в 1866 г. насчитывалось 75 человек, освобожденных от уплаты налогов. Кроме освобождения от уплаты налогов, в их владении находились лучшие земли ведомства, так, Ранжур Чойванов владел 40 десятинами хлебопашенной и 20 десятинами сенокосной земли, Рампил Самсонов – соответственно 70 и 40 десятинами и т. д.[842]. Кроме родоначальников, в 1854 г. 463 бурята Аларской Степной думы были освобождены от уплаты ясака как принявшие крещение на три льготных года[843].

---

[838] Положение о степных законах и обычаях между инородцами Забайкальской области кудыринского племени существующих // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ: 1968. С. 201.

[839] Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX века. М.: 1970. С. 309.

[840] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 271. Л. 429–430.

[841] Отчет о состоянии и деятельности Забайкальской духовной миссии за 1884 г. // ИЕВ. Прибавления. 13 июля 1885 г. № 13. С. 345.

[842] ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 423. Л. 66–67.

[843] Там же. Д. 153а. Л. 2.

Представители семейства родоначальников Гантимуровых у тунгусов освобождались от податей и повинностей аналогично бурятским ведомствам. За службу по охране границ Гантимуровы были записаны князьями в Московском списке, им было назначено жалованье, также они были освобождены от уплаты налогов[844]. К числу льгот, которых не наблюдалось ни в одном из бурятских ведомств, относилось содержание дома родоначальника тунгусов, например, в 1897 г. на наем прислуги выделялась сумма 400 руб. в год, на постройку ограды и служб при доме родоначальника – 5526 руб., на приобретение мебели – 500 руб. в год[845].

Род Гантимуровых, освобожденных от ясака, со временем разросся, и в середине XIX в. нерчинский окружной начальник Павлинов был вынужден поставить вопрос об учете представителей начальствующего тунгусского семейства с тем, чтобы перевести их в податное состояние. По каждой инородной управе были составлены списки, и оказалось, что в каждой из них имеются Гантимуровы. Так, в одной только Урульгинской инородной управе числились 74 представителя семейства, в Кужертаевской инородной управе – 19[846]. Окружному начальству были представлены неоспоримые документы, подтверждающие льготы князей Гантимуровых, и вопрос об их переводе в податное состояние был отложен.

Формами же морального поощрения должностных лиц за успешную службу являлись, безусловно, объявление благодарности от вышестоящего начальства и награждение орденами и медалями разного достоинства. Должностные лица бурятских органов местного самоуправления обычно занимали в Табели о рангах Российской империи с XIV по XII классы (чины: коллежский регистратор, сенатский регистратор, губернский секретарь), соответственно могли награждаться самыми низшими орденами из иерархии орденов – орденами Станислава 3-й степени и Анны 3-й степени. Кроме орденов и медалей, бурятские родоначальники награждались серебряными кортиками, особенно это характерно для первой половины XIX в. Например, в 1811 г. в Балаганском инородческом ведомстве помощник тайши Халмат Назаров, шу-

[844] ГАЗК. Ф. 55. Оп. 2. Д. 48. Л. 129 об.
[845] Там же. Д. 146.
[846] Там же. Д. 48. Л. 123–126.

ленга Хазагар Назаров, старшина Мирон Андреев, шуленга Баргуй Дареев были награждены серебряным кортиком за распространение хлебопашества, оспенный ученик старшина Алексей Андреев за исполнение своих обязанностей и распространение хлебопашества также серебряным кортиком[847].

На примере некоторых должностных лиц бурятских органов местного самоуправления можно рассмотреть, за какие заслуги они чаще всего награждались:

Тарба Жигжитов, главный тайша хоринских бурят в 1849–1857 гг. В 1850 г. был награжден серебряной медалью «За усердие» на Аннинской ленте для ношения на шее за пожертвование своего дома для Онинского бурятского приходского училища. В 1852 году ему был пожалован почетный кафтан черного цвета, украшенный золотыми нагрудными петлицами с навесом кистей, обложенных таким же галуном и шнуром, за содействие при следовании Сибирского линейного 14-го батальона от г. Верхнеудинска до г. Читы[848].

Дмитрий Петрович Минеев, главный тайша селенгинских бурят в 1862–1874 гг. В 1852 г. получил благодарность генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского за пожертвование двух лошадей в пользу Пекинской миссии. В 1856 г. был награжден серебряной медалью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте за усердие в службе и похвальные действия. В 1858 г. получил благодарность от председателя Сибирского отделения Русского географического общества за содействие во время ученых изысканий. В 1860 г. награжден серебряной медалью «За усердие» на Аннинской ленте для ношения на шее за усердие к службе и похвальные действия. Как свидетельствует архиепископ Вениамин в своем отношении генерал-губернатору Восточной Сибири от 22 ноября 1883 г., Д. Минеев был «единственный во всем Забайкалье начальник из христиан-инородцев, … возведенный в эту почетную должность содействием начальства».[849] В 1862 г. был награжден золотой медалью «За усердие» на Владимирской ленте для ношения на шее. В 1866 г. получил благодарность от М.С. Корсакова за поднесение в дар СОРГО

[847] ГАРБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 7–8.
[848] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 677. Л. 1–3.
[849] ИЕВ. 28 июля 1884 г. № 30. С. 345–346.

бурятского костюма и других этнографических предметов, благодарность военного губернатора Забайкальской области за усердие в деле устройства гимназии в г. Чите. В 1867 г. Дмитрий Минеев становится кавалером ордена Святой Анны 3-й степени, в 1872 г. награжден очередным орденом Святого Станислава 2-й степени, в 1874 г. – орденом Святой Анны 2-й степени[850].

Сахар Хамнаев, главный тайша баргузинских бурят в 1854–1875 гг. К его многочисленным наградам относятся:

награждение кортиком «в личную его бытность в Санкт-Петербурге» 16 января 1833 г. и деньгами в 1000 руб. ассигнациями;

1) благодарности Иркутского гражданского губернатора за содействие при закупе в Тельминскую фабрику овечьей шерсти, за пожертвование на Кругобайкальскую дорожную работу восемь коров; за убеждение состоятельных инородцев к пожертвованию для бедных сородичей 180 лошадей для занятия хлебопашеством, за введение первоначального посева картофеля;

2) благодарность Верхнеудинского земского суда за приведение устройства архива Баргузинской Степной думы;

3) серебряная медаль на Аннинской ленте для ношения на шее за открытие приходского училища у баргузинских инородцев в доме, пожертвованном им;

4) благодарность от сенатора Толстого за бездоимочный платеж ясака баргузинскими инородцами, за исправное делопроизводство думы;

5) благодарность от Русского географического общества в Санкт-Петербурге за доставление сведений о климате;

6) высочайшая благодарность за денежное пожертвование в пользу военных действий и на Амурскую экспедицию;

7) золотая медаль на Аннинской ленте для ношения на шее в ознаменование «полезно неутомимой для пользы службы»[851].

Заяхан Хамаганов, главный тайша кударинских бурят в 1852–1864 гг. За свою добросовестную работу он получил следующие награды: в 1855 г. – за распространение хлебопашества серебряные часы[852], в 1858 г. – серебряный кортик, в 1861 г. – золотая медаль на Аннинской ленте для ношения на шее[853]. За этими скупы-

[850] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1198. Л. 1–14.
[851] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 616. Л. 4–12.
[852] ГАРБ. Ф. 5.Оп. 1. Д. 671. Л. 1–2.
[853] Там же. Д. 964. Л. 44–45.

ми сведениями о награждениях прослеживается неординарная личность человека, который в 25 лет становится главным тайшой кударинских бурят.

За 12 лет службы он проявил свои недюжинные способности не только как хозяйственник, умелый организатор, но и как знаток и защитник исконных обычаев и традиций кударинских бурят. Так, за период с 1852 по 1958 гг. он ликвидировал имевшуюся за кударинскими бурятами недоимку хлеба в 40 тысяч пудов и заполнил четыре экономических магазина нужным объемом хлеба; размер посевных площадей увеличился с 1500 десятин до 2400 десятин. Имевшуюся значительную недоимку налогов он частью собрал, а большую часть списал путем различных ходатайств и перерасчетов с окружным казначейством.

Вступив в должность, он построил новую дорогу от Кабанской станции до Степнодворецкого, сократив старую дорогу с мостами, гатями, которые требовали постоянного ремонта, на 2 версты, при этом без мостов и гатей, тем самым сократив расходы общества на ремонт дорог.

О личных качествах Заяхана Хамаганова свидетельствуют строки из общественного приговора Кударинского общества: «В 1856 г., когда обществом кударинских бурят перевозились тяжелые артиллерийские орудия через станции Таракановскую и Ильинскую, Хамаганов, находясь тут по распоряжению начальства, оказывал для родовичей примером своим полезные пособия, не быв даже чужд разделять труды в указаниях и личными действиями, лично успел спасти двух человек бурят, когда они попались середины лошадей, запряженных под пушки, и он бросился к ним вытащил и отбросил в сторону и тем самым избавил от неминуемой смерти… Главный тайша Хамаганов в управлении ведомства в течение всей службы оказал отличные примеры в хорошем, он строго преследуя беспорядки и мошенничество, напротив тихого нрава, и всегда в деле, где требуется улучшение быта и хозяйства его родовичей, обращается с приличным убеждением и внушением, как должно быть доброму начальнику и примерному хозяину своего ведомства»[854].

Его стараниями в 1860 г. было составлено «Положение о степных законах и обычаях между инородцами Забайкальской области

[854] ГАРБ. Ф. 5.Оп. 2. Д. 141. Л. 2–3.

кудыринского племени существующих», состоящее из 151 статьи. Кударинское общество нуждалось в своде своих степных законов, которым регулировались бы выборы инородческих начальников, разбирательство по мелким судебным делам, калымные дела и т. д. Таким сводом законов стало вышеупомянутое Положение, подписанное Заяханом Хамагановым.

При нем начала работать Кударинская приходская школа. Заяхан Хамаганов пожертвовал обществу кударинских бурят «училищное здание с двойными рамами, двумя печами со вьюшками и заслонкой», за что он в 1860 г. получил благодарность от генерал-губернатора Восточной Сибири[855].

Тугултур Тобоев, главный тайша агинских бурят в 1858–1878 гг. В возрасте 20 лет он начинает свою общественную службу с должности писаря монгольских дел главного зайсана агинских бурят, в 1816–1818 гг. служит зайсаном Зун-Хоацайского рода, в 1819–1826 гг. – главным зайсаном и головой агинских бурят, в 1826–1830 гг. – зайсаном в своем роде, в 1830–1838 гг. – выборным Агинской инородной управы, в 1839–1842 гг. – головой управы, председателем Агинской Степной думы, в 1842–1859 гг. – вторым тайшой, в 1859–1878 гг. – главным тайшой агинских бурят[856].

На всех общественных должностях он служил успешно, о чем свидетельствуют многочисленные благодарности от вышестоящего начальства, медали и ордена, а также признательность от общества: 4 июля 1824 г. он получает аттестат от всего Хоринского общества, 8 ноября 1837 г. таковой же от Агинского общества, благодарность от титулярного советника Варанды за изготовление и представление арсенала шаманского платья; благодарность иркутского гражданского губернатора за особенное старание к улучшению Николаевского приходского училища, в 1846 г. от министра государственных имуществ похвальный лист и премию в 15 руб. серебром за значительное против прочих инородцев разведение картофеля и склонение к разведению картофеля других инородцев, благодарность иркутского гражданского губернатора за спасение скотоводства, погибающего от наводнения речки Сартаю[857].

[855] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 187. Л. 9–9 об.
[856] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2283. Л. 51–52.
[857] Там же. Д. 319. Л. 10–13.

31 марта 1848 г. Нерчинского общего окружного управления Агинской Степной думы Т. Тобоеву была объявлена благодарность за усердную службу по итогам ревизии чиновника особых поручений Иркутского общего губернского управления Мордвинова: «…в 1846–1847 годах нашел в Агинской думе делопроизводство и внутреннее управление в удовлетворительном порядке, шнуровые книги и журналы входящий и исходящий, велись довольно исправно, дела сохраняются в должном порядке и имеются описи, помещение Думы довольно хорошо и опрятно. Главный тайша и прочие члены заслуживают одобрение по исполнению своих обязанностей, в особенности обращает на себя внимание своим усердием и заботливостью по службе второй тайша Тугултур Тобоев, которому Дума более обязана своим порядком и исправностью…»[858].

Исполняя должность главного тайши Агинской Степной думы, Тугултур Тобоев многократно получал благодарности за успехи в службе, был награжден в 1849 г. серебряным кортиком[859], в 1857 г. – первым обер-офицерским чином[860]. В 1863 г. «жительство постоянное имеет в урочище Бырка, впадающей в речку Ага с правой стороны, от Агинской Степной думы на расстоянии 60 верст», он – губернский секретарь и кавалер орденов святого Станислава 3-й степени, святой Анны 3-й степени, имеет серебряную медаль для ношения на шее, серебряный кортик и бронзовую медаль[861]. В 1869 г. Т. Тобоев был награжден бронзовой медалью за содействие в устройстве русской этнографической выставки в Москве[862]. За денежные пожертвования больным и раненым в русско-турецкой войне он был отмечен знаком Красного Креста от Российского общества Красного Креста[863].

Жиан (Жан) Бодиин (1839–1903) – главный тайша Агинской Степной думы в 1892–1903 гг. Получил домашнее образование в станице Кайдаловой Забайкальского казачьего войска, был грамотен по-русски и по-монгольски. Он не относился к родовой знати, поэтому, благодаря своим деловым качествам, а также своей гра-

[858] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 416. Л. 19.
[859] Там же. Д. 319. Л. 24–26.
[860] Там же. Д. 988. Л. 23.
[861] Там же. Д. 1863. Л. 3.
[862] Там же. Д. 4487. Л. 1.
[863] Там же. Д. 2444. Л. 14–14 об., 17.

мотности и хорошему владению разговорным русским языком, становится помощником письмоводителя, переводчиком, письмоводителем, заседателем думы, а затем главным тайшой думы.

Общественную службу начал в 1860 г. с должности помощника письмоводителя Агинской Степной думы, с 1866 г. совмещал с должностью переводчика, с 1870 г. становится письмоводителем думы. За время работы письмоводителем он несколько раз подвергался проверкам, которые прошел на высоком уровне, за что получил благодарности. Так, в 1871 г. Жиан Бодиин получил благодарность в присутствии думы от военного губернатора Забайкальской области за исправный порядок делопроизводства Степной думы, в 1872 г. ему была объявлена личная благодарность адъютанта генерал-губернатора Восточной Сибири Винникова за исправный порядок делопроизводства Степной думы, личная благодарность и.д. военного губернатора Забайкальской области за исправный порядок делопроизводства Степной думы, в 1873 г. – благодарность управляющего Забайкальской областью действительного статского советника Милютина за отличный порядок делопроизводства Степной думы, в 1876 г. «за отлично-усердную службу и другие похвальные действия всемилостивейше награжден серебряной медалью с надписью «за усердие» на Станиславской ленте».

Хорошее знание русского языка позволило Жиану Бодиину стать членом депутации хоринских и агинских бурят в качестве переводчика по случаю 25-летнего юбилея царствования Александра III в Зимнем дворце 13 апреля 1880 г. Об этом свидетельствует выписка из Правительственного вестника от 2 мая 1880 г.: «… от Агинской Степной думы губернский секретарь Бадмаев и тайша Борончо Бородин, а от Хоринской думы бывший помощник главного тайши Шираб-Ненбо Хобитуев и бывший родовой голова Цыден-Доржи Аюшиев и переводчик при них Жиан Бодиин имели счастье быть представленными генерал-губернатором Восточной Сибири государю императору 13-го сего апреля в Зимнем дворце и повергнуть к стопам его величества всеподданнейший адрес с выражением верноподданнических поздравлений по случаю совершившегося двадцатипятилетия благополучного царствования его величества и с выражением чувств беспредельной

верноподданнической благодарности за все оказанные им милости.

Его величество по выходе из внутренних покоев изволил милостиво подойти к бурятским представителям и благоволил взять из рук Бадмаева всеподданнейший адрес. В это время буряты по правилам своих верований пали ниц и, сделав земной поклон, с благоговением взирали на государя, милостиво читавшего их адрес.

По прочтении адреса государь император изволил осчастливить бурятских представителей следующими милостивыми словами: «Очень рад видеть вас здесь, благодарю за ваши верноподданнические чувства и прошу передать мою благодарность вашим сородичам». Слова эти немедленно были переведены Бодииновым и видимо, произвели радостное впечатление на его соплеменников»[864].

Огромный опыт работы в думе, исключительная грамотность, о чем свидетельствуют составленные им архивные документы, великолепное владение русским разговорным языком позволили Жиану Бодиину претендовать на повышение по службе, и в 1881 г. по выбору общества он был утвержден заседателем Агинской Степной думы. Помимо выполнения своих должностных обязанностей Жиан Бодиин занимался благотворительностью: состоял действительным членом Общества попечения о больных и раненых воинах, участвовал в пожертвовании денег на открытие в г. Чите мужской гимназии в 1881 г., за что получал благодарности от вышестоящих властей.

После смерти главного тайши Жалсарая Зориктуева в 1892 г. Жиан Бодиин первым из «инородческих» детей по выбору общества был утвержден в должности главного тайши Агинской Степной думы, которую исполнял вплоть до упразднения Степной думы в 1903–1904 гг.[865] Жиан Бодиин был лично знаком и переписывался с князьями В.А. Барятинским, Э.Э. Ухтомским, Н. Куколь-Яснопольским, высшими сановниками Российского государства, используя это знакомство для решения важных вопросов.

[864] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2452. Л. 15–16.
[865] Там же. Д. 2956. Л. 37–37 об.

К 1900 г. Жиан Бодиин за успешную службу имел две золотые и две серебряные медали для ношения на шее на Владимирской, Аннинской, Станиславской лентах, четыре серебряные для ношения на груди на Аннинской, Станиславской, Александриевской и Андреевской лентах, двое золотых часов, пожалованных их императорскими величествами Александром III и Николаем II, и темно-бронзовую медаль на ленте государственных цветов[866].

Жалсарай Зориктуев (1847–1892) – главный тайша агинских бурят в 1879–1892 гг. Происходил из почетного рода шуленги. В 1860 г. окончил полный курс Нерчинского уездного училища с двумя похвальными листами за особые успехи в обучении.

В 1861 г. был назначен учителем русского и монгольского языков в Цугольском частном училище, в 1862 г., успешно выдержав экзамен на звание приходского учителя, был направлен учителем монгольского языка в Агинско-Николаевское приходское училище. В 1865 г. за отлично-усердную службу был награжден серебряной медалью с надписью «за усердие» для ношения на груди на Аннинской ленте. С 1866 г. был назначен учителем русского языка этого же училища. В 1870 г. за отлично-усердную службу и другие похвальные действия был награжден серебряной медалью с надписью «за усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте.

Занимаясь преподавательской деятельностью, Ж. Зориктуев большое внимание уделял общественной и благотворительной работе, так, в 1873 г. он пожертвовал 500 руб. на Дом призрения душевнобольных, за что получил благодарность наследника цесаревича, в этом же году передал в дар Дашковскому этнографическому музею интересную коллекцию предметов Забайкальской области, за что получил благодарность от директора Московского и Румянцевского музеев гофмейстера двора Дашкова.

В 1873 г. он вошел в депутацию агинских бурят, которые получили аудиенцию наследника цесаревича Александра в Аничковском дворце.

В 1874 г. Ж. Зориктуев выступил в качестве эксперта перевода сочинений Бутлера о земледелии на монгольский язык Р. Номтоевым, за что получил благодарность военного губернатора Забайкальской области.

[866] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3279. Л. 32–33.

В 1876 г. по выбору общества агинских бурят был утвержден кандидатом по главному тайше агинских бурят. В эти годы он состоит действительным членом Общества для оказания пособия учащимся в Восточной Сибири, действительным членом Общества попечения о раненых и больных воинах, почетным блюстителем Агинско-Николаевского приходского училища.

В 1878 г. Ж. Зориктуеву была объявлена благодарность императрицы за участие в пожертвовании и сборе денег 11 тыс. руб. от агинских бурят на пользу раненых и больных воинов, благодарность военного губернатора Забайкальской области за «весьма похвальные действия и пожертвования Хоринского и Агинского ведомств 100 тыс. руб. на учреждение в г. Чите мужской гимназии, благодарность военного губернатора Забайкальской области за установление в Агинском и Цугольском дацанах Мунко Зула (лампада «Вечное святилище») с пожертвованием на этот предмет капитала 600 руб.

В 1879 г. Жалсарай Зориктуев по выбору общества был утвержден в должности главного тайши агинских бурят. Дальнейшая его деятельность была успешной, о чем свидетельствуют его награды: в 1881 г. он был награжден за отлично-усердную службу и трудолюбие по хозяйству серебряной медалью для ношения на шее на Станиславской ленте, за отлично-усердную службу и похвальные действия золотой медалью с надписью «за усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте.

В 1883 г. Жалсарай Зориктуев вошел в состав делегации бурят, выехавших в Санкт-Петербург на коронацию Александра III, где был награжден серебряной медалью с надписью «за усердие» для ношения на шее на Аннинской ленте, а также получил благодарность с награждением золотыми часами, с такой же цепочкой за верноподданнические чувства и поднесение бурятского седла с прибором. Кроме того, он ежегодно получал благодарности Забайкальского областного начальства за успешное и бездоимочное взыскание с инородцев ясака и прочих повинностей[867].

Пирожков Илья Иннокентьевич, главный тайша идинских бурят. В 1857 г. был награжден форменным без украшения кафтаном «за успешное содействие по закупу хлеба в 1857 г. для Александровского винокуренного завода», в 1860 г. – серебряной медалью

[867] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2418. Л. 3–18.

на Аннинской ленте для ношения на шее «за усердную службу», в 1867 г. – орденом Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени «за успешное и усердное распространение православной веры между своими единомышленниками», в 1868 г. – малой серебряной медалью «за распространение сельского хозяйства по земледелию» на Иркутской публичной выставке, в 1877 г. – орденом св. Станислава 2-й степени «за службу смотрителя Киренского уездного училища, в 1882 г. – орденом св. Анны 2-й степени «по засвидетельствованию Святейшего Синода за отличное усердие и особые труды»[868].

В послужном списке головы Ользоновской инородной управы *Исаака Ертагаева* отмечается, что он получил благодарности от Верхоленского окружного начальника в 1893 г. за полный сбор податей, в 1898 г. – от иркутского губернатора[869]. Староста 2-го Ашахабатского рода Андрей Михайлов имел серебряную медаль на Станиславской ленте для ношения на груди[870]. В 1901 г. за успешное содействие к распространению среди инородцев хлебопашества и сельского хозяйства, отличную усердную службу иркутский генерал-губернатор премировал голову Аларской управы Петра Баторова «золотыми часами с государственным гербом на золотой цепочке»[871].

Таким образом, бурятские родоначальники в основном награждались за выслугу лет и определенные заслуги: «за усердие», «за полный сбор податей», «за успешное содействие к распространению среди инородцев хлебопашества», за благотворительность и т. д. Надо отметить, что особым стимулом для несения общественной службы было то, что в бурятском обществе культивировалось почтительное отношение к представителям власти. Не менее значимым и почетным моральным поощрением была благодарность общества, которая оформлялась в виде письменного аттестата, принимаемого на общественных собраниях и заверяемых подписями его участников. Так, заседателю Ольхонской Степной думы Бужинаю Имееву при его увольнении был выдан аттестат с благодарностью, в котором отмечалось, что «Имеев, служа у нас в думе заседателем по нашему выбору три года и все это время был

[868] ГАРБ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 5. Л. 5–13.
[869] ГАРБ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 233. Л. 23–24.
[870] ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 64. Л. 8–9.
[871] ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 588. Л. 99 об.

с нами добр и справедлив и никогда никого из нас не обижал, и напротив, многим помог и по службе всегда был исправный, вел себя честно и трезво, вознаграждения за службу он с нас никакого не получал, поэтому мы считаем для себя приятной обязанностью засвидетельствовать ему, Бужинай Имееву, наше уважение за добросовестное его у нас трехлетнее служение при думе заседателем выдачей настоящего аттестата», под которым подписались 157 человек[872].

Надо отметить, что бурятское общество отличалось почтительным отношением к своим нойонам, представителям власти. Об этом свидетельствуют факты беспрекословного подчинения бурят представителям власти. Ф.-Э.Г. Толь в своих очерках пишет по этому поводу: «Хотя у князьков и отнято право судить на смерть, но они, по старой привычке, умеют так управлять своим родом, что им достаточно одного косого взгляда, чтобы видеть полное исполнение своей воли»[873].

Родоначальники всячески оберегали свои привилегии и стремились их расширять. Так, в Селенгинское уложение с новыми правилами, принятыми в 1841 г., была включена глава «О должностных знаках отличия и одежде начальствующих и почетных людей»[874]. Причиной принятия дополнительных правил стало, по мнению родоначальников, отсутствие «отличительных знаков для законного главенства над податными …, нет установленного различия в одежде»[875].

В Хоринском положении 1851 г. отмечалось, что «занимающие должности нойоны и сайты хоринских инородцев не являются равными с податными. В соответствии с должностью должны различаться путем отличительных знаков, а именно: главный тайша должен на макушке шапки прикреплять жинчи[876] из золота и коралла; помощник тайши – жинчи из серебра, а также из корал-

[872] ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 993. Л. 7–7 об.

[873] Толь Ф.-Э. Г. Воспоминания о Восточной Сибири: (очерк) // Петрашевцы в Сибири. Иркутск: 2005. С. 334.

[874] Новое постановление о жизни и обычаях. Правила, установленные селенгинскими и хоринскими главными и почетными духовными и светскими сайтами в 1841 г. // Цибиков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. С. 78–79. Цибиков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ: 1970. С. 78–79.

[875] Там же. С. 76.

[876] Жинчи, джинсэ – особый знак на головном уборе в виде шарика из драгоценного или полудрагоценного камня в оправе из золота и серебра, украшенный чеканкой.

ла; заседатели Степных дум, головы инородных управ, шуленги – жинчи из серебра и лазурита; выборные, … письмоводители – жинчи из серебра и раковины. Их жены и дети должны одинаково соблюдать вышеуказанные правила». Простые люди не должны носить жинчи, за нарушение этого обычая наказывались 10 ударами розог. Нойоны и сайты на собраниях, в конторах, на свадьбах и празднествах должны сидеть в порядке старшинства, за нарушение полагался штраф 3 руб. серебром[877].

Примером претензий родоначальников на особые преимущества служит донесение Селенгинской Степной думы в 1837 г.: «Ныне упадок нравов достиг такой степени, что не только простые ясашные и казаки, но даже женский пол начал украшать шапки свои такими шариками на медных и серебряных пьедесталах, не наблюдая никакого различия и степеней, носить шелковое платье и обувь, совершенно им не присвоенную»[878]. В этом они усмотрели посягательство на их привилегии: «… простые инородцы …, не отличаясь от старшин одеждою, и начав носить на шапках джинсэ, ослабляют постепенно долг подчиненности и уважения к старшинам и начальникам и, увлекаясь примерами других, не радеют о домашнем хозяйстве»[879].

Если у бурятских родоначальников наблюдались внешние атрибуты привилегий в виде отличительных знаков в одежде и почтительного отношения к ним со стороны простых людей, то у тунгусов Забайкальской области особые привилегии семейства Гантимуровых были определены царскими указами, которые соблюдались неукоснительно. Так, Гантимуровым полагался двор в Нерчинске с дворовыми людьми.

В более поздний период, в начале XX в., вопросы внешних отличий родоначальников оставались актуальными. Так, 4 мая 1900 г. суглан Абаганатской инородной управы ходатайствует перед крестьянским начальником о присвоении должностным лицам управы отличительных знаков, какие были присвоены волостным старшинам, их помощникам и сельским старостам[880].

В отличие от органов местного самоуправления Забайкальской области, где старались соблюдать положение Устава 1822 г.

[877] Обычное право хоринских бурят. С. 95–96.
[878] ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 381. Л. 2–3.
[879] Там же. Л. 4–5.
[880] ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 186. Л. 13 об.

об общественном характере родовых должностей, в инородных управах, образовавшихся в 1889–1890 гг. в Иркутской губернии, по общественным приговорам сугланов принималось решение о выплате жалованья должностным лицам. Жалованье назначалось для того, чтобы избранные могли заниматься только «отнесением службы» и лишались возможности «заниматься своим хозяйством»[881]. Родовые старосты и их помощники официально жалованья не получали, но в действительности все получали жалованье, которое собиралось с населения посредством «темных» и всякого рода поборов[882].

Так, в 1895 г. в Кутульской инородной управе полагалось жалованье голове 180 руб. в год, выборным – по 100 руб. в год. В 1902 г. головой Аларской управы был избран Константин Баторов, однако он отказывался от должности, мотивируя тем, что у него семеро малолетних детей и нет помощника в хозяйстве. Общество принимает решение выделить 120 руб. в год на наем работника для Баторова[883]. В 1905 г. голова Хоготовской управы, выборные, староста, его помощники получали жалованье по 60 руб. в год, письмоводитель – 700 руб. и его помощник – 300 руб.[884]. В Торской управе в 1910 г. жалованье в размере 800 руб. в год получал письмоводитель, управа из внутренних сборов платила подати за голову и двух выборных управы 110 руб. в год, их разъезды по делам службы – 140 руб.[885].

Таким образом, положение Устава 1822 г., Свода законов 1857 г. и Положения 1892 г. о том, что должностные лица не должны получать вознаграждения, не соблюдалось. Каждое ведомство по-своему решало вопрос о вознаграждении должностных лиц, однако речь шла только о содержании за счет общества. В связи с этим надо отметить единичный факт установления царской администрацией с 1729 г. постоянного оклада в 20 руб. ежегодно для хоринских тайшей, «дондеже он и наследство его будут нашему императорскому величеству служить верно»[886]. По этому поводу

[881] ГАРБ. Ф. 240. Оп. 1. Д. 81. Л. 19, 19 об.
[882] Кулаков П.Е. Ольхон. Хозяйство и быт бурят Еланцинского и Кутульского ведомств Верхоленского округа Иркутской губернии. СПб.: 1898.
[883] ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 588. Л. 67, 67 об.
[884] ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 375. Л. 31.
[885] ГАРБ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.
[886] ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 115. Л. 4, 8.

Е.М. Залкинд пишет, что выплачивалось это жалованье из доходов кяхтинской таможни и имело в то время целью привлечь тайшей на сторону царизма и прямым подкупом. Ссылка на установление 20-рублевого жалованья медью из Кяхтинского казначейства также имеется в Хронике Вандана Юмсунова[887]. Необходимость в нем со временем отпала, но в силу традиции 20-рублевое жалованье выплачивалось еще долго, вплоть до середины XIX в.[888] Так, в формулярном списке за 1852 г. Тарбы Жигжитова имеется ссылка на получение жалованья по дарованной грамоте от 4 июня 1729 г. 20 руб. в год[889]. В архивных документах также имеются интересные сведения о выплате денежного вознаграждения тайшам Агинского ведомства за счет средств общества: Тугултуру Тобоеву в размере 500 руб. в год[890], Жалсараю Зориктуеву 300 руб. в год[891].

Устав 1822 г. вводил наследственно-выборный принцип, отменив Положение Н.И. Трескина только о наследственном принципе власти: «Звания наследственные остаются наследственными, звание избирательное остается избирательным». Так, в Агинской Степной думе назначение главного тайши производилось на пожизненный срок, «…но всегда по выборам и смотря по качеству ума и способности… и во всяком случае соблюдая при выборах совершеннолетия»[892].

Такие должностные лица, как тайша, заседатель, голова, староста, могли быть избираемыми или наследуемыми, должности же выборного и письмоводителя являлись только выборными[893]. Допуская наследование должностей, правительство вместе с тем сохраняло за собой право окончательного утверждения в должности: «При всякой перемене старост, выборных, голов и заседателей в Думах преемничеством или выбором, утверждаются оные, если нет особенных тому препятствий, гражданским губернатором или областным начальником»[894]. Все должностные

[887] Хроника Вандана Юмсунова // Летописи хоринских бурят. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 73.
[888] Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX века. С. 312.
[889] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 677. Л. 1.
[890] Там же. Д. 1704. Л. 24.
[891] Там же. Л. 37.
[892] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 484. Л. 7.
[893] ПСЗРИ. Ст. 29126. 1 собр. Т. 38. СПб.: 1830. С. 400.
[894] Там же. С. 402.

лица инородческого управления подлежали утверждению гражданским губернатором или областным начальником, а «главный родоначальник» – генерал-губернатором. Е.М. Залкинд отмечает, что Устав 1822 г. ничего на практике не изменил, более того, наблюдается тенденция к усилению наследственности[895].

Согласно Уставу 1822 г., препятствиями к утверждению в должности являлись «доказанное судом худое поведение, несогласие на выбор более половины родовичей, уважительный отзыв от должности самого избираемого»[896]. Во всех других случаях «родовичи обязаны беспрекословно избирать или назначать ближайших родственников прежнего. Право наследства должностей присваивать тем лицам, которые по законам или обычаям каждого племени должны почитаться ближайшими родственниками»[897]. Надо отметить, что женщины исключались из подобного наследования.

Порядок выборов должностных лиц регулировался также нормами обычного права, при этом указывалось, что порядок их избрания и утверждения «устанавливается согласно величайше утвержденному Уставу по управлению инородцами Сибири от 22 июля 1822 г.»[898].

О порядке выборов в бурятских обществах свидетельствуют, например, положения Селенгинского уложения 1823 г., согласно которому должностных лиц следовало избирать «наследственно по поколению, и ежели у какого-либо родоначальника не будет наследников, или хотя и имеются, но в должность сии по болезненным припадкам или по другим каким причинам поступить будут не в состоянии, то выбирать из родственников его; а если таковой наследник будет малолетним, то до 15-летнего возраста поручить управление должностью кому-либо из ближайших его родственников, или по доверию общества избранному»[899]. Так, в 1835 г. умер голова Иройско-Харанутского рода Д. Гомбоев и на его место был избран Цыдып Цывенов, однако по истечении года

[895] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 484. Л. 285.
[896] ПСЗРИ. Ст. 29126. 1 собр. Т. 38. СПб.: 1830. С. 402.
[897] Там же. С. 403.
[898] Обычное право хоринских бурят. С. 94.
[899] Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. С. 193.

общество ходатайствует об избрании сына Д. Гомбоева Иринчина Доржиева головой по достижении им совершеннолетия[900].

Другие примеры: в 1838 г. шуленга Булутского рода Балаганской Степной думы Хазагар Назаров подал прошение об увольнении с должности по слабому здоровью и преклонному возрасту (ему было 65 лет). Он предлагает избрать «в шуленги из трех моих сыновей одного по предоставленному инородцам праву», а его наградить аттестатом[901]. В 1847 г. умирает голова Бырке-Цугольской инородной управы Ирдыни Сулхаев[902]. В связи с тем, что у него были несовершеннолетние дети, в июле 1848 г. на должность головы был избран его брат Абида Сулхаев[903]. В ноябре 1858 г. Мунку Ирдынеев, сын Ирдыни Сулхаева, по достижении совершеннолетия был утвержден на должность головы управы[904].

При выборах тайши происходили интересные прецеденты, заслуживающие внимания. Например, после смерти главного тайши Андрея Назарова мирским приговором от 17 марта 1837 г. балаганские буряты приняли решение об избрании двух тайшей: «Избрали мы на место умершего тайши Назарова родных его сыновей: старшего Алексея и младшего Григория, т.е. двух тайшей на основании того же учреждения § 115, первого, потому что как он есть старший сын и притом имеет по высочайшему соизволению чин 14 класса. Из них Алексей имеет от роду 40 лет, Григорий 28 лет, оба знают русский разговор и грамоту, под судом никогда не бывали, а последнего Григория по той причине, что ведомство наше состоит в настоящее время из 9706 душ по последней народной переписи и оно простирается от одного до другого края до 200 верстном расстоянии и при обширности ведомства и многолюдности дел один тайша по управлению своему был уже нами усмотрен недостаточным»[905]. 27 апреля 1837 г. иркутский гражданский губернатор предписывает о недопустимости двух равных тайшей в одном ведомстве, вследствие чего Алексей был избран главным тайшой, а Григорий – вторым тайшой, «подвластным первому»[906].

[900] ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1625. Л. 9–10.
[901] ГАРБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 239. Л. 9–9 об., 33.
[902] ГАРБ. Ф. 369. Оп. 2. Д. 12. Л. 12.
[903] Там же. Д. 25. Л. 12.
[904] Там же. Д. 25. Л. 170.
[905] ГАРБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 229. Л. 2.
[906] Там же. Л. 23–24.

С середины 1850-х гг. в спорных вопросах о выборе инородческих родоначальников по наследственному принципу или по выбору общества местная администрация в основном стала исходить из принципа выбора «достойного», так как не всегда наследственные тайши оказывались достойными. Например, в Балаганском ведомстве после смерти тайши Григория Андреева в 1851 г. его сын Иннокентий по малолетству не был утвержден в должности по наследству, а вместо него тайшой был утвержден его двоюродный брат Егор Миронов. Он был удален от должности в 1863 г. из-за допущенных хлебных недоимок, и на должность тайши был избран Осип Жербаков. Иннокентий Андреев предъявил свои претензии на должность по наследству, которая идет с утверждения Назара Хубаева тайшой в 1787 г. В ответ на это местное начальство заявило на основании архивных документов, что должность, хотя и находилась в руках одной фамилии, всегда была выборной. На этом основании тайшой был утвержден Осип Жербаков[907].

Другой аналогичный случай произошел в 1852 г. в Кудинском ведомстве, когда спорный вопрос был решен в пользу выбора «достойного». В августе 1852 г. бурят Курумчинского рода Урмай Екренов обратился в Кудинскую Степную думу и к заседателю Иркутского земского суда с прошением об избрании его или одного из братьев в шуленги рода по праву наследования: его отец, дед и прадед были шуленгами этого рода. Степная дума в своей справке отмечает, что «сама справедливость требует избирать в должности родоначальников ни для титула и почести, как полагает Урмай Екренов, а для управления родом, для чего нужны люди отличительных качеств, образованных, преимущественно грамотных и знающих законоположения, что принесет пользу в общем служебном круге без всякого помешательства и проволочки»[908]. В должности был оставлен «достойный» Николай Болсохоев.

Притязания на наследственные почетные звания и должности привели к появлению предписания заседателя Иркутского земского суда от 13 октября 1852 г., в котором четко указывалось, что «при производстве выборов в инородческие должности для общей пользы не увлекаться частной или личной чьей-либо выгодой

[907] ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1897. Д. 23. Л. 140–190.
[908] ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 595. Л. 1–13.

и таким образом, где по обычаям право родоначальника наследственное, стараться избирать прямых наследников, а где зависит от избрания, назначать в звание родоначальников людей почетных, преимущественно грамотных и вообще заслуживающих доверие общества»[909].

Таким образом, Устав 1822 г., хотя первоначально отходил от принципа наследственности только в вопросе о должностях выборных и письмоводителей, которые назначались всегда по выбору родовичей на определенное или неопределенное время[910], однако со временем царская администрация стала более ограничивать действие наследственного принципа и в отношении тайшей, допуская избрание «людей достойных», т. е. не только «родовитых» и состоятельных, но и умных, образованных, имеющих опыт службы, и оставляя за собой право окончательного утверждения в должности выборного лица.

На наш взгляд, именно отступление от наследственного принципа передачи власти явилось одной из причин обострения борьбы между разными «тайшинскими династиями», названной М.Н. Хангаловым борьбой партий родоначальников и общественников[911]. Как отмечает А.А. Елаев, на протяжении истории бурятского общества принцип наследственности являлся основополагающим в существовании родовой организации. «В обществе, зависимом от «жестких структур», – по мнению Э. Геллнера, – социальные роли распределяются случайным образом, ибо этим распределением заведует высшая трансцендентная инстанция. То есть вопрос о назначении на высокие должности решается на небесах». Другого способа обуздать «стихию» кочевого общества не было изобретено[912].

А.П. Щапов, один из исследователей бурятской общины, писал о существовании «своеобразных общинных партий – демократической и плутократической, или партий богатых и небогатых»[913]. Однако борьбу за власть между разными партиями надо воспринимать не как борьбу между богатыми и бедными, а как борьбу

[909] ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 554. Л. 60об.
[910] ПСЗРИ. 1 собр. СПб.: 1830. Т. 38. Ст. 29126. С. 394.
[911] Хангалов М.Н. Юридические обычаи у бурят // Хангалов М.Н. Собр. соч. Улан-Удэ: 1958. Т. 1. С. 191.
[912] Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределениЕ.М.: 2000. С. 74.
[913] Щапов А.П. Собрание сочинений. Дополнит. том. Иркутск: 1937. С. 252.

враждебных партий, представлявших разные «тайшинские династии». В исторической литературе опубликованы материалы о борьбе за власть между враждующими партиями. А.П. Щапов пишет о борьбе за власть в 1816 г. в Шонтойском стойбище Верхоленского ведомства[914], В. Гирченко в своих работах исследует борьбу хоринцев против тайши Дымбыла Галсанова[915], Г.Н. Румянцев – о борьбе аларцев против тайши П. Баторова[916]. В «Истории Бурят-Монгольской АССР» приводятся примеры борьбы за власть между П. Баторовым и Матхановым в Аларском ведомстве, между И. Пирожковым и Амагаевыми, Трубачеевыми и Данчиновыми в Идинском ведомстве, в Балаганском ведомстве – между Андреевым и Жербаковым и т. д.[917]

Ярким примером ожесточенной борьбы враждующих партий за власть в течение XIX в. является Аларское ведомство. Уникальность ведомства заключалась, на наш взгляд, в особой политической активности населения, в наличии трех направлений вероисповедания: ламаизма, шаманизма и православия и присутствии нескольких равнозначных тайшинских династий. Об этом свидетельствуют отчеты Иркутской духовной миссии, так, в отчете за 1874 г. отмечается, что «Об Аларском бурятском ведомстве можно без преувеличения сказать, что оно в гражданском и в религиозном отношении в настоящую пору представляет такой хаос, какого не представляет ни одно ведомство. За сменой тайшей там образовались три тайшинских рода, каждый из них, особенно два последние, имеют своих приверженцев, которые только и думают о том, чтобы иметь своего тайшу, сами не имеют власти и поставленной не слушаются, доносы следуют за доносами, одни начальники сменяются, другие выбираются, чтобы уступить место третьим»[918].

Исследование архивных документов и других исторических источников позволяет выделить периодичность обострений борьбы за власть в Аларском ведомстве: 1) 1840-е гг.; 2) 1860-е гг.; 3) 1870-е гг.

[914] Щапов А.П. Указ. соч. С. 252–254.
[915] Гирченко В. Хоринские происшествия 1848–49 годов и православная миссия // Жизнь Бурятии. 1929. № 1. С. 119–124.
[916] Румянцев Г.Н. Аларская летопись // Записки БМНИИК. Вып. 9. С. 34–47.
[917] История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ: 1951. Т. 1. С. 463.
[918] ИЕВ. 10 мая 1875 г. № 19. С. 270.

В 1840-е гг., когда главным родоначальником ведомства служил потомственный тайша Павел Баторов, несмотря на его сильные позиции, в ведомстве шла борьба за отстранение его от должности, а также и других должностных лиц. В мемуарах М.Е. Этагорова, опубликованных в Иркутских епархиальных ведомостях, описывается противостояние Павла Баторова и Бажея Косомова, причиной которого, как считает автор, было принятие крещения последним.

Бажей Косомов – аларский бурят 5-го Хонходоровского рода, получил домашнее образование, за раскрытие дела о фальшивых ассигнациях получил чин 14 класса, имел две серебряные медали: одну за постройку школы, другую за постройку церкви. Его отец Косом Идыгеев был человек предприимчивый и богатый, а Бажей Косомов сумел увеличить его богатство. Он построил на р. Иреть мукомольную и крупчатую мельницу, около мельницы выстроил дом на 12 саженей в длину со стеклянной террасой, затем двухэтажный дом с мезонином наверху, длиной 9 саженей и шириной 4 сажени, амбар с 9 отделениями, обнес все постройки глухой оградой с двумя воротами. Б. Косомовым также были построены здания для училища, больницы с двумя отделениями: женским и мужским, квартира для фельдшера и аптеки. Он открыл кожевенный завод, выписал из Иркутска 10 ссыльнопоселенцев, мастеров по крупчатому, кожевенному, столярному, слесарному, портняжному делу и письмоводству, причислил их к своему роду. Б. Косомов также открыл частную школу для обучения монголо-тибетской грамоте, пригласив двух лам-учителей и набрав 20 мальчиков-хувараков. Через некоторое время он построил православный храм во имя Святого Николая, съездил в Санкт-Петербург и принял православие, получив имя Николай Александрович, его восприемницей стала княгиня Голицына. В 1841 или 1842 г. Бажей Косомов привел около 50 бурят в Иркутский кафедральный собор, где они приняли православие, став Пятницкими, Балакиревыми, Пежемскими, Трапезниковыми, Кузнецовыми, Петуховыми и т. д.[919]

Дело доходило до вооруженных столкновений, так, П. Баторов приехал в улус Бажей, «взял с собой около 20 бурят, вооруженных дубинами и камнями и осадил дом Косомова, в котором скрылись

[919] ИЕВ. Прибавления к ИЕВ. 21 ноября 1892 г. № 47. С. 1–7.

его приверженцы; сам Бажей поместился в верхнем этаже дома, вооруженный заряженными ружьями и пистолетами, готовый всячески защищаться от неприятеля». Истинной же причиной вражды была борьба за тайшинство, за влияние среди аларских бурят, тем более что Павел Баторов впоследствии также принял крещение, его крестным отцом стал сенатор Иван Толстой. Как пишет М.Е. Этагоров, «обе партии готовы были съесть друг друга; сын восставал на отца, брат на брата, некоторые по месяцу и более скрывались в лесах. Такая борьба продолжалась пять или шесть лет…»[920].

Катализатором этой борьбы стали многочисленные жалобы аларских бурят в Иркутское губернское правление о незаконных сборах, просьбы об освобождении должностных лиц местного самоуправления. 26-28 февраля 1841 г. в Совете Иркутского общего губернского управления состоялся Журнал, на котором рассматривалось «дело об излишних поборах с аларских бурят, по которому сверх того:

1) выводятся разные другие злоупотребления на тамошних родоначальников и;

2) предъявлены на них же некоторых частные жалобы».

Губернский совет принял решение об оставлении родоначальников, в том числе и Павла Баторова, в должностях, а генерал-губернатор Восточной Сибири В. Я. Руперт в своем предписании иркутскому гражданскому губернатору также поддерживает это решение, тем более «на основании 3069 статьи 2-го тома инородцы должны быть удалены от должностей, занимаемых в степном управлении, за злоупотребления, доказанные судом, и что в подобном распоряжении ныне не предстоит большей надобности особенно, если Ваше превосходительство примет надежные меры по искоренению на будущее время злоупотреблений по сбору податей и повинностей с бурят Аларского ведомства»[921].

7 мая 1841 г. Иркутское губернское правление предписывает Иркутскому земскому суду: « … так как со стороны начальства сделано уже распоряжение об оставлении членов Аларской Степной думы при прежних должностях и в обязанность Иркутского земского суда вменено, оставив выбор новых родоначальни-

[920] ИЕВ. 21 ноября 1892 г. № 47. С. 2–7.
[921] ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 108. Л. 53–55.

ков Аларского ведомства, прекратить все происходящие оттого беспорядки, то представленный при донесении исправника от 17 апреля № 6251 в списке рапорта Аларского тайши Баторова оставить без дальнейшего заключения, а Иркутской общей городовой управе предписать, чтобы она немедленно распорядилась находящихся в городе инородцев Аларского ведомства Цыбыка Семенова и прочих выше сего поименованных выслать ныне же в места их жительства, о чем дать знать Иркутскому земскому суду»[922].

Дело об излишних поборах с аларских бурят не закончилось на этом и продолжалось до 1846 г. К этому времени все родоначальники, в том числе и Бажей Косомов, были освобождены от должностей, только Павлу Баторову удалось сохранить свое тайшинство. Как пишет М.Е. Этагоров, длительная борьба за власть между П. Баторовым и Б. Косомовым привела их в окончательное разорение. Тем не менее П. Баторов продолжал преследовать своего противника, сочинять доносы, составлял общественные приговоры об его ссылке, и генерал-губернатор Н.Н. Муравьев вынудил Б. Косомова добровольно покинуть Аларское ведомство.

В 1846 г. Иркутский губернский суд вынес окончательное заключение о разных злоупотреблениях и беспорядках, произошедших в ведомстве:

1) хотя бывшие родоначальники Аларского ведомства шуленги 1-го рода Сергей Самсонов, 2-го рода Башхай Хонхороев, 3-го рода Барданай Порозов, 4-го рода Василий Балакирев, 5-го рода Бажей Косомов, 6-го рода Башкуй Улчанов, 7-го рода Шарып Тышенова, 8-го рода Федора Сахирова и 9-го рода Михайло Малакшинова в сборе с родовичей излишних поборов сверх сметного исчисления в 1834–1840 гг. не сознались, несмотря на показания более тысяч сородичей, оставить «в сильном подозрении» и впредь их не избирать на общественные должности;

2) обвинения родоначальников в захвате общественных покосов и их продаже крестьянам и братским оставить без личных взысканий;

3) обвинения родоначальников в излишнем сборе хлеба в экономические магазины «оставить свободными от суда»[923].

[922] ГАРБ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 108. Л. 27–28 об.
[923] Там же. Д. 255. Л. 14–22.

Следующий этап борьбы за власть наблюдается в середине 1860-х гг., когда в 1865 г. был удален от должности тайши Галсан Баторов, сын Павла Баторова (Толстого), в связи с невыполнением условий подряда с казной. В этот период началась борьба за тайшинскую должность между сторонниками Баторовых и Матхановых: в 1868 г. одновременно в Главное управление Восточной Сибири на утверждение были предъявлены два приговора: 1) об избрании Николая Матханова главным тайшой; 2) об избрании Петра Чойвонова главным тайшой. В ходе ожесточенной борьбы между ними и их сторонниками победу одержал Н. Матханов, и общественным приговором от 31 октября 1868 г. он был избран главным тайшой[924].

В 1869–1871 гг. ведется упорная борьба за устранение от должности главного тайши Н. Матханова противоборствующей стороной в лице почетных граждан: чиновницы Елизаветы Баторовой с сыном Петром Баторовым, старосты 1-го Хонходоровского рода Петра Чойвонова, его братьев Ранжура, Протаса, Жамсо, Рампила Самсонова, Василия Бадминова, Бардуная Бадминова и других. Как следует из донесения помощника родового старосты Хигинского родового управления в Аларскую Степную думу (9 октября 1869 г.), в ведомстве происходят бунты «по подстрекательству чиновницы Елизаветы Баторовой с сыном ее Петром и почетными гражданами, проживающими в Хигинском улусе, которыми нарушили и нарушают общественное спокойствие и тишину». Они усиливают возмущение между жителями ведомства посредством раздавания значительных денежных сумм своим приверженцам с определенной целью – отстранить Н. Матханова от должности тайши и избрать другого тайшу, который не принуждал бы инородцев к крещению[925]. Основными претензиями недовольных были: 1) неправильная и самопроизвольная раскладка сборов; 2) назначение сборщиков налогов тайшей, а не выбором общества; 3) отсутствие отчетности о собранных суммах.

Со стороны Степной думы принимались ответные меры против оппозиционной партии путем запугивания жителей, выбиванием показаний против «бунтующих», принятием общественных приговоров в поддержку тайши Н. Матханова. Аларская Степная

[924] ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 1897. Д. 14. Л. 218–272.
[925] ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 495. Л. 5–6.

дума 7 марта 1867 г. предписывает Шалотскому родовому управлению о принятии мер против партии П. Баторова: «Степная дума получает слухи, что инородцы большими партиями посещают отставного коллежского секретаря Баторова. Дабы не допустить отрослей дальнейшему развитию зла по нарушению тишины и спокойствия общества, Степная дума строго обязывает Шалотское родовое управление следить за каждым въездом инородцев к г. Баторову, а в особенности партиями и в случае малейшего замечания тотчас доносить думе, самих же посещающих задерживать и представлять в думу»[926].

Приветствовались доносы жителей о действиях противоборствующей партии, например, в одном донесении приводятся слова Петра Чойвонова, сказанные им в доме Егодура Кырнеева в январе 1870 г.: «Мы знать не хотим твоего тайшу Матханова, мы откроем войну не только с твоим Матхановым, но даже с русским ханом, мы, монголы, и туда уйдем, твой тайша Хрезу (т. е. крещеный), не желаем иметь тайшой» и т. д.[927]

Реальную картину борьбы за власть в Аларском ведомстве того периода можно восстановить на основании донесения Аларской Степной думы исправляющему должность Балаганского окружного начальника от 17 ноября 1869 г.: «Партия бурят человек около 20, разъезжая по улусам, пьянствуют, дебоширствуют, публично ругают свое начальство, порицают все их законные распоряжения и вообще выходят из всякого повиновения властям; при разъездах этих они, подпаивая возимой ими водкой инородцев, склоняют последних поступить в их партию и действовать вкупе против главного родоначальника Матханова»[928].

В ходе следствия, проведенного чиновником особых поручений Главного управления Восточной Сибири Шацом, Н. Матханов был временно отстранен от должности тайши и на его место был временно назначен Баргуй Иванов. Проверка не выявила больших нарушений со стороны Н. Матханова, и уже к концу 1870 г. он вернулся к исполнению своих обязанностей.

В 1872 г., после окончания срока тайшинства Николая Матханова, главным тайшой аларских бурят становится Николай Сам-

[926] ГАРБ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 18. Л. 38–40.
[927] ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 515. Л. 68–69.
[928] Там же. Л. 44.

сонов. С увольнением в 1876 г. Николая Самсонова начинается очередной этап борьбы за власть в Аларском ведомстве. Аларские буряты составили общественный приговор об избрании Николая Самсонова тайшой Аларского ведомства на второй срок. Однако приговор был признан недействительным по настоятельному требованию начальника Иркутской губернии о «недопущении к выборам бывшего родоначальника Самсонова» по причине, видимо, нахождения под следствием, «по выслушании увещеваний, чтобы мы по долгу принятой нами присяги удостоили бы выбором человека честного, благонадежного, справедливого и строгого».

9 мая 1876 г. общественным приговором аларских бурят «по предварительном совещании между обществами … и по общему совещанию между собой, дабы положить конец всем раздорам между нашими инородцами, нарушающими некоторыми общественную тишину и спокойствие в течение нескольких лет» приговорили избрать главным тайшой ведомства Петра Павловича Баторова, «из потомства древних тайшей по праву наследования» на неопределенный срок[929].

Таким образом, в Аларском ведомстве на протяжении многих лет происходила борьба сначала между двумя тайшинскими родами – Баторовыми и Матхановыми, а затем и тремя: Баторовыми, Матхановыми и Самсоновыми. Беспорядки в гражданском отношении сопровождались борьбой между представителями трех вер: христианской, ламской и шаманской. Борьба за власть во многом была обусловлена несовершенством законов об управлении инородцев, в данном случае Устава об управлении инородцев 1822 г.

В 1889–1891 гг. в Иркутской губернии происходит процесс ликвидации Степных дум и учреждения инородных управ, в которых вводился принцип выборности всех должностных лиц: «При составлении новой инородной управы из стойбищ, не бывших прежде в общей зависимости, голов назначать по выбору родовичей по смерть или на срочное время. Наследственное преемничество в сем случае не имеет места»[930]. Выборы должностных лиц происходили на общественных собраниях – сугланах. Сугланы пред-

[929] ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 676 а. Л. 13–14.

[930] Учреждение управления инородцев 1857 г. // Свод законов Российской империи. СПб.: 1857. Т. 2, ч. 2. С. 14.

ставляли собой общественные собрания для обсуждения вопросов о денежных сборах и натуральных повинностях, земельных делах и выборах должностных лиц. В сугланах, как и в выборах должностных лиц, могли принимать участие почетные жители, мужчины-домохозяева, имеющие избирательное право или доверенные от числа мужчин, имеющих право избирательного голоса.

Инородческому руководству было трудно каждый раз собирать 2/3 домохозяев из-за дальних расстояний, отсутствия здания, которое могло бы вместить столько народа, при этом на собрания приходилось отвлекать всех мужчин ведомства на несколько дней, например, в одной только Бильчирской инородной управе нужно было собрать не менее 1245 человек, поэтому была принята система выбора доверенных лиц от определенного количества домохозяев аналогично крестьянскому управлению. Общественные доверенные выбирались от каждого родового управления на суглане сроком на один год, и им выдавалась общественная доверенность следующего содержания: «…мы избрали инородцев…, которых уполномочиваем присутствовать на суглане и выражать все предложенные вопросы в интересах наших, все, что они учинят, в том спорить и прекословить не будем…»[931]. Родовые управления могли и отказаться от доверенных, в этом случае на собрании должны были присутствовать не менее 2/3 лиц, имеющих избирательный голос.

Процесс выбора протоколировался в виде общественных приговоров – решений сугланов. Так, в 1888 г. прошли выборы в Хоготовскую инородную управу. Из 1482 ревизских душ мужского пола 752 человека имели право голоса, они выбрали 94 доверенных для участия в суглане. Процедура выборов проходила таким образом: доверенным выдавались избирательные шары, которые они вкладывали в черный («против») или белый («за») ящики, в зависимости от своего решения. Итоги голосования подводились подсчетом шаров в ящиках, и избранным признавался тот, у кого было большее количество шаров. На голосование в состав управы было выдвинуто несколько кандидатур, и большинством голосов головой был избран Осип Степанов, выборными –Битху Бидаев, Александр Шардонов. При этом подчеркивалось, что все они веры шаманской, грамотные, русский разговорный язык знают, поведе-

[931] ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7. Л. 13–13 об.

ния хорошего, семейные, имеют достаточное домообзаведение и хозяйство, занимаются хлебопашеством и скотоводством.

С упразднением Степной думы и должности главного родоначальника в 1890 г. и увеличением инородческих должностей следовало ожидать прекращения борьбы за власть между различными партиями, однако борьба продолжалась с прежним размахом.

В 1892–1893 гг. развернулась острая борьба за должность головы Аларской инородной управы, уроки которой не потеряли своей актуальности и в наши дни. В связи с истечением срока службы головы Петра Баторова были назначены выборы и 4 мая 1892 г. созван общественный суглан. Выборы проводились по инородческим обычаям, общественные доверенные не избирались. Головой был избран Алексей Абашеев, но выборы были признаны недействительными, так как в работе суглана принимало участие 1118 человек из 1720, т. е. менее 2/3 лиц, имеющих право голоса. Следующий суглан состоялся 22 декабря 1892 г., на нем головой был избран Арсений Самсонов. В своем донесении Балаганскому окружному исправнику земский заседатель 1-го участка подробно описывал процедуру выборов: «Так как помещения такового, которое могло бы вместить в себе такую массу людей, около тысячи человек, прибывших на выборы – в зданиях управы не оказалось, поэтому пришлось всем этим людям со своими лошадьми при 35-градусном морозе страдать под открытым небом, но не взирая на все это…, терпеливо, не выходя из границ благопристойности, провели целый день»[932]. Далее он жаловался на действия головы П. Баторова, который не подготовил и не провел должным образом выборы и настаивал на признании выборов состоявшимися. Несмотря на это Иркутское губернское правление не утвердило решение суглана из-за допущенных нарушений – отсутствие избирательного кворума, принятие присяги после выборов и т. д.

В феврале 1893 г. жители управы подали прошение Балаганскому окружному исправнику, в котором они объясняли неудачу выборов головы с многочисленными допущенными нарушениями несовершенством избирательной системы и отсутствием опыта, которыми пользуются сторонники или противники той или иной партии, кандидатов. Так, «всякий из кандидатов на должность головы, обладая средствами, стараются задобрить в улусах избирателей – кто водкой, а кто-то раздачей денег и обещаниями всяких льгот в

[932] ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 107. Л. 295–296.

будущем»[933]. Арсений Самсонов раздавал деньги инородцам, принявшим его сторону, его отец Николай Самсонов, находившийся под следствием за допущенные злоупотребления и растраты на посту главного тайши в 1870-х гг., «спаивал народ в деревне Грязнухе для присоединения к партии своего сына на предстоящем выборе, для чего даже сидельцу общественного питейного заведения приказал отпустить народу ведро водки в кредит в его счет»[934].

Далее они предложили соблюдение следующих условий при новых выборах: «1) выборы проводить без участия родоначальников; 2) кандидатов, намеченных на общественную должность, удалить за день до выборов, в соседнюю управу, дабы они не могли делать разные подстрекательства, спаивания избирателей; 3) выборы проводить через закрытую баллотировку (тайным голосованием), при этом удалить с суглана лиц, занимающихся агитацией, и лиц, не имеющих права голоса; 4) выборы должны производиться в присутствии окружного исправника»[935].

Все эти условия были соблюдены, и 12 октября 1893 г. тайным голосованием головой был избран Михаил Бадмаев. За него было подано 897 избирательных и 266 неизбирательных шаров. За Арсения Самсонова проголосовали 234 избирательными и 842 неизбирательными шарами.

Бывали случаи, когда избранный голова не получал утверждения у иркутского губернатора. Так, Марка Хантаева, избранного головой Абаганатской управы в 1890 г., не утвердили в должности по причине того, что он привлекался к ответственности за превышение власти на должности тайши Кудинской Степной думы. Выборными управы были избраны и утверждены Семен Занданов и Иосиф Забинов, при этом на Семена Занданова была возложена обязанность головы до избрания и утверждения другого лица на должность головы[936]. Полицейское управление проводило расследование по этому факту и не нашло достаточных оснований для обвинения М. Хантаева. Исходя из этого Иркутское губернское правление утвердило Марка Хантаева в должности головы управы на трехлетие (с 1890 по 1893 гг.)[937].

[933] ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 107. Л. 297 об.
[934] Там же. Л. 379 об.–380.
[935] Там же. Л. 298–298 об.
[936] ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 148. Л. 4 об.
[937] Там же. Л. 14–16.

Царская администрация, хотя и старалась не вмешиваться во внутренние дела инородческого самоуправления за исключением налоговых сборов, тем не менее жестко регламентировала деятельность должностных лиц. Контролю подвергалась не только их деятельность, но и выезды за пределы ведомства. Должностные лица обязаны были получить разрешение на выезд за пределы своих ведомств, например, в 1853 г. Тарба Жигжитов пишет прошение военному губернатору Забайкальской области о разрешении ему отпуска на два месяца «для правления здоровья на минеральных водах Нерчинского округа»[938]. В 1895 г. Андрей Михайлов, староста 2-го Ашахабатского рода, пишет прошение о разрешении ему отпуска на четыре месяца для выезда в Западную Сибирь для лечения на минеральные воды. В ответ на прошение следует приказ Иркутского губернского правления с разрешением такого отпуска[939]. 21 июня 1899 г. следует приказ иркутского губернатора об увольнении головы Боханской инородной управы С. Пирожкова в отпуск на четыре месяца[940]. В «Забайкальских областных ведомостях» публиковались все приказы военного губернатора Забайкальской области о предоставлении отпуска должностным лицам инородческого управления. Например, приказом от 15 июня 1892 г. № 3748 Ирдыни Вамбоцыренову, голове Барун-Кубдутского рода, продлевался срок отпуска на шесть месяцев для лечения в Санкт-Петербурге[941].

В случае же несанкционированного оставления должности нарушителей ожидало соответствующее наказание, например, за своевольную отлучку в Забайкальскую область помощник старосты 2-го Ашехабатского рода Алексеев постановлением крестьянского начальника от 20 июля 1902 г. был приговорен к семи суткам ареста[942].

С доминированием принципа выборности инородческих должностей соответственно ужесточались требования к ним. В 1891 г. вышло распоряжение приамурского генерал-губернатора военному губернатору Забайкальской области об утверждении в

[938] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 267. Л. 137–137 об.
[939] ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 150. Л. 9 об.
[940] ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 618. Л. 11 об.
[941] Приказы военного губернатора Забайкальской области по общественным выборам // Забайкальские областные ведомости. 19 июня 1892 г. № 25. С. 2.
[942] ГАРБ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 295. Л. 15.

инородческих должностях бурят, знающих разговорный русский язык, а с 1895 г. должностные лица, в том числе и ламы, обязаны были знать не только русский разговорный язык, но и русскую грамоту[943].

В ответ на такое распоряжение агинские буряты общественным приговором от 22 августа 1894 г. постановили: «С издавна упрочившимся обычаям установлено у нас, чтобы выборы на почетные обязанности удостаивались люди зажиточные, солидные, пользующиеся безусловным уважением своих сородичей. Недостатка в таких лицах нет… Буряты не могут в жертву знания русского языка принести лучшие стороны выборного начала и подчиниться управлению людей, не заслуживающих доверия. По узаконению положения об инородцах (изданного в 1892 г.) категорически воспрещается выбор бурят, не имеющих собственного хозяйства и оглашенных в дурном поведении, но незнание русского языка не отнесено к числу условий обязательных при выборах»[944].

В 1894 г. вышло предписание иркутского генерал-губернатора о том, что «должностные лица инородческого управления весьма часто не только не знают русской грамоты, но даже не владеют разговорным русским языком и не понимают русской речи», поэтому необходимо «принять меры, чтобы в должности головы избирались грамотные по-русски лица, владеющие хотя бы разговорным языком»[945]. Так, на 450 человек, имеющих право голоса в Абаганатской инородной управе, было 51 грамотных по-русски, что составляет 11%.

Несмотря на существовавшие привилегии для должностных лиц управы, царские власти предъявляли жесткие требования к выполнению ими своих должностных обязанностей. Должностные лица инородческого самоуправления несли гражданскую, административную и уголовную ответственность перед подведомственным населением, перед государством, а также в качестве особого вида можно выделить материальную ответственность по гражданским делам.

---

[943] Распоряжение Приамурского генерал-губернатора от 25 января 1891 г. № 426 // Забайкальские областные ведомости. 15 февраля 1891 г. № 7. С. 1–2.
[944] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3880. Л. 72–72 об.
[945] ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 92. Л. 10–11.

Административной ответственности подлежали должностные лица в случае совершения им административных правонарушений в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением своих должностных обязанностей. Из установленных видов административных наказаний к должностным лицам чаще всего применялся штраф. Должностные лица подвергались наказаниям за неисполнение распоряжений вышестоящего начальства, и виды наказаний для них были предусмотрены нормами обычного права. В Хоринском уложении 1823 г. имеется статья о наказании за послабление в сборе ясака: виновный в этом главный тайша «предается на рассмотрение начальства», другие должностные лица штрафуются на 10 руб., сугланные сайты, старшины отоков заключаются «на пять суток под стражу», двухсотенные зайсаны, засулы, шуленги наказываются «палками по спине, которым длина полсажени, а толщина в зависимости от шубы»[946].

Постановлением крестьянского начальника 5-го участка от 28 марта 1902 г. за неявку на суглан голова Кудинской инородной управы Алагуев, выборный Етабаев, староста 2-го Ашахабатского рода Айдаев, староста 4-го Харанутского рода Амагыров были заключены на семь дней под арест при полицейском управлении, выборный Алсаев за опоздание – на двое суток ареста[947].

Постановлением от 7 июня 1902 г. за несвоевременный ремонт дорог выборный Етабаев, старосты четырех Харанутских родов, двух Ашахабатских родов и сельские старосты Курского и Усть-Ординского селений были подвергнуты аресту на трое суток, голова Кудинского ведомства – штрафу в размере 5 руб.[948]

Постановлением от 13 мая 1902 г. за неудовлетворительную работу по пополнению экономических магазинов, взысканию недоимок зерна головы Кудинского, Ординского и Абаганатского ведомств были заключены на пять суток ареста[949].

Должностные лица наказывались и за бездеятельность. В 1853 г. на семь суток гауптвахты был заключен помощник главного тайши хоринских бурят Бату Бадмаев «за безуспешность его по службе», в 1856 г. освобожден от должности за бездействие[950]. В

[946] Обычное право хоринских бурят. Новосибирск: 1992. С. 65.
[947] ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 295. Л. 1–1 об.
[948] Там же. Д. 295, лл. 2–3.
[949] ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 285. Л. 13–13 об.
[950] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 272. Л. 437.

1860 г. при выдвижении его на должность второго тайши, несмотря на его грамотность по-русски и по-монгольски, на его знатное происхождение, губернатор Забайкальской области М.С. Корсаков делает следующую резолюцию: «Бату Бадмаев был удален за бездействие в 1856 г. и поэтому не может быть утвержден»[951].

Укреплению административного аппарата инородческого самоуправления способствовало распространение православной и буддистской религии среди бурятского населения. XVII – начало XX вв. характеризуется распространением буддизма и христианства среди бурятского населения, которые значительно вытеснили их традиционную религию – шаманизм. Распространение православия среди инородцев было неразрывной составной частью имперской политики в Сибири в целом, направленной на обрусение народов окраин империи. Для большинства бурят крещение было шагом к оседлости и занятию земледелием.

До середины XIX в. содействие распространению православия со стороны правительства ограничивалось предоставлением вновь крещеным инородцам льгот по платежу ясака. Согласно указу Петра I от 1 сентября 1720 г.[952], указам Анны Иоанновны от 3 апреля 1731 г.[953] и от 11 сентября 1740 г.[954], до 1764 г. каждый новокрещеный инородец поощрялся подарками: небольшим медным крестом в 5 золотников, новой одеждой, а также деньгами. Мужчины в зависимости от возраста получали от 50 коп. до 1 руб. 50 коп., женщины – от 50 коп. до 1 руб. В 1764 г. денежные и одежные подарки были отменены, а вместо них каждому крестившемуся инородцу давали по серебряному или медному кресту и иконе, а также по установленной квитанции трехлетнюю льготу на освобождение от государственных повинностей[955].

Со второй половины XIX в. государственная политика по распространению православия стала более гибкой и разнообразной. Большое значение имело учреждение в 1870 г. в Москве Всероссийского православного миссионерского общества, отделения которого были созданы во всех сибирских епархиях, в том числе и в Иркутске. На местах стали создаваться миссионерские станы, от-

[951] ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 1897. Д. 14. Л. 53.
[952] ПСЗРИ. Ст. 3636. 1 собр. СПб.: 1830.
[953] ПСЗРИ. Ст. 5737. 1 собр. СПб.: 1830.
[954] ПСЗРИ. Ст. 8236. 1 собр. СПб.: 1830.
[955] ИЕВ. 25 января 1875 г. № 4. С. 37–41.

крывались церковно-приходские школы, оказывалась материальная помощь неимущим и т. д. В задачи духовной миссии входили не только просвещение инородцев «светом христианской веры, но и возможное сближение их к устройству своей жизни с русским народом»[956]. По мнению Иркутской духовной миссии, «только перемена кочевого быта на оседлый поведет к обрусению, когда она будет совершаться под влиянием христианства и для мест оседлости будут отведены участки земли вблизи станов»[957].

Чем же привлекала миссионерская церковь инородцев в XIX в.? Это:

1) освобождение крещеных инородцев от уплаты податей. После принятия крещения им выдавалось свидетельство об освобождении от платежа податей, например: «Объявитель сего инородец ведомства Кудинского Иркутского округа 1-го Харанутского рода, 20 лет от рождения Барнак Татханов согласно желанию его, сего 1877 г., апреля 10 дня сподобился принять святое крещение, по чину православной церкви, и наречен Николаем, в Прокопиевской церкви, г. Иркутска… В удостоверение чего и в показание права сего инородца на основании 999-й статьи V тома Свода Закона (издания 1857 г.) навсегда освободиться от платежа податей»[958]. Крещение принимала в основном самая бедная часть инородцев. Так, в Хоринской Степной думе из 48 принявших православие бурят в 1865–1867 гг. 37 относились к «числу столь бедных, что не живут своим хозяйством», к богатым семь[959];

2) возможность жениться без уплаты калыма привлекала в лоно церкви много бедняков. Миссионер И. Косцюкевич отмечает, что буряты крестятся тогда, когда их заставляет необходимость – самая частая причина следующая: «Подговорит бурят девушку венчаться с ним (а это они делают, чтобы не платить «калым» – выкуп за невесту, который, нужно сказать, бывает у них очень большой), если она соглашается, то они «бегут» оба к священнику и просят поскорее их окрестить и обвенчать»[960];

3) защита крещеных инородцев от притеснений со стороны родоначальников. В архивных фондах имеются много документов с

[956] ИЕВ. 14 сентября 1891 г. № 37. С. 8.
[957] Там же. С. 8.
[958] ГАРБ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 28. Л. 19.
[959] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 526. Л. 294 об. –300.
[960] ГАРБ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 261. Л. 62–62 об.

прошениями, жалобами бурят на притеснения родоначальников. Так, домохозяева Степановского улуса Кудинского ведомства жалуются, что «в 1909 г. стали производиться с инородцев этого рода (3-го Харанутского) в пользу родоначальников неутвержденные губернским начальством огромные поборы, доходившие за одно полугодие до 3000 руб. Староста Григорий Михайлович Бунаев присваивает себе 200 руб. денег, присланных на заведение мебели Инспектором училищ Иркутской губернии, а мебель строит на сборы с инородцев»[961]. Далее перечисляются незаконные действия родоначальников и решение собрания: «При таком положении дела жить в одном обществе с 3-м Харанутским родом стало обывателям Степановского улуса не в мочь, община, обсудив это, и решили выделиться в особое Сельское общество, с получением земельного надела и воссоединением ко Святому крещению, в чаянии иметь хотя какую-либо защиту от произвола родоначальников у членов Святой православной миссии»[962];

4) возможность получения различных льгот родоначальниками, принявшими крещение: награждения, карьерный рост, обучение детей в миссионерских школах, гимназиях и т. д. Именно так поступил хоринский главный тайша Ринчин-Доржи Дымбилов: когда начались тяжбы по его устранению от должности, он в 1842 г. отправился в Санкт-Петербург, представился Николаю I, принял крещение и удостоился чина есаула. Принятие крещения и согласие царя быть крестным отцом укрепили его положение, и вплоть до 1849 г. он руководил Хоринским ведомством[963].

Другой пример: 14 февраля 1835 г. указом Правительствующего Сената за принятие крещения 26 инородческих семейств тайша Балаганского ведомства 12 класса Андрей Назаров и заседатель Степной думы Алексей Андреев были поощрены производством в следующие чины: первый – в X класс, а второй – в XIV класс[964].

О деятельности миссионеров по крещению бурят во второй половине XIX – начале XX вв. можно судить по архивным документам фонда Усть-Ординской Троицкой миссионерской церкви. К приходу Усть-Ордынского стана относились жители четырех инородных управ – Кудинской, Капсальской, Ординской, Абага-

[961] Там же. Д. 211. Л. 7.
[962] Там же. Л. 7 об.
[963] Тобоев Т. Указ. соч. С. 20.
[964] ГАРБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 189. Л. 3–3 об.

натской[965]. Основными функциями миссионерской церкви были богослужение, совершение церковных обрядов крещения, святого причастия, исповеди, венчания, погребения; ведение метрических книг и выдача метрических справок; сбор средств на благотворительные нужды.

На содержание стана по общественному приговору от 25 декабря 1873 г. инородцы Кудинского и Капсальского ведомств обязывались ежегодно платить причту взамен сенокосной земли по 4 коп. с души мужского пола: общество кудинских бурят – 238 руб. 60 коп., общество капсальских бурят – 71 руб. 44 коп.[966] Необходимо отметить, что государством храмам выделялись неплохие и достаточно обширные земельные угодья.

Доходы церкви также пополнялись кружечными, кошельковыми и тарелочными сборами, приношениями прихожан, продажей свеч, венчиков и других культовых предметов. В сведениях по Благочинию миссионерских церквей Верхоленского округа за 1893 г. указываются суммы этих доходов: кружечный и кошельковый сбор – 173 руб. 39 коп., пожертвования деньгами – 144 руб. 50 коп., вещами – 17 руб. 50 коп.[967] Священниками взимались деньги в пользу церкви за совершение религиозных обрядов, так, за крещение прихожане платили 40 коп., за венчание – 2 руб.[968] В целом же финансирование миссионерской церкви шло от Иркутского Православного миссионерского общества, благотворительных пожертвований частных лиц.

О ходе процесса христианизации бурятского населения Прибайкалья свидетельствуют следующие факты: в 1871 г. на освящении Усть-Ординского храма никого из инородцев не было; в 1872 г. был крещен один инородец, в 1873 г. – 18, 1874 г. – 24 человека обоего пола. Церковных браков в 1873 г. было 2, 1874 г. – 5, 1875 г. – 3[969]. Если в 1876 г. православных было 91 человек мужского пола, 119 женского пола, то в 1892 г. православных было 327 человек мужского пола, 286 женского пола[970].

[965] ГАРБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 103. Л. 110.
[966] Там же. Д. 92. Л. 1 об.
[967] Там же. Д. 74. Л. 29
[968] Там же. Д. 62. Л. 1.
[969] ГАРБ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 6. Л. 18 об.
[970] Там же. Л. 46, 244.

Священники-миссионеры причтов церквей подробно описывают состояние дел миссий в сведениях, которые указывают на трудности процесса христианизации местного населения в 1880-е годы. Миссионер-священник Заложного Иннокентьевского стана пишет: «Большая часть их (инородцев) только по имени христиане, а в сущности дела скорее шаманисты, хотя этого часто не сознают и сами крещеные»[971]; «крещеные буряты – христиане только по имени; они не знают самых основных истин христианства… Стараются угодить … и «русскому богу» и «своим бурханам». Буряты приходят в храм служить молебны, ставят свечи, а из храма чуть-ли не сразу, отправляются на шаманское сборище… В домах и юртах у них наряду с иконами находятся их языческие божки, различные бурханчики»[972].

Об этом же пишет миссионер-священник Хоготовского стана Николай Стуков: «1) почти поголовное незнание христианских молитв, 2) более чем нерадивое исполнение одних христианских обязанностей, 3) несвойственное духу веры христовой проявление себялюбия и своекорыстия, 4) соблюдение обрядов и обычаев прежней веры и вообще фактическое тяготение жить по правилам грубого шаманизма»[973].

Причинами столь неутешительного религиозно-нравственного состояния новокрещеных инородцев служили, по мнению миссионеров-священников, следующие обстоятельства: «Неискреннее обращение инородцев в православие, миссионеру приходится крестить почти исключительно жениха и невесту. Бедняк, не могущий купить себе жену за калым, или человек, хотя и состоятельный, но почему-либо не добившийся согласия на брак родителей невесты, тайно увозит последнюю из родительского дома, является с нею к миссионеру и просит обоего крещения, но с непременным условием после сего повенчать их. Очевидно, христианство здесь не касается сердца человека, не есть потребность его души, но они понимается лишь как крайнее средство к достижению известной выгоды»[974].

С середины XIX в. со стороны миссионерской церкви предпринимаются значительные усилия по привлечению инородческих

[971] ГАРБ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 51. Л. 32.
[972] Там же Д. 261. Л. 64.
[973] Там же. Д. 51. Л. 54.
[974] ГАРБ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 51. Л. 54 об.

начальников на свою сторону, учитывая их огромный вес в своих ведомствах. Часть родоначальников приняла крещение, однако большинство оставались приверженцами своих традиционных верований.

Ярким примером борьбы миссионеров с родоначальниками, не пожелавшими принять крещение, является Кударинское ведомство. Заяхан Хамаганов в возрасте 25 лет вступил в должность кударинского главного тайши в 1852 г., был награжден за успешную службу серебряным кортиком, серебряной и двумя золотыми медалями. Однако 17 апреля 1864 г. по предписанию военного губернатора Забайкальской области З. Хамаганов был удален от должности главного тайши «… за противодействие высочайше утвержденной и находящейся под всемилостивейшим покровительством государыни императрицы православной миссии и за притеснение христиан-инородцев»[975]. Официальный тон делопроизводственных документов резко меняется – Заяхан Хамаганов из деятельного родоначальника превращается в «человека, занимающегося беспрестанно смутами и кляузами, происками»[976].

В предписании Забайкальского областного управления от 12 февраля 1864 г. Верхнеудинскому земскому суду отмечается, что советником А. Ядрихинским была произведена проверка «… по жалобам кударинских миссионеров на тайшу Хамаганова, что он притесняет подведомственных ему крещеных бурят и противодействует духовным миссионерам в деле проповеди и распространения христианской религии между инородцами»[977]. Основным поводом для отстранения послужило то, что Заяхан Хамаганов был ревностным защитником шаманизма, противостоял крещению кударинских бурят. Он был обвинен также в «своекорыстии: он был уличен в захвате Мольки, Губы и усадебных мест при церкви у крещеных инородцев»[978].

Сведения о Заяхане Хамаганове вновь появляются в архивных документах за 1871 г.: общественным приговором от 18 февраля 1871 г. некрещеные кударинские буряты снова избрали его своим тайшой[979]. Однако православные миссионеры не допустили по-

[975] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 964. Л. 26 об.
[976] Там же. Л. 26 об.
[977] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 266. Л. 12–12 об.
[978] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 964. Л. 27.
[979] Там же. Л. 33.

вторного избрания Заяхана Хамаганова тайшой, и спустя 10 дней таким же приговором от 27 февраля 1871 г. крещеная часть кударинского общества избрали тайшой крещеного инородца Якова Березовского, который «всеми уважаем, не имеет ничего заслуживающего порицания»[980]. В своем донесении Селенгинскому окружному исправнику от 25 марта 1871 г. заседатель 1-го участка Селенгинского округа пишет: «… по житию моему, в видах пользы этого общества необходимо устранить назначение тайшой инородца Хамаганова, человека весьма вредного по проискам своим, клонящимся к захвату власти»[981]. Окружное начальство поддержало общественный приговор крещеных бурят, и тайшой был утвержден Яков Березовский.

В дальнейшем за деятельностью Заяхана Хамаганова следили и православные миссионеры, и вышестоящее начальство. Об этом свидетельствует предписание Селенгинского окружного исправника от 8 декабря 1871 г. о воспрещении З. Хамаганову и другим совершать шаманские обряды вблизи христиан, крещеных бурят, так как это может послужить «соблазном для новопросвященных крещением инородцев, отрекшихся от шаманского вероисповедания»[982]. В том же году тугнуйский иеромонах Мелений пишет донесение о том, что Заяхан Хамаганов сеет «смуту по обществу бурят»[983].

Надо отметить, что, несмотря на свое изгнание из органов местного самоуправления, Заяхан Хамаганов оставался влиятельной фигурой в кударинском обществе. Об этом свидетельствует включение его в особую депутацию для встречи с цесаревичем Николаем в 1891 г., в которую вошли самые почетные члены кударинского общества[984]. Особое внимание цесаревича Николая привлекла личность Заяхана Хамаганова, «имевшего на шее две большие золотые медали, и он спросил: «За что и кем пожалованы?» Хамаганов объяснил, что одной медалью высочайше награжден за устройство Кударинского приходского училища, а другой – за содействие при перевозе на Амур артиллерийских орудий графом

[980] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 964. Л. 27 об.
[981] Там же. Л. 47 об.
[982] Там же. Д. 911. Л. 58–59.
[983] Там же. Д. 909. Л. 48 об.
[984] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1129. Л. 54.

Муравьевым, при слове «графом Муравьевым», цесаревич Николай добавил: «Да, Амурский»[985].

При генерал-губернаторе М.С. Корсакове был принят указ об обязательном включении крещеных бурят в состав Степных дум, инородных управ. 26 мая 1886 г. выходит очередное циркулярное письмо и.д. генерал-губернатора Восточной Сибири, предписывающее, что «во всех Степных думах, инородных управах и инородных родовых управлениях обязательно должно быть введено представительство христиан; при этом они могут опротестовать решения Степных дум»[986].

Кроме материальных и моральных поощрений для крещения бурят применялись принудительные меры. Например, в 1875 г. Балаганский земский заседатель сообщает Аларской Степной думе о приезде в Балаганский округ епископа Вениамина и предписывает: «Те старосты будут строго наказаны по существующим на то законам, а те, которые видимо упорством своим и невежеством, мало того, сами, например, не примут святое крещение, уклонятся представлением к крещению своих бурят, будут удалены от должностей без пощады и вместо их заменятся православными, что по справедливости и должно давно сделать»[987]. В целях сохранения своих должностей каждый родовой староста должен был привести к крещению не меньше 30 человек.

Непривлекательным моментом при крещении бурят явилась принудительная смена имени и фамилии, например, Мантай Маланов после крещения получил новую фамилию и имя – Петр Ковригин, Исык Имыкшенов – Иван Волчатуев, Петрушка Нохоев – Петр Сумкин, Алсахан Ижухаев – Афанасий Пирогов[988]. Однако к концу XIX в. при крещении стали оставлять фамилию бурят.

Кроме того, после принятия крещения инородцы давали обязательство впредь всех детей, родившихся после крещения, крестить в православной вере. Так, инородец Хандахи Харняев написал обязательство «крестить (детей) в православной вере и не прельщениями, ни угрозами, ни другими какими-либо способами

[985] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1129. Л. 54–55.
[986] ГАРБ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 52. Л. 13.
[987] ГАРБ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 90. Л. 29.
[988] ГАРБ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 об.

не приводить в свой закон (шаманство)». При этом он отказался от своей второй жены Абдай[989].

Священники-миссионеры предлагают следующие меры по возвышению религиозной и нравственной жизни крещеных: 1) открыть миссионерские школы при станах и обязать крещеных отдавать детей для обучения; 2) чтобы все бурятское начальство было крещенное, как то: тайша, родовые старосты и улусные старшины; 3) воспретить шаманам заниматься у крещеных совершением шаманских действий под опасением наказания; 4) избавить крещеных от сбора денег на пользу шаманам по случаю «кырык» и «тайлаганов» – общественных молений; 5) воспретить язычникам и шаманам преследовать желающих присоединиться к церкви христовой под страхом наказания[990]. Еще одной причиной является незнание миссионерами бурятского языка.

Одним из путей привлечения к крещению инородцев миссионеры считали переводы богослужебных книг на бурятский язык. В письме епископа Киренского Благочинному миссионерских церквей Верхоленского округа подчеркивалось, что «во всех миссионерских станах должны быть переводы на монгольский язык богослужебных книг … и при отправлении богослужения для инородцев, пользоваться ими … Миссионерские библиотеки должны быть нескудны книжками и брошюрами, изданными на пользу миссии как Казанскою переводческою комиссией, так и местными ревнителями миссии – знатоками монголо-бурятского языка»[991].

Миссионеры считали необходимым улучшить процесс богослужения, о чем свидетельствует указ Иркутской духовной консистории от 8 февраля 1896 г.: «Улучшить отправление богослужения в церквях; требовать от совершающих богослужение, чтобы они заботились о наружной благопристойности; бороться с лжеучителями и лжеучениями, сектанством; особое внимание обращать на провождение времени народом в воскресные и праздничные дни»[992].

В 1900-е гг. процесс христианизации бурятского населения шел так же с большими трудностями, как и в 1870–1890-е гг. Большую

[989] ГАРБ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 5. Л. 11–11 об.
[990] Там же. Д. 51. Л. 32 об., 173.
[991] Там же. Л. 32.
[992] ГАРБ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 90. Л. 48–49.

озабоченность у священников-миссионеров вызывало проникновение ламаизма в Прибайкалье. Об этом свидетельствует подробный отчет священника-миссионера Заложного Иннокентьевского стана Иосифа Косцюкевича: «Первое время обращение инородцев шло более успешно, чем сейчас. Это объясняется тем, что здешние инородцы шаманисты и у них поэтому прочно, ясно выработанных религиозных воззрений нет и поэтому они без особенного труда поддаются или вернее поддавались влиянию христианства, теперь же с некоторых пор у них начинает чувствоваться влияние лам, которые официально являются в наши края в качестве исцелителей, врачей, а на самом деле, в качестве пропагандистов, проповедников ламаизма»[993].

Миссионеры вели борьбу с проникновением буддизма в бурятские ведомства Иркутской губернии не только проповедями, но и с помощью административного ресурса. Так, в 1899 г. священник Хоготовского стана Василий Затопляев докладывал Благочинному о появлении в стане ламы из Гусиноозерского стана[994]. За 1907 г. имеется предписание иркутского губернатора верхоленскому исправнику о выдворении из Верхоленского уезда инородцев Чайнорова и Санжиева, приехавших из Забайкалья в целях агитации среди местных инородцев о переходе в буддизм на основании того, что миссионерская деятельность в пределах России предоставляется только православному духовенству[995]. При этом было сделано предупреждение родовому голове А. Александрову, поддержавшему буддийских проповедников, о привлечении к ответственности.

В письме Православного миссионерского общества Благочинному Василию Лареву (1916) отмечается, что миссионерский комитет обсуждал угрозу делу миссии – ламаизм, «широкой волной ползущего из Монголии» и постановил: «В виду явной опасности, которая надвигается вследствие усиленной пропаганды ламаизма среди инородцев-бурят со стороны лам, находящихся в привилегированном положении по «Положению 1853 г.» и являющих себя хранителями национальной религии от посягательств христианства, инакотолкующих истинный смысл высочайшего Манифе-

[993] ГАРБ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 261. Л. 61 об.–62
[994] Там же. Д. 123. Л. 70.
[995] Там же. Д. 191. Л. 173.

ста 17 апреля 1906 г., в целях совращения инородцев в ламаизм, – призвать отцов-миссионеров епархии к самой деятельной работе в борьбе с растущим злом, пока не поздно, через посредство неустанной проповеди и разъяснение инородцам всего лжеверия ламайского исповедания»[996].

В целом во второй половине XIX – начале XX вв. происходило массовое крещение бурят при содействии тайшей, голов и других должностных лиц в Балаганском, Аларском, Идинском ведомствах Иркутской губернии, растет число православных монастырей, церквей, миссионерских станов и церковно-приходских школ.

Процесс христианизации в Забайкальской области шел по-разному в разных ведомствах. Миссионерская деятельность достигла наиболее внушительных результатов в Кударинском ведомстве. В начале XIX в. кударинские буряты в основной массе были шаманистами. Так, в 1826 г. было 16 крещеных бурят, что составляло 0,4% населения. На территории Кударинского ведомства к 1841 г. были две миссионерских церкви – во имя святых апостолов Петра и Павла и в честь вознесения Господня. Крещеные буряты были причислены к Кударинской Благовещенской церкви, состоящей в Кударинском селении Ильинской волости[997].

Благодаря умелой работе христианских миссионеров, которые преподнесли землетрясение 1861 г. как наказание за непослушание – отказ принять христианскую веру, количество крещеных бурят резко увеличивается. Землетрясение, произошедшее 30-31 декабря 1861 г. в Иркутской губернии и Забайкальской области, нанесло большой урон хозяйству кударинских бурят. В Хронологии истории Сибири Ивана Щеглова так описывается это землетрясение: «… в Кударе удар был так силен, что купол церкви обрушился вовнутрь храма, а из образовавшихся в земле трещин выброшенный песок выбивал половицы в избах и вода затопляла на ½ аршина землю… Люди и скот не могли держаться на ногах, а 20-пудовые бочки с рыбою перекатывались во дворах с одного конца на другой; на улицах и во дворах образовались щели, из коих показывалась вода с илом… В этот же день вода из Байкала затопила Цаганскую степь с бурятскими улусами и угодьями. 1

[996] ГАРБ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 230. Л. 387.
[997] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 8. Л. 1–2.

января 1862 г. вода, чрез образовавшуюся трещину затопила все пространство до Бартогойской степи»[998].

Кударинские буряты в 1865 г. подсчитали свои убытки: «658 душ мужского пола понесли убытков от затопления безвозвратно у нас 141 русского зимовья, 312 деревянных юрт со всеми к ним пристроями, 2476 голов разного скота, 9168 суслонов немолоченного хлеба, 9614 пудов такового в зерне, 47943 копен сена, и 1932 овинов соломы и прочего имущества, свойственного быту бурят, всего на 137520 руб.»[999].

Если в 1858 г. было 172 крещеных бурята (3,7%), то в 1865 г., после землетрясения, 643 (13,5%), в 1870 г. – 1506 (30%) от кударинского общества, а в 1902 г. крещеные буряты составили 56% населения ведомства.

В 1870 г. в Иркутской и Забайкальской миссиях насчитывалось 22 миссионерских стана, в 1877 г. – 35, в начале XX в. – 41. Соответственно росла численность крещеных бурят. По данным Иркутской епархии, в 1877 г. было 10 тысяч крещеных бурят, в 1891 г. – 35 тысяч, в начале XX в. – 85 тысяч[1000]. По официальным данным переписи 1897 г. в Иркутской губернии было 45364 крещеных бурята, в Забайкальской области – 11477, всего 56841[1001].

Царская администрация и родовое начальство опирались в своей политике по управлению бурятским народом на буддийскую церковь. Как пишет Р. Рупен, позиция царской России по отношению к буддизму бурят отмечалась «парадоксальностью и мучительной двойственностью»[1002]. С одной стороны, правительство пыталось приспособить бурят внутри империи, русифицируя их; в религии, в частности, это означало переход в православие. С другой стороны, царская Россия пыталась обращаться к монголам и тибетцам за пределами России в качестве защитницы ламаизма. Поддерживая ламаизм, правительство в то же время плотно его контролировало, старалось придать ему специфический бурятский характер, ослабляя его традиционную связь с Тибетом и Внешней Монголией.

---

998 Хронология истории Сибири И. Щеглова. Иркутск, 1883 г. С. 604–605.

999 ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 790. Л. 69–71.

1000 Очерки истории культуры Бурятии. Улан-Удэ: 1972. Т. 1. С. 277.

1001 Серебренников И.И. Инородцы Восточной Сибири, их состав и занятия (статистический очерк). Иркутск: 1913. С. 8, 16.

1002 Рупен Р. Монголы двадцатого века. Улан-Удэ: 2004. Гл. 1, 2. С. 48.

Самый ранний из известных памятников обычного права забайкальских бурят – Указ 1759 г. тайшам и сайтам трех родов: 11 родов хоринских бурят и двух родов селенгинских бурят (цонгольского и ашибагатского) был составлен по предписанию селенгинского коменданта бригадира Варфоломея Якобия о выборе веры: «Половина вашего народа поклоняется Будде, а половина не поклоняется Будде. Какие из ваших не имеют учение Будды? Ведь есть же предписание, чтобы люди любого языка неотступно соблюдали обычаи своего учения». В ответ на предписание было «установлено законоположение» о том, что «отныне мы, поклоняясь ламе и бурхану, очистим свои грехи»[1003], таким образом, хоринские и селенгинские буряты официально стали приверженцами буддийской религии.

В Селенгинское уложение – судебник 1775 г. также вошли статьи о регулировании преступлений и правонарушений, совершенных духовными лицами, в отношении духовных лиц, а также о наказаниях. В судебнике были четко прописаны суммы подношений духовным лицам за чтение священных книг: Сундуй, Галсан, Джадамба – 1 руб. 50 коп., Банзаракца, Алтан гэрэл, Доксом, Линбун – 1 руб. и т. д.; лекарю за получение лекарства (один «тун» – лекарственная ложка – 5 коп.); за излечение паралича, опухоли и т. д. – 2 руб. и т. д.[1004]

В Положении 11 хоринских родов 1808 г. по управлению внутренними делами и судопроизводству появляются статьи, регулирующие правовые отношения между светскими и духовными лицами в случае возникновения конфликтных ситуаций с подробным описанием видов наказаний[1005].

В XIX в. ламаизм, пользуясь большим влиянием у народа, покровительством родовой верхушки и царской администрации, получает все большее распространение, конкурируя с православной церковью. Вместе со Степными думами буддийское духовенство участвует в разрешении вопросов об управлении в бурятских ве-

[1003] Указ 1759 г. тайшами и сайтами трех родов: 11 родов, цонгольского и ашибагатского совместно составлен // Обычное право хоринских бурят. С. 14.

[1004] Книга записи судебных законов, выработанных 8 числа последнего осеннего месяца 1775 года на сборе сайтов 22 отоков всего селенгинского общества // Цибиков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. С. 33–37.

[1005] Положение 11 хоринских родов 1808 г. по управлению внутренними делами и судопроизводству // Обычное право хоринских бурят. С. 24–26.

домствах, в кодификации обычного права, добиваясь включения в сборники «Степных законов» норм, закреплявших привилегии ламства и нойонства.

В Уложении 1823 г. 11 хоринских родов появляются две главы: «О буддийских кумирнях и находящихся в них ламах» (семь статей) и «О разбирательстве тяжб между ламами и мирянами из-за ссор» (11 статей), которые регламентировали порядок строительства новых дацанов, ремонта старых дацанов, содержания лам, разбирательства тяжебных дел и т. д.[1006] Аналогичные статьи о регулировании преступлений и правонарушений, совершенных духовными лицами, в отношении духовных лиц, о лечении и книгочтении, об имущественном праве лам появляются в Селенгинском уложении 1823 г. Особая статья уложения ограничивала влияние духовных лиц на местное самоуправление, четко прописав их предназначение: «… ламы не имеют права вмешиваться в мирские разные судебные дела, исковые и тому подобные жалобы между податными», «их обязанностью является наблюдение во время хуралов и богослужений в дацанах за соблюдением правил службы ламами, а также за распространением бескорыстия, кротости, благоговения верой и умножение познания религии»[1007].

Новое постановление о жизни и обычаях 1841 г. свидетельствует о растущем влиянии ламского духовенства в общественной жизни селенгинских и хоринских бурят. Из семи вопросов, касающихся правил и обычаев, пять были посвящены вопросам религии: «об улучшении положения как религии, так и самих лам», о создании типографии для печати религиозных книг и мастерской по изготовлению статуй и изображений бурханов, об открытии буддийских школ и подготовке учителей для них, об определении статуса лам-лекарей, о введении отличительных знаков для лам и сайтов. Из 54 статей постановления по вышеперечисленным вопросам 24 регулировали дела буддийской религии. Например, при дацанах необходимо было построить школы для обучения хувараков, создать лечебные учреждения, главному Пандито хам-

[1006] Уложение 1823 г. 11 хоринских родов // Обычное право хоринских бурят. С. 61–64.
[1007] Селенгинское уложение 1823 г. // Цибиков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. С. 51–75.

бо-ламе полагались «жинчи из золотого очира и желтого цвета шапка, сшитая из узорчатого шелка или сукна, соболя» и т. д.[1008]

О растущей роли ламаизма в жизни бурятского общества можно судить по Хоринскому уложению 1851 г., из 19 глав и 197 статей которого 8 глав и 72 статьи посвящены вопросам духовного управления: об инородческих дацанах, жизни лам и духовном управлении (ст. 1-6), относительно молебствий, совершаемых в дацанах (ст. 7-8), о ламах, занимающих различные должности в каждом дацане (ст. 9-24), об избрании и утверждении должностных лиц и лиц, носящих почетное звание лам (ст. 25-37)[1009] и т. д.

Урегулированию вопросов веры у селенгинских и хоринских бурят способствовало подготовленное генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым «Положение о ламаистском духовенстве в Восточной Сибири» 1853 г., отвечавшее политическим и финансовым интересам царизма. «Положение» примирило два решения ламского вопроса: провело централизацию административного аппарата церкви, сосредоточив все управление в руках Пандито хамбо-ламы, и в то же время сохранило все ограничительные мероприятия, на проведении которых настаивала губернская администрация[1010].

Положение состоит из 61 статьи, большинство которых содержат ограничительные меры: ограничение количества дацанов, лам, назначение на должность только по согласованию с царской администрацией, запрет на личное имущество для лам и т. д. Правительством утверждалось количество 34 «штатных» дацанов, а также личный состав управления дацанов, состоявший из 285 штатных лиц: один Пандито хамбо-лама, 34 ширетуев дацанов, 216 лам-гелунов и лам-гыцулов, 34 ховараков и бандиев. Пандито хамбо-лама должен иметь резиденцию в Гусиноозерском дацане, на него возлагалось управление буддийским духовенством, а подчинялся он генерал-губернатору Восточной Сибири[1011]. Пандито хамбо-ламы выбирались при собрании (не больше шести дней)

[1008] Новое постановление о жизни и обычаях. Правила, установленные селенгинскими и хоринскими главными и почетными духовными и светскими сайтами в 1841 г. // Цибиков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. С. 76–82.

[1009] Обычное право хоринских бурят. С. 86–93.

[1010] Герасимова К.М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX века. Улан-Удэ: 1957. С. 38.

[1011] ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 539. Л. 1–2.

только в Селенгинской Степной думе, не позже, чем через три месяца после открытия вакансии.

Положение поставило буддийское духовенство не только в зависимость от царской администрации, но и в зависимость от родоначальников, например, Пандито хамбо-лама выбирался только голосами родоначальников и одного представителя духовенства от штатных дацанов, другие не имели права голоса и даже не имели права присутствовать на выборах.

Зачисление в штат, назначение на штатные должности, возведение в духовные степени производилось через Пандито Хамбу-ламу, но вступало в силу только после утверждения царской администрацией и выдачи соответствующих официальных дипломов.

Штатные ламы как священнослужители не могли иметь отдельную собственность, соответственно получали освобождение от всех повинностей[1012]. Ламы при вступлении в штатное духовенство обязаны были передать все недвижимое имущество тому родовому управлению, в ведении которого находились, а движимое имущество переходило в собственность дацана. Еще одной льготой стало освобождение штатных лам от телесного наказания.

Денежные доходы дацана пополнялись за счет: 1) добровольных приношений мирян; 2) продажи бурханов, образов, молитв, поясов и других церковных предметов по утвержденным ценам; 3) продажи хозяйственных произведений.

Денежные доходы дацана делились на 10 частей, из которых:

1) одна десятая часть направлялась по окончании календарного года к 1 января через Степную думу Пандито хамбо-ламе (на его содержание, на его канцелярские расходы, на содержание ховараков его дацана);

2) две десятые части на содержание ширетуев;

3) три десятые части на содержание дацанов и их канцелярские расходы;

4) четыре десятые части распределялись между ламами и бандиями.

Все движимое и недвижимое имущество находилось в ведении органов местного самоуправления, а именно Степных дум. Для заведования имуществом дацана обществом выбирался староста

[1012] ГАРБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 539. Л. 13–13 об.

и утверждался военным губернатором Забайкальской области на три года. Староста был обязан ежегодно отчитываться перед Степной думой об имуществе дацана.

Таким образом, Положение о буддийском духовенстве 1853 г. сосредоточило власть в руках Пандито хамбо-ламы с одной стороны, а с другой – поставило его в зависимость от органов местного самоуправления бурят, которые имели решающий голос при его выборе и контролировали имущество дацанов.

Царская администрация, хотя и поддерживала буддизм, тем не менее старалась всячески ограничивать его растущее влияние. Так, в 1848 г. вышло предписание Н.Н. Муравьева о том, что инородцам, исповедующим ламайскую веру, «впредь до особого разрешения, воспрещается строить новые дацаны там, где их не было, также воспрещается строить новые сумэ вдобавок к существующим уже ныне при дацанах, исправлять же старые дацаны и сумэ, пришедшие в ветхость или строить вместо их новые, дозволяется не иначе как испросив каждый раз разрешение главного начальства»[1013]. В 1872 г. вышло очередное распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири Н.П. Синельникова с требованием уничтожения обонов и бумханов, при этом он приводит данные о том, что в инородческих ведомствах Забайкалья уничтожено 242 обонов и 129 бумханов[1014].

Манифест 1905 г. о свободе совести сыграл значительную роль в распространении ламаизма в Иркутской губернии. Так, в 1905 г. буряты Кой морской управы общественным приговором объявили о переходе целым обществом из православия в буддизм, при этом они подчеркнули, что православная вера была навязана им полицейскими мерами, они готовы заменить свои христианские имена бурятскими и отказываются отбывать повинности для православной церкви[1015].

В эти годы активизируется деятельность Агвана Доржиева по распространению буддизма в Иркутской губернии, о чем свидетельствует рапорт священника-миссионера Хоготовского стана Михаила Махачкеева (1916 г.). Он пишет: «С давних времен до 1905 и 6 годов ламайское духовенство в Верхоленском уезде про-

[1013] ГАРБ. Ф. 369. Оп. 2. Д. 11. Л. 257.
[1014] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 976. Л. 50–52.
[1015] ГАРБ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 66. Л. 3.

никло из Забайкалья с целью преимущественно наживы… Но все это, их легендарное учение не оставляло следов среди темной массы инородцев-шаманистов… Вообще инородцы-шаманисты имели притязания к ламайскому духовенству и обращались к ним лишь тогда, когда с семьей инородца случались несчастья (болезни), или же бездетные несчастные люди, и все это их стремления к ламам объяснялись тем, что ламы в этих случаях являлись лекарями, предсказателями…»[1016].

Михаил Махачкеев связывает активность буддистов среди бурят Иркутской губернии с выходом Манифеста о свободе вероучения в 1905 г.: «Ламство начало проникать усиленным темпом из Забайкалья во главе с представителем Далай-ламы Агваном Доржеевым, предки которого, будто бы происходили из инородцев Нагатайского улуса Кирманского ведомства. Мотивируя этим, хитроумный Доржеев дабы распространить буддийское вероучение между инородцами Приленского края и тем объединить всех сибирских инородцев в общий культ националистов; благодаря такого объединения националистов создать отдельное Монгольское царство. Вот для этого он, Доржеев, начал хлопотать пред высшим начальством в Петрограде о постройке дацана в улусе предков Нагатайском, что и вполне удалось и построен в настоящее время припиской к Аларскому дацану… Таким образом, хитроумный Доржеев достиг своей цели постройкой «сумэ» и утверждением при нем 4-х штатных лам, несколько хубараков и школы»[1017].

Далее он предлагает меры по предотвращению дальнейшего распространения ламаизма: выступать с частыми и усиленными проповедями христова учения и разъяснением несостоятельности ламаизма; насаждать на местах школы с миссионерским характером, чтобы учителя являлись непременными сотрудниками миссий с полным знанием бурятского языка; добиться у правительства открытия в каждом миссионерском стане фельдшерских пунктов; разъяснить правительству о том, что ламы на местах действуют произвольно, как и что им хочется, гораздо свободнее, чем миссионеры православной церкви[1018].

[1016] ГАРБ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 230. Л. 7.
[1017] Там же. Л. 7 об.
[1018] ГАРБ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 230. Л. 8–8 об.

Ламаизм интенсивно развивался только в центральной части Бурятии – в кочевьях селенгинских и хоринских бурят. В районах расселения западных бурятских племен и родов – в Тункинском и Баргузинском ведомствах – ламаизм начал распространяться в начале XIX в. В Иркутской губернии в первой половине XIX в. он укрепился среди аларских бурят. Преобладающим вероисповеданием западных бурят оставался шаманизм, частично православие.

Таким образом, нами исследована административная деятельность органов местного самоуправления бурят в рассматриваемый период, основанная на Уставе об инородцах 1822 г. В инородческом управлении установилась иерархическая структура органов местного самоуправления, которая при полном следовании законам Российского государства основывалась на нормах обычного права. В системе местного самоуправления инородные управы отличались гибкостью и приспособленностью к системе управления в государстве, являясь по своим функциям близкими к крестьянским волостным правлениям.

Российское государство придавало огромное значение христианизации инородцев как одному из путей их обрусения, перехода к оседлости. Сам процесс христианизации отличался противоречивым характером: с одной стороны, буряты принимали крещение по причинам, далеким от духовных потребностей, это возможности получения налоговых льгот, родоначальникам иметь лояльное отношение от вышестоящего начальства, жениться без уплаты калыма, получить защиту от притеснений родового начальства. С другой стороны, с появлением христианских станов буряты получили возможность приобщиться к богатейшей православной культуре, быстрее и шире усваивали традиции общественного и семейного быта русских.

§ 2. Хозяйственная деятельность органов местного самоуправления бурят

Устав 1822 г. четко определял основные направления деятельности Степных дум, инородных управ, родовых управлений. Обязанности Степной Думы состоят: 1) в народосчислении; 2) в раскладке сборов; 3) в правильном учете всех сумм и общественного имущества; 4) в распространении земледелия и инородной про-

мышленности; 5) в ходатайстве у высшего начальства о пользах родовичей. Местные распоряжения инородной управы состоят: 1) в точном исполнении всех предписаний начальства; 2) в понуждении к сбору податей; 3) в сохранении благочиния и порядка; 4) в охранении прав инородцев от всякого постороннего стеснения; 5) в розысканиях, по особенным случаям нужных.

О точном исполнении всех предписаний начальства можно судить на примере Агинской Тургинской инородной управы. Так, читинский окружной начальник требует предоставления сведений о хлебном умолоте, «служащих для правильного определения степени обеспечения населения продовольствием»[1019], экономических магазинах, на что управа отвечает, что в 1892 г. «в ведении сей управы экономических запасных магазинов не состоит»[1020], данных о размножении охотничьих и промысловых животных и т. д.

Кроме предписаний о предоставлении разных сведений, отправлялись приказы, циркуляры читинского окружного начальника об оказании «должного содействия и беспрепятственного проезда, и успешного выполнения возложенных наших поручений» командированным помощнику начальника управления по сооружению Сибирской железной дороги инженеру Скорнякову и старшему инженеру Ядадурову для осмотра Сибирской железной дороги от Челябинска до Владивостока[1021]. В 1894 г. читинский окружной начальник сообщает инородной управе о проезде приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского по Забайкальской области и предписывает «принять заблаговременно все зависящие меры… в особенности держать в полной исправности трактов, обывательские, проселочные дороги, мосты и переправы…»[1022].

В качестве хозяйственно-финансового учреждения инородная управа занималась понуждением местного населения к сбору податей. Со времени присоединения Сибири к России правительственная политика в отношении коренных народов определялась фискальными интересами. В Сибири основным собственником земель были государство и Кабинет. Именно они как совладель-

[1019] ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–4.
[1020] Там же. Д. 37. Л.15.
[1021] Там же. Д. 60. Л. 6.
[1022] Там же. Д. 76. Л. 2.

цы сибирских земель определяли характер повинностей и систему эксплуатации русского и коренного населения края. Коренные жители Сибири были обложены ясаком, под которым понимается «натуральный налог, преимущественно пушниной…, а под ясачным режимом – порядок сбора ясака»[1023].

До 60-х годов XVIII в. ясак собирался натурой, однако по мере развития хозяйства, усиления товарно-денежных отношений и роста торговли создавались предпосылки для замены натурального ясака денежным. Немаловажным фактором являлось также постепенное падение удельного веса охоты и пушного промысла. В 1763 г. правительство Екатерины II разрешило сбор ясака деньгами наряду со взносом ясака натурой. Устав об управлении инородцев 1822 г. ясачный сбор перевел на денежную основу. Все сборы с бурят, согласно Уставу, были «трех родов: 1) казенные подати; 2) земские повинности, 3) повинности внутренние на содержание степного управления[1024].

Устав 1822 г. регламентировал наложение, исчисление и раскладку сборов, сдачу податей и повинностей деньгами, взыскание недоимок, форму отчетности. Количество земского сбора могло быть «различным для каждого племени инородцев, по местному усмотрению особенных их способов промышленности». В 1879 г. миссионер Шимковского стана так образно описывает процесс сбора податей с населения Тункинского ведомства: «Староста под видом разбросанности своего рода на громадном пространстве ведомства и в разных его уголках, говорит, что ему нет возможности собрать все деньги к сроку. Но дабы показать свою аккуратность перед начальством, вносит из своих денег всю сумму, следующую с его рода, еще далеко до срока. Потом под видом того, что он занял эти деньги у кого-либо из купцов и, конечно, за проценты, собирает с общества, кроме следуемой суммы и проценты 30 коп. с рубля, примерно за полтора месяца. Так делает всякий старшина»[1025].

Ясак с кочевых бурят взыскивался с ревизской души, т. е. с тех, которые при ревизии населения достигли 18 лет и не старше 49 лет.

[1023] Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. Иркутск, 1983. С. 3, 23.

[1024] Устав об управлении инородцев // ПСЗРИ-1. № 29126. 22 июля 1822 г. Т. 38. СПб.: 1830. С. 411.

[1025] ИЕВ. 3 апреля 1882. № 14. С. 179–180

За увечных, неимущих и умерших по другой переписи населения платили наличные работники. Собирали подать 2 раза в год – с 1 января по 1 марта, второй раз – с 1 ноября по 15 декабря[1026]. Размер ясака в зависимости от разряда варьировал от 1 руб. 29 коп. до 2 руб. 72 коп. Так, в ясак буряты Шаранутского рода Аларского ведомства собирали с каждой души по 2 руб., 1-го Хонходорского рода того же ведомства – по 1 руб. 86 коп.; буряты Верхоленского ведомства платили ясак от 2 руб. 36 коп. до 2 руб. 72 коп.[1027]

Ясак платили деньгами или звериными шкурами. В 1844 г. иркутский гражданский губернатор усмотрел из доставленных ему казенной палатой сведений о том, что многие из инородцев ясак платят деньгами или не тем зверем, какой обозначен по окладным книгам, и предписывает Нерчинскому земскому суду: «… принять надлежащие меры, чтобы инородцы платили непременно ясак тем зверем, которым они обложены и преимущественно лучшим, внушив приемщикам и инородческим начальникам, что за неисполнение сего с ними поступлено будет по всей строгости закона равным образом иметь за этим строгое наблюдение»[1028]. В 1855 г. иркутский земский исправник предписывает Кудинской Степной думе: «Прием ясачной рухляди производить вообще как можно внимательнее и осторожнее, так как Главное управление ответственность за убытки, какие казна может потерпеть от приема недоброкачественной рухляди за совершенно хорошую или малоценной по ценам возвышенным, оставляет приемщикам»[1029].

Для руководства приемщикам при приеме рухляди в ясак ежегодно направлялись расписания о ценах на рухлядь. В 1855–1856 гг. для Кудинского ведомства были определены следующие цены: волчья шкура с лапами и хвостом – 1 руб. 65 коп., лисица красная – от 1 руб. 90 коп. до 2 руб. 75 коп., белка – от 0,3 до 0,8 коп. и т. д. [1030]

Согласно материалам ясачной комиссии за 1869 г., в Иркутской губернии размер ясака составлял у бурят Иркутского округа (кудинские, капсальские, китойские, тункинские буряты) от 1 руб. 29 коп. до 2 руб., у бурят Верхоленского округа – от 2 руб. 36 коп. до

[1026] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 370. Л. 6–7 об.
[1027] ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 738. Л. 62–63.
[1028] Там же. Д. 136. Л. 63–63 об.
[1029] ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 913. Л. 28.
[1030] Там же. Л. 42–42 об.

2 руб. 86 коп., Балаганского округа – от 1 руб. 43 коп. до 1 руб. 72 коп., Аларского округа – от 1 руб. 57 коп. до 2 руб.

В Енисейской губернии в инородческих ведомствах Минусинского округа (Сагайская Степная дума и Абаканская инородная управа) размер ясака составлял от 1 руб. 72 коп. до 1 руб. 80 коп.; Ачинского округа (Кызыльской Степной думы, Мигоцкой инородной управы) – от 1 руб. 15 коп. до 1 руб. 58 коп.

В Забайкальской области инородцы Урульгинской Степной думы платили от 0,86 руб. до 3 руб. 30 коп., Агинской Степной думы – 1 руб. 72 коп.; Хоринской Степной думы – 1 руб. 72 коп.; Селенгинской Степной думы – от 1 руб. 29 коп. до 1 руб. 43 коп., Закаменской инородной управы – по 1 руб. 29 коп., Армакской инородной управы – от 1 руб. 72 коп. до 2 руб. 15 коп.; Баргузинской Степной думы – по 1 руб. 43 коп.[1031].

Сверх ясака с кочевых бурят взыскивались деньги в общую земскую повинность, в частную земскую повинность, в продовольственный капитал, в хозяйственный капитал, на межевание земли. Оседлые буряты вместо ясака платили деньги в оброк, в капитал для вспоможения пострадавшим от пожара, остальные подати такие же, как и у кочевых бурят[1032]. Общая земская повинность взималась с населения для покрытия расходов на содержание царской администрации.

В 1842–1845 гг. по раскладке сбора сумм на общие земские повинности необходимо было собрать с инородцев Иркутского, Верхнеудинского и Нерчинского округов с 43003 рабочих душ 87632 руб. 21 коп., размер налога на одну душу составлял от 1 руб. 09 коп. до 2 руб. 39 коп. в зависимости от разряда. Буряты Балаганского, Идинского, Аларского, Кудинского, Верхоленского, Ленского, Баргузинского, Селенгинского, Хоринского и Агинского ведомств относились ко 2-му разряду по состоянию, с них взимались суммы от 2 руб. 07 коп. до 2 руб. 39 коп. Буряты Тункинского, Китойского, Ольхонского, Кударинского, Закаменского ведомств относились к 3-му разряду, с них взимались налоги от 1 руб. 49 коп. до 1 руб. 89 коп.[1033].

[1031] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3671. Л. 35–36.
[1032] Там же. Д. 491. Л. 1 об.
[1033] ГАРБ. Ф. 369. Оп. 2. Д. 4. Л. 22–23.

Частный земский сбор взимался на расходы по содержанию волостных, станичных и инородческих управлений и раскладывался по числу ревизских душ. Подушной податью облагались бывшие государственные крестьяне и оседлые инородцы, оброчной податью – русские крестьяне, оседлые буряты и эвенки. Размер частной земской повинности был разным в зависимости от местонахождения ведомства. Так, в Хоринском ведомстве частный земский сбор взимался в сумме 0,11 руб. с ревизской души, Селенгинском – 0,15 руб., Агинском – 0,16 руб., Аларском – 0,33 руб., Ольхонском – 0,42 руб.[1034].

В конце XIX в., по данным комиссии А.Н. Куломзина, на все указанные виды податей и повинностей взималось с каждой рабочей души бурят Агинской Степной думы по 9 руб. 45 коп., Хоринской – 13 руб. 17 коп., Кударинской – 20 руб. 45 коп. Фактический же размер обложения был выше, поскольку в эти суммы не вошли многие другие повинности (исправление местных дорог, сборы в пользу дацанов и т. д.).

В инородческих ведомствах было установлено разделение сельских и улусных жителей по благосостоянию на 4 класса:

1) «самые богатые, которые имеют превосходное изобилие в скотоводстве и хлебопашестве, сверх того занимаются извозом тягостей и прочего судя по промышленности (промыслу)»;

2) «достаточные» люди, которые имели «умеренное скотоводство и хлебопашество и не имеют ни в чем недостатка»;

3) те, кто имел «только небольшое количество пашен, сенокосов, скота, необходимого для обрабатывания оных и для домашнего прихода, и которые непосредственно могут исправлять государственные подати и общественные повинности»;

4) совершенно неимущие, «тех, которые престарелых лет, неизлечимых в болезни, малолетних и, вместе с тем, не имеющие ни родственников, ни состояния»[1035].

Так, в Хара-Шибирском родовом управлении Бырке-Цугольской инородной управы Агинского ведомства из 275 дворов 16 относились к «богатым» – «эрхим баян», 27 – «достаточным» – «дунда баян», 130 – к 3-му классу – «адаг баян», 46 – бедным –

[1034] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 266. Л. 7–10.
[1035] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2.

«угытэй»[1036]. Жительница этой же управы вдова Бутит Тихонова имела 314 коней, 185 голов крупного рогатого скота, 1496 овец, 20 верблюдов и ее хозяйство считалось достаточным. В 1851 г. она распахивала 29 ¼ десятин под яровой хлеб, ¾ десятины под пшеницу, ¼ под ячмень, ¼ десятины под коноплю[1037]. К бедным относились семьи, у которых в хозяйстве было менее 10 голов скота[1038].

О разнице в состоянии богатых и бедных людей Кударинского ведомства можно судить по стоимости их жилья. К богатым семьям относились в 1883 г. семьи Владимира Хамаганова, у которого было два дома, один флигель и одна юрта общей стоимостью 350 руб., Данило Хагдуева – два дома и четыре юрты стоимостью 250 руб., Николая Шонхорова – два дома и две юрты стоимостью 200 руб., Заяхан Хамаганова – один дом и 4 юрты стоимостью 200 руб., Помишин Помпоев – один дом и две юрты стоимостью 200 руб. и т. д. Бедные семьи имели деревянные юрты стоимостью от 1 до 3 руб.[1039] Богатые люди были настолько состоятельны, что могли оплачивать подати целого рода. Так, в 1870 г. Николай Хамаганов дал на оплату податей 1-го Чернорудского рода 516 руб., Абазаевского рода – 390 руб.[1040]

В бурятских ведомствах практиковались дифференцированные налоги, исходя из имущественного уровня жителей. Например, в 1853 г. 18578 ревизских душ кочевых инородцев Хоринского ведомства были разделены на три класса по имущественному состоянию: 1) «избыточные по состоянию» – 462 души (2,4% от общего числа ревизских душ), которые платили подать по 4 руб. 32 коп. в год; 2) «средние по состоянию» – 673 души (3,6%), платившие по 2 руб. 88 коп. в год; 3) «малозажиточные» – 17443 души (93,8%) платили по 1 руб. 44 коп. в год[1041]. В том же году общество хоринских бурят своим приговором просят Забайкальское областное правление перевести их из II разряда в III разряд по причине того, что в последние годы «земные растения не изобилуют» из-за «чрезвычайной засухи»[1042].

[1036] ГАРБ. Ф. 369. Оп. 2. Д. 3.
[1037] Там же. Д. 26. Л. 196.
[1038] ГАРБ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 142. Л. 58.
[1039] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1071. Л. 33, 49 об.
[1040] Там же. Д. 879. Л. 119–120.
[1041] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 271. Л. 429–430.
[1042] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 271. Л. 436.

Важным пунктом в налоговой системе бурятских ведомств было предоставление налоговых льгот определенным лицам. Во-первых, от уплаты налогов освобождались должностные лица инородческого управления за несение общественной службы; во-вторых, буддийские священнослужители; в-третьих, «увечные», неимущие старики, дети-сироты, вообще «не могущие» по уважительным причинам вносить за себя подать. Освобождение от уплаты налогов первоначально осуществлялось в двух вариантах: либо они не включались в список плательщиков налогов, либо их сумма налога раскладывалась на весь род. С 1763 г. исключение из окладных списков перестало практиковаться, сохранялось освобождение родоначальников от уплаты налогов с разложением их доли на всех родовичей[1043].

С принятием Устава 1822 г. особых изменений не произошло, также из окладных списков не исключались до проведения следующей ревизии умершие, выбывшие из общества по разным причинам, в том числе принявшие крещение и перешедшие в ламайское духовенство, и все суммы налогов за них платили наличные «рабочие души» рода, что приводило к недовольству в бурятских обществах. Так, со вступлением значительного числа мужского работоспособного населения в ламайское духовенство возникали вопросы об их исключении из окладных списков, в связи с чем приамурский генерал-губернатор в 1890 г. был вынужден давать разъяснения Забайкальской казенной палате о том, что они должны освобождаться от налогов только после новой ревизии[1044].

В каждом бурятском ведомстве числилось определенное количество жителей, освобожденных от уплаты налогов, например, в 1853 г. по Хоринской Степной думе не платили ясак 50 человек[1045], по Селенгинской Степной думе в 1879 г. – 151 человек, по Аларской Степной думе в 1866 г. – 75 человек[1046]. Кроме родоначальников, в 1854 г. 463 бурята Аларской Степной думы были осво-

[1043] Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX века. М.: 1970. С. 309.

[1044] Копия предложения г. Приамурского генерал-губернатора от 30 ноября 1890 г. № 4196 Забайкальской казенной палате // Забайкальские областные ведомости. 25 января 1891 г. № 4. С. 2.

[1045] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 271. Л. 429–430.

[1046] ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 423. Л. 66–67.

бождены от уплаты ясака как принявшие крещение на 3 льготных года[1047].

Согласно общественным приговорам, на содержание местного управления определялись сборы на внутренние повинности. Смету на внутренние повинности составляли на общественном суглане с участием должностных лиц, почетных родовичей и общественных доверенных. Раскладка внутренних повинностей утверждалась генерал-губернатором.

Рассмотрим распределение податей и повинностей по одному из самых крупных бурятских ведомств – Хоринскому. Кочевые хоринские буряты в 1848 г. заплатили следующие виды податей и повинностей: ясачная подать, общая и частная земские подати, капитал народного продовольствия, хозяйственный капитал и межевание земель в сумме 51989 руб. 29 ½ коп. Оседлые платили те же виды податей, как и кочевые, кроме ясака. Вместо ясака они платили оброчные подати. Таким образом, в 1848 г. было собрано с кочевых бурят 51989 руб. 29 ½ коп., оседлых бурят – 189 руб. 63 ½ коп., всего 52178 руб. 93 коп., на одну рабочую душу приходилось по 6 руб. 60 коп. податей. Кроме этого, хоринские буряты собрали на внутренние повинности 5415 руб. 29 коп. и отбыли натуральные повинности на сумму 5902 руб. 02 коп., значительную долю которых заняло исправление дорог, мостов, гатей, перил, заготовка леса, всего на сумму 11317 руб. 31 коп., на одну рабочую душу приходилось 1 руб. 43 коп. внутренних повинностей в год.

Всего в среднем на одну рабочую душу приходилось податей и повинностей в сумме 8 руб. Однако надо отметить, что все это официально утвержденные суммы податей и повинностей, на самом деле собирались суммы, в несколько раз превышающие их. Так, житель Анинского селения Алексей Маханов просит Хоринскую Степную думу истребовать деньги с его братьев, работающих на приисках золотопромышленника Бутина, для уплаты натуральной повинности в размере 27 руб. за 1867 г.[1048]

В Кударинском ведомстве на внутренние повинности содержались Степная дума, Кударинское приходское училище, церковно-приходская школа в Часовенском миссионерском стане, обывательская гоньба при Степной думе, девять перевозов через

[1047] ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 153а. Л. 2.
[1048] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 526. Л. 409–409 об.

р. Селенга, Харауз, Шарауз, одна пара лошадей при Часовенском миссионерском стане, квартира и пища для проходящих по тракту воинских чинов, сторож и караульный при Кударинской миссионерской церкви, Иркутская учительская семинария, библиотека Кударинского училища, караульный при Кабанском кордоне, 13 стражников с лодкой для наблюдения за рыбным промыслом, ремонтировались дороги, мосты и т. д., всего 34 пункта на общую сумму 6828 руб.

Кроме вышеперечисленных податей и повинностей кударинское общество было обязано доставлять грузы по заданию начальства в г. Верхнеудинск, Читу, Иркутск, предоставлять мясо переселенцам, следующим в Амурскую область. Так, в 1860 г. кударинцы должны были поставить безвозмездно 100 пудов мяса (1 т 600 кг), доставить 20 тыс. пудов казенного хлеба из г. Верхнеудинска до г. Читы.

Все эти подати и повинности, обязательства по доставке грузов вынуждали кударинцев трудиться круглый год, занимаясь помимо своего хозяйства поисками дополнительных заработков. Важной статьей дохода кударинцев был извозный промысел, который заключался в доставке грузов на одноколочных подводах в летнее время из г. Троицкосавск до Чертовкинской пристани и в зимнее время на санях из г. Троицкосавск до г. Иркутска. Везли китайский чай и другие товары в Иркутск, а обратно – российские товары. В 1856 г. кударинские буряты заработали на извозе 2755 руб., которые употребили на оплату податей и на свои домашние потребности, в 1865 г – 1600 руб.

Суммы податей и повинностей постоянно увеличивались, и происходило это за счет повышения суммы внутренних повинностей. Если в 1895 г. на содержание Абаганатской управы было выделено 1274 руб., то в 1897 г. – уже 4133 руб. 24 коп. Таким образом, размеры податей и повинностей были разными в зависимости от местонахождения управы и наблюдается тенденция к их постоянному росту за счет увеличения суммы внутренних повинностей.

Помимо официальной сметы внутренних повинностей допускались «темные» денежные поборы с населения, употреблявшиеся на внутренние расходы. Такие приходы и расходы нигде не фиксировались и не учитывались. Об этом свидетельствуют ар-

хивные документы бурятских ведомств: в 1859 г. тайша Ольхонского ведомства Иннокентий Муравьев был арестован за излишние сборы денег с общества. По решению Правительственного Сената он был лишен всех особых прав и преимуществ, наград и сослан на житье в Якутскую область с воспрещением всякой отлучки из места на один год, а потом выезда в другие губернии и области в течение четырех лет. Было решено взыскать с его имущества 9630 руб. 71 коп., в случае несостоятельности взыскать с членов думы[1049].

В 1860 г. агинские родоначальники допустили 17748 руб. излишних сборов с бурят своего ведомства, и общее присутствие Забайкальского областного управления вынесло решение: «… по обстоятельству этому не производить следствия, но сделать бывшим в 1849–1851 гг. родоначальникам Агинского ведомства строгое замечание, за допущение этих сборов без предварительного на то разрешения высшего начальства»[1050].

В 1892 г. в Кударинском ведомстве под следствием находился бывший тайша А.П. Бушин, который за излишний сбор денег в подати и повинности был заключен на 8 месяцев в тюрьму[1051]. Таких примеров достаточно много.

В отличие от следствий по обвинению должностных лиц в излишних сборах податей особняком стоит следственное дело головы Цугольской инородной управы Зала Дылыгырова[1052] и других должностных лиц Агинской Степной думы, обвинивших во взяточничестве заседателя Нерчинского земского суда Посельского. Дело получило большой резонанс и продолжалось на протяжении нескольких лет.

Дело началось при сборе недоимок заседателем Нерчинского земского суда г. Посельским. Из показаний головы З. Дылыгырова следует, что заседатель приказал доставить недоимку прежних лет в две недели, а за первую половину сего года – в течение одного месяца, «потом истребовал г. Посельский от думы сведений насчет недоимки и говорил мне и еще голове Галсану Дашиеву, что

[1049] ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 437. Л. 9 об.–12.
[1050] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1187. Л. 1–1 об.
[1051] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1133. Л. 9.
[1052] Зала Дылыгиров, бурят харганатского рода, 1804 г.р., ламайской веры, был обучен монгольской грамоте, русского языка не знал, был женат, имел троих сыновей и одну дочь, имел юрту, скотоводство, занимался хлебопашеством, жил в урочище Турга.

за тихий сбор недоимки сделает нас десятниками и поставит нас на двое суток в тюрьму». Посельский через посредников предложил им собрать и отдать ему 1000 руб. серебром, в этом случае он дает отсрочку в сборе недоимок»[1053], с чем они согласились. В ходе следствия выяснились также факты рукоприкладства со стороны Посельского, разъезда по стойбищам на общественных подводах. Военный губернатор Забайкальской области П.И. Запольский 24 ноября 1853 г. предписывает заседателю Нерчинского земского суда г. Столбову расследовать эти факты как «имеющие тесную связь с обстоятельствами настоящего дела». Дело было направлено на доследование, в ходе которого должностные лица бурят пошли на попятную и стали отказываться от своих показаний[1054].

Кроме сбора денежных податей родовые управления, органы местного самоуправления следили за исполнением различных повинностей: дорожной, уртонной (почтово-перевозочная), арестантской, квартирной, по охране лесов от пожаров, по охране телеграфных столбов и т. д.

Буряты отбывали тяжелую дорожную повинность на строительных и ремонтных работах дорог, мостов, перевозов и т. д. По отчету Хоринской Степной думы за 1868 г., на исправлении дорог, мостов, гатей было занято 1051 человек с 2109 лошадьми, выполнивших работу на 16816 руб. На ответственности хоринских бурят состояли дороги длиной 387 верст от границ Нерчинского округа до г. Верхнеудинска и 140 верст дороги к Петровскому заводу[1055]. По отчету 1883 г., на дорожной повинности бурят Агинского ведомства лежала почтовая дорога, пролегающая от г. Читы к г. Нерчинску, длиной 39 верст 397 саженей и по обывательским и проселочным трактам длиной 370 верст, 5 перевозов[1056]. В 1891 г. на ремонте дорог работало 1157 человек, 694 лошади, отработали в общей сложности 15174 суток[1057].

Отбывание дорожной повинности можно подробно рассмотреть на примере Абаганатской инородной управы. В обязанности Абаганатской управы находилось исправление дорог:

[1053] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 65. Л. 93 об.
[1054] Там же. Л. 201 об.
[1055] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 526. Л. 681–681 об., 690–690 об.
[1056] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3762. Л. 114.
[1057] Там же. Д. 2876. Л. 114–116.

1) 2 участков Амурского тракта – от управы на расстоянии 88 и 122 верст, длиной 12 верст 233 сажени;

2) Кругобайкальский тракт – 148 верст от управы, длиной 3 версты 122 сажени;

3) Якутский тракт – 12 верст от управы, длиной 11 верст 360 саженей[1058].

Дорожная повинность исправлялась натурой или наймом по решению общественных приговоров. В 1892 г. общественным приговором было решено нанять подрядчика на исправление дорог, «…имея в виду, что в настоящем году снега глубокие, то исправления тракта потребуются еженедельно, а как эта натуральная повинность отстоит от нашего жительства на 120 верст расстояния, то относить эту повинность натурой будет крайне затруднительно»[1059]. Подряд отдали Михайло Матхееву из расчета по 0,07 руб. с 1528 ревизских душ на сумму 106 руб. 96 коп.

Исправление первых двух трактов обходилось в 603 руб. 56 коп., что приходится по 0,39 с половиной руб. с ревизской души (всего 1528 ревизских душ), Якутский тракт исправлялся натурой (150 руб.)[1060]. Для жителей управы отнесение дорожной повинности натурой было крайне обременительным, например, на исправление Якутского тракта (13 верст), находившегося от ведомства на расстоянии 50 верст, высылались 65 человек с лошадьми, что отрицательно сказывалось на их хозяйстве, поэтому они просили высшее начальство заменить наймом [1061].

12 марта 1893 г. управляющий Иркутским округом своим предписанием разрешил заменить натуральную повинность денежной при исправлении дорог и проведении торгов на отдачу подрядов на исправление дорожных участков на Амурском и Кругобайкальском трактах[1062]. 19 апреля 1893 г. суглан принимает постановление об отдаче подрядов на исправление дорог с торгов. Для участия в торгах нужно было иметь общественное поручительство от рода о том, что участник торгов «имеет достаточное домозаведение, скотоводство, занимается хлебопашеством» и общество поручается «за него круговою порукой друг на друге, с

[1058] ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 183. Л. 8–9.
[1059] Там же. Д. 7. Л. 20–20 об.
[1060] Там же. Д. 32. Л. 9–12.
[1061] Там же. Д. 186. Л. 14–14 об.
[1062] Там же. Д. 17. Л. 8.

правом выдачи ему задатка, а в случае неисправности подряд обязуемся исполнить лично»[1063]. В торгах приняли участие 11 человек, выиграли Алексей Забинов (начал с 1900 руб., торговался до 1015 руб. 50 коп.) и Ихиней Найманов (с 1700 руб. до 1010 руб.)[1064].

Состояние дорог строго контролировалось должностными лицами местной администрации, так, в 1895 г. иркутский окружной исправник проверил состояние дорог по управе и отметил, что большая часть дорог не исправлена, «что инородцы, выходившие на работу по исправлению трактов, только пьянствовали да съедали свои харчи, а головы инородные и выборные не имели за ними надлежащего наблюдения», в связи с чем он предписывает «немедленно распорядиться, чтобы означенные выше тракты немедленно были исправлены и приведены в должный вид»[1065].

При отбывании дорожной повинности предъявлялись следующие требования к рабочим: они должны работать 12 с половиной часов в сутки – с 7.30 до 11 часов дня, после трехчасового отдыха, с 2 до 8 часов вечера, должны быть не моложе 18 и не старше 60 лет. Каждый должен иметь лошадь, таратайку, свое продовольствие или деньги, лопату, кайлу, топор[1066].

Отбывание арестантской повинности также ложилось тяжелым бременем на инородцев. Органы инородческого управления должны были организовать работу по подготовке подвод, обеспечению караулом и сопровождению арестантских партий, доставке воды, продуктов, дров, отведению квартир[1067].

Арестантские партии, воинские партии следовало обеспечить квартирой, едой. Эти обязанности под названием квартирной также лежали на ответственности органов местного самоуправления бурят и исполнялись натурой. В 1868 г. через Хоринское ведомство прошли воинские партии, на их провоз, предоставление квартир и еды было занято 5300 человек, 15000 лошадей на сумму 29220 руб.[1068] В Усть-Ординском селении Кудинской управы в 1891 г. было предоставлено арестантам 2145 дней на сумму 6435 руб., военным чинам и рекрутам – 150 постоялых дней на сумму

[1063] ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 17. Л. 59.
[1064] Там же. Д. 17. Л. 51–51 об.
[1065] Там же. Д. 31. Л. 44–45.
[1066] ГАРБ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 14. Л. 27 об.–28.
[1067] ГАРБ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 376.
[1068] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 526. Л. 670 об.

1200 руб.[1069] В 1893 г. через Ользоновскую управу проследовало 59 арестантских партий, 2659 арестантов, 81 человек военного конвоя[1070].

Тяжелым видом повинностей была подводная повинность, предусматривавшая содержание междудворной и обывательской гоньбы; она заключалась в перевозке почты, должностных лиц, казенных и других грузов, например, поставка лошадей под своз нижних воинских чинов, арестантов, чиновников и т. д. В 1868 г. в Хоринском ведомстве в отправлении междудворной подводной гоньбы было задействовано 3067 человек, 816 лошадей на сумму 47110 руб.[1071] В 1891 г. междудворная гоньба по Амурскому тракту под связь воинских чинов и других стоила Кудинскому обществу 382 руб. 65 коп., обывательская гоньба в Пашковском селении для своза сельской почты и разных чинов по Амурскому тракту – 245 руб. 48 коп., по Якутскому тракту в Усть-Ординском селении –232 руб. 48 коп.[1072]

Хоготовской управе содержание шести пар лошадей при управе обходилось в 8760 руб., восемь пар лошадей при восьми экономических магазинах – 1200 руб., отбывание гоньбы – 350 руб.[1073] Тургинской управе подводная повинность в 1902 г. обходилась в 712 руб.[1074] и т. д.

Постоянный рост сумм денежных платежей приводил к накоплению недоимок, главной причиной которого являлось несоответствие податного обложения уровню платежеспособности коренных жителей. Так, только по Хоринскому ведомству на 1 января 1853 г. в недоимках с кочевых бурят числилась сумма 12459 руб. 21 ½ коп., с оседлых – 264 руб. 05 коп.[1075] Л.М. Дамешек, сравнив размеры окладов, установленных второй ясачной комиссией, с прежним обложением по комиссии 1763 г., отмечает значительное увеличение денежной подати. Так, если в 1763 г. общая сумма ясака исчислялась в 122075 руб., то в 1835 г. – 451128 руб. Разница составила около 330000 руб. Далее он приводит данные, сви-

[1069] ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 62. Л. 19.
[1070] ГАРБ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 64. Л. 21 об.–22.
[1071] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 526. Л. 690–690 об.
[1072] ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 62. Л. 17об.
[1073] ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 375. Л. 31.
[1074] ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 561. Л. 27.
[1075] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 271. Л. 26 об.

детельствующие о том, что ясачная подать с жителей Иркутской губернии увеличилась в 4,47 раза, а численность населения только в 1,96 раза[1076].

Местная администрация старалась жестко контролировать сбор податей, и периодически появлялись их предписания с требованиями своевременного сбора податей без недоимок. В противном же случае, как указывалось в предписании Верхнеудинского земского суда от 18 апреля 1834 г., «земский суд не исполнителей отошлет в ремесленный дом в город Иркутск, заставит работать до тех пор, пока недоимки не взыщутся» или «в противном случае из Иркутска будет послана экзекуция для поиска виновных»[1077].

Верхнеудинский земский суд 21 мая 1834 г. предписывает Селенгинской Степной думе взыскать все недоимки, «в случае же не взыскания всех недоимок будет взыскано от тайшей, родовых голов и прочих иноверческих начальников по строгости законов с отрешением от должности»[1078]. На основании этого предписания тайша Ю. Ломбоцыренов направляет приказ по родовым управлениям о срочном сборе недоимок в сумме: с кочевых бурят за 1833 г. и первую половину 1834 г. 20461 руб. 57 ½ коп., с оседлых – 1630 руб. 35 коп.[1079] Уже в апреле 1834 г. он рапортует о сборе недоимок за 1833 г. в сумме 1564 руб. 99 коп.[1080]

Должностными лицами местного самоуправления прилагались серьезные усилия по сбору этих сумм податей и повинностей, взысканию недоимок. Об отношении бурятских обществ к сбору налогов свидетельствуют нормы обычного права хоринских бурят, в которых отмечалось, что «если не удастся полностью собрать земские и подушные подати с населения деньгами, то описать имеющееся у них имущество и, распродав на нужную сумму, заставить заплатить. Если же не хватает их имущества или же будет допущено послабление в распоряжениях, то внести, описав и взяв имущество зайсана, а потом заставить возместить податного. Если люди, будучи в состоянии найти средства для уплаты податей, оставят без внимания и не найдут или проявят

[1076] Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в XIX – начале XX вв. Иркутск: 1983. С. 47.
[1077] ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 203. Л. 22, 23, 42–44.
[1078] Там же. Л. 62, 127.
[1079] Там же. Л. 59.
[1080] Там же. Л. 32

нерадивость, то таких людей»[1081] старосты родовых управлений, их помощники, головы и выборные инородных управ могли при сборе податей наказывать розгами. Если же люди неимущие не могли найти деньги для уплаты податей, то следовало их «продать на срок тем людям, которые пожелают использовать для работы»[1082].

Органы местного самоуправления бурят строго поступали с недоимщиками, к ним применялись меры физического и морального воздействия. Так, в 1890 г. за отказ от уплаты недоимки инородец 7-го Хонходорского рода Аларского ведомства Н. Мезенцев был наказан 15 ударами розгами, за отказ выйти на исправление проселочного тракта Федора Матинина приговорили к 7 дням ареста при Аларской тюрьме[1083]. В случае же допущения «послабления и затяжки в исполнении сбора казенных податей, … в осуществлении поручений и предписаний по проведению мероприятий среди инородцев», сами старосты на первый раз заключались в тюрьму на трое суток, при повторении наказывались розгами. На третий раз их освобождали от должности[1084].

С целью уплаты податей и повинностей многие буряты вынуждены были наниматься на золотодобывающие прииски Иркутской губернии, Забайкальской области и Амурской области. По контрактам они получали задаток, которым уплачивали подати и уходили на годичные работы. В фондах Степных дум и инородных управ имеется много документов о выдаче увольнительных билетов для выезда на работу, обязательство разных лиц уплачивать за них подати и повинности в их отсутствие, переписка с администрациями приисков из-за неявки на работу.

Например, в 1868 г. от главноуправляющего делами Верхне-Амурской золотопромышленной компании из Албазинской станицы Амурской области поступило письмо в Хоринскую думу с просьбой отправить инородца Кубдутской инородной управы Тараса Грязнова на работу к ним согласно контракту, так как он, получив при найме задаток 90 руб., не явился к ним[1085], письмо от горного исправника Нерчинского округа о доставке на Дмитри-

[1081] Обычное право хоринских бурят. С. 94–95.
[1082] Там же. С. 59.
[1083] ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 786 а. Л. 1–2. Там же. Д. 66. Л. 2 об.
[1084] Обычное право хоринских бурят. С. 94.
[1085] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 526. Л. 454–454 об.

евский прииск золотопромышленника Бутина инородцев Федора Ирдыниева, Бориса Шишова, Цыренкол Ирдынеева, также получивших задаток и не явившихся на работу[1086] и т. д. 8 февраля 1868 г. Контора забайкальских золотых промыслов наследников С.О. Соловьева (прииск Воскресенский) пишет письмо Хоринской Степной думе о выдаче годичного увольнительного билета Семену Зубакину, «оставшегося на здешних промыслах в зимовые и летние работы на 1868 г. на уплату податей и повинностей, а также на бланк нового вида денег 5 руб. серебром»[1087].

Важным направлением деятельности инородческого самоуправления было развитие хозяйства бурят. Основными отраслями хозяйства бурятского населения были скотоводство, земледелие и промыслы. Согласно переписи 1897 г., 50,2% населения занимались скотоводством, 46,8% – земледелием, 0,6% – рыболовством и охотой, 0,1% –другими доходными занятиями, 0,8% – торговлей, 1,5% – прочими занятиями[1088]. Первое место среди бурят-скотоводов занимали хоринцы, селенгинцы, агинцы.

Например, в 1849 г. доходы хоринских бурят составили: от скотоводства – 44483 руб. 98 коп. (85,6%), звероловства – 6710 руб. 18 коп. (12,9%), от рыболовства – 347 руб. 40 коп. (0,7%), промысла орехов – 427 руб. 45 коп. (0,8%)[1089].

В. Паршин, Р. Маак, Э.Г. Толь, Д. Стахеев, наблюдавшие хозяйственную жизнь в бурятских ведомствах в XIX в., отмечают, что главное богатство бурят заключается в скотоводстве[1090]. Наличие скота определяло степень богатства и общественное положение его владельцев, благополучие семьи и детей. Скотоводческое хозяйство в Забайкалье носило экстенсивный характер. Преобладало пастбищное скотоводство на подножном корму, но по сравнению с XVIII в. увеличилось сенокошение для подкорма скота в

[1086] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 526. Л. 445–445 об.

[1087] Там же. Л. 388–388 об.

[1088] Серебренников И. Буряты: по данным переписи 1897 г. // Сибирские вопросы. 1908. № 37–38. С. 18–27.

[1089] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 162. Л. 255 об.

[1090] Паршин В. Поездка в Забайкальский край: в 2 ч. М.: 1844. С. 54–55; Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела императорского русского географического общества в 1855 г. Р. Мааком. СПб.: 1859. С. 17; Толь Ф.-Э. Г. Воспоминания о Восточной Сибири: очерк // Петрашевцы в Сибири. Иркутск: 2005. С. 325–375; Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Восточные окраины Сибири. СПб.: 1895. Т. 12. С. 180.

зимнее время. Уже в первой половине XIX в. забайкальские буряты активно применяли орошение пастбищ и покосов. Необходимость подкормки скота зимой и весной стимулировала развитие сенокошения. Сенокошение развивалось во всех забайкальских ведомствах. Прибайкальские буряты, имевшее меньшее поголовье скота, чем селенгинцы, хоринцы, агинцы, тем не менее больше заготавливали сена. Занимаясь скотоводством, буряты разводили крупный рогатый скот, лошадей, коз, овец. У хоринцев, селенгинцев, агинцев разводились верблюды, часть бурят разводила свиней. В горнотаежных районах Тункинского и Селенгинского ведомств среди домашнего скота встречались олени, яки и поместный скот – хайнаки.

Подробные данные о развитии скотоводства у бурят находят отражение в архивных документах – отчетах, сведениях – с начала XIX в. В разных бурятских ведомствах в зависимости от географических и климатических условий имелось разное количество скота. Так, в 1849 г. в Агинской Бырке-Цугольской управе на одного жителя приходится 11,42 головы скота[1091]. В 1868 г. на одного жителя Хоринского ведомства приходится 4,78 головы скота[1092]. В 1891 г. в Кудинском ведомстве на одного жителя управы приходится 3,74 головы скота.

В начале XIX в. основным занятием баргузинских бурят было скотоводство, служившее источником их существования. Согласно ежегодным отчетам Баргузинской Степной думы, «баргузинские буряты жизнь ведут кочевую, переменяя оное два раза в год, на летних стойбах они живут с мая по 15 число сентября, а на зимних с 15 сентября до последних чисел мая. Во время лета при зимних стойбах своих они заготавливают на зиму сена, потому что оные стойбы расположены у них при сырых и покосных местах, жить же на летниках для них удобно, потому что таковые у них находятся на высоких степных местах»[1093]. Как отмечают должностные лица Степной думы, высокие степные места обеспечивали прохладный воздух, спасали от частых наводнений во время разлития р. Баргузин и обеспечивали подножным кормом. Баргузинские буряты строили для скота теплые хлева.

[1091] ГАРБ. Ф. 369. Оп. 2. Д. 12. Л. 44.
[1092] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 526. Л. 640 об.
[1093] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 450. Л. 1.

Баргузинские буряты разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец и коз. В статистическом очерке за 1872 г. отмечается, что «… скот у баргузинских бурят обыкновенной сибирской породы. Буряты в разведении скота усердны, знают, что главная поддержка от скотоводства идет…». Конное стадо не приносило им особой выгоды, как отмечается в ежегодных отчетах. Однако лошади служили мерилом состоятельности баргузинских бурят, которые использовали их для верховой езды. В домашних работах в роли тягловой силы использовались быки. Табуны лошадей паслись свободно на пастбищах и пригонялись домой только летом для дойки кобыл.

Главное богатство баргузинских бурят заключалось в рогатом скоте, от которого, как пишут в отчетах, буряты получали наибольшую выгоду: 1) значительное количество рогатого скота угоняли в г. Верхнеудинск для продажи; 2) изготавливали из коровьего молока масло, которое употреблялось ими в пищу, а также являлось предметом продажи; 3) рогатый скот составлял основную часть годовой провизии баргузинских бурят в мясе, арце, коже; 4) продавалось не только мясо рогатого скота, но и кожа; 5) все домашние работы выполнялись на быках[1094].

Овцеводство также приносило баргузинским бурятам немалую выгоду: 1) буряты изготавливали из молока овцы тарак, употребляемый в пищу в виде крестьянской простокваши; 2) немалое количество шерсти ежегодно продавалось на Тельминскую казенную фабрику и в частные руки; 3) из оставшейся шерсти буряты катали войлок, из шкур шили одежды, одеяла и т. д.; 4) значительное количество мерлушек продавалось на ярмарках, принося хорошие доходы; 5) овцы служат источником пропитания в летнее время и не требуют больших усилий в уходе за ними.

Судя по ежегодным отчетам Баргузинской Степной думы, поголовье скота ежегодно увеличивалось, так, в 1850 г. по ведомству числилось 52 367 голов[1095], в 1865 г. – 76 928[1096], 1887 г. – 142 900[1097]. В 1869 г. на семью из 4 человек приходилось лошадей до 5 голов, рогатого скота – до 12 голов, мелкого скота – до 10 голов[1098]. Что

[1094] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 450. Л.10-10 об.
[1095] Там же. Д. 221. Л. 26.
[1096] Там же. Д. 1214. Л. 41 об.
[1097] Там же. Д. 2178. Л. 70 об.
[1098] Там же. Д. 1422. Л. 8.

касается распределения скота по видам, то по ведомости 1887 г. жители Баргузинской Степной думы имели 21 300 голов лошадей, 47 400 голов рогатого скота, 68 000 овец и 6200 коз.

Баргузинские буряты продавали скот преимущественно на золотые промыслы в количестве от 400 до 800 голов ежегодно по цене от 18 руб. до 45 руб. за штуку, шерсть – купцам г. Баргузин в количестве от 150 руб. до 350 пудов по цене от 2 руб. 50 коп. до 3 руб. 35 коп. за пуд[1099]. В 1887 г. от продажи скота и других продуктов животноводства выручили денег: лошадей – 2025 руб., рогатого скота – 30 075 руб., коровьего масла – 8200 руб., скотского масла – 3500 руб., скотских сырых кож – 10 000 руб.. овечьей шерсти – 1200 руб.[1100]

Скотоводство относилось к рискованному виду хозяйствования, которое зависело от таких факторов, как климатические условия и эпизоотическое благополучие. Засушливое или дождливое лето, холодная малоснежная зима приводили к отсутствию кормов, что сказывалось на приросте скота. Содержание большого количества скота являлось делом трудным. Скот в основном в течение длительного периода времени в году находился на подножном корму, поэтому его сохранность и упитанность во многом зависели от капризов природы. Так, только по Агинскому ведомству в снежную бурю 1860 г. погибло 1517 голов скота на сумму 4629 руб. 10 коп.[1101], в 1862 г. из-за выпадения большого количества снега пало 19 873 единицы скота на сумму 38 569 руб. 25 коп.[1102], из-за чумы пало 30 000 голов скота[1103], в 1874 г. задрано волками 3975 голов скота[1104].

В Баргузинском ведомстве в 1887 г. 619 голов скота было задавлено волками[1105]. Или же в 1895 г. родовой голова Оторчинского рода пишет в Баргузинскую Степную думу, что из-за недонашивания телят нет прироста скота, а также 75 голов скота задрано волками и погибло от недостатка кормов[1106].

[1099] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1568. Л. 34 об.–35
[1100] Там же. Д. 2178. Л. 40 об.
[1101] ГАРБ. Ф. 129. Оп .1. Д. 1199. Л. 19 об.–20.
[1102] ГТам же. Д. 1307. Л. 4 8об.–49.
[1103] Там же. Д. 3893. Л. 33–39.
[1104] Там же. Д. 2176. Л. 24–25.
[1105] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2178. Л. 71.
[1106] Там же. Д. 2392. Л. 33

Таким образом, из-за гибели скота «многие инородцы подвергались совершенной разорительности»[1107]. На помощь пострадавшим приходило общество. Так, в 1899 г. пострадавшим агинским бурятам было выдано 6637 руб. 92 коп.[1108]

Буряты ценили малорослую породу своих лошадей и считали, что ее можно улучшить, например, за счет производителей из других местностей, как случилось в притрактовых местностях около озера Еравны, Корго и Исанты, где благодаря только тому, что «сюда чаще попадали производители из других местностей без всяких попыток систематического улучшения, бурятская лошадь стала гораздо крупнее и сильнее и притом не потеряла своих хороших природных качеств – выносливости и способности довольствоваться скудным подножным кормом и быстро поправляться при мало-мальски улучшенном содержании после голодовки». Эти качества бурятской породы лошадей могли понадобиться для целей военного времени, «где и люди, и животные часто должны напрягать свои силы для перенесения лишений и трудностей службы, не могут не иметь своей цены. Дать для войск Восточной Сибири дешевого и доброго боевого коня, коня работника для земледельца и приискателя, нам кажется было бы посильной задачей для наших степей, население которых с незапамятных времен привыкло к коневодству»[1109].

С начала XIX в. значительная часть бурятских родов занималась земледелием. Большая потребность в хлебе, обусловившая относительно высокие цены на него, стимулировала бурят заниматься земледелием. Е.М. Залкинд приводит выдержки из отчета по Иркутской губернии за 1842 г.: «Из инородцев-хлебопашцев первое место занимают балаганские и верхоленские буряты, затем все Иркутского округа и частью Верхнеудинского округа селенгинские буряты». В Забайкалье в этот период хлебопашество у бурят развивалось незначительно. Но с середины XIX в. начинается подъем восточносибирского земледелия, обусловленный развитием золотодобычи и возросшим спросом на хлеб северных окраин, освоением Амура, открывших для восточносибирского хлебопашца новый рынок сбыта. Значительное повышение спро-

[1107] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 561. Л. 1–1 об.
[1108] Там же. Д. 3232. Л. 61.
[1109] Там же. Д. 3892. Л. 1–9 об.

са на хлеб обусловило и сравнительно быстрый прогресс земледелия даже в наиболее отсталом в этом отношении Агинском. Местная администрация в 1850-х гг. начала проводить политику превращения местных бурят в чистых земледельцев и перевода их на оседлый образ жизни, продолжавшуюся до конца XIX в.[1110]

Баргузинские буряты начали заниматься хлебопашеством, как отмечает Сахар Хамнаев, «первоначально в 1813 г., а до того они понятия об оном не имели». Баргузинская Степная дума дает такую характеристику почве ведомства: «Грунт земли … древесный и часть … земли болотистая…, на всем протяжении жительства бурят, кроме мелких горных рек, течет одна река Баргузин, впадающая в Байкал. По обеим берегам реки Баргузин располагаются жилища бурят»[1111].

За период с 1813 по 1834 гг. размер посевных площадей был доведен до 350 десятин, а с 1834 г. по 1842 г. – до 1002 десятин[1112]. Однако к 1855 г. уже засевали до 500 десятин, ранее обработанные поля с канавами оказались заброшенными. В 1873 г. пшеница была посеяна на 40 десятинах, ярица – на 1516 $^{1}/_{3}$ десятинах, овес – на 300 десятинах[1113].

Согласно архивным документам за 1872 г., баргузинские буряты землю пахали сохой, редкие хозяева удобряли землю назьмом, урожаю способствовали поливка земли во время засухи, для полива были устроены искусственные водопроводы, которые берут воду из горных речек[1114]. Земли распахивали два раза: первый раз – в июне (назывались паровые земли), второй раз – в последних числах апреля следующего года, перед посевом.

Основной культурой земледелия была ярица (яровая рожь), для подкормки лошадей выращивали овес, а пшеницу сажали в малых количествах. Полевые работы по засеву и уборке хлебов начинались с конца апреля по сентябрь включительно. Огородничеством до 1840 г. не занимались. После принятия мер со стороны Степной думы с 1867 г. начали посев картофеля, позже – капусты[1115].

[1110] Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. С. 44–47.
[1111] ГАРБ. Ф.7. Оп.1. Д.428. Л. 8-9.
[1112] Там же. Д.923. Л.2-2 об.
[1113] Там же. Д. 1568. Л. 31.
[1114] Там же. Д. 1614. Л. 5 об.
[1115] Там же. Д. 1354. Л. 17

Ежемесячно в вышестоящие органы представлялись отчеты Баргузинской Степной думы о росте хлебов и трав с указанием состояния погоды и посевов. Например, «…погода стояла весьма холодная, с постоянными заморозками, всходы по случаю холодного времени редки и низки…»[1116].

В 1887 г. было снято урожая: пшеницы – 52 четверти, ярицы – 767 $^{1}/_{3}$ четверти, овса – 540 $^{3}/_{5}$ четверти, картофеля – 78 четверти[1117].

Пшеничную муку изготовляли на собственных водяных мельницах, которые называли мутовками. Они промалывали зерна в сутки от 15 до 25 пудов[1118]. Хлеб продавали в г. Баргузин, часть – на золотые промыслы. Цена провоза 1 пуда хлеба сухопутным путем составляла 50 коп. на 100 верст[1119].

Посевом картофеля баргузинские буряты занялись в 1840 г. Несмотря на хороший урожай картофеля, баргузинские буряты «…занимаются очень неприлежно, немногие в этом случае оказывают усердие и они-то пользуются продовольствием картофельным от своих трудов, а то большая часть скитаются за приобретением для пропитания оного в русские селения»[1120]. В 1839–1842 гг. баргузинские буряты по инициативе Сахара Хамнаева начали также заниматься посевом конопли из-за острой необходимости в веревках, мотоузах и неводах.

В Иркутской губернии происходит падение удельного веса скотоводства в бурятских хозяйствах, сокращается общее количество скота. М.Н. Богданов в 1905 г. писал, что по сведениям крестьянских начальников, собранным через посредство инородных управ, «… за пятилетие, с 1898 по 1902 гг., в инородческих ведомствах Балаганского уезда самый низкий процент сокращения скотоводства равняется 17, высший же – 50»[1121]. Как отмечает Н.Р. Мангутов, «с увеличением населения, главным образом, за счет переселенцев из России, резко сокращался земельный простор для пастбищного скотоводства. Это влекло за собой умень-

[1116] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1470. Л. 4.
[1117] Там же. Д. 2178. Л. 58.
[1118] Там же. Д. 1614. Л. 5.
[1119] Там же. Д. 1568. Л. 34 об.
[1120] Там же. Д. 923. Л. 3 об.
[1121] Братский М. (Богданов М.Н.) Очерк бурятского хозяйства в Балаганском уезде Иркутской губернии // Сибирские вопросы. 1905. № 2. С. 283.

шение численности скота и понижение доходов от животноводства. Скотоводство постепенно переставало быть прочной опорой бурятского хозяйства и не могло обеспечить благосостояния бурят. Поэтому буряты начинают переходить от скотоводства к земледелию, к хлебопашеству»[1122].

В конце XIX в. хозяйство иркутских бурят было земледельческо-скотоводческое. Земледелием активно занимались идинские, балаганские, аларские буряты, обитавшие в удобных для хлебопашества и скотоводства местностях по притокам Ангары – Оке, Осе, Идее, Унге. Затем следовали кудинские и верхоленские буряты. Ольхонские буряты практически не занимались земледелиеМ.П.Е. Кулаков, исследовавший хозяйство ольхонских бурят, приводит такие данные по занятию земледелием местного населения в 1895 г.: если в Верхоленском округе только 5,4% хозяйств не имеют запашки, в Иркутском, Балаганском и Нижнеудинском округах – 3,7%, то в Ольхонской Еланцинской и Кутульской инородной управах доля таких хозяйств составляет 71,7% и 97,3% соответственно[1123]. М.Н. Богданов приводит данные о том, что в Иркутском уезде на 1 голову скота бурят приходится 2,9 десятины земли, у русских – 9,6 десятины, что в 1,8 раза больше[1124].

О состоянии земледелия бурят в Иркутской губернии и Забайкальской области свидетельствуют архивные документы. Земледелие, несмотря на успехи, было рискованным занятием, целиком зависевшим от природных факторов. Поздние весенние и ранние осенние заморозки, град, наводнения, засуха, нашествия на поля саранчи (кобылки) – все это сопутствовало земледелию в Восточной Сибири.

О деятельности органов местного самоуправления по развитию земледелия можно судить по Агинскому ведомству, где инородческие начальники принимали все меры для распространения земледелия, исполняя предписания вышестоящего начальства. Управляющий Иркутской губернией предписывал начальнику Нерчинского округа, «…чтобы не было допускаемо никаких при-

[1122] Мангутов Н.Р. Социально-экономические отношения в Западной Бурятии // Культура и быт народов Бурятии. Улан-Удэ: 1965. С. 111.

[1123] Кулаков П.Е. Ольхон. Хозяйство и быт бурят Еланцинского и Кутульского ведомств Верхоленского округа Иркутской губернии. СПб.: 1895.

[1124] Богданов М.Н. Иркутские буряты и землеустройство // Сибирские вопросы. 1908. № 31–32. С. 38.

нудительных мер, и инородцы приохочивались к земледелию мерами убеждения и поощрения, и особенно указанием той очевидной пользы, какую они от этого могут приобрести»[1125]. Нерчинский земский суд обязывал всех занимающихся хлебопашеством «…пока хлеб не будет посеян и огорожен как должно, не откочевывать в отдаленные места, зачем и должны иметь строжайшее наблюдение родовые начальники, между тем должны вразумить инородцам, что урожай хлеба может быть только тогда, когда он будет посеян своевременно»[1126]. В свою очередь, в 1849 г. тайша Тугултур Тобоев предписывал управам «принять всевозможное старание к усилению против прежнего хлебопашества и посева картофеля с огородными овощами и об избрании в каждом родовом управлении хлебопахотных смотрителей»[1127].

Орудия земледелия у бурят оставались самыми примитивными. Так, в Унгинской управе только у жителей Тыретской деревни имелись молотилки и веялки[1128]. В 1893 г. ведомство получило несколько веялок-сортировок для просушки зерна в экономических магазинах[1129]. В Агинском ведомстве поля обрабатывались простыми крестьянскими орудиями – боронами, сохами, железо для лемеха получали из читинского магазина по распоряжению Петровской горной конторы[1130].

В начале XX в. начинают поставлять сельскохозяйственную технику. А.И. Термен приводит данные о том, что в Верхоленском уезде доставку необходимой техники берут на себя люди состоятельные. Так, фирма «Мак-Кормик» в Москве дала представительство Н. Ханхасаеву Курумчинского ведомства, очень состоятельному буряту, а «Осборн» – С. Александрову в Хоготе[1131]. Приобретение сельскохозяйственной техники обходилось бурятам дорого: представители фирм помимо 10% скидки брали за доставку машины 10 рублей и, продавая грабли, сенокосилки и т. д. в долг, накидывали еще 30%.

[1125] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 595. Л. 6 об.
[1126] Там же. Д. 2. Л. 86.
[1127] Там же. Д. 451. Л. 1–1 об.
[1128] ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 88.
[1129] ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1 Д. 83. Л. 30.
[1130] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2186.
[1131] Термен А.И. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области: очерки и впечатления. СПб., 1912. С. 120.

В 1908 г. в Хоготовской управе земельные угодья продолжали обрабатываться в основном старинными орудиями, из машин применялись 20 гребниц, шесть сенокосилок, четыре «жнитвенок», пять молотилок, 25 веялок. К 1910 г. в хозяйстве у абаганатцев появляются конные косилки, грабли: на 99 хозяев по 1-му Абаганатскому роду было 100 деревянных сох, 92 деревянные бороны, четыре конные косилки, девять конных граблей[1132].

Несмотря на принимаемые меры местной администрации, органов местного самоуправления бурят по развитию земледелия, необходимо отметить, что особых успехов не наблюдается. В 1898 г. Намдак Дылыков и Буда Рабданов пишут, что упреки в сторону бурят в «отвращении к земледелию» несправедливы: на реках Тугнуе и Хилке около Верхнеудинска земледелие практикуется уже около 80 лет, между тем в соседних местностях земледелие не существует. Все попытки завести земледелие на притоках Витима терпели неудачу.

Далее они пишут, что в Агинском ведомстве мерами администрации вводилось в 1850 гг. земледелие, «но оно превратилось в особого рода натуральную повинность: буряты раскладывали ее между собой по рабочим душам, нанимали русских крестьян из дальних деревень пахать, сеять и убирать хлеб; но убирать его редко приходилось, так как хлеб несмотря на то, что был посеян умелыми руками, не родился. И теперь в Агинском запашки представляют исключительное явление. Дело это по нашему разумению объясняется не отвращением бурят к земледелию, а невыгодностью его в известных местностях. Где условия позволяют, буряты не отступают перед трудом и издержками. Доказательством этому может служить устройство искусственного орошения, иногда в очень широких размерах. Примером может служить Балягинский улус в Хоринском ведомстве, где целое общество на свой счет устроило громадную и сложную систему искусственного орошения и более 700 десятин бесплодной земли превратило в луга и пашни»[1133].

Неудачи с разными нововведениями они объясняют главным образом недостатком знаний о хлебопашестве и опыта. Вполне возможно, что, если бы в ту пору лучше знали почвенные и кли-

[1132] ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 118. Л. 38–39.
[1133] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3892. Л. 1–9 об.

матические условия бурятских степей, если бы вместо общеизвестных сортов семян хлеба дали бы для пробных посевов семена, приспособленные для сухих местностей, результаты были бы не так неудачны.

Они полагают, что земледелие – это «не единственная отрасль сельского хозяйства, могущая давать доход в бурятских землях и нужная для государства. В степях Агинского ведомства, бедных водой, в лесистых и болотистых местах по системе Витима и Конды вряд ли можно ожидать широкого развития земледелия, но там вместо земледелия могло бы давать значительный доход скотоводство. Солончаковые степи, безнадежные для земледельца, составляют сокровище для скотовода. Рядом с потребностью в хлебе существует не менее важная для здорового питания потребность в мясе и молочных продуктах. Мясо в Иркутске не дешевле Петербургского, масло коровье очень дорого в Чите. Нельзя признать нормальным такое явление, когда рядом находится скотоводческая местность»[1134].

Из всех мер сибирской администрации по развитию земледелия наиболее полезной оказалось создание хлебозапасных экономических магазинов. Хлебные экономические магазины создавались в Сибири как одна из мер по развитию земледелия и как форма взаимопомощи в крестьянских и инородческих обществах на случай неурожаев.

В Сибири хлебозапасные магазины стали создаваться на основе сенатского указа от 14 февраля 1799 г.[1135] Учреждая хлебозапасные магазины, государство без затрат со своей стороны, усилиями самих крестьянских и инородческих обществ пыталось обеспечить их хлебом и семенами при неурожае. Основная цель создания этих магазинов состояла в том, чтобы накапливать хлебные запасы на случай неурожайных лет за счет обязательного ежегодного взноса хлебопашцами по получетверику[1136] озимых и полугарнцу[1137] яровых хлебов.

[1134] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3892. Л. 1–9 об.

[1135] ПСЗРИ. Ст. 18856. 1 собр. Т. 25. СПб.: 1830. С. 562–565.

[1136] получетверик – старая русская мера сыпучих тел, равная половине четверика, равная 13,1 л.

[1137] полугарнец – старая русская мера сыпучих тел, равная половине гарнца, равная 1,64 л.

В 1822 г. одновременно с принятием Устава об управлении инородцев было принято и Положение о казенных хлебных запасных магазинах. Согласно данному Положению, магазины разделялись на постоянные и временные. Первые наполнялись положенным количеством хлеба ежегодно, вторые учреждались только в неурожайные годы. Число магазинов и количество запасов определялись согласно расписанию, которое могло быть изменено только главным управлением, причем «наблюдается, чтобы нужды обывателей были предусмотрены и продовольствие их благовременно обеспечено, чтобы не преграждать, но всемерно поощрять частную хлебную промышленность, и чтобы магазины служили пособием в случае необходимости, а не средством к введению казенной монополии». Хлеб заготавливался с торгов или хозяйственным образом, из «первых земледельческих рук». Кочевым и бродячим инородцам продажа хлеба производилась в случае неулова рыбы и зверя и при недостатке обыкновенных способов их пропитания. Продажа инородцам производилась на наличные деньги, на звериные шкуры, по оценке их на ярмарках и сугланах, или в долг на определенный срок.

Согласно данному Положению, разрешалось делать отсрочки, а при невозможности взысканий – списывать со счетов[1138]. К 1829 г. в русских селениях и бурятских улусах Иркутской губернии было всего 515 таких магазинов.

Из экономического магазина по решению сугланов выдавалась ссуда семенами для посева нуждавшимся, которые давали обязательство внести в магазин из будущего урожая доброкачественное зерно, без недоимки, и ручались друг за друга круговой порукой и давали свидетельскую присягу и подписывались. Так, в 1897 г. по 1-му Абаганатскому роду в ссуде нуждались 72 человека, 2-му Абаганатскому роду – 106, 3-му Абаганатскому роду – 188, 4-му Абаганатскому роду – 94 человека[1139].

Магазины размещались в деревянных одноэтажных и двухэтажных домах. В Аларской управе Хигинский экономический магазин размещался в двухэтажном деревянном здании, крыша которого была крыта железом, Шалотский магазин – в одноэтажном де-

[1138] ПСЗРИ-1. № 29133. Т. 38. СПб.: 1830.
[1139] ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 51. Л. 9, 14, 34, 42, 53, 62.

ревянном здании, крытом тесом[1140]. Некоторые магазины не соответствовали условиям хранения хлеба и случались порчи хлеба. В 1900 г. по Абаганатской управе испортилось 3200 пудов хлеба в Кулункунском экономическом магазине, 1200 пудов – в Задинском и 2500 пудов – в Булусинском экономическом магазине[1141].

При экономических магазинах служили смотрители и вахтеры, которые были обязаны сохранить в целости хлебные запасы, поступившие в магазин, выдавать инородцам в ссуду хлеба не иначе как с разрешения инородческого управления, содержать их под ключом[1142]. В § 5 Положения о степных законах и обычаях между инородцами Забайкальской области кудыринского племени существующих говорится о выборах смотрителей и вахтеров: «Улусные старшины, смотрители и вахтеры экономических магазинов избираются обществом того рода или улуса, к которому они принадлежат, всегда из людей хорошего поведения, благонадежных и на срок подошедшей очереди и по числу душ, семейство составляющих, с согласия и ведома родового головы, по приговору общества, основанному на единогласии или большинстве голосов»[1143]. Смотрителей экономических магазинов, «допустивших по нерадивости послабление и затяжку… в взыскании магазинного хлеба, а также в осуществлении поручений и предписаний по проведению мероприятий среди инородцев, за первую затяжку заключить на трое суток под тюремный надзор». За вторичное нарушение они приговаривались к наказанию розгами, в третий раз уже освобождались от должности[1144].

В случае растраты хлеба из экономического магазина смотрители подвергались строгим взысканиям. Например, предписанием Балаганского окружного полицейского управления от 7 октября 1871 г. вахтер Хигинского экономического магазина Шалунов был заключен на две недели в Иркутский тюремный острог за неправильную выдачу хлеба[1145]. Общественным приговором аларских бурят от 24 октября 1874 г. смотрители магазинов Иван Сучкин,

[1140] ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 767. Л. 20–21.
[1141] ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 186. Л. 1–2.
[1142] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 384. Л. 96–97.
[1143] «Положение о степных законах и обычаях между инородцами Забайкальской области Кудыринского племени существующих» // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ: 1968. С. 180.
[1144] Обычное право хоринских бурят. С. 94.
[1145] ГАРБ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 122. Л. 140–141.

Шарым Шульгин и Будей Парханеев за недостачу общественного хлеба лишались права голоса на сугланах и как не оправдавшие доверия общества не могли в будущем избираться ни в какие общественные службы[1146].

Засыпали хлеб в хлебозапасные магазины в урожайные годы все жители ведомства, не получая никакой платы за него. В случае необходимости из экономического магазина по решению сугланов выдавалась ссуда семенами для посева нуждавшимся, которые давали обязательство внести в магазин из будущего урожая доброкачественное зерно, без недоимки, и ручались друг за друга круговой порукой и давали свидетельскую присягу и подписывались. На самом деле в хлебозапасные магазины обычно сдавали хлеб похуже. Он там не подрабатывался, хранился не в идеальных условиях, поэтому зерно всегда было низкого качества, непригодное на семена. С несостоятельных жителей и такое количество хлеба собрать было трудно, поэтому с каждым годом увеличивалось число нуждавшихся в ссуде хлеба, накапливались хлебные недоимки.

Контроль за экономическими магазинами и ответственность за их состояние полностью лежали на Степных думах, инородных управах и родовых управлениях. Инородческие власти периодически проводили ревизии состояния хлеба в экономических магазинах. Так, Агинская Степная дума доносит читинскому окружному исправнику 7 августа 1881 г. о том, «…что хлеб, хранящийся в трех экономических магазинах Агинского ведомства в присутствии второго тайши Борончо Бородинова, заседателей думы Золтоева, Сундуева, членов инородных управ и депутатов от обществ, осмотрен, просушен и проветрен… и найден неповрежденным на посев и употреблению на продовольствие»[1147].

Контроль за экономическими магазинами осуществляло, кроме инородческих властей, губернское правление. Так, в апреле 1835 г. стряпчий губернских казенных дел Орлов докладывал о пустых экономических магазинах, на что следует предписание губернатора Восточной Сибири принять «меры к обеспечению пополнения хлеба неправильно и самолично розданного…» и «отрешить виновных от должностей и подвергнуть надлежащей

[1146] ГАРБ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 105. Л. 3–3 об.
[1147] ГАРБ. Ф. 129. Д. 3720. Л. 19–19 об.

ответственности, а обществам избрать на место их из других благонадежных, приняв вместе с тем самые строгие меры к пополнению хлебом на будущее время…»[1148].

В 1846 г. чиновник особых поручений Иркутского общего губернского правления Мордвинов провел ревизию сельских экономических магазинов Верхнеудинского округа, обращая особое внимание на состояние зданий магазинов и их содержание, на хранение и раздачу в ссуду хлеба, на наличие при магазинах книг прихода и расхода хлеба, на исправность счетоводства, имеются ли клейменые меры. Им были осмотрены почти все магазины Ильинской и Итанцинской волостей, Кульского отдельного общества и ведомства Кударинской и Хоринской Степных дум, всего 25 магазинов. Так, в ведомстве Кударинской Степной думы был проверен магазин в с. Хараузский, который находился «при самой Степной думе и в коем помещаются запасы всего ведомства, он состоит из 10 амбаров, из коих 7 старых довольно неисправных, так что на трех из них крыши в весьма ветхом состоянии и от течи может быть порча хлеба и трех новых выстроенных самовольно, за что, впрочем, членам думы сделан был начальством выговор. Хлеба находилось в магазине при ревизии 1224 четверти[1149] 4 четверика[1150] ярового и преимущественно ячменя, лежащего без перемены, заметны щели, через кои проникает течь, пыль и снег; закромов 6 немерных, в них находилось разного хлеба до 300 четвертей порядочного качества, на закромах есть надрезы, но не согласны вместимостью их, необходимы исправления магазина, кои в 1846 году вовсю не производилось»[1151]. Таким же образом выглядели хлебозапасные магазины в крестьянских обществах.

Возмущение чиновника вызвал факт отсутствия мерных шестов, клейменых весов и гирь. В своем донесении он пишет, что в магазинах «найдены самодельные безмены и весы из веревок на деревянном рычаге и деревянными досками, а вместо гирь камни, которые, хотя, по отзывам вахтеров выверены, но это не заслуживает никакого вероятия и обвесы, как умышленные, так и

[1148] ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 268. Л. 1–1 об., 4–9.
[1149] Четверть – четвертая часть целого; старая русская мера, равная 209, 91 л.
[1150] Четверик – старая русская мера сыпучих тел, равная 26,239 л.
[1151] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 516. Л. 246.

неумышленные по естественной неисправности безменов и весов, без сомнения, существуют»[1152].

В 1858 г. на заседании Общего присутствия Забайкальского областного правления рассматривалось дело о недостаче хлеба в Булганском и Инкеталинском экономических магазинах Хоринского ведомства. При проверке, проведенной заседателем Азиковым в 1845 г., была обнаружена недостача 523 пудов 27 фунтов хлеба и самовольная раздача 2333 пудов хлеба. Возмущение проверяющего вызвал факт отсутствия шнуровых книг на записку хлеба и нарушения со стороны инородных голов Мажи Унтаева, Ерельту Даксуманова, Души Табхаева. В ходе следствия выяснилось, что все документы были уничтожены пожаром, случившимся в думе в 1847 г., вся хлебная недоимка была восполнена в 1846 г. По итогам разбирательства Общее присутствие приняло решение оставить дело без последствий на основании Манифеста 1856 г.[1153].

Такое неудовлетворительное положение дел в общественных хлебозапасных магазинах вызвало появление интересного «Проекта о составлении частного хлебного запаса в Баргузинском ведомстве», разработанного главным тайшой баргузинских бурят Сахаром Хамнаевым. Создание такого частного запаса С. Хамнаев объяснял необходимостью «иметь в значительных размерах хлеб на случай недостатка и тем во время скудных урожаев отвратить жалкое опустошение общественных экономических магазинов»[1154]. Наблюдая за работой хлебозапасных магазинов, он увидел в них не только пользу для общества, но и определенные недостатки. Прежде всего, это равнодушное отношение жителей к своему магазину. Он подчеркивал, что только частные запасы позволят сберечь хлеб, тогда как отношение бурят к общественным хлебозапасным магазинам предполагало «нехозяйственную трату при обилии урожая, ибо известно уже, что не токмо инородцы, но даже и сами поселяне при урожаях хлеба не обращают внимания на сбережение оного, а развратные разматывают без всякой необходимости за дешевизну, впоследствии скитаются из-за куска хлеба и бедствуют до неимоверности»[1155].

[1152] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 516. Л. 247–247 об.
[1153] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 367. Л. 16–17.
[1154] ГАЗК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 624. Л. 24
[1155] Там же. Л. 24 об.

Частные хлебные магазины должны были создаваться как собственность учредителей на следующих условиях:

1) жители ведомства общими усилиями «без большого отягощения и особенно обиды между ими» должны были построить общий амбар в удобном для всех месте;

2) приписанные к запасному амбару жители вносились в именной список, который составлялся самими учредителями на монгольском языке, и записывали, кто, сколько и в каком именно году вложил хлеба для запаса;

3) взнос в запас хлеба должен был быть менее 1 четверти или 9 пуд на каждую ревизскую душу, приписанную к тому амбару;

4) постройка амбара должна производиться общими силами учреждающих частный хлебный запас натурой, чтобы это было устраиваемо без большого отягощения и особенно обиды между ими, что должны блюсти родовые старшины и головы, также тайши или члены думы.

Учрежденные частные хлебные запасы, составляя собственность каждого учредителя, должны находиться в их полном распоряжении, но употребление запаса должно было происходить с ведома родовых старшин и соучредителей. Ведение отчетности записи и ответственность возлагались на засула или надсмотрщика, которые избирались из лиц, знающих монгольскую грамоту. Надзор за сохранностью хлебных запасов осуществляли тайши и прочие члены думы. Оценивая этот проект, надо подчеркнуть способности и талант Сахара Хамнаева как управленца и хозяйственного деятеля, который внес значительный вклад в развитие Баргузинского ведомства.

Таким образом, царской администрацией предпринимались определенные шаги по обеспечению населения Сибири продовольствием. С этой целью во всех ведомствах в первой половине XIX в. создавались хлебные экономические магазины как форма поддержки населения в неурожайные годы и как форма помощи неимущим. Надо отметить, что в рассматриваемый период общественные магазины часто пустовали или же заполнялись некачественным зерном, поэтому не выполняли свои задачи по обеспечению населения продовольствием.

В бурятском хозяйстве известную роль играла охота, но установить ее значение, не одинаковое в разных районах обитания

бурят, нелегко. Для бурятского населения, занимающегося преимущественно скотоводческим хозяйством, охота имела сезонный характер. Если в начале XVII в. Сибирь привлекала пушниной, которой платили ясак местные народы, то к середине XVII в. выплата ясака пушниной становится весьма затруднительной из-за отсутствия зверя.

О зверином промысле представлялись систематические отчеты с указанием количества добытых зверей, пушнины, при этом указывалось, что это занятие «не составляет по малоценности народного богатства». Например, по ведомости 1860 г. в шести родах Баргузинского ведомства числилось 292 охотника[1156]. По ведомости 1902 г. было добыто: два соболя, 9360 белок, 20 тарбаганов, 40 кабарги, восемь лисиц, 38 волков, один медведь, четыре рыси, пять изюбров, 40 коз[1157]. Сбыт пушнины производился в уплату подати и купцам на ярмарках.

Звериный промысел являлся дополнительным источником доходов бурят и позволял им платить подати. В Баргузинском крае водились соболи, лисицы, рыси, хорьки, горностай, белки, росомахи, волки, медведи, изюбры, сохатые, дикие козы, кабарги, зайцы, тарбаганы. Буряты звероловством занимались только весной, добывая преимущественно белку, а также кабаргу, лисиц и изюбров и редко – соболей и медведей.

Согласно отчету, хоринские буряты «занимаются звероловством, но не все, а некоторые в средственной степени, употребляя на это орудии большей частью ружья, винтовки, лоушки, луки и пасти, преимущественно с исхода сентября до половины ноября месяцев винтовками, а в прочее время года зимой занимаются луками (иначе самострелами), а пастями почти во всякое время года упромышливаются преимущественно звери – белка, хорек, лисица, волк и коза, в местах первые два сорта хребтовых, а последние по незначительным лесам и степям, для промысла хребтового зверя совокупляются артелями от 2 до 6 человек, а последние большей частью упромышливают по одиночке, добытые звериные шкуры продаются более всего на Онинской ярмарке и в городе Верхнеудинске купечеству, коих в 1849 году продано белки 34421 штук в сложности по 13 $^{1}/_{4}$ коп. на 4586 руб. 98 коп., хорьков 937

[1156] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 863. Л. 16.
[1157] Там же. Д. 2658. Л. 75–76.

штук по 26 коп. на 244 руб. 50 коп., лисиц 312 штук по 1 руб. 65 $^1/_2$ коп. на 547 руб. 80 коп., волков 182 штуки по 1 руб. 24 $^1/_4$ коп. на 226 руб. 60 коп., соболей 26 штук по 7 руб.63 $^1/_4$ коп. на 198 руб. 50 коп., рысей 6 штук по 8 руб. 66 $^1/_2$ коп. на 52 руб., медведей 14 штук по 2 руб. 67 $^1/_2$ коп. на 37 руб. 50 коп., сохатых 11 штук по 2 руб. 14 $^1/_4$ коп. на 23 руб. 60 коп., коз 937 штук по 37$^1/_4$ коп. 350 руб. 80 коп., зайцев 1015 штук по 2 коп. на 25 руб., струй кабаражьих 113 штук по 5 руб. 31 $^1/_4$ коп. на 148 руб. 40 коп., изюбриных шкур 5 штук по 2 руб. на 10 руб., изюбриных рогов 8 пар по 32 руб. 30 коп. на 258 руб. 50 коп. Итого вообще продано на 6710 руб. 18 коп.»[1158].

Конец XIX в. и начало XX в. характеризуются полным упадком охотничьего промысла. Сокращение доходов от охотничьего промысла связано с развитием скотоводства и земледелия, уменьшением количества зверя и падением спроса на меха. Таким образом, охота играла роль подсобного занятия, значение которого все более падало. Времена облавной охоты, описанные Георги, ушли в прошлое. Одно из редких упоминаний об облавной охоте относится к 60-м годам XIX в.[1159]

Еще меньшее значение имело в хозяйстве бурят рыболовство. Исключение составляют Ольхонское, Кударинское и часть Кудинского ведомства. В Ольхонском ведомстве рыболовство являлось одним из основных промыслов наряду со скотоводством, хотя оно и не приносило больших доходов. В донесении Ольхонской Степной думы Иркутскому земскому суду отмечается: «…рыба ловится в Байкале – омули, окуни, сиги, хариусы, щуки, налимы, осетры». Для ловли рыбы употребляют обыкновенные неводы, летом с лодками и 13 человек ловцов при каждой, а зимой – делая в известных местах проруби. В прорубь запускают невод, протаскивают под льдом на «долгих» шестах до следующего отверстия, невод вытаскивают на лед воротами, рыбу тут же продают[1160]. Рыболовный сезон начинался в мае и продолжался до ноября, но фактически рыбным промыслом занимались круглый год, кроме декабря и января.

На период рыбного сезона создавались неводные артели по 8-15 человек под руководством старост – «башлыков». В состав

[1158] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 162. Л. 243–253 об.
[1159] ГАРБ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 32.
[1160] ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 5. Л. 153.

каждой артели обязательно включались пять подростков, которые получали равный пай с взрослыми. В 1895 г. 370 человек ушли на рыбный промысел, и средний заработок составил по 34 руб. 40 коп. на человека[1161].

Ведомость о промысле рыбы за 1860–1863 гг.[1162]

Засолка омулей в бочках

Годы	1860	1861	1862	1863
Бочек	55	63	32	67

Продано свежей рыбы

Годы	1860	1861	1862	1863
	60 300 шт.	31 000 шт.	22 000 шт.	29 000 шт.

В 1874 г. было добыто осетров 10 пудов, сигов 405 пудов, хариуса 300 пудов, омулей свежих 20000 штук и засолено 2150 бочек[1163].

В 1887 г. вышли в море 54 судна, 781 рабочий, 6 карбазов, 48 лодок, из них в Ангарск – 6 карбазов и 10 лодок, в Курбулинскую губу Баргузинского округа – 2 лодки, остальные – в Малое Море Байкала[1164].

Рыболовство являлось важным источником благополучия кударинских бурят. Так, в 1870 г. кударинскими бурятами было продано рыбы на 5127 руб. Для рыболовства употребляли невод, промысел начинался на оз. Байкал с 15 мая и продолжался до 8 июня, на реке Селенга – с 1 августа до 20 сентября. Для рыболовного промысла объявлялись торги по отдаче в оброчное содержание рыболовных статей, местностей, где занимались рыбным промыслом – Обойха, Собачья Дыра, Поспеловская. Рыболовные статьи могли выкупать только люди состоятельные. Так, в разные годы оброчную статью выкупали Помпо Дарнушкин, Заяхан Хамаганов, Николай Хамаганов и др. Промышляли омуль, хариусов, осетров, сигов, щук. В 1828 г. было добыто осетрины 300 пудов, 30000 штук хариусов, 60000 штук омулей, сигов 25 пудов, щук 250

[1161] Кулаков П.Е. Ольхон. Хозяйство и быт бурят Еланцинского и Кутульского ведомств Верхоленского округа Иркутской губернии. СПб.: 1896.
[1162] ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 427. Л. 9–9 об.
[1163] Там же. Д. 908. Л. 20.
[1164] Там же. Д. 636. Л. 103–104.

пудов[1165]. В 1895 г. было добыто 150 бочек омуля, 2000 штук хариусов. Осетровых и других рыб уже не промышляли.

В связи с сокращением объема рыболовства общество кударинских бурят обсуждало вопрос о прекращении хищнического промысла рыбы в нерестовый период на р. Селенга и о. Байкал. Так, общественным приговором от 19 августа 1891 г. кударинские буряты решили провести учет всех лодок, собрать их на берегу и в присутствии инородческого начальства припечатать; установить межи, ограничивающие пространство для рыболовства; не допускать мужчин моложе 10 лет и женщин. В случае нарушения решения общества изымались лодки, сети, рыба, нарушители наказывались розгами[1166]. Обществом выбирались люди для наблюдения за ловлей рыбы. Так, в 1902 г. с этой целью были избраны 5 человек[1167].

Для упорядочения рыбного промысла рыбопромышленники были обязаны выкупать «торговые документы на право ловли рыбы в оз. Байкал»[1168] и внести в думу 5-рублевый лодочный сбор. О значении рыболовства говорит тот факт, что кударинский бурят клялся самым значимым в его благосостоянии – если он совершит какое-либо противоправное действие, то пусть бурхан лишит его промыслов на воде[1169].

Рыболовством занимались баргузинские буряты. Рыбачили в реке Баргузин и ее притоках. Орудием для рыбопромышленности были небольшие речные неводы-бродни. По ведомости 1902 г., по ведомству было добыто: 19 пудов осетров, 16 пудов тайменей, 84 пуда сигов, 1100 пудов сороги и т. д.[1170]

Что касается развития ремесла, то в начале XIX в. в Забайкалье не хватало ремесленников, людей, владеющих каким-либо полезным ремеслом – плотников, столяров, кузнецов и т. д. В 1898 г. Намдак Дылыков и Буда Рабданов в докладной записке приамурскому генерал-губернатору С.М. Духовскому пишут о том, что «в начале нынешнего столетия большинство бурят были исключительно скотоводами, ремесла практиковались у нас в крайне огра-

[1165] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 32. Л. 162.
[1166] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1261. Л. 13–14.
[1167] Там же. Д. 1214. Л. 12.
[1168] Там же. Д. 1214. Л. 2.
[1169] Там же. Д. 1071. Л. 54.
[1170] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2658.

ниченных размерах, необходимых для несложного степного быта того времени. С тех пор из неземледельческих промыслов у нас развивались плотничное и строительное, кузнечное и литейное. Кто видел наши дацаны старинной постройки, тот заметит сразу, что они построены самими бурятами без участия заграничных мастеров. Видно, что мы строили их, руководствуясь русскими образцами построек, дойдя до всего самоучкой… Наши плотники ежегодно ходят на заработки в Ургу и для постройки русских домов в Консульстве и у частных лиц в окрестных городах нанимаются всегда буряты»[1171].

Далее они отмечают, что прежде всего необходимые принадлежности для дацанов покупались за границей за неимением своих мастеров – «теперь в долине реки Тугнуя развился обширный литейный промысел, частью кустарный, домашний и наши литейные изделия имеют сбыт за границу несмотря на то, что сырые материалы покупаются у нас в Забайкалье очень дорого. По Уставу о ламайском духовенстве ученики должны заниматься разными полезными для них ремеслами и эти слова Устава не остаются мертвой буквой: мы имеем своих столяров, резчиков, маляров, рисовальщиков, сидельщиков и т. п.»[1172]

Устав о ссылке 1822 г. сыграл важную роль в развитии ремесла, так, среди осужденных на поселение в Сибирь была выделена отдельная группа ремесленников (ремесленных работников), которые делились на отделения (от 15 до 35 человек): 1) плотников и столяров; 2) каменщиков; 3) кузнецов и слесарей; 4) медного и серебряного дела; 5) кожевников и шорников; 6) маляров, 7) чернорабочих. Для них создавались ремесленные дома, по истечении шести лет пребывания в нем ремесленные работники получали право водворяться[1173]. Ремесленные дома были созданы в таких крупных городах, как Тюмень, Енисейск, Верхнеудинск и Кяхта, учреждались на казенные средства под контролем смотрителей. Для обустройства таких домов за счет ассигнований казны строились помещения, приобретались инструменты.

Сенатским указом от 25 января 1827 г. в г. Верхнеудинске был учрежден ремесленный дом, который занимался казенными, об-

[1171] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3892. Л. 1–9 об.
[1172] Там же.
[1173] Указ о ссыльных. Ст. 193. 22 июля 1822 г. // ПСЗРИ-I. СПб.: 1830. Т. 38. № 29128. С. 444.

щественными и частными работами. Согласно указу, на постройку зданий и покупку инструментов выделялось 20262 руб. 95 коп., в ссуду с возвратом на продовольствие и одежду ремесленникам в течение первого года – 7611 руб. 70 коп., всего 27874 руб. 65 коп.[1174], а также предусматривались штаты смотрителя, бухгалтера и сторожа.

Заработанные деньги направлялись в общую артельную кассу и с каждого рубля по 2 коп. направлялись в экономическую сумму ссыльных. В Забайкалье ссыльные разряда ремесленных работников были очень востребованы.

В 1832 г. в Верхнеудинском ремесленном доме числится 34 ремесленных работника, кроме них семь человек находились в бегах, двое умерло, на заводских работах шесть, на вольном пропитании два[1175]. В январе 1832 г. в Верхнеудинский ремесленный дом было отправлено на работу еще 10 ссыльных: плотники, столяры, кузнецы, пильщики, кровельщики[1176]. Они ежедневно занимались выполнением различных ремесленных работ для казны или же по частным подрядам. Условия содержания были строгие, поэтому ремесленные работники часто совершали побеги, за что подвергались наказанию плетьми: за первый побег – 12 ударов, за второй – 18, за третий – 24. Например, 18 апреля 1832 г. Верхнеудинская городовая управа приказала наказать за побег Василия Кепанова, работника Верхнеудинского ремесленного дома, 12 ударами и вернуть обратно в дом[1177].

Те ремесленные работники, которые оказывались «неспособными к ремеслам», отправлялись на поселение, например, в июле 1832 г. шесть человек Верхнеудинского ремесленного дома были отправлены на поселение в Мухоршибирскую и Тарбагатаевскую волости. 18 июля 1832 г. Верхнеудинское окружное управление пишет в городскую управу о решении Иркутского губернского правления об отправке ремесленных рабочих из Верхнеудинского ремесленного дома на работы: шесть рабочих, неспособных к ремеслам, отправить в Нерчинский завод, восемь по состоянию здоровья оставить в доме, а четверых отправить в селения Верх-

[1174] Сенатский указ «Об учреждении в Верхнеудинске из ссыльных Ремесленного дома». 25.01.1827 // ПСЗРИ-II. СПб.: 1830. Т. 2. № 837. С. 43–44.
[1175] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 3. Д. 557. Л. 3–3 об.
[1176] Там же. Л. 5–5 об., 17.
[1177] Там же. Л. 36–36 об.

неудинского округа «по недостатку в селениях хороших плотников и прочих мастеровых»[1178].

Ссыльнокаторжные после отбытия каторжных работ причислялись на поселение в крестьянские волости по указам Забайкальского областного правления. Исследование состава жителей разных волостей за разные годы показывает, что ссыльные составляли от 2 до 6% населения, так, в 1842 г. в Иволгинском обществе проживали 816 жителей, из которых 18 человек (2,8%) составили выходцы из поселенцев и поселенцы[1179].

В середине XIX в. население бурятских ведомств уже занимается кузнечным ремеслом, плотничеством, лесным промыслом, извозом, обработкой продукции животноводства. В 1853 г. Н.А. Бестужев дает такую характеристику бурятам: «Бурят – и плотник, и кузнец, и столяр, и работник у нас, и пахарь, и косец»[1180].

В отчете Агинской Степной думы за 1877 г. отмечается, что количество мастеров золотых и серебряных дел три и 14 рабочих, три иконописца, два слесаря и 13 рабочих, кузнецов три мастера и 17 рабочих, кирпичников два мастера и четыре рабочих, плотников четыре мастера и 18 рабочих, паяльщиков четыре мастера и 32 рабочих, бондарей два мастера и 18 рабочих, итого 23 мастера и 114 рабочих[1181].

Некоторые буряты зарабатывали деньги перевозками грузов по реке Амур и его притокам, перевозом служащих, арестантов, перегоном скота, перевозчиками переправ. Бурятские плотники ежегодно ходили на заработки в Ургу и в окрестные города, нанимались к частным лицам на постройку русских домов. Дацаны строились самими бурятами без участия заграничных мастеров. К концу XIX в. развился литейный промысел, и вещи религиозного культа, ранее приобретавшиеся за границей, изготовлялись своими мастерами и даже имели сбыт за границу[1182].

В Баргузинском ведомстве получило распространение кузнечно-слесарное ремесло. В годовых отчетах думы имеются ведомости о числе ремесленников по ведомству. Число ремесленников из года в год росло, например, если в 1883 г. их было 176 человек,

[1178] ГАРБ. Ф. 11. Оп. 3. Д. 557. Л. 83–84.
[1179] ГАРБ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 83. Л. 1 об.
[1180] Бестужев Н.А. Бурятское хозяйство // Декабристы о Бурятии. Улан-Удэ: 1975. С. 59.
[1181] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2228. Л. 40-40 об.
[1182] Там же. Д. 3892. Л. 2–3.

то в 1895 г. ремесленников насчитывалось 364 человека, а именно: пять резчиков, 38 печников, 14 слесарей, 25 кузнецов, 123 кирпичника, 92 плотника, 44 пильщика, три маляра, 20 столяров[1183].

Трудности приобретения железа и инструментов для кузнечно-слесарных работ ограничивали распространение среди бурят этого вида ремесла и применение металлических изделий в быту и хозяйстве.

Важное место в хозяйственной деятельности бурятских органов местного самоуправления занимали ярмарки, учрежденные как средство регламентации торговли с бурятским населением. Ярмарки устраивались в ведомствах под строгим контролем местного начальства и царской администрации. На ярмарки приезжали представители других ведомств и русские купцы. Операции носили не только меновый характер, покупки осуществлялись и за деньги. О значении ярмарок свидетельствует тот факт, что в 1812 г. губернатором Иркутской губернии Н.И. Трескиным было принято Положение «Об учреждении по иноверческим ведомствам ярмонок»[1184], в котором регламентировался порядок торговли купцов и других торговых людей с инородцами. Положение было разработано в целях ограждения инородцев от торговцев, зачастую разорявших их, а также в связи с наносимым ущербом казне, когда инородцы, продав пушнину купцам, ясак вносили деньгами.

Ярмарки собирались после сбора податей и повинностей, проведения общих сугланов для раскладки налогов на будущий год, утверждения сметы расходов на содержание местного самоуправления. После уплаты всех налогов инородцам разрешалось продавать лишнюю пушнину и другую продукцию за наличные деньги или обменять их на товары первой необходимости. Только один раз в год разрешалось купцам приезжать в стойбища инородцев со своими товарами и торговать с ними под контролем инородческих властей. Обычно таким временем была зима, период второй половины декабря. Местом проведения ярмарки выбирались улусы, расположенные в удобном месте, куда вели прямые трактовые дороги.

Так, Ольхонская ярмарка проводилась ежегодно с 15 июня по 15 июля на берегу Байкала. На продажу выставлялись мануфак-

[1183] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2392. Л. 100 об.
[1184] ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 13–15 об.

турные и мелочные товары, свежая и соленая рыба, жир рыбий и нерпичий, разные меха, печеный хлеб, сухари, соль и другие товары. Торгующие платили налоги за участие в ярмарке. Например, пошлину по 0,30 коп. с бочки соленой рыбы, за торговое место 3 руб., взвешивание табака, конопли, жира по 0,02 коп. и т. д.[1185] В 1895 г. доход от ярмарки составил 441 руб. На период ярмарки выбирали ярмарочного старосту, который должен был «во время ярмарки находиться безотлучно, наблюдать за порядком, … строго следить, чтобы не продавали крепкие спиртные напитки, … запрещать скупку рыбы для дальнейшей перепродажи, … соблюдать чистоту возле лавок, балаганов, амбаров, базарной площади»[1186].

Рынками сбыта продукции хозяйства хоринцев были Верхнеудинск, в особенности его ярмарка, а также ярмарка местная – «Онинская». Эта ярмарка проходила ежегодно начиная с 1801 года с 15 ноября по 15 декабря. Покупку местных товаров, главным образом пушнины, производили здесь две торговые фирмы – иркутских купцов Басниных и верхнеудинского – Курбатова. В 1839 г. было продано на Онинской ярмарке бурятами «разного рода избытков промышленности» на сумму от 40 до 50 тыс. руб., а купцы продали привезенных товаров лишь на 9000 руб.[1187] В 1849 г. на ярмарку купцы привезли товара на 5376 руб., продали на 1475 руб.; буряты привезли товары на 13 350 руб., которые все были распроданы[1188]. В 1868 г. на Онинскую ярмарку было привезено купцами товаров на сумму 12 000 руб., продано на 7000 руб., инородцами было привезено товара на 9500 руб. и продано на такую же сумму[1189]. Купцы привозили на продажу китайский чай, пилы, сукно, табак, а буряты торговали шкурами, кожей, пушниной, овчиной, мясом, маслом, салом и т. д. Таким образом, торговый баланс ярмарки был благоприятен для хоринцев.

Ярмарки проводились в Агинском селении. С 1855 г. учреждались две ярмарки в год: первая проходила с 10 по 20 декабря, вторая – с 15 по 26 мая. Вся торговля проходила на ярмарочной

[1185] ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 584. Л. 62.
[1186] ГАРБ. Ф. 240. Оп. 1. Д. 147. Л. 31–32.
[1187] Гирченко В. К истории бурят-монголов-хоринцев первой половины 19 века // Бурятиеведение. Верхнеудинск: 1928. № 1–3. С. 57.
[1188] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 162. Л. 144.
[1189] Там же. Д. 526. Л. 671.

площади и продукты взвешивались на общественных весах за определенную плату, а не на личных, так как были случаи, когда некоторые продавцы, пользуясь простотой бурят и незнанием ими русского языка, обвешивали их[1190]. Купцы привозили на ярмарку плис, холст, сукно, моржан и другие товары, буряты торговали кожей, шкурой, маслом, салом, тарбаганьим жиром, дохами тарбаганьими, козьими, седлами, оправленными в серебро, и т. д.[1191] В 1893 г. общественным приговором агинских бурят ярмарка была закрыта, так как «…торговцы, пользуясь невежеством инородцев, опутывают их разными сделками и обирают, ставя их, в конце концов, в положение неоплатных должников. Уничтожение ярмарки – единственное средство гарантировать бурят от порабощения»[1192].

С целью торговли агинские буряты выезжали в соседние государства – Монголию и Китай. Так, бурят Тургинской инородной управы Дагба-Доржи Татаров с шестью товарищами вошли с ходатайством об увольнении их в Китайскую империю до гг. Кырылюна, Долонора, Жаньжа-Ху, Урга, Пекина, Басын-Хошуна. Реестр товаров, вывозимых бурятом Тургинской инородной управы Дагба-Доржо Татаровым для продажи, включал следующие товары: 400 штук скотских и конских шкур на 810 руб., 15000 штук конских хвостов на 750 руб., 45 штук корсаков на 65 руб., 15 штук волчьих шкур на 35 руб., кранного товару на 200 руб. С ними было имущество, необходимое в пути: палатка, лошади, 34 телеги с упряжью, две винтовки, один револьвер, два котла, два топора. Всего с ним было имущества и товаров на сумму 3397 руб. 50 коп.[1193]

У баргузинских бурят для сбыта собственной продукции и приобретения необходимых продуктов в 1811 г. была учреждена ярмарка, располагавшаяся в улусе Улюн. 29 августа 1810 г. вышел указ Верхнеудинского земского суда главным зайсанам Андрееву и Имышкееву, в котором говорилось об учреждении при их родах для исправлений государственных дел конторы и об учреждении в их стойбищах при речке Улюн в 30 верстах от г. Баргузина ярмарки[1194].

[1190] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2674. Л. 18.
[1191] Там же. Д. 2914. Л. 109–110.
[1192] Там же. Д. 2989. Л. 6–6 об.
[1193] Там же. Д. 2831. Л. 47–48 об.
[1194] Там же. Д. 1. Л. 2–3.

Улюнская ярмарка созывалась обычно в конце декабря и продолжалась до 7-10 января. По данным С. Хамнаева, ежегодный оборот продаж на ярмарках составляли: «1) в разные времени ежегодно продают рогатого скота на месте и в г. Верхнеудинске в сложности до 900 штук на сумму 9000 руб.; 2) продажа скотских кож в ярмарку полагаю среднее число до 1900 количество на сумму 1900 руб. серебром; 3) продажа коровьего масла и жиру полагаю сложную пропорцию, ежегодно бывает первой до 500 пудов, и второй до 300 пуд на сумму 1950 руб.; 4) продажа овечьей шерсти как для Тельминской казенной фабрики, так частным людям полагая до 1300 пуд на сумму 2600 руб. серебром; 5) ежегодная продажа звериных промышленностей, принимая среднее число последних годов например, до 18000 штук белок на 1800 руб., до 50 лисиц красных на 100 руб., до 200 струй кабарги на 200 руб., по 10 пар изюбриных рогов на 20 руб., всего от зверопромышленности на сумму 2120 руб.; 6) продажа черной и белой мерлушки в последние годы до 100 штук на сумму 90 руб.; 7) продажа в прошедшие два года упромышленной в коргах Байкала рыбы на сумму 600 руб. серебром. Итак, посему приблизительному исчислению всех продаж у инородцев должно простирать в год на сумму 18260 руб. серебром»[1195].

Дороги до улуса Улюна были удобными, сюда приезжало купечество из гг. Верхнеудинска, Иркутска и Баргузина за приобретением разных товаров и сбыта инородцам необходимой продукции, и, как отмечает С. Хамнаев, «затруднений не бывает по торговле».

Вторая Цаган-Норская ярмарка была учреждена в 1859 г. с разрешения Совета Главного управления Восточной Сибири. Она проводилась в урочище Цаган-Нор с 15 июня по 1 июля, находилась в 43 верстах от думы[1196].

17 ноября 1860 г. были открыты Верхне- и Нижнеангарские тунгусские ярмарки, и на первой ярмарке было продано товаров на 3748 руб. 50 коп.[1197]

На время проведения ярмарки выбирали ярмарочного старосту «…для наблюдения за торговлей и порядком, а равно для

[1195] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 450. Л. 1–23.
[1196] Там же. Д. 942. Л. 23–24.
[1197] Там же. Д. 930. Л. 27–29.

разбирательства словесных жалоб…»[1198]. Приехавшие на ярмарку купцы должны были отметиться в думе, а по окончании ярмарки объявить думе сумму дохода от проданных товаров[1199]. Купцы торговали китайскими и российскими товарами.

Баргузинское окружное полицейское управление обязывало торговцев при въезде в Баргузинское ведомство «…немедленно предъявлять торговые документы в Баргузинскую Степную думу на предмет записи их в установленную книгу…»[1200].

Торговый оборот ярмарок в Баргузинском бурятском ведомстве можно рассмотреть по нижеприводимой таблице, которая свидетельствует о положительном балансе торговли для бурят на Улюнской ярмарке.

Ведомость об оборотах по ярмарке. 1867 г.

Название ярмарки	***Где и когда бывают ярмарки***	***На какую сумму привезено***	***На какую сумму продано***
1-я, Улюнская	При Баргузинской Степной думе в первых числах января	Купцами и торгующими лицами на 5000 руб., бурятами на 7000 руб.	Купцами на 4000 руб., бурятами на 8500 руб.
2-я Цаган-Норская	В урочищах Цаган-Нор с 15 июня по 1 июля	Купцами и торгующими лицами на 3000 руб., бурятами на 2000 руб.	Купцами на 1500 руб., бурятами на 1500 руб.

По ведомости об оборотах на Улюнской и Цаган-Норской ярмарках 1874 г. купечеством было привезено товаров на 24 300 руб., продано на 19000 руб., бурятами привезено товаров на 26 698 руб., продано на 26 698 руб.[1201]

[1198] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1.. Д. 2186. Л. 6.
[1199] Там же. Д. 1639. Л. 9.
[1200] Там же. Д. 2074. Л. 67.
[1201] Там же. Д. 1660. Л. 11.

В 1900 г. на Улюнской ярмарке бурятами было продано товаров на 8019 руб., именно: скота – 5 голов на 187 руб., сырой кожи 2758 штук на 6644 руб., масла 49 кг на 528 руб., сала скотского 25 кг на 84 руб., белок 1000 штук на 240 руб., струй 6 штук на 36 руб., пушнины 2 соболя на 300 руб.[1202]

Сахар Хамнаев, анализируя торговые обороты ярмарки, делает вывод о том, что вполне возможно получение общественных доходов от ярмарок. Он пишет:

«1) ярмарка, бываемая здесь, имея немалый оборот, не приносит никакого акциза по неимению лавок при месте ярмарки, а купечество торгуют в квартирах, в этом случае можно бы добровольным приглашением инородцев выстроить лавки, на что я даже изъявлял усердие выстроить 1 лавку, дабы получать акциз. Если будут соревноваться к постройке более таковых и это дело остается теперь не начатым;

2) несмотря даже на законоположение, нет общественных весов при думе на ярмарке, кроме образцовой, в этом случае, дабы получать доходы в пользу общества, имеет желание пожертвовать безденежно одно коромысло и несколько гирь брат мой родной инородец Суван Хамнаев, ожидает только дозволения начальства на принятие его пожертвования разрешения, тогда можно бы получать в доходы общества и с весов на ярмарке Улюнской весовые деньги»[1203].

Баргузинские буряты торговали не только на ярмарках, но и продавали овечью шерсть Тельминской казенной фабрике по цене 2 руб. 10 коп. за 1 пуд[1204].

В Баргузинском ведомстве в бурятских улусах постоянно торговали купцы. Баргузинская Степная дума вела борьбу с торговцами, которые тайком от них разъезжали по бурятским улусам и торговали с местным населением. При этом многие буряты покупали товары взаймы, под большие проценты, и впоследствии по разным причинам оказывались в кабале у торговцев, даже не в состоянии заплатить подати. Поэтому во время сборов казенных и мирских повинностей, хлебных недоимок Степная дума запре-

[1202] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2592. Л. 2–5.
[1203] Там же. Д. 450. Л. 1–23.
[1204] Там же. Д. 811. Л. 2–2 об.

щала «…торгующим евреям и китайцам производить разъезды и торговлю в бурятских улусах…».

В 1888 г. Баргузинская Степная дума предписывает заседателям думы «…немедленно с получения сего отправиться по улусам … для приведения в буквальное исполнение распоряжения … Отобрать подписки от родовых голов о недозволении проживания китайцам и прочим в улусах и торговать… За неисполнение распоряжения начальника Забайкальской области и несоблюдения общественного интереса, виновных предать родовому суду…»[1205].

Сахар Хамнаев пишет, что причиной попадания в кабалу к торговцам является стремление бурят к роскоши: «Инородец, несмотря на свой бедный класс состояния, старается более об улучшении своего щегольства или наряда себе и жене своей, а не о разведении хозяйства или хлебопашества. Он с наступлением лета заботится, как бы уделить из своих 10 или 20 штук скота, в котором может быть заключается и все его достояние, одну или две коровы и продать оных купцам, что ж он берет, тонкое сукно, плис или ващанку на шубу, ситцу на рубаху, дабы платки, панки, шелку, кушаки, кунгурские сапоги и моржан для жены». Только «беспрестанным трудом и стараниями, он (*бурят. – Прим. авт.*) искоренит зловредную праздность, возрождающую почти все пороки», – считает Сахар Хамнаев.

В 1901 г. баргузинский окружной начальник своим предписанием предложил обсудить и высказать мнение Баргузинской Степной думы по следующим вопросам: 1) желают ли буряты иметь в своих селениях и стойбищах торговлю в постоянных лавках; 2) желают ли ограничиться двумя имеющимися ярмарками; 3) желают ли допустить торговцев в свои селения и стойбища в течение всего года для развозной мелочной торговли.

После обсуждения доверенные баргузинских бурят вынесли общественный приговор:

1) постоянной торговли иметь не желают вследствие того, что «при такого рода торговле молодые люди и женщины часто без ведома старших в семье набирают (покупают) совсем ненужные вещи и таким образом непроизводительно расходуют деньги, нужные на другие, более необходимые хозяйственные потребности и этим нередко подрывают хозяйства»;

[1205] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2074. Л. 100, 105.

2) из ярмарок желают иметь только Улюнскую, продлив срок с трех дней до пяти дней в связи с тем, что из-за разбросанности кочевий не успевают приехать; Цаган-Нурскую надо закрыть;

3) взамен Цаган-Нурской ярмарки предложили разрешить купцам «без различия происхождений и вероисповеданий» разъездную торговлю в бурятских улусах в течение одного месяца с 1 июня по 1 июля ежегодно[1206].

В фонде Баргузинской Степной думы Госархива Бурятии имеются списки русских купцов, купцов евреев и китайских торговцев. Например, в списке купцов, разъезжающих по бурятским улусам с товарами, числятся: Зелик, Николай и Борис Маркины, Моисей Виляк, Матвей Рубин, Моисей Дубников, Яков Бреславский, Моисей Лозовский, Лазарь и Яков Лехтарниковы, Осип Подошев, Федор Каганов, Бутлицкие, Степан и Семен Кондаковы, Василий Жмотов и т. д.[1207]

Несколько китайских торговцев постоянно проживали в бурятских улусах в домах бурят и занимались торговлей. Они должны были зарегистрироваться в Баргузинской городской думе и обязаны иметь свидетельства на право торговли. Так, в доме бурята галзутского рода Ирдыни Урпатанова торговал Че-Зен-То, в улусе Кармодун в доме бурята галзутского рода Цырена Гамбулова торговал Лу-Шин-Шон, в улусе Цаган-Нор в доме бурята Бурского рода Бадма Боронова торговал китаец Фон-Жун-Юань и т. д.[1208]

В Верхоленском ведомстве в 1856 г. была учреждена ярмарка с разрешения генерал-губернатора Восточной Сибири в Хоготовском селении, которая ежегодно проводилась с 15 по 22 мая[1209]. Главными предметами торговли были хлеб, шкуры, скот. Ярмарка не отличалась особой прибыльностью. Так, в 1856 г. привезено товаров на сумму 9256 руб. и продано на сумму 1151 руб.[1210]

Торговали исключительно приезжие: в 1880 г. в ярмарке приняли участие верхоленский купец 2-й гильдии Залман Левинзон, купцы Казаринов, Шушуков, Исай Ряпкин, Александр Толмачев, Семен Бригель, зажиточные крестьяне, всего 22 человека и только 2 местных торговца. Они привезли товар на сумму 49720 руб. и

[1206] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2896. Л. 2–3.
[1207] Там же. Д. 2074. Л. 50–51.
[1208] Там же. Д. 2074. Л. 97–97 об.
[1209] Ф. 4, опись 1, дело 684, лл. 179–179 об.
[1210] ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 684. Л. 193 об.

продали на сумму 19815 руб.[1211] Предметом торговли были мануфактурные товары, при этом по завышенным ценам. Выгодность ярмарки для местного населения была лишь в том, что не каждый житель ведомства мог ездить за товарами в г. Иркутск. На ярмарку собиралось примерно 700-800 человек[1212].

Оборот ярмарок в целом был невелик, и ход торговли нельзя признать успешным. Например, в 1891 г. на Хоготовскую ярмарку было завезено товаров на 35085 руб., а продано на 5826 руб.[1213] Все большую популярность получали городские ярмарки (Иркутск, Верхнеудинск, Чита), куда выезжали буряты со своей продукцией.

Развитие торговли имело двоякое влияние на улусную жизнь: с одной стороны, теснее привязало бурята к рынку, принуждая его часто в целях получения необходимых для существования и выплаты повинностей денежных сумм отчуждать часть даже необходимого продукта или свою рабочую силу, а с другой, – породило в зажиточных слоях улуса коммерческий дух и сделало торгашество, соединяемое с ростовщичеством, язвой бурятского общества[1214]. Об активных торговых отношениях бурят свидетельствуют иски читинских купцов к бурятам, которые брали у них товары для реализации или в кредит: иск Исаака Помуса к Цыдену Номтоеву, Бадме Энохееву, Гарме Дылгырову о взыскании с них денег за товары, полученные ими на ярмарке, Моисея Фромберга к Абиде Жигжитову и т. д.[1215]

Родоначальники пытались изолировать бурят от торговли с купцами, в результате которой они попадали в денежную кабалу. В 1848 г. хоринский тайша Николай Дымбилов обратился в Иркутскую казенную палату с прошением о запрете купцам торговать в местах проживания бурят в неярмарочное время, так как такая торговля приводит к их обеднению. Некоторые купцы, не довольствуясь месячной торговлей в период ярмарки, селились в кочевьях хоринских бурят, открывали лавки и круглогодично занимались торговлей. Они «простерли свою спекуляцию до того, что задают наперед не только деньгами, но и товаром по самым низким ценам, так что большая корова обходится не дороже 5

[1211] ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1581. Л.2 об.–3.
[1212] Там же. Д. 1683. Л. 288–289.
[1213] ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 39. Л. 96.
[1214] Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. С. 112.
[1215] ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 23, 24, 43.

руб., масло 2 руб., белка 10 коп. серебром»[1216]. На основании прошения Иркутская казенная палата издает распоряжение о выселении верхнеудинских купцов Федора Лосева, Тимофея Овсянкина и крестьянина Василия Мошанова за пределы проживания хоринских бурят[1217].

С середины XIX в. в бурятских ведомствах развиваются торгово-промышленные заведения в виде мелочных и мануфактурных лавок, постоялых дворов, питейных заведений и винных складов. К промышленным заведениям относились также мукомольные мельницы. Так, в 1891 г. по Хоготовской инородной управе насчитывалось три торговые лавки, два питейных заведения, одна мельница[1218]. В 1901 г. в Агинском ведомстве было пять торговых лавок бурят и 19 лавок посторонних лиц[1219]. В 1907 г. в Ользоновской инородной управе насчитывалось 15 торгово-промышленных заведений: 10 постоялых дворов, принадлежавших С. Бартунову, А. Литвинцеву, В. Верхозину, В. Ощепкову и П. Бабакину, одна мелочная и две мануфактурные частные лавки, одна казенная лавка, одна мукомольная мельница в Ного-Алыкском улусе[1220]. В 1916 г. в Торском селении мещанка А.Ф. Новинская содержала мануфактурную лавку, Данзан Андренов –мясную лавку с продажей горячей пищи[1221].

В конце XIX в. в инородческих ведомствах Иркутской губернии стали открываться питейные заведения, принадлежавшие обществу. Еще в 1875 г. А.П. Щапов писал об экономической пользе общественных питейных заведений для крестьян оседло-инородческих общин Верхоленского края. Он приводит данные официальных отчетов, из которых следует, что прибыль заведений направляется на оплату податей за неимущих, жалованья учителям, содержание учеников, приобретение пожарных инструментов и т. д.[1222]

В 1894 г. в Иркутске были изданы специальные наставления сельским обществам Иркутской и Енисейской губернии по заведыванию общественными питейными заведениями. Согласно

[1216] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 162. Л. 23 об.
[1217] Там же. Л. 23–25.
[1218] ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 39. Л. 86.
[1219] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3320. Л. 12 об.
[1220] ГАРБ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 91. Л. 11–12.
[1221] ГАРБ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 19. Л. 17–18.
[1222] Щапов А.П. Сельская оседло-инородческая и русско-крестьянская община в Кудинском крае // Собр. соч. Иркутск: 1937. Доп. том. С. 285–291.

наставлениям обществом избирались доверенные, которые нанимали сидельцев для продажи вина с письменным условием и взятием с них залога в размере не менее двухмесячного оклада жалованья. Доверенный вел книги для записи приобретенных питий и денежную приходо-расходную книгу, назначал продажную цену. Деньги, вырученные от продажи питий, расходовались только по приговорам обществ и только на мирские повинности, общественные нужды.

В 1894 г. по общественному приговору Ользоновской управы с разрешения земского заседателя и губернатора было открыто питейное заведение в селении Ользоновском в доме М. Серебренникова. Патент на продажу алкогольных напитков на 1 год от окружного акцизного управления стоил 200 руб. На первых порах заведение работало убыточно, так как не выдерживало конкуренции с казенным питейным заведением, но по итогам 9 месяцев 1894 г. доход от питейного заведения составил уже 320 руб. 30 коп. В 1901 г. было открыто питейное заведение в Кудинской управе, в селении Усть-Ординском, в Курском селении, Муринском улусе.

О работе общественного питейного заведения по Муринскому улусу в период с января по июнь 1901 г. свидетельствуют отчеты. Так, в питейное заведение поступило вина и наливок на сумму 1234 руб. 59 коп., которые были проданы на сумму 1629 руб. 25 коп., прибыль составила 394 руб. 66 коп. Из вырученной суммы от продажи винных напитков Кудинская управа рассчиталась за купленное вино, патент, выдала жалованье работникам питейного заведения, и чистая прибыль составила 73 руб. 70 коп. Эти данные свидетельствуют о быстрой рентабельности таких заведений.

Многие бурятские общества выступали против открытия на их территориях или вблизи питейных заведений. П.С. Дырхеев приводит данные о том, что верхоленские буряты отрицательно относились к распространению среди них винно-водочных изделий и питейных заведений. Так, в 1880 г. в Ленскую инородную управу поступило письмо от старшины инородцев 5-го Черно-рудского рода Ихинырова. Оно гласило: «Родовое управление имеет честь представить при сем общественный приговор жителей Дурутуйского селения о воспрещении выдавать кому-либо дозволительного приговора на открытие питейных заведений в селении Дурутуй». В следующем году в Верхоленское окружное

полицейское управление поступило донесение от Ленской инородной управы, в котором отмечалась незаконность открытия питейного заведения в Бужаевском выселке 2-го Чернорудского рода, так как не было решения общества[1223].

Другой пример: общественным приговором от 15 января 1849 г. хоринские буряты просят вышестоящее начальство запретить продажу вина в селениях Курбинском, Поперечинском, Булаганском и Укырской слободе, расположенных в непосредственной близости от мест их кочевий. Бурятам, приезжающим в эти селения по хозяйственной надобности, продают вино, и они «через покупку и употребление оного не только забывают приобретение по хозяйственной части, даже некоторые встречают большие убытки»[1224].

Открытие общественных питейных заведений приносило денежный доход обществу, но оказывало разлагающее действие на бурятское население: увеличилось число правонарушений и преступлений, приносило значительный материальный урон семьям и т. д.

В начале XX века в инородных управах Иркутской губернии стали учреждаться ссудо-сберегательные товарищества. Они учреждались с целью доставить своим членам возможность: а) помещать их денежные сбережения; и б) получать денежные ссуды. В члены товарищества могли быть приняты все жители, достигшие 21-летнего возраста, внесшие пай[1225]. В Хоготовской инородной управе в 1912 г. было открыто кредитное товарищество с капиталом в 3000 руб. Учредителями выступили: 1) Григорий Лихачев – писарь; имеет 15 десятин земли на душу, шесть лошадей, 13 коров, 10 овец на сумму 740 руб., постройки на сумму 1600 руб., имущество на 600 руб.; 2) Иннокентий Стерхов – почтосодержатель; имеет 25 лошадей, 25 коров, 30 овец на сумму 2150 руб., постройки на 5000 руб. (пять домов), имущество на 2000 руб.; 3) А. Зуев – торговец; имеет две лошади, шесть коров, пять овец на сумму 350 руб., постройки на 500 руб., имущество на 500 руб.[1226]

[1223] Дырхеев П.С. Очерки истории верхоленских бурят. Улан-Удэ: 2005. С. 82–83.
[1224] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 162. Л. 61.
[1225] О порядке учреждения сельских банков и ссудо-сберегательных касс от 25.01.1883 г. // Сборник узаконений по крестьянскому управлению. Иркутск: 1889. С. 173.
[1226] ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 519. Л. 17.

В 1912 г. была открыта ссудо-сберегательная касса при Койморской инородной управе. Общественный питейный капитал в сумме 981 руб. 60 коп. с процентами было решено перевести из Иркутского государственного банка. К 1 января 1914 г. приход составил 6501 руб. 17 коп., расход – 6491 руб. 81 коп., остаток составил 9 руб. 36 коп. Чистая прибыль кассы составила сумма 133 руб. 57 коп. За 1913 г. подали заявление о ссуде 660 человек, из них 420 получили[1227]. В 1916 г. было учреждено кредитное товарищество.

Большой урон хозяйству местного населения наносили пожары. В случае пожаров инородная управа и Степная дума без содействия полиции могли исследовать причины возникновения пожара. Если причиной пожара не являлся поджог, то дело заканчивалось и доносилось в полицию для сведения. Например, в 1899 г. произошел пожар в местности Барун-Хоандай Тургинской управы. Пожаром был нанесен ущерб на сумму 4767 руб. 40 коп. Следствие проводили должностные лица управы. В ходе следствия были опрошены все свидетели, оценен нанесенный ущерб и вынесено решение оставить дело без производства из-за отсутствия виновных лиц[1228].

В каждой инородной управе, Степной думе имелись средства для борьбы с пожаром. Так, в Унгинской управе, в Нукутском улусе имелись пожарная машина, две бочки на дрогах, пять железных багров и лестница. По ведомству в 1900 г. произошло восемь пожаров, сумма убытка составила 21 руб.

В 1880–1890-х гг. большое распространение получает страхование частного и общественного имущества от пожаров. В фондах инородных управ имеются документы о страховании частного и общественного имущества от пожаров, ведомости по страхованию строений. Например, бурят Абаганатской инородной управы Афанасий Найманов в 1895 г. застраховал свое имущество: пять деревянных домов, две юрты, два амбара, две летние юрты, два овина на сумму 190 руб. и ежегодно платил взносы в сумме 0,65 руб.[1229].

Деревянное здание Абаганатской управы с амбарами было оценено на 2300 руб., экономические магазины – в 300, 400, 350 и 250

[1227] ГАРБ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 125. Л. 24–25.
[1228] ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 123. Л. 11–11 об., 23.
[1229] Там же. Д. 57. Л. 14.

руб. и ежегодные страховые взносы составляли 1% от оценочной стоимости[1230]. В 1910–1912 гг. по Абаганатской управе было застраховано 1544 дома, 151 баня, овинов, кузниц, всего 2089 строений и оценены на сумму 61 110 руб. и 755 руб. соответственно[1231].

В Унгинской управе была застрахована деревянная церковь с пристройками в улусе Нукуты в страховом обществе «Россия» г. Санкт-Петербург на 78 руб. 52 коп.[1232] По Тункинскому ведомству застрахованное имущество было оценено на 57962 руб., страховая сумма составила 32 740 руб. Торская управа в 1910 г. платила страховые платежи за общественные постройки в размере 17 руб. 57 коп.[1233] Имеются документы о получении страховой премии жителями бурятских ведомств. Например, бурят Унгинской управы Мадай Мадасов получил 5 руб. за сгоревший овин из 2-го отделения Иркутского губернского управления[1234].

Таким образом, в России в XIX – начале XX в. Степные думы, инородные управы и родовые управления успешно занимались вопросами местного значения: раскладкой и сбором налогов, развитием скотоводства и земледелия, содержанием дорог местного значения, профилактикой и борьбой с пожарами и стихийными бедствиями, обеспечением продовольствием населения через экономические магазины и т. д. Хозяйственная деятельность органов местного самоуправления бурят способствовала развитию хозяйства, поступлению налогов в казну государства, укреплению экономического благосостояния Российского государства. Их основной обязанностью был сбор налогов без недоимок, обеспечение жизнедеятельности подведомственного населения. На основе Устава 1822 г. была организована налоговая система, действовавшая фактически до конца XIX – начала XX в. Размер налогов зависел от разряда населения управы, от состояния имущества каждой семьи. Кроме налогов, буряты отбывали натуральные повинности – дорожная, квартирная, уртонная (почтово-перевозочная), арестантская, охрана лесов от пожаров и т. д. Несмотря на свою изолированность, бурятские ведомства как часть российского общества с середины XIX в. втягиваются в общероссийский рынок,

[1230] ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 57.
[1231] ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 114. Л. 3.
[1232] ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 330. Л. 18.
[1233] ГАРБ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.
[1234] ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 324. Л. 3.

начинают появляться торгово-промышленные заведения в виде мелочных и мануфактурных лавок, постоялых дворов, питейных заведений и винных складов, развивается страхование.

Устав 1822 г. и нормы обычного права строго регламентировали деятельность должностных лиц местного самоуправления, однако для них существовала целая система материальных и моральных поощрений, призванных, несмотря на общественный характер несения должности, повысить их социальный и имущественный статус. На политическую арену бурятских ведомств выдвигаются талантливые руководители – общественные деятели, такие как С. Хамнаев, З. Хамаганов, Т. Тобоев и др., внесшие значительный вклад в развитие своих ведомств. Однако общественный характер службы со своими привилегиями становится одной из причин многочисленных нарушений со стороны должностных лиц, социальной дифференциации бурятского общества и острой борьбы за власть. Борьба за власть обостряется, когда с середины XIX в. царская администрация начинает отходить от наследственного принципа формирования инородческого управления в пользу принципа выбора «достойного». К концу XIX в. сложившаяся у бурят административно-хозяйственная система, основанная на родовом принципе, перестает отвечать сложившимся реалиям российского общества, назревает необходимость коренных перемен в административной и хозяйственной жизни.

Глава VI. Судопроизводство в бурятском обществе в XIX – начале XX в.

§ 1. Роль органов местного самоуправления в осуществлении судопроизводства в бурятском обществе

Россия – многонациональное государство, поэтому при проведении реформ правовой сферы встает задача учета традиций и обычаев народов, населяющих ее территорию. В связи с этим становится актуальным обращение к историческому опыту правовой системы аборигенных народов, в данном случае – судебной системы бурят, основанной на нормах обычного права. До присоединения Бурятии к России все виды преступлений и правонарушений у бурят регулировались нормами обычного права. Суд и судопроизводство в бурятском обществе были напрямую связаны с инородческим самоуправлением, выполнявшим еще и судебные функции. До принятия Устава об управлении инородцев 1822 г. роль судебных органов, назначавших наказания, выполняли должностные лица Степных контор, старейшины рода – «почетные родовичи».

С процессом инкорпорации бурят в общероссийское пространство наблюдается тенденция усиления влияния российского законодательства: в 1728 г. Инструкцией пограничным дозорщикам Фирсову и Михалеву графа С.Л. Владиславича-Рагузинского были изъяты из ведения инородческих властей так называемые криминальные дела[1235]. Все остальные дела, относящиеся к исковым, так называемым маловажным делам, регулировались нормами обычного права, что было закреплено следующими нормативными документами:

1) Инструкцией капитану А. Щербачеву, командированному Екатериной II в Сибирь в 1763 г. «для отвращения происходящих

[1235] ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 30 об.

там непорядков и взяток, вымогаемых при сборе ясака», определялся порядок управления и суда для сибирских народностей[1236];

2) Инструкцией тобольскому и иркутскому генерал-губернатору И.О. Селифонтову от 23 мая 1803 г. «Об образе управления сими губерниями», подтвердившей силу Инструкции С.Л. Владиславича-Рагузинского: «Многими указами и другими актами повелено было оставить ясачных при их собственных правах и обычаях, которыми сами бы они разбирались во всех маловажных своих делах, не привлекая их к тяжбе и волоките по судному обряду доколь не последует о сем надлежащего постановления. Вы должны подтвердить, чтоб отнюдь никто не вмешивался в таковые дела ясачных, исключая уголовных или подлежащих особенной важности, в таких случаях должны они судимы быть по общим государственным узаконениям»[1237].

Кроме этих инструкций и древних обычаев, как пишут буряты Идинского, Тункинского, Балаганского и Кудинского ведомств, при судебном разбирательстве руководствуются следующими законодательными актами:

- указом государственной коллегии иностранных дел от 3 ноября 1729 г. о нечинении ясашным притеснения;
- распоряжением Иркутской провинциальной канцелярии от 9 июля 1754 г. об отгоне у ясашных или русских людей конного и рогатого скота;
- всемилостивейшим манифестом от 13 июня 1763 г.;
- инструкцией секунд-майору Щербачеву об обложении ясашных сбором ясака, об обхождении с ними ласково, «показывании в обращении с ними всякого доброхотства и о нечинении им грабительств и разорений»;
- указом от 6 марта 1783 г. о суждении в небольших тяжбах словесным разбором у родовых шуленг;
- всемилостивейшим манифестом от 17 марта 1775 г.;
- высочайшим указом от 25 сентября 1795 г. об уничтожении и запрещении вовсе наказания без суда, батажьем, кошками и плетьми, под строгим подтверждением;

[1236] ПСЗРИ-1. № 11749. Т. 16. СПб.: 1830. С. 153–154.
[1237] Там же. С. 627.

- указом Правительствующего Сената от 24 марта 1797 г. о братии под караул ослушников и подговаривающих к ослушанию начальства;

- именным высочайшим указом от 27 сентября 1801 г. о нечинении пристрастных допросов[1238].

Необходимо отметить еще один документ, имевший законодательную силу для инородцев – это «Положение, учиненное господином Иркутским гражданским губернатором и кавалером в подтверждение и постановление в действие узаконений и правил по предметам иноверческого и сельского управлений», разработанное иркутским гражданским губернатором Н.И. Трескиным в 1812 г. Положение расширило судебные функции родоначальников, предоставив им собственное разбирательство в «малых делах». Местное начальство могло вмешиваться в судебные дела только в случае, когда «иноверец сочтет себя решением своего родоначальника и даже тайши, или улусного головы явно обиженным, и принесет о том словесную жалобу земскому чиновнику, и тогда сей последний, не допуская иноверца до судебного места, обязан склонять родоначальников к новому и подробнейшему разбирательству, или к назначению с общего обеих сторон согласия третейского суда»[1239], решение которого было окончательным. Расширение судебной власти родоначальников вводилось Н.И. Трескиным с целью освобождения «иноверцев от продолжительной тяжбы в судебных местах».

Согласно обычному праву бурят, инородческие суды рассматривали следующие дела:

1) воровство, кража и обман, не превышающие имущественного состояния преступника;

2) ссоры и драки без смертельного исхода, без причинения тяжелых увечий;

3) разбирательство по имуществу, взысканию долгов, калыма, потрав и прочие, не превышающего имущественного состояния тяжущихся;

4) нарушение общественного порядка, отлучки инородцев, пьянство, леность и т. п.

[1238] Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев // Д.Я. Самоквасов. Варшава: 1876. С. 87–88.

[1239] ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 12 об.

Другие преступления, такие как преднамеренное и непреднамеренное убийство, грабежи, поджоги, неоднократное воровство, воровство, превышающее имущественное состояние похитителей, особенно групповое, нарушение законов, неподчинение инородца или целого общества начальству передавались на рассмотрение вышестоящему начальству.

Обычное право бурят главной задачей инородческого суда определяло примирение сторон или согласие тяжущихся с решением суда. Судопроизводство у бурят разных ведомств практически было одинаковым: начиналось с подачи иска или с объявления родоначальником, старшиной или же простым родовичем открывшегося преступления. У бурят Идинского, Тункинского, Балаганского и Кудинского ведомств «малые» дела рассматривались словесно родовым шуленгой в присутствии нескольких человек из лучших родовичей своего рода. В случае несогласия тяжущихся приглашались два или три шуленги из других родов с родовичами, которые начинали судить беспристрастно: снимали показания тяжущихся, опрашивали свидетелей, искали доказательства, в конечном результате принимали словесное решение. Если и в таком случае не приходили к окончательному решению, роль высшего судьи исполнял главный тайша: либо сам решал, либо предоставлял это право собранию – суглану. Обычное право бурят устанавливало 10-летний срок давности исковых дел, а срок подачи апелляции составлял один месяц.

У верхоленских бурят старосты с почетными родовичами рассматривали словесно малые дела, если не могли решить дело, то передавали на рассмотрение родового шуленги. Он приглашал на разбирательство лучших старост и почетных родовичей и решал окончательно. В случае несогласия тяжущихся с решением суда их приводили к божбе, если некрещеных, то на шаманских местах, крещеных – в церкви или перед иконой.

Инородческие суды в судебных разбирательствах руководствовались, как отмечают сами бурятские ведомства, указами Иркутского губернского правительства от 3 августа 1800 г., 9 июля 1806 г., 22 октября 1809 г., указом Правительствующего Сената от 13 декабря 1820 г., согласно которым задачей судов является примирение тяжущихся на основе справедливого решения. Суд первым делом устанавливал, намеренно или преднамеренно че-

ловек совершил преступление. В свидетели приглашались только добропорядочные люди; родственники, друзья, малолетние и безумные не имели права быть свидетелями. Перед допросом свидетели присягу не принимали, но их предупреждали об ответственности за дачу ложных показаний. Причинами отвода родоначальника-судьи были: 1) если дело касалось его самого или его близких родственников; 2) если тяжущийся или судимый объявит, что он не может быть доволен его решением из-за ссоры или по какой-либо причине[1240].

Разбор дела начинался только в присутствии тяжущихся сторон, прибегая к очной ставке. По степным законам хоринских бурят «во время разбирательства должностным лицом искового дела со стороны истца не должен присутствовать другой сутяжник»[1241]. Нормы обычного права запрещали начинать судопроизводство в отсутствие истца или ответчика. Только немощные старики да малолетние, больные люди могли «с разрешения сайтов отока подавать иски через надежное доверенное лицо». Если ответчик не приходил на судебное заседание, то за ним отправляли нарочного за его счет. Уважительными причинами для его отсутствия признавались болезнь или когда дом или скот остается без хозяина. В случае неявки на суд без уважительных причин за ним вторично отправляли двух нарочных и, приведя принудительно, за неподчинение наказывали десятью ударами розог установленного образца и приступали к судопроизводству[1242]. Такие меры принимались для избежания волокиты в суде.

Устав об управлении инородцев 1822 г. М.М. Сперанского подтвердил законность Инструкции пограничным дозорщикам Фирсову и Михалеву графа С.Л. Владиславича-Рагузинского 1728 г., изъявшей из ведения инородческих властей так называемые криминальные дела, и четко определил виды уголовных преступлений, по которым «кочующие судятся в присутственных местах и по общим государственным установлениям»: «1) возмущение; 2) намеренное убийство; 3) грабеж и насилие; 4) изготовление ложной монеты и вообще похищение казенного и общественного

[1240] Самоквасов. Указ. соч. С. 91–95.

[1241] Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности / пер. с монг. Новосибирск: 1992. С. 81.

[1242] Обычное право хоринских бурят. Указ. соч. С. 101.

имущества»[1243]. Все прочие преступления, включая кражу, считались исковыми и решались инородными властями.

Согласно Уставу 1822 г., инородные управы и родовые управления наделялись правом осуществления суда и судопроизводства. Родовое управление представляло собой первую степень суда словесной расправы, инородная управа – вторую степень, а третью степень составляла местная полиция. Степные думы не имели значения словесных судов, а выступали как посредники. Главная обязанность судов словесной расправы заключалась в прекращении частных разногласий между инородцами и в их примирении на основании «степных законов» и обычаев. Решение суда имело силу, если его участники были удовлетворены им. В случае неудовлетворенности решением суда родового управления или же разбора дела между людьми разных улусов, родов дело передавалось на рассмотрение суда инородной управы.

Таким образом, все инородческие дела решались в пределах родового управления и инородной управы, при этом инородная управа фактически являлась высшей степенью суда словесной расправы.

Право судиться судом родоначальников по своим законам было важной привилегией, предоставленной бурятам С.Л. Владиславичем-Рагузинским. С одной стороны, эта льгота избавляла бурят от вмешательства русских чиновников, с другой стороны, усиливала власть местных родоначальников[1244].

В целом, право собственного судопроизводства по нормам обычного права являлось для бурят необходимостью, как пишет А. Кистяковский в рецензии на сборник Д.Я. Самоквасова: «Состояние инородцев характеризуется: 1) непостоянством их жительства; 2) степенью их гражданского образования; 3) простотой нравов; 4) особыми обычаями; 5) образом пропитания; 6) трудностью взаимных сообщений… Отсюда следуют общие правила в образе их управления: в частных делах предоставить инородцам кочевым словесную расправу, по собственным их обычаям и

[1243] ПСЗРИ-1. № 29126. Т. 38. СПб.: 1830. С. 396.

[1244] Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX века. М.: 1970. С. 123.

законам и уменьшить число предметов, подлежащих судебному разбирательству»[1245].

Родовое управление как первая степень суда словесной расправы рассматривало исковые дела между инородцами в пределах родового управления. В состав инородческого суда 1-й степени входили родовой староста, почетные родовичи. В основном исковые дела рассматривались устно по нормам обычного права.

Инородная управа как вторая степень суда словесной расправы разбирала дела между людьми разных улусов или же, в случае неудовлетворенности решением суда первой степени словесной расправы, – родового управления. В состав инородческого суда входили должностные лица органов местного самоуправления. В архивных документах имеются сведения о том, что членами суда являлись почетные родовичи. Так, в состав инородческого суда Окинского родового управления входили староста Комиссаров, помощники старосты Сыбдэнов, Аюшеев и почетные родовичи: Шагдуров, Пиргонов, Осоров, Таботэев, Патрахеев, Шарапов[1246]. В состав инородческого суда 2-й степени Тургинской инородной управы входили голова Линхово Санжиев и два выборных: Жамбал Жаргалов и Вандан Очиров[1247].

Земская полиция как суд словесной расправы третьей степени могла вмешаться только при наличии жалоб со стороны инородцев, которые реально далеко не всегда направлялись ими из-за ряда очевидных причин:

1) боязнь и зависимость населения от должностных лиц, которыми, как правило, были представители знати;

2) безграмотность большинства коренных жителей Сибири препятствовала отправлению письменной жалобы;

3) инородцам запрещалось согласно § 182 Устава 1822 г. без ведома родового управления отлучаться из мест кочевья на расстояние большее двух дней пути.

Таким образом, инородная управа фактически являлась высшей степенью суда словесной расправы, имевшей право заниматься судопроизводством на основании норм обычного права.

[1245] Кистяковский А. Собрание и разработка материалов обычного права. СПб.: 1876. С. 2–3.
[1246] ГАРБ. Ф. 118. Оп. 1. Д. 32. Л. 8.
[1247] ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 158. Л. 1.

Устав об управлении инородцев 1822 г. установил, что «все кочующие и бродячие инородцы управляются по их собственным степным законам и обычаям» (§ 68). В связи с тем, что законы и обычаи в каждом племени имели некоторые отличия, «притом же сохраняясь поныне через изустные предания, могут быть сбивчивы и неопределенны», местному начальству «предоставлялось от почетных людей собрать полные и подробные о сих законах сведения, рассмотреть оные по губерниям в особых временных комитетах, смягчить все дикое и жестокое, отменить несообразное с другими установлениями и расположив в надлежащем порядке, представить местному Главному управлению на утверждение»[1248].

До вхождения бурят в Российское государство обычное право представляло единственный вид права: «Они не знали писаных законов, общественная жизнь народа передавалась на основе установившихся правовых обычаев, передававшихся устно из поколения в поколение»[1249].

С появлением письменности и началом кодификации норм обычного права появляются нормы писаного обычного права. К таким ранним памятникам обычного права бурят относятся:

1) «Скаска» балаганских бурят 1693 г., в 11 статьях которой кратко говорится о наказаниях, полагавшихся за наиболее тяжкие преступления: убийство, увечье, насилие, воровство[1250];

2) Указ 1759 г., составленный родоначальниками 11 хоринских и двух селенгинских родов – цонгольского и ашибагатского в ответ на запрос пограничного комиссара В. Якоби о вероисповедании бурят[1251];

3) Уложение 1763 г. хоринских бурят, состоявшее из трех обширных статей о брачном праве, об охоте и борьбе с пьянством[1252];

4) Книга записи судебных законов 1775 г. селенгинских бурят, известная под названием Селенгинское Уложение 1775 г.;

5) Положение 11 хоринских родов 1808 г. по управлению внутренними делами и судопроизводству, состоявшее из 132 статей[1253];

[1248] ПСЗРИ-1. № 29126. Т. 38. СПб.: 1830. С. 398.
[1249] Цибиков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ: 1970. С. 3.
[1250] Хрестоматия по истории Бурятии: документы и материалы. С древнейших времен до 1917 г. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. С. 51–53.
[1251] Обычное право хоринских бурят. Указ. соч. С. 14–15.
[1252] Там же. С. 15–16.
[1253] Там же. С. 24–48.

6) Устав 1788 г. хоринских и селенгинских бурят о нормах брачного права;

7) Наказ главного тайши хоринских родов Шираб Дамба-Дугар Ринцено 1793 г., статьи которого направлены на борьбу с пьянством, развратом, азартными играми, расточительностью;

8) Согласительный устав 1800 г., устанавливающий нормы торговых сделок;

9) Приговоры 1817 г. и 1818 г. об упорядочении управления внутренними делами 11 хоринских родов, содержавшие ценные сведения об их административном устройстве накануне введения Устава об управлении инородцев 1822 г.;

10) Приговор 1820 г. о взыскании податей[1254].

Буряты в судопроизводстве руководствовались нормами обычного права, которые сохранились в письменном виде, как считает В.А. Рязановский, во многом благодаря тому, что «необходимость в ознакомлении с вероисповеданием, управлением, судом и правовыми обычаями бурят заставляла местные русские власти нередко запрашивать бурятских тайш и прочих начальников о вере, управлении, законах и обычаях бурят, те созывали мирские сходы (сугланы), совещались и давали нужные ответы. Эти письменные ответы бурят на запросы русских властей о существующих правовых нормах и юридических обычаях среди бурят, дошедшие до нашего времени, являются одним из источников ознакомления с обычным бурятским правом»[1255].

После принятия Устава об управлении инородцев 1822 г. начинается длительный процесс кодификации норм обычного права бурят. В 1823 г. местная администрация приступила к сбору сведений об обычаях и законах инородцев для санкционирования норм обычного права и последующего их использования. С этой целью в Иркутске и Красноярске учреждаются особые временные комитеты, которые состояли из чиновников губернских правлений и возглавлялись гражданскими губернаторами И.Б. Цейдлером и А.П. Степановым. В марте 1823 г. Иркутское губернское правление предписывает инородческим ведомствам собрать «письменные сведения о законах ваших в каком бы они виде не были, и сверх того описали подробно все обычаи и домашние раз-

[1254] Обычное право хоринских бурят. С. 16–24, 48–60.
[1255] Рязановский В.А. Указ. соч. С. 152.

бирательства, хотя по преданиям еще у вас известных, сколько при всем вашем усердии собрать можете с тем, однако же, чтобы они основаны были на самой справедливости и точной верности в изложении»[1256].

По предписанию М.М. Сперанского были собраны значительные материалы по обычному праву бурят, которые в настоящее время хранятся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге[1257]: это Степные уложения бурят Балаганского, Идинского, Верхоленского, Тункинского, Хоринского и Селенгинского ведомств.

В Иркутске в 1823–1824 гг. работает Временный комитет по рассмотрению проекта степных законов, в состав которого вошли почетные родоначальники бурятских ведомств. На заседания Комитета вызывались депутаты от каждого инородческого ведомства, после длительных и подробных консультаций с ними были составлены два проекта степных законов: один для Иркутской губернии, другой для Енисейской губернии.

В 1824 г. проекты были представлены генерал-губернатором Восточной Сибири А.С. Лавинским в Сибирский комитет. Специально для рассмотрения проекта степных законов летом 1825 г. была собрана особая межведомственная комиссия из четырех членов: от Министерства юстиции, Министерства финансов, Министерства внутренних дел и от Сибирского комитета. В ходе обсуждения комиссия выяснила, что проекты степных законов во многих отношениях не сходятся с теми показаниями о степных законах, которые были сделаны самими инородцами, поэтому не признала нужным составлять новый свод и предложила пополнить их показаниями инородцев.

Член комиссии от Сибирского комитета А.П. Величко не согласился с этим заключением и высказал свое особое мнение о том, что проекты степных законов – не простой свод законов, а сочинение законов, составленное местным начальством. Он заявил о необходимости отмены всех отступлений от Устава, допущенных в проектах Восточной Сибири, и потребовал от составителей основать свой свод на подлинных показаниях почетнейших родовичей. Он предложил: 1) подлинные показания инородцев привести

[1256] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–2.
[1257] РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309.

в правовое расположение; 2) из подлинных сведений определить отличия и особенности права каждого племени инородцев; 3) собрать все сведения об управлении инородцев; 4) определить, в какой мере могут быть приняты к применению китайское уложение, составленное для монголов, с письменным уложением бурят; 5) с учетом всех собранных сведений составить Свод степных законов[1258].

В марте 1828 г. Сибирский комитет поручил А.П. Величко составить новый проект свода степных законов, к 1831 г. были составлены шесть частей проекта. Сибирский комитет направил подготовленный Свод степных законов генерал-губернатору Восточной Сибири А.С. Лавинскому для передачи иркутскому губернскому переводчику А.В. Игумнову, чтобы тот сравнил их с инородческими степными законами. В 1832 г. А.В. Игумнов представил свои замечания и пояснения к Своду законов, добавив свое личное мнение по теме.

В 1836 г. было завершено составление второго проекта свода законов. В 1837 г. пересоставленный Свод степных законов был внесен А.П. Величко в Сибирский комитет. Свод состоял из 540 статей, расположенных в разделах о правах и обязанностях семейственных, правах на имущество, обязательствах по договорам, судопроизводстве. Текст Свода степных законов сопровождался ссылками на подлинные показания инородцев, постановления, указы и т. д. Свод был напечатан в 20 экземплярах и отправлен по местным начальствам. С учетом их замечаний 5 декабря 1838 г. Свод был представлен во II отделение собственной канцелярии М.М. Сперанскому, так как к этому времени Сибирский комитет закрылся.

В 1841 г. дополненный проект Свода степных законов был внесен на рассмотрение Государственного совета. Проект свода 1841 г. по содержанию имел немного отличий от проекта 1836 г., несмотря на увеличение числа параграфов с 540 до 802. Большинство новых положений свода раскрывали содержание каких-либо понятий или терминов, заимствованных из нормативно-правовых актов. Поскольку свод содержал много общих положений из официальных актов, было решено оставить один документ, включив в него так называемые изъятия или частные правила (для отдельных

[1258] ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 2687. Д. 23. Л. 182–182 об.

народов или конкретных племен). Каждая статья Свода степных законов содержала общее правило для всех кочевых народов Восточной Сибири и иногда – частное для некоторых племен. Общие правила были основаны преимущественно на нормах Российской империи, реже – на актах зарубежных стран или заимствованы из местных проектов Иркутской и Енисейской губерний. Некоторые общие правила вошли в свод без изменений и переработки.

Свод содержал «изъятия», которые устанавливались для определенных племен. Частные правила изменяли общее правило. Иногда «изъятия» допускали использование племенем или общего правила, или частого по своему усмотрению. При анализе содержания «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» 1841 г. можно выделить две совершенно противоположные особенности этого источника. С одной стороны, проект был направлен на унификацию норм обычного права народов Сибири, с другой – сохранялся дифференцированный подход по некоторым вопросам[1259].

Департамент законов высоко оценил представленный проект, однако министр юстиции В.Н. Панин дал резкий отзыв. Проект пришлось отправить на доработку. Свод обычаев так и не был принят: члены совета после многочисленных разногласий по пунктам степных законов пришли к заключению, что их издание в том виде, как предлагал А.П. Величко, следует отложить до более удобного времени.

В 1844 г. проект свода законов рассматривался в Государственном совете и вновь вызвал большие разногласия. Решение вопроса об утверждении свода степных законов было отложено, тем более что нашелся повод – подготовка нового уголовного уложения, которое потребует обязательного внесения изменений. В начале 1847 г. заместитель управляющего II отделением императорской канцелярии М.А. Корф представил «Записку о своде степных законов инородцев Восточной Сибири», в которой дал четкую оценку, что «проект не соответствует целям своего назначения» и введение его может только навредить успеху предпринимаемых правительством усилий к устройству Сибири. Издание Свода степных законов могло быть полезно до введения Устава

[1259] Наумкина В.В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири в правовой системе Российского государства: Автореф… доктора юр. наук. М.: 2010.

об управлении инородцев 1822 г. Действительно, законодательное оформление норм обычного права в том виде, как это предусматривалось правительством, могло послужить лишь консервации патриархально-феодальных отношений в то время, когда правительство своими указаниями вступило на путь их разрушения[1260].

Министр юстиции согласился с мнением М.А. Корфа и 7 октября 1848 г. запросил мнение генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева, который, в свою очередь, тоже согласился с этим заключением, отметив при этом, что обычаи становятся менее востребованными, инородцы все больше обращаются к русскому законодательству[1261].

Таким образом, Свод степных законов не был издан и не получил утверждения верховной власти. Причинами стали непоследовательность проводимой работы, отсутствие четких целей и задач, формальный подход к кодификации на местах, а также объективное социально-экономическое развитие страны с быстрым развитием общегосударственных связей и отношений. Во время разработки свода законов пытались учесть существующие нормы российского законодательства, поэтому работа откладывалась до принятия того или иного нормативно-правового акта.

В период подготовки правительством проекта Свода степных законов бурятские общества руководствовались своими нормами обычного права, которые отличались в зависимости от ведомства. Хоринские буряты применяли в судебной практике Хоринское уложение 1823 г., селенгинские буряты – Селенгинское уложение 1823 г. и т. д. Положения норм обычного права отличались друг от друга, что затрудняло работу инородческих судов, а также местной администрации в апелляционных решениях.

В связи с этим руководители местных администраций выступали за создание единого свода степных законов, так, Тугултур Тобоев, главный тайша Агинской Степной думы, участвовавший в разработке Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири, 5 июля 1859 г. пишет письмо военному губернатору Забайкальской области М.С. Корсакову с ходатайством об издании степных законов. По его мнению, издание необходимо,

[1260] Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири в XIX – начале XX вв. Иркутск: 1986. С. 53.
[1261] ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 2687. Д. 23. Л. 184.

«дабы тем пресечь всякий произвол, нередко допускаемый при разбирательстве дел между инородцами, собственной их расправе представленных, так как изустные предания, на коих должны основываться решения, с течением времени неизбежно получают более и более сбивчивость и неопределенность, служат поводом к произволу судей, заключающим разбирательства по собственным убеждениям, не всегда согласным с преданиями и обычаями племени, через что возникают жалобы и неудовольствия, не менее того затрудняющие по сим причинам справедливое их разрешение»[1262].

2 апреля 1860 г. с таким же ходатайством об издании свода степных законов обратился Сахар Хамнаев, главный тайша Баргузинской Степной думы. Отсутствие единых законов приводило к затруднениям в решении дел инородцев и частым случаям возникновения решений с «неудовлетворенностью оными»[1263].

10 ноября 1860 г. агинские буряты приняли общественный приговор, в котором приняли решение просить военного губернатора Забайкальской области Е.О. Жуковского принять на себя труд употребить со стороны своей «ходатайство об издании для руководства инородцам по означенному проекту степных законов, дабы тем пресечь всякий произвол, нередко допускаемый при разбирательстве дел между инородцами»[1264].

На все ходатайства исправляющий должность иркутского гражданского губернатора 21 января 1862 г. ответил, что «дело об издании Свода степных законов оставлено до особого об нем распоряжения»[1265].

Вопрос о принятии Свода степных законов был вновь поднят в 1863 г. на Совете ГУВС в связи с обсуждением возможности распространения на инородцев судебной реформы. Было принято важное решение, что в делах маловажных, по искам необходимо принять меры к введению у них суда на общих началах. В 1864 г. генерал-губернатор М.Н. Корсаков поручил председателю Енисейского губернского суда В.Н. Булатову изучить и рассмотреть данный вопрос. После тщательного изучения вопроса он пришел к выводу, что для принятия такого решения необходимо прове-

[1262] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 446. Л. 1–2.
[1263] Там же. Л. 4 об.
[1264] Там же. Л. 8–14.
[1265] Там же. Л. 22.

сти статистические и этнографические исследования кочевых народов.

В том же году М.Н. Корсаков поручает старшему чиновнику особых поручений Малахову представить свои заключения по судебной части у инородцев, в связи с чем он вернулся к проекту А.П. Величко. Он решил разослать проект степных законов местным губернаторам с тем, чтобы решить, возможно ли его применение в инородческих ведомствах. Однако Министерство государственных имуществ не предоставило ему проекта Свода степных законов, и на этом переписка закончилась[1266].

В 1877 г. вопрос о степных законах был вновь поднят, когда один из хоринских голов Ринчинов обратился с просьбой тиражировать проект Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири. Оказалось, что это единственный сохранившийся экземпляр. Рассмотрев проект, губернаторы пришли к заключению, что данные, послужившие для составления проекта, совершенно утратили свое значение и потому он не может иметь никакого применения. К такому же выводу пришли и сами инородческие ведомства в своих отзывах. Таким образом, Свод степных законов сибирских инородцев, хотя и был составлен и издан, но получил крайне малое распространение и сделался большой библиографической редкостью[1267].

«Степные законы» упоминались в ряде законов, затрагивавших проблемы управления в Сибири, и учитывались, хотя и не всегда, государственными учреждениями при решении дел о правах инородцев.

В проект «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» вошли:

1. «Сведения Иркутского уезда Балаганского ведомства братского общества, учиненные собранием от всех 17 родов родоначальников о законах и обычаях иноверцев».

2. «Иркутского уезда тункинских братских 12 родов ведения главного тайши Зангея Хамакова об образе суждения инородными начальниками в прежнем времени своих подчиненных в предоставляемых им делах».

[1266] ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 2687. Д. 23. Л. 187 об.–190.
[1267] Дружинин Н.П. Общедоступное руководство к изучению законов. С. 151.

3. «Выписка о законах и обычаях, об образе суждения Идинского ведомства в 12 родах родоначальниками своих подчиненных в предоставляемых им делах и словесных разбирательствах марта 23 дня 1823 г.».

4. «Выписка» о судопроизводстве между братскими Кудинского ведомства.

5. «Обычаи братских Верхоленского ведомства», которые представляют собой приговор, подписанный тайшей Александром Ертагаевым, его помощником Хурганом Убугуровым, 27 родоначальниками и 42 почетными инородцами[1268].

Б.Д. Цибиков отмечает, что одним из главных источников «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» в редакциях 1836, 1841, 1844 годов являлись «Обычаи братских Хоринского ведомства», уложение, принятое 30 марта 1823 г. съездом тайшей, старшин оттоков, зайсанов, шуленг, засулов, «лучших» податных людей в Онинской конторе 11 родов бурят-хоринцев Верхнеудинского округа Иркутской губернии. Обиходное его название – «Хоринское уложение 1823 г.», и оно состояло из 12 глав, содержащих 144 статьи. В основу «Свода» был положен также «Селенгинский сборник 1823 г.», состоявший из подробного введения и девяти глав, содержавших 180 статей. В этих уложениях нормы обычного права разделены на главы по отраслям: о буддийских кумирнях и ламах, о взыскании податей и повинностей, о порядке исполнения дел должностными лицами, о сватовстве и тяжбах, связанных с ним, о взыскании долгов, запрещении пьянства, азартных игр, о сбережении сенокосных угодий, о недопущении пожаров и т. д. В них чувствуется значительное влияние норм права Российской государственности.

После собрания проекта Свода степных законов в Восточной Сибири в бурятских ведомствах были приняты еще несколько сборников, среди которых «Новое постановление о жизни и обычаях. Правила, установленные селенгинскими и хоринскими главными и почетными духовными и светскими сайтами» 1841 г., Хоринское положение 1851 г., «Положение о степных законах и обычаях между инородцами Забайкальской области кудыринского племени существующих» 1860 г.

[1268] Цибиков Б.Д. Указ. соч. С. 20.

Хоринское положение 1851 г. состояло из 19 разделов и 197 статей, охватывает все стороны жизни хоринских бурят, особо надо отметить раздел «Об отнесении обязанностей должностными лицами по управлению хоринскими инородцами», в которых подробно расписаны обязанности и льготы всех должностных лиц местного самоуправления в соответствии с Уставом об управлении инородцев 1822 г.

Одним из последних памятников обычного права бурят является «Положение о степных законах и обычаях между инородцами Забайкальской области кудыринского племени существующих», выработанное в 1860 г. и состоящее из 151 статьи[1269]. Положение было составлено по инициативе главного тайши кударинских бурят Заяхана Хамаганова и, как отмечает Е.М. Залкинд, «свидетельствовало об оживлении интереса к кодификации обычного права, связанного не только с трудностями и произволом при решении судебных дел, на что указывают сами его составители, но и стремлением нойонства использовать старинные обычаи для укрепления своего положения, сильно поколебленного уже новыми процессами, протекавшими в бурятском улусе».[1270] Далее он пишет, что при составлении свода закона кударинских бурят были использованы своды других ведомств. На это указывают и совпадения в формулировке отдельных статей, и однотипность многих параграфов, трактующих хозяйственные или семейно-брачные отношения. Вместе с тем и по содержанию, и по структуре Положение столь существенно отличается от других сводов, что его следует рассматривать как вполне оригинальный памятник обычного права. Надо отметить, что это единственный свод, пытающийся утвердить шаманизм в качестве официального вероисповедания.

Из всех пунктов Свода степных законов официально были приведены в действие только два: § 19 и § 485. В первом случае речь шла о предупреждении усилившейся роскоши в свадебных обрядах, а во втором – о прекращении излишних поборов на продовольствие родоначальников, съезжающихся на собрание. Якутское областное правление полагало, что улусным головам,

[1269] Положение о степных законах и обычаях между инородцами Забайкальской области… // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ: 1968. С. 177–211.

[1270] Залкинд Е.М. Новый памятник обычного права бурят // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ: 1968. С. 212.

наслежным старостам и старшинам нужно положить из земского сбора приличное жалованье на содержание при нахождении на общественных собраниях, разъезды и прочие расходы, для чего необходимо производить сборы по приговорам с общества. Иркутское губернское правление по этому поводу выразило мнение, что такие сборы являются незаконными, поэтому их надо отменить, а инородцам «предоставить удовольствовать себя на сугланах по своей воле, или привозя с собой пищу, или же покупая ее по своему усмотрению на свой счет, а не общественный». Далее правление дало разъяснение, что общественные собрания должны проводиться в три дня, а не в одну-две недели[1271].

Незначительные изменения в судопроизводство инородцев были внесены Уложением о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г.[1272], согласно которому все кочующие и бродячие сибирские инородцы за преступления и проступки менее важные судились по их обычаям и приговаривались к наказаниям по общим законам империи, если преступление или проступок совершены не в местах их кочевья, а в городе, селениях.

Интерес представляет также высочайше утвержденное Положение Сибирского комитета от 4 июня 1853 г. о порядке избрания сибирских инородцев Западной и Восточной Сибири в должности, замещаемые по выбору, по которому разрешалось «избирать инородцев не моложе 21 года, имеющих собственное хозяйство и не только не порочных судом и не оглашенных в дурном поведении, но и не состоящих под судом и следствием»[1273].

После крестьянской реформы 1861 г. были приняты Судебные уставы 1864 г., которые внесли серьезные изменения в систему судоустройства и судопроизводства Российского государства. Они вводили формальную несменяемость судей и независимость суда от администрации, гласность и публичность заседаний суда, состязательный процесс, институты адвокатуры, присяжных заседателей, выборный мировой суд и т. д. Однако эти реформы не оказали существенного влияния на инородческий суд.

[1271] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 277. Л. 214–215.

[1272] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // ПСЗРИ-1. № 29126. 15 августа 1845 г. Т. 38. СПб.: 1830. С. 401.

[1273] О порядке избрания Сибирских инородцев Западной и Восточной Сибири в должности, замещаемые по выбору // ПСЗРИ-2. № 27320. 4 июня 1853 г. Т. 27. СПб.: 1854. С. 279.

В 1885 г. были приняты Временные правила о некоторых изменениях по судопроизводству в губерниях Тобольской и Томской, Восточной Сибири и Приамурском крае, согласно которым все жалобы на управы и суды волостные, станичные и инородческие приносились на окружные суды. Исковые дела рассматривались в окружных судах только после рассмотрения во всех степенях суда словесной расправы и производились по правилам, изложенным в Законах гражданского судопроизводства. В порядке судопроизводства инородные управы подчинялись окружному суду, и жалобы в них решались окончательно, с соблюдением годового срока, по истечении которого не принимались[1274].

Таким образом, в судебном законодательстве инородцев в рассматриваемый период существенных изменений не произошло и Устав об управлении инородцев 1822 г., изъявший криминальные дела из ведения инородческих властей и узаконивший степные законы и обычаи, а также Положение о разборе исков по обязательствам, заключаемым в сибирских губерниях обывателями разных сословий, являлись основными документами, на которые опирались все инородческие органы в своей судебной деятельности.

Анализируя характер преступлений и правонарушений, часто совершаемых в инородческих ведомствах, можно условно сгруппировать их следующим образом:

1. Исковые дела по защите нарушенных или оспариваемых прав и интересов бурят, возникающим из имущественных правоотношений, а также наследственных правоотношений.

2. Исковые дела по защите нарушенных или оспариваемых прав и интересов бурят, возникающим из трудовых правоотношений.

3. Исковые дела по защите нарушенных или оспариваемых прав и интересов бурят, возникающим из долговых правоотношений.

4. Исковые дела по защите нарушенных или оспариваемых прав и интересов бурят, возникающим из семейных правоотношений.

[1274] Временные правила о некоторых изменениях по судопроизводству в губерниях Тобольской и Томской, Восточной Сибири и Приамурском крае // ПСЗРИ-3. № 2770. 23 февраля 1885 г. Т. 5. СПб.: 1887. С. 80–86.

5. Исковые дела по защите нарушенных или оспариваемых прав и интересов бурят, связанные с посягательством на личность.

Все вышеуказанные преступления и правонарушения расследовались инородческими властями, полицией и рассматривались судами 1-й, 2-й и 3-й степени.

1. Исковые дела по защите нарушенных или оспариваемых прав и интересов бурят, возникающим из имущественных правоотношений, а также наследственных правоотношений. Имущественное право бурят в XIX – начале XX вв., регулировавшееся нормами обычного права, является одной из интересных тем в истории развития правовой системы государства. В нормах обычного права подробно регламентируется право на движимое имущество, которое являлось основным объектом имущественных отношений: о появлении у субъекта права на имущество, видах наказаний за посягательство на него и т. д. В то же время в нормах обычного права нет четкой правовой регламентации имущественного права на землю, кому и на каком основании она принадлежит, как распределяется земля между членами общества, как передается по наследству. Поэтому вопрос об имущественном праве бурят на землю можно рассматривать в двух аспектах: во-первых, земля как общественная собственность; во-вторых, порядок землепользования и землевладения отдельных членов общества.

В имущественном праве бурят на недвижимое имущество – землю имелась своя особенность, которая заключалась в том, что земля выступала в качестве объекта имущественных отношений, используемого только в целях удовлетворения потребностей скотоводческого хозяйства. В отличие от оседлых народов земля у бурят обладала иной ценностью, поэтому не являлась основным объектом имущественных отношений. Буряты считали право на землю естественным правом, в основе которого лежал факт давности пользования землей и наследования от предков. Как пишет В. Рязановский, буряты, являясь кочевым народом, «очень долго не знали права собственности на недвижимость, права индивидуальной собственности. Право на землю выражалось в виде права на пользование произведениями и принадлежностями земли, принадлежащее в целом роду и совокупности родов или племени: право на пользование лесом и на охоту в нем, право на рыбную

ловлю, права на пастбища для скота и т. п. И эти места пользования не были постоянными, а легко менялись на другие»[1275].

Присоединение Сибири и сибирских народов к Российскому государству в течение XVII в. внесло свои коррективы в отношении бурят к понятию права на недвижимую собственность: если Российское государство рассматривало земли бурят как собственность государства, то буряты, ограниченные в своих передвижениях и теряя свои кочевья, вынуждены были отстаивать свое право на «породные земли». В нормах обычного права бурят появляются нормы об ограждениях покосных и пахотных земель, так, несколько статей Селенгинского уложения 1775 г. были посвящены регулированию вопросов по индивидуальной городьбе (ст. 117-123)[1276].

В Селенгинском уложении 1823 г. отмечается, что раньше «сенокошение было очень редкое, а хлебопашеством вовсе не занимались, охотились на зверей там, где было наиболее удобно и выгодно, … однако же с того времени прошло много лет, произошло размножение народонаселения и увеличение скота, … по неизвестным обстоятельствам прежняя спокойная жизнь со временем стала разрушаться, … появились ссора, вражда, тяжбы, воровство скота». Поэтому в 1818 г. было принято новое уложение, в котором нашел отражение отдельный раздел о «городьбе хлебных и сенокосных поскотин», что свидетельствует о появлении права владения на недвижимое имущество – землю. Это право ограничивалось такими понятиями, как обязанность строить «крепкую и хорошую городьбу» для владения землей, «не засорять» и т. д.

Право владения землей возникало только с согласия местной власти и сородичей после постройки городьбы, но это право исчезало, когда хозяин оставлял эту землю без ухода в течение трех лет. По истечении этого срока любой желающий с согласия местного начальства и сородичей мог взять эту землю во владение, при этом он должен был выплатить вознаграждение прежнему владельцу за очищение камней и прочего[1277].

[1275] Рязановский В.А. Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк. Харбин: Типография Н.Е. Чинарева, 1931.

[1276] Книга записи судебных законов, выработанных 8 числа последнего осеннего месяца 1775 года на сборе сайтов 22 отоков всего селенгинского общества // Цибиков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. С. 46–47.

[1277] Селенгинское уложение 1823 г. // Цибиков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. С. 72–73.

Согласно Хоринским положениям, сенокосные и пахотные земли отделялись от пастбищ и распределялись с согласия общества на двор или душу. Буряты обязаны были строить поскотину не позднее 20 мая, при этом четко устанавливались размеры изгороди. После 15 сентября, завершения уборки сена и хлеба, открывались поскотины и пускался туда скот. Уродившееся сено должно было делиться «среди местного населения пропорционально скоту». Если же кто огораживал с письменного согласия должностных лиц местного самоуправления и сородичей участок возле своих стойбищ, помимо общих земель, обрабатывал и проводил туда канаву, то такие участки в общий раздел не шли[1278].

У верхоленских бурят сенокосные и пахотные земли также огораживались для сохранения их от потрав скотом, городьба строилась натурой по числу душ и скота хозяев, раздел же земель происходил по числу душ мужского пола[1279].

Таким образом, до 1822 г. вопрос о праве на недвижимое имущество регулировался нормами обычного права. Земли общества распределялись следующим образом: часть назначалась для общественных пастбищ, остальная удобная земля делилась между сородичами по числу рабочих душ для покосов, пашен и стойбищ.

С принятием Устава об управлении инородцев 1822 г. М.М. Сперанского, который внес некоторые нормы в земельные отношения инородцев, закрепляется порядок, сложившийся в ходе исторического развития. Сибирским кочующим инородцам, в том числе бурятам, законодательно утверждались во владении земли, «ныне ими обитаемые с тем, чтобы окружность, каждым племенем владеемая, была по распоряжению местного начальства подробно определена». Распределение земель между инородцами должно было происходить по жребию или по их обычаям, а россиянам строго запрещалось самовольно селиться на их землях[1280]. Устав не внес нового в регулирование права на землю, которое происходило также по нормам обычного права. Надо отметить, что Устав предписывал собрать нормы обычного права разных племен и родов, обобщить и издать единый свод степных законов.

[1278] Обычное право хоринских бурят. С. 96–97.
[1279] Самоквасов. Указ. соч. С. 79.
[1280] Устав об управлении инородцев // ПСЗРИ-1. № 29126. 22 июля 1822 г. Т. 38. СПб.: 1830. С. 396.

Результатом такой работы стало издание свода степных законов в 1837 г., отражающего интересы не только инородцев, но и правительства. Порядок землевладения был сформулирован следующим образом: «Из земель, принадлежащих инородному обществу, часть назначается под выгон для общественного употребления; прочая же земля, удобная для сенных покосов, пашни, усадьбы или стойбища, по положению мирского общества, разделяется между родовичами на участки, по числу состоящих в семействе работников или душ мужского пола от 18 до 50 лет, по количеству платимого ясака и земских повинностей, по числу имеющегося у каждого скота и соображаясь местности, удобству и пространству самих земель»[1281]. В данном положении свода четко прослеживается влияние правительства на порядок землевладения в бурятских обществах: впервые появляется норма, которая определяет зависимость количества земли «от количества платимого ясака и земских повинностей».

На протяжении XIX в. кроме вопросов порядка землевладения бурят остро стоял вопрос о праве собственности бурятских обществ на занимаемую ими землю, особенно это касалось хоринских бурят, которые владели обширными территориями. Хоринские буряты пользовались определенными преимуществами по сравнению с другими бурятскими обществами, продиктованными не только их многочисленностью, богатством и огромными территориями, которые они занимали, но в большей мере их соседством с Монголией. Пограничный фактор заставлял русское правительство обходиться с хоринскими бурятами как можно осторожнее и мягче, что позволило им законодательно закрепить право собственности на занимаемые земли. Хоринские буряты вели учет всем важным законодательным актам о правах собственности на занимаемые земли начиная с даты вхождения в состав Российского государства, но особо выделяли высочайший указ, данный Правительствующему Сенату, от 29 июня 1806 г., об уступке хоринскими бурятами своих земель, в котором было законодательно определено, что «все земли, хоринским бурятам предоставленные, обмежевать без продолжения времени и на всегдашнее владение оным выдать грамоту и план, дабы навсегда определить подлинное пространство кочевья их и окончить спо-

[1281] Залкинд Е.М. Указ. соч. С. 229.

ры, издавна происходящие и впредь происходить могущие между ими, тунгусами и природными российскими поселянами»[1282].

Именно этот правовой документ послужил основанием для почти вековой истории борьбы хоринских бурят за оформление своих земель в собственность. С 1880-х гг. начинается активная работа хоринских бурят по ходатайству перед правительством об оформлении своих земель, что было связано с увеличением населения в Забайкалье, соответственно уменьшением земельных площадей. Если в начале XIX в. в Сибирь в среднем в год прибывало около 1,6 тыс. человек, то в 1880-е гг. – более 20 тыс.[1283]

В 1880 г. от хоринских бурят были выбраны доверенные Шираб-Ненбо Хобитуев, Ампил Бадмаев, Цыден Аюшиев и Борончу Бородин для подачи прошения императору Александру II о выдаче грамоты и плана на вечное владение занимаемых ими земель согласно указу от 29 июня 1806 г. В своем прошении они пишут, что «необходимость и неотложность этой меры сделалась еще более настоятельной в настоящее время вследствие того, что с увеличением народонаселения бурят при кочевом образе жизни их, обусловленном самим качеством принадлежащих им земель, явилась потребность в большем количестве земли для кочевок, а между тем земли, принадлежащие бурятам, захватываются как поселенцами, водворившимся на землях, уступленных бурятами в 1806 году и лежащих между их кочевьями, так и другими смежными с ними ведомствами. Такое неопределенное положение поземельной собственности, порождая постоянные споры, отражается самым вредным образом на благосостояние бурят, которые в виду захвата принадлежащих им земель, по необходимости должны уменьшать скотоводство, составляющее единственное средство к существованию бурят, так как качество находящейся в их владении земли в большинстве случаев совершенно негодно к хлебопашеству»[1284].

В 1887 г. уполномоченные хоринских бурят Хоринской и Агинской Степных дум Дамдин Самгадиев и Жиан Бодиин обращаются к министру внутренних дел с прошением о решении земельного вопроса: «В этом безысходном положении, опасаясь народного

[1282] Залкинд Е.М. Указ. соч. С. 395.

[1283] Зуев А.С., Красильников С.А. Ссылка в Сибирь в XVII – первой половине XX вв. // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. С–Я. Новосибирск, 2010. С.171–179.

[1284] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 645. Л. 1–4.

к нам неудовольствия и проживая в чуждой для нас обстановке, непривычном климате и при непомерных расходах, сопряженных с нашей жизнью здесь и поездкой сюда и обратно, мы дозволяем себе усерднейше и почтительнейше просить ваше сиятельство повергнуть на всемилостивейшее воззрение государя императора всепреданнейшую мольбу нашу, обратить милостивое внимание на наше беспомощное положение и высочайше повелеть: 1) на земли обмежеванные, по которым нам уже выданы планы, а равно и на те, которые обмежеваны и нанесены на план, но планы бурятам еще не выданы, выдать нам грамоту; 2) на земли, обмежеванные и нанесенные на план – выдать нам план; 3) ускорить обмежевание остальных земель, нами занимаемых и тем создать хоринскому бурятскому народу веру в непоколебимость и силу закона, а нам, его уполномоченным, возможность его успокоить, что права собственности на занимаемые ими земли вполне обеспечены»[1285].

В 1892 г. доверенные хоринских бурят Ирдыни Вамбоцыренов, Дамдин Хайдапов и Намдак Дылыков пишут докладную записку генерал-губернатору барону А.Н. Корфу, в которой на основании разных законодательных документов объясняют происхождение своих прав собственности на принадлежащие им земли. Они отмечают, что указ от 23 марта 1888 г. подтвердил владение хоринскими бурятами только трех дач, что же касается грамот на остальные их земли, то Правительствующий Сенат предоставил им предварительно позаботиться об обмежевании земель.

Доверенных особо интересует вопрос о понятиях собственности и владения как о различных юридических институтах ввиду постоянного смешения этих двух институтов права, и вследствие этого смешения собственник постоянно называется владельцем, собственность – владением, в связи с чем их доверителям приходится обратиться к логическому толкованию тех актов, на которые они ссылаются в подтверждение прав собственности на земли, издревле ими занимаемые. Они считают, что «пожалование равносильно собственности на основании нижеследующих статей X тома 1 части, а именно: статья 934 определяет пожалование как дарование кому-либо от императорского величества недвижимого имущества в полную или ограниченную собственность,

[1285] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 266. Л. 4–7.

по смыслу статьи 937, если в указе о пожаловании не сказано, что земля отдается во владение под каким-нибудь условием, то она почитается пожалованной безусловно; наконец, по статье 936 земли и угодья, пожалованные в вечное и потомственное владение, составляют полную собственность первого приобретателя и его наследников. Исходя из приведенных статей закона, мы должны прийти к несомненному выводу, что доверители наши – собственники земель, им издревле принадлежащих: тут есть и пожалование, не ограниченное никакими условиями, есть и вечное потомственное владение, следовательно, есть и собственность»[1286].

О сложных перипетиях в решении земельного вопроса для хоринских и агинских бурят свидетельствует секретная переписка между доверенными и главными тайшами ведомств в 1895 г. Авторами были выявлены телеграммы, которыми обменивались между собой доверенные и главные тайши, к сожалению, невозможно было понять, о чем идет речь, пока не был найден сам шифр.

Например, текст телеграммы от 18 февраля 1895 г. от доверенного Намдака Дылыкова главному тайше Жиану Бодиину: «Знакомые здоровы, хорошее положение. Добролюбов скоро будет говорить главе стоящим, которые читали [с] большим вниманием его декабрьские депеши, посланные Мозову. Молочное дело скоро будет обсуждаться [в] ферме коллегиально. Терентий Иванович пошлет [в] коллегию опытного представителя, который будет доказывать правду. [В] данное время течение дела благоприятное, с управляющим предстоят распри, но благодаря богу бояться не нужно. [В] скотоводном, земельном, кожевенном делах серьезного разговора знакомыми [с] Добролюбовым еще не было. Управляющий доложил подлежащему учреждению [об] упразднении. [За] первенствующего делайте зальбарал, был нездоров, теперь почти совсем выздоровел. Здоровы все? Каково мое семейство? Телеграфируйте[по] адресу: Литейный, дом 55, квартира 11. Кланяюсь, Намдак Дылыков»[1287].

На первый взгляд, вполне безобидная телеграмма, но благодаря найденному шифру текст предстает совсем другим: «Ухтомский здоров, хорошее положение, Петр Александрович скоро будет говорить государю, который читал с большим вниманием его

[1286] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 798. Л. 1–11.
[1287] ГАРБ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 242. Л. 4, 5.

декабрьские депеши, посланные Хвалынскому. Дело о коштном межевании скоро будет обсуждаться в Министерстве земледелия коллегиально. Витте пошлет в коллегию опытного представителя, который будет доказывать правду, в данное время течение дела благоприятное, с генерал-губернатором предстоят распри, но благодаря богу бояться не нужно. В [скотоводном] (видимо, речь идет о воинской повинности бурят – прим. авт.), делах духовенства, делах относительно реформы управления серьезного разговора Ухтомского с Петром Александровичем еще не было. Генерал-губернатор доложил министру внутренних дел об упразднении. За [первенствующего] (видимо, речь идет о Пандито хамбо-ламе) делайте зальбарал, был нездоров, теперь почти совсем выздоровел. Здоровы все? Каково мое семейство? Телеграфируйте, адрес: Литейный дом 55 квартира 11. Кланяюсь. Дылыков».

Текст телеграммы свидетельствует о противостоянии лидеров хоринских и агинских бурят, заручившихся поддержкой С.Ю. Витте, П.А. Бадмаева, Э.Э. Ухтомского, с приамурским генерал-губернатором С.М. Духовским, который был сторонником жесткого решения земельного вопроса.

Дальнейшее решение вопроса о праве собственности хоринских бурят на занимаемые ими земли было приостановлено по причинам, связанным с возрождением интереса российского правительства к Сибири в конце XIX – начале XX вв., что было вызвано экономическими и политическими факторами. Проведенные правительством мероприятия по крестьянскому вопросу не смогли решить проблему крестьянского малоземелья, и этот фактор на фоне революционных настроений в обществе заставил самодержавие взглянуть на Сибирь как на источник дополнительного земельного фонда и принять ряд конкретных мер по освоению «свободных» земель[1288]. Необходимые земли можно было получить в Сибири через отождествление инородческого и крестьянского землепользования и выделение «свободных земель» из инородческих территорий.

Позицию правительства по вопросу о праве собственности хоринских бурят на свои «породные» земли высказал А.Н. Куломзин в 1894 г.: «В настоящее время дело хоринских и агинских бурят приостановилось именно ввиду поднятия местными властями

[1288] Дамешек Л.М. Указ. соч. С. 67.

вопроса о размежевании всех земель в Забайкалье. Но, само собой разумеется, что если проектированной генерал-губернатором комиссией вопрос этот будет разрешен не в пользу бурят, то последние с таковым разрешением не помирятся и снова возбудят ходатайство о признании за ними права собственности на занимаемые ими земли. Очевидно, что при таковой постановке дело бурят может тянуться еще многие годы». В случае же его решения в благоприятном для бурят смысле в Сибири, которая доселе не знала, можно сказать, только одного собственника – Кабинет его императорского величества, появятся, как пишет А.Н. Куломзин, «новые крупные собственники земель в лице хоринских и агинских бурят»[1289].

Признание же за хоринскими бурятами прав собственности привело бы к следующим возможным последствиям: 1) поставило бы их в привилегированное положение по сравнению с другими инородцами Сибири вообще, а в частности и Забайкалья; 2) надо было учитывать, что на обширной площади бурятских земель уже имелись заимки русских поселенцев, поэтому возникал вопрос об отношении этих лиц к бурятам в случае признания последних собственниками земель; 3) если за бурятами признали бы право владения, то необходимо было уточнить границы этого права и условия пользования землями, так как это право владения должно было иметь отличие от права владения других инородцев.

С середины 1890-х гг. последовали важные законы, которые свидетельствовали об активизации политики российского правительства в отношении сибирских инородцев по унификации их управления, порядка землевладения и т. д. В этом плане большой интерес представляет высочайше утвержденное положение от 23 мая 1896 г. «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской», издание которого было вызвано обострением аграрного кризиса в европейской части России и желанием царского правительства изъять под колонизационный фонд часть земель, находившихся в пользовании у сибирских крестьян и инородцев. Согласно положению, поземельное устройство наряду с крестьянами получили кочевые и оседлые буряты: наделы предоставлялись в пользование, а не

[1289] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 148. Л. 1–24.

на правах собственности, «казенные земли и леса, отведенные по отводным записям обществам и селениям, не могут быть ими ни отчуждаемы, ни обременяемы долгами»[1290].

Политика Российского государства, направленная на унификацию управления и поземельное устройство в Сибири, была распространена на Забайкальскую область после выхода высочайше утвержденного мнения Государственного Совета от 5 июня 1900 г. «Об утверждении главных оснований поземельного устройства населения Забайкальской области»[1291]. Данное положение стало результатом работы Особого совещания под председательством статс-секретаря А.Н. Куломзина, созданного в 1897 г.

Агинские, хоринские, селенгинские и баргузинские буряты отказывались от реформы, справедливо видя в ней не только удар по их административному и судебному строю, но и посягательство на их земли. С изданием Временного положения о введении волостного правления бурятские общества стали отправлять безуспешные делегации в Петербург к царю с ходатайством о дальнейшем сохранении Устава 1822 года. Они проводили общие собрания доверенных, принимали общественные приговоры о своем отказе от реформы, писали бесчисленное множество ходатайств об ее отсрочке. 5 ноября 1903 г. Цыбен Жамцарано пишет Андрею Михайлову: «Дела забайкальских бурят неопределенны. Хоринские буряты составили приговор против деятельности Куломзина и прислали в редакцию «Петербургских ведомостей» князю Ухтомскому. О приговоре напечатано было в газете. Говорят, Куломзин разобиделся. В начале ноября ожидается заседание особого комитета под личным председательством государя для разрешения и согласования дел Восточной окраине, подвластной наместнику. Вероятно, на этом заседании будет обсуждаться и бурятский вопрос. Недоброжелателей бурят много, а друзей мало, надежда на государя и наместника»[1292].

[1290] О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской // Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края. По новому 1902 г. изданию / сост. Г. Г. Савич. СПб.: 1903. С. 243.

[1291] Об утверждении главных оснований поземельного устройства населения Забайкальской области. 05.06.1900. № 18735 // ПСЗРИ-III. Т. 20. Отд-ние 1. СПб.: 1902. С. 598–601.

[1292] ГАРБ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 1. Л. 90-92.

Однако, несмотря на решительное проведение волостной реформы в Забайкальской области, бурятские общества продолжали упорствовать в своем нежелании подчиниться, в связи с этим военный губернатор Забайкальской области И.П. Надаров был вынужден несколько раз обращаться к бурятскому населению. Так, в одном из них он обратился к бурятам со словами: «Реформа проводится бесповоротно и неповинующиеся ей или противодействующие понесут строгое наказание. Уже я приговорил несколько человек бурят к тюремному заключению, а некоторых и к высылке на жительство в Верхнеангарск на срок до пяти лет»[1293]. Благодаря разъяснительной работе с населением и решительным действиям местной администрации с применением административных санкций в виде арестов и ссылок к 1904 г. удалось склонить большинство бурят к принятию реформы.

Имущественное право на движимое имущество, главной ценностью которого являлся скот, четко регулировалось нормами обычного права. Основным собственником скота и другого имущества являлась семья, но отдельные члены семьи могли иметь индивидуальное хозяйство. Так, согласно посемейному списку агинских бурят шарайтского рода за 1893 г., семья известного богача Самдана Зодбоева из улуса Кункура владеет движимым имуществом: 1300 лошадей, 200 голов рогатого скота, 1300 овец, 150 коз, 70 верблюдов, а семья его сына, головы управы Дондупа Самданова, отделена и владеет 300 лошадьми, 70 головами рогатого скота, 300 овцами, 40 козами, 17 верблюдами[1294].

Семья бурята саганского рода Золты Шамбаева, проживающая в Барун Кондуе, вместе с семьей сына Жигдына Золтоева имеют общее имущество и ведут общее хозяйство, в котором 60 лошадей, 30 голов рогатого скота, 30 овец, 10 коз[1295].

Другая семья – Радны Бадлуева из Ульдурги – разделила движимое имущество между тремя семьями: у Радны Бадлуева 10 лошадей, 20 голов рогатого скота, 20 овец, у сына Сыремпила Раднаева 6 лошадей, 14 голов рогатого скота, 6 овец, у другого сына Даши Раднаева 8 лошадей, 33 головы рогатого скота, 30 овец, 3 козы[1296].

[1293] ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 199. Л. 45.
[1294] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2620. Л. 9 об.-10.
[1295] Там же. Д. 2621.
[1296] Там же.

Право собственности на движимое имущество (скот) приобреталось сыновьями при женитьбе, когда им отводилась отдельная юрта, часть скота с правом на приплод, часть хозяйственного инвентаря и утвари, при этом сохранялись общесемейные связи, а также места кочевий, сенокосные угодья.

Селенгинское обычное право содержит главу «О наследовании имуществом» (11 статей), в которой регламентируется право приобретения имущественных прав на движимое имущество от отца к сыну. По обычному праву бурят долг отца заключался в том, чтобы женить своих сыновей и наделить их имуществом, а долг сыновей – заботиться о старых родителях, обеспечив их всем необходимым. В бурятских семьях возникали разные жизненные казусы, которые также регламентировались обычным правом, например, если отец, женив старших сыновей, наделив их имуществом, умрет, то они не обязаны были женить младших и наделять имуществом; если у кого не было семьи, которой можно было оставить ценное имущество, то он составлял духовное завещание на человека, который мог бы пользоваться его наделами сенокосных и пахотных земель и платил все его казенные подати и повинности до следующей ревизии; если же он не оставлял духовного завещания, то после его смерти наследство делилось на доли, одну часть давали дацану как благодеяние и для поминовения, вторую часть вручали в ведение родоначальников и состоятельных людей для выплаты указанных платежей и т. д. Духовное завещание в обязательном порядке подлежало засвидетельствованию родоначальниками и обществом[1297].

При нарушениях имущественных прав на движимое имущество в результате кражи возникали исковые дела, которые во множестве рассматривались инородческими судами и регулировались нормами обычного права. Так, в фонде Аларской инородной управы имеется дело о краже лошадей Д. Абакоева[1298], в фонде Хоготовской инородной управы –дело о краже сена у С. Хандуева С. Табинаевым[1299] и т. д.

В XVIII – начале XIX в. кражи скота были редким явлением, однако, с увеличением населения края за счет пришлых, среди ко-

[1297] Селенгинское уложение 1823 г. // Цибиков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. С. 68–69.
[1298] ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 189.
[1299] ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 325.

торых значительную долю составляли ссыльные, к середине XIX в. наблюдается увеличение краж скота. Следующим фактором увеличения количества краж скота становится социальное расслоение бурятского общества, о котором пишет Н.А. Бестужев: «В прежние годы воровство между бурятами было неизвестно. Ныне зачастую пропажа скота, баранов обличает крайность, до которой доведены они своей бедностью. Ныне есть уже и такие, у которых это без крайности вошло в привычку»[1300].

Органы местного самоуправления боролись с кражами скота, так, в постановлении главного тайши Матвея Бутуханова от 15 марта 1852 г. отмечается, что «…по заведуемому ведомству усматривается более и более усиливающееся воровство, производимое бурятами шести родов: конокрадство и воровство рогатого скота …, желает он для общего спокойствия устранить оное постепенно, посредством строгого надзора родовых управлений…». Далее он строго предписывает всем родоначальникам, чтобы «шуленги, старосты, улусные старшины избираемые должны быть добропорядочного поведения, десятники как возможно старались следить за поступками распутного поведения и сомнительными бурятами, за бывшими ворами, не разрешать самовольных отлучек; шуленгам представить именные списки всех бурят, которые были уличены в воровстве, мошенничестве, назначить в каждом роде 30 душ из почетных бурят, которые обязаны будут принимать божбу на шаманском месте, собираемым бурятами к очищению невинности, уличенных в воровстве…»[1301].

При исследовании норм обычного права разных бурятских ведомств наблюдается идентичность наказания: с виновных, уличенных в краже, должны были взыскать скотину, равноценную ворованной. Кроме того, чтобы отучить их от воровства в будущем, назначался штраф – от двух до четырех голов скотины одинаковых с ворованной по возрасту и виду. Например, у кудинских бурят истец за каждую голову ворованного скота получал по четыре: если была украдена лошадь, то с ответчика взыскивали таковую же с жеребенком, овцу и козла, что и составляет четыре головы. В случае вторичной кражи виновного наказывали телесно

[1300] Бестужев Н.А. Гусиное озеро // Декабристы о Бурятии: статьи, очерки, письма. Улан-Удэ: 1975. С. 129.
[1301] ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 560. Л. 1–1 об.

при сходе народа с внесением записи в журнал регистрации наказаний, в третий раз виновного передавали в Иркутский земский суд для законного осуждения и переселения его в другое место[1302].

В Хоринском положении 1808 г. за кражу предусматривались четыре штрафа: украденную скотину возместить натурой («голова за голову»), первый штраф – скотина, одинаковая с указанной, второй штраф – половина, третий штраф – четверть. Человеку, обнаружившему вора, полагалось отдать второй штраф, а вора вместе с женой и совершеннолетними детьми высечь кнутом. Если находили украденный скот живым, то возвращали хозяину с первым штрафом, а вора подвергали еще и телесному наказанию. В Хоринском положении 1851 г. за первое воровство наказывали возмещением потери, выплатой штрафа в 2,5 головы и телесным наказанием – 30 ударами розог установленного образца. При повторной краже вещи стоимостью свыше 30 руб. вора наказывали 30 ударами розог, при совершении воровства в третий раз его подвергали также телесному наказанию, для исправления отправляли его под наблюдение сайтов рода, отдаленного от родного местожительства, при четвертом случае воровства его удаляли из ведомства[1303].

В процессе преследования лиц, посягнувших на главное имущество кочевника – домашний скот, имело место гонение следа – совокупность общих правил, регулировавших порядок расследования и привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших кражу скота. Селенгинское уложение 1823 г. детально рассматривает гонение следа и определяет следующие стадии:

- объявление о воровском следе. В родовых управлениях и инородных управах заводились книги регистрации о случаях кражи скота, лошадей с указанием их примет. В случае кражи потерпевший обращался с устным заявлением к родовому старосте, который объявлял населению о краже и организации поисков;
- ведение следствия по воровскому следу;
- обыск; обязанность выполнения обыска возлагалась на родового старосту, его помощника[1304].

[1302] Самоквасов Д.Я. Указ. соч. С. 95.
[1303] Обычное право хоринских бурят. С. 102–103.
[1304] Селенгинское уложение 1823 г. // Цибиков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. С. 53–54.

Процесс гонения следа описан еще в памятнике обычного права хоринских бурят 1823, 1851 гг. и состоит также из нескольких этапов:

1) извещение потерпевшим должностных лиц местного самоуправления;

2) должностное лицо в течение одного месяца извещает о потере или краже скота ближайшее население, в случае большой пропажи в тот же день;

3) ведение следствия по воровскому следу;

4) проведение обыска в подозреваемом месте с обязательным оповещением ближайших властей и в присутствии свидетелей.

Для гонения следа инородной управой или родовым управлением потерпевшему выдавался погонный билет, с которым он беспрепятственно мог ездить по близлежащим ведомствам. Так, 29 декабря 1878 г. Кялинской инородной управой Ш. Галсанову был выдан погонный билет для поиска украденных у него пяти голов лошадей. В течение нескольких месяцев он ездил по другим ведомствам, при этом обязательно ставил отметки, например, имеется печать Кулусутайского селения за 3 января 1879 г., Быркинского станичного управления за 4 февраля 1879 г. и т. д.[1305]

По результатам расследования принималось решение словесного суда, которое при установлении виновности лица в совершении преступления учитывало свидетельские показания, улики. При недостатке доказательств и улик по устным спорным исковым делам или по проступкам против собственности частных лиц совершалась божба и допускалась только при согласии тяжущихся сторон.

Процедуру следствия, установления вины и вынесения приговора можно рассмотреть на примере кражи бычка у бурята Абаганатской инородной управы Х. Хунхеева в августе 1891 г. Он поставил в известность родового старосту, который объявил населению о краже и организовал поиски. В ходе расследования воровского следа останки бычка были найдены в яме у балагана, принадлежащего Бархякову, Обоеву, Павлову и Хабдаеву[1306]. Они не признавали своей вины, и суд 1-й степени приговорил их к божбе.

[1305] ГАРБ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 21. Л. 173, 178.
[1306] ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 12.

Подозреваемые отказались от принятия божбы, что являлось по нормам обычного права признанием их вины. Они не согласились с решением суда 1-й степени и подали жалобу в инородную управу. Инородная управа как суд 2-й степени словесной расправы утвердила решение суда родового управления. Суд 2-й степени приговорил виновных к уплате денег в размере 75 руб. (стоимость бычка – 25 руб.), но в связи с тем, что воры оказались не в состоянии заплатить штраф, Иркутское губернское правление разрешило описать их имущество и продать движимое имущество[1307].

В 1893 г. в Ользоновской инородной управе рассматривалось дело о краже вещей на сумму 36 руб. у Балданова Ботошкиным и Бутаевым. По проведенному следствию вина была доказана, и суд по нормам обычного права приговорил взыскать с них 36 руб. и ялу (штраф) 72 руб.[1308]

В 1870–1880-х гг. в Агинском ведомстве орудовал Аригунов Бубэй, ставший известным благодаря дерзким кражам скота. В 1878 г. он вместе с Ц. Цагабаевым украл трех верблюдов у З. Данжинова и продал их монголам. Дела о краже и потерявшемся скоте, связанные с монгольской стороной, решались путем переговоров, для чего созывались съезды. По поводу кражи Б. Аригуновым верблюдов был назначен съезд на Кукутологойском маяке, где должны были присутствовать атаман Цасучейской станицы, истец, ответчики и должностные лица местного самоуправления. Однако по причине неявки ответчиков съезд не состоялся[1309]. Аригунов Бубэй стал прототипом литературного героя повести Жамьяна Балданжабона «Степной беркут» по имени Аригун Бубэй, однако в отличие от реального персонажа он является бурятским Робин Гудом, кравшим скот у богатых и раздававшим бедным людям.

Нередкими были преступления, связанные с посягательством на чужое имущество и землю. Так, в архивном фонде Хоготовской инородной управы имеется прошение Стариковых о захвате у них 7 десятин пахотной земли И. Стерховым[1310], Аларской инородной управы прошение М. Хубанова о захвате у него земли Д. Гуранче-

[1307] ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 128.
[1308] ГАРБ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 36.
[1309] ГАРБ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 7, 10.
[1310] ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 201.

евым[1311], Абаганатской инородной управы жалоба бурята Ивана Амосова о захвате у него части усадебной земли Филиппом Татариновым в с. Усть-Ординское[1312] и т. д.

На примере иска братьев Стариковых к Иннокентию Стерхову можно проследить за процессом решения суда на основе норм обычного права. Братья Стариковы подали иск на И. Стерхова по поводу захвата у них земли и посева там зерна, привели письменные свидетельские показания соседей. И. Стерхов, в свою очередь, доказывал, что земля принадлежала его деду и он отдал участок в аренду деду Стариковых. В этом случае земельный спор решался на основании «древних правил», т. е. по праву первоначального заселения. Инородческий суд выносит решение подвергнуть свидетеля Стариковых к божбе на шаманском месте, указанном И. Стерховым. Если он выполнит божбу, то спорную землю оставить Стариковым с условием, что И. Стерхов соберет свой урожай. В противном случае в иске Стариковым отказать.

Значительный урон хозяйству бурят наносили кражи лошадей. По данным только одной Хоготовской инородной управы в 1906 г. было украдено 27 лошадей на сумму 2065 руб., 1907 г. – 28 на сумму 2095 руб., а в период с 1 января по 1 октября 1908 г. – 24 лошади на сумму 1680 руб.[1313] 20 марта 1912 г. иркутский генерал-губернатор был вынужден предписать открытие в г. Иркутске Бюро по регистрации лошадей с целью борьбы с продажей краденых лошадей, скота. Волостные правления, инородные управы должны были давать удостоверения собственнику лошади по особой форме, свидетельства на личность продавца выдавать отдельно[1314]. При наличии таких документов Бюро по регистрации лошадей выдавало разрешение на куплю-продажу.

2. Исковые дела по защите нарушенных или оспариваемых прав и интересов бурят, возникающим из трудовых правоотношений. Личный наем на работу практиковался в бурятском обществе в XVIII в., о чем свидетельствуют нормы обычного права. Буряты вынуждены были наниматься в работу из-за бедности, когда не могли платить налоги, из-за невозможности уплатить калым за невесту, из-за образовавшихся долгов, а также сами бурятские

[1311] ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 187.
[1312] ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 127.
[1313] ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 490. Л. 112 об.–113.
[1314] ГАРБ.Д. 121. Л. 7–8.

общества нанимали работников для содержания местного самоуправления: писарь, переводчик, рассыльный, караульный и т. д.

Первое упоминание об условиях возникновения иска по наймам на работу имеются в самом раннем памятнике обычного права селенгинских бурят – Книге записи судебных законов 1775 г.: «Если человек, работая по найму, во время работы умрет, то нет иска. Если этот нанятый человек заболеет или изувечится, находясь на карауле или ямщине, независимо от того, далеко или близко, его должен срочно привезти тот нанявший человек и отдать родственникам. Вырученный им до изувечья заработок необходимо отдать»[1315].

Анализ статей норм обычного права об исках, возникающих по трудовым спорам, записанных после 1822 г., свидетельствует о том, что они не противоречат Положению об исках и дополнены несколькими статьями. Так, в Селенгинском уложении 1823 г. данная статья дополняется условиями найма работника: 1) нанимать работника на год или на время; 2) заключать письменный договор с удостоверением сайтов (родовое начальство); 3) в договоре необходимо указать срок найма, размер заработка, размер задатка (аванса), время окончательного расчета, условия о питании, одежде, а также вид и объем работы (ст. 115). Согласно статье 116 Уложения, человек, нанявшийся на работу, не должен уходить самовольно до срока, по несогласию с хозяином, по болезни или другим причинам, прежде обязан доложить об этом своему родовому начальству. Если же обнаружится, что работник непослушен, ленив, то за это он подвергается наказанию и обязательству доработать до конца условленного срока. Если окажется, что работодатель изнуряет тяжелой работой, то его обязывают обращаться с работником «прилично и заставлять работать в меру». Если же соблюдение условий договора окажется невозможным, то хозяин обязан за прослуженное время заплатить работнику по соразмерности, принимая во внимание страду и обыденное рабочее время.

Договор о найме, составленный в письменном виде, должен был регистрироваться у инородческого начальства. В то же вре-

[1315] Книга записи судебных законов, выработанных 8 числа последнего осеннего месяца 1775 года на сборе сайтов 22 отоков всего селенгинского общества // Цибиков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. С. 41.

мя Селенгинское уложение 1823 г. допускает заключение устных договоров в присутствии двух состоятельных свидетелей, которые выступают поручителями при возникновении споров. Такие споры обычно разрешались также устно улусными, заслуживающими доверия, и состоятельными людьми, и их решение являлось окончательным. Допускалось заключение письменных договоров о наймах на простой бумаге вместо гербовой[1316].

Содержание статьи о возникновении непредвиденных обстоятельств, связанных с болезнью, увечьями или смертью наемного работника, осталось прежним с 1775 г. и не предполагало возникновение исков.

Нормы обычного права хоринских бурят также содержали статьи о наемном труде. Так, Положение 11 хоринских родов 1808 г. по управлению внутренними делами и судопроизводству содержит статью о том, что если человек, «находясь в наемных работниках у другого человека, умрет, то пусть это будет его несчастьем». Если же он получит увечье, то хозяин обязан сообщить об этом его родственникам. Содержание статьи 122 об условиях досрочного расторжения контракта идентично более позднему Селенгинскому уложению 1823 г.: при досрочном расторжении договора наемный рабочий мог претендовать на помесячный расчет[1317].

Уложение 1823 г. 11 хоринских родов четко определило права и обязанности наемного работника: «Человек, работающий по найму, не должен ни в чем противоречить хозяину, без разрешения хозяина не должен отлучаться». По обычаям хоринцев, если нанявшийся в срочную работу нанесет ущерб имуществу хозяина, выполняя его распоряжение, то останется без последствия, если же по собственной беспечности, то должен заплатить сам. В этом случае любой доход работника становился достоянием хозяина, а любая утеря – собственной утратой.

Наемный работник имеет право получить свою зарплату в размере и в срок согласно договору. Если же работник или работодатель по разным причинам досрочно расторгают договор, то следует произвести оплату таким образом: «разделив плату на 12 месяцев, рассчитывать поденно».

[1316] Селенгинское уложение 1823 г. // Цибиков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. С. 66.

[1317] Обычное право хоринских бурят. С. 43–44.

В случае болезни работника хозяин должен был известить родственников, в то же время обязан был лечить его. Если его заболевание было «без причины», то расходы нес сам работник, если же по какой причине, то подлежало рассмотрению[1318].

Одновременно с Уставом об управлении инородцев 1822 г. было принято высочайше утвержденное Положение о разборе исков по обязательствам, заключаемым в сибирских губерниях обывателями разных сословий (далее – Положение об исках)[1319], сыгравшее важную роль в упорядочении сделок между народами Сибири. В Положении об исках отмечалось, что в Сибири, по особенному свойству промыслов, долговые обязательства между крестьянами, поселенцами, инородцами и торговыми людьми составлялись словесно, поэтому не могли подлежать общему порядку судебного разбирательства. Это приводило к многочисленным злоупотреблениям и подлогам, обращению обывателей в неоплатных должников.

Согласно Положению об исках, все иски делились на три вида: 1) по найму на работу; 2) по денежным займам; 3) по отдаче разных промыслов в оброчное содержание.

Иски по наймам на работу представляли собой исковые дела бурят по спорам, возникающим из трудовых отношений, а именно по срочным наймам на работу в течение XIX в. Положение об исках определило, что «все денежные одолжения, заключающие в себе условия заработать взятые деньги, составляют действительный наем в работу», при этом наймы в работу подразделялись на явочные и «без явки». Наймы явочные для сибирских инородцев предусматривали обязательные элементы: 1) определение срока; 2) определение условленной платы; 3) определение суммы задатка, если таковой был дан; 4) «явка» (регистрация) у инородного начальства; 5) в письменном виде с соблюдением правил о гербовом сборе.

Условия распространялись лично на работника, и «ни в каком случае они не могут простираться на детей работника, и еще менее на приемышей». Срок найма определялся как «не долее одного года», задаток не должен был превышать всего количества годового найма, включая и платеж податей и повинностей за работника.

[1318] Обычное право хоринских бурят.. С. 77.
[1319] ПСЗРИ-1. № 29134. Т. 38. СПб.: 1830. С. 557–560.

Если хозяин выплачивал работнику более всей годовой платы, то лишался своего иска.

Положение об исках в соответствии с Уставом об управлении инородцев 1822 г., определившим, что «наймы инородцев в частную работу имеют быть производимы с ведома родового начальства»[1320], установило, что условия о найме на работу в обязательном порядке должны регистрироваться в органах местного самоуправления бурят: инородной управе и родовом управлении. Положение об исках допускало заключение договора о найме в словесной форме, которое должно быть засвидетельствовано «у родового старосты, в инородной управе, или в Степной думе при двух свидетелях»[1321].

Действие норм обычного права и Положения об исках можно рассмотреть на примерах документов о судопроизводстве бурят по искам, возникающим из трудовых отношений. Например, в 1892 г. в Тургинской инородной управе рассматривается исковое дело потомственного почетного гражданина Ивана Пляскина к Жагжи Ардуеву по взысканию 25 руб., выданных ему по контракту за «наем в транспортную работу», засвидетельствованному во 2-м Чиндантском правлении. 31 октября 1891 г. Иван Пляскин обращается с заявлением в 2-е Чиндантское станичное правление с прошением об истребовании с Жагжи Ардуева выданных авансом денег в размере 25 руб.[1322]

3 марта 1892 г. Тургинская инородная управа дает ответ, в котором, основываясь на статьях 2277 (о необходимости регистрации договора о найме у родового старосты, в инородной управе или в Степной думе при двух свидетелях)[1323] и 2281 (о разрешении заключать договоры о найме на работу без регистрации у родового старосты, в инородной управе или в Степной думе, но без права судебного разбирательства)[1324] Свода законов 1857 г., отказывается рассматривать иск Ивана Пляскина: «Прошение почетного гражданина Пляскина по иску им с инородца Ардуева денег 25 руб., выданных им в задаток под работу, на основании подведенных выше статей Свода закона, оставить без последствий, предо-

[1320] ПСЗРИ-1. № 29126. Т. 38. СПб.: 1830. С. 396.
[1321] Там же. С. 559.
[1322] ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 45. Л. 1.
[1323] Свод законов 1857 г. СПб.: 1857. Ст. 2272. С. 450.
[1324] Там же. Ст. 2281. С. 451.

ставив ему на основании 2282 статьи того же закона разбираться по сему делу через посредников, если только на это обе стороны согласятся»[1325]. Таким образом, Тургинская инородная управа не приняла к судебному разбирательству исковое дело о взыскании аванса с Жагжи Ардуева, выданного Иваном Пляскиным при заключении контракта на транспортную работу.

Следующий пример: 5 декабря 1893 г. крестьянин Тыргетуевского селения И.М. Смирнов подает заявление в Урто-Тургинское родовое управление о взыскании с Ошира Онгоева денег в сумме 64 руб. 41 коп. за недокошенное сено по устному договору о найме, недостачу одного барана и одного быка по устному договору о найме на пастьбу скота. Суд первой инстанции – Урто-Тургинское родовое управление своим решением от 19 декабря 1893 г. отказывает в иске на основании проверки документов, опроса свидетелей. И.М. Смирнов подает заявление в суд второй инстанции – Тургинскую инородную управу о пересмотре решения. Однако, изучив обстоятельства дела, Тургинская инородная управа 25 ноября 1895 г. выносит решение: «Иск просителя Смирнова с инородца Онгоева денег есть неосновательный и не имеющий практических доказательств или же обязательства, требуемых законом, а потому определяет: решение Урто-Тургинского родового управления, состоявшееся 19 декабря 1894 г., как составленное правильно, утвердить»[1326].

Другой пример: рассмотрение иска Трофима Лукьянова, крестьянина Тыргетуевской волости Ундургинского селения. Текст контракта, заключенного 5 декабря 1893 г. и засвидетельствованного в Могойтуевском родовом управлении, содержит все необходимые атрибуты, изложенные в Приложении к статье 38 Положения об инородцах 1892 г., и условия: «Я, Доржиев, обязуюсь у него Лукьянова восьми ставен, а также наличники по форме Михайлова, одну пиленую дверь с колодами и одну заборку по форме Ишенина и восьми рам с колодами, одну простую дверь, вышесказанную работу сделаю из готового леса своими инструментами, а также на своем содержании, выраженные платы всего 35 руб. деньгами», остальное должен был получить 20 пудами муки

[1325] ГАРБ. Ф.178. Оп. 1. Д. 45. Л. 4 об.
[1326] Там же. Д. 72. Л. 18–18 об.

и ярицы. Работу должен был начать в декабре 1893 г. и закончить в декабре 1894 г.

Дуган Доржиев не выполнил условия контракта, и 8 мая 1894 г. Трофим Лукьянов пишет заявление-жалобу в Тургинскую инородную управу, в которой указывает, что ответчик получил аванс 39 руб. и не приступил к работе.

10 июля 1894 г. суд при Тургинской инородной управе в составе головы Л. Санжиева и выборного З. Зодбоева выносит постановление, в котором отмечается, что после разбирательства истец согласился на получение с ответчика 15 руб. деньгами и коня по цене 24 руб. Суд определил прекратить иск Т. Лукьянова к Д. Доржиеву согласно мировой сделке и оставить дело без дальнейшего производства. Решение регистрируется в управе, подписывается истцом и ответчиком[1327].

Таким образом, иски по спорам, возникающие из трудовых отношений, являлись распространенным явлением в бурятском обществе в XIX в. Трудовые отношения представляли собой отношения, возникающие между хозяином и наемным работником по причине необходимости отработать последним взятые в долг деньги. Денежный же долг образовывался из-за бедности работника, когда он не мог уплатить налоги, или из-за отсутствия средств на существование, или из-за невозможности заплатить калым за будущую жену, или форс-мажорных обстоятельств, таких как природные бедствия, невозможность вернуть заем, взятый под контракты, и т. д. Трудовые отношения в бурятском обществе регулировались нормами обычного права, которые отличались простотой: если работник умирал, то иска нет, если работник получал увечье, то хозяин платил ему за период работы.

3. Исковые дела по защите нарушенных или оспариваемых прав и интересов бурят, возникающих из долговых обязательств. До принятия Устава 1822 г. иски по долгам рассматривались по нормам обычного права, например, идинские, тункинские, балаганские, кудинские буряты, чтобы не разорить хозяйство, должника за долги отдавали в работу заимодавцу.

У хоринских и селенгинских бурят нормы обычного права о долговых исках были четко прописаны, так, в Селенгинском уложении 1823 г. 28 статей (вошли статьи о наймах), в Хоринском

[1327] ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 68. Л. 1–9.

положении 1808 г. 10 статей, уложении 1823 г. шесть статей посвящены разбору исковых дел. Анализ статей о долговых исках показывает, что основные положения обычного права совпадают с Положением об исках 1822 г.: обязательства должны быть написаны на гербовой простой бумаге, указаны сумма займа, срок платежа, а также дозволение, одобрение и поручительство родоначальников или посторонних лиц. Иски без явки (регистрации) судами не рассматриваются, разбирались также полюбовно, через посредников, такой разбор был окончательным, жалобы на него нигде не принимались.

Обычное право запрещало бурятам брать займы без разрешения родоначальников. В случае несостоятельности должника его имущество распродавалось, если же и имущества не хватало, платили поручители.

Таким образом, обычное право бурят по исковым делам было наиболее подвержено влиянию российского законодательства, статьи об исковых делах не противоречат Положению об исках 1822 г., более того, Хоринское положение 1851 г. содержит главу «О судебном разборе исковых дел», в которой имеется ссылка на Положение об исках.

Вопросы по частным и общественным займам у инородцев регулировались высочайше утвержденным Положением о разборе исков по обязательствам, заключаемым в сибирских губерниях обывателями разных сословий (далее – Положение об исках)[1328], а также нормами обычного права.

Отдача инородцам товаров в долг, покупка у них товаров с поставкой на определенный срок и с задатком (авансом) всех денег или части денег причислялись к денежным займам. Займы делились на явочные и без явки, частные и общественные. Всем чиновникам было запрещено вступать в долговые обязательства с крестьянами и инородцами ни под своим именем, ни под другими, по ним иски не производились, таким образом соблюдался антикоррупционный принцип в законодательстве.

В основном широкое применение находили явочные частные займы, по которых соблюдались обязательства: 1) должны быть написаны на гербовой простой бумаге; 2) указана сумма займа; 3) указан срок платежа; 4) дозволение, одобрение и поручительство

[1328] ПСЗРИ-1. № 29134. Т. 38.СПб.: 1830. С. 557–560.

членов волостных правлений и родовых управлений. Обязательства должны были регистрироваться в четырех- и пятимесячный срок. Поручителями могли выступать и посторонние лица, но и в этом случае обязательно требовались дозволение и одобрение волостного управления и инородной управы.

В случае невозврата долга заимополучателем долги платили поручители, которые получали права заимодавца. Дело по искам передавалось в полицейское управление, и взыскание происходило по «закону». Если должник оказывался не в состоянии оплатить свой долг, то для обеспечения иска в присутствии членов инородной управы и заимодавца описывалось его имущество для последующей продажи.

При взыскании и обеспечении исков неприкосновенными и не подлежащими продаже считались следующее имущество инородца: 1) юрта, в которой живет семья, и необходимая одежда; 2) сети для рыболовства и средства для охоты; 3) 20 оленей и две нарты собак с кормом и снаряжением; 4) 12 лошадей и 16 голов рогатого скота, 25 голов овец и баранов на одну семью; 5) две парты верблюдов; 6) все припасы продовольствия; 7) все предметы святыни (бурхана). Если имущества не хватало, то инородца отдавали «в работу заимодавцу на год», по истечении которого иск окончательно удовлетворялся.

Общественные явочные займы разрешались на уплату податей и повинностей по общественному приговору с разрешения губернского или областного начальства. Причинами займа могли быть пожары, наводнения, неурожай, падеж скота и т. д.

Частные займы без явки, т. е. без регистрации в присутственном месте, а также общественные займы без явки не подлежали разбирательству в судах, инородных управах. Иски разбирались «полюбовно, через посредников», такой разбор окончательный, жалобы на него нигде не принимались.

В течение XIX в. в Положение об исках вносились изменения, например, высочайше утвержденное положение от 18 апреля 1835 г. «о разборе исков по обязательствам, заключенным Мезенскими самоедами между собой и с лицами посторонними», которое приравняло «все денежные одолжения, заключающие в себе условие заработать взятые деньги» к действительному найму в работу[1329].

[1329] ПСЗРИ-2. № 8072. Т. 10. СПб.: 1836. С. 346–354.

В 1857 г. вышел Свод законов Российской империи, где в томе «Законы гражданские» Положение об исках вошло в раздел «О наймах в работу сибирских обывателей разных сословий и мезенских самоедов» (ст. 2248-2290)[1330]. 25 декабря 1862 г. выходят высочайше утвержденные Временные правила об образовании уездных полицейских управлений[1331].

17 апреля 1874 г. высочайше утвержденный Устав о гербовом сборе освободил кочующих и бродячих инородцев в Сибири от гербового сбора по делам, актам и документам разного рода, а также при совершении долговых обязательств и других сделок[1332] и др.

Все изменения, принятые после 1857 г., получили отражение в Положении об инородцах 1892 г., которым определялось управление инородцами, в том числе и сибирскими. Так, были исключены статьи 34, 35, 38, 45, касающиеся земского суда и действий полиции.

Массовый характер в судопроизводстве инородных управ имели исковые дела по долговым обязательствам. В фонде Аларской инородной управы имеется заявление Н. Бирдаева о взыскании денег в размере 100 руб. с Д. Шелгаева[1333], в фонде Хоготовской инородной управы – прошение Харахинова о взыскании 29 руб. и 9 пудов овса с Б. Богомоловой[1334] и т. д.

К их числу относятся заявления о взыскании денежных долгов, имущества и скота, протоколы допросов истцов и ответчиков, распоряжения об исполнении исковых заявлений, описи имущества должников. Например, в Хоготовской инородной управе судом 2-й степени словесной расправы в 1908 г. было рассмотрено 40 дел, из них 12 дел относятся к искам о взыскании долга, 9 – о нанесении побоев, 4 – о спорном имуществе, 4 – о спорных покосах, 3 – о калыме и т. д.[1335]

Долговые документы или обязательства должны были оформляться с соблюдением правил о гербовом сборе, с указанием за-

[1330] Свод законов Российской империи 1857 г. СПб.: 1857. С. 447–452.
[1331] ПСЗРИ-2. № 39087. Т. 37. СПб.: 1865. С. 588–593.
[1332] Устав о гербовом сборе // ПСЗРИ-2. № 53379. 17 апреля 1874 г. Т. 49. СПб.: 1836. С. 632–648.
[1333] ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 40.
[1334] ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 147.
[1335] Там же. Д. 490. Л. 6–15.

нятой суммы, срока платежа, дозволением, одобрением и поручительством членов инородной управы. Поручителем могли выступить также само общество инородцев или отдельные члены общества[1336]. К судебному разбирательству подлежали долговые обязательства, регистрированные в родовом управлении или инородной управе[1337].

Исковые дела по долговым обязательствам были частым явлением. Так, в течение десяти с лишним лет продолжалось исковое дело Абиды Аригунова, бурята Шарайтского рода Агинского ведомства. Он взял в долг 300 руб. у Н. Очирова, договор займа был зарегистрирован в Кялинской инородной управе, однако он не смог вовремя вернуть долг, поэтому сумма с процентами увеличилась до 500 руб., а затем до 700 руб. Он смог выплатить только 475 руб., и 12 ноября 1878 г. А. Аригунов пишет прошение в Читинское окружное полицейское управление с просьбой пересмотреть решение инородной управы от 30 декабря 1877 г. о взыскании с него 700 руб.

Читинское окружное полицейское управление отказало А. Аригунову в иске на том основании, что прошение написано по истечении четырехнедельного срока после принятия решения инородной управы. Дело рассматривалось в Забайкальском окружном суде, который в 1890 г. принял окончательное решение о правильности решения Кялинской инородной управы о взыскании с А. Аригунова 700 руб. Таким образом, у А. Аригунова было описано имущество, и он вынужден был отдать еще 10 голов скота: пять голов лошадей, три кобылицы и два быка[1338].

Причиной исковых дел были также долговые обязательства перед купцами. Так, в 1875 г. О. Очиров обращается с иском в суд 2-й степени о взыскании с Ч. Занданова денег за товары, купленные у него на сумму 152 руб. В свою очередь, О. Очиров взял товары у читинского купца Матвея Немерова под реализацию. Дело рассматривается во всех инстанциях судопроизводства[1339]. В 1887 г. Сысыкто Кирилов задолжал тому же купцу М. Немерову 2250 руб. Дело рассматривалось в инородной управе, по решению которой было описано все имущество С. Кирилова и продано с аукциона:

[1336] Обычное право хоринских бурят. С. 100–101.
[1337] Положение об инородцах. С. 77–78.
[1338] ГАРБ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 30.
[1339] Там же. Д. 18.

10 голов быков, пять голов коров, 19 иргенов, 95 голов больших овец и т. д.[1340]

Долговые обязательства также возникали и тогда, когда буряты брали деньги в долг под проценты для уплаты казенных взносов. В случаях несвоевременной уплаты долгов кредиторы обращались с прошениями в инородную управу о взыскании их с должников. Из описанного имущества с торгов обычно продавали скот, при отсутствии скота – дом. Так, Г.А. Рудзинский обращается с прошением в Абаганатскую управу о взыскании с Николая и Мигну Помитовых долга в сумме 41 руб., взятого ими для уплаты податей[1341].

В 1892 г. Батороева, жительница Ользоновской инородной управы, подала иск на взыскание с Хамаганова и Одорова 60 руб. на основании письменной расписки, засвидетельствованной в управе. Суд 1-й степени, не приняв во внимание письменный засвидетельствованный документ, приговорил к божбе, но суд 2-й степени отменил решение и утвердил иск[1342].

Если должник оказывался не в состоянии оплатить долг, то описывалось его имущество и назначались торги. По нормам обычного права, «если кто, много задолжав, станет хозяйственно маломощным, то податные сборы и недоимки в экономический магазин заставить выплатить из его имущества, а долги другим заставить выплатить поручителей, и права заимодавца получают те поручители»[1343].

В 1894 г. Алексей Атарханов, инородец Абаганатской управы, был сборщиком мирских сборов и допустил недостачу общественных денег в сумме 25 руб. В опись его имущества вошли деревянный дом стоимостью 75 руб., амбар – 40 руб., четыре головы лошадей на 80 руб., четыре головы рогатого скота на 60 руб., домашний и хозяйственный инвентарь на 150 руб.[1344]

Другой пример: инородцы Чебогорского улуса Китойской инородной управы М. Хармадаев и Н. Зандеев заняли деньги у И. Нохоноева для уплаты сбора на строительство школы. Первый занял 11 руб. 50 коп., второй – 5 руб. 75 коп. и не смогли вовремя вер-

[1340] ГАРБ. Ф. 103. Оп. 1 Д. 93. Л. 145.
[1341] Там же Д. 8. Л. 16.
[1342] ГАРБ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 36. Л. 24–27.
[1343] Обычное право хоринских бурят. С. 101.
[1344] ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 20. Л. 9.

нуть. Голова Б. Болотов описал у Хармадаева корову, оценив в 15 руб., и кошеву в 6,5 руб.; у Зандеева – корову в 15 руб. и самовар в 5 руб. Был объявлен аукцион, имущество продано и деньги возвращены И. Нохоноеву[1345].

Продажа с торгов описанного за долги скота и имущества наносила большой урон хозяйству местного населения. Поэтому 6 февраля 1908 г. вышло предписание Иркутского губернского правления о неотчуждаемости имущества инородцев по судебным и другим взысканиям. Устанавливалась норма, при которой можно было описывать имущество за неуплату долгов – шесть голов лошадей, восемь голов крупного, 12 голов мелкого скота. В связи с этим Абаганатская инородная управа пишет письмо крестьянскому начальнику 5-го участка о нереальности этих норм для населения управы, так как только один домохозяин имеет 40 голов крупного и мелкого скота, 10 домохозяев – по 6-10 голов крупного скота и лошадей, 17 голов мелкого скота, а основная масса домохозяев – по две-четыре лошади, две-шесть голов крупного и пяти голов мелкого скота[1346]. 24 января 1911 г. Иркутский уездный съезд крестьянских начальников указывал, что «описанное имущество может быть продано без особого расстройства хозяйства недоимщиков»[1347].

4. Исковые дела по защите нарушенных или оспариваемых прав и интересов бурят, возникающих из семейных правоотношений. В инородческом судопроизводстве значительное место занимали бракоразводные дела и связанный с ними раздел имущества. Не случайно в Селенгинском уложении 1823 г. 2-я глава «О супружеском несогласии и калымном скоте» состоит из 28 статей, а в Хоринском уложении 1823 г. 6-я глава «О тяжбах, связанных со сватовством и разными неладами и тяжбами между супругами» состоит из 29 статей, в «Обычаях братских (бурят) Верхоленского ведомства 18 статей и т. д.

Семейное право – это одна из наиболее разработанных отраслей обычного права, регламентировавшая самые существенные черты гражданско-экономической жизни бурят. Вообще, семейно-брачные отношения представлены в архивных документах

[1345] ГАИО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 73. Л. 50–50 об.
[1346] ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 183. Л. 3–4.
[1347] Там же. Д. 120. Л. 2.

главным образом прошениями женихов и невест о разборе их споров относительно калыма в тех случаях, когда невеста не хотела выходить замуж или же уходила от мужа, либо когда отец невесты после получения калыма отказывался выдавать свою дочь согласно договору и т. д. Так, в фонде Аларской инородной управы имеется прошение А. Болтоева о взыскании калыма с С. Бальхаева[1348], заявление В. Халтанова о взыскании калыма за дочь с Г. Петрушкинова[1349], Кудинской инородной управы прошение Л. Алхуева о взыскании денег, израсходованных на свадьбу[1350], и т. д.

Кроме того, имеются прошения и жалобы замужних женщин на притеснения со стороны мужа и его родителей: бурятки Аларской инородной управы М. Шапхоевой об изгнании ее мужем из дома[1351], С. Питуевой о нанесении ей побоев мужем Б. Яброевым[1352]. По этим прошениям голова или выборные производили следствие и допросы самих обидчиков, обиженных и свидетелей. На основании этих материалов составлялись протоколы, выносились решения в пользу одной из сторон.

Нормы обычного брака отстаивали калымный брак как основную форму брака в бурятском обществе. Договор между родителями жениха и невесты, устанавливающий условия брачного союза детей, назывался «худа оролсохо». Он строго регламентировался особым ритуалом и церемониями, а также правовыми нормами.

Ключевым условием договора являлся размер калыма и порядок его уплаты. Как пишет М. Маласагаев (1867–1930), собиратель устного народного творчества, обычаев и обрядов бурят, крестьянин улуса Шонтойский Эхирит-Булагатского ведомства Верхоленского уезда Иркутской губернии, раньше мужчины старались брать жену издалека, например, верхоленские буряты и булагаты старались брать жену за 300 верст, из Приангарья, Алари. Они садились на лошадей, приезжали в определенную выбранную местность и с согласия девушки привозили домой, калым тогда не платили. Далее он пишет, что в XVIII в. четыре сына Зонхи Эхиритского рода приняли решение брать калым за невесту. Если

[1348] ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 184.
[1349] Там же. Д. 154.
[1350] Там же. Д. 484.
[1351] Там же. Д. 230.
[1352] Там же. Д. 855.

раньше калым равнялся 20 руб., то в 1850 г. стало 30 руб., в 1865 г. – 100 руб., сверху одна лошадь, одна корова, одна коза, в 1875 г. – 250 руб., сверху семь голов скота. Калымы платили мясом, хлебом, сеном. Родители сватали еще маленьких детей[1353].

К концу XIX в. у кудинских бурят «калым отдавался за жену по согласию родителей с обеих сторон, в малолетстве еще детей; он платился по состоянию не равно, из разного скота, от 30 до 100 и более голов, или вместо оного отдается такая же невеста»[1354]. Жена считалась «купленной, но не крепостной и в общежитии ему равной помощницей».

У верхоленских бурят условиями договора между сторонами были: 1) сватовство в «малых летах детей»; 2) «иногда в совершенном их возрасте»; 3) применение обычая «мены», т. е. один другому за сына отдает дочь, а у него берет дочь за своего сына; 4) подтверждение условий договора посторонними почетными родовичами[1355].

Размер калыма был произвольным, зависел от воли сторон, определялся материальным положением сторон, личными отношениями родителей и т. д. При нарушении брачного договора со стороны невесты платился штраф, например, у селенгинских бурят кроме возврата калыма (в том же количестве с приплодом этого скота – на каждые 10 голов по три скотины) за нарушение договоренности полагалось взыскать с отца невесты коня или быка в пользу общества. Несмотря на многовековую традицию калымного брака, нарушение договора стало повсеместным явлением, порождая многочисленные иски, разбиравшиеся в судах словесной расправы.

Князь П. Гантимуров по поводу бесконечных исков в бурятских судах о нарушениях брачных договоров высказался: «Замечание мое (князя Гантимурова). У живущих смежно инородцев Нерчинского и Верхнеудинского округа (я уже 25-й год начальником тунгусских 15 родов и присматривался к обычаям между сими инородцами и, по смежности, у братских) существуют обычаи непонятные и совсем несообразные ни с какими правилами о сватовстве и калымах, замужних женах и мужьях их»[1356]. К ним

[1353] ГАРБ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 18. Л. 11об.–13 об.
[1354] Самоквасов Д.Я. Указ. соч. С. 100.
[1355] Там же. С. 74.
[1356] Там же. С. 64–65.

он относит: 1) процесс сватовства проводится в младенчестве детей, что неизменно приводит к нарушениям брачного договора. Трудно подтвердить по истечении 10 или более лет размер калыма, сумму уже полученного задатка и т. д.; 2) побеги жен от мужей, принятие ими крещения и повторное замужество, после которого оставленный муж остается без имущества для повторной женитьбы; 3) обычай «мены»; 4) обычай жениться на вдове брата.

Исследуя нормы обычного права бурят о расторжении брака в разных бурятских ведомствах, надо отметить их идентичность, за некоторыми незначительными расхождениями. Обычное право бурят допускало многоженство по причине отсутствия детей, особенно мальчиков: у селенгинских бурят разрешалось жениться три раза, но не более, у верхоленских – на двух, трех и более «живых женах» и т. д.

Обычное право бурят признавало разводы по следующим причинам:

1) смерть одного из супругов;

2) развод по согласию;

3) развод по инициативе жены;

4) развод по инициативе мужа, рассмотренный инородческими властями.

Самовольные разводы без рассмотрения инородческими властями не признавались. Например, Селенгинское уложение 1823 г. допускало развод жены только после совершения четвертого побега «во избежание каких-либо дурных последствий», в этом случае жена возвращалась своим родителям и родственникам с хорошей одеждой и украшениями, родители же жены должны были вернуть калымный скот семье мужа. Если при сватовстве в калым было взято более 50 голов скота, то при разводе возвращали 35 голов скота; если менее 50 голов, то 17 с половиной голов. Если родители отказывались принимать обратно свою дочь, то родители мужа брали ее под свое призрение и имели право, чтобы вернуть калым, выдать замуж за другого, как свою дочь.

Процесс судопроизводства по самовольному разводу жены можно рассмотреть на основании расследования дела по иску бурята 3-го Абаганатского рода Атархана Андаева к одноулуснику Тырхей Шапхолову, который увел в его отсутствие жену с малолетней дочерью, при этом оставив четырехмесячного сына и захватив

вещи из дому на сумму 136 руб. серебром. Впоследствии они приняли святое крещение и повенчались у миссионера-священника.

Суд 1-й степени (согласно Уставу об управлении инородцев родовое управление) в составе старосты, улусного старшины и общественников-родовичей, рассмотрев иск А. Андаева, вынес 20 ноября 1857 г. мирской приговор, в котором выразил недоверие к Т. Шапхолову, который уже наказывался инородческим судом по степным законам дважды: 1) за кражу скота платил ялу; 2) за вторичную кражу скота наказывался 25 ударами лозами. На основании этих фактов суд приговорил «по неоднократному замечанию Тырхея Шапхолова в кражах и потерявшего через то в поведении доверия к оправданию, заплатить за похищенное имущество»[1357].

Сторона обвинения осталась не удовлетворенной решением суда 1-й степени, и поэтому дело рассматривалось в суде 2-й степени – в Степной думе, которая в нарушение Устава об управлении инородцев 1822 г. исполняла роль суда 2-й степени. Своим приговором от 26 ноября 1857 г. суд подтвердил решение суда 1-й степени, однако по неудовольствию стороны обвинения дело было направлено на рассмотрение Иркутского земского суда, который оставил в силе решение суда 2-й степени.

Таким образом, Т. Шапхолов обязан был вернуть истцу А. Андаеву 136 руб. серебром в течение одного года. Однако в течение года Т. Шапхолов не смог вернуть эту сумму, поэтому Степная дума 15 июня 1859 г. приняла постановление описать его имущество и «просить разрешения начальства на продажу оного с аукционного торга». 13 июля 1859 г. староста 3-го Абаганатского рода отправляет донесение Степной думе о том, что у Т. Шапхолова не оказалось никакого имущества, кроме «носильного платья». Тогда Степная дума 27 августа 1859 г. выносит постановление об отправке Т. Шапхолова в «городские работы на уменьшительный срок», руководствуясь 1310 статьей X тома второй части о разборе исков между сибирскими крестьянами и инородцами.

13 декабря 1859 г. Иркутский земский суд отписывает Степной думе, что Т. Шапхолов отдан в работу иркутскому купцу А. Кудрину сроком на один год за 50 руб., из которых 20 руб. отдаются семье Т. Шапхолова, а оставшиеся 30 руб. – А. Андаеву[1358].

[1357] ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 966. Л. 3–4.
[1358] Там же. Л. 47.

1. Смерть одного из супругов. В обычном праве бурят смерть одного из вступивших в брак считалась уважительной причиной расторжения брачного договора. Например, у верхоленских бурят вдова не могла уйти из семьи мужа в связи с тем, что за нее уплачен калым, поэтому она должна была стать женой брата мужа, при отсутствии его – даже женой отца мужа. Если никто из родных мужа не женился на ней, тогда отец вдовы или его близкий родственник могли выдать ее замуж за другого постороннего мужчину для возврата калыма. В таком случае вдова становилась свободной от родственников своего мужа и могла забрать одну последнюю дочь только с согласия родственников мужа[1359].

На практике нормы обычного права по брачным договорам, разводам приводили к многочисленным исковым делам, связанным с имуществом, с детьми и т. д., например, в 1903 г. в Кудинской инородной управе рассматривался иск Екатерины Ханхасаевой к бывшему свекру Алсаю Хугееву. Суть иска: ее муж Абзай Алсаев умер в 1902 г., оставив с дочерью Анной, и свекор вынудил ее уйти из дома. Она выходит замуж за крещеного инородца Иннокентия Голубева и требует от суда решения о невзыскании калыма бывшим свекром с ее родителей. Суд рассмотрел иск и на основании показаний соседей выяснил, что Е. Ханхасаева вела легкомысленный образ жизни, сама ушла из дому, оставив свою малолетнюю дочь. Было принято решение в иске Е. Ханхасаевой отказать, внучку оставить у свекрови и объявить ее наследницей всего имущества и требование о взыскании калыма признать правильным[1360].

10 января 1906 г. бурятка Унгинской инородной управы Елена Атанова заявила в Унгинский инородческий суд 2-й степени словесной расправы о захвате имущества после смерти мужа его двоюродным братом Папой Соржеевым. Суд выносит постановление об оставлении иска о взыскании имущества без удовлетворения, так как на основании норм обычного права, в случае смерти мужа и нового замужества, все движимое и недвижимое имущество остается в руках родственников мужа[1361].

У хоринских бурят вдова могла остаться в семье мужа без обязательного замужества или же вернуться к родителям, оставив

[1359] Самоквасов. Указ. соч. С. 75.
[1360] ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 357.
[1361] ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 524.

все имущество и детей семье мужа; с собой же она имела право взять коня, шубу, седло, из одежды по лучшей паре только в случае, если она при замужестве привезла с собой от родителей коня, седло, одежду, украшения.

2. Развод по взаимному согласию супругов. Обычное право идинских, тункинских, балаганских и кудинских бурят при разводе по согласию предусматривало уход жены без возврата калыма, муж давал ей одну верховую лошадь с прибором, летнюю и зимнюю одежду. У верхоленских бурят развод решался таким образом: если засватанная девушка не желала выходить замуж за нареченного жениха, то родственники с обеих сторон решали этот вопрос на общем совете и обычно находили другую невесту, таким образом, девушка имела право выбора.

Например, в 1883 г. в Бырке-Цугольской управе рассматривался иск о взыскании калыма бурятом Цугольской инородной управы Базаром Арсалоновым с бурята Бырке-Цугольской управы Дугу Галсанова. Сын Б. Арсалонова и дочь Д. Галсанова поженились в 1879 г. и Д. Галсанов взял калым в 47 голов крупного рогатого скота и 72 головы овец. В 1881 г. они развелись, и по мировой сделке Д. Галсанов обещал вернуть калым, но вернул только 15 голов скота, после чего Б. Арсалонов был вынужден подать прошение об иске на возврат остального скота[1362].

3. Развод по инициативе жены. У верхоленских, идинских, тункинских, балаганских и кудинских бурят при разводе по инициативе жены ее отец и родственники обязаны были вернуть калым.

У хоринских бурят жена могла заявить о своем нежелании жить с мужем родоначальникам, которые решали вопрос законным путем. Расторжение брака по инициативе жены допускалось только после разбора инородческими начальниками. В случае положительного решения женщина уходила от мужа без имущества, без детей. Ее родные должны были вернуть мужу выплаченный за нее калым.

В 1911 г. в Аларской инородной управе рассматривалось дело о возврате калыма с Хапхырь Батуевой. Она была замужем за Баду Булеевым, затем вышла замуж за Царатул Тугутова. Б. Булеев потребовал калым с брата Хапхырь Батуевой, а тот, в свою очередь,

[1362] ГАРБ. Ф. 369. Оп. 1. Д. 12.

с Ц. Тугутова. По нормам обычного права Ц. Тугутов был вынужден заплатить калым[1363].

В случае рождения ею ребенка уже после развода он также по первому требованию передавался бывшему мужу. Наглядным примером такого казуса является дело о разводе супругов Болот Нагумова и Дара Данжиновой, которое рассматривалось в 1862 г. в Кялинской инородной управе. По «миролюбному удостоверению» Б. Нагумов вернул калым родным бывшей жены в размере 25 голов скота, но он потребовал отдать ему мальчика, рожденного после развода[1364].

4. Развод по инициативе мужа. Если же муж являлся инициатором развода (по обычному праву верхоленских, идинских, тункинских, балаганских и кудинских бурят), то ему не возвращали калым, кроме того, у идинских, тункинских, балаганских и кудинских бурят на мужа возлагалась обязанность наделить возвращаемую жену ее приданым имуществом: лошадью, шубой, украшениями. Жена могла забрать с собой дочь, даже если она была их единственным ребенком[1365].

У хоринских бурят при разводе по инициативе мужа жена могла взять с собой приведенную от родителей лошадь, из одежды по одной лучшей шубе, безрукавке, шапке, седло, узду, а украшения и личные вещи полностью. Если подобные вещи не были привезены от родителей, то при возвращении домой могла взять головные украшения, шубу, безрукавку. Из детей она могла взять с собой одну непросватанную дочь, а если дочь была просватана, то из калыма за дочь ей давали 10 голов скота[1366]. Если жена не соглашалась с разводом, то их не разводили, и она оставалась в семье мужа со своими детьми.

У тунгусов, несмотря на утверждение князя Гантимурова об отсутствии у них исков по «калымным» делам, также встречаются исковые дела. Например, в 1868 г. тунгус Дулигатского рода Н.Ф. Нарышкин обратился в Степную думу с прошением о рассмотрении его дела о возврате калыма. Он женился без венчания, уплатил калым, однако жена отказалась от совместной жизни. Степная дума поручает Маньковской инородной управе разо-

[1363] ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 779.
[1364] ГАРБ. Ф. 103. Оп. 2. Д. 9.
[1365] Самоквасов. Указ. соч. С. 100–101.
[1366] Обычное право бурят. Указ. соч. С. 99.

браться с делом и через год, в 1869 г., было достигнуто мировое соглашение при свидетелях[1367].

Таким образом, калымная форма брака порождала огромное количество исков, которые рассматривались в судах словесной расправы на основании норм обычного права. Это способствовало появлению со стороны самих бурятских обществ и влиятельных бурят инициатив по уменьшению калыма, изменению процедуры сватовства и т. д.

В 1841 г. селенгинские и хоринские родоначальники собрались на большой суглан и после обсуждения приняли «Новое постановление о жизни и обычаях. Правила, установленные селенгинскими и хоринскими главными и почетными духовными и светскими сайтами в 1841 году». Родоначальники были обеспокоены большими тратами бурят на свадьбах и пиршествах, которых раньше не было: «Если хотели взять невесткой дочь богатого человека, то за нее отдавали калым не более 100 различных скотов, а отец той девушки отдавал приданое дочери в соответствии с полученным калымом. Для свадебного пиршества не закалывали множества скотов, ограничивались угощением друг друга молочными винами, собрав только ближайших родственников. При обмене подарками ограничивались взаимным поднесением родственникам только хадаков и небольших платков»[1368].

В Постановлении отмечается, что размеры калыма доходят у богатых до 500 голов скота, у средних – до 330 голов, у бедных – до 25 голов. Отец девушки покупает маржаны (кораллы), дорогие шелка и т. д. У богатых на свадьбах присутствует 500-600 человек, сами свадебные веселья продолжаются несколько дней и т. д., все это наносило огромный ущерб хозяйствам инородцев.

Согласно Постановлению устанавливался максимальный размер калыма: для богатых – от 100 до 150 голов разного вида скота, для среднего достатка – от 50 до 80 голов, для бедных – от 25 до 50 голов. Лимитировалось количество человек, участвующих в проводах невесты – три-пять близких родственников, количество подарков, запрещались многодневные пиршества (если проводы

[1367] ГАЗК. Ф. 55. Оп. 2. Д. 80.

[1368] Новое постановление о жизни и обычаях. Правила, установленные селенгинскими и хоринскими главными и почетными духовными и светскими сайтами в 1841 г. // Цибиков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. С. 76.

на расстоянии до 30 верст – один день, более 30 верст – один день с ночлегом) и т. д.

Известным прецедентом является отмена калыма в Кудинском ведомстве Иркутской губернии. Общественный приговор кудинских бурят об отмене калыма от 17 сентября 1883 г. явился ответом на предписание Иркутского окружного полицейского управления от 23 июля 1883 г. об изменении некоторых обычаев бурят при совершении между ними браков. Согласно приговору, «платеж всяких калымов за невесту» был упразднен с тем, «чтобы свадьба обходилась со всеми религиозными обычаями нашими и украшение невесты с согласия обеих сторон, который расход должен пасть на жениха».

Кроме отмены калыма, предусматривались существенные изменения в брачных обычаях кудинских бурят. Так, при бракосочетании жених должен быть не моложе 18 лет, а невеста – не моложе 16 лет, и при этом сам жених выбирает невесту с согласия родителей своих или родственников, а не самими родителями. После совершения брака невесту должны были оставлять у мужа на примере русского обычая. В случае, если жених откажется от своей жены, он должен был лишиться всего своего свадебного расхода, а если невеста, то ее родители были обязаны уплатить таковой расход жениху.

Свадебный договор должны были регистрировать в местных своих родовых управлениях записью в «особых шнуровых книгах, где жених и невеста с прописанием всего расхода по свадьбе должны расписаться, а также и свидетели по них как со стороны жениха, так и равно и невесты, не менее по два человека с обеих сторон».

Важным моментом было решение обязать всех миссионеров и приходских священников не крестить и не венчать бурят без разрешения инородческих властей[1369].

Интересным представляется также отмена калыма по решению общества в Кударинском ведомстве. Так, 4 ноября 1885 г. почетный инородец, бывший главный тайша Кударинского ведомства в 1880–1883 гг. Иван Заяханов выступил с докладом на большом суглане в с. Корсаковское под названием «Мнение почетного инородца Кударинского ведомства Ивана Заяханова Хамаганова,

[1369] ГАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 148. Л. 80–81 об.

относительно бракосочетания по обряду бурятскому и о цене за невесту по состоянию сватов». В нем он поднимает вопрос: «Почему у нас покупается невеста за денежную плату, именно калым из домашнего разного рода скота, а также денежной суммой от 300 до 700 рублей серебром»? Далее Иван Заяханов отмечает, что калым – «это есть торговля нашими же детьми и показывает, на какой низкой ступени развития мы стоим еще и до сих пор, так как продать за калым своего родного ребенка для нас оказывается одинаковым как бы продать лошадь или другое домашнее животное».

Он не только приводит факты экономических потерь от обряда калыма для хозяйства бурят, но и рассматривает нравственно-этическую сторону – «потребность вступления в брак у нас является не результатом взаимной любви и симпатии сторон, а просто делом хозяйственно-экономического расчета», «у нас нет слов выражения нежных взаимных отношений между полами, – нет любовно-ласкательных слов», кроме слова «дуртай». В заключении он отмечает, что «время уж нам обратить особое внимание на себя и на детей своих – девушек-буряток, как бы искоренить плату за невесту и следует наконец понять, что пришло время позаботиться о более приличном обычае родства»[1370].

На основании обсуждения этого доклада 7 ноября 1885 г. кударинские буряты приняли общественный приговор об отмене калыма: «Сообразив все изложенное здесь, мы не можем не согласиться с нашим сородичем г. Хамагановым в его воззрении на рассматриваемый здесь предмет. Невыгодные отношения полов, разорительные последствия этих отношений и нравственная деморализация этих отношений так очевидны, что мы, желая избежать всего этого на будущие времена, единодушно приговорили:

1. Взимание калыма, в каком бы то ни было виде, между нами воспретить и навсегда оставить. При этом, если отец и мать невесты настолько бедны, что не могут справить свадьбы своими средствами, то допускаются принять от жениха или родителей его помощь деньгами и припасами, но, чтобы общая сумма этой помощи не превышала 50 рублей.

2. Чтобы при сватовстве было непременно принимаемо во внимание желание или нежелание жениха и невесты на вступле-

[1370] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1260. Л. 1–4.

ние в брак с известным лицом, без соблюдения чего и происходят раздоры между бракосостоявшимися. Исполнение сего приговора мы просим принять на себя всех родовых и улусных начальников, а равно и всех людей нашего ведомства, сочувствующих этому доброму начинанию. За исполнение сего мы и другие сородичи наши подвергаем суду общества и наших начальников, им предоставляет право карать виновных за отступление от сего приговора, согласно нашим степным обычаям, в том и подписуемся»[1371].

Однако надо отметить, что принятые решения об отмене калымного брака и изменениях в брачные обычаи оставались на бумаге. К вопросу об отмене калымного брака неоднократно возвращались в бурятских ведомствах. В 1893 г. главный тайша того же Кударинского ведомства С. Хамаганов выносит постановление о неукоснительном исполнении общественного приговора от 7 ноября 1885 г. об отмене калыма: «Я, как убедился, постановленное приговором не исполняется, а по-прежнему друг друга обирают – нахожу нужным подтвердить населению инородцев содержания вышесказанного приговора, а родовым головам и десятковым старшинам приказываю вышеизложенное принять к точному и неукоснительному исполнению и на будущий раз. Объявляю: что инородцы, взимающие за невесту калым, мною строго будут преследованы, а инородческие власти, допустившие подобные взимания, будут немедленно подвергнуты законной ответственности, как за слабый надзор за подчиненными, кроме того, имеют платить потерпевшему все убытки, произошедшие от платежа этого калыма»[1372].

В 1910 г. на страницах журнала «Сибирские вопросы» появился проект об изменениях в брачно-семейные отношениях головы Кудинской инородной управы В. Холодова, который предусматривал:

«5. Не женить и не выдавать в замужество малолетних, а установить возраст для лиц, вступающих в брак, хотя бы как у русских, 18 лет для жениха и 16 лет для невесты – этим устраняется малолетний ненормальный брак, который также немало вреден.

10. Калым установить наибольший 300 руб., одна лошадь и одна корова, чтобы по уплате 1/3 калыма и лошади быть свадьбе,

[1371] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1261. Л. 5–8.
[1372] Там же. Л. 37–38.

а остальные 2/3 на льготных условиях для жениха должны быть уплачены после свадьбы без процентов.

11. Чтобы калым был вручаем родственникам невесты через родовое правление, с выдачей квитанции жениху.

16. По желанию и личной симпатии молодых людей, женить их по бурятскому обычаю, против воли родителей, но с сохранением установленного статьей 10, если, конечно, калым пожелают взять родственники невесты»[1373].

5. Исковые дела по защите нарушенных или оспариваемых прав и интересов бурят, связанные с посягательством на личность и общество. Обычное право бурят классифицировало такие дела как разбирательство «ссор, драк и ругательств». Наиболее детально эти исковые дела разработаны в Селенгинском уложении 1823 г. (23 статьи) и в Хоринском уложении 1823 г. (12 статей). Основным лейтмотивом в обычном праве бурят проходит принцип дифференциации наказания при разбирательстве дел: во-первых, за оскорбление, побои категории духовных лиц и светских начальственных лиц простыми податными; во-вторых, за оскорбление, побои категории простого податного лица другим простым податным лицом; в-третьих, за оскорбление, побои категории духовных лиц и светских начальственных лиц таковыми же; в-четвертых, за оскорбление, побои категории простых податных людей духовными лицами и светскими начальственными лицами.

За оскорбление, побои духовенства и родового начальства простым податным полагалось наказание в виде штрафа: за такую дерзость с виновного должны были взыскать одну оседланную лошадь, одну трехлетку и шесть овец, заставить его оплатить все лечение и подвергнуть его телесному наказанию при собрании народа в назидание другим.

Если родоначальники побьют и нанесут увечья, то они должны были возместить расходы по лечению, об их поведении соответственно докладывалось вышестоящему начальству, которое могло заключить их на трое суток в колодки. Если духовенство – сообщалось старшим ламам, которые подвергали их наказаниям по законам религии и вероучения[1374].

[1373] Богданов М.Н. Среди бурят // Сибирские вопросы. 1910. № 45–46. С. 76–77.

[1374] Селенгинское уложение 1823 г. // Цибиков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. С. 60–61.

Если два простых податных подерутся и один нанесет увечья другому, то виновный должен был возместить все расходы по его лечению, а также подвергался телесному наказанию. Наглядным примером является случай с нанесением телесного повреждения в 1856 г. кударинским бурятом Модогором Матуевым Болдогор Баяндуеву, ему было назначено наказание в виде 30 ударов розгами, и он должен был лечить и кормить «все семейство впредь до полного выздоровления»[1375].

В обычном праве идинских, кудинских, тункинских, балаганских бурят предусматривалось наказание за оскорбления и увечья в виде штрафа: за небольшую обиду в первый раз виновный платит 5 руб., во второй раз – 10 руб., в третий – 15 руб. Если «обида важная, или сделано увечье», то штраф удваивался или утраивался, кроме того, виновный должен был лечить его за свой счет[1376].

Разбирательство преступления, связанного с посягательством на личность с нанесением побоев, можно рассмотреть на примере судебной тяжбы по жалобе инородца Абаганатской инородной управы Кузьмы Хинхоруева по поводу нанесения ему побоев братьями Забиновыми[1377], продолжавшейся несколько лет. Суд первой инстанции – родовое управление отказало К. Хинхоруеву в иске за недоказанностью побоев, тогда он пишет заявление в суд второй инстанции – инородную управу. Инородная управа своим решением от 10 октября 1893 г. утвердила решение родового управления, тогда К. Хинхоруев обращается в третью инстанцию суда – окружное полицейское управление, которое отменило решение инородной управы, мотивируя тем, что братья Забиновы не простые люди, занимают должности (братья Осип и Александр являлись выборными управы, Булут – родовым старостой), поэтому должны вести себя соответствующим образом. Иркутское губернское правление на основании протеста прокурора о том, что драка была обоюдная и на свадьбе братья Забиновы были частными лицами, отменило решение окружного полицейского управления. 31 января 1896 г. окружное полицейское управление утвердило решение инородной управы об отклонении жалобы К. Хинхоруева.

[1375] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 699. Л. 68.
[1376] Самоквасов. Указ. соч. С. 98.
[1377] ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 153. Л. 48.

В Урульгинской тунгусской Степной думе следствие происходило аналогичным образом, только правом принятия окончательного решения суда обладал председатель думы. Так, в 1869 г. Стефан Фомин, инородец Оловской инородной управы, пишет прошение о разбирательстве дела о нанесении побоев его отцу Ивану Фомину другим инородцем Ефимом Золотухиным. Голова управы провел расследование: допросил истца и ответчика, отобрал показания свидетелей, на основании которых квалифицирует как «драку по пьянке». Князь Гантимуров выносит свой вердикт: оставить прошение без последствий[1378].

За нанесение побоев назначалось наказание – арест от двух до 10 дней в тюрьме при инородной управе с выплатой штрафа. Сумма штрафа зависела от степени тяжести нанесенных побоев. Так, инородца Дмитрия Хаденова за нанесение побоев суд 2-й степени Хоготовской управы приговорил к двум суткам ареста в тюрьме с уплатой штрафа 83 руб.[1379]

В 1905–1906 гг. суд 2-й степени словесной расправы Унгинской инородной управы рассматривал жалобу бурята 2-го Кульметского рода Петчина Фирсова о нанесении ему побоев с ограблением бурятом 2-го Муруевского рода Иваном Владимировым. По жалобе Фирсова родовой староста регистрирует происшествие и отправляет донесение полицейскому уряднику. На основании заявления Фирсова родовым старостой ведется расследование дела, включая опрос свидетелей и составление акта. Далее полицейский урядник составляет протокол расследования и отправляет приставу Балаганского уезда, который, исходя из степени сложности правонарушения, писал постановление о направлении дела на рассмотрение Унгинской инородной управы. Суд инородной управы вынес постановление об оставлении без последствий жалобы по бездоказательности[1380].

Порядок судопроизводства по исковым делам определялся нормами обычного права, именно собственное судопроизводство, как считают инородческие общества, позволяло им избегать формального производства в судебных местах. Судопроизводство начиналось с подачи словесной жалобы: если преступление

[1378] ГАЗК. Ф. 55. Оп. 2. Д. 80. Л. 75–85.
[1379] ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 490. Л. 12 об.
[1380] ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 523.

или дело оказывалось «малым», то родовой шуленга и старшины собирали на суд несколько человек из лучших родовичей своего рода и таким коротким и словесным судом выносили решение путем голосования. В случае несогласия между истцом и ответчиком приглашались шуленги других родов, которые также принимали решение голосованием. Если тяжущиеся не приходили к согласию, то обращались к тайше, голос которого являлся решающим.

У хоринских бурят разбор искового дела начинался с подачи искового заявления и только в присутствии тяжущихся сторон, прибегая к очной ставке. По степным законам «во время разбирательства должностным лицом искового дела со стороны истца не должен присутствовать другой сутяжник». Нормы обычного права запрещали начинать судопроизводство в отсутствие истца или ответчика. Только немощные старики да малолетние, больные люди могли «с разрешения сайтов отока подавать иски через надежное доверенное лицо». Если ответчик не приходил на судебное заседание, то за ним отправляли нарочного за его счет. Уважительными причинами для его отсутствия признавались болезнь, или когда дом или скот остается без хозяина. В случае неявки на суд без уважительных причин за ним вторично отправляли двух нарочных и, приведя принудительно, за неподчинение наказывали 10 ударами розог установленного образца и приступали к судопроизводству. Такие меры принимались для избежания волокиты в суде.

Инородческие суды своим первым правилом считали осуждение виновного на основании: 1) его личного признания своей вины, 2) показаний свидетелей, притом «многих, хороших и достойных» и 3) наличии прямых и ясных доказательств. Но в случае отсутствия этих пунктов, а судящиеся не приходят к миролюбию, в судебный процесс вступала «божба», как поясняет обычное право, инородческий обряд.

А.П. Щапов писал о бурятском суде как об «архаическом прототипе современного гласного суда» и описал процесс божбы у ленских бурят: «На суд бурятский, по старому обычаю, сходятся старики-родичи улусные, сходится народ-улус, собираются в какую-нибудь юрту или в ограду, или на степь, – разбирают дело между истцом и обвиняемым. Если обвиняемый отпирается от своей вины, то истец выбирает из 20 или 30 его родственников од-

ного кого либо, и старики заставляют обвиняемого при всем улусе-народе побожиться перед этим своим родственником, какого выберет и укажет истец: «Если ты прав, – говорят старики-судьи, – побожись ему, своему родственнику при всем улусном народе!». Божба эта обыкновенно бывает на каком-нибудь шаманском месте, например, у шаманского леса или у шаманской горы и т. п. … Если вызванный обвиняемым на божбу его сородич не захочет за него побожиться, то, в таком случае, он признается виновным, и должен заплатить истцу, смотря по его иску»[1381].

У кудинских бурят обряд божбы выглядел таким образом: когда ответчик считает себя правым, он представляет 30 посторонних людей, из которых истец выбирает одного, который принял бы за ответчика божбу. В случае его отказа от принятия божбы дело остается правым за истцом, при согласии же принятия божбы ответчик остается правым.

У идинских бурят для принятия присяги, божбы или клятвы должны были ехать к так называемому ими и почитаемому и уважаемому Шаманскому камню, близ устья реки Ангары, у Байкала. У тункинских бурят с 1816 г. к клятве приводили по присяжному листу, переведенному на монгольский диалект[1382].

Согласно обычаям верхоленских бурят 1823 г. древний обряд божбы применялся при несогласии сторон «по неясности с обеих сторон на приведение в вид обстоятельств их тяжбы», «в случаях, если кто на кого просит и ответчик запирается, а проситель, настоя о том, уличить ясно ничем не может»[1383]. Божба применялась на шаманском месте в присутствии «почетных братских» с согласия истца и стороны ответчика. Место для божбы выбирала сторона истца. Особенность божбы верхоленских бурят заключалась в том, что ответчик при важной божбе приносил клятву, прикладываясь к дулу заряженного ружья и «обнаженному железному копью», а после клятвы ружье спускали и стреляли в пустое место. При маловажных делах божба на ружье не применялась[1384].

Миссионер К. Стуков написал интересное исследование о «шихаган» или «шахага», в переводе с монгольского «присяга», от принятия которой зависели жизнь, смерть и разорение мон-

[1381] Щапов А.П. Собрание сочинений. Иркутск: 1937. Доп. том. С. 209.
[1382] Самоквасов Д.Я. Указ. соч. С. 92–94.
[1383] Там же. С. 69.
[1384] Там же. С. 70.

гольских народов. В криминальных и исковых делах у монголов, когда нет достоверных свидетелей, применялась божба на определенной местности. У хоринских бурят местом принятия присяги была вершина горы Тэнгэриболдок, у северных прибайкальских бурят – Шаманский камень на р. Ангара, с которым был связан дух шамана Мунгуту Заримуна, выходца из Тунки, кудинские буряты присягали на горе Хабсал, где были похоронены великий шаман Моин Тунхэй и шаманка Гуре-тодой, тункинские буряты принимали присягу на утесе Буха-ноена и на вершине горы Одегон, место пребывания Асухан удаган. Как отмечает К. Стуков, буряты «сильно боятся своей присяги» на священных местах[1385].

В Забайкальской области, как отмечается в донесениях чиновников, инородцы-язычники приводятся к присяге в священных местах перед ружьем или луком в присутствии полицейских чиновников и старост: «Инородцы-буддисты дают присягу в присутствии полицейского чиновника или родоначальника перед изображением Будды и священной книгой, повторяют со сложенными на груди руками по-монгольски текст присяги, целуют изображение Будды и священную книгу трижды»[1386].

Процесс божбы также описан в «Положении о степных законах и обычаях между инородцами Забайкальской области кудыринского племени существующих» (1860 г.)[1387]. Согласно Положению, божбу должен был принимать подозреваемый или вместо него родственник в присутствии людей, «не бывших под судом и совершенного возраста». Он клялся, что «на сем обожаемом месте богом моим Бурхан, что я или такой-то родственник мой, не виноват в том, в чем опозорен и что на меня (или на него) выводят. Но если я принимаю божбу сию ложно, то меня по воле бога пусть постигнут все несчастия и ужасная смерть»[1388].

По всем разбирательствам исковых дел выносились приговоры инородческих судов с определением наказаний, которые были предусмотрены обычным правом бурят. Наказания, налагаемые

[1385] Стуков К. Нечто о монголо-бурятской присяге // ИЕВ. Прибавления. 11 августа 1879 г. № 32. С. 357–364.

[1386] ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Дп. 3. Д. 257 а. Л. 7.

[1387] «Положение о степных законах и обычаях между инородцами Забайкальской области кудыринского племени существующих» // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ: 1968. С. 177–211.

[1388] Там же. С. 209

по обычному праву бурят, можно сгруппировать следующим образом:

1) телесные наказания обвиняемого розгами, плетьми, как обычный вид наказания;

2) телесные наказания жены и совершеннолетних детей (в случае воровства у хоринских бурят);

3) штраф денежный или имущественный «яла»;

4) заключение под стражу;

5) ссылка в другое кочевье, в другой род, исключение из общества;

6) религиозное наказание.

Таким образом, за изъятием тяжких уголовных преступлений, в ведении бурятских обществ остались менее тяжкие преступления, и соответственно, менее жестокие наказания. В.А. Рязановский отмечает, что «в древности родоначальниками бурят применялась и смертная казнь, и жестокие наказания»[1389], имея в виду период до присоединения к России.

Наказания, описанные в памятниках обычного права бурят, различаются в зависимости от объекта и субъекта преступных деяний:

1) наказания за имущественные преступления;

2) наказания за преступления против общества и нравов (пьянство, азартные игры);

3) наказания за преступления и проступки против личности;

4) наказания за должностные преступления.

За имущественные преступления, к которым относились кражи скота, обычное право бурят предусматривало штрафы, которые являлись самым распространенным видом наказаний. Например, у хоринских бурят размеры штрафов варьировали от 15 коп. серебром до 91 руб. 25 коп. в зависимости от вида преступлений. Если в ранних памятниках обычного права наблюдается имущественный штраф (яла), то в более поздних памятниках приоритет отдается денежному штрафу. По Положению 1808 г. хоринских бурят предусматривались четыре вида штрафа, включая украденное: 1) «голова за голову», когда украденную скотину возмещали натурой; 2) скотина, одинаковая с украденной; 3) по-

[1389] Рязановский В.А. Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк. Харбин: Типография Н.Е. Чинарева, 1931. С. 195.

ловина украденной; 4) четверть украденной. Если же украденная скотина обнаруживалась живой, то штраф взыскивался в размере одной скотины одинакового достоинства с украденной и вор подвергался телесному наказанию[1390]. Кроме имущественного штрафа, полагалось телесное наказание кнутом не только обвиняемого, но и членов его семьи: жены и совершеннолетних детей. Поймавший вора получал половину второго штрафа. За совершение кражи другого имущества виновные подвергались телесному наказанию с полным возмещением украденного.

У бурят Идинского, Тункинского, Балаганского, Кудинского и Верхоленского ведомств кражи скота наказывались наложением штрафов – ялы: за каждую голову с виновного взыскивали четыре головы того же рода и возвращали хозяину[1391]. Если похищенная скотина (у верхоленских бурят) оказывалась живой, то она возвращалась хозяину с двумя таковыми же, т. е. три головы, при этом вор подвергался телесному наказанию. За неоднократное воровство вор подвергался более тяжелому телесному наказанию[1392].

При повторной краже у идинских, балаганских, кудинских и тункинских бурят наказывали телесно, а в третий раз (у тункинцев – в четвертый раз) представляли Иркутскому земскому суду для законного осуждения и переселения в другое место. Таким образом, телесные наказания розгами и плетьми, кнутом являлись также распространенным видом наказаний и применялись в основном в отношении «рецидивистов», совершающих повторные кражи.

В памятниках обычного права XVIII – начала XIX вв. описываются наказания кнутом, плеткой за «тяжкие» преступления. Например, за намеренное оскорбление или нанесение побоев ламе высокого ранга и должностным лицам местного самоуправления, за оскорбление и избиение родителей, за воровство, за сокрытие преступления наказывали кнутом, плеткой. За менее тяжкие преступления и правонарушения наказывали розгами.

В Уложении 1823 г. 11 хоринских родов, Хоринском положении 1851 г. основным видом телесного наказания является нака-

[1390] Обычное право хоринских бурят. Указ. соч. С. 33.
[1391] Самоквасов. Указ. соч. С. 95.
[1392] Там же. С. 72.

зание розгами. Розги представляли собой связанные в пучки или используемые по одному побеги ивы (бургаahан – бурят.), березы (хуhан – бурят.) и т. д., тонкие, упругие и гибкие прутья, используемые для телесного наказания – порки. В процессе изготовления розог их часто отмачивали в соленой воде для придания им большей упругости. Надо отметить, что особым распоряжением вышестоящего начальства устанавливались розги определенного образца. Так, 21 мая 1848 г. вышло распоряжение Департамента полиции «Относительно наказания преступников розгами», в котором подробно описывается процесс изготовления розог и к нему прилагался образец: «Розги для наказания преступников должны состоять из тонких березовых прутьев, длиной 1¼ аршина, а число от 10 до 15 так, чтобы общий объем их нижнем конце после соединения в пучок имел 1¾ вершка… После 10 ударов розги признаются негодными к дальнейшему употреблению и должны быть заменены другими»[1393].

Но самым серьезным наказанием за уголовные преступления, которые рассматривали инородческие суды, было отлучение от рода, выселение за пределы ведомства. Решение о выселении применялось на общем суглане общества. В основном к отлучению от рода, высылке приговаривались инородцы за многочисленные случаи воровства (более трех) после применения к ним таких видов наказаний, как штраф, как телесное наказание (30 ударов розгами), отдача под наблюдение должностных лиц: «Если и тогда не исправится и опять будет обманывать и воровать и совершать опасные и вредные действия среди населения, то для удаления из Хоринского ведомства просить согласия вышестоящего начальства»[1394]. К приговору прилагались заявления от потерпевших, удостоверения свидетелей.

В архивных документах имеются общественные приговоры хоринских бурят о выселении в 1849 г. Хумахан Буянтуева, по крещении Федора Ершова, за многочисленные кражи и дурное поведение «за море Байкал, по Охотскому порту»[1395], селенгинских бурят в 1863 г. об исключении из общества Дамба Цывенова за дурное поведение[1396], агинских бурят в 1871 г о высылке Содбо

[1393] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 162. Л. 151 а.
[1394] Обычное право хоринских бурят. Указ. соч. С. 102–103.
[1395] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 162. Л. 365.
[1396] ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3331. Л. 3–4.

Санжиева в Мухоршибирскую волость за дурное поведение[1397], Тургинской инородной управы 1888 г. о выселении в отдаленные места Сибири Г. Соготоева (по крещении П. Петрова) и Б. Энкеева за повторные случаи воровства скота[1398] и т. д. На территории этой же управы отбывали «ссылку» буряты из Баргузинской Степной думы.

Таким же образом поступали в Урульгинской тунгусской Степной думе. В 1869 г. рассматривалось дело о краже у казака В. Буторина двух голов рогатого скота тунгусом Ф. Сухановым. Были проведены следствие, допросы, повальные обыски, в ходе которых выявились факты сокрытия и соучастия в преступлении другого лица – А. Писарева. Постановлением Степной думы А. Писарев с сыном и со всем семейством за сокрытие и соучастие в преступлении был выселен из Шундуинской инородной управы в Урульгинскую инородную управу под строгий надзор должностных лиц[1399].

Практически во всех памятниках обычного права бурят предусматривались самые суровые наказания за преступления против общества и нравов, к которым относились пьянство, азартные игры. Нормы по борьбе с пьянством содержатся во всех крупных памятниках бурятского права. За азартные игры на имущество обычное право хоринских бурят предусматривало заключение под стражу на трое суток в тюрьму и наказание 30 ударами розог, а за несанкционированное употребление вина – 15 ударов розгами. Уложение 1763 г. хоринских бурят разрешало пить «вино» людям старше 40 лет, лицам же в возрасте младше 40 лет и старше 25 лет разрешалось пить на свадьбах и обряде «саал» (свадебный обряд), на пирах, а также в случае приезда в гости родственников[1400]. Наказ главного тайши Ринчино зайсану Мардаину 1793 г. почти весь (за исключением последней 9-й статьи) посвящен данному вопросу и содержит запрет на пьянство, распутство, игры в карты, лото и кости[1401]. Должностные лица также должны были соблюдать нормы по соблюдению запретов на несанкциониро-

[1397] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1850. Л. 19–20.
[1398] ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 345.
[1399] ГАЗК. Ф. 55. Оп. 2. Д. 80. Л. 282.
[1400] Обычное право хоринских бурят. Указ. соч. С. 15–16.
[1401] Там же. С. 19–20.

ванное употребление вина и азартные игры, кроме того, им запрещалось решать какие-либо дела в нетрезвом состоянии.

Особое отношение было к ламам, нарушившим нормы по запрету употребления вина и азартных игр. В Хоринском положении 1851 г. восемь глав из 19, 72 статьи из 197 посвящены религии, в том числе 14 статей о «наказаниях за большие и малые проступки». Самыми тяжкими пороками лам считались: прелюбодейство с женщинами, употребление вина и курение табака, воровство и азартные игры, занятие торговлей и другими видами деятельности, кроме совершения религиозных деяний. За совершение таких проступков лам ожидало строгое наказание: денежные штрафы соразмерно проступку от 15 коп. серебром до 30 руб., телесные наказания 10 до 35 ударами розог, лишение сана и религиозные наказания, такие как покаяние, обход дацана с молитвой от 100 до 500 раз.

Обычное право тунгусов также предусматривает наказания за азартные игры: «никто, никогда в карты и юлою на скот, вещи и деньги не должен играть. Если же играя, проиграет свое имение или деньги, о том каждый услышавший должен доносить ближним старшинам, которые накажут их прутьями жестоко». Надо отметить, что тунгусское право во многом одинаково с обычным правом хоринских бурят, так, разрешалось употреблять спиртные напитки тем, кому за 40 лет, но при этом «должны подати и всякие дела и работы свои исполнять, а пить понемногу»[1402].

У идинских, балаганских, кудинских, тункинских и верхоленских бурят за частое пьянство «при сходке народа в стыд и удержание» наказывали лозами. Совершение преступления в алкогольном опьянении становилось отягчающим обстоятельством, наказание обычно удваивалось: и за преступление, и за пьянство.

Преступления и проступки против личности считались тяжкими преступлениями. Конечно, наиболее тяжкие преступления против личности, а именно разного рода убийства, не подлежали ведомству инородческого суда, а рассматривались земским судом. Но покушение на убийство рассматривалось бурятами по обычному праву, причем наказание за него назначалось в основном как за воровство.

[1402] Самоквасов. Указ. соч. С. 36–37.

Одним из тяжелых преступлений против личности являлось причинение увечий. У хоринских бурят в случае нанесения во время ссоры тяжелого увечья головы, рук, ног, глаз, зубов или других каких-либо органов виновный должен был содержать и лечить потерпевшего в течение шести месяцев. Если повреждение оказывалось неизлечимым, то виновный обязан был отдать потерпевшему 50 голов скота и отобрать расписку, в которой тот должен подтвердить отсутствие к нему претензий. Если потерпевший лишался одного глаза, виновный должен был заплатить 25 голов скота, если он одноглазый и лишится последнего глаза, или здоровый лишится обоих глаз – надлежало уплатить 50 голов скота, а виновный в причинении увечья подвергался телесному наказанию.

Существовали также наказания за нанесение увечий голове (возмещение всех расходов, связанных с лечением), за вырвание косы с головы (штраф 3 руб.), за выбитый зуб (виновный отдавал 3-летнюю кобылу за один выбитый зуб, а если много, то 50 голов), во всех случаях виновного наказывали розгами.

Обычаи хоринских бурят содержат наказания за оскорбление словами и действием, в особенности Положение 1808 г. В системе наказаний уже четко прописывается дифференцированный подход: строже наказывается виновный за оскорбление главного тайши, затем других тайш и высших духовных лиц. Так, за оскорбление словами или действием надворного советника главного тайши виновные подвергаются по суду следующим наказаниям: если виновными окажутся высшие духовные лица (ламы – цорджи, шандзоба, джасак, намсо, джитба, гурумба), титулярные советники тайши и высшие инородческие чины, то виновный должен поднести чай в дацан на 3 руб., уплатить нойону (главному тайше) 21 руб. 25 коп.[1403] и штраф в пользу народа 10 руб.; если виновными окажутся чиновные лица низшего ранга и сайты из простого звания, то виновный должен поднести чай в монастырь на 3 руб., уплатить оскорбленному главному тайше 21 руб. 25 коп. и штраф в пользу народа 10 руб., кроме того, предписывается высечь виновного плетью; если же виновными окажутся обыкновенные податные ховараки или миряне, то обязаны сварить чай в дацане на 1 руб. 50 коп., уплатить главному тайше 21 руб. 25 коп. и нака-

[1403] У В.А. Рязановского указана другая сумма – 91 руб. 25 коп. Указ. соч. С. 199.

зывались двумя ударами плетьми по спине, кроме того, виновные были обязаны возместить все расходы, связанные с ссорой[1404]. Наказания за оскорбления других чиновных лиц различаются главным образом размером платы штрафа оскорбленному.

В Хоринском положении 1851 г. следуют другие наказания за оскорбления должностных лиц: если нижестоящее должностное лицо оскорбит словами или действием вышестоящее, то к нему применялись арест в тюрьму от 3 до 5 суток, штраф от 3 руб. до 10 руб. или заключение в тюрьму от трех до пяти суток[1405]. Что касается низших должностных лиц, таких как писарь, помощник старосты, смотритель магазина, то они наказывались 15 ударами розог, а простые податные – 25 ударами розог установленного образца[1406].

В архивных документах сохранились свидетельства о наказании бурят: в 1871 г. за оскорбление «неуместными поносительными словами г. Селенгинского окружного исправника, участкового заседателя Миллера и миссионера иеромонаха Платона» кударинский бурят Н. Дудаев был удален от должности заседателя думы и наказан при обществе 25 ударами розгами»[1407]. В 1876 г. бурят бодонгутского рода Тутхалтуевской инородной управы Дамдин Занданов был заключен в тюремную избу за оскорбление Читинского окружного исправника Федорова обвинением в получении взяток[1408], Буда Жигжитов был оштрафован за оскорбление губернского секретаря Вампила Бадмаева[1409], бурят Унгинской инородной управы Ихисей Найманов за оскорбление действием родового старосты Матхана Зайганова при исполнении служебных обязанностей был приговорен к двухмесячному аресту при тюрьме инородной управы[1410].

Особо выделялись наказания за оскорбление родителей. По Положению 1808 г. за оскорбление родителей полагалось публичное наказание двумя ударами плетьми для устрашения и словесное внушение. По Хоринскому положению 1851 г. за оскорбление родителей должностные лица, кроме главного тайши, который был неподсуден инородческому суду, сажались в тюрьму на трое

[1404] Обычное право хоринских бурят. Указ. соч. С. 25.
[1405] Обычное право хоринских бурят. С. 108.
[1406] Обычное право хоринских бурят. Указ. соч. С. 108.
[1407] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 907. Л. 1.
[1408] ГАРБ. Ф. 294. Оп. 1. Д. 252.
[1409] Там же. Д. 265.
[1410] Там же. Д. 16. Л. 11.

суток, платили в казну дацана штраф в размере от 5 до 10 руб.; если же низшие должностные лица или податные лица, то наказывались 20-25 ударами розог.

У идинских, балаганских, кудинских, тункинских бурят за обиды «словом и делом» штрафы назначались в сумме от 5 до 15 руб.: за первый раз – 5 руб., во второй – 10 руб., в третий – 15 руб. Если обида была «важная или сделано увечье», то штрафы удваивались или утраивались, кроме того, обидчик должен был лечить потерпевшего за свой счет и подвергался телесному наказанию. Рассмотрения дел за нанесение тяжелых увечий, убийство передавались начальству[1411].

Обычное право предусматривало наказания за должностные преступления. Следствия в отношении высших должностных лиц органов местного самоуправления проводились силами местной полиции и изымались из ведения инородческих властей. Это было связано с невозможностью беспристрастного расследования, которое вели бы инородческие начальники в отношении себя. Согласно статье 9 Закона о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках 1857 г., 1-ю степень уголовного суда составляли уездные суды, городские магистраты, ратуши, суды надворные; 2-ю степень – палаты уголовного суда; высшую же степень – Правительствующий Сенат[1412]. Статья 13 квалифицировала должностные преступления как уголовные дела в преступлении должностей, или так называемые дела следственные, которые подлежали разбирательству в ведомстве второй степени суда – Палате уголовного суда[1413], при невозможности разрешения – в высшей степени суда – Правительствующем сенате.

В середине XIX в. большой резонанс получили следственные дела по должностным преступлениям в бурятских органах местного самоуправления: Николая Дымбилова, главного тайши Хоринской думы, Сахара Хамнаева, главного тайши Баргузинской думы, Иннокентия Муравьева, главного тайши Ольхонской думы, Хамагана Дамбуева, главного тайши Кударинской думы, Тарбы Жигжитова, главного тайши Хоринской думы, и т. д., которые

[1411] Самоквасов. Указ. соч. С. 98–99.

[1412] Свод законов Российской империи, издания 1857 г. Т. XV. Законы уголовные. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: 1857. С. 4.

[1413] Там же. С. 5.

рассматривались в уездных судах, палатах уголовного суда и даже доходили до Правительствующего Сената.

Что же касается других должностных лиц, таких как старосты родовых управлений, их помощников, смотрителей экономических магазинов, «допустивших по нерадивости послабление и затяжку в исполнении сбора казенных податей, взыскании магазинного хлеба, а также в осуществлении поручений и предписаний по проведению мероприятий среди инородцев», например, согласно Хоринскому положению 1851 г., на первый раз заключали на трое суток под тюремный надзор. Второй раз их наказывали при Степной думе розгами установленного образца соответственно вине. За третий раз следовало удаление от должности. Так, в 1868 г. земской полицией велось следствие по растрате общественных денег головой Галзутовым Хоринского ведомства в сумме 1234 руб. 44 ½ коп., приходорасходчиком Хоринской Степной думы Юмцуновым в сумме 3596 руб. 24 ¼ руб.[1414] и т. д., в каждом случае они лишались своих должностей.

Таким образом, обычное право бурят понимало наказание как меру общественного принуждения, назначаемую по приговору инородческого суда. Для бурятских обществ, на наш взгляд, важным было не только наказание виновных лиц, а в большей мере его исправление и предупреждение совершения новых преступлений.

«Криминальные» дела расследовались и рассматривались судебными органами царской администрации. Так, в 1899 г., когда произошло убийство с грабежом в юрте старосты Могойтуйского родового управления Сымпила Ирдынеева, Тургинская инородная управа отправляет телеграммы Читинскому окружному начальнику, мировому судье 3-го участка, Карымскому отделению жандармского управления, прокурору Читинско-Акшинского участка, в Читинское окружное полицейское управление, главному тайше. На основании этих донесений возбуждается дело об убийстве с целью грабежа. В присутствии головы и выборных управы производится следствие, составляется акт осмотра происшествия, опись имущества[1415]. Надо отметить, что для бурятского сообщества такие преступления были редкостью.

Инородная управа исполняла решения мировых судей по разным уголовным делам, совершенным не только на территории

[1414] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 526. Л. 696 об.–697.
[1415] ГАРБ. Ф. 294. Оп. 1. Д. 122.

управы, на основании статьи 38 Устава 1822 г.: «В проступках в Российских городах и селениях разбираются они местной полицией на основании общих положений»[1416]. Так, когда мировой судья 3-го участка Читинского окружного суда отправил приговор суда от 19 декабря 1898 г. о присуждении Ринчина Бортоева к уплате штрафа в размере 10 руб. за буйство в пьяном виде в конторе железной дороги, инородная управа взимает штраф и отправляет деньги в Читинское губернское казначейство[1417].

При расследовании уголовных преступлений инородная управа доносила суть дела в Степную думу, полицейское управление, извещала близлежащие инородные управы, волостные и станичные правления на основании письменного заявления потерпевших. В 1900 г. из барака Бадмы Зодбоева, работавшего вблизи Кайдаловской станицы по заготовке и вывозке шпал для железной дороги, была совершена кража. Согласно его заявлению в инородную управу, голова инородной управы отправляет донесения в Читинское окружное полицейское управление, Карымское отделение жандармского управления, Кайдаловское станичное и Ульдургинское волостное правления. На основании этих донесений Читинское полицейское управление направило предписание инородной управе о производстве розыска украденного имущества.

Полицейские управления также вели расследования нарушений паспортного режима инородцами, которые наблюдались, правда, довольно редко. Буряты все были прикреплены к своим родам и не могли покидать место своего жительства без увольнительных билетов, паспортов, которые выдавались инородной управой сроком на 6, 12 месяцев. Лица, получавшие паспорта, обязаны были платить все подати и повинности в срок. Поэтому, если кто-либо из бурят покидал место жительства без разрешения, то инородная управа заявляла об этом в полицейское управление, которое, в свою очередь, объявляло его в розыск. Так, в фонде Тургинской инородной управы есть переписка с Троицкосавским и Читинским городскими полицейскими управлениями о розыске и высылке Мунко Бадмаева к месту его жительства[1418].

[1416] ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 118. Л. 84.
[1417] ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 105. Л. 7.
[1418] Там же. Д. 230.

Преступлений, связанных с подлогом документов, встречается крайне мало. Интерес представляет дело 1857 г. по обвинению Тарба Жигжитова, тайши Хоринской Степной думы, в подделке духовного завещания ширетуй-ламы Анинского дацана Бороева Сайбсана и присвоении его имущества. Дело не попало под юрисдикцию инородной управы, так как было рассмотрено Иркутским губернским судом[1419]. В 1894 г. Бордунай Дмитриев, инородец Аларской управы, был приговорен к 15 ударам розгами за то, что он, воспользовавшись неграмотностью людей, писал ложные удостоверения.[1420]

В фонде Аларской управы также имеются документы о проведенном следствии по поводу устройства лотереи. В 1895 г. в газете «Восточное обозрение» была помещена информация о проводимой в Аларском ведомстве лотерее, по следам которой было возбуждено следствие. В ходе следствия было опрошено более 60 человек, и устроитель лотереи, инородец 2-го Хонходорского рода Желгинского улуса Трофим Степанов, был оштрафован на сумму 16 руб. 40 коп., что составляет 20% от суммы проданных билетов, в пользу казны[1421].

У тунгусов не наблюдалось серьезных преступлений и правонарушений, об этом свидетельствуют архивные документы. Так, в отчете Степной думы за 1864 г. отмечается, что «при общем взгляде на народную нравственность, можно заметить патриархальную простоту, и нравы инородцев довольно чисты, что можно заключить из того, что в течение последнего десятилетия случилось только одно уголовное преступление, воровство и конокрадство хотя и были, но в посредственном количестве и виновные подвергнуты законному наказанию. К 1864 г. подобных дел в производстве не состоит»[1422]. В отличие от бурятских Степных дум, в Урульгинской Степной думе доля судебных дел в общем делопроизводстве незначительная, что тоже является важным показателем.

Хотя в Российском государстве, согласно судебной реформе 1864 г., судебная власть была отделена от административной, были введены гласность и публичность заседаний суда, состязательный процесс, институты адвокатуры, присяжных заседателей, выборный мировой суд, в инородческом суде практически ничего не изменилось.

[1419] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 244.
[1420] ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 331.
[1421] ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 384. Л. 110.
[1422] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 566. Л. 119 об. –120.

К концу XIX в. в связи с вопросом о преобразовании судебной части в Сибири встал вопрос о крайне неудовлетворительным состоянии инородческих судов, выражавшемся в следующем: во-первых, родовые управления и инородные управы, составлявшие две степени словесной расправы инородцев, образовывались из лиц, избираемых родовичами из своей среды или же получавших наследственно звания головы и старосты, что при общем низком уровне умственного и нравственного развития инородцев не обеспечивало правильного и беспристрастного рассмотрения возникавших среди инородческого населения гражданских дел; во-вторых, нормы обычного права, на основании которых разрешались все гражданские дела, уже не отвечали изменившимся условиям быта населения и утрачивали свое практическое значение; в-третьих, инородческие суды, основывавшиеся на нормах обычного права, отличались медлительностью судопроизводства и подчас несправедливым разрешением дел[1423].

По этому поводу в 1885 г. И. Пирожков пишет, что инородцы судом «по своим обычаям очень редко и то в самых маловажных случаях бывают довольны, чему доказательством служит переполнение всех присутственных мест и должностных лиц их всевозможными жалобами и просьбами», в «спорах и владениях всякого рода земельными угодьями буряты также и давно не управляются своими обычаями и правами, а постоянно обращаются в полицейские управления или в казенную палату»[1424].

Указанные недостатки существовавших инородческих судов свидетельствовали о невозможности их дальнейшего существования. 13 мая 1896 г. высочайше утвержденными Временными правилами о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири был поставлен вопрос о дальнейшем, после введения в Сибири судебных уставов в полном объеме, сохранении действующих судов словесной расправы инородцев, действовавших на основании статей 75–98 Положения об инородцах 1892 г., и постановлений об изъятиях и ограничениях в общем действии Уложения о наказаниях по отношению к преступным деяниям сибирских инородцев (приложение V к ст. 168 Уложения о наказаниях)[1425].

[1423] «О предстоящем преобразовании судебной части по делам инородцев» // Забайкальские областные ведомости. 29 ноября 1896 г. № 48. С. 7–8.
[1424] ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 2034. Д. 93. Л. 167 об.
[1425] ПСЗРИ-3. № 12932. Т. 16. СПб.: 1899. С. 416–425.

Окончательно инородческие суды словесной расправы были упразднены при проведении волостной реформы согласно «Временному положению об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области»[1426].

Таким образом, суд и судопроизводство у бурят производились на основании Устава об управлении инородцев 1822 г. и норм обычного права. В судопроизводстве бурятских инородных управ и родовых управлений наиболее часто были представлены дела по взаимным финансовым и хозяйственным претензиям, уплате калыма, семейным разводам с разделом имущества, расследованием краж скота и имущества, и они же являются наиболее разработанными в обычном праве.

Хотя российское законодательство дореволюционного периода осторожно подходило к включению обычаев и традиций сибирских инородцев в общероссийское правовое поле, они признавались российскими судами. Устав 1822 г. законодательно признал юридическую силу норм обычного права с перспективой их кодификации, закрепил особое правовое положение для сибирских народов. Юридическое признание норм обычая давало сибирским инородцам право вести судопроизводство по своим законам. Из ведения инородческих судов словесной расправы были изъяты такие уголовные дела, как убийство, грабеж, изготовление фальшивой монеты, похищение казенного и общественного имущества. Остальные правонарушения и преступления рассматривались как маловажные, исковые и подлежали рассмотрению инородческими судами.

§ 2. Следственные дела в отношении должностных лиц местного самоуправления бурят

Должностные лица инородческого самоуправления несли гражданскую, административную и уголовную ответственность перед подведомственным населением, перед государством, а также материальную ответственность по гражданским делам. Должностные преступления занимали особое место в суде и судопроизводстве бурятских ведомств.

[1426] ПСЗРИ-3. № 19984. Т. 21. СПб.: 1903. С. 254.

Административной ответственности подлежали должностные лица в случае совершения им административных правонарушений в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением своих должностных обязанностей. Из установленных видов административных наказаний к должностным лицам чаще всего применялся штраф. В основном должностные лица подвергались наказаниям за неисполнение распоряжений вышестоящего начальства, и виды наказаний для них были предусмотрены нормами обычного права.

Так, в Хоринском уложении 1823 г. имеется статья о наказании за послабление в сборе ясака: виновный в этом главный тайша «предается на рассмотрение начальства», другие хоринские тайши, депутаты, агинский закиракчи штрафуются на 10 руб. в пользу хоринского общества. Если сугланные сайты, старшины отоков допускали «послабление в сборе податей», то заключались на пять суток под стражу. Если двухсотенные зайсаны, засулы, шуленги допускали послабление, то вышестоящие начальники наказывали их «палками по спине, которым длина полсажени, а толщина в зависимости от шубы» и т. д.[1427] В 1851 г. наказания за неисполнение предписаний вышестоящего начальства, а также за «послабление и затяжку в исполнении сбора казенных податей, взыскании магазинного хлеба» ужесточаются: за первый раз заключались под стражу на трое суток под тюремный надзор, за второй раз – наказание розгами в Степной думе, за третий раз освобождали от должности[1428].

В Селенгинском уложении 1823 г. также четко прописывались возможные наказания за неисполнение предписаний вышестоящего начальства главных шуленг и зайсанов отоков: «За первое неисполнение предписания, вызвав в главную контору неисполнивших шуленг и зайсанов, тайши должны сделать устный выговор; за вторичную оплошность, также призвав, посадить на трое суток под колодку, за третью оплошность, тоже подобно первому и второму разу, главные тайши, сделав выговор и посадив на трое суток под колодку, должны оштрафовать на 10 руб.»[1429]. Эти деньги использовались на экстренные нужды. Все сведения о вы-

[1427] Обычное право хоринских бурят. С. 65.
[1428] Там же. С. 94.
[1429] Селенгинское уложение 1823 г. // Цибиков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. С. 74.

говорах и арестах вносились в особые журналы и доводились до сведения всех родов. При «четвертой оплошности» должностное лицо после обстоятельного разбора вышестоящими инстанциями освобождалось от должности и проводились новые выборы.

В свою очередь, главный шуленга имел право наказывать десяточных зайсанов за неисполнение предписаний вышестоящего начальства: в первый раз – устный выговор, во второй раз – устный выговор и арест на двое суток под колодку, в третий раз дело передавалось на рассмотрение в конторе.

Обычное право идинских, тункинских, балаганских и кудинских бурят также предусматривало наказания должностных лиц: за маловажные преступления решение о наказании принимал главный тайша, за серьезные преступления должностное лицо судилось судом высшего начальства с лишением должности и звания[1430].

Примерами административных наказаний должностных лиц служит постановление крестьянского начальника от 28 марта 1902 г. о заключении на семь суток ареста при полицейском управлении за неявку на суглан головы Кудинской инородной управы Алагуева, выборного Етабаева, старост Айдаева и Амагырова[1431].

Другой пример: постановлением от 7 июня 1902 г. за несвоевременный ремонт дорог выборный Етабаев, старосты четырех Харанутских родов, двух Ашахабатских родов и сельские старосты Курского и Усть-Ординского селений были подвергнуты аресту на трое суток, голова Кудинского ведомства – штрафу в размере 5 руб.[1432]

Уголовная ответственность должностных лиц наступала за уголовно наказуемые деяния, так, Закон о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках 1857 г. (статья 13) квалифицировал должностные преступления (несвоевременный сбор налогов, недоимки или излишне собранные налоги и т. д.) как уголовные дела в преступлении должностей, или так называемые дела следственные, которые подлежали разбирательству в ведомстве второй степени суда – Палате уголовного суда[1433], при невозможности разрешения – в высшей степени суда, Правитель-

[1430] Самоквасов. Указ. соч. С. 99.
[1431] ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 295 Л. 1–1 об.
[1432] Там же. Л. 2–3.
[1433] Свод законов Российской империи, издания 1857 г. Т. 15. С. 5.

ствующем Сенате. В середине XIX в. большой резонанс получили следственные дела по должностным преступлениям в бурятских органах местного самоуправления: Николая Дымбилова, главного тайши Хоринской думы, Сахара Хамнаева, главного тайши Баргузинской думы, Иннокентия Муравьева, главного тайши Ольхонской думы, Хамагана Дамбуева, главного тайши Кударинской думы, Тарбы Жигжитова, главного тайши Хоринской думы, и т. д.

Деятельность должностных лиц инородческого самоуправления четко регламентировалась Уставом 1822 г. и нормами обычного права, однако именно эта жесткая регламентация приводила к многочисленным противозаконным действиям со стороны должностных лиц органов местного самоуправления бурят.

Во-первых, это связано со статьей 142 Устава об управлении инородцев 1822 г., согласно которой должностные лица, кроме письмоводителя и его помощника, «не получают от родовичей своих никакого жалованья, но исправляют должности по сим званиям как общественную службу»[1434].

Во-вторых, была предусмотрена система других материальных мер и моральных поощрений стимулирования должностных лиц за успешную службу. Так, статья 143 Устава об управлении инородцев 1822 г. закрепляла за ними «доходы, какие их званию присвоены по степным законам и обычаям с промыслов и земель»[1435], т. е. общественная служба должностных лиц законодательно поощрялась путем выделения лучших пахотных и сенокосных земель в больших размерах. В статье 82 Хоринского положения 1851 г. отмечается, что «среди хоринского населения из занимающих должности тайши, заседатели, головы, выборные, старосты не получают жалованье ни от казны, ни от населения, поэтому в силу 143-й статьи вышеуказанного Устава (1822 г.) в соответствии со званием и с одобрения населения сенокосных и пахотных земель получают во владение побольше»[1436].

Таким образом, буряты, занимавшие должности в органах местного самоуправления, не получали денежного вознаграждения за свою службу и зачастую вынуждены были идти на излишние поборы своих сородичей, чтобы поправить свое материаль-

[1434] ПСЗРИ-1. № 29126. Т. 38. СПб.: 1830. С. 402.
[1435] Там же. С. 402.
[1436] Обычное право хоринских бурят. С. 95.

ное положение. Хотя им и выделялись хорошие земельные участки для покосов и земледелия, они не всегда имели возможность заниматься своим хозяйством из-за чрезмерной занятости по общественной службе.

Немаловажную роль в совершении должностных преступлений, связанных с излишним побором денег, сыграли статьи Устава 1822 г., определившие виды податей, которые были «трех родов: 1) казенные подати; 2) земские повинности, 3) повинности внутренние на содержание степного управления[1437]. Если с двумя первыми видами податей проблем не возникало, то именно сборы денег на внутренние повинности служили причиной незаконных сборов с бурят.

Внутренние повинности собирались согласно общественным приговорам на содержание местного управления. Смету на внутренние повинности составляли на общественном суглане с участием должностных лиц местного самоуправления, само положение о внутренних повинностях предоставлялось на рассмотрение губернатору, губернскому совету и утверждалось генерал-губернатором. Наряду с денежной внутренней повинностью, буряты должны были исполнять натуральные повинности, основную долю которых занимало исправление дорог, мостов, гатей, перил, заготовка леса.

Однако бурятским органам местного самоуправления было трудно отрывать людей от хозяйственных работ, отправлять их на дорожные работы на дальние расстояния с лошадьми, орудиями труда, определять наблюдателей за их работой и т. д., да и для самих бурят натуральные повинности были тяжелым бременем. Поэтому выгоднее было собирать дополнительные деньги на натуральные повинности и нанимать работников на договорных условиях, что расценивалось как незаконное действие. Несмотря на противозаконный характер этих так называемых темных денежных сборов, бурятские ведомства повсеместно применяли их. Вполне естественно, что такие приходы и расходы нигде не фиксировались и не учитывались и вели к присвоениям части этих средств должностными лицами.

В 1839 г. было возбуждено следственное дело об излишних поборах и других злоупотреблениях по ведомству Хоринской Степ-

[1437] ПСЗРИ-1. № 29126. Т. 38. СПб.: 1830. С. 411.

ной думы. По мнению очевидца тех событий Тугултура Тобоева, в то время второго тайши Агинской Степной думы, причиной конфликта послужил выбор главным тайшой хоринских бурят Ринчин-Доржо Дымбилова, который разделил хоринское общество: часть хоринцев выступила против этого выбора. Как пишет Т. Тобоев, «этот Дэмбилэй был нравом груб, был корыстолюбив и собирал подати без разрешения начальства. По этой причине возникли нелады, и часть хоринского народа стала жаловаться и подала прошение начальству»[1438].

Следствие проводил исправник Шевелев. В списке нарушений фигурировали такие обвинения, как излишние сборы по второй половине 1838 г. и первой половине 1839 г. по 0,40 коп. с души, во второй половине 1839 г. по 0,25 коп. – всего по 0,65 коп. с души; завладение покосами по р. Холгосон, снаряжение по четыре человека в караул к своим юртам. Ему вменили также дачу ложных показаний об оказании помощи сородичам по случаю падежа скота, еравнинские буряты жаловались на то, что он не отдал им 571 руб. 14 коп. за проданную в казну шерсть и т. д.

Т. Тобоев приводит такие цифры: «Тайша Дэмбилэй и крещеные Петр Мелентьев, Николай Ольхоин и Степан Соболев украли и поделили 11368 руб. 43 коп. и 1 полушку серебром, собранных в Хоринской Степной думе податей и 233 руб. 51 коп., 1 полушку различных сборов и подожгли думу»[1439].

В ходе следствия 96 человек подтвердили незаконный сбор, из них 14 изменили свои показания, 138 человек, подписавшие прошения, и еще 104 человека показали, что излишних сборов не было. Тайша Н. Дымбилов и другие его чиновники показали, что возмутителями являются сторонники умершего тайши Ж. Дамбадугарова.

Неудовлетворительное ведение следствия привело к тому, что исправник Шевелев был отстранен, тем более что стали поступать прошения, поданные хоринскими бурятами о несправедливом производстве следствия и стеснениях родоначальников. Так, при расследовании Шевелев «своеручно бил ясачных, обнаруживших поборы и пять дней держал под караулом». Головы, старосты, вы-

[1438] Тобоев Т. Прошлая история хоринских и агинских бурят // Бурятские летописи. Улан-Удэ: 1995. С. 19–20.
[1439] Тобоев Т. Указ. соч. С. 20.

борные, зайсаны, которые дали показания против Н. Дымбилова, были удалены от должности.

В конце 1840 г. поступила очередная жалоба, подписанная 1176 хоринскими бурятами, ревизору Министерства имуществ камер-юнкеру Львову на своих родоначальников в производстве с них поборов в размере 0,95 ½ коп. с души. В 1840 г. Совет Иркутского общего губернского управления вынес решение о продолжении следствия, которое было поручено другому чиновнику – губернскому стряпчему Кожевникову.

В 1843 г. Верхнеудинский окружной начальник доносит иркутскому гражданскому губернатору о новых обвинениях по отношению к Н. Дымбилову – это несправедливое присвоение себе княжеского титула и присвоение 729 руб. 53 коп. серебром, собранных в подати. На основании этого иркутский гражданский губернатор пишет генерал-губернатору Восточной Сибири В. Я. Руперту о необходимости устранения Н. Дымбилова от должности, на что он отвечает, что не может дать приказ об освобождении от должности по причине недоказанности его вины[1440].

Следствие шло на протяжении еще нескольких лет. По свидетельству Т. Тобоева, «по решению генерал-аудитора тайша Дэмбилэй был сослан на работы в Россию, а товарищи его, по решению Забайкальского окружного суда, были сосланы на работы в Нерчинский завод»[1441].

В 1851 г. начинается следственное дело в отношении главного тайши хоринских бурят Тарбы Жигжитова. 25 ноября 1851 г. генерал-губернатору Восточной Сибири поступил рапорт чиновника Францова, в котором он докладывал о поступившей жалобе ясачных инородцев Барун-Харганатского рода Сулхаринского родового управления о незаконных поборах тайши Тарбы Жигжитова. Ясачные инородцы для подачи жалобы вынуждены были прибыть в Селенгинскую Степную думу за 350 верст и просить довести их жалобу до генерал-губернатора, так как они лишены возможности, «ибо тайша Жигжитов старается прекращать все пути к сообщению с прямым начальством».

23 февраля 1853 г. Верхнеудинском земским судом было поручено заседателю Стоцкому провести расследование. В ходе рас-

[1440] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15572 а.
[1441] Тобоев Т. Указ. соч. С. 20.

следования выяснили, что в 1850 г. зайсан Жигжит Бабогуев выделил деньги на общественные нужды, а именно уплатил налоги за свой род, на что имелись подписки. После его смерти наследники потребовали вернуть долг с рода, поэтому сделали раскладку и получилось по 8 руб. 63 ¾ коп. на каждую душу, всего 3480 руб. 91 ¼ коп. ассигнациями, что вызвало большое неудовольствие со стороны инородцев.

В жалобах ясачные инородцы также жаловались на то, что старосты Банзаров и Жигжитов наказывали за несвоевременный взнос казенных податей и хлеба в экономический магазин, били лозами некоторых инородцев. В течение 1851 г. собрали с инородцев 1-го класса по 36 руб. 92 коп., 2-го класса – по 36 руб. 92 коп., 3-го класса – по 21 руб. 43 ¾ коп.[1442]

Разбирательство дела по обвинению Жигжита Тарбаева продолжилось в Иркутском губернском суде, а затем и в Правительствующем Сенате. 9 апреля 1868 г. в Иркутском губернском суде заслушивался указ Правительствующего Сената от 29 января 1868 г. о главном тайше хоринских инородцев Тарбе Жигжитове (Дугарове), согласно которому Иркутскому губернскому суду предписывалось «о точном и немедленном исполнении высочайше утвержденного мнения Государственного Совета и в чем следует определения Правительствующего Сената по этому делу.

Изложенным в указе решением Правительствующего Сената по этому делу, утвержденным высочайше конфирмованным мнением Государственного Совета заключено: 1) бывшего тайшу хоринских инородцев, происходящего из дворян коллежского регистратора Тарбу Жигжитова (Дугарова) 46 лет, за допущение незаконного на угощение исправника сбора, часть коего обращена им в свою пользу, вымогательство, подлог и неправильное принятие к засвидетельствованию духовного завещания ширетуя Бороева, лишив всех прав состояния, а также серебряной медали с надписью «За усердие», сослать на поселение в Сибири»[1443].

По силе Манифеста 26 августа 1856 г.[1444] Тарба Жигжитов от следовавшей ему ответственности «за арест сельских начальни-

[1442] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 62. Л. 1, 67.

[1443] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 417. Л. 21–21 об.

[1444] Манифест «О всемилостивейшем даровании народу милостей и облегчении по случаю коронования его императорского величества» // ПСЗРИ-2. № 30877. 26 августа 1856 г. Т. 31. СПб.: 1857. С. 785.

ков, допущение других незаконных сборов, не записку на приходе денежных сумм и передержание их» был освобожден, а по обвинению «в нанесении инородке Жамбаловой бичами побоев и участии в составлении духовного завещания ширетуя Бороева» был оставлен в «подозрении». По другим обвинениям, возведенным на него зайсаном Жамбаловым, Тарба Жигжитов (Дугаров), от суда освобождался, без последствий были оставлены нанесение им побоев кандидату Цыбыкову за не принесением жалобы со стороны последнего.

В то же время с Тарбы Жигжитова (Дугарова) должны были взыскать: а) 20 руб. серебром для удовлетворения тех инородцев, с которых они были собраны; б) все убытки, понесенные инородцами от допущения им незаконных сборов, и в) судебные издержки, понесенные при следствии.

Что касается других лиц – соучастников Тарбы Жигжитова, то все они по силе Манифеста от 26 августа 1856 г. были освобождены от наказания:

1) второй тайша Бадма Бадмаев, виновный в нанесении побоев зайсану Жамбалову и в недонесении о противозаконных поступках тайши Жигжитова, должен был по статьям 384 и 448 быть приговоренным к заключению в тюрьме на один год;

2) четыре заседателя Хоринской Степной думы Санжиев, Тыжигиев, Бурга Жигжитов и Бадма Занданов, виновные в бездействиях власти, хотя следовало по статье 383 освободить их от должности, но объявили прощение с условием обязательной уплаты убытков, нанесенных родовичам;

3) бывший кандидат по главному тайше Цыбыков, волостные головы Галзутского рода Шагдур Жигжитов, Хальбинского рода Шуринов, Батанайского рода Цыгенов, староста Галзутского рода Хобитуев, Одогоев и Гажиев, Батанайского рода Намжинов, Манзаргажиев, Тумуров, Харганатского рода Шехоев, Ирдыниев, Нагоцебенов, Халзонов, Хальбинского рода Банбаев, Цыренов и Абидуев, Хоацайского рода Бомборонов и Сангажиев, помощники старосты Топхоников и Юокоров, виновные, некоторые в добровольной даче денег на угощение исправника, и все в допущении сверхсметных сборов, должны были быть подвергнуть наказанию, определенному 594 статьей удалением от службы, но

были освобождены от наказания с условием обязательной уплаты убытков, нанесенных родовичам;

4) бывший староста Очиров, виновный в допущении противозаконных сборов – его следовало бы подвергнуть наказанию, определенному 394 статьей удалением от должности, но как преступление это сделано им до издания всемилостивейшего Манифеста 26 августа 1856 года, то и ему объявлялось прощение с условием обязательного взыскания с него денег 90 руб.

Следственное дело длилось так долго, начиная с 1851 по 1868 гг., что решение Правительствующего Сената было некому объявлять: заседатель Зандаров, головы Торгобаев, Цыгенов, Намицыденов, старосты Исачеев и Бомбоев уже умерли, а старост Ирдыниева, Бомборонова и Сангажиева не смогли разыскать. Забайкальское областное правление направило приговор Иркутского губернского суда на ревизию в Правительствующий Сенат 23 марта 1865 г., на который получили ответ только в 1868 г. К этому времени Тарба Жигжитов находился в Верхнеудинском тюремном замке почти четыре года и ждал приговора суда[1445].

Интересными представляются обвинения в составлении «фальшивых писем» главным тайшой Селенгинской Степной думы Ю. Ломбоцыреновым. В 1851 г. Иркутский губернский суд рассматривал дело о «фальшиво составленных двух письмах от имени главного тайши Селенгинской Степной думы Найдана Вампилова, написанных якобы бывшему тайше Ю. Ломбоцыренову». Учитывая, что Ю. Ломбоцыренов ранее уже был судим за составление «фальшивого одобрения» и освобожден от ответственности по силе всемилостивейшего Манифеста, его оставили в сильном подозрении на основании 1177 статьи Свода уголовных законов[1446].

Наглядным примером разбирательств по должностным преступлениям в бурятских органах местного самоуправления середины XIX в. является также рассмотрение «следственного дела» Сахара Хамнаева (1814–1885), главного тайши Баргузинской Степной думы в 1846–1873 гг.

Сахар Хамнаев был незаурядной личностью, оставившей глубокий след в истории Баргузинского ведомства. Однако, несмо-

[1445] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 417. Л. 21–21 об., 22–22 об., 23–23 об.
[1446] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 164. Л. 15.

тря на свою многолетнюю плодотворную деятельность на посту главного тайши ведомства и многочисленные награды, Сахар Хамнаев несколько раз отстранялся от должности по жалобам разных лиц. Исходя из содержания архивных документов, можно предположить, что не всем по нраву пришлась его многогранная деятельность по развитию ведомства, требовавшая значительных материальных затрат на их осуществление, с одной стороны, и возможные нарушения, которые совершались им лично или с его ведома, с другой стороны. К его чести надо отметить, что, судя по документам, ни одно из выдвигаемых обвинений не было доказано и ни по одному из них Сахар Хамнаев не был признан виновным.

Первые обвинения Сахара Хамнаева в противозаконных поступках начались в 1846 г. со стороны баргузинских купцов братьев Ивана и Михаила Черных при поддержке некоторых баргузинских бурят. Суть обвинения состояла в том, что «он запрещал бурятам торговать с купцами Черными и нанес этим бурятам убытки; что он делал бурятам разные стеснения, что с бурят Танганова и Нодуева взял 9400 руб., что по его распоряжению производятся с бурят излишние поборы, что из поборов тех Хамнаев получал себе жалованье в течение 11 лет по 400 руб. в год»[1447]. Таким образом, ему были предъявлены обвинения в незаконных действиях по нескольким пунктам: 1) запрещение торговли бурятам с купцами, тем самым нанеся ущерб обоим сторонам; 2) незаконный излишний сбор денег с бурят ведомства; 3) незаконное получение жалованья.

Следствие по жалобам на чиновника из бурят Сахара Хамнаева «производилось пять лет 14 чиновниками». Причинами такого затяжного следствия были:

1) неудовлетворительное для всех жаловавшихся на С. Хамнаева следствие, проведенное чиновниками Салогубом, Путовойтовым и Лоховым;

2) неосмотрительный поступок чиновника Мордвинова, который начал передопрашивать, не учитывая причин жалоб бурят на С. Хамнаева, выясненных прежде другими следователями, так же поступили и чиновники Посельский, Лохов, Карамзин и Вильчковский;

[1447] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 756. Л. 5.

3) следствие привело к расколу в баргузинском бурятском обществе, произошло переплетение выдвинутых обвинений с борьбой за власть в ведомстве: разделение бурят на две партии, из которых одна изъявляла недовольство тайшой того времени Норбо Галсановым и Падерином Танхиным и чиновником Сахаром Хамнаевым. Они собрались около бывшего 2-го тайши Тангана Икинерова и просили в тайши сына Икинерова Тангана и бурята Бадму Чептонова, только от этой партии и исходили жалобы.

По итогам следствия дело было рассмотрено в Иркутском губернском совете. Губернский совет не признал жалобы братьев Ивана и Михаила Черных доказательными и правильными обвинениями против Хамнаева. Как отмечается в деле, «бурят Нодуева, Чебухаева, Семенова, Аюшаева и Дарсанова, жаловавшихся на делаемые им самим Хамнаевым и по влиянию родоначальниками разных стеснений и запрещение Хамнаевым бурятам торговать с купцами Черными при первых исследованиях жалобы этих бурят остались голословными и следствиями по ним обнаружено только: во-первых, разнообразные, при каждом опросе, показания этих бурят: несколько раз они показывали, что их купцы Черные научают выводить на Хамнаева и родоначальников разные злоупотребления, небывалые; потом несколько раз показывали, что Хамнаев и родоначальники научают их выводить это на Черных ложно»[1448].

Следующий момент, который вызвал у следствия сомнения в правдивости жалоб купцов Ивана и Михаила Черных – это то, что Михаил Черных, будучи баргузинским словесным судьей, не только принимал без всякого права объявления бурят с жалобами на родоначальников, но и позволял им во время самовольных отлучек из места жительства укрываться в Баргузинском словесном суде. Согласно статье 182 Устава 1822 г., инородцы не имели права без ведома родового управления отлучаться из мест кочевья на расстояние больше двух дней пути[1449], поэтому самовольные отлучки бурят из мест жительства и тем более их укрывательство судьей являлись незаконными. Действия Михаила Черных были квалифицированы как превышение власти по статье 380

[1448] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 756. Л. 4 об.–5.

[1449] Устав об управлении инородцев // ПСЗРИ-1. № 29126. 22 июля 1822 г. Т. 38. СПб.: 1830. С. 404.

Уложения о наказаниях: «Чиновник или иное должностное лицо признается превысившим власть ему вверенную, когда выступив из пределов и круга действий, которые предписаны ему по его званию, должности, месту или особенному поручению, учинит что-либо в отмену или вопреки существующих узаконений и учреждений, уставов или данных ему наставлений; или же вопреки установленному порядку предпишет или примет такую меру, которая не иначе может быть принята, как на основании нового закона; или присвоив себе право, ему не принадлежащее, самовольно решить какое-либо дело»[1450]. Как виновный в превышении власти он был подвергнут наказанию согласно статье 383 Уложения о наказаниях – отрешению от должности[1451].

Еще один факт, на который обратили свое внимание следователи – особенное отношение Ивана Черных к участи одного из бурят, жаловавшихся на незаконные действия С. Хамнаева. Это бурят Надуев, который находился в остроге за совершение преступления и которого выпускали из тюрьмы для написания жалобы на С. Хамнаева. Иван Черных обвинялся в том, что принимал его у себя на квартире, однако за его смертью дело было оставлено в окончательном положении, то есть дело было закрыто.

По всем этим обстоятельствам Иркутский губернский совет пришел к заключению, что купцы Иван и Михаил Черные «являются, хотя и не положительно, но вероятно зачинщиками смут между баргузинскими бурятами, а чиновник Хамнаев является лицом, которое Черные старались преследовать»[1452].

По следующему пункту обвинения об излишнем сборе податей с инородческого населения Баргузинского ведомства следователи выявили, что буряты предъявили свои претензии, кроме Сахара Хамнаева, на должностных лиц Баргузинской Степной думы Норбо Галсанова, Падерина Танхина, Сартала Букулиткенова, голов Дашевула Марлунова, Самбила Нохольджинова, Буту Балтаханова, Утохона Артакиева и старшину Дмитрия Будаева. Они обвинялись в том, что, по желанию С. Хамнаева, притесняют бурят и собирают излишние поборы, например, излишний сбор денег по 30, 35 и более руб. ассигнациями с души на постройку частного

[1450] Свод законов Российской империи, издания 1857 г. Т. XV. С. 108.
[1451] Там же.
[1452] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 756. Л. 4 об.

экономического магазина по проекту С. Хамнаева. Однако никто из них не согласился с обвинениями и не сознался в противозаконных сборах денег, и при отсутствии доказательств обвинения остались «голословными».

В ходе следствия выяснилось, что часть родоначальников, не обвиняемых бурятами в первоначальных жалобах, «сознались в производстве излишних поборов с бурят (перечисляются фамилии 21 должностного лица – прим. авт.), все они, подтвердив существование излишних поборов от 5 до 12 руб. ассигнациями с души, присовокупили, что они сборы производили по приказанию голов и старшин и часть таковых употребляли на исправление дороги, а часть сдавали головам; головы и старшины, что в родах их производились излишние поборы по распоряжению членов думы и часть их употреблялась на исправление дороги и другие расходы по повинностям и часть сдавали заседателю Букулиткановy на жалованье Хамнаеву и тайше Падерину и на постройку какого-то магазина; тайша Галсанов, что поборы производились с общего родовичей согласия. Такие сознания родоначальников, как согласных с деланными на них бурятами выводами и не разноречащих в главных их частях, можно было бы признать полным сознанием истины событий»[1453].

Однако в ходе следствия были допущены многочисленные процессуальные нарушения со стороны следователей. Так, следователь Вильчковский допустил при допросах свидетелей угрозы, «за не сознание в производстве поборов удалил от должности, а после сознания допускал к должностям»[1454]. К тому же должностные лица Степной думы при последующих допросах показали, что они вместе дали Вильчковскому 500 руб. серебром за прекращение следствия в их отношении.

Исходя из этого действия следователей «отнимают возможность видеть в этих показаниях искреннее сознание, учиненное под влиянием действий следователя, совершившихся в пределах, дозволенных следователю законом»[1455]. Следствие пришло к выводу, что «за всем тем единообразие показаний, как этих родоначальников, так и показаний многих бурят убеждает в мысли, что

[1453] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 756. Л. 8–8 об.
[1454] Там же. Л. 5–5 об.
[1455] Там же. Л. 7 об.

излишние денежные поборы в Баргузинском бурятском ведомстве существовали и употреблялись на вспоможение и отправление натуральных повинностей и виновными в этом должны оставаться означенные, сделавшие сознание родоначальники. Но эта вина их по соображении с IV приложением к 173 (183) статье Уложения о наказаниях не может быть отнесена в разряд тех преступлений, взыскания за которые налагаются на инородцев судом уголовным»[1456].

Важным моментом следствия явилось выявление факта неблаговидного облика многих жаловавшихся бурят, что стало предметом исследования чиновника Щукина. Он пришел к выводу, что действительно многие из них были замечены в совершении дурных поступков, которые подлежали бы взысканию по инородческим обычаям. Но передача дела этого на разбирательство родоначальников могло представить им повод к пристрастному преследованию жаловавшихся на них бурят, а бурятам – повод вновь жаловаться, поэтому делопроизводство Щукина было оставлено в окончательном положении, тем более что прошли все сроки давности.

По третьему пункту жалобы о выплате жалованья Сахару Хамнаеву также обвинения были признаны необоснованными.

Окончательное заключение по следственному делу в отношении Сахара Хамнаева было сделано Общим присутствием Забайкальского областного правления в сентябре 1858 г., что связано с передачей ведомства Верхнеудинского округа из Иркутской губернии в 1851 г. во вновь образованную Забайкальскую область, под ведение Областного управления[1457].

В заключении было отмечено: 1) оставить в окончательном положении обстоятельства: а) по выводам излишних поборов и разных притеснений на чиновника Сахара Хамнаева и родоначальников, не сделавших при следствии сознания, ибо выводы при не сознании обвиняемых и при не представлении к делу полных доказательств остались голословными; б) по частным претензиям бурят, ибо претензии те бездоказательны и не могут быть переданы на разбирательство родоначальников по соображениям Общего присутствия; в) по выводимым на жаловавшихся бурят

[1456] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 756. Л. 9.
[1457] ПСЗРИ-2. № 25394. Т. 26. СПб.: 1852. С. 476–479.

родоначальниками их дурным поступкам: ибо поступки тех бурят по соображениям Общего присутствия не подлежат ныне взысканию, не составляя преступлений уголовных»[1458].

Общим присутствием Забайкальской области было строго предписано «родоначальникам Баргузинского бурятского ведомства, чтоб отныне не осмеливались производить неустановленных правительством поборов»[1459].

В дальнейшем неоднократно предпринимались попытки отстранить Сахара Хамнаева от должности главного тайши. В 1859 г. Главное управление Восточной Сибири предписывает военному губернатору Забайкальской области разобраться с прошениями баргузинских бурят о злоупотреблениях С. Хамнаева. В ноябре 1861 г. буряты 1-го Чиндылдурского рода Пехей Степанов и Цыбык Муханов подали прошение исправляющему должность генерал-губернатора Восточной Сибири, как пишут баргузинские буряты, «на разные самоуправительные стеснения, делаемые будто бы им и всем вообще нашим инородцам неправильными действиями нашего Баргузинского главного тайши Сахара Хамнаева». В ответ на эту жалобу баргузинские буряты принимают в декабре 1861 г. общественный приговор о выселении «жалобщиков» из общества в другое отдаленное место и «тем избавить от напрасных и совершенно ложных их затеянностей».

В феврале 1862 г. принимается следующий общественный приговор о признании их обвинения «совершенно ложного и не заслуживающего никакого внимания, потому что ни один из нас на стеснения главного нашего тайши Хамнаева никогда их жалования не уполномочивали, и никто в этом не жалуется, и напротив еще все мы службой его остаемся во всех отношениях довольными, излишних поборах денежных так и других корыстолюбивых подарков Хамнаевым как сначала его службы, так и в настоящее время с нас никогда не вымогается, и принуждении к постройке собственно принадлежащих ему юрт бесплатно никогда им не производилось, равно и ныне таковых нет, а все объяснено в просьбе вышесказанных инородцев Пехея Степанова с товарищи по неблагонамеренному и совершенно худому их поведению сочинены ими, как мы полагаем, со злобным намерением повредить

[1458] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 756. Л. 12–12 об.
[1459] Там же. Л. 13.

доброму и честному имени нашего главного тайши, и потому они пущаются в разные несправедливые кляузы, некоторыми делаются лишь только между инородцами смуты под учением к подаче начальству таковых ложных жалоб на тайшу Хамнаева, как на лицо всем нам известное по своей совершенной честности и благонамеренности и против коего как мы, так и все общество наше не имеет никаких претензий, и все остаемся довольны благодарными управлением Хамнаева».

В 1862 г. в Забайкальское областное правление поступает жалоба от брата Николая Хамнаева, в феврале 1863 г. – жалоба Пехея Степанова, Джалсана Нохошкина и других на неправильное составление приговора об их переселении в другое ведомство, в марте 1863 г. – жалоба от Николая Хамнаева, Баная Унгунова и Ванюшки Балаганова на стеснения от главного тайши, жалоба от Намчи Имышкеева на действия должностных лиц, принуждавших подписывать общественный приговор о доброй нравственности С. Хамнаева, жалоба Ванюшки Балаганова на вторичный сбор хлеба в хлебозапасный магазин и т. д. В январе 1864 г. поступила жалоба военному губернатору Забайкальской области от матери С. Хамнаева – Санжит Чебулаевой на неправильные действия сына и с просьбой об отстранении от должности[1460].

В 1870 г. рассматривалось дело по жалобе бурят Баргузинского ведомства Николая Хамнаева и Ирдыни Октофеева в Министерство внутренних дел «на неправильные действия» главного тайши Сахара Хамнаева[1461]. По решению генерал-губернатора Восточной Сибири он был отстранен от своей должности на период проведения следствия. Только 21 августа 1873 г. решением генерал-губернатора Восточной Сибири Сахар Хамнаев был допущен к исполнению своих обязанностей, так как «…не обнаруживается никаких особенных злоупотреблений им, преступлений, а между тем, оставление Баргузинской Степной думы без главного родоначальника ведет к беспорядкам…»[1462].

Следующее громкое следственное дело о совершении должностного преступления велось в отношении Иннокентия Николаевича Муравьева, тайши Ольхонской Степной думы в 1836–1859

[1460] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7335. Л. 8–17.
[1461] ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1444. Л. 3.
[1462] Там же. Д. 1570. Л. 171.

гг.[1463] За время службы он получил благодарность от начальника Иркутской губернии за содействие и усердие при учреждении Ольхонского приходского училища (он уступил свой дом под училище на три года), был награжден серебряной медалью на Аннинской ленте[1464].

В 1859 г. на него поступили жалобы об излишних поборах, и по итогам проверки, проведенной асессором Иркутской казенной палаты Ларионовым, были выявлены серьезные нарушения. Так, из собранной бурятами ведомства суммы 25 654 руб. в подати и повинности (в среднем по 9 руб. с души) 6000 руб. были выданы тайше И. Муравьеву за постройку здания Степной думы хозяйственным способом. В ходе следствия путем опроса общественников выявляли, действительно ли сами буряты по своему желанию поручили построить здание Степной думы хозяйственным способом, есть ли на это общественный приговор общества ольхонских бурят, есть ли условия и из каких денег отдали И. Муравьеву за эту постройку. Общественники, представлявшие все роды Ольхонского ведомства, подтвердили, что они «по собственному желанию, по случаю затруднительности производить им самими натурой постройку здания думы предоставили тайше Муравьеву производить оную с уплатой без ведома думы и без всякого письменного условия 6000 руб. серебром»[1465].

Судя по документам, следствие велось в течение нескольких лет, с 1859 по 1864 гг., и поочередно рассматривалось в Иркутском губернском суде, затем в высшей инстанции суда – Правительственном Сенате. Все это время он содержался в иркутской тюрьме и ждал окончания следствия. Только в 1864 г. был оглашен приговор, согласно которому И.Н. Муравьев за излишние сборы со своего общества, произведенные им в 1859 г., был приговорен к наказанию в виде лишения «всех особых, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и всемилостивейше пожалованный ему серебряной медали для ношения на груди на Аннинской ленте с надписью «За усердие».

[1463] В Государственном историческом архиве Санкт-Петербурга хранится дело «Об излишних сборах, произведенных с инородцев Ольхонского ведомства тайшой Муравьевым (01.12.1861 – 04.06.1863)» (Ф. 383. Оп. 24. Д. 37274. 24 л.).

[1464] ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1211. Л. 28–28 об.

[1465] Там же. Д. 778. Л. 42 об.

Согласно статье 36 Уложения о наказаниях 1857 г., в которой говорится о местах ссылки в Сибири для жителей Иркутской губернии, была определена IV степень наказания: «Для жителей губерний Енисейской и Иркутской, области Забайкальской и градоначальства Кяхтинского, в область Якутскую»[1466], И.Н. Муравьев был приговорен к ссылке на жительство в Якутскую область с воспрещением всякой отлучки из места, назначенного для его жительства в течение одного года и потом выезда в другие губернии и области Сибири в течение четырех лет. Кроме этого наказания, согласно статье 63, в которой говорится о том, что «виновные в преступлении, причинившем кому-либо убытки, вред или обиду, сверх наказания, к коему присуждаются, обязаны вознаградить за сей вред, убыток или обиду, из собственного имущества, по точному о сем постановлению суда»[1467], на него была возложена материальная ответственность за совершенное противозаконное действие: «взыскать из имения Муравьева, какое окажется собственно ему принадлежащим, в пользу общества 9630 руб. 71 коп.»[1468].

Статья 64 Уложения о наказаниях предусматривала наказание для сообщников преступника: «Когда преступление учинено несколькими лицами и главные виновники не в состоянии вознаградить за причиненный вред, убыток или обиду, то следующие на вознаграждение денежная сумма присуждается с других участвовавших в преступлении»[1469]. По этой статье материальная ответственность была возложена и на членов думы как на сообщников – Имей Ангарова, Георгия Субанова и Пилата Шумакова, которые ранее уже были освобождены от занимаемых должностей.

Как должностному лицу, кроме общих мер наказания и взысканий, согласно статье 69 Уложения о наказаниях 1857 г., за преступления и проступки по службе Иннокентию Муравьеву полагалось следующее особенное наказание – удаление от должности[1470].

Однако, учитывая упадок хозяйства тайши И.Н. Муравьева в связи с его долгим содержанием в тюрьме, ольхонскому обществу дали право применить статью 66 Уложения о наказаниях, соглас-

[1466] Свод законов Российской империи, издания 1857 г. Т. XV. С. 8–9.
[1467] Там же. Т. XV. С. 15.
[1468] ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 437. Л. 10 об.–11.
[1469] Свод законов Российской империи 1857 г. Т. XV. С. 15.
[1470] Там же. С. 16.

но которой «виновные, не имеющие никаких средств к вознаграждению за причиненные ими вред, убыток или обиду, могут, если они не подвергаются наказанию уголовному, быть по требованию обиженной стороны, заключены в тюрьму, на основании общих правил о несостоятельных должниках»[1471]. Общественным приговором от 14 июля 1864 г. улусными доверенными, старшинами и почетными родовичами было принято решение о взыскании с И.Н. Муравьева, И. Ангарова, П. Субанова, П. Шумакова в пользу общества «по их видимой возможности и с общего согласия данной ныне подписке лишь только четыреста руб. серебром, которые представить своевременно в Иркутское окружное казначейство»[1472].

Интерес представляет следственное дело в отношении Хамагана Дамбуева, главного тайши Кударинской Степной думы. В феврале 1845 г. заседатель Осликовский написал рапорт иркутскому гражданскому губернатору на дерзкий характер Х. Дамбуева, на нарушения, допускаемые им в своей работе: 1) отправляет мальчиков вместо взрослых мужчин на дорожные работы; 2) письмоводителем думы работает человек без паспорта, некий Федоров. В ответ тут же следует предписание Верхнеудинскому земскому исправнику разобраться, так как «всякая невежливость со стороны тайши, а тем паче ослушание, неповиновение или дерзость, суть такие поступки, за которые, он, если окажется в том виновным, будет подлежать непременной ответственности по всей строгости законов»[1473]. В свою очередь, верхнеудинский земский исправник в донесении иркутскому гражданскому губернатору подтверждает, что поступки тайши Дамбуева сопровождались «непомерной дерзостью»[1474].

В 1851 г. против Хамагана Дамбуева были выдвинуты новые обвинения. В Главное управление Восточной Сибири поступила жалоба кударинских бурят на излишние поборы и кражи зерна в экономическом магазине. Расследование было поручено чиновнику особых поручений Главного управления Восточной Сибири Доржо Банзарову, который со всей тщательностью начал работу по проверке фактов, изложенных в жалобе. К чести тайши, ни

[1471] Свод законов Российской империи, издания 1857 г. Т. XV. С. 15–16.
[1472] ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 437. Л. 10 об.
[1473] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15577. Л. 4–5.
[1474] Там же. Л. 8.

одно обвинение не было подтверждено при спросе жителей ведомства. Вскоре дело было прекращено в связи со смертью Хамагана Дамбуева в августе 1852 г.[1475]

Вторая половина XIX в. также ознаменовалась многочисленными злоупотреблениями со стороны должностных лиц местного самоуправления бурят, связанных с излишними поборами, нарушением условий подряда, растратами общественных и казенных денег и др. Ярким наглядным примером нарушений условий подряда и материальной ответственности подрядчика – должностного лица являются события 1860–1866 гг., происходившие в Аларском ведомстве. В данном случае речь идет о материальной ответственности должностных лиц бурятского самоуправления по гражданским делам, в частности по нарушениям условий подрядов на поставку материалов, припасов и вещей, в результате которых был причинен материальный ущерб государственной казне.

Важные вопросы по подрядам и поставкам регулировались на основании высочайше утвержденного «Положения об обязательствах, заключаемых с торгов между казной и частными людьми по подрядам, поставкам, по содержанию оброчных статей и продажам казенных движимых имуществ» от 17 октября 1830 г.[1476] и Положением о подрядах и поставках Свода гражданских законов 1832 г.[1477]

Согласно Положениям о подрядах, предметом подряда могли быть «всякого рода предприятия, непротивные законам, как то: 1) постройка, починка, переделка и ломка зданий, и вообще производство всяких работ; 2) поставка материалов, припасов и вещей; 3) перевозка людей и тяжестей, сухим путем и водой»[1478]. Совершение и исполнение подряда проводились по договорам, написанным по определенной форме на установленной гербовой бумаге. Договоры подряда должны были содержать дату заключения, все данные договаривающихся сторон, предмет, сроки, цену и другие условия подряда, личные подписи. Обязательным условием была регистрация договоров подряда в присутственных местах.

Важным пунктом Положения о подрядах было условие поручительства договоров подряда, вводимое с целью повышения

[1475] ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7042. Л. 1–3.
[1476] ПСЗРИ-2. № 4007. Т. 5. СПб.: 1831. С. 149–168.
[1477] Свод законов Российской империи 1832 г. Законы гражданские и межевые. Ст. 1102–1326. СПб.: 1835. С. 275–318.
[1478] Там же. С. 275.

ответственности договаривающихся сторон: в случае невозможности исполнения условий подряда все обязанности по их выполнению переходили к залогодателям и поручителям[1479]. В случае заключения договоров подряда с обществами, в том числе инородческими, поручителями становились все члены общества по принципу «один за всех и все за одного».

Галсан Баторов как доверенный от инородцев Аларского бурятского ведомства Балаганского округа Иркутской губернии заключил контракты в Иркутской полевой провиантской комиссии в мае 1860 г. и июне 1861 г. на поставку свежего мяса, солонины и говяжьего сала для портов Восточного океана на 1861–1862 гг., при этом он авансом получил всю сумму подрядных денег. Однако эти обязательства на сумму 22141 руб. 79 ½ коп. Г. Баторов не смог выполнить, как он впоследствии объяснял, по причине сильного разлива реки Амур, во время которого погибли сплавлявшийся им рогатый скот и прочие товары.

Хотя в ходе проведенного следствия остальные подрядчики подтвердили показания Г. Баторова, тем не менее он не смог представить никаких «установленных законами доказательств», к тому же к 1863 г. надобность в подрядах отпала. В связи с этим в декабре 1863 г. генерал-губернатор Восточной Сибири предписал взыскать с «Галсана Баторова и его доверителей сумму невыставленных припасов и материалов, т. е. 22141 руб. 79 ½ коп.».

Надо отметить, что кроме решения вышестоящих властей о взыскании всей суммы подрядных денег, Галсан Баторов сразу был освобожден от занимаемой должности главного родоначальника аларских бурят, которую получил по наследству от своего отца Павла Ивановича Толстого (Баторова). Как отмечается в общественном приговоре аларских бурят, «Баторов состоит под следствием за разные злоупотребления по должности и ни в каком случае уже не может быть тайшой»[1480].

Для исполнения этого предписания Иркутской полевой провиантской комиссией через иркутское губернское начальство было сделано соответствующее распоряжение Аларской Степной думе о наложении ареста на имущество должника до окончательного взыскания суммы. В марте 1865 г. по предписанию Балаганского зем-

[1479] Свод законов Российской империи 1832 г. С. 312.
[1480] ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 405. Л. 108.

ского суда было описано имущество Галсана Баторова на общую сумму 698 руб. 60 коп., которое передавалось на хранение «Баторову с росписью по описям и особой подпиской о том, дабы Баторов не осмеливался оное тратить и подменивать вещи под ответственностью по закону»[1481]. Аларской Степной думе было также предписано «иметь через своих членов бдительное наблюдение за Баторовым, дабы он отнюдь не осмеливался мотать или тратить описанное у него имущество впредь до распоряжения высшего начальства и в случае малейшего поползновения его к расточительности тот час же прекратить его действие, приставив особый надзор и донести в то же время для дальнейших с моей стороны распоряжений»[1482].

Следующим шагом по взысканию суммы долга с Г. Баторова стал общественный приговор доверенных лиц от 1491 инородца Аларского ведомства от 27 июня 1865 г. о решении разложить взыскиваемую сумму на все общество по принципу поручительства «один за всех и все за одного». В этом приговоре, засвидетельствованном установленным порядком, доверители Баторова, «опасаясь неизбежного разорения от взыскания с них столь значительной суммы и имущества, заключающегося преимущественно в предметах их хозяйств, просили отменить эту меру и уплату денег, рассрочить на три года с уплатой в каждый год по 7380 р. 59 коп. в год или хлебом в соответствующем на сию сумму количестве, со сдачей оного в провиантское ведомство, по ценам, какие состоятся на торгах в Иркутском губернском совете; исправное же выполнение его обязательства обеспечивают они круговым друг по друге ручательством»[1483].

М.С. Корсаков, генерал-губернатор Восточной Сибири, подробно изучив общественный приговор аларских бурят, пришел к выводу: во-первых, «подрядчик Баторов и его доверители сделались неисправными в выполнении своих обязательств по причине, подтверждающейся справками и следовательно могущей вполне освободить их от взыскания, если исполнителей подряда не упустим при этом случае заявить доказательства свои непременно и по форме»; во-вторых, взыскание 22 с лишним тысяч руб. с 1500 человек кочующего народа «посредством описи и распродажи их

[1481] ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 404. Л. 1.
[1482] Там же. Л. 1–1 об.
[1483] Там же. Д. 401. Л. 1.

имения при тех особых положениях, которые на этот предмет существуют для инородческих обществ, было бы средство не совсем надежное и продлилось бы не менее трех годов»[1484].

Особенно обеспокоило М.С. Корсакова опасение, чтобы, с одной стороны, «мера такового взыскания относительно людей не совсем еще знакомых с законами государства, под покровительство которого они столь недавно отдались, не возымели на инородцев вообще чересчур сильного влияния, с другой, чтобы последствия этих распоряжений, грозящих аларским бурятам разорением, не охладили стремления как их, так и тех прочих бурятских обществ к жизни хозяйственной и оседлой, с которой они начинают свыкаться»[1485].

Исходя из таких соображений, М.С. Корсаков представил на рассмотрение управляющего Морским министерством свои предложения о разрешении аларским бурятам уплаты следующих Морскому ведомству 22141 руб. 79 ½ коп. с рассрочкой на три года, предоставить им возможность вносить взыскиваемые суммы наличными деньгами по 7380 руб. 59 коп. или же принимать от них хлеб на соответствующую сумму ежегодно к ноябрю (к окончанию торгов на хлеб в Иркутском губернском совете) на следующих условиях:

1) за хлеб на сумму 7380 руб. 59 коп. провиантское ведомство будет платить деньги по ценам, которые состоятся на торгах ежегодных в Иркутском губернском совете, за поставку хлеба в магазины Иркутского и Балаганского округов и будут утверждены генерал-губернатором Восточной Сибири, если же на торгах в Совете никаких цен открыто не будет, то по ценам, назначенным вообще к руководству на приобретение комиссионерам или другим способом;

2) окончательный срок на поставку хлеба будет назначаться не позже трех месяцев со дня объявления цен и заключения контрактов, в случае неисправности в поставке провианта оставалось еще достаточно времени на приобретение оного, попечением казны без расходов, превышающих законную неустойку со стороны поставщиков инородцев Аларского ведомства;

3) уплату денег Провиантское ведомство будет производить Морскому министерству ежегодно по окончательном поступлении хлеба в провиантские магазины;

[1484] ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 401. Л. 1.
[1485] Там же. Л. 2.

4) при неисправности поставки хлеба аларскими инородцами Провиантское ведомство будет покупать оный по возможным ценам и передачу при этом случае обратить на счет суммы, составляющей неустойку по их подряду, а затем примутся решительные меры о взыскании следующих Морскому ведомству денег в полном количестве посредством описи и распродажи имения должников с аукционного торга[1486].

На основании такого ходатайства генерал-губернатора Восточной Сибири Морское министерство отношением от 8 февраля 1865 г. разрешило уплату числящегося на аларских инородцах взыскания с рассрочкой на три года, начиная с 1865 г., на следующих условиях:

1) уплату производить или наличными деньгами по 7380 р. 59 к. в год, или соответствующим этой сумме количеством хлеба;

2) наличные деньги ежегодно вносить к 1 ноября, а хлеб ставить не позже трех месяцев со дня объявления цен;

3) хлеб принимать от инородцев по ценам, какие состоятся в Иркутском губернском совете на поставку хлеба в провиантские магазины; если же в Совете цен открыто не будет, то по ценам, назначенным вообще к руководству на приобретение провианта комиссионерским или другим способом;

4) в случае неисправности аларских инородцев во взносе к сроку денег или в поставке хлеба следующего к расчету к тому сроку сумму взыскать с них на законном основании через продажу их имущества[1487].

Впоследствии вся взыскиваемая с бывшего тайши Галсана Баторова сумма была разложена на всех жителей Аларского ведомства и в течение 1866–1868 гг. была уплачена в Иркутское губернское казначейство[1488].

Таким образом, должностные лица местного самоуправления бурят в XIX в. несли ответственность по административным, гражданским и уголовным делам. Особым видом являлась материальная ответственность должностных лиц по гражданским делам, в частности по договорам подряда с казной. Должностные лица не только освобождались от своей должности, но и обязаны

[1486] ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 401. Л. 3.
[1487] Там же. Л. 3–4.
[1488] Там же. Л. 81–81 об.

были возместить весь ущерб, причиненный казне, а при невозможности личного возмещения сумма раскладывалась на все общество и взыскивалась в обязательном порядке.

В связи с этим забайкальский областной прокурор, проводя следствие в 1889 г. в отношении Семена Хамаганова, головы Абазаевского рода Кударинской Степной думы, за должностное преступление, поднял вопрос о подсудности должностных лиц инородческого управления, какому именно суду они должны быть переданы – губернскому или окружному. До этого времени они судились Иркутским губернским судом, хотя становые и волостные начальники, власть которых не ниже инородческих, предавались суду Забайкальского окружного суда.

Общее присутствие Забайкальского областного управления, рассмотрев на своем заседании 7-8 марта 1889 г. данный вопрос, пришло к заключению о признании инородческих начальников подсудными по преступлениям должности Забайкальскому окружному суду и представлении этого заключения на рассмотрение приамурского генерал-губернатора.

В свою очередь, 12 октября 1890 г. приамурский генерал-губернатор представил рапорт о подсудности инородческих начальников в Правительствующий Сенат, который своим указом от 24 апреля 1893 г. приказал приравнять инородческих начальников к должностным лицам волостного и сельских управлений и определил, что они могут судиться окружными судами[1489].

30 ноября 1892 г. Иркутское губернское правление было вынуждено опубликовать письмо о недопущении злоупотреблений со стороны инородческих властей: «Дознания, производимые по обвинению инородческих властей в злоупотреблениях по службе, обнаруживают в большинстве случаев, что власти эти по отсутствию за ними со стороны окружной администрации должного надзора, не только вредно влияют на общественные инородческие дела, но это влияние крайне неблагоприятно отражается на материальных интересах инородцев, порождая в особенности там, где должность головы соединена с обязанностями казначея, растраты общественных сумм и производство таких, ни в чем не оправданных расходов»[1490].

[1489] ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д-во 1. Д. 23. Л. 6–7.
[1490] ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 6. Л. 123 об.

Буряты 1-го Абаганатского рода жаловались в инородную управу на помощника родового старосты Бардоя Маргадашкинова на излишние поборы при сборе податей и ходатайствовали о привлечении его к ответственности. Инородная управа провела дознание, опросив 35 человек, взяла объяснение с самого Маргадашкинова и выяснила, что за обвиняемым нет вины, так как он взял 300 рублей в долг под проценты у купца Синицына на уплату податей и должен был вернуть 375 руб.[1491].

У царской администрации было двойственное отношение к нарушителям – должностным лицам. Они достаточно либерально относились к тем должностным лицам, кто обворовывал своих соплеменников, и практически не реагировали на жалобы инородцев, связанные с притеснениями их «почетными родовичами». Редкие дела о наказаниях должностных лиц за притеснения сородичей доходили до суда. Так, в 1880 г. Иркутский губернский суд признал виновным помощника старосты Барун-Хоацайского рода Кялинской инородной управы О. Куринова в истязании Н. Сундуева (по крещении Константина Литвинцева) и приговорил к заключению в тюрьму на четыре месяца[1492]. В то же время жестко спрашивали с тех, кто нарушал предписания царской администрации, не выполнял контракты по поставкам товаров в казенные предприятия, халатно относился к выполнению уртонной повинности, допускал недоимки по уплате податных сборов и растрату казенных денег[1493].

В 1895 г. Иркутским губернским правлением было возбуждено следствие по обвинению головы Аларской инородной управы Михаила Бадмаева в излишних поборах денег на отнесение междудворной гоньбы. В ходе следствия был опрошен 61 человек. Все они перед дачей свидетельских показаний давали клятвенное обещание следующего содержания: «Я обещаюсь и клянусь Всемогущим богом, перед Святым его Евангелием и Животворящим крестом, что, не увлекаясь ни дружбою, ни родством, ниже ожиданием выгод, или иными какими либо видами, я по совести покажу в сем деле сущую о всем правду и не утаю ничего мне известного, памятуя, что я во всем этом должен буду дать ответ пред законом

[1491] ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 167. Л. 4–7.
[1492] ГАРБ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 41. Л. 7.
[1493] Даржаев С.Ю. Степные Думы – органы самоуправления бурят в Российском государстве (1822–1904 гг.). Улан-Удэ: 2001. С. 72.

и пред Богом на страшном суде его»[1494]. В результате следственных мероприятий выяснили, что деньги на междудворную гоньбу собирались с согласия общества, на добровольной основе, никакого присвоения денег не было. М. Бадмаев в своем объяснении показывал, что такие сборы денег практиковались с давних лет, за год работы в должности головы ему не удалось прекратить такие сборы. Вины своей он не признал, считая это происками своих противников. По приказу Иркутского губернского правления он был отстранен от занимаемой должности и заключен на семь суток ареста при Иркутском полицейском управлении[1495].

В марте 1906 г. крестьянский начальник 5-го участка своим постановлением наложил запрет на недвижимость и арест на движимое имущество головы Абаганатской инородной управы Алексея Убогонова, который оказался «должным казенных и общественных денег в сумме 1123 руб. 99 коп.»[1496].

Казначей Абаганатской инородной управы П. Осипов растратил 1168 руб. 08 коп. общественных и казенных денег, и вся сумма была взыскана мерами полиции и внесена в казначейство[1497]. Буряты 1-го Абаганатского рода написали жалобу на действия родового старосты Алексея Забинова, обвиняя его в мошенничестве. Благодаря своей грамотности и знанию русского языка он выступал в роли «адвоката, занимаясь с большим умением ссорами и мирением бурят между собой»[1498] за оплату.

В 1906 г. распоряжением крестьянского начальника 5-го участка были освобождены от занимаемых должностей за «неправильные действия» исполняющий должность головы П. Осипов и староста 1-го Абаганатского рода А. Забинов[1499].

Не только бурятские ведомства отличались громкими следственными делами в отношении должностных лиц. В 1871 г. Михаил Гантимуров, отставной зауряд-хорунжий, обратился в Забайкальское областное правление с жалобой на различные злоупотребления начальника тунгусских родов Петра Гантимурова, своего двоюродного брата. Забайкальское областное правление

[1494] ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 384. Л. 55.
[1495] Там же. Л. 192–195.
[1496] ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 100. Л. 6.
[1497] Там же. Д. 105. Л. 6.
[1498] Там же. Д. 86. Л. 101–104.
[1499] Там же. Д. 100. Л. 27–28.

поручает Читинскому окружному полицейскому управлению произвести следствие по жалобе, однако инородные управы своими общественными приговорами засвидетельствовали несправедливость жалоб М.С. Гантимурова[1500].

Нами рассмотрены только несколько следственных дел, получивших широкий резонанс в Иркутской губернии и Забайкальской области, а некоторые дела доходили даже до Правительствующего Сената. Основной причиной этих нарушений, на наш взгляд, послужил сам закон, по которому жили бурятские ведомства – это Устав об управлении инородцев 1822 г. Статьи об общественном характере службы должностных лиц бурятских органов местного самоуправления XIX в., предполагающие их деятельность без соответствующей оплаты, финансово-хозяйственная самостоятельность бурятских ведомств со своими системами содержания степного управления приводили к бесконтрольности расходования этих средств. Многочисленным нарушениям способствовала фактически самостоятельная судебная система в бурятском обществе, не позволявшая выносить за пределы ведомства ни жалоб, ни прошений со стороны потерпевших.

Таким образом, на основании изучения судебных дел инородных управ можно выявить характер преступлений и правонарушений, их расследование и судопроизводство, которые строились на основе норм обычного права. В судопроизводстве бурятских инородных управ наиболее часто представлены дела по взаимным финансовым и хозяйственным претензиям, уплате калыма, семейным разводам с разделом имущества, расследованию краж скота и имущества, и они же являются наиболее разработанными в обычном праве.

Хотя российское законодательство дореволюционного периода осторожно подходило к включению обычаев и традиций сибирских инородцев в общероссийское правовое поле, они признавались российскими судами. Устав 1822 г. законодательно признал юридическую силу норм обычного права с перспективой их кодификации, закрепил особое правовое положение для сибирских народов. Юридическое признание норм обычая давало сибирским инородцам право вести судопроизводство по своим законам. Из ведения инородческих судов словесной расправы были изъяты такие уголовные дела, как убийство, грабеж, изготовле-

[1500] ГАЗК. Ф. 55. Оп. 3. Д. 59. Л. 11.

ние фальшивой монеты, похищение казенного и общественного имущества. Остальные правонарушения и преступления рассматривались как маловажные, исковые и подлежали рассмотрению инородческими судами. Инородная управа как вторая степень суда словесной расправы разбирала дела между людьми разных улусов или же в случае неудовлетворенности решением суда первой степени словесной расправы – родового управления и была фактически высшей ступенью инородческого суда.

С середины XIX в., под влиянием экономических и политических изменений, происходивших в российском обществе, инородческое самоуправление, инородческий суд и судопроизводство перестали отвечать изменившимся условиям. Как следствие, наблюдается огромное количество нарушений в управлении, хозяйственной деятельности, которые невозможно было решить с помощью инородческих законов. В частности, к таковым относятся следственные дела в отношении должностных лиц местного самоуправления.

На наш взгляд, кризис инородческой судебной системы был вызван тем, что:

во-первых, родовые управления и инородные управы, составлявшие две степени словесной расправы инородцев, образовывались из лиц, избираемых родовичами из своей среды или же получавших наследственно звания головы и старосты, что при общем низком уровне умственного и нравственного развития инородцев не обеспечивало правильного и беспристрастного рассмотрения возникавших среди инородческого населения гражданских дел;

во-вторых, нормы обычного права, на основании которых разрешались все гражданские дела, уже не отвечали изменившимся условиям быта населения и утрачивали свое практическое значение;

в-третьих, инородческие суды, основывавшиеся на нормах обычного права, отличались медлительностью судопроизводства и подчас несправедливым разрешением дел[1501].

Судебная реформа 1864 г. также не внесла ничего нового в инородческий суд, и только в начале XX в. инородческие суды были упразднены при проведении волостной реформы[1502].

[1501] «О предстоящем преобразовании судебной части по делам инородцев» // Забайкальские областные ведомости. 29 ноября 1896 г. № 48. С. 7–8.
[1502] ПСЗРИ-3. № 19984. Т. 21. СПб.: 1903. С. 254.

Глава VII. Социальная политика органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.

§ 1. Общественная и частная благотворительность в области народного образования и здравоохранения

Важное место в деятельности органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. занимала социальная политика, проводимая в области призрения, развития народного образования, здравоохранения, задачами которой было проведение мероприятий, направленных на жизнеобеспечение, благосостояние, социальную безопасность, на улучшение качества и уровня подведомственного населения. В социальной политике четко разграничивались две составляющие – государственное и общественное.

Инородческие органы самоуправления имели широкий круг обязанностей. Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской в своем отчете за 1883–1885 гг. отмечает: «…Степные думы, которые должны были стать лишь хозяйственными инстанциями, вроде земских управ, со временем стали полновластными хозяевами и руководителями быта бурят. Они очень умно и искусно ведут дела своего маленького государства, быстро и аккуратно выполняют все требования местного начальства, предотвращая тем самым вмешательство в их внутренние дела»[1503].

Таким образом, социальная политика, включавшая в себя развитие образования, здравоохранения, заботу о сиротах, престарелых и нуждающихся членах общества, участие в благотворительных акциях в государстве, становится одним из главных направлений деятельности органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.

Основными источниками социального развития в бурятских ведомствах являлись частные пожертвования богатых членов обществ и часть сборов на так называемые внутренние повинности,

[1503] Мантурова С.Ч. Указ. соч. С. 155.

которые собирались помимо платежей и повинностей. Из общей суммы налогов затраты на общественные нужды самого бурятского населения были незначительны. В основном они расходовались на содержание приходских училищ, тюремных помещений, экономических хлебозапасных магазинов и т. д.

Развитие народного образования

Значительная часть средств из внутренних повинностей выделялась на нужды народного образования. После принятия устава школ 1804 г. стали открываться приходские училища. В течение первой половины XIX в. у бурят было открыто значительное по тому времени количество приходских училищ: в 1804 г. – Балаганское, в 1806 г. – Онинское, в 1816 г. Идинское и Тункинское, в 1818 г. – Селенгинское, в 1835 г. – Аларское, в 1842 г. – Агинское, в 1844 г. – Баргузинское[1504]. В связи с тем, что уставы школ 1804 и 1828 гг. не предусматривали содержание училищ за счет государства, они содержались за счет общества или частных лиц.

М.Н. Хангалов высоко оценивал инородческие училища: «Народные училища действительно становятся рассадником народного образования, доступного каждому русскому и буряту», при этом указывал на проблемы инородческого образования. Во-первых, недостаток училищ, во-вторых, их неудобное расположение. Приходские училища открывались возле Степных дум и были недоступны из-за своей отдаленности. Необходимо было найти квартиры для учащихся, обеспечить питанием и т. д. Немногие родители могли себе позволить оплатить за обучение 6-8 руб. в месяц, за уход и квартиру от 7 руб. до 11 руб. Поэтому большинство учеников обучались за счет общества. Так, в 1871 г. верхоленские буряты общественным приговором решили выделить на содержание 20 учеников 725 руб. 20 коп. Было решено собрать эту сумму с 5920 ревизских душ по 12 ¼ коп.[1505]

Как считает В.И. Андреев, исследовавший историю бурятских приходских училищ в первой половине XIX в., первые училища открывались по инициативе бурятских родоначальников, озабоченных собственными интересами – «казаться в глазах иркутского высшего начальства сторонником и зачинателем «новшеств» среди бурят», а с другой стороны, открытие училищ было продиктовано необходимостью подготовки кадров для бурятского инородческо-

[1504] Очерки истории культуры Бурятии. Улан-Удэ: 1972. Т. 1. С. 209.
[1505] ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1207 а. Л. 2–2 об.

го управления[1506]. Незнание русского разговорного языка и русской грамоты серьезно затрудняло ведение делопроизводства и общение бурятских родоначальников с представителями русской власти.

Одно из первых бурятских училищ было учреждено в Хоринском ведомстве по инициативе главного тайши Галсана Мардаева. Онинское приходское училище было открыто 26 января 1806 г., содержалось за счет денег, собираемых обществом хоринских бурят, кроме налогов, на свои внутренние нужды. Средств собиралось недостаточно, и это сказывалось на материальном положении училища. В 1844 г. здание Онинского училища описывалось таким образом: «Один деревянный дом, ветхий, покрытый драньем и с крыльцом, покрытым тоже драньем. В нем одна комната для учащихся, вторая для учителя с переборкой, одна прихожая, одни сени и один чулан. Во всем здании девять окон, из коих оконьев со слюдой семь, а остальные без оных, ставней пять, из которых три с запором, железных печей две со вьюшками чугунными, но без заслонок, дверей пять, все они на крючьях и петлях железных».

Надо отметить, что свою лепту в распространение образования среди бурят внесли члены Лондонского миссионерского общества пасторы Э. Сталибрас и В. Сван, обосновавшиеся в Хоринском ведомстве. Они устроили свое местопребывание на р. Кудун, близ буддийской кумирни в 15 верстах от Степной думы и на р. Ана. С 1828 г. начиналась их деятельность по устройству миссионерского стана с удобными помещениями для себя, прислуги и училища, а главное – изучение бурятского языка, перевод на местный язык святого писания, знакомство с бурятами.

Для обучения грамоте они приглашали мальчиков и девочек преимущественно из бедных и многолюдных семейств и брали их на полное содержание: выдавались национальная одежда и пища. В Кудунском училище обучалось от 20 до 30 мальчиков и до 10 девочек, а в Анинском – до 20 мальчиков и до пяти девочек. За время своей деятельности миссионеры заслужили любовь и расположение к себе бурят своим гостеприимством, ласковым обхождением и щедростью[1507].

Важное значение в развитии инородческого образования имело решение заседания Совета министров народного просвещения от 2 фев-

[1506] Андреев В.И. Бурятские приходские училища в первой половине XIX в. Иркутск: 1957. С. 8–9.

[1507] ИЕВ. 13 июля 1891 г. № 28. С. 4–11.

раля 1870 г., которое определило главные начала, на которых должна быть устроена система образования инородцев. Для инородцев целью начальных школ должны были стать: 1) их религиозно-нравственное образование и утверждение в православной вере, а также обрусение путем утверждения в православной вере и ознакомления с русским языком; 2) общим в системе образования должно быть следующее: а) орудием для первоначального обучения должно быть родное наречие; б) учителя должны быть из самих инородцев, хорошо знающие русский язык, или же русские, владеющие местным наречием; в) должно быть обращено внимание на женское образование[1508].

В 1844 г. было открыто Баргузинское бурятское приходское училище с разрешения иркутского гражданского губернатора, содержалось за счет суммы общественного сбора на внутренние повинности баргузинских бурят и обслуживало селения Улюн, Сэмо, Чечето, Топуха, Алачи, Бархан, Дагальжин, Улзаха, Ярикта, Букцыхен[1509]. Инициатором его учреждения являлся помощник главного тайши Сахар Хамнаев, и им же был пожертвован дом под училище. Училище находилось при думе в селении Улюнском. Дом был площадью 5х3 ½ кв. саженей, состоял из трех комнат с прихожей, одной печки, восьми окон с одинарными рамами, шести дверей[1510]. Училище подчинялось директору народных училищ Забайкальской области. В училище принимали мальчиков не моложе восьми лет и девочек не старше 11 лет[1511].

Первым учителем Баргузинского бурятского приходского училища был Алексей Корнильцев, «бурят, 20 лет от роду, веры греко-российской, сын казака Сартолова полка Троицкосавского пограничного войска», выпускник Троицкосавской войсковой русско-монгольской школы. В своем письме штатный смотритель училищ Верхнеудинского округа пишет ему: «…определив вас учителем вверенного вам Баргузинского бурятского приходского училища, я уверен, что вы употребите труд и оправдаете избрание начальства, заставите самих инородцев сознаться в ценности открытого заведения, имеющего принести общественную пользу…»[1512].

[1508] ИЕВ. Прибавления. 19 декабря 1870 г. № 51. С. 609–615.
[1509] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1626. Л. 13.
[1510] Там же. Д .1902. Л. 21.
[1511] ГАРБ. Ф. 266. Оп. 1. Д. 60. Л. 2–2 об.
[1512] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2304. Л. 36–36 об.

В списке учителей приходского училища также имена братьев Сахаровых Александра и Николая, внесших значительный вклад в развитие образования баргузинских бурят. Они были людьми разносторонних интересов, выписывали самую различную литературу по географии, истории, праву, анатомии, биологии, самоучители разных языков, которые выписывались из Санкт-Петербурга[1513]. Почетными блюстителями училища являлись уважаемые лица, так, главный тайша Ринчин Сотиев был почетным блюстителем Баргузинского бурятского приходского училища. Почетный блюститель должен был вносить взнос в пользу училища в размере 25 руб. в год[1514]. На летние каникулы дети распускались с 15 апреля по 1 октября[1515].

Список учителей Баргузинского бурятского приходского училища в разные годы

Годы	Фамилия, имя учителя
1844 г. – декабрь 1851 г.	Алексей Корнильцев[1516]
Декабрь 1851 г. – август 1856 г.	Аюши Дашицыренов, урядник 5-го полка Забайкальского казачьего войска[1517]
Август 1856 г. – 1865 г.	Цэдэбжаб (Александр) Сахаров (сын главного тайши Сахара Хамнаева)
1865 г.	Николай Сахаров (сын главного тайши Сахара Хамнаева)
Февраль 1880 г. – сентябрь 1881 г.	Терентий Николаев
Сентябрь 1881 г. – август 1882 г.	Иннокентий Чикинев
Август 1883 г.	Большаков Георгий Кузьмич[1518]
Сентябрь 1883 г.	Сестринский Михаил Федорович[1519]
Октябрь 1883 г. – 1893г.	Большаков Георгий Кузьмич
Август 1894 г. – 1902 г.	Шубин Вонифатий Сидорович[1520] С 1896 г. назначен второй учитель Гальчеев Ампил Галсанович[1521]

[1513] ГАРБ. Ф. 266. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–1 об.
[1514] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2100. Л. 36–36 об.
[1515] Там же. Д. 1289. Л. 5–5 об.
[1516] Там же. Д. 229. Л. 24–25.
[1517] Там же. Д. 303. Л. 2.
[1518] Там же. Д. 2033.
[1519] Там же. Д. 2033.
[1520] Там же. Д. 231. Л. 35.
[1521] Там же. Д. 2658. Л. 75.

На начальном этапе деятельность приходского училища столкнулась с разными препятствиями, о которых пишет в своем донесении в Баргузинскую Степную думу учитель Александр Сахаров 15 февраля 1863 г.: «Я с готовностью старался бы обучить как можно больше бурятских детей грамоте, чтобы из таковых впоследствии вышли бы полезные люди обществу…, но этого не могу достигнуть, во-первых, по несвоевременной явке учащихся в училище, во-вторых, по недостатку учебных пособий, в-третьих, главная причина, уклончивость здешних бурят от образования, не отдача детей в училище»[1522]. Он просит членов Степной думы обеспечить явку учеников, докупить необходимые учебные пособия, оснастить классную комнату необходимым оборудованием.

Степная дума вместе с учителем решали вопросы обеспечения учащихся учебными пособиями, книгами, мебелью. Так, в 1872 г. в училище имелись два стола с двумя скамейками для учеников, учительский стол и стул, одна треножа для классной доски. Из учебных пособий имелись: станок для гимнастических упражнений, черная доска, карта Российской империи в раме, карта Азиатской России и т. д. Из книг имелись: шесть экземпляров русских букварей и азбук, четыре арифметики, 15 прописей и т. д.[1523]

Баргузинское приходское училище обслуживало 10 улусов: Улюн, Сэмо, Чечето, Топука, Алачи, Бархан, Дагальжин, Улзаха, Ярикта, Буксыкэн. В училище принимали мальчиков не моложе восьми лет, девочек не старше 11 лет. Несмотря на препятствия, численность учащихся приходского училища увеличивалась с каждым годом, что свидетельствовало о возрастающем стремлении бурят к получению образования. Так, в январе 1847 г. в училище обучалось 16 мальчиков в возрасте от 11 до 19 лет, из них два мальчика были детьми родоначальников Н. Галсанова и Б. Танганова, в 1867 г. их становится 15, в 1884 г. – 22 мальчика, в 1902 г. – 44 мальчика и 1 девочка. К концу XIX в. среди учащихся уже числились дети русских и тунгусов[1524]. Возраст учащихся Баргузинского бурятского приходского училища варьировал от 11 до 20 лет[1525].

[1522] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1088. Л. 1–2об.
[1523] Там же. Д. 1902. Л. 19–21.
[1524] ГАРБ. Ф. 266. Оп. 1. Д. 44. Л. 51.
[1525] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2100. Л. 45–46.

Годы	Количество детей в училище
1850 г.	11 мальчиков[1526]
1859 г.	15 мальчиков (список)[1527]
1866 г.	13 мальчиков (список)[1528]
1867 г.	15 мальчиков (список)[1529]
1874 г.	15 мальчиков, 2 девочки[1530]
1876 г.	13 мальчиков[1531]
1884 г.	22 мальчика (список)[1532]
1895 г.	33 мальчика[1533]
1902 г.	44 мальчика, 1 девочка[1534]

Общество поощряло самых способных учеников, так, в 1849 г. в присутствии всех учеников Цырен Жабу Сахарову был вручен похвальный лист, Цыден Жабу Сахарову – книга по российской истории, Сыжипу Цыдыпову – учебник по грамматике. Эти награды они получили по предписанию штатного смотрителя училищ Верхнеудинского округа Д.П. Давыдова по итогам личной ревизии, проведенной 29 марта 1849 г.[1535]

Полный курс учебы продолжался четыре года, все учащиеся обучались в одном классе. Основными предметами были: русско-монгольская грамматика, арифметика, чистописание. В 1869 г., благодаря усилиям Николая Сахарова, были введены дополнительные занятия: наглядное обучение естественной истории и гимнастические упражнения на параллельных брусьях[1536]. После окончания училища ученики сдавали экзамены в присутствии почетного блюстителя и по желанию и по возможностям родителей направлялись на дальнейшую учебу в Баргузинское приходское училище или же в Верхнеудинское уездное училище. По желанию

[1526] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 229. Л. 24–25.
[1527] Там же. Д. 808. Л. 22.
[1528] Там же. Д. 1289. Л. 12.
[1529] Там же. Д. 2778. Л. 9.
[1530] Там же. Д. 1660. Л. 8.
[1531] Там же. Д. 1789. Л. 4 об.
[1532] Там же. Д. 2100. Л. 45–46.
[1533] Там же. Д. 2392. Л. 67.
[1534] Там же. Д. 2658. Л. 71–72.
[1535] ГАРБ. Ф. 266. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.
[1536] Там же. Д. 25. Л. 51 об.

Сахара Хамнаева трое его сыновей обучались в Верхнеудинском уездном училище, двое из них, Александр и Константин, стали впоследствии главными тайшами, там же учился и Иринчин Сотиев, последний тайша думы.

Качество учебного процесса и материальное состояние Баргузинского приходского училища являлись важными направлениями деятельности местного самоуправления. Немаловажным фактом является забота местного самоуправления о бедных сородичах, так, общественным приговором от 31 июля 1854 г. баргузинские буряты взяли на свое содержание обучение восьми бедных мальчиков своего ведомства: «Видя попечение высшего начальства к собственной нашей пользе к образованию инородческих наших детей, что, они, обучаясь, должны для нас же собственно быть полезным к помещению в общественные должности, тем более, что мы, инородческое общество, по незнанию грамотности русского языка, всегда почти затрудняемся в грамотных людях, и что, обучившись, эти мальчики могут быть полезными для нас и что есть этому примеры»[1537]. В надежде, что мальчики, научившись грамоте, будут полезны обществу, баргузинские буряты единогласно решили содержать за счет общества восемь мальчиков из бедных и способных инородческих детей, положив каждому из них по 28 руб. $^1/_4$ коп., для чего было решено собрать ежегодно по 0,06 коп. серебром с ревизской души. После окончания училища они должны были поступить в общественные службы при думе или родовых управлениях.

Несмотря на принимаемые меры, подготовка учащихся училища оставалась слабой, о чем пишет в своем письме в Баргузинскую Степную думу 25 сентября 1893 г. штатный смотритель школ Верхнеудинского округа: «Производя вступительные экзамены в Верхнеудинское уездное училище, члены педагогического совета не могли не обратить внимание на слабую подготовку поступающих учеников, окончивших Баргузинское приходское училище. Совет пришел к заключению, что Баргузинское бурятское приходское училище не может процветать, если учитель не владеет монгольским языком»[1538].

В связи с этим он предлагает Степной думе отправить за счет общества одного способного ученика на педагогическую подготовку

[1537] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 377. Л. 3–4.
[1538] Там же. Д. 2304. Л. 31–32.

в Верхнеудинское уездное училище, чтобы к концу года мог выдержать экзамен на звание сельского учителя и занять место учителя в Баргузинском бурятском приходском училище: «Имею честь предложить Степной думе … отправить за свой счет в Верхнеудинск Тудыпова Даши, как довольно способной личности, на педагогическую подготовку в Верхнеудинское уездное училище… чтобы к концу года мог выдержать экзамен на звание сельского учителя и занять место учителя в Баргузинском бурятском приходском училище»[1539].

Надо отметить, что баргузинские дети получали образование не только в Баргузинском бурятском приходском училище, но и в других учебных заведениях, доступных им. В 1895 г. 15 мальчиков и три девочки обучались в двух миссионерских училищах[1540]. В 1890–1893 гг. в Верхнеудинском уездном училище учились восемь мальчиков, в Баргузинском городском двухклассном училище – один мальчик[1541]. За обучение каждого из них Баргузинское бурятское общество платило значительные суммы из средств внутренних повинностей. Так, только за обучение одного ученика в Верхнеудинском уездном училище оно платило 125 руб. в год.

Учитывая огромное стремление своих сородичей дать образование детям и отказ высшего начальства открыть трехклассное училище при Баргузинской Степной думе, баргузинские буряты общественным приговором от 23 мая 1894 г. решили выделить 5000 руб. на преобразование Баргузинского городского двухклассного училища в трехклассное на условиях, чтобы «…в этом училище имели места наши дети в количестве до половины мест всех учеников; никаких других расходов по содержанию училища не имеем; чтобы в училище работал учитель со знанием монгольской грамоты, чтобы дети могли объясняться; прекратить субсидию в 750 руб. в Верхнеудинское уездное училище для обучения 6 мальчиков, перевести их в Баргузинское городское училище, на содержание беднейших учеников назначить 200 руб. в год»[1542]. Для сбора такой огромной суммы было решено в течение трех лет собирать ежегодно по 1 руб. 21 ½ коп. с ревизской души.

Значительную помощь училищу оказывали почетные блюстители, которые должны были ежегодно вносить определенную

[1539] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2304. Л. 31–32.
[1540] Там же. Д. 2392. Л. 67.
[1541] Там же. Д. 2304. Л. 35, 40.
[1542] Там же. Д. 2384. Л. 2–3.

сумму в пользу училища. Так, почетным блюстителем был главный тайша Ринчин Сотиев, который должен был вносить взнос в пользу училища в размере 25 руб. в год.

Баргузинские буряты понимали, что для более успешного учебного процесса необходимы хорошие учителя, поэтому они не жалели средств на их жалованье. В 1883 г. они платили жалованье учителю в размере 500 руб. в год. В годовом отчете Баргузинской Степной думы отмечается, что «при таковом содержании учителя (500 руб. в год) смело можно рассчитывать, что Баргузинское бурятское училище без учителя не останется и грамотность между инородцами может быть распространена, тем более, что главный тайша Александр Сахаров обязал всех родовых голов известный процент инородческих детей непременно присылать в училище»[1543].

В 1896 г. здание Баргузинского бурятского приходского училища было обновлено. Своим общественным приговором баргузинские буряты пожертвовали училищу новое помещение, построенное при Степной думе, в честь коронования царя Николая II с тем, «…чтобы новое училище наименовалось под вывеской «Баргузинское приходское училище, построенное в ознаменование священного коронования их императорских величеств 12 мая 1896 г.», а в само помещение училища приобрести портрет царя, который просим главного тайшу Сотиева купить в г. Москве»[1544].

В фонде отложился протокол заседания съезда представителей бурят-буддистов Забайкальской области, проходившего в г. Чите 20-23 февраля 1902 г., по вопросу об устройстве квартиры-пансиона для учащихся в учебных заведениях г. Читы детей бурят-буддистов. Было принято постановление о постройке деревянного двухэтажного здания на 75 человек с каменным подвальным помещением на средства бурят и на земле бурят[1545].

У кударинских бурят первая школа – Кударинская приходская школа – была открыта в 1851–1852 гг. в селении Хараузском благодаря стараниям кударинского общества и главного тайши Заяхана Хамаганова. В 1871 г. числилось 23 ученика[1546]. В училище преподавали чтение, письмо, арифметику, основы географии и основы закона божьего, имелась богатая библиотека, на ее попол-

[1543] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2056. Л. 17–18.
[1544] Там же. Д. 2439. Л. 19.
[1545] Там же. Д. 2642. Л. 8.
[1546] Там же. Д. 927. Л. 15–17.

нение ежегодно обществом выделялась сумма 100 руб. В 1875 г. Кударинское училище было перевезено в селение Корсаковское.

В 1902 г. по Кударинскому ведомству было три школы: в Корсаковском двухклассном училище обучалось 61 мальчик и восемь девочек, в Дуланской церковно-приходской школе – 45 мальчиков и две девочки, Хандалинской школе – 22 мальчика и три девочки, всего 141 ученик[1547]. Для улучшения материальной базы школ избирались почетные блюстители из числа богатых людей. Так, в 1896 г. почетным блюстителем Корсаковского приходского училища был избран Казан Помишин, заседатель Кударинской Степной думы. В этом же году он оказал помощь училищу в размере 50 руб. В дальнейшем он помогал училищу в ремонте, беря на себя часть расходов. В 1901 г. он выделил 47 руб. на различные расходы[1548]. Почетный блюститель Часовенской школы Бартан Данилов выделил 43 руб.[1549]

Долго шел процесс по открытию училища в Ольхонском ведомстве. 15 февраля 1830 г. ольхонские буряты обсуждали вопрос об учреждении училища в ведомстве на общем суглане при Степной думе. Речь шла о подыскании дома под училище и его содержании. Общественным приговором было решено не открывать училище по причине невозможности родителей содержать своих детей-учеников из-за тяжелого бремени выполнения казенных податей и повинностей[1550].

Ольхонское приходское училище было открыто только 1 сентября 1859 г., на его содержание обществом выделялось 400 руб. в год[1551]. Учебная программа была рассчитана на один год и изучались такие предметы: закон божий, русский язык, арифметика, чистописание и рисование[1552].

В 1863 г. в приходском училище обучались 18 мальчиков, учителем работал Сидоров[1553]. В 1868 г. на предписание верхоленского окружного исправника Степной думе об открытии женского класса, устройстве библиотеки и обучении мальчиков ремеслам

[1547] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1212. Л. 5.
[1548] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 412. Л. 3.
[1549] Там же. Д. 417. Л. 4.
[1550] ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 23–24.
[1551] Там же. Д. 174. Л. 15–16.
[1552] Там же. Д. 562. Л. 37.
[1553] Там же. Д. 427. Л. 22–23.

при училище ольхонские буряты отказывались, ссылаясь на неурожаи и свое бедственное положение[1554].

В 1876 г. на содержание Ольхонского приходского училища общество выделяет те же 400 руб.: на жалованье учителю – 240 руб., наем сторожа – 54 руб., отопление и освещение – 33 руб., учебные пособия и библиотеку – 25 руб., уборку помещения – 35 руб., ремонт здания и мебели – 8 руб., награды ученикам – 5 руб.[1555] Численность учащихся не увеличивалась, поэтому число грамотных по ведомству было мало. В 1874 г. было всего 31 грамотных людей на 5668 человек, или 0,6%, знали русский язык 224 человека (4%)[1556].

В 1884 г. в Ольхонском ведомстве было два учебных заведения: приходское училище с 15 учениками при Степной думе и школа при Еланцинском миссионерском стане с четырьмя учениками[1557].

В Верхоленском ведомстве первая школа – Хоготовское приходское училище – была открыта 1 мая 1861 г. Учащихся занималось всего 12 человек, из них шесть кочевых некрещеных мальчиков, три оседлых, три ясашно-крещеных[1558]. Училище размещалось в деревянном доме длиной 7 сажен, шириной 4 сажени. Дом был разделен на две половины, в одной размещалась классная комната, в другой квартировал учитель. Дом был крыт тесом, имел два крыльца, 14 окон, одну голландскую печь и оценивался в 952 руб.[1559]. В 1864 г. обучалось уже 19 учеников[1560]. Учителями школы в разные годы были Иннокентий Шипицын, Гордеев, Андрей Еремеев, Осип Сидоров, Екатерина Еремеева.

Отдельного внимания заслуживает Троицкосавская войсковая русско-монгольская школа, или по первоначальному названию Троицкосавская бурятская школа. У пограничных казаков (для четырех бурятских полков) 18 июня 1832 г. была учреждена Войсковая школа на 24 мальчика в г. Троицкосавске, на учреждение которой единовременно было выделено от казны 10000 руб. Согласно Положению Сибирского комитета, ежегодно на содержание школы полагалась сумма 1500 руб. от казны. Школа предназначалась «для

[1554] ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 810.
[1555] Там же. Д. 969. Л. 81.
[1556] Там же. Д. 921.
[1557] Там же. Д. 572. Л. 70 об.
[1558] ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 884. Л. 164.
[1559] Там же. Д. 1161. Л. 1–2.
[1560] Там же. Д. 807. Л. 69.

обучения российской и монгольской грамоте старшинских и казачьих детей четырех полков бурятских (шестисотенных), составляющих пограничную стражу на Китайской линии»[1561].

Школа стала кузницей первых учительских кадров для бурятских приходских училищ. Она была учреждена также благодаря благотворительной деятельности бурятских казаков, собравших на содержание школы 4055 руб. 25 коп., 10 голов лошадей, 17 быков, 110 овец, чаю кирпичного 125 ¼ кирпича, ярицы в зерне 21 пуд, один пуд масла коровьего, четыре мерлушек бараньих, пять овечьих шкур. Школа находилась в ведении Министерства внутренних дел, по своему учебному плану и программам приближалась к уездным училищам.

О качестве работы школы свидетельствует письмо иркутского гражданского губернатора министру народного просвещения в 1835 г., в котором отмечается, что в училище, открытом в 1833 г., было принято 30 учащихся, «…из коих большая часть не знала ни одного русского слова… При посещении в 1834 г. сей школы нашел я, что ученики 1-го класса читали по складам с таблиц…, во 2-м классе после семи месяцев начинали читать и писать и понимали значение чисел, но при нынешнем моем обозрении, я был удивлен быстрыми успехами, так что ученики 1-го класса все же читают и пишут как по-монгольски, так и по-русски, рисуют цифры, знают сложение и вычитание, дают ответы по-русски довольно чистым произношением; ученики 2-го класса все говорят чисто по-русски, читают свободно, пишут по диктовке по-русски и по-монгольски, знают четыре действия арифметики и переводят короткие фразы с монгольского на русский и с русского на монгольский язык…».

В последующем выпускники школы работали писарями и урядниками в бурятских казачьих полках, переводчиками в пограничном управлении. Из стен этой школы вышел первый бурятский ученый Доржи Банзаров, И.П. Шишмарев, первый русский консул в Монголии, Будажап Кутухтуев, монголист, учителя бурятских приходских школ Аюша Дашицыренов, Алексей Корнильцев, Онисим Москвитин, Николай Бадмаев и др.

[1561] Высочайше утвержденное положение Сибирского комитета «Об учреждении Войсковой школы в состоящих на китайской линии четырех бурятских полках» // ПСЗ-2. № 5443. 18 июня 1832 г. Т. 7. СПб.: 1833. С. 388–389.

В 1851 г., с включением бурятских казачьих полков в Забайкальское казачье войско, школа была переведена в Селенгинск и передана из ведения Троицкосавского пограничного комиссара в ведение казачьего войска, став обычным приходским училищем. В 1852 г. школа была закрыта по причине отсутствия средств. В 1859 г. по ходатайству атамана Забайкальского казачьего войска школа была восстановлена. Русско-монгольская школа прекратила свое существование в 1888 г. вследствие ее перевода в Селенгинское двухклассное городское училище[1562].

1 декабря 1872 г. в Иркутске открылась учительская семинария, и бурятские дети получили возможность обучения учительской профессии. На содержание семинарии Верхоленское, Ольхонское и Ленское ведомства обязывались вносить по 100 руб. ежегодно[1563]. При поступлении предъявлялись следующие требования: старше 16 лет, грамотность, православное вероисповедание. Во время пребывания в семинарии молодые люди могли пользоваться казенным содержанием и учебными пособиями. Кроме того, после окончания курсов каждый получал на первоначальное обзаведение 25 руб. серебром, за годы обучения освобождался от всех личных повинностей, не исключая и рекрутской. За все это он должен был прослужить не менее шести лет учителем в школах Восточной Сибири. В фонде Балаганской Степной думы авторами выявлен документ – общественный приговор от 6 ноября 1866 г. о направлении будущего просветителя, этнографа Матвея Хангалова в Иркутскую губернскую гимназию, обосновывая это тем, «что в нашем Балаганском ведомстве весьма мало образованных грамотностью и опытностью родовичей, как требуется нынешними временами, и признавая очень полезными хотя время от времени получить образование»[1564]. За его содержание и обучение впредь до окончания курса наук они обязывались платить 100 руб. в год.

В 1880 г. в Верхоленской думе имелось два училища – это Хоготовское и Ользоновское, которые содержались за счет общества. Так, Ользоновское училище обходилось в 816 руб., Хоготовское – в 863 руб., всего – 1679 руб. в год. Эта сумма направлялась на жалованье учителю, законоучителю, сторожу, на библиотеку, награды уче-

[1562] Андреев В.А. Из истории Троицкосавской войсковой русско-монгольской школы // Записки БМНИИК. Вып. XXIV. С. 276–287.
[1563] ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1248. Л. 59.
[1564] ГАРБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1041. Л. 149–149 об., 160–163.

никам, отопление, освещение, канцелярские расходы, мытье полов, доставку воды. Хозяйственная деятельность училищ контролировалась членами думы и почетными блюстителями училищ.

Дети крещеных бурят могли получить духовное образование в Иркутском и Нерчинском духовных училищах. Несмотря на наличие двух приходских училищ, отмечается в донесении Верхоленской Степной думы окружному исправнику за 1883 г., «…особого развития грамотности между инородцами незаметно, оттого что инородцы из дальних улусов для учения своих детей не отдают» по причине дороговизны содержания их детей в русских селениях и дальности, с одной стороны. С другой стороны, слабый уровень учителей, ведение занятий на русском языке не способствовали успешному освоению грамоты бурятскими детьми[1565].

В 1872 г. было открыто бурятское приходское училище в с. Тунка, открытию предшествовали принятие общественного приговора Тункинского инородческого общества от 15 сентября 1872 г. и предписание Главного управления Восточной Сибири от 11 декабря 1872 г.[1566] Дом под приходское училище был взят в аренду у Койморского священника Гродина за «50 руб. серебром»[1567]. На содержание училища Тункинская Степная дума предписывает родовым старостам собрать по 10 коп. с души[1568]. Заседатель 3-го участка Иркутского округа Лопуцкий предписывает Тункинской Степной думе «чтобы дети инородцев обоего пола были бы высланы в училище, учрежденное в Тункинском селении, … предупредив родителям, что из-за отклонения детей от обучения грамоте подвергнутся взысканию»[1569].

Дети тункинских бурят также обучались в школах при Койморском, Шимковском и Гужирском миссионерских станах[1570]. Несколько способных детей отправлялись в Гусиноозерский дацан для обучения тибетской грамоте[1571].

Бурятские родоначальники проявляли интерес к работе приходских училищ, стремились помочь им улучшить работу и ма-

[1565] ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1699. Л. 42–43.
[1566] ГАРБ. Ф. 171. Оп. 1. Д. 178. Л. 263–263 об.
[1567] Там же. Д. 162. Л. 6.
[1568] Там же. Д. 162. Л. 11.
[1569] Там же. Д. 162. Л. 1 а – 1 а об.
[1570] Там же. Д. 157. Л. 19, 99.
[1571] Там же. Д. 90. Л. 266–269.

териальные условия. Например, в 1847 г. заседатель Хоринской Степной думы Тарба Жигжитов пишет рапорт штатному смотрителю училищ Верхнеудинского округа Д.П. Давыдову о пожертвовании своего дома «…о шести комнатах, отстроенный в 1838 г., со всеми службами и другими принадлежностями, мебелью и прочими» Онинскому приходскому училищу. Дом «имеет всевозможные удобства для помещения училища, учеников и учителей, а также для хранения продовольствия воспитанников»[1572]. Кроме этого, он поднимал вопросы переноса Онинского училища от здания Хоринской Степной думы в воспитательных целях, так как «…от беспрестанного стечения народа, более или менее сомнительной нравственности, ученики рассеиваются в мыслях, привыкают видеть праздношатающихся, пьяных и тому подобных людей. От чего успехи их в науках не могут быть замечательны, а беспрестанный пример перед глазами может иметь дурное влияние на образ их последующей жизни»[1573].

Тарба Жигжитов предлагал «без всякого денежного возмездия обучать детей монгольской грамоте и переводу на русский язык, также чтению и письму по-тибетски». В 1848 г. по распоряжению Д.П. Давыдова Онинское училище было переведено в пожертвованный Т. Жигжитовым дом в 12 верстах от Хоринской Степной думы и ему разрешалось обучать учащихся монгольскому языку[1574].

Баргузинский тайша Сахар Хамнаев принимал деятельное участие в обучении детей бурят грамоте. Он дружил с Д.П. Давыдовым, трое его сыновей обучались в Верхнеудинском уездном училище и жили на его квартире. С. Хамнаев пожертвовал свой дом под бурятское приходское училище, за что в 1845 г. был удостоен серебряной медали на Аннинской ленте для ношения на шее[1575].

Один из видных деятелей кударинских бурят, главный тайша Заяхан Хамаганов являлся инициатором учреждения приходского училища в своем ведомстве. Он пожертвовал обществу кударинских бурят «училищное здание с двойными рамами, двумя печами со вьюшками и заслонкой», за что в 1860 г. получил благо-

[1572] ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 128. Л. 19 об.
[1573] Там же. Д. 128. Л. 19.
[1574] Там же. Д. 128. Л. 18, 19 об.
[1575] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 409. Л. 2–2 об.

дарность от генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского[1576].

Иннокентий Муравьев, тайша ольхонских бурят в 1853–1859 гг., также явился инициатором учреждения Ольхонского приходского училища, за что получил благодарность от начальника Иркутской губернии. Он уступил свой дом под училище на три года.

Документы Государственного архива Республики Бурятия свидетельствуют о работе органов местного самоуправления бурят по развитию образования: это приговоры обществ об утверждении сметы доходов и расходов на содержание училищ, учителей и учащихся, ремонт, строительство школьных зданий, переписка с вышестоящим начальством по финансовым и другим вопросам и т. д.

В 1854 г. хоринские буряты на жалованье учителю Онинского приходского училища, на отопление здания и содержание 14 учащихся мальчиков выделили 942 руб. 86 коп. в год[1577], кудинские буряты выделяли на содержание шести человек миссионеров при Кудинском инородческом училище 288 руб., на жалованье учителю и содержание Кудинского училища – 624 руб. 10 коп., жалованье законоучителю – 60 руб.[1578]

В Селенгинском ведомстве также большое внимание уделялось развитию образования. 13 апреля 1833 г. Иркутское общее губернское правление направило верхнеудинскому земскому исправнику предписание «Об учреждении приходских училищ», в котором было предложено возобновить работу училищ в бурятских ведомствах. Губернское правление также предложило назначить ежегодные сборы до 600 руб. в бурятских ведомствах, сумму можно было заменить 700 пудами ржаной муки. Согласно этому предписанию можно было отправлять в Иркутское училище для детей канцелярских служащих по два мальчика, обучение каждого из них должно было стоить не более 400 руб. в год[1579].

В ответ на это предписание Селенгинская Степная дума 5 августа 1833 г. пишет донесение верхнеудинскому земскому исправнику о желании отдать восемь мальчиков для обучения в монголо-бурятскую школу, учреждаемую в г. Троицкосавске, вместо

[1576] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 187. Л. 9–9 об.
[1577] ГАРБ. Д. 271. Л. 345 об.
[1578] ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 329. Л. 29–30.
[1579] ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 182. Л. 6–9.

обучения в г. Иркутске, связывая это с материальными затруднениями. Ежегодное обучение восьми мальчиков стоило бы 600 руб. в год[1580].

В 1895 г. в Ользоновской инородной управе выделялось, согласно приговору общества, 321 руб. на содержание Хоготовского и Ользоновского училищ. В 1909 г. было открыто одноклассное училище в Хараевском улусе, в 1912 г. – в Молойском и Онгойском улусах. Надо отметить, что открытие училища обходилось согласно смете в среднем в 4000 руб., основную долю этой суммы собирали сами буряты как сбор пожертвований[1581].

В Абаганатской управе не было своей школы, поэтому дети учились в Кудинском инородческом начальном училище. На содержание Кудинского училища и жалованье учителю выделялось 206 руб., на содержание пансионеров при училище – 120 руб. в год. 16 февраля 1900 г. общественным приговором жители управы изъявили желание открыть начальное училище у себя в управе. В марте 1901 г. суглан при инородной управе принял решение о строительстве и открытии своей начальной школы. Управа обращается с просьбой разрешить заготовку материалов для строительства училища в казенных лесах бесплатно и за счет сбережений от урожая[1582].

В 1890 г. в Аларской управе учителем К. Белоусовым была открыта воскресная школа для взрослых[1583]. В 1905 г. было выделено 205 руб. на содержание одноклассного училища, 189 руб. – двухклассного училища, которое содержалось за счет 3 управ – Ныгдинской, Куйтинской и Аларской, Иркутской учительской семинарии – 54 руб., Шалотской церковно-приходской школы – 510 руб.[1584] В 1910 г. буряты Туглуйского, Хандагайского, Куркатского, Алзабейского, Ямагинского улусов приняли решение об открытии в их улусах по одноклассному училищу. Инспектором народных училищ 2-го района Иркутского района каждому училищу было отправлено по 200 руб. на открытие и первоначаль-

[1580] ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 182. Л. 12–13.
[1581] ГАРБ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 406.
[1582] ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 186. Л. 8, 12 об.
[1583] ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 6. Л. 17.
[1584] Там же. Д. 674.

ные нужды. Помимо этих школ, по управе работали Киркейское, Алятское, Кукунурское училища[1585].

В 1907 г. буряты Хогойского улуса Кудинской управы приняли решение о строительстве своей школы. На постройку школы было необходимо 1870 руб., но Дирекция народных училищ Иркутской губернии выделила 997 руб. 35 коп. Остальную недостающую сумму было решено собрать путем частных пожертвований[1586].

В 1910 г. в Торской инородной управе было выделено 190 руб. на содержание местного училища, 22 руб. – Иркутской учительской семинарии, 60 руб. – на пособие обществу вспомоществования учащимся бурятам Иркутской губернии[1587].

В Кутульском и Еланцинском управах Ольхонского ведомства в 1892 г. было одно училище – Ольхонское, которое содержалось за счет общества. В училище обучалось 13 детей, работал один учитель[1588]. В 1909 г. было открыто Больше-Онгуренское училище, в 1910 г. – Заминское[1589].

В Унгинской управе к 1892 г. было три бурятских приходских училища: Тыретское, Нукутское, Тагнинское. В с. Тагна дом под училище был пожертвован бурятами Тагнинского рода Павлом и Савелием Сухоревыми[1590]. В 1899 г. было открыто приходское училище Министерства народного просвещения в улусе Закулейском. Учителем был назначен Матвей Хангалов[1591].

В 1900 г. были открыты Нукутская женская[1592] и Тангутская церковно-приходские школы[1593]. К 1901 г. по ведомству было четыре министерских училища: Нукутское (40 учеников, учитель Петелин), Усть-Хамхарское (34 ученика, три ученицы, учитель Павел Долганов), Закулейское (30 учеников, семь учениц, учительница Васса Челпанова), Наимодаевское (32 ученика) и две церковно-приходские школы: Нукутская женская с интернатом (17 учениц), Тангутская (15 учеников, пять учениц)[1594].

[1585] ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 799.
[1586] ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 365. Л. 19–22.
[1587] ГАРБ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 18. Л. 14 об.–17.
[1588] ГАРБ. Ф. 240. Оп. 1. Д. 15. Л. 19 об.
[1589] ГАРБ. Ф. 240. Оп. 1. Д. 260. Л. 1, 5.
[1590] Там же. Д. 164. Л. 10.
[1591] Там же. Д. 363. Л. 20.
[1592] Там же. Д. 379.
[1593] Там же. Д. 363. Л. 12.
[1594] Там же. Д. 421. Л. 16.

Бурят 1-го Муруевского рода Петр Шагланов пожертвовал дом под Тыретское бурятское приходское училище на вечное пользование в память проезда цесаревича Николая в 1891 г. через Сибирь. Комиссия приняла дом «…согласно желанию жертвователя…», застраховала на 1000 руб. и вынесла благодарность Петру Шагланову[1595]. Училища выписывали книги, журналы, учебные пособия: «Русский начальный учитель», «Родник», «Воспитание и обучение», «Детский отдых» и др. Содержались все училища за счет общества и из этой суммы 60 руб. отчисляли на содержание Иркутской учительской семинарии[1596].

Большой интерес представляют сведения о развитии образования в Агинском ведомстве, именно из среды агинских бурят в начале XX в. появляются блестящие ученые и общественные деятели: П.А. Бадмаев, Цыбен Жамцарано, Базара Барадин, Гомбожаб Цыбиков, Бато-Далай Очиров и др. Особенностью развития образования в Агинском ведомстве было учреждение стипендий на собственные средства общества для продолжения образования своих детей.

В 1840 г., по данным Агинской Степной думы, по ведомству не было ни одного учебного заведения, ни одного бурята, знающего русскую грамоту и русский язык, при этом грамотных по-монгольски (знающих монгольскую письменность) числилось 156 человек (1,78% от мужского населения), грамотных по-тибетски – 106 человек (1,2% от мужского населения)[1597].

Первое учебное заведение – Агинское приходское училище – было открыто 21 мая 1842 г. и находилось в здании думы, в учебном процессе подчинялось инспектору народных училищ Забайкальской области. Училище содержалось за счет средств общества, например, в 1859 г. содержание училища обходилось обществу агинских бурят в 114 руб. 28 ½ коп., в 1868 г. – в 542 руб. 85 коп.[1598] Ежегодно в нем обучалось до 20 детей.

Агинские буряты понимали ценность образования и поэтому в ответ на предписание управляющего Забайкальской областью от 27 февраля 1860 г. об улучшении образования инородцев общественным приговором от 30 октября 1860 г. принимают решение

[1595] ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 220. Л. 33–34.
[1596] Там же. Д. 239. Л. 11 об.
[1597] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2. Л. 246–246 об.
[1598] Там же. Д. 1634. Л. 10 об.

увеличить количество обучающихся в Агинском Николаевском приходском училище с 20 до 46 мальчиков, что соответственно увеличивало смету внутренних повинностей с 114 руб. 28 ½ коп. до 1035 руб. 71 ½ коп. (на каждого ученика в год по 25 руб., в которую входили плата за квартиру, на покупку книг, бумаги, чернил, мела, приобретения досок и приличной одежды). Общество также обязывалось отправлять ежегодно в Нерчинское уездное училище лучшего ученика[1599].

Самые способные дети агинских бурят учились в Нерчинском уездном училище. В 1857 г. общество платило 20 руб. серебром за содержание двух учеников[1600], в 1858 г. – 40 руб. серебром за четверых учеников: Мунку Жамсаранова, Жалсарая Зориктуева, будущего главного тайшу агинских бурят, Сыдена Сыбикова и Ампила Бадмаева, будущего видного общественного деятеля, родного брата П.А. Бадмаева[1601]. Надо отметить факт обучения Жалсарая Зориктуева в Нерчинском уездном училище в 1857–1860 гг. и окончания его с отличием, что подтверждает свидетельство, выданное ему 16 июля 1860 г.[1602] В 1879 г. в училище обучалось уже восемь детей агинских бурят[1603].

В эти годы значительный вклад в образование агинских бурят вносит учитель Цыбик Онгодов (1831–1910), который в 1845 г. первым окончил Нерчинское уездное училище. После окончания училища он работает учителем Агинского приходского училища, переводит на бурятский язык «Родную речь» К.Д. Ушинского, пишет ряд исследований по фольклору и этнографии бурят. В 1861 г. награждается «за отлично-усердную службу» серебряной медалью с надписью «За усердие» для ношения в петлице на Станиславской ленте[1604]. В 1865–1869 гг. работает воспитателем и переводчиком в Читинском мужском пансионе, в 1872–1877 гг. – переводчиком монгольского языка в Семипалатинском областном правлении. После выхода в отставку он вернулся в Агу, занимался переводами русской и тибетской литературы.

[1599] ГАРБ. Ф. 270. Оп. 2. Д. 40. Л. 30–31 об.
[1600] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1054. Л. 10–11.
[1601] Там же. Д. 1069. Л. 204–204 об.
[1602] ГАРБ. Ф. 270. Оп. 2. Д. 40. Л. 12–12 об.
[1603] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2387. Л. 15–15 об., 16–16 об.
[1604] Там же. Д. 3592. Л. 44–44 об.

Цыбик Онгодов работал в тесном контакте с Агинской Степной думой, так, 11 декабря 1860 г. он пишет главному тайше Тугултуру Тобоеву о необходимости приобретения для учащихся Агинского приходского училища 46 экземпляров русских букварей, 46 «Правил для учащихся», 10 «Начал христианского учения» для учеников-христиан, 10 «Краткой священной истории» тоже для христиан, 46 «Арифметики» Бальмана, 46 прописей русских. При этом для детей-нехристиан вместо закона божьего он предлагает ввести уроки чтения по всеобщей и русской географии, для чего необходимо приобрести карты пяти частей света, России и Сибири по одному экземпляру, 46 экземпляров всеобщей географии, 46 – российской географии, восемь «Хрестоматий» Галахова, восемь «Басен Крылова», 24 хрестоматии Ковалевского на монгольском языке, две подробной «Священной истории христианской» для русских учеников. Далее он пишет: «И неизлишним считаю иметь в училище для отлично-способных и взрослых учеников, которые не могут быть переводимы в высшие училища: «Русской грамматики» 6 экземпляров, монгольской 6, с которыми я бы мог заняться сими предметами»[1605].

В 1889 г. в Агинском приходском училище обучалось 34 мальчика[1606]. С 1903 г. Агинское приходское училище было преобразовано в двухклассное. В 1908 г. в нем обучались 101 мальчик и 14 девочек. Библиотека состояла из 1408 книг на сумму 1111 руб. 49 коп.

К концу XIX в. в число учебных заведений ведомства входили Агинское приходское училище при Агинской Степной думе, Агинская Николаевская миссионерская школа, частные школы при дацанах – Цугольское и Агинское училища[1607].

Агинская миссионерская школа была учреждена в 1883–1884 гг. и обучались в ней преимущественно дети крещеных бурят. Школа размещалась в доме миссионера-священника, отделялась от его квартиры дощатой заборкой. Деньги на содержание отпускались из Епархиального училищного совета и из министерских сумм[1608].

[1605] ГАРБ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 294. Л. 38–38 об.
[1606] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3833. Л. 100.
[1607] Там же. Д. 1297. Л. 5–6, 9, 14, 15.
[1608] Там же. Д. 3350. Л. 16–16 об.

Агинские буряты активно занимались решением вопроса о продолжении образования своих талантливых и успешных детей в других учебных заведениях за счет стипендий, учреждаемых на свои собственные средства с высочайшего разрешения.

16 января 1889 г. агинские буряты в ответ на свое ходатайство получили высочайшее соизволение на учреждение в Читинской мужской гимназии стипендии имени генерал-адъютанта барона А.Н. Корфа за счет процентов с собранного родоначальниками и почетными бурятами всех родов Агинского ведомства капитала в 7000 руб.[1609] Надо отметить, что А.Н. Корф, приамурский генерал-губернатор в 1884–1893 гг., много сделавший для развития просвещения сибирских инородцев, пользовался огромным авторитетом среди бурятского населения Забайкальской области.

Согласно Положению о стипендии имени А.Н. Корфа, стипендиату выдавалась сумма «в 300 руб. в год, остающиеся же за тем процентные деньги употребляются: а) на выдачу стипендиату при отправлении в г. Читу прогонов и единовременного пособия в размере, потребном на эту отправку; б) на выдачу по окончании гимназического курса прогонов и пособия для поступления в императорский Томский университет от г. Читы до г. Томска; в) на обратный проезд стипендиата по окончании университетского курса и; г) если и за сим окажутся остатки в стипендиальной сумме, таковые причисляются к капиталу стипендии и обращаются на увеличение размера стипендии».

Стипендиатом должен был выбираться ученик исключительно из бедных, при этом «если педагогический совет гимназии по окончании курса стипендиата признает его достойным продолжать образование в императорском Томском университете, то пользование стипендией продолжается до окончания курса в университете»[1610].

Благодаря этой стипендии гимназическое образование, а затем и университетское получил Гомбожаб Цыбиков, будущий ученый-востоковед, профессор. Он окончил Читинскую гимназию с серебряной медалью и был признан достойным продолжить образование в Томском университете. Вопреки своему желанию ему пришлось поступить на медицинский факультет Томского

[1609] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3811. Л. 12–12 об.
[1610] Там же. Л. 13–14.

университета. В 1893 г. руководство университета обратилось с ходатайством к военному губернатору Забайкальской области и приамурскому генерал-губернатору о его переводе в Санкт-Петербургский университет на факультет восточных языков с правом использования стипендии им. А.Н. Корфа: «Гомбожабу Цыбикову пришлось поступить на медицинский факультет вопреки собственному влечению и желанию его сородичей. Образование, которое Цыбиков получит на медицинском факультете, не принесет никакой пользы для него и для бурят, среди которых имеет применение тибетская медицина, так что ему придется применять свои знания в среде небурятского населения, которое тоже не будет иметь к нему особого доверия. Получив же образование на факультете восточных языков, и изучив монгольский и китайский языки, он, несомненно, может оказать большую пользу своим сородичам в качестве ученого переводчика или даже в качестве ученого ориенталиста, изучением древней жизни своего племени»[1611]. Просьба была удовлетворена, Г. Цыбиков получил перевод в Санкт-Петербургский университет, который окончил в 1900 г.

Не всегда учеба в далеких городах легко давалась степным бурятам, многие родители не хотели отпускать далеко своих детей. Ярким примером является судьба самого П.А. Бадмаева, который впоследствии многое сделал для просвещения своего народа. 12 июля 1863 г. его мать Пагма Монтуханова пишет старосте Илинского родового управления «о нежелании отправки своего сына Жамсарана в Иркутск, причина же тому следует, что сын мой родной[1612] 2-й Ванпил находится в училище в Университете Санкт-Петербурга, 3-й сын Буда учитель частного училища Агинского дацана, а я ихняя мать имею от роду 61-й год, но поэтому только питаю надежды на своего младшего сына Жамсарана, который должен меня воспитывать по домохозяйству»[1613].

27 сентября 1863 г. следует жесткий ответ нерчинского земского исправника о том, что «упомянутый бурятский сын Жамсаран Бадмаев требуется вследствие высочайшего повеления государя императора для помещения в Иркутскую гимназию на воспита-

[1611] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3811. Л. 49.

[1612] в сноске написано: «Старший Ванчик Бадмаев находится постоянно в болезненном припадке, что известно обществу».

[1613] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1346. Л. 6–6 об., 7.

ние в комплект пансионеров его императорского величества, каковую высочайшую милость бурятка Пагма Монтуханова должна принять, как высочайшее счастье для сына с благоговейной и горячей благодарностью к августейшему покровителю государю императору», что она должна «с величайшей радостью благословить сына своего на путь образования, назначенный ему всемилостивейшим попечением монарха отца нашего, что она должна с непритворными чувствами глубочайшего благоговения принять такое счастье ее сына, на которого обращено высочайшее государя императора внимание и с слезами радости молить бога о здравии и долгоденствии монарха отца благодетеля, одинаково заботящегося о просвещении как русской своей семьи, так и принадлежащих к ней полудиких сынов Сибири»[1614].

Получив образование и став видным политическим деятелем, П.А. Бадмаев многое сделал для просвещения бурят, зачастую заставляя родителей отдавать своих детей на учебу в гимназии Санкт-Петербурга. Так, факт обучения агинских бурят в Санкт-Петербургском кадетском корпусе в конце XIX в. выявлен авторами в фонде Агинской Степной думы. 20 декабря 1888 г. П.А. Бадмаев направляет телеграмму главному тайше Жалсараю Зориктуеву, в которой требует «заставить немедленно отправить Очировых в Петербург для окончания образования. Объявите народу, что если они не потеряли свои собственные земли и даже получили грамоту, то только благодаря моему образованию. Поэтому если вы лишаете Очировых образования, что в будущем лишитесь людей, которые вам могут принести пользу, иначе должен буду просить губернатора принять строгие и законные меры для отправления Очировых в Петербург».

Речь идет о двух сыновьях заседателя Агинской Степной думы Норбо-Жамбала Очирова, одного из богатейших людей ведомства, награжденного серебряной медалью для ношения на груди на Станиславской ленте, знаком Красного Креста, золотыми часами с изображением государственного герба, золотой медалью на Станиславской ленте для ношения на груди, званием «почетного шуленги» и благодарностями от вышестоящего начальства. Понимая ценность образования, он одним из первых согласился

[1614] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1346. Л. 8–8 об., 9–9 об., 10–10 об.

отправить двух своих сыновей Сырен-Жаба и Самбо-Доржи в Санкт-Петербург на учебу в кадетском корпусе.

30 декабря 1888 г. Жалсарай Зориктуев пишет письмо Ампилу Бадмаеву с просьбой оказать содействие к отправке Сырен-Жаба и Самбо-Доржи Очировых на учебу в кадетский корпус Санкт-Петербурга, напомнив их родителям, что это «высокая милость, оказанная им государем императором принятием их сыновей на казенный кошт … а также награждением г[осподина] Очирова золотыми часами, а жену его золотыми серьгами, украшенными драгоценными камнями»[1615].

12 января 1889 г. матери братьев Очировых обращаются с просьбой к П.А. Бадмаеву освободить их от учебы в связи со смертью двух других сыновей: «Сжальтесь над нами, женщинами, не доводите ваше высокоблагородие, нас до душевной гибели разлукой сыновей наших. Просим и молим вас с отдаленного востока войти в наше печальное положение и своим высоким посредничеством освободить их из корпуса навсегда»[1616]. Впоследствии братья Очировы становятся видными руководителями местного самоуправления агинских бурят, например, Сыренжаб Очиров в годы Первой мировой войны являлся представителем агинских бурят по работе с реквизированными бурятами.

Образование бурят не всегда носило добровольный характер, для того, чтобы сподвигнуть их на учебу, власть даже поощряла их родителей, как в случае с Очировыми.

В июне 1891 г. в жизни населения Иркутской губернии и Забайкальской области произошло событие, оказавшее влияние на развитие бурятского сообщества, в частности образования агинских бурят. Воодушевленные приездом цесаревича Николая, вскоре после его отъезда, 1 июля 1891 г., агинские буряты обратились к нему с письменным прошением об учреждении стипендии его имени в Иркутской учительской семинарии, собрав для этого 8000 руб.[1617] При этом подчеркивалось, что приезд в бурятское ведомство цесаревича может сыграть важную воспитательную роль для молодых, послужить стимулом к развитию у них честности и верности своему Отечеству. Необходимо отметить, что большин-

[1615] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 4290. Л. 5–5 об., 6–6 об.

[1616] Там же. Л. 24–24 об.–25.

[1617] Иркутская учительская семинария открыта в 1872 г. в г. Иркутске для подготовки учителей. За 28 лет (1872–1900 гг.) семинарию окончили 304 человека, из них 23 бурята.

ство бурят не имели возможности получить хорошее образование в силу ограничения из-за буддийского вероисповедания.

Еще в 1883 г. агинские буряты ходатайствовали об обучении в Иркутской учительской семинарии своих детей: «Мы, желая подготовить молодых людей из среды нас буддистов к учительской деятельности, которые бы впоследствии могли занять должность учителей в нашем приходском училище (Агинском Николаевском) настоящим приговором ходатайствуем перед высшим начальством … дозволить нам буддистам содержать в Иркутской учительской семинарии стипендиатов для обучения на средства нашего общества, причем докладываем, что об усилении средства семинарии, мы можем всегда отнестись по мере своей возможности сочувственно, если только будет нам предоставлено одинаковое право с крещеными инородцами…»[1618]. На что следует ответ инспектора народных училищ Забайкальской области: так как «Иркутская учительская семинария – заведение закрытое и существует исключительно для детей православного исповедания», поэтому не находит возможным дозволить «некрещеным инородцам помещать своих детей в учительскую семинарию наравне с детьми крещеных инородцев»[1619].

Поэтому для агинских бурят стало большим событием, когда в феврале 1892 г. Николай дал разрешение на учреждение стипендии для детей агинских бурят в Иркутской учительской семинарии, о чем сообщили жителям ведомства[1620]. Вскоре было разработано и утверждено Положение о стипендии имени цесаревича Николая при Иркутской учительской семинарии, согласно которому «из процентов со стипендиального капитала содержится при Иркутской учительской семинарии один стипендиат для приготовления на должность учителя в начальные училища для бурят на нижеследующих основаниях: стипендиат живет на частной квартире, получая на содержание из процентов с сего капитала 300 руб. в год. Остальные деньги, за удержанием государственного сбора по закону 20 мая 1885 года, поступают, как плата за слушание уроков в семинарии»[1621].

[1618] ГАРБ. Ф. 294. Оп. 1. Д. 61. Л. 4.
[1619] Там же. Л. 11.
[1620] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2929. Л. 1, 4.
[1621] Там же. Л. 45–46.

Стипендиат избирался Агинской Степной думой из бурятских детей Агинского ведомства буддийского вероисповедания. Выбор стипендиата утверждался военным губернатором Забайкальской области. Пользование стипендией обязывало стипендиата прослужить учителем в одном из бурятских начальных училищ не менее трех лет.

27 мая 1892 г. общественный приговор агинских бурят выбрал самого достойного юношу из своей среды. Им оказался Бато-Далай Очиров, будущий первый бурятский парламентарий, депутат II Государственной думы, просветитель и политический деятель. Однако по неизвестной причине ему не пришлось учиться на эту стипендию, поэтому 21 июля 1893 г. на учебу был направлен Чойжил-Лхамо Базарон. Впоследствии он в течение 40 лет занимался просветительской деятельностью в Забайкальской области, стал видным бурятским просветителем, общественным деятелем, учителем, писателем. После Иркутской учительской семинарии он работал в школах Агинского ведомства, в Читинской учительской семинарии. Автор стихов, рассказов для детей, «Монголо-бурятского букваря» (1906 г.), учебников и учебных пособий. Участвовал в экспедиции Г.Н. Потанина в Большой Хинган.

В декабре 1897 г. по выбору общества стипендиатом становится Цыбен Жамцарано: «Избрать стипендиатом имени его императорского величества при Иркутской учительской семинарии инородческого сына Агинского ведомства шарайтского рода Цывена Жамсаранова, имеющего ныне от роду 18 лет, вероисповедания буддийского»[1622]. Именно в стенах Иркутской учительской семинарии он развернул работу по сбору фольклорного материала бурят, впоследствии Цыбен Жамцарано – выдающийся ученый-исследователь, востоковед, этнограф, фольклорист, публицист, общественный деятель, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР.

В 1894 г. были учреждены еще две стипендии: ламами и бурятами Агинского ведомства было пожертвовано 15100 руб. на две стипендии имени супругов Ильяшевич в Читинской мужской гимназии[1623].

[1622] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2929. Л. 67–67 об.
[1623] Там же. Д. 2633а. Л. 20 об.

В 1901 г. на средства общества в Агинском приходском училище обучалось 74 мальчика, в Агинской миссионерской школе – восемь мальчиков, восемь девочек, в Читинской гимназии – три мальчика, в Читинском городском 3-классном училище – 11 мальчиков, в Читинском ремесленном училище – восемь мальчиков, в Иркутской учительской семинарии – один мальчик[1624].

Во второй половине XIX в. у бурят не было ни одной средней школы, а в русских школах их обучалось немного. Например, в 1890 г. в Иркутской учительской семинарии обучалось четыре бурята, в Иркутской классической гимназии – два, в Иркутской женской прогимназии – две бурятки, в Читинской гимназии в 1899 г. – шесть бурят. В 1888 г. в городских училищах обучалось 19 бурят, в том числе один в Верхнеудинске, один в Селенгинске, пять в Троицкосавске, три в Кабанске. Таким образом, в 1888–1890 гг. в школах повышенного типа обучалось всего 27 бурят из почти 300 тысяч[1625].

В 1884 г. была открыта Читинская гимназия. Ее открытие стало итогом многолетних усилий военных губернаторов М.С. Корсакова, Е.М. Жуковского, Н.П. Дитмара, И.К. Педашенко, Л.Я. Ильяшевича, депутатов Читинской городской думы, всего забайкальского общества. Правительство не возражало, но отказывалось содержать гимназию на казенный счет. Согласно отчету по сбору пожертвований на устройство и учреждение Читинской мужской гимназии с пансионом, за период с 20 марта 1881 г. по 20 сентября 1888 г. было собрано 180436 руб. 58 коп., из них хоринские буряты собрали 50783 руб. 48 коп., агинские – 37233 руб., селенгинские – 12010 руб., баргузинские буряты – 5620 руб., ламы Цугольского и Агинского дацанов – 4000 руб., Пандито хамбо-лама и некоторые штатные ламы – 2035 руб. 51 коп. и т. д., почти 78% от всех пожертвований внесли бурятские общества, ламское духовенство, казаки, тунгусы, а также частные лица[1626]. Только на устройство библиотеки в Читинской мужской гимназии было пожертвовано 247 руб. 62 коп.[1627]

Бурятам за такие пожертвования были обещаны места для их детей в гимназии, однако на деле оказалось, что детей бурят нео-

[1624] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3320. Л. 4 об.
[1625] Очерки истории культуры Бурятии. С. 356.
[1626] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 4024. Л. 149–154.
[1627] Там же. Д. 42. Л. 14 об.

хотно принимали туда. Цыбен Жамцарано в 1905 г. писал А. Михайлову: «Я должен Вам сказать, что для устройства семинарии лучше не связываться с казной и земством, а построить на свои бурятские деньги и содержать как частные учебные заведения с широкой программой преподавания. Тогда гораздо легче будет управлять и направлять семинарию. Если же будет принимать участие правительство – оно захочет и должно взять семинарию в свои руки, тогда потеряется всякая цель и значение заведения. Мы, забайкальцы, на создание гимназии, пансионов и других училищ потратили около 200 тысяч рублей, а в этих училищах теперь даже не берут бурят на счет казны, а только своекоштными. Сначала бурят принимали, а потом постепенно вытеснили. Какая же история произойдет с полуказенной семинарией»[1628].

Н.М. Ядринцев, один из сибирских деятелей, писал по поводу образования инородцев следующее: «…в Сибири, к сожалению, почти ничего не сделано для инородческого образования и пробуждения инородческого ума. Ни системы инородческих школ, ни их характер и задачи воспитания не разрабатывались в Сибири… что касается доступа инородцев в русские учебные заведения, то, конечно, он был весьма труден, и если попадали сюда инородцы, то случайно»[1629].

Р. Рупен приводит пример с Цыбеном Жамцарано как особый случай, который может произойти при самом благоприятном сочетании обстоятельств и способностей: 1880 г. – год рождения, 1888–1891 гг. – он учится и заканчивает Агинскую школу, 1891–1894 гг. – он посещает, но не заканчивает русскую гимназию в г. Чите, 1895–1897 гг. – он посещает школу Бадмаева в Санкт-Петербурге, но школа закрывается в 1897 г., 1898–1902 гг. – он учится и заканчивает Иркутскую учительскую семинарию, 1902 г. – обучается в Санкт-Петербургском университете в качестве вольнослушателя[1630].

В 1891 г. только по Хоготовской инородной управе из 2918 жителей было 41 человек грамотными, что составляет 1,4% от населения[1631]. По Ольхонскому ведомству в 1895 г. в Еланцинской

[1628] ГАРБ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 1. Л. 125–126.
[1629] Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб.: 1882. С. 118.
[1630] Рупен Р. Монголы двадцатого века. Улан-Удэ: 2004. С. 18.
[1631] ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 39. Л. 86.

управе грамотных было 37 человек, что составляет 6,4%, в Кутульской управе – 20 человек, соответственно 2,5%.

Большое значение в распространении образования в бурятских ведомствах имели миссионерские станы, при которых открывались миссионерские училища. К 1891 г. в бурятских и тунгусских ведомствах Забайкальской области работали 23 школы: при Посольском монастыре для детей кударинских бурят, Анинская при Хоринской Степной думе, Агинская при Агинской Степной думе, Ононская, Селенгинская, Цакирская при Закаменской инородной управе, Усть-Керанская, Ара-Киретская, Тугнуйская, Дуланская, Улюнская, Багдаринская, Верхне-Ангарская и др., всего обучалось в миссионерских школах 504 ребенка[1632].

В бурятских ведомствах Иркутской губернии к 1898 г. было открыто 17 церковных школ: Куйтинская, Молькинская, Ныкылейская, Еланцинская, Шимковская, Бажеевская, Бильчирская, Окинская, Одиссинская, Нельхайская, Заложинская, Гуджирская, Коймаровская, Жымыгитская, Нило-Пустынская, Голоустнинская, Вознесено-Монастырская. Всего обучалось в школах 280 учащихся, из которых только 28 являлись инородческими детьми. Кроме церковных школ в бурятских ведомствах работали три церковно-приходские школы и 13 миссионерских школ[1633].

Таким образом, развитие народного образования в бурятских ведомствах являлось одним из важных направлений работы органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. Благодаря их усилиям открывались приходские училища, которые полностью содержались за счет общества. Распространение образования среди бурят было продиктовано необходимостью подготовки грамотных кадров для инородческого управления, способных вести делопроизводство на русском языке и общаться с представителями русской власти. О невысоком уровне образования бурят свидетельствует тот факт, что по окончании приходских училищ только единицы продолжали свое образование. Например, в Верхнеудинском уездном училище в 1839 г. обучался один бурят, в 1857 г. – два. Случай с первым бурятским ученым Доржи Банзаровым, окончившим гимназию и университет, является исключением для первой половины XIX в.

[1632] ИЕВ. 16 ноября 1891 г. № 46. С. 1–5.
[1633] ИЕВ. 15 июня 1898 г. № 12. С. 218–219.

Деятельность органов местного самоуправления по развитию народного образования в течение XIX в. принесла определенные результаты: к 1897 г. в Иркутской губернии из общего числа бурят число грамотных составляло 5,2%, в Забайкальской области – 8,4%. Для сравнения с другими народами можно привести такие цифры: у якутов грамотные составляли 0,7%, у тунгусов Иркутской губернии – 0,1%, Забайкальской области – 7,9%[1634]. В бурятских ведомствах появились грамотные люди, из которых можно было выбирать должностных лиц местного самоуправления, письмоводителей. Об этом свидетельствуют письмо приамурского генерал-губернатора военному губернатору Забайкальской области о результатах ознакомления с населением, потребностями, а также с проявлением деятельности администрации в жизни населения Забайкальской области: «Посетив школы, содержимые при бурятских Степных думах, я нашел, что обучение в них ведется весьма удовлетворительно, но число учеников недостаточно…, как в Читинской гимназии, так и в прочих учебных заведениях, мною посещенных, ученики из бурят все отличались весьма хорошими способностями, прилежанием, хорошим поведением, в успехах не только не уступали коренным русским, но даже превосходили весьма многие из них, несмотря на то, что им приходится в большинстве сверх усваивания наук еще учиться и русскому языку»[1635].

Таким образом, особенностью развития народного образования в бурятских ведомствах было отсутствие государственного финансирования, образование содержалось за счет самих бурятских обществ. В этих условиях именно органы местного самоуправления бурят стали заниматься планированием и сбором денег на расходы по народному образованию, уделяя особое внимание обучению способных детей из малоимущих семей. В то же время надо отметить, что хорошее образование могли получать все-таки дети обеспеченных родителей, например, П.А. Бадмаев, Цыбен Жамцарано, Базар Барадин, братья Очировы являлись сы-

[1634] И.И.С. Материалы к вопросу о грамотности инородцев // Известия Восточно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества, издание Распорядительного комитета отдела. Т.XL. 1909 г. Иркутск: Типография Иркут. Т-ва печатного дела, 1910. С. 1–10.

[1635] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2227. Л. 17.

новьями богатых родителей, зайсанов – должностных лиц местного самоуправления.

Развитие здравоохранения

Буряты были лишены медицинского обслуживания. В случае заболеваний буряты обращались к ламам, шаманам. Заболеваемость и смертность среди них были чрезвычайно высоки.

На примере Баргузинского ведомства можно рассмотреть состояние медицинского обслуживания в бурятских ведомствах, деятельность органов местного самоуправления по борьбе с различными заболеваниями.

До 1899 г. в Баргузинском ведомстве врачей и аптек не было. Единственными официальными медицинскими работниками были оспенные ученики, которые производили предохранительные прививки от оспы малолетним детям, получали жалованье и были освобождены от несения повинностей. В 1872 г. оспенными учениками работали Дагба Инкеев, Рынцын Хайдупов, Чойбон Болотов[1636], в 1898 г. – Рабжа Николаев, Данжа Жимбеев, Шойсорон Дамбиев[1637]. Их труд высоко оценивался местной администрацией, так, оспопрививатель Жамба Тарнаев был награжден серебряной медалью за свой усердный труд[1638].

Оспенные ученики давали подписки при вступлении в должность: «…обязываемся неупустительно и со всей аккуратностью составить список о всех детях, которым будет привита оспа, во время эпидемии составлять отдельный список заболевших и таковой представлять врачу»[1639].

В ведомстве часто наблюдались различные инфекционные болезни, иногда и эпидемии. О характере заболеваний бурят свидетельствуют данные Баргузинской Степной думы: по отчету думы за 1871 г., заболело 405, выздоровело 356, умерло 59 человек.

Количество заболевших по ведомству в 1871 г. [1640]

Виды болезней	заболело	выздоровело	умерло
Простудной лихорадкой	78	72	6
Внутренними болезнями	110	95	15

[1636] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1641. Л. 22 об.
[1637] Там же. Д. 2550. Л. 6 об.
[1638] Там же. Д. 2566. Л. 1.
[1639] Там же. Д. 2179. Л. 57.
[1640] Там же. Д. 1525. Л. 20.

Глазными болезнями	25	25	-
Кровавым поносом	38	30	8
Удушьем	12	11	1
Натуральной оспой	5	5	-
Грудной болезнью	35	22	13
От старости лет	85	70	15
Младенческими болезнями	25	24	1
Венерической болезнью	3	3	-
Итого	405	356	59

В 1889 г. по Баргузинскому ведомству прошлась эпидемия натуральной оспы. В рапорте баргузинского окружного лекарского ученика Борткевича баргузинскому окружному сельскому врачу Лазовскому отмечено, что «… эпидемия натуральной оспы по улусам ведомства сильно свирепствует, больных много, а также смертных случаев…, больных от здоровых не отделяют…, только ламы их разъезжаются по улусам, вместо лечения больным читают молитвы…, трупы умерших не предают земле, … оставляют на поверхности земли в ящиках и корытах, наспех сделанных из дерева…»[1641]. Эпидемия оспы, начавшаяся в декабре 1889 г., продолжалась до июня 1890 г. В июне 1890 г. Баргузинская Степная дума отчитывалась, что на людях и скоте повальных болезней не существует[1642]. В 1894 г. «… в ведомстве в разных концах появилась на детях горловая болезнь, известно несколько случаев смертельных… Врачом Лазовским было установлено, это болезнь скарлатина»[1643]. В 1899 г. сельский фельдшер Баргузинского ведомства доносит в Баргузинскую Степную думу о появлении кори среди детей. Дума предписывает фельдшеру еженедельно докладывать о ходе заболевания и населению «воспретить посещение домов, где есть больные и сообщать о заболевших…»[1644].

Несмотря на очевидную потребность в медицинском учреждении, баргузинские буряты долго отказывались от открытия приемного покоя, мотивируя отказ тем, что не имеется подходящего помещения. До открытия приемного покоя баргузинские буряты

[1641] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2241. Л. 10–13.
[1642] Там же. Д. 2255.
[1643] Там же. Д. 2369. Л. 20–21.
[1644] Там же. Д. 2564. Л. 19.

ежегодно ассигновывали 200 руб. на содержание Баргузинской общественной больницы с таким условием, чтобы в случае надобности всегда были бы свободные места на четыре кровати для лечения бурят[1645]. Больные Баргузинского ведомства также лечились в Туркинской гражданской больнице и других местах.

Военный губернатор Забайкальской области был вынужден отписать баргузинскому окружному начальнику: «…безотлагательно устроить приемный покой, … под него отвести старое здание училища, … дровами пользоваться беспошлинно, а фельдшер будет получать содержание от казны…»[1646]. Постановлением Врачебного отделения Забайкальского областного правления от 5 марта 1899 г. Ефим Воронков назначен сельским фельдшером приемного покоя при Баргузинской Степной думе[1647].

Важную роль в охране санитарного состояния ведомства играли санитарные попечители, выбираемые обществом. В 1894 г. Степная дума отписывает баргузинскому окружному начальнику о том, что санитарные попечители имеются только в 2 селениях ведомства: Улюнском и Курумкано-Троицком. В селении Улюн имелся санитарный староста, которого выбирали крещеные буряты своим общественным приговором[1648].

В целях предотвращения распространения болезней Баргузинская Степная дума принимала профилактические меры. Так, когда в 1902 г. в некоторых местах Забайкальской области стала распространяться холера, по указанию Баргузинской Степной думы общественными приговорами в селениях баргузинских бурят выбирались санитарные попечители и выделялись дома, мебель, посуда на случай появления холеры, приобреталась известь, распространялись памятки «Инструкция о мерах личного предохранения от холеры», «Обеззараживающие средства», предписания вышестоящих органов[1649]. Согласно циркулярному распоряжению военного губернатора Забайкальской области, за нарушение санитарных правил виновные подвергались денежному взысканию до 500 руб. или аресту до 3 месяцев[1650].

[1645] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1.Д. 2249. Л. 3–4.
[1646] Там же. Д. 2461. Л. 10–11.
[1647] Там же. Д. 2571. Л. 1
[1648] Там же. Д. 2394. Л. 28.
[1649] Там же. Д. 2256.
[1650] Там же. Д. 2656.

Степная дума также вывешивала объявления. Например, в объявлении, подписанном в 1874 г. главным тайшой Степной думы Сахаром Хамнаевым, жителям Улюнского селения отмечалось, что «…жители сего селения не обращают никакого внимания на чистоту…, сор бросают подле дворов, берега двух речек, протекающих по селению, заваливаются назьмом, отчего в селении часто образуется зловоние, … белье полоскают в реке выше домов, где жители берут для пищи воду. Это может иметь самое зловредное влияние на здоровье жителей». Степная дума обязывала всех жителей Улюнского селения: «Очищать дворы тщательным образом, сор вывозить за селение в указанное место, где поставлен столб, нечистоты из нужного места обязаны возить далее столба. Жители в свободные дни должны стараться очищать берега рек от сора и нечистот»[1651].

Приемные покои для холерных больных были устроены в Улюнском и Кармодонском улусах на пять кроватей в каждом. Во избежание непредусмотренных расходов они закрывались, а в случае надобности они могли быть открыты вновь во всякое время. Из дезинфекционных средств приобретались карболовая кислота, деготь, известь[1652].

По Баргузинскому ведомству существовали минеральные источники, которыми пользовались жители ведомства. К их числу относились горячие источники: Каргинские, Аллинские, Оюйские; холодные минеральные воды: Улзахинские, Буксакинские, Епишкинские, Ининские, Аламбургские. Местные жители преимущественно посещали горячие источники. На Каргинские воды приезжали даже хоринские и агинские буряты, проезжая 600 и более верст[1653].

Степная дума также занималась профилактикой от укусов бешеных собак, предписывая родовым головам о принятии мер против бешеных собак. Интерес представляет записка главного тайши Сахара Хамнаева «О способе лечения от укушения бешеными волками», написанная им для редакции газеты «Забайкальский листок»[1654]. В записке автор предлагает распространить опыт

[1651] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1648. Л. 78–79.
[1652] Там же. Д. 2365. Л. 2–3.
[1653] Там же. Д. 820. Л. 4–6.
[1654] Там же. Д. 982. Л. 6–7.

лечения от укуса бешеного волка ламы лекаря как эффективный и малозатратный.

В другом бурятском ведомстве – Агинском – также не было врачей и аптек. Забайкальское областное правление своим циркуляром от 13 мая 1880 г. предложило агинским бурятам учредить лечебное заведение с аптекой, фельдшером «для охранения народного здравия, предупреждения развития повальных болезней», на что они отвечают отказом из-за больших финансовых затрат[1655]. В 1883 г. было пять оспенных учеников, которые производили предохранительные прививки. Они получали жалованье и были освобождены от повинностей. В 1872 г. за успехи в прививании детей оспенный ученик Аюша Митиев был награжден серебряной медалью[1656].

В случае надобности в медицинской помощи население обращалось к ламам, которые имели хорошие познания в тибетской медицине. Так, гэлун-ламе Сультиму Бадмаеву из Барун-Хоацайского рода было официально разрешено лечение только бурятского населения. 16 июня 1852 г. нерчинский окружной лекарь Джунковский подписывает свидетельство о том, что «по испытании и знанию его по частовременным разъездам лично, что он имеет понятие о болезнях, и зная характер, обычай и все причуды сородичей может быть полезным, о чем и сами просят буряты. По сему прошу покорнейше Агинскую Степную думу не препятствовать в пользовании азиатцев, в случае какого-либо затмения должен со мной объясниться; к русским не касаться»[1657].

Инородческими властями проводились профилактические мероприятия по борьбе с инфекционными заболеваниями. В 1893 г. в целях предотвращения распространения холеры по ведомству агинские буряты приняли общественный приговор: «Очистить и вывозить все вообще нечистоты около зданий Степной думы, приходского училища, земской квартиры и общественных амбаров, находящихся в Агинском селении, в селениях при Агинском и Цугольском дацанах, для чего подрядить 100 человек рабочих из окрестных жителей с 50 парой волов с телегами и пешими к 1 апреля на 10 суток»[1658].

[1655] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2435. Л. 8–8 об.
[1656] Там же. Д. 1958. Л. 38.
[1657] Там же. Д. 681. Л. 1.
[1658] Там же. Д. 2889. Л. 57.

Медицинскую помощь оказывали благотворительные медицинские отряды, например, в 1900 г. в Агу прибыл первый Забайкальский летучий глазной отряд попечительства императрицы Марии Александровны о слепых для оказания безвозмездной медицинской помощи неимущим лицам[1659].

В Балаганском округе оспопрививателями в 1859–1860 гг. были: Спиридон Никифоров, занимавшийся оспопрививанием с 1845 г. и прививший 800 человек, удостоенный в 1850 г. золотой медали, и Никита Григорьев, прививший с 1847 г. 600 человек[1660]. Оспопрививателями Аларского ведомства Балаганского округа Иркутской губернии в 1859–1860 гг. были: Михайло Иванов, прививший с 1841 г. 1914 человек, был отмечен серебряной медалью в 1847 г.; Шоглин Балыков, с 1847 г. прививший от оспы 1335 человек, и Бардунай Бадмин, прививший 251 человек с 1855 г.[1661]

В Верхоленском ведомстве не было фельдшера, медицинского пункта. Население в случае болезни обращалось к своим знахарям. По этому поводу в 1853 г. Иркутский земский суд обязывает Степную думу, «…чтобы они всемерно старались искоренять недоверие к медикам, т. к. трудно уговорить больного, чтобы он согласился принять предлагаемое ему лекарство. Народ во всех болезнях обращается сперва к своим знахарям, а когда болезнь доходит до высшей степени, только тогда обращается к медику»[1662].

В целях борьбы с инфекционными заболеваниями обучались и содержались за счет общества оспопрививатели. Они не только занимались прививками, но и исполняли функцию первой медицинской помощи, наблюдали за эпидемиологическим благополучием ведомства. В разные годы оспопрививателями были Андриян Андриянов, Василий Андреевич Верхозин, Матвей Корнаков.

Для оказания акушерской помощи женщинам в каждом селении имелись практикующие повивальные бабки. Так, за 1861 г. имеется список из 42 повивальных бабок, возраст которых колеблется от 45 до 68 лет, и у каждой из них стаж от 3 до 30 с лишним лет[1663].

В тяжелых случаях больных лечили стационарно в Иркутской Кузнецовской гражданской больнице, лечение и содержание было

[1659] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3274. Л. 6–7.
[1660] ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 281. Л. 12–13.
[1661] Там же. Д. 281. Л. 27–28.
[1662] ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 599. Л. 60.
[1663] Там же. Д. 885. Л. 22–24.

платным, деньги взыскивались с общества бурят. Распространенными были простудные, инфекционные заболевания. Так, в 1856 г. в Верхоленском ведомстве заболело простудной лихорадкой 85 чел., горячкой – 100 чел., чахоткой – 16 чел., венерическими болезнями – 3 чел., из них умерло 100 чел., остальные выздоровели[1664]. В 1860 г. заболело натуральной оспой 37 человек, умерло 12, выздоровело 25[1665].

У кударинских бурят не было своих врачей, фельдшеров и лечебных пунктов. По приговору кударинского общества в 1868 г. было решено отпускать ежегодно на содержание Кабанской лечебной избы по 8 коп. с каждой ревизской души, поэтому кударинские буряты могли получать здесь лечение. В ведомстве работали два оспопрививателя, которые ставили прививки детям и взрослым. Так, по данным 1883 г., Карп Иванов работал оспопрививателем с 1846 г. и привил 1869 человек, обучил оспопрививанию троих учеников, Семен Горбунов работал с 1864 г. и привил 1483 человека[1666].

По Ольхонскому ведомству не было ни медицинского учреждения, ни медицинских работников. В 1831 г. перед обществом ставился вопрос об открытии лечебного учреждения, но был отложен по причине невозможности его содержания[1667]. Был поставлен также вопрос о введении в каждый населенный пункт по лекарскому ученику по пресечению распространения венерических заболеваний, но по причине отсутствия таких заболеваний не было необходимости их введения. Случались эпидемии оспы, кори.

Степной думой проводилась работа по оспопрививанию, при думе постоянно работали два оспенных ученика, которые занимались прививками. В 1864 г. было привито 143 младенца[1668]. В 1869 г. оспопрививателями были Петр Новоселов и Байдай Аструев, ими было привито 106 детей[1669].

В 1873 г. ольхонские буряты общественным приговором ходатайствуют о приглашении фельдшера и обратились с прошением

[1664] ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 684. Л. 177.
[1665] Там же. Д. 860. Л. 3–3 об.
[1666] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1068. Л. 8, 11.
[1667] ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 18. Л. 10–13.
[1668] Там же. Д. 427. Л. 94.
[1669] Там же. Д. 822. Л. 2 об.–3, 8 об.

Верхоленскому окружному исправнику. Общество было готово платить жалованье фельдшеру в размере 360 руб. в год, нанять квартиру. Но вопрос об открытии лечебного учреждения так и остался нерешенным[1670]. В 1875 г. в ведомстве была эпидемия натуральной оспы, от которой умерло 156 человек[1671].

Фельдшерские пункты были в Хоготовской и Аларской инородных управах. Четыре управы, образовавшиеся после распада Балаганской Степной думы, содержали одного фельдшера и аптеку. На содержание фельдшерского пункта и покупку медикаментов общество хоготовских бурят выделяло в 1895 г. 150 руб.[1672], Аларская управа – 1414 руб.[1673]

В Абаганатской управе на разъезды оспенника на собственной лошади и приобретение детрита выделялась сумма 100 руб. в год. Так, во второй половине 1892 г. было привито 30 детей, в первой половине 1893 г. – 34 ребенка и 58 взрослых[1674], в 1895 г. было привито 60 новорожденных детей, 62 взрослых[1675]. Сумма 247 руб. 97 коп. выделялась на содержание четырех лошадей при двух ямщиках для разъездов окружного врача, фельдшера. Больные жители управы лечились в г. Иркутске. Так, имеется письмо в управу из конторы Иркутской Кузнецовской гражданской больницы о взыскании с инородца Романа Аскеева 3 руб. за содержание и лечение за период с 17 по 25 апреля 1903 г.[1676] Ольхонские буряты при заболеваниях пользовались Манзурским приемным покоем. Для осмотра больных по ведомству разъезжал фельдшер по расписанию. В 1910 г. были открыты по ходатайству жителей амбулатория и аптека при управе[1677].

В Унгинской управе в 1895 г. было три оспопрививателя: Михаил Болдонов, Лавр Богданов, Андрей Улаханов. В 1902 г. для предотвращения заноса холеры с зараженных мест в Балаганском уезде была создана санитарно-исполнительная комиссия, которая объявила «…очистить дворы и улицы от грязи, навоза, нечистот, в каждом дворе устроить отхожие места с выдвижными плотно сколо-

[1670] ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 936. Л. 8–8 об.
[1671] Там же. Д. 956. Л. 36–37.
[1672] ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 160. Л. 59.
[1673] ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 674.
[1674] Там же. Д. 19.
[1675] Там же. Д. 28. Л. 6, 26.
[1676] Там же. Д. 86. Л. 60.
[1677] ГАРБ. Ф. 240. Оп. 1. Д. 133. Л. 14.

ченными и хорошо просмоленными ящиками. Указания исполнить в семидневный срок, а в случае неисполнения – подвергнуть аресту до трех месяцев или денежному штрафу до 500 руб.» В каждом улусе готовили дом под холерную больницу, назначали двух служителей и двух санитарных надзирателей[1678]. При появлении болезни родовые старосты сразу оповещали управу, управа – вышестоящие органы. Обязательное постановление Унгинской управы от 27 января 1904 г. гласило: «…жители Нукутского улуса обязываются раз в неделю по субботам и накануне праздничных дней каждый против своей усадьбы очищать улицу от назема и мусора, держать в чистоте дворы, жилые помещения, строго воспрещается сваливать мусор на берега рек, воспрещается выпускать на улицу домашний скот, кроме как на водопой… За неисполнение сих виновные будут привлекаться к ответственности по закону»[1679].

Вся медицинская часть ведомства (фельдшер, оспопрививатели, аптека) содержалась за счет общества. Жители управы на общем собрании от 31 января 1910 г. постановили – платно выдавать лекарства из аптеки и обслуживать фельдшером посторонних, не относящихся к Унгинскому ведомству. В документе написано: «… принимая во внимание, что содержимый нами фельдшер не обязан обслуживать посторонних, мы не обязаны покупаемые нами лекарства отпускать бесплатно посторонним, за исключением крайних случаев – бедноты, если болезнь или несчастный случай будет угрожать жизни… Деньги, вырученные с разночинцев за лекарства и осмотр фельдшером должны расходоваться на приобретение медикаментов»[1680].

Таким образом, органы местного самоуправления на протяжении XIX в. в рамках своих возможностей осуществляли социальную политику в своих ведомствах, важными направлениями которой были развитие народного образования и здравоохранения, при этом о государственной поддержке инородческого образования и здравоохранения речь не идет. В основном, за редким исключением, образование и здравоохранение содержалось за счет бурятских обществ и частных пожертвований членов бурятских обществ.

[1678] ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 435. Л. 4.
[1679] Там же. Д. 477. Л. 2.
[1680] Там же. Д. 559. Л. 58.

§ 2. Роль органов местного самоуправления бурят в осуществлении опеки и попечительства. Благотворительность.

Призрение – это форма социальной помощи и поддержки, сложившаяся на протяжении нескольких столетий в дореволюционной России. Согласно Уставу об общественном призрении, предметами общественного призрения являлись дела двух родов:

1) дела по управлению благотворительными капиталами и имуществами или хозяйством, предусматривающие умножение капиталов принятием пожертвований;

2) дела, собственно к призрению относящиеся: установление, содержание и управление богоугодных и общественных заведений, как то сиротских и воспитательных домов, больниц и домов для призрения и умалишенных, богаделен и работных домов для прокормления неимущих работой, заведование общественными заведениями, учрежденными частными лицами и обществами[1681].

В социальном призрении четко разграничивались две его составляющие – государственное и общественное, неразрывно связанные и гармонично дополняющие друг друга. Под государственным призрением понималась социальная помощь соответствующих административных органов, производимая за счет государственного казначейства. Общественное призрение предполагало содержание и управление заведений, содержавшихся за счет пожертвований общества и частных благотворителей, заботу о сиротах, престарелых и нуждающихся членах общества и являлось негосударственной формой помощи нуждающимся. Исторический опыт государственного призрения в России свидетельствует, что именно общественное призрение являлось приоритетным[1682].

Опека и попечительство, благотворительность на общественные и частные нужды являлись частью социальной политики, проводимой органами местного самоуправления бурят в XIX – начале XX вв. Реалии сегодняшней жизни – появление в нашем

[1681] Устав об общественном призрении издания 1892 г., с Продолжением 1902 г. // Полный свод законов Российской империи. Т. 13. СПб.: 1905. С. 2.

[1682] Мантурова С.Ч. Государственное призрение и благотворительность в социальной и культурной жизни Забайкалья во второй половине XIX – начале XX вв. Улан-Удэ: 2005. С. 4.

обществе большого количества неполных семей, детей-сирот, нуждающихся в опеке и попечительстве, востребованность благотворительности – делают исследование прошлого исторического опыта бурятских обществ актуальным.

В бурятском обществе система опекунства и попечительства имела широкое распространение и регулировалась нормами обычного права. Устав об управлении инородцев 1822 г., сохранив, согласно § 68, их собственные степные законы и обычаи[1683], защищал и обеспечивал существование и функционирование родоплеменного принципа в бурятском обществе, когда в пределах родовых улусных общин сохранялись и развивались традиционные черты взаимоотношений бурят: любовь к ближнему, взаимная помощь, честность и справедливость.

А.П. Щапов называл эти черты социальными инстинктами и выделял наиболее выдающиеся социальные добродетели у бурят: «наклонность бурят помогать друг другу в нужде, несчастьях, сиротстве и т. п.». Он отмечал, что «во всех улусных обществах безродные, сироты, бедные ходят по юртам, как по своим родным жилищам, и находят там приют и пропитание… Даже сирот ясачных оседлых инородцев буряты содержат за свой счет»[1684]. Далее он приводит пример, как в оседло-инородческом селении Ользонах одна ясачная вдова с сиротами содержится бурятской общиной: ей выдаются из родового управления деньги на годовое содержание. Не случайно у бурят не было развито нищенство, попрошайничество среди бедных, престарелых и детей.

Забота о престарелых, дряхлых и увечных членах общества, круглых сиротах, не имеющих возможности самим прокормиться, согласно Уставу об общественном призрении, возлагалась на родственников. При отсутствии родственников или же по их бедности они должны были призреваться обществом за счет сбора внутренних повинностей[1685].

Надо отметить, что бурятское общество отличалось отсутствием сирот и нищих. Так, в отчете Кудинской управы за 1890 г. указывают на то, что «…в инородном быту считается грехом иметь

[1683] ПСЗРИ-1. № 29126. Т. 38. СПб.: 1830. С. 398.

[1684] Щапов А.П. Бурятская улусная родовая община // Собр. соч. Иркутск: 1937. Доп. том. С. 201–202.

[1685] Устав об общественном призрении издания 1892 г., с Продолжением 1902 г. // Полный свод законов Российской империи. Т. 13. СПб.: 1905. С. 57.

особый дом для призрения дряхлых, увечных и престарелых членов общества; а питаются таковые между ими безукоризненно, почему из инородцев никогда не видно нищенствующих»[1686].

По свидетельству миссионеров, «каждый бурят по простоте и доброте своей души, нисколь не рассуждая, дает приют своему бедному собрату и кормит его, вследствие чего у бурят нет такого нищенства, какое сильно развито у других народов, нет и воровства, вынужденного безвыходным положением». Бедный человек находит в юрте каждого бурята приют, посильную трапезу и угощение[1687].

Если сравнить с другими кочевниками – калмыками, то прослеживается аналогичная картинА.И.В. Лиджиева приводит размышления чиновника особых поручений при министре государственных имуществ барона Н. Вревского, побывавшего в командировке в степных кочевьях после постигшего регион наводнения: «Ознакомясь с бытом и обычаями калмыков и сравнивая их с другими цивилизованными народами, я по неволе отдаю предпочтение первым, так у кочевников христианское милосердие и любовь к ближнему вещь обыкновенная, вдовы, сироты, калмыки, вообще неимущие никогда не находят отказа в призрении и пищи, если таковая есть; … хурулы и общества, без предписаний если есть малейшая возможность по обычаю призревают бедных и делятся последним…».

Главный попечитель калмыков в своем ежегодном отчете отметил, что «многие из этого числа живут у родственников, другие у зажиточных калмыков и наконец большая часть призревается самими обществами, через что, нищенства (попрашайства) в калмыцком народе не существует». В отчете за 1877 г. он привел обоснование отсутствия нищих в калмыцкой степи: «Не в характере и не в обычае народа прошение подаяний: бедный ничего неимущий калмык, придя в любую кибитку, всегда в ней может с семьею хозяина напиться калмыцкого чаю, что и для него достаточно, но никогда не протягивает руку за подаянием и не испрашивает милостыни жалостливым голосом …»[1688].

[1686] ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 36. Л. 4.

[1687] ЗЕВ. 15 декабря 1904 г. № 24. С. 360.

[1688] Лиджиева И.В. Местное самоуправление калмыков в XIX – нач. XX вв. (историко-этнографический аспект) / отв. ред. К. Н. Максимов. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 183–184.

Уникальностью бурятского общества было отсутствие детей-сирот. На протяжении длительного периода истории буряты никогда не оставляли сирот без опеки и попечительства, однако отсутствие сирот объяснялось удивительной системой усыновления или удочерения оставшихся без родителей детей, когда ближайшие родственники, а при их отсутствии – дальние родственники или же сородичи становились их родителями. Приемные дети пользовались всеми имущественными правами наравне с родными детьми, если таковые имелись.

Усыновление у бурят существует на условиях о наследстве всем имуществом по смерти усыновителя. Усыновленные дети считаются наравне с родными, отношения между родителями и детьми личные, послушание и некоторое уважение, и имущественные[1689]. Так, в 1874 г. в Аларском ведомстве после смерти Лапхарь Халтанова осталась малолетняя дочь Дудник, которую взял к себе на воспитание Тумур Зонтоев с «некоторым имуществом и условием оплаты за Халтанова всех податей и повинностей до следующей ревизии»[1690].

В бурятском обществе была разработана система опекунства и попечительства на основании норм обычного права и имела весьма широкое распространение. Все вопросы по устройству сирот, неимущих решались по нормам обычного права.

Опека и попечительство представляет собой санкционированный законом надзор за каким-либо лицом или его имуществом. Опека – это институт гражданского и семейного права, способ восполнения дееспособности и защиты личных и имущественных прав и интересов несовершеннолетних и недееспособных лиц.

Попечительство устанавливается над несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет, а также над гражданами, ограниченными в дееспособности[1691]. Повод для установления такого надзора при всем многообразии отдельных деталей сводился, в сущности, к полному или частичному отсутствию у опекаемого правовой или хозяйственной дееспособности. Последнее могло возникнуть по различным причинам: несовершеннолетие лица, его нежелание или неспособность вести хозяйственные дела (в случае старости, сумасшествия, совершения преступления и т. д.).

[1689] ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 814. Л. 121 об.

[1690] ГАРБ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 83. Л. 3об.–4.

[1691] Юридический энциклопедический словарь / Под общей ред. В. Е. Крутских. М.: 2001. С. 262, 293.

В бурятском обществе рассматриваемого периода всем имуществом распоряжался мужчина – глава семьи. По нормам обычного права он был полновластным хозяином всего движимого и недвижимого имущества семьи и мог распоряжаться им единолично.

На женщину же распространялись ограничения в распоряжении имуществом: «Никому не разрешается с замужней женщиной без ведома ее мужа вести торговлю, давать ей и брать у нее займы»[1692]. В современных категориях правовой статус бурятской женщины того времени можно определить как «ограниченная дееспособность», когда попечителем замужней женщины выступает её муж. В случае смерти хозяина и отсутствия взрослых мужчин в семье вдова и малолетние дети начинали испытывать трудности в ведении хозяйства, связанные прежде всего с их правовыми ограничениями на распоряжение имуществом. В таком случае заботы о сохранении и приумножении имущества малолетних наследников до их совершеннолетия брали на себя опекуны и попечители, которых назначали органы местного самоуправления бурят, выполнявшие функцию опеки и попечительства.

На общих собраниях определялись опекуны и попечители, заслушивались их отчеты, рассматривались различные просьбы лиц, состоящих под опекой, разбирались спорные вопросы по опекам.

Условием, при котором учреждалась опека, было вдовство и сиротство. Так, по нормам обычного права, после смерти главы семьи, когда у него оставались несовершеннолетние и неотделенные дети, все наследство признавалось собственностью всех детей умершего. Тогда право распоряжения имуществом переходило к законной супруге и матери детей. Если овдовевшая женщина старше 40 лет имела дочь, то при желании могла остаться жить под наблюдением общества и родственников, владея имуществом.

Однако её право распоряжения было ограничено во времени и в объеме правомочий. Так, право распоряжения имуществом в интересах детей вдова сохраняла до момента её возвращения к своим родителям: если вдова пожелала вернуться к своим родителям, то с разрешения органа местного самоуправления могла вернуться к ним, оставив сына и имущество. Этого оставленного сына должны были растить и воспитывать родные умершего мужа. Вдова младше 40 лет с согласия родственников могла вер-

[1692] Обычное право хоринских бурят. Указ. соч. С. 71.

нуться к своим родителям, взяв с собой не просватанную дочь, также собственную одежду, украшения и наряды, лошадь, седло. Если же дочь была просватана, то, отдав ее родственникам мужа, вдова должна получить из наследства 10 голов скота.

В случае нового замужества вдова также теряла свое право распоряжения имуществом. Если она выходила замуж за брата мужа, то право распоряжения переходило к её новому мужу, на которого возлагалась обязанность женить сыновей и выдать замуж дочерей умершего, разделив между ними в равных долях его имущество. Если же вдова выходила замуж за чужого человека, то право распоряжения переходило ближайшим родственникам умершего: отцу, братьям, ее сыновьям. Они обязаны были сохранить имущество умершего, вырастить детей и разделить его между ними. Вдова в случае такого замужества была вынуждена уходить из семьи только с плеткой в руке.

Опекунство было связано с несением определенных обязанностей и прав в отношении не только к опекаемым, но и к материальным благам последних, таких как, например, земля, скот и т. д. Все движимое и недвижимое имущество, поступавшее в опеку, подлежало учету и оценке. Этим занимались представители органов местного самоуправления, и подлинность составленной описи подтверждалась подписями.

Опекуны пользовались землей, сенокосными угодьями, скотом опекаемого до достижения им совершеннолетия и за это отбывали все лежащие на нем подати и повинности. Так, в 1893 г. была учреждена опека над имуществом умершего инородца Аларского ведомства Александра Сарданова, имевшего несовершеннолетнюю дочь Дулгар. На имущество была составлена опись и общественным приговором назначены опекуны – Аюша Бартанов и мать Мария Сарданова. В 1903 г. по достижении 18 лет Дулгар Сарданова вступила в права наследства[1693].

Имущество сирот, не имеющих родителей, находилось под полным контролем органов местного самоуправления: «Имение же круглых сирот, т.е. не имеющих родителей, совершеннолетних братьев и родных дядей, немедленно отдается в опеку до их совершеннолетия по общим законам. А потому за расхищение и растрату имения малолетних подлежат ответственности означенные родственники их, принявшие их на воспитание, а за неиме-

[1693] ГАРБ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 585.

нием родственников – родовые головы как ближайшие блюстители порядка, но при несостоятельности сих последних – общество того улуса, к которому принадлежали малолетние»[1694].

Так, в 1881 г. в Аларском ведомстве после смерти родителей остались сиротами две малолетние девочки Картышевы – Матрена 10 лет и Фекла 7 лет. Шалотским родовым управлением на них была оформлена опека и опекуном имущества назначен Тимофей Кузьмин. Была составлена опись движимого и недвижимого имущества, в которую вошли деревянный дом, амбар, баня, четыре лошади, четыре головы рогатого скота и т. д. на общую сумму 350 руб. 80 коп. Опись подписывалась понятыми и заверялась подписью и печатью старосты родового управления. В 1888 г. старшая дочь Матрена по достижении 17 лет вышла замуж и потребовала свою долю наследства в письменной форме. Родовым управлением была проведена инвентаризация оставшегося имущества, в ходе которой выяснилось, что опекун взял к себе двух малолетних сестер с престарелой теткой, содержал их, ущерба имуществу не нанес, потратил на проведение свадьбы Матрены 104 руб. 05 коп. Была составлена опись на оставшееся имущество на сумму 223 руб. 52 коп., которое передавалось наследникам, при этом Матрена Картышева принимала опекунство над своей несовершеннолетней сестрой и обязывалась передать ей половину имущества по достижении ею совершеннолетия[1695].

Другой пример: в 1912 г. общественным приговором Ользоновской управы была учреждена опека над имуществом несовершеннолетнего сироты Трофима Середкина и опекуном назначен состоятельный бурят Михаил Серебренников[1696].

Таким же образом, по нормам обычного права, решались вопросы опекунства у тунгусов. В 1826 г. в Урульгинскую Степную думу поступило прошение от княжеского сына Корнилия Гантимурова, проживавшего в Кужертаевском селении. После смерти своих родителей он проживал в доме своего дяди А.Ф. Гантимурова, воспитывался с его сыном Марком. После смерти дяди и по достижении совершеннолетия он потребовал своей доли в хозяйстве. Общество дало удостоверение о том, что после смерти его родителей все

[1694] Положение о степных и обычаях между инородцами Забайкальской области кудыринского племени существующих. С. 187.
[1695] ГАРБ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 213. Л. 22.
[1696] ГАРБ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 358.

имущество семьи было описано и передано его дяде. Степная дума выносит решение о разделе всего имущества поровну между Корнилием и Марком, что было сделано и удостоверено обществом[1697].

В случае же отсутствия имущества у сирот «сайты отока должны отдавать их на содержание богатым и зажиточным родственникам. Если нет родственников, то должны отдать на бесплатное содержание по очереди самым богатым людям отока»[1698]. Согласно нормам обычного права, за воспитание чужого ребенка общество устанавливало примерно такую плату: «до одного года – 1 руб. 50 коп., за двухлетнего – 3 руб., за трехлетнего – 2 руб. 50 коп., за четырехлетнего – 2 руб. …»[1699]. Так, когда Николай Ахайдаев из Кудинской управы после смерти родителей остался сиротой (родители не оставили никакого имущества), его отдали на воспитание по инородческим обычаям дальнему родственнику Артомонову, за что общество кудинских бурят платило ему вознаграждение по особому словесному условию[1700].

Общество не просто назначало опекунов над сиротами и их имуществом, но и проверяло состояние имущества. В 1870 г. остались сиротами трое малолетних детей Павла Няхудаева, бурята 3-го Харанутского рода Кудинского ведомства. По решению родового управления была составлена опись движимого и недвижимого имущества на общую сумму 40 руб. 50 коп., и дети были переданы в опеку Логину Бутхееву, буряту того же рода, с его согласия и общественного удостоверения о его благонадежности. Он как опекун обязан был воспитывать их, платить все подати и повинности за них и следить за сохранностью имущества. В течение 12 лет, до совершеннолетия старших детей, родовое управление осуществляло контроль за имуществом сирот. Только в 1882 г. дело об опеке было прекращено в связи с совершеннолетием детей и передачей им имущества согласно акту[1701].

В 1915 г. в Койморской инородной управе рассматривались три дела по проверке опекунства: 1) проверка имущества и действий

[1697] ГАЗК. Ф. 55.Оп. 1. Д. 13. Л. 4.
[1698] Обычное право хоринских бурят. С. 101.
[1699] Книга записи судебных законов, выработанных 8 числа последнего осеннего месяца 1775 года на сборе сайтов 22 отоков всего селенгинского общества // Цибиков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. С. 42.
[1700] ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 159. Л. 4–5.
[1701] ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1646. Л. 1–82.

опекунов малолетнего Санжи Мадаева; общественным приговором признано, что имущество налицо, убыли нет, действия опекунов правильные; 2) действия опекунов малолетних Данзына Дунцаева и его сестер обществом признаны правильными; 3) действия опекунов малолетних Лопсона и Доржи Обоноковых тоже признаны правильными[1702].

Опека и попечительство были распространены у кочевников, о чем свидетельствует работа И.В. Лиджиевой о местном самоуправлении калмыков. Процедура установления опекунства инициировалась обществом, которое уведомляло улусного попечителя, тот по инстанции отправлял рапорт вышестоящему лицу, т. е. Главному попечителю калмыцкого народа в Астраханской губернии или Главному приставу кочующих народов Ставропольской губернии. Ими принимались соответствующие решения. Так, Главный пристав кочующих народов Ставропольской губернии 2 ноября 1881 г. на рапорты от 3 и 7 октября за № 2049 и 2071 предписывает попечителю Большедербетовского улуса собрать аймачный сход для избрания опекунов над малолетними зайсангами Бадмаевым и Буриновым и их имуществом. Опекуны к сиротам и над имуществом умершего избирались улусными и аймачными обществами, приоритет в даче опекунства отдавался ближайшим родственникам. В аймачном приговоре Багутова рода Яндыковского улуса от 11 сентября 1889 г. вынесено решение о том, что «опекуном к аймаку, состоявшему из 636 окладных и 38 неокладных кибиток, имуществу и малолетним наследникам, оставшимся после смерти нашего зайсанга Оконова, избрали родственника его, безаймачного зайсанга Менкеджен Шара Манджиева».

Оповещение о начале процедуры принятия опекунства проводилось путем опубликования вызова наследников к имуществу покойного в периодических изданиях: «Губернские ведомости», «Сенатские объявления». Принятое сходом решение фиксировалось в постановляющей части приговора. Например, решением аймачного общества Барунова рода Яндыковского улуса от 29 июля 1858 г. «над оставшимся после смерти зайсанга нашего Бадмы Гильджинова, аймаком, малолетними детьми и имуществом выбрали опекуном из среды своих одноаймачных калмы-

[1702] ГАРБ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 149.

ков Джидме Матукаева, который как нам известно поведения хорошего и может исполнять эту должность».

Кандидатуры опекунов, выдвинутые обществами, вносились в представление улусного попечителя на имя астраханского губернатора с приложением подлинного приговора и утверждались Главным попечителем с согласия губернатора.

Правовой статус опекуна детально расписан в «Наставлении опекунам», разработанном улусным Зарго 4 марта 1838 г. на примере Яндыковско-Икицохуровского улуса. В первом параграфе определена основная обязанность опекуна: «Принимающий на себя звание опекуна Яндыковско-Икицохуровского улуса, вместе с тем обязывается в полном смысле этого слова озаботиться, во-первых, о его хранении и приращении личной собственности умершего владельца, и, во-вторых, охранении прав и достоянии каждого из вверенных калмыков — вообще о благосостоянии всего улуса бескорыстно и благородно…». Таким образом, правовой статус опекуна характеризуется определенным набором обязанностей по отношению к опекаемому и в отношении его имущества, которое подлежало строгому учету и оценке. К правам опекуна относилось использование материальных благ, принадлежащих опекаемому, до достижения им совершеннолетия, но за это опекун принимал на себя обязательства выплачивания повинности.

Калмыцкое общество так же, как и бурятское, не только избирало опекунов над детьми-сиротами, но и осуществляло контроль над выполнением опекуном взятых на себя обязательств. Опекуны ежегодно представляли отчеты на рассмотрение общественных сходов. По достижении опекаемым (опекаемыми) соответствующего возраста опека над ним (ними), равно как и над имуществом умершего, прекращалась решением Зарго. Так, в определении суда Зарго от 28 февраля 1911 г. значится запись о том, что «опеку и попечительство над имуществом умершего в 1889 г. зайсанга Багутова рода Лиджи Гаря Оконова прекратить, за достижением всеми наследниками полного гражданского совершеннолетия»[1703].

[1703] Лиджиева И.В. Местное самоуправление калмыков в XIX – нач. XX вв. (историко-этнографический аспект) / отв. ред. К. Н. Максимов. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 189–192.

Таким образом, опека являлась важным направлением в деятельности органов местного самоуправления, которые выполняли функцию органов опеки и попечительства. Они назначали опекунов, осуществляли контроль за ними, вели учет имущества опекаемых, тем самым оказывали семьям и сиротам, оставшимся без кормильцев, правовую защиту их личностных и имущественных интересов. Благодаря такой деятельности в бурятском обществе не было таких явлений, как сиротство, нищенство, и этот исторический опыт заслуживает пристального изучения и применения в наши дни.

Дети должны были заботиться о своих родителях. В обычном праве бурят было прописано уважительное отношение к родителям. Если родители оказывались в бедности, то дети обязаны были брать их на содержание. Ревизские сказки, посемейные списки свидетельствуют о том, что престарелые родители числятся в составе семей своих сыновей, племянников, внуков. Свидетельством редкого случая иска родителей к детям является дело Найдана Дамдинова: в фонде Кялинской инородной управы имеется донесение головы управы Б. Шириева санкт-петербургскому градоначальнику от 10 января 1901 г. об отправлении на родину Найдана Дамдинова, проживающего на даче Н.В. Бадмаевой, по просьбе престарелых родителей и оставленной без средств жены. На что следует ответ самого Найдана Дамдинова о том, что «ни мои родители, ни жена в средствах не нуждаются, так как кроме собственных средств я им выслал в конце месяца через контору Торгового Дома П.А. Бадмаева 200 руб.»[1704].

Инородческие общества принимали активное участие в разных благотворительных акциях по сбору пожертвований. Так, интерес представляет список жертвователей на нужды России в Отечественной войне 1812 г. по Балаганскому ведомству:

1. Главный тайша 12 класса Андрей Назаров – 500 руб.
2. Помощник тайши Халмат Назаров – 300 руб.
3. Шуленга Булутского рода Хазагар Назаров – 200 руб.
4. Зайсан Тарган Назаров – 200 руб.
5. Шуленга 1-го Муруева рода Баргуй Дариев – 200 руб.

[1704] ГАРБ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 148. Л. 31–32.

6. Шуленга 14 класса 2-го Муруева рода Башилий Малакшинов – 200 руб.[1705].

На примере отдельных ведомств можно рассмотреть деятельность бурятских обществ по благотворительности в XIX в. Так, в Ольхонском ведомстве в 1818 г. было пожертвовано в инвалидный капитал Санкт-Петербурга, на сооружение памятника Дмитрию Донскому 20 руб., памятника Ермаку в г. Тобольске, пострадавшим от наводнения забайкальских обывателей 5 руб.[1706], тайша Субан Баинов пожертвовал 10 руб. в Вольное экономическое общество[1707], в 1831 г. было пожертвовано 5 руб. на учреждение публичной библиотеки в г. Иркутске[1708], в 1854 г. пожертвовали 45 руб. в пользу Отечества по случаю войны с Турцией[1709], в 1863 г. собрано 32 руб. на устройство миссионерской церкви при Кудинской Степной думе[1710], затем дополнительно еще 39 руб.[1711], в 1864 г. было сделано пожертвование 13 руб. в пользу инвалидов[1712], в 1864 г. общественным приговором было решено оказать благотворительность – выделить 135 руб. на содержание трех мальчиков-сирот в Ольхонском приходском училище по добровольному общественному согласию[1713], в 1865 г. ольхонские буряты пожертвовали 10 руб. на улучшение содержания арестантов в Верхоленской тюрьме[1714], в 1866 г. было собрано 14 руб. пожертвований на Ломоносовский капитал для учреждения стипендии в Санкт-Петербургском Университете и Московской Духовной Академии и назначение премии за лучшие сочинения[1715], 75 руб. для строительства дома дворянину И.И. Комисарову-Костромскому, спасшему жизнь царю[1716], в 1868 г. общественным приговором пожертвовали 298 руб. 90 коп. в пользу пострадавших от неурожаев[1717], в 1872 г. пожертвовали 33 руб. 60 коп. серебром в

[1705] ГАРБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4. Л. 13–14.
[1706] ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 9.
[1707] Там же. Д. 31. Л. 9–9 об.
[1708] Там же. Д. 21. Л. 3.
[1709] Там же. Д. 338. Л. 4–4 об.
[1710] Там же. Д. 421. Л. 11.
[1711] Там же. Д. 400. Л. 174 об.
[1712] Там же. Д. 429. Л. 7–7 об.
[1713] Там же. Д. 437. Л. 6 об.
[1714] Там же. Д. 429. Л. 5 об.
[1715] Там же. Д. 447. Л. 3–3 об.
[1716] Там же. Д. 447. Л. 15 об., 27 об.
[1717] Там же. Д. 814. Л. 36–38.

пользу раненых и больных воинов[1718], в 1880 г. было пожертвовано 300 руб. в пользу погорельцев г. Иркутска[1719].

В Баргузинском ведомстве по подписным листам собирали пожертвования по разным случаям. Бурятами ведомства в 1855 г. было пожертвовано 153 руб. 35 коп. на покрытие расходов государственного ополчения[1720], собраны деньги и лошади для действующей армии в 1856 г.[1721], в 1857 г. 174 руб. 30 коп. серебром на постройку лавок для учреждаемой ярмарки в селении Беклемишево[1722], в 1861 г. родовой старшина Суван Хамнаев пожертвовал 303 руб. серебром в пользу Баргузинского бурятского приходского училища[1723], в 1862 г. пожертвовано бурятами 82 руб. в пользу пострадавших от неурожаев хлеба западных губерний[1724], в 1867 г. 14 руб. серебром на содержание Иркутской реальной прогимназии[1725], также имеется информация о пожертвовании бурятами 10000 пудов хлеба в пользу Читинской гимназии[1726], в 1874 г. собрано 170 руб. в пользу приюта арестантских детей при Верхнеудинском тюремном замке, имеется рапорт думы 1874 г. о пожертвовании 300 руб. в пользу Иркутской учительской семинарии[1727]. В пользу баргузинских бурят и крестьян почетным гражданином Николаем Павловичем Герасимовым в 1874 г. был пожертвован дом на Каргинских горячих водах[1728].

Во время русско-турецкой войны активизировалась деятельность бурятских обществ по сбору пожертвований. Например, в 1877 г. в пользу больных и раненых воинов, пострадавших в русско-турецкой войне, баргузинскими бурятами было собрано 58 руб. в пользу славян Балканского полуострова, агинскими бурятами – 7176 руб. 75 коп.[1729]

Агинские буряты принимали активное участие в пожертвованиях, например, на военные нужды: в 1860 г. они пожертвовали

[1718] ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1163. Л .4.
[1719] Там же. Д. 489. Л. 48.
[1720] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 449. Л. 2.
[1721] Там же. Д. 487. Л. 3-6.
[1722] Там же. Д. 603. Л. 5–5 об.
[1723] Там же. Д. 1055. Л. 24–24 об.
[1724] Там же. Д. 1356. Л. 11.
[1725] Там же. Д. 2766. Л. 15–16.
[1726] Там же. Д. 1413. Л. 1.
[1727] Там же. Д. 1662. Л. 33.
[1728] Там же. Д. 1663. Л. 1–2.
[1729] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2272. Л. 34.

«12 быков для Амурской партии»[1730], в 1877 г. –7176 руб. 75 коп. в пользу больных и раненых воинов, пострадавших в Русско-турецкой войне[1731] и т. д.

В 1857 г. лама Сультим Бадмаев жертвует в Сибирский отдел императорского Русского географического общества предметы культа: «один медный колоколец с Очиром, 7 медных чашечек, 1 книга Жадамба на тибетском языке, один фунт дерева Рымену, один фунт ревеня и один человеческий череп»[1732].

В 1889 г. по просьбе Г.Н. Потанина главный тайша Жалсарай Зориктуев жертвует Музею Восточно-Сибирского отдела Императорского географического общества предметы культа: «1) бурхан Аюши – бог долголетия. Держит хумхан, полный рачияном бессмертия; 2) бурхан Оточи. Преподавший медицину, держит орех Арура, имеющий целебные свойства; 3) 7 штук медных жертвенных чашечек, которые ставятся в линию на жертвенном стольчике перед бурханами, что в них кладутся и какие имеют значения означены в приложении; 4) один медный круг с околом или пьедесталом, на котором приносится жертва «Мандал», при нем в особой бумаге горсть разных хлебных и других зерен, как образчик продукта, которым на мандале насыпаются кучки, имеющие символические значения. Кроме зерен примешиваются монеты и крупинки различных металлов и драгоценных минералов; 5) три маленькие кужи – курительных свеч тибетского приготовления»; лама ширетуй Цугольского дацана Арьядива Бадмаев – «деревянную модель субурги, бронзированную, один кэнгэргэ (бубен)»; ширетуй Агинского дацана Жигжит Данжинов – «пару медных хоумхан по-тибетски «бумба», из них первый с горлом, называемый «лайбум», употребляется при обрядах умовения образа божьего, отраженного зерцалом (толи) с молитвой об очищении греха и пороков помысла. Второй без горла, называемый «Намжил бумба», употребляется при освящении воды или пилюль чтением молитв и тирани; две связки павлиных перьев с травой, называемой «гуши», употребляемые для окропления святой водой из бумбы, которые втыкаются корнем вниз в черни, вложенные в бумба»[1733].

[1730] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1188. Л. 8–8 об.
[1731] Там же. Д. 2272. Л. 34.
[1732] Там же. Д. 1056. Л. 16–18.
[1733] ГАРБ. Ф. 270. Оп. 2. Д. 144. Л. 15–16.

Хоготовская инородная управа в 1892 г. собрала 28 руб. в пользу голодающих Европейской России[1734], в 1893 г. – 17 руб. 80 коп. в пользу погорельцев Минской губернии[1735], 4 руб. 10 коп. на сооружение православного храма в г. Варшаве[1736], в 1904 г. 110 руб. в помощь семьям нижних чинов, призванных на русско-японскую войну[1737], 3 руб. 11 коп. на строительство церкви в 6-м стрелковом полку[1738], 100 руб. в пользу Алексеевского комитета о раненых[1739], 9 руб. 67 коп. в пользу Красного Креста[1740].

Кудинская инородная управа собрала 139 руб. 40 коп. на сооружение памятника Александру III[1741], 25 руб. 51 коп. для Усть-Ордынской миссионерской церкви[1742], 15 руб. 35 коп. в пользу погорельцев Еловского селения Усть-Балейской волости[1743].

В Абаганатской инородной управе было собрано 15 руб. 45 коп. на сооружение памятника Александру III[1744], 2 руб. 50 коп. в пользу семей нижних чинов, призванных на войну[1745].

Унгинские буряты общественным приговором от 2 марта 1898 г. пожертвовали экспонаты (одежду, обувь из натурального меха), выставленные на Всероссийской выставке в г. Нижнем Новгороде, в коллекцию музея Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества[1746].

Активизация благотворительной деятельности в бурятских ведомствах обычно наблюдалась во время визитов членов царствующей семьи или памятных событий в их жизни, например, коронация, бракосочетание и т. д. 1896 г. ознаменовался коронацией Николая II, и многие бурятские ведомства приняли активное участие в благотворительной деятельности, так, буряты Селенгинской Степной думы собрали 1000 руб. на устройство бесплатной больницы в Селенгинском округе с ежегодным выде-

[1734] ГАРБ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 72. Л. 9.
[1735] Там же. Д. 88. Л. 5–6.
[1736] Там же.
[1737] Там же. Д. 340. Л. 1.
[1738] Там же. Л. 17.
[1739] Там же. Л. 6.
[1740] Там же. Д. 379. Л. 14.
[1741] Там же. Д. 279. Л. 5.
[1742] ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 488.
[1743] Там же. Д. 649. Л. 3.
[1744] Там же. Д. 186а. Л. 3.
[1745] Там же. Д. 86. Л. 117–118.
[1746] ГАРБ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 240. Л. 46–46 об.

лением 245 руб. на ее содержание, буряты Баргузинской Степной думы пожертвовали здание под приходское бурятское училище, буряты Агинской Степной думы собрали средства на строительство каменного православного храма во имя святого Николая Чудотворца в селении Агинском[1747].

По свидетельствам миссионеров, у бурят была развита благотворительность в широких размерах, даже была попытка завести у себя филантропические учреждения. Так, со ссылкой на В. Вагина, священник Е. Кузнецов пишет, что в 1817 г. буряты выстроили больницу и гостиницу при Туркинских минеральных водах[1748].

Кроме социальных вопросов органы местного самоуправления занимались состоянием нравственности жителей своих ведомств. В ежегодных отчетах Степных дум в разделе «Общественная нравственность» должностные лица оценивали состояние общественной нравственности. Например, в отчете Ольхонской Степной думы за 1827 г. отмечается, что ольхонские буряты «нравом тихие и медлительные, в обращении между собой просты, наклонны к любопытству, но обычаи сохраняют древние»[1749], в 1854 г.: «послушны местному своему начальству и мирны между собой во всех случаях»[1750], с посторонними то же добродушны и как бы боязливы, междоусобных драк, разбоев и краж вовсе не бывает»[1751], в 1874 г.: «народ… вообще неглупый, хотя грубый и невежественный, но насколько они умны, на столько же, если не более хитры и остроумны»[1752], «немстительны»[1753]. В документах отмечается, что между ольхонскими бурятами нищих никогда не бывает, даже если они не связаны кровным родством между собой, но считают себя и живут по большей части как бы родственники, лишь бы они были одного рода и улуса[1754].

Кударинские буряты, как отмечается в архивных документах, отличаются хорошим поведением, спокойным характером, трудолюбием. Они «к пьянству не привержены, никакого расстройства своим семействам не причиняют, важным преступлениям ино-

[1747] ЗЕВ. 16 августа 1896 г. № 33. С. 2–3.
[1748] ЗЕВ. 15 декабря 1904 г. № 24. С. 362.
[1749] ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 5. Л. 153.
[1750] Там же. Д. 131. Л. 4.
[1751] Там же. Д. 160. Лл. 49–50.
[1752] Там же. Д. 921. Лл. 36 об.–37.
[1753] Там же. Д. 318. Л. 55 об.
[1754] Там же. Д. 921. Лл. 42–42 об.

родцы себя не подвергают, и маловажным кражам, ведут жизнь азиатскую»[1755]. Об умственных способностях верхоленских бурят свидетельствуют следующие строки: «…одарены способностью к мышлению, сметливостью, находчивостью и даже своеобразною изысканностью к остротам»[1756]. По характеру верхоленские буряты «имеют нравственность… довольно добропорядочную, в обращении между собою снисходительны, кротки, добросовестны и не возмутительны, некоторые имеют наклончивость к вспыльчивости, но против местных властей почтительны»[1757].

Верхоленские буряты характеризуются следующим образом: «О физическом состоянии инородцев к переносу разных трудностей, а также и крайностей в климатических изменениях можно сказать, что они в том и другом случае более или менее способны, за исключением впрочем быстрых изменений из одного резкого положения, в особенности же отчуждения от родины, обусловленной более степною жизнью и открытым воздухом, тем более при стеснении обычной их свободы, но все же может быть переносимо ими без всяких физических истощений, только при постепенном влиянии на них каких либо условий, при занятиях и удобствах к жизни, которые были бы более свойственны их натуре и привычкам.

Из склонностей к физическим играм инородцы более всего склонны к борьбе и стрельбе из луков, но и эти упражнения постепенно встречаются реже и реже, характер их представляет собою одну только забаву, сопровождающуюся в большинстве случаев азартностью и как к стрельбе, так и борьбе в отношении предпочтения инородцы относятся одинаково. Кроме сказанных упражнений инородцы более всего предпочитают, как удовольствие верховую езду и скачки и вообще бега на верховых лошадях. Это упражнение проявляет собою только страсть к лошадям»[1758].

За нравственным состоянием населения следили органы местного самоуправления, принимая меры к пресечению антиобщественных явлений, таких как пьянство и картежные игры, а в случае необходимости принятием карательных мер в отношении нарушителей. Например, 15 марта 1867 г. Аларская Степная дума

[1755] ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 706–707. Л. 18.
[1756] ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1334. Л. 22–24 об.
[1757] Там же. Д. 684. Л. 12.
[1758] Там же. Д. 1334. Л. 22–24 об.

предписывает Шалотскому родовому управлению назначить выборы помощника старосты 7-го Хонходоровского рода вместо Улахон Башкуева, 6-го рода Алексея Тышилова, старшины Хорхон Шолонова, «доказывающих совершенное нерадение к своим обязанностям и часть временно предаются пьянству, через что не могут далее быть терпимы на службе»[1759].

Одной из мер морального воздействия было обсуждение провинившихся бурят на общих собраниях, на заседаниях Степной думы, и в результате таких бесед они давали подписки, которые регистрировались. Примером такого документа служит подписка Аламжи Семейщикова Хигинскому родовому управлению: «Я обязуюсь ни пьянствовать, ни наносить никому обид и не выходить из повиновения установленных властей»[1760].

Заседатель Агинской Степной думы Жиан Бодиин принял постановление от 18 марта 1887 г. о заключении в тюремную избу на двое суток Кулукова за картежную игру и укрывательство других игроков, выигранные деньги в сумме 1 руб. были зачислены в фонд Агинского приходского училища[1761]. Волостной старшина Б. Очиров постановлением от 5 июня 1908 г. арестовал на двое суток бурята Шагдарова за появление в нетрезвом состоянии на празднике «Обо»[1762].

Если на протяжении XIX в. бурятские ведомства жили изолированно, тем самым сохраняя свой старый уклад жизни, то начиная с конца XIX в., с началом строительства железных дорог, появлением торгово-промышленных заведений, их жизнь начинает коренным образом меняться. Так, большую озабоченность Агинской Тургинской инородной управы вызывало в связи со строительством железной дороги появление на территории управы чужих людей, которые занимались кражей скота, имущества, случались даже убийства. В общественном приговоре управы от 24 марта 1901 г. подчеркивалось, что под видом торговли и работы на железной дороге в самовольно построенных бараках поселились неизвестного поведения и сословия люди – евреи, татары, черкесы, ссыльнопоселенцы и другие подозрительные личности. Они уничтожали сооруженные ограды для сенокосных угодий,

[1759] ГАРБ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 18. Л. 44–45.
[1760] ГАРБ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 43. Л. 12–12 об.
[1761] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3778. Л. 19.
[1762] Там же. Д. 3938. Л. 25 об.–26.

пускали свой скот на сенокосные луга, лишая местное бурятское население возможности заготовить достаточное количество сена, пасти свой скот. За одну зиму было украдено и вывезено до 728 копен сена, пропали 9 лошадей, 1 бык, 9 баранов. Исходя из этого Тургинская инородная управа просит читинского окружного начальника разобраться с данной проблемой и выселить лиц дурного поведения за пределы управы[1763].

В годовом отчете Агинского волостного правления за 1908 г. отмечается, что «за последние годы молодежь, соприкасаясь преимущественно вдоль линии железной дороги в городах и селах с пришлым из других губерний праздным населением, ищущим легкой наживы, развращается: пьет водку, играет в карты, не оказывает почтение родителям. К пресечению подобных явлений принимаются со стороны волостного схода меры, а именно: воспрещение беспричинного пьянства всем до 40-летнего возраста, воспрещение азартных игр среди населения. Эти меры поддерживаются инородческими администрацией и судом»[1764].

На протяжении всей своей истории бурятские органы местного самоуправления занимались борьбой с пьянством. В Хоринском положении 1851 г. целая глава посвящена мероприятиям по предупреждению пьянства, картежных и прочих азартных игр. Согласно нормам обычного права, бурятам разрешалось употребление спиртных напитков только во время свадеб и прочих гуляний, при этом устанавливался возрастной ценз: «Из всех пришедших по приглашению на свадебное гуляние могут пить в меру уважаемые нойоны, сайты и люди в возрасте старше 40 лет. Категорически запретить пить в возрасте до 40 лет». В случае нарушения данного правила сайтами с них взыскивало вышестоящее начальство, с других же за нарушение спрашивали сайты, нарушителям полагалось наказание 15 ударами розог установленного образца[1765].

Одним из направлений работы по искоренению пьянства в бурятских обществах была борьба с корчемством – самогоноварением. В 1830 г. вышло предписание Иркутского земского суда, Иркутского губернского правления о борьбе с винокурением, в

[1763] ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 547. Л. 6об.–8 об.
[1764] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3945. Л. 173.
[1765] Обычное право хоринских бурят. С. 101.

котором говорилось, что «выкуривать из хлеба вина никто не осмеливался под опасением неизбежного по законам взысканий – по 200 руб. штрафу, участники корчемства будут отданы в солдаты, старее 35 лет сошлют на поселение, а женский пол, считая от 15 лет, уличенные в винокурении, будут отданы на работы на казенные фабрики, если уличенный не в состоянии будет оплачивать штраф, то штраф будет взыскиваться с родовичей того улуса»[1766]. В 1839 г. были арестованы ольхонские буряты-самогоноварщики, у них были конфискованы аппараты для самогоноварения. Иркутский губернский суд обычно штрафовал их, посуду продавали с аукциона или обратно отдавали хозяевам[1767].

Борьба с самогоноварением проводилась с нарушениями, например, в фонде Ольхонской Степной думы имеется интересный документ – предписание заседателя Верхоленского округа Блинова от 10 июня 1850 г. о незаконных действиях корчемного поверенного в Качугской дистанции, крестьянина из поселенцев Реккерта, который, извещаясь от своих шпионов о праздниках бурят, набирает до 15 или 20 человек под названием корчемной стражи и ходит в улусы. Подъезжая тайно, в ночное время, нападает на несколько юрт и забирает посуду, которая употребляется для выкурки молочного вина, и привлекают их к ответственности. Затем посуду подбрасывают к другим юртам и вынуждают хозяев идти на мировую сделку – заставляют их платить деньги. Родовое начальство вместо того, чтобы пресекать такие действия корчемной стражи, ссужает деньгами своих сородичей под проценты. В связи с этим нарушением Степной думе предписывается соблюдать все правила и порядки при открытии корчемств, не допускать стеснения бурят[1768].

Чрезмерное распространение пьянства вынуждало местную администрацию принимать меры по его пресечению, так, в 1848 г. Нерчинский земский суд направил в Агинскую Степную думу «Правила полицейские и исправительные, законом постановленные, против пьянства», которые необходимо было «…народу читать на всех мирских сходах и общественных собраниях еженедельно». Сами правила состояли из 10 пунктов, например, «запре-

[1766] ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 12. Л. 45–46.
[1767] Там же. Д. 30. Л. 16–17.
[1768] Там же. Д. 122. Л. 9–10.

щается всем и каждому пьянство. Кто найден будет на улице или в общенародном месте от пьянства в беспамятстве, тот подвергается суточному содержанию на хлебе и воде. Кто злообычен в пьянстве или более времени в году пьян, нежели трезв бывает, тот подвергается содержанию в смирительном доме до исправления. Кто на сход сельский или волостной придет пьяный, или неприлично одетый, тот подвергается за сие аресту на один день…»[1769]. Правила предусматривали также телесные наказания розгами от трех до 50 ударов за покупку вина под залог одежды, домашней утвари, скота, хлеба.

В связи с распространением пьянства среди жителей ведомства Степные думы были вынуждены предписывать своим подведомственным учреждениям принимать решительные меры по его пресечению. Главные родоначальники тоже не оставались в стороне от деятельности по искоренению пьянства. Уникальным по своему содержанию является программа баргузинского тайши Сахара Хамнаева по улучшению нравственности бурят, важным пунктом которой была борьба с пьянством. Он пишет: «Молодые без изъятия богатых и бедные занимаются пьянством во время лета, они более привнесены вести жизнь легко трудную, желая жить какими-нибудь переворотами разными, не так занимаются работой, как старики, собираются партиями в непраздничные дни, пируют, переезжая из юрты в юрты, задумав себе песни и перескакивают на лошадях, в этой гулянке часто случаются разные бесчинства, драки, даже неуважение к своим родоначальникам и старикам, и все это происходит, когда продолжается в обилии братский кумыс, то есть во время лета, тогда как с растворением лета всяк от земных отраслей должен бы запасать годовые свои провизии, я здесь нисколько не желаю лишить удовольствия народные, а должен сказать, как начальник их, видя перед глазами на хозяйство своего подчиненного, можно наслаждаться не в будни и рабочие дни, а во время праздников бурятских, сколько их у них таковых народных, начиная например, от милагада до калыма, а по религии от служения при бумханов до белого м[еся]ца и здесь сколько можно погулять». По его мнению, необходимо «пьянство

[1769] ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 416. Л. 142. Д. 3701. Л. 4–8.

запрещать законом» и Степная дума, родовые управления и родоначальники обязаны неустанно надзирать за нарушителями[1770].

В 1866 г. аларский тайша Н. Матханов в своем письме Шалотскому родовому управлению отмечает, что «во многих местах вверенного ему ведомства происходит почти неусыпное пьянство противно 241 статье XII тома Свода законов издания 1857 г., но родоначальники, на обязанности которых лежит смотреть и блюсти за порядком по 242 и 243 статьям того же тома, нисколько не заботясь и даже некоторые из них сами подвергаются слабости, отчего инородцы, пропиваясь до бесконечности, расстраивают свое хозяйство, заводят разные ссоры, драки». В конце письма он предписывает прекратить подобные беспорядки[1771].

Распространение пьянства среди бурят вызывало протест у бурятской интеллигенции. Цыбен Жамцарано связывает распространение пьянства среди бурят с упразднением родовых основ бурят и развитием питейных заведений: «…с упразднением дум и тайшей появились кабаки. Благодаря им развилось поголовное пьянство. В течение последних десяти лет… все буряты Иркутской губернии до того испились, что теперь не найдете непьющего»[1772]. В своем письме к Александру Михайлову от 18 октября 1903 г. он пишет: «Я все время думаю, как искоренять пьянство среди иркутских бурят, но никак не могу найти действительного и быстрого средства, кроме принятия ими буддизма и помощи хороших лам; и для успеха дела отрезвления бурят – нужна правительственная помощь или поддержка»[1773].

Со стороны правительства принимались меры назидательного характера, а органы местного самоуправления были вынуждены вести безуспешную борьбу с пьянством. Так, в 1906 г. общественный приговор Койморской управы запретил доверенному винной монопольной лавки в селении Тунка отпускать более 1 литра водки каждому. Для покупки в больших объемах требовалось разрешение управы[1774]. В ночное время продавали водку в частных домах, и управа была вынуждена учредить ночной обход в соста-

[1770] ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 432. Л. 1–9.
[1771] ГАРБ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 14. Л. 9–10.
[1772] Жамцарано Ц. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: 2001. С. 25.
[1773] ГАРБ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 1. Л. 90–92.
[1774] ГАРБ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 98. Л. 1–2.

ве полицейского сотского или десятского и двух благонадежных хозяев по очереди. Пьяных ловили и закрывали в «каталажку».

В 1908 г. В. Холодов, бывший голова Кудинской инородной управы, выступил с проектом улучшения жизни бурят, преследующим ограничение пьянства на свадьбах, отмену некоторых свадебных обычаев и религиозных обрядов шаманства, которые вредно отражаются на экономическом положении бурят. Проект состоял из 33 статей, с объяснением бурятских обычаев. Предлагалось:

«1. Во время обряда «худа оролсохо»[1775] брать водку не больше одного ведра, плату калыма давать не более 1/6 части такового.

2. Об уменьшении количества водки на свадьбах и ее приобретения в следующих нормах: пять ведер для жениха и три ведра для невесты. Это делается для того, чтобы не вводить в непосильные расходы лиц, вступающих в брак, материально не обеспеченных – это раз, во-вторых, чтобы меньше было пьянства.

3. Пить не красными китайскими чашками, как это было до сего времени, а рюмками. Это делается в виду того, что много водки пропадает зря благодаря чашкам. Избегать «баришта»[1776] и «хабая»[1777] – эти обычаи нам, инородцам, ничего хорошего не дали, и с их прекращением мы хотя отчасти гарантируем себя от заразных болезней.

4. Не вынуждать молодежь и непьющих вино употреблять его – этим мы, инородцы, делаем для самих себя большое зло и ведем родичей к физическому вырождению…

19. Строго воспретить тайную продажу вина в улусах, как бурятам, так и русским, в особенности весною, когда выдают ссуду из хлебозапасных магазинов, так как находятся лица, которые пропивают до десяти пудов хлеба, т. е. количество, достаточное, чтобы засеять почти три четверти десятины.

20. Также воспретить выкурку хлебного тарасуна, кроме количества, необходимого для религиозных обрядов»[1778].

Таким образом, особенностью социальной политики в бурятском обществе было отсутствие государственной составляющей

[1775] «Худа оролсохо» – обряд сватовства.

[1776] «Баришта» – круговое взаимообразное угощение водкой.

[1777] «Хабай» – конец обряда «баришта», который заключается в том, что присутствовавшие последнюю рюмку выпивают поочередно все.

[1778] Богданов М.Н. Среди бурят // Сибирские вопросы. 1910. № 45–46. С. 75–80.

части. Народное образование, здравоохранение, содержание сирот, немощных, больных и малоимущих целиком ложились на общество. Органы местного самоуправления бурят занимались планированием мероприятий по социальному призрению, сбором денег на расходы по народному образованию и здравоохранению, прилагали все усилия для оказания помощи нуждающимся сородичам. Благодаря их деятельности открывались приходские школы, появились свои учителя, осуществлялись подбор и направление стипендиатов в уездные училища и гимназии, содержались медицинские учреждения, хлебные экономические магазины, которые обеспечивали пропитание бурят. Кроме этого, буряты как часть российского общества принимали активное участие во всероссийских, губернских и областных акциях по сбору пожертвований на разные нужды.

Традиционные черты взаимоотношений бурят – взаимная помощь и поддержка, забота о сиротах, неимущих – сохранились в пределах родовых улусных общин. Не случайно в отчетах органов местного самоуправления указывают на то, что у инородцев нет нищих и сирот, и считается грехом иметь особый дом для призрения дряхлых, увечных и престарелых членов общества. Опека являлась важным направлением в деятельности органов местного самоуправления, которые выполняли функцию органов опеки и попечительства. Они назначали опекунов, осуществляли контроль за ними, вели учет имущества опекаемых, тем самым оказывали семьям и сиротам, оставшимся без кормильцев, правовую защиту их личностных и имущественных интересов. Благодаря такой деятельности в бурятском обществе не было таких явлений, как сиротство, нищенство, и этот исторический опыт заслуживает пристального изучения и применения в наши дни.

Надо отметить, что, несмотря на старания инородческих органов самоуправления в области социальной политики, многие социальные проблемы бурят не получили своего разрешения. Буряты были лишены медицинского обслуживания, основная масса детей не имела возможности учиться в школах.

Заключение

Сибирь и населявшие ее народы представляли стратегический интерес для Российского государства, который определялся не только чисто экономическими, но прежде всего политическими соображениями, связанными с потребностями укрепления позиций российской государственности на востоке. В этом смысле Прибайкалью и Забайкалью принадлежала особенная роль: периферийный и практически никем не обжитый колоссальный регион оказался на перекрестке столкновения стратегических интересов России и государств Центральной Азии и Европы.

Особенность русской цивилизации, в которой, в отличие от европейских стран, аборигенный, демографический и территориальный факторы играли совершенно иную роль, определили суть политики и механизмы разработки законодательства о коренных народах. Это отчетливо прослеживается на протяжении XVIII – XIX вв. Стержневой линией правительственного законодательства становится стремление глубже вовлечь народы Сибири в систему общероссийских административных, хозяйственных и иных связей.

Российская империя на первых порах не только не ломала существующие у народов Сибири потестарные институты власти (систему местного управления и самоуправления), но и стремилась интегрировать их в создававшийся на окраинах механизм государственно-правовой системы. Это выразилось в том, что родовой принцип становится основой для учрежденной по Уставу 1822 г. трехступенчатой системы местного самоуправления сибирских инородцев: родовое управление – инородная управа – Степная дума. Именно они в пределах своих ведомств на основании норм обычного права при полном следовании российскому законодательству эффективно осуществляют свою деятельность вплоть до начала XX в.

Устав об управлении инородцев Сибири 1822 г. М.М. Сперанского становится основным законодательным актом в отношении

сибирских инородцев, в частности бурят, целью которого было не только стремление обеспечить казну налогами, но и будущая постепенная интеграция сибирских инородцев в общероссийское пространство. Устав разделил сибирских инородцев на три разряда в соответствии с родом занятий и образом жизни (оседлые, кочевые, бродячие), предоставил им обширное самоуправление, ограничил опеку над ними со стороны русской администрации и полиции, узаконил действовавшее обычное право. Сохранение обычного права позволило сибирским инородцам, независимо от способа и формы вхождения нерусских народов в состав Российской империи, внести в новое для него государство свой менталитет, культуру, вероисповедание, сложившиеся формы судопроизводства и местного самоуправления.

Бурятские Степные думы, инородные управы, родовые управления до середины XIX в. действительно представляли систему местного самоуправления, успешно решавшую вопросы местного значения. Административно-хозяйственная деятельность способствовала развитию хозяйства, поступлению налогов в государственную казну, укреплению экономического благосостояния России. Во главе бурятских ведомств становятся такие талантливые руководители – общественные деятели, как С. Хамнаев, З. Хамаганов, Т. Тобоев, И. Пирожков и др., внесшие значительный вклад в развитие своих ведомств. Органы местного самоуправления бурят успешно занимаются такими важными вопросами повседневной жизни бурятского общества, как раскладка и сбор налогов, развитие скотоводства и земледелия, содержание дорог, профилактика и борьба с пожарами и стихийными бедствиями, обеспечение продовольствием населения через экономические магазины и т. д. На основе Устава 1822 г. была организована налоговая система, действовавшая фактически до конца XIX – начала XX в. Размер налогов зависел от разряда населения, состояния имущества каждой семьи. Кроме налогов, буряты отбывали натуральные повинности – дорожная, квартирная, уртонная (почтово-перевозочная), арестантская, охрана лесов от пожаров и т. д. Следствием успешной хозяйственной деятельности становится полная финансовая самостоятельность бурятских ведомств.

Согласно Уставу 1822 г. учреждаются инородческие суды, действовавшие на основе норм обычного права. Однако из ведения

инородческих судов были изъяты такие уголовные дела, как убийство, грабеж, изготовление фальшивой монеты, похищение казенного и общественного имущества, а остальные правонарушения и преступления рассматривались как маловажные, исковые. В судопроизводстве наиболее часто были представлены дела по взаимным финансовым и хозяйственным претензиям, уплате калыма, семейным разводам с разделом имущества, расследованиям краж скота и имущества, которые являются наиболее разработанными в обычном праве.

Местное самоуправление бурят занималось планированием мероприятий по социальному призрению, сбором денег на расходы по народному образованию и здравоохранению, прилагало существенные усилия для оказания помощи нуждающимся сородичам. Социальная политика местного самоуправления, особенностью которой было отсутствие государственной составляющей части, позволяла открывать приходские школы, заниматься подготовкой учителей, осуществлять подбор и направление стипендиатов в уездные училища и гимназии, содержать медицинские учреждения, хлебные экономические магазины, которые обеспечивали пропитание бурят. Кроме этого, буряты как часть российского социума принимали активное участие во всероссийских, губернских и областных акциях по сбору пожертвований на разные нужды.

Степные думы, инородные управы и родовые управления выполняли роль органов опеки и попечительства: назначали кандидата опекунов, осуществляли контроль за ними, вели учет имущества опекаемых, тем самым оказывали семьям и сиротам, оставшимся без кормильцев, правовую защиту их личностных и имущественных интересов. Благодаря такой деятельности в бурятском обществе не было таких явлений, как сиротство и нищенство. Органы местного самоуправления следили также за нравственным состоянием населения, принимая меры к пресечению антиобщественных явлений, таких как пьянство, азартные игры, и в случае необходимости прибегали к карательным мерам в отношении нарушителей.

Начиная со второй половины XIX в. в бурятских ведомствах наблюдается кризис административно-хозяйственной системы, основанной на родовом принципе, вызванный происходившими

социально-экономическими процессами в российском обществе и геополитическими факторами. Общественный характер службы со своими привилегиями, отказ от наследственного принципа власти в пользу «достойного» кандидата становятся причинами многочисленных нарушений со стороны должностных лиц, социальной дифференциации бурятского общества и острой борьбы за власть. Во второй половине XIX в. сложившаяся у бурят административно-хозяйственная система, основанная на родовом принципе, перестает отвечать реалиям российского общества, назревает необходимость коренных перемен в административной и хозяйственной жизни. Отсутствие государственной поддержки не позволяло решать основные социальные проблемы: буряты были лишены медицинского обслуживания, основная масса детей не имела возможности учиться в школах.

Инородческий суд и судопроизводство перестали отвечать изменившимся условиям. Кризис инородческой судебной системы был вызван тем, что, во-первых, совмещение административной и судебной функции родовыми управлениями и инородными управами не обеспечивали правильного и беспристрастного рассмотрения дел; во-вторых, нормы обычного права не отвечали изменившимся условиям быта населения и утратили свое практическое значение; в-третьих, инородческие суды отличались медлительностью и подчас необоснованными решениями. Как следствие, наблюдается огромное количество нарушений в управлении, хозяйственной деятельности, которые невозможно было устранить с помощью традиционных инородческих законов.

Во второй половине XIX в. имперская политика в отношении сибирских инородцев меняется: со стороны правительства предпринимаются попытки ликвидации устаревшей системы инородческого самоуправления путем составления проектов по их переводу в оседлое состояние с вытекающими отсюда последствиями в области землепользования, налогообложения, суда и судопроизводства, привлечения их к воинской повинности. Постепенно происходит ограничение местного самоуправления бурят жесткой регламентацией деятельности должностных лиц, проведением показательных следственных дел в их отношении. В этот период местное самоуправление бурят практически становится формой управления со стороны государства, таким образом, воз-

никает своеобразная форма государственного управления, когда государство использует местное самоуправление для решения стоящих перед ним задач.

В 1880–1890-х гг. политика Российского правительства в Восточной Сибири активизируется, что было связано с экономическими и геополитическими задачами. Основными инструментами в экономическом освоении Сибири становятся русская крестьянская колонизация и строительство железной дороги, которые потребовали коренной реформы в землеустройстве, налоговой политике, административно-судебном устройстве сибирских народов.

В конце XIX – начале XX в. наблюдается качественное изменение имперской политики Российского государства в отношении сибирских народов: на смену политике регионализма приходит политика унификации управления. Начиная с середины 1890-х гг. правительство в законодательном порядке проводит коренные изменения в политике в отношении инородцев, направленные на разрушение родоплеменной организации инородческого управления, на унификацию их управления с крестьянским. Важным обстоятельством, повлиявшим на политику Российского государства в отношении бурят и тунгусов, был пограничный фактор: стремление России упрочить государственные границы на востоке Азии, развивать торговое сотрудничество с Монголией.

В 1890-е гг. правительство осуществляет ликвидацию Степных дум и должности главного тайши в Енисейской и Иркутской губерниях. В начале XX в. правительство провело волостную реформу в Забайкальской области, в ходе которой родовые органы самоуправления были заменены территориальными волостными правлениями, упразднены инородческие должности, установлен территориальный принцип организации судов, а судебная власть была отделена от административной.

В Иркутской губернии первоначально предполагалось ввести волостную реформу одновременно с землеустройством аборигенов. Однако, поскольку темпы землеустроительных работ были крайне медленными, правительство отказалось от первоначального замысла и в большинстве случаев насаждало новую реформу управления откровенно насильственными методами, вне всякой

связи с землеустройством. Волостная реформа в Иркутской губернии проводилась вплоть до 1917 г.

Таким образом, в имперской административной практике в Сибирском регионе применительно к коренному населению на протяжении рассматриваемого периода можно наблюдать эволюцию прямого колониального правления в систему управления по крестьянскому образцу. В конце XIX в. в противовес регионализму М.М. Сперанского на основе осуществления идеи необходимости единства Российской империи возникает замысел ликвидации сословия «инородцев» как такового. В данном случае стратегические цели империи по экономической, политической и социокультурной интеграции народов Сибири в состав национального российского государства не только сливались и дополняли друг друга, но и приобретали новые очертания. Основным содержанием их стали ясно видимые русификаторские черты.

Бурятский этнос в имперской системе власти прошел длительный путь трансформации и развития. Он характеризуется устройством уникальной в мировой практике модели взаимоотношений с государственным сообществом: буряты, войдя в лоно русской государственности, заняли особую нишу в государственной структуре, на протяжении более двух веков сохранив свои потестарные институты власти, образ жизни, свое хозяйство и культуру.

Источники и литература

Законодательные акты

Полное собрание законов Российской империи. 1 собрание. (1649–1825). СПб.: 1830. № 1329, 1336, 1474, 1526, 1542, 1590, 1594, 1835, 3636, 3637, 4860, 5737, 6775, 7480, 11191, 15147, 15680, 19059, 20263, 20771, 22189, 25605, 22189, 28706, 29125, 29126, 29132, 29133, 29605.

Полное собрание законов Российской империи. 2 собрание. (1825–1881). СПб.: 1830–1884. № 409, 1197, 1610, 1611, 4088, 4922, 5284, 5720, 5721, 5847, 5848, 7917, 9823, 11438, 12867, 19284, 18908, 25394, 27320, 33244, 34230, 35001, 36650, 43888, 44682, 44831, 46003, 46341, 46380, 48498, 51180, 52983, 53379.

Полное собрание законов Российской империи. 3 собрание. (1881–1913). СПб.: 1884–1915. № 2324, 2770, 3814, 6196, 7574, 12932, 12998, 14908, 15063, 15503, 15539, 16736, 17102, 18735, 19984, 21505, 21577, 22821, 26125.

Свод законов Российской империи 1832 г.

Свод законов Российской империи 1842 г.

Свод законов Российской империи 1857 г.

Собрание узаконений и распоряжений правительства 1863, 1878, 1888, 1898, 1899 гг.

Устав об общественном призрении издания 1892 г., с Продолжением 1902 г. // Полный свод законов Российской империи. СПб.: 1905. Т. 13.

Устав уголовного судопроизводства. Ст. 1407 // Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края. По новому, 1902 года, изданию / сост. Г. Савич. СПб.: 1903. С. 170–174.

Положение об инородцах 1892 г. Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края. По новому, 1902 года, изданию / сост. Г. Савич. СПб.: 1903.

Положение об инородцах // Продолжение Свода законов Российской империи 1906 г. Часть 1. Статьи к Т. I и II. СПб.: 1907.

Документы архивохранилищ
а) Государственный архив Республики Бурятия

Ф. 1 Кудинская Степная дума (1789–1898) – 3833 дела.
Ф. 2 Селенгинская Степная дума (1825–1914) – 6531 дело.
Ф. 3 Балаганская Степная дума (1809–1902) –2063 дела.
Ф. 4 Верхоленская Степная дума (1821–1919) – 2078 дел.
Ф. 5 Кударинская Степная дума (1809–1904) – 1527 дел.
Ф. 6 Аларская Степная дума (1832–1912) – 1243 дела.
Ф. 7 Баргузинская Степная дума (1810–1902) – 2976 дел.
Ф. 8 Хоринская Степная дума (1743–1904) – 2719 дел.
Ф. 9 Баунтовская тунгусская инородная управа (1853–1923) – 54 дела.
Ф. 12 Ольхонская Степная дума (1816–1894) – 1142 дела.
Ф. 13 Кудинская инородная управа (1890–1907) – 583 дела.
Ф. 15 Абаганатская инородная управа (1890–1912) – 167 дел.
Ф. 16 Унгинская инородная управа (1848–1916) – 629 дел.
Ф. 17 Аларская инородная управа (1890–1915) – 679 дел.
Ф. 18 Хоготовская инородная управа (1822–1915) – 477 дел.
Ф. 37 3-е Абаганатское родовое управление (1864–1915) – 192 дела.
Ф. 38 Абазаевское родовое управление (1850–1885) – 264 дела.
Ф. 39 Хигинское родовое управление (1867–1889) – 270 дел.
Ф. 40 2-е Абаганатское родовое управление (1876–1899) – 50 дел.
Ф. 41 1-е Абаганатское родовое управление (1872–1902) – 43 дела.
Ф. 42 4-е Абаганатское родовое управление (1871–1906) – 127 дел.
Ф. 43 Семисосенское родовое управление (1873–1887) – 15 дел.
Ф. 46 Шалотское родовое управление (1840–1904) – 211 дел.
Ф. 47 Сарминское родовое управление (1872–1887) – 22 дела.
Ф. 49 Чернорудское родовое управление (1873–1887) – 14 дел.
Ф. 50 Подлеморско-Шимагирское родовое управление (1831–1919) – 46 дел.

Ф. 56 Верхнеудинское уездное училище (1824–1923) – 1154 дела.

Ф. 84 Гусиноозерский дацан (1788–1929) – 610 дел.

Ф. 103 Кялинская бурятская инородная управа (1851–1904) – 236 дел.

Ф. 104 Могойтуйская бурятская инородная управа (1840–1903) – 79 дел.

Ф. 118 Осинское родовое управление (1892–1920) – 46 дел.

Ф. 129 Агинская Степная дума (1846–1909) – 5165 дел.

Ф. 103 Кялинская инородная управа (1851–1904) – 236 дел.

Ф. 104 Могойтуйская инородная управа (1840–1903) – 79 дел.

Ф. 161 Тункинская инородная управа (1845–1893) – 136 дел.

Ф. 171 Тункинская Степная дума (1844–1896) – 340 дел.

Ф. 178 Тургинская инородная управа (1850–1903) – 560 дел.

Ф. 184 Ользоновская инородная управа (1887–1913) – 583 дела.

Ф. 195 Усть-Ордынская Троицкая миссионерская церковь – 10 дел.

Ф. 241 Харибятская инородная управа (1883–1922) – 778 дел.

Ф. 252 Торская инородная управа (1868–1917) – 26 дел.

Ф. 253 Галзутская инородная управа (1821–1884) – 10 дел.

Ф. 266 Баргузинское бурятское приходское училище (1846–1917) – 68 дел.

Ф. 270 Главный тайша Агинской Степной думы (1842–1903) – 527 дел

Ф. 272 Цугольская инородная управа (1842–1904) – 178 дел.

Ф. 291 Челутаевская инородная управа (1860–1903) – 436 дел.

Ф. 293 Барун-Хоацайская инородная управа (1874–1904) – 89 дел.

Ф. 294 Тутхалтуевская инородная управа (1855–1902) – 486 дел.

Ф. 320 Баргузинская тунгусская инородная управа (1832–1873) – 32 дела.

Ф. 328 Нижнеангарское Киндигирское родовое управление (1832–1917) – 93 дела.

Ф. 345 Койморская инородная управа (1891–1914) – 181 дело.

Ф. 369 Бырке-Цугольская инородная управа (1830–1906) – 91 дело.

Ф. 427 Агинская инородная управа (1806–1916) – 253 дела

Ф. 451 Главный тайша Хоринской степной думы (1839–1909) – 20 дел.

Ф. 460 Верхоленская Степная контора (1782–1824) – 157 дел.

Ф. 463 Кударинская Степная контора (1791–1824) – 31 дело.

Ф. 465 Кутульская инородная управа (1890–1916) – 373 дела.

Ф. 468 Балаганская Степная контора (1815–1822) – 6 дел.

Ф. 469 Ольхонская Степная контора (1812–1823) – 6 дел.

Ф. 523 Галзотская инородная управа (1821–1884) – 10 дел.

Фонды личного происхождения

Ф. 362 Личный фонд Мангатхана Маласагаева (1867–1930) – 27 дел.

Ф. 357 Личный фонд А.М. Михайлова (1870–1923) – 2 дела.

Ф. 353 Личный фонд И.И. Пирожкова (1823–1906) – 6 дел.

б) Государственный архив Забайкальского края

Ф. 1 Забайкальское областное правление (1851–1917) – 26 300 дел.

Ф. 284 Агинская Степная дума (1830–1917) – 58 дел.

Ф. 55 Урульгинская Степная дума (1823–1896) – 520 дел.

Ф. 29 Урульгинская тунгусская инородная управа (1822–1899) – 386 дел.

Ф. 300 Начальник эвенкийских родов (1752–1822) – 38 дел.

в) Государственный архив Иркутской области:

Ф. 24 Главное управление Восточной Сибири (1822–1887) – 29 153 дела.

Ф. 29 Канцелярия приамурского генерал-губернатора (1859–1911) – 1385 дел.

Ф. 715 Аларская Степная дума (1851–1888) – 25 дел.

Ф. 717 Балаганская Степная дума (1851–1888) – 2 дела.

Ф. 223 Верхоленская Степная дума (1821–1883) – 5 дел.

Ф. 237 Идинская Степная дума (1857) – 1 дело.

Ф. 224 Родоначальник 11 аларских родов Аларского бурятского ведомства Иркутской губернии (1867–1869) – 1 дело.

Ф. 534 Контора главного тайши Балаганского ведомства (1775–1803) – 5 дел.

Ф. 151 Ленская инородная управа (1837–1916) – 847 дел.

Фонды личного происхождения

Ф. 295 Личный фонд Н.М. Ядринцева (1870–1894) – 143 дела.

Ф. 609 Личный фонд И.И. Серебренникова (1906–1919) – 110 дел.

Опубликованные документы

Базаров Б.В., Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1839–1904 гг.). Часть I. Формулярные и послужные списки должностных лиц Агинской Степной думы / авторы-составители Б.В. Базаров, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас / науч. ред. Н.Н. Крадин. Иркутск: Оттиск, 2017. 676 с.

Базаров Б.В., Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1839–1904 гг.). Часть II. Делопроизводственные документы Агинской Степной думы / авторы-составители Б.В. Базаров, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас / науч. ред. Н.Н. Крадин. Иркутск: 2019. 368 с.

Базаров Б.В., Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История Агинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1825–1904 гг.). Часть III. Ревизские сказки, посемейные списки агинских бурят Галзотского и Саганского родов [сб. документов, перечень документов] / авторы-составители Б.В. Базаров, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас / науч. ред. Н.Н. Крадин. Иркутск: Оттиск, 2018. 516 с.

Бурятские летописи / Составители Ц.П. Ванчикова, Ш. Б. Чимитдоржиев, М.В. Аюшеева. Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2011. 224 с.

Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности гр. М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. Т. 2. СПб.: 1872.

Ватин В.А. Ачинский округ по сенаторской ревизии 40-х годов XIX в. // Сибирский архив. Февраль 1915 г. № 2. С. 61–72.

Ватин В.А. Восточная Сибирь в начале XIX в. // Сибирский архив. Март – апрель 1916 г. № 3–4. С. 97–156.

Востриков А.И. Поппе Н.Н. Летопись баргузинских бурят. Тексты и исследования. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 76 с.

Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. Ч. II. СПб.: 1854. 697 с.; Ч. III. СПб.: 1854. 109 с.

Дружинин Н.П. Общедоступное руководство к изучению законов. Ч. 1. Начальные понятия, общие определения и практические указания. Ч. 2. Правовые начала управления в России. 2-е изд. СПб.: Изд-во О.Н. Попова, 1899. 160 с.

Жалсанова Б.Ц. Реформа проводится бесповоротно. Документы Национального архива Республики Бурятия о волостной реформе в Забайкальской области. 1901–1904 гг. / Б.Ц. Жалсанова // Отечественные архивы. 2008. № 1. С. 87–98.

Жалсанова Б.Ц. «…Юному побудит быть честным и верным слугою своего дорогого Отечества». Документы Национального архива Республики Бурятия о посещении цесаревичем Николаем Агинского ведомства Забайкальской области и учреждении стипендии его имени. 1890–1892 гг. // Отечественные архивы. 2011. № 2. С. 97–109.

Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История Аларской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1889 гг.): [сб. документов, перечень документов] / авторы-составители Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас / науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2015. 352 с.

Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История Баргузинской Степной думы в документах Баргузинской Степной думы (1824–1903). Иркутск: Оттиск, 2012. 352 с.

Жалсанова Б.Ц., Чимитдоржиева Л.Ш. «Мы предполагали создать на первое время хоть временный орган объединения разрозненных частей бурятского народа…» (Документы о создании Общебурятского комитета по сбору пожертвований в годы Первой мировой войны) / Б.Ц. Жалсанова, Л.Ш. Чимитдоржиева // Вестник БНЦ СО РАН. 2014. № 4. С. 294–300.

Жалсанова Б.Ц., Чимитдоржиева Л.Ш. «На пожертвования бурятского населения области учреждается в Петрограде Лазарет бурятского имени на 30 кроватей…» (Документы о деятельности Бурятского петроградского лазарета) / Б.Ц. Жалсанова, Л.Ш. Чи-

митдоржиева // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015. № 1. С. 289–297.

Жалсанова Б.Ц., Чимитдоржиева Л.Ш. «…Буряты и тунгусы, простолюдины и интеллигенция, духовные и статские! К вам мы обращаемся – организуйтесь в волостные, булучные и улусные комитеты, организуйте сборы пожертвований везде и всюду, покажите в этой работе – горячем отклике на наше обращение, что вы граждане, дети своей родины, что жива в вас великая совесть!» (Документы о вкладе бурятского населения по сбору пожертвований и благотворительной деятельности бурятских обществ в помощь пострадавшим от войны) / Б.Ц. Жалсанова, Л.Ш. Чимитдоржиева // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015. № 2. С. 245–252.

Жалсанова Б.Ц., Чимитдоржиева Л.Ш. Первая мировая война в документах Государственного архива Республики Бурятия. «… Для работ по устройству оборонительных сооружений военных сообщений в районе действующей армии привлечь реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи» (документы о реквизиции бурят в годы Первой мировой войны) /Б.Ц. Жалсанова, Л.Ш. Чимитдоржиева // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015. № 3. С. 240–252.

Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История Хоринской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1825–1904 гг.): [сб. документов, перечень документов] / авторы-составители Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас / науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2016. 592 с.

Жалсанова Б.Ц. Хранители границ… История забайкальского казачества в документах Государственного архива Республики Бурятия (1823–1919) / Б.Ц. Жалсанова, Е.Ю. Шаповал / науч. ред. Л.В. Курас. Улан-Удэ: Изд-во ПАО «Республиканская типография», 2019. 320 с.

Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). Иркутск, 1911. 418 с.

Историко-культурный атлас Бурятии. Основной тоМ.М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2001. 606 с.

История Кударинской Степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия (1825–1903) / автор-составитель Б.Ц. Жалсанова. Улан-Удэ: Новапринт, 2010. 248 с.

История местного самоуправления Калмыцкой степи в XIX – начале XX вв. Сборник документов и материалов / сост. Лиджиева И.В. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 240 с.

История Ольхонской Степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия (1824–1890) / составители Б.Ц. Жалсанова, О.И. Прокопьева, А.Т. Дадаева. Улан-Удэ: Новапринт, 2010. 120 с.

Кистяковский А. Собрание и разработка материалов обычного права. СПб.: 1876. 25 с.

Миссионерская поездка его преосвященства преосвященнейшего Макария, начальника Иркутского отдела миссии, в пограничный Окинский караул // ИЕВ. Прибавления. 8 сентября 1884 г. № 36. С. 399–412.

О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях губерний Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской // Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края. По новому 1902 г. изданию / сост. Г. Г. Савич. СПб.: 1903.

Об утверждении главных оснований поземельного устройства населения Забайкальской области. 05.06.1900. № 18735 // ПСЗРИ-3. Т. 20. Отд-ние 1. СПб.: 1902. С. 598–601.

Обзоры Забайкальской области за 1896 г. Чита: 1897.

Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности. Пер. с монг. Новосибирск: 1992.

Памятная книжка Забайкальской области (ПКЗО) на 1911 г. Чита: 1910. С. 116–126.

Патканов С. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб.: 1911.

Подгорбунский И. Шаманистические верования монголов и бурят / И. Подгорбунский // ИЕВ. Прибавления. 1 января 1895 г. № 1. С. 6–25. 15 января 1895 г. № 2. С. 38–45. 1 февраля 1895 г. № 3. С. 63–69. 15 февраля 1895 г. № 4. С. 87–98. 1 марта 1895 г. № 5. С. 119–128. 15 марта 1895 г. № 6. С. 154–167. 1–15 апреля 1895 г. № 7–8. С. 203–213.

Положение о степных законах и обычаях между инородцами Забайкальской области… // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ: 1968. С. 177–211.

Попов Н. Историческая записка о распространении христианства среди инородцев Идинского ведомства и о Боханском Пророко-Ильинском миссионерском стане // ИЕВ. Прибавления. 1 мая 1895 г. № 9. С. 217–225. 15 мая 1895 г. № 10. С. 243–253. 1 июня 1895 г. № 11. С. 276–290.

Приказ и. д. Приамурского генерал-губернатора от октября 1891 г. № 4234 // Забайкальские областные ведомости. 3 января 1892 г. № 1. С. 1.

Пубаев Р. Е. Архивные документы по истории Бурятии на старомонгольской письменности // Путеводитель по дореволюционным фондам НАРБ. Улан-Удэ: 1998. С. 113–125.

Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела императорского русского географического общества, в 1855 г., Р. Мааком. СПб.: 1859 г. С. 8–15.

Романов Н.С. Иркутская летопись. 1857–1880 г. (Продолжение Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). Иркутск: 1914. 426 с.

Романов Н.С. Иркутская летопись. 1857–1880 г. (Продолжение Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). Иркутск: 1914.

Румянцев Г.Н. Баргузинские летописи. Улан-Удэ: 1956.

Савич Г.Г. Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края. По новому, 1902 года, изд. Положений о сел. состоянии с разъяснениями по решениям Правительственного Сената и циркулярам министерств / сост. Г. Савич. СПб.: Неофиц. изд. Типог. Д. В. Чичинадзе, 1903. 851 с.

Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава: В типографии Ивана Носковского, 1876. 308 с.

Сахар Хамнаев – выдающийся бурятский общественный деятель XIX в. К 200-летию со дня рождения. Документы. Статьи. Письма / автор-составитель Б.Ц. Жалсанова. Улан-Удэ: Новапринт, 2014. 112 с.

Сборник документов по истории Бурятии [Текст] / Сост. Г.Н. Румянцевым и С.Б. Окунь; [Предисл. Г.Н. Румянцева]; Акад. наук СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. комплексный науч.-исслед. ин-т. Улан-Удэ: [б. и.], 1960. Вып. 1: XVII век. 1960. 493 с.

Сборник материалов по истории Бурятии XVIII-го и первой половины XIX века. Вып. 1 / под ред. и с примеч. В.П. Гирченко. Верхнеудинск: 1926. 42 с.

Сборники главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. В 8 томах. Иркутск: 1883–1885.

Серебренников И.И. Инородцы Восточной Сибири, их состав и занятия (статистический очерк). Иркутск: 1913.

Стахеев Д. Буряты // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 12. Ч. 1. Восточные окраины России. Восточная Сибирь. СПб.-М.: Изд-ние тов-ва М.О. Вольф, 1895. С. 167–190.

Степные думы и инородные управы на территории Хакасии. Сборник архивных документов. К 190-летию «Устава об управлении инородцев». Абакан: Бригантина, 2012. 236 с.

Труды Агинской экспедиции. Материалы по исследованию Агинской степи Забайкальской области, произведенному в 1908 г. Читинским отделением императорского Русского географического общества. I. Население. Д.М. Головачев. II. Хозяйственный быт. В.В. Солдатов. Чита: 1911. 338 с.

Хрестоматия по истории Бурятии: документы и материалы. С древнейших времен до 1917 г. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. С. 51–53.

Цибиков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ: 1970.

Чибизев И. Я. Инородцы Енисейской губернии в первые годы ее существования // Сибирский архив. Сентябрь 1914 г. № 9. С. 379–390.

Ш. А. Кудунское межевое дело 1889 г. крещеных инородцев Хоринского ведомства // ИЕВ. Прибавления. 21 декабря 1891 г. № 51. С. 1–6.

Шавров П. Агинские буряты и их ламы // ИЕВ. Прибавления. 17 августа 1885 г. № 33. С. 404–417.

Шорковитц Диттмар. Этноисторические документы по калмыкам, бурятам и монголам Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) и Архива Института этнографии в Ленинграде. Берлин, 1988. 278 с.

Источники личного происхождения

Аксенова Л.В. Шесть месяцев в сибирской тайге // Русский вестник. 1880. Т. 145. № 2. С. 738–739.

Альбицкий Ф. Записки забайкальского миссионера / Ф. Альбицкий // ИЕВ. Прибавления. 12 марта 1866 г., № 11. С. 131–138.

Архимандрит Гурий (С.В. Буртасовский). Первое мое знакомство с деятельностью Иркутской духовной миссии // ИЕВ. Прибавления. 22 ноября 1880 г. № 47. С. 580–592. 29 ноября 1880 г. № 48. С. 595–607. 6 декабря 1880 г. № 49. С. 610–630. 13 декабря 1880 г. С. 632–639.

Архимандрит Макарий (М.Ф. Дарский). Дневник, веденный во время поездки Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Вениамина, архиепископа Иркутского и Нерчинского, по Иркутскому и Балаганскому округам с 20 мая по 3 июня 1882 г. // ИЕВ. Прибавления. 31 июля 1882 г. № 31. С. 393–406.

Бажей, во святом крещении Николай Александрович Косомов, первый из родоначальников Аларского ведомства, принявший христианство. (Из памятной записки аларского инородца Михаила Егоровича Этагорова) // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления), 21 ноября 1892. № 47. С. 1–6.

Вениамин, архиепископ Иркутский. Положение христиан в бурятских обществах под начальством язычников / Вениамин, архиепископ Иркутский // ИЕВ. Прибавления. 28 июля 1884 г. № 30. С. 337–347. Там же. 4 августа 1884 г. № 31. С. 349–361.

Вениамин, архиепископ Иркутский. Положение христиан в бурятских обществах под начальством язычников / Вениамин, архиепископ Иркутский // ИЕВ. Прибавления. 4 августа 1884 г. № 31.

Виноградов Н. Религиозное торжество ламаизма по поводу святыни Анинского сумэ в честь Майдари // ИЕВ. Прибавления. 1 апреля 1898 г. № 7. С. 178.

Воспоминание о миссионерской поездке преосвященнейшего Мелетия, епископа Селенгинского (ныне епископа Якутского и Вилюйского), совершенной в 1879 г. // ИЕВ. Прибавления. 2 марта 1891 г. № 9. С. 1–11; 16 марта 1891 г. № 11. С. 10; 23 марта 1891 г. № 12. С. 1–11; 27 апреля 1891 г. № 17. С. 1–13.

Жамцарано Ц. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2011. 264 с.

Eugeniusz Żmijewski. Sceny z życia koczującego. Warszawa, 1859–62. T. I–III.

Загорский В. По Тункинскому краю // Сибирский архив. Март-апрель 1916 г. № 3–4. С. 173–187.

Записки миссионера Шимковского стана за 1879 г. // ИЕВ. Прибавления. 3 апреля 1882 г. № 14. С. 175–176.

Малков А. Из записок забайкальского миссионера. Хурал. // Прибавления к ИЕВ. 30 апреля 1866 г. № 17. С. 207–213; 7 мая 1866 г. № 18. С. 95–215–222; 14 мая 1866 г. № 19. С. 239–248.

Матханова Н.П. Мемуары представителей коренного населения Сибири (XIX век) / Н.П. Матханова // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2010, № 3. С. 19–22.

Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край. Часть 1–2. М.: В типографии Н. Степанова, 1844. 208 с.

Паршин В.П. Описание пути от Иркутска до Москвы, составленное в 1849 г. М.: 1851. 230 с.

Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне. М.: 1869. С. 11–12.

Попов К. Дневник священника Ользоновской Петро-Павловской церкви. 1904 г. // ГАРБ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 261. Л. 44–46.

Попов Н. Историческая записка о распространении христианства среди инородцев Идинского ведомства и о Боханском Пророко-Ильинском миссионерском стане // ИЕВ. Прибавления. 1 мая 1895 г. № 9. С. 217–225. 15 мая 1895 г. № 10. С. 243–253; 1 июня 1895 г. № 11. С. 276–290.

Сахар Хамнаев – выдающийся бурятский общественный деятель XIX в. К 200-летию со дня рождения. Документы. Статьи. Письма / автор-составитель Б.Ц. Жалсанова. Улан-Удэ: Новапринт, 2014. 112 с.

Стуков К.К. Из дневника, веденного на Братской степи, что в Забайкалье / К. К. Стуков // ИЕВ. Прибавления. 2 июля 1866 г. № 26. С. 318–324; 9 июля 1866 г. № 27. С. 330–334; 16 июля 1866 г. № 28. С. 337–343.

Толь Ф.Г. Воспоминания о Восточной Сибири / Ф.Г. Толь // Петрашевцы в Сибири. Иркутск, 2005. С. 325–371.

Шавров П. Агинские буряты и их ламы // ИЕВ. Прибавления. 17 августа 1885 г. № 33. С. 404–417.

Шастин Н. Дневник Цакирского миссионера священника Николая Шастина за 1886 г. / Н. Шастин // ИЕВ. Прибавления. 19 сентября 1887 г. № 38. С. 345–354; 26 сентября 1887 г. № 39. С. 355–361; 3 октября 1887 г. № 40. С. 371–375; 10 октября 1887 г. № 41. С. 377–388; 17 октября 1887 г. № 42. С. 389–396; 24 октября 1887 г. № 43. С. 397–398; 31 октября 1887 г. № 44. С. 401–403; 7 ноября 1887 г. № 45. С. 407–410; 14 ноября 1887 г. № 46. С. 412–418; 21 ноября 1887 г. № 47. С. 419–426; 28 ноября 1887 г. № 48. С. 427–430.

Периодическая печать

Газета «Амур»

Газета «Байкал».

Газета «Восточное обозрение».

Газета «Забайкальские областные ведомости».

Газета «Забайкальские епархиальные ведомости».

Газета «Иркутские губернские ведомости».

Газета «Иркутские епархиальные ведомости».

Журнал «Сибирские вопросы».

Журнал «Сибирский архив».

Журнал «Сибирский наблюдатель».

Справочные и энциклопедические издания

Бурятия. Энциклопедический справочник в 2 т. Улан-Удэ: ЭКОС, 2011. Т. 2. 300 с.

Забайкалье. Краткий исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области. Иркутск: 1891. 156 с.

Историческая энциклопедия Сибири. В 3 т. Новосибирск: 2010.

Обзоры Забайкальской области; Памятные книжки Забайкальской области; Памятные книжки Иркутской губернии; Сибирская советская энциклопедия. В 4 т. Новосибирск: 1929. 988 с.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: 1890–1907.

Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. В 2 т. Новосибирск: Наука, 2000. 302 с.

Энциклопедия Забайкалья. Агинский Бурятский округ. Новосибирск: Наука, 2009. 352 с.

Энциклопедия Республики Хакасия. В 2 т. Красноярск: Поликор, 2007.

Монографические, учебные, периодические, статистические источники

Андреев Ч.Г. Коренные народы Восточной Сибири в II половине XIX – начале XX века. Улан-Удэ: Изд-во Бур. гос. с.-х. акад., 2001. 287 с.

Артемьев А.Р. Формирование геополитических интересов России на Дальнем Востоке и присоединение к ней Приамурья и Приморья (середина XVIII в. – 1860 г.) // Русская Америка и Дальний Восток. Конец XVIII в. – 1867 г. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2001.

Агеев А.Д. Сибирь и Американский Запад: движение фронтитов. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2002. 294 с.

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение, тексты, комментарий. XIII–XVII вв. Второе изд. Иркутск: Иркутское обл. изд-во, 1941. 612 с.

Андреев В.И. Бурятские приходские училища в первой половине XIX в. Иркутск: 1957.

Андреев В.А. Из истории Троицкосавской войсковой русско-монгольской школы. // Записки БМНИИК. Вып. XXIV. С. 276–287.

Андреев Ч.Г. Коренные народы Восточной Сибири в II половине XIX – начале XX века. Улан-Удэ: Изд-во Бур. гос. с.-х. акад., 2001. 287 с.

Андреев Ч.Г. Коренные народы Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. (60-е гг. XIX в. – октябрь 1917 г.). Улан-Удэ: 2001. 287 с.

Анучин Е. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с учреждения о губерниях 1775 г. и до последнего времени. СПб.: 1872.

Артемьев А.Р. Формирование геополитических интересов России на Дальнем Востоке и присоединение к ней Приамурья и Приморья (середина XVIII в. – 1860 г.) // Русская Америка и Дальний Восток. Конец XVIII в. – 1867 г. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2001.

Асалханов И.А. К вопросу о социально-экономическом развитии забайкальской деревни в конце XIX в. // Зап. БМНИИК. 1955. Вып. XIX.

Асалханов И.А. О бурятских родах // Этнографич. сб. Улан-Удэ: 1960. Вып. 1.

Асалханов И.А. О некоторых вопросах социально-экономического развития бурят Верхоленского ведомства Иркутской губернии в первой половине XIX в. // Учен. зап. Бурят-Монгольского пед. ин-та им. Д. Банзарова. 1957. Вып. XI.

Асалханов И.А. О правах хоринских и агинских бурят на занимаемые ими земли // Записки БМНИИК. 1957. Вып. XXIII.

Асалханов И.А. Об аграрной политике царизма в Сибири в конце XIX в. // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ: 1968.

Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск: 1975.

Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие улусов Кудинского ведомства Иркутского уезда Иркутской губернии во II половине XIX в. // Учен. зап. Бурятского гос. пед. ин-та. Улан-Удэ, 1958.

Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ: 1963.

Астырев Н. Монголо-буряты Иркутской губернии // Северный вестник. СПб.: 1890.

Бадмаева Л.Б., Очирова Г.Н. Летопись Ш.-Н. Хобитуева как памятник письменной культуры бурят / Л.Б. Бадмаева, Г.Н. Очирова. Улан-Удэ: Бэлиг, 2018. 288 с.

Бажеев Д.Г. К вопросу о развитии земледелия у бурят // Зап. БМНИИК.). Вып. 15. Улан-Удэ: Бур-Монгиз, 1952. С. 33–52.

Базаров Б.В. Предисловие. Дамешек Л.М. Избранное. Том I. «Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начала XX вв.)» / науч. ред. А.А. Иванов. Иркутск: Оттиск, 2018.

Балданов С.С. Административное управление Российского государства Бурятией (II половина XVII в. – 1917 г.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ: 1999.

Барадин Б. Бурят-монголы. Краткий исторический очерк оформления бурят-монгольской народности // Бурятиеведение. 1927. № 3–4. С. 39–52.

Барсуков И.П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский: В 2-х т. М.: 1891.

Батуев Б.Б. Батуева И.Б. Очерки истории селенгинских бурят. Улан-Удэ: 1992;

Батуев Б.Б., Батуева И.Б. Буряты в XVII – XIX вв. Улан-Удэ: 1996.

Бахрушин С.В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // Советский Север. 1929. № 1.

Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации: (Записка, сост. в дек. 1903 г.). СПб.: 1913.

Бестужев Н.А. Бурятское хозяйство // Декабристы о Бурятии. Статьи, очерки, письма. Улан-Удэ: 1975.

Бестужев Н.А. Гусиное озеро // Декабристы о Бурятии. Статьи, очерки, письма. Улан-Удэ: 1975.

Бестужев Н.А. Очерки забайкальского хозяйства // Декабристы о Бурятии. Статьи, очерки, письма. Улан-Удэ: 1975.

Богданов М.Н. Бурятское возрождение // Сибирские вопросы. 1907. № 3. С. 38–49.

Богданов М.Н. Иркутские буряты и землеустройство // Сибирские вопросы. 1908. № 31–32.

Богданов М.Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск: Бурят-Монг. изд-во, 1926. 234 с.

Богданов М.Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2008. 303 с.

Богданов М.Н. К вопросу о бурятском многоземелье // Сибирские вопросы. 1908. № 39–40. С. 35–46.

Борисов А.А. Дамешек Л.М. Степные думы Сибири: исторический опыт самоуправления в имперской системе власти // Известия ИГУ. Серия «Политология. Религиоведение». № 1(6). 2011. Иркутск: 2011. С. 123–135.

Борисов А.А. Деятельность Якутской Степной думы в контексте общероссийских тенденций в организации управления первой половины XIX в. // Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления. Якутск: 2007. С. 10–16.

Боякова С.И. Становление и эволюция системы органов общественного управления народов Севера Якутии (2 пол. XVIII в. – начало XX в.) // Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления: материалы науч.-практ. конф. (г. Якутск, 3 апр.

2007 г.) / [отв. ред. д. и. Н.А.А. Борисов]. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2007. 196 с.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс, 2007. 752 с.

Бураева О.В. Православие у бурят (XVII – начало XX в.) // Этнографическое обозрение. 2010. № 1.

Бураева О.В. Хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков в XVII – I половине XIX вв. Улан-Удэ: 2000.

Буряты. М.: Наука, 2004. 633 с.

Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ея насельников. Харьков: Типогр. Губернского правления, 1889. 247 с.

Быт крестьян Восточной Сибири // Журнал МВД. 1859. Ч. 34. Кн. 2.

Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. Т. 1–2. СПб.:1872.

Ванчикова Ц.П. Матханова Н.П. Местное самоуправление у бурят в XIX – начале XX вв. в документах Государственного архива Республики Бурятия: Жалсанова Б.Ц. История Кударинской Степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия (1825–1903 гг.): [сб. документов, перечень документов] / автор-составитель Б.Ц. Жалсанова / науч. ред. Л.В. Курас. Улан-Удэ: НоваПринт, 2010. 248 с. История Аларской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1889 гг.): [сб. документов, перечень документов] / авт.-сост. Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас; науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2015. 352 с.; История Баргузинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1889 гг.): [сб. документов, перечень документов] / авт.-сост. Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас; науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2012. 352 с.; История Хоринской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1825–1904 гг.): [сб. документов, перечень документов] / авт.-сост. Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас; науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2016. 592 с. // Гуманитарные науки в Сибири. Том 24. № 4. С. 115–117.

Васильев А.П. Забайкальские казаки: исторический очерк в 3 томах. Чита: Типография Войскового Хозяйственного Правления Забайкальского казачьего войска, 1916–1918. Т. 2. 1916. [1], V, 267 с.

Виноградов А. О ламаизме за Байкалом / А. Виноградов // ИЕВ. Прибавления. 30 ноября 1885 г. № 48. С. 581–596; 7 декабря 1885 г. № 49. С. 598–606.

Виноградов Н. Религиозное торжество ламаизма по поводу святыни Анинского сумэ в честь Майдари // ИЕВ. Прибавления. 1 апреля 1898 г. № 7.

Васильев А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк в 3 томах. Репринтное воспроизведение издания 1916–1918 гг. 893 с. 156 с. Прил.

Восстание декабристов. Документы. М.: 1958. Т. 7. С. 145–146.

Галданова Г.Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (вторая половина XIX – первая половина XX вв.). Новосибирск: 1992.

Геденштром Ю.А. Отрывки о Сибири. СПб.: 1830.

Герасимова К.М. Материалы о доходах дацанских казначейств /К.М. Герасимова // Зап. БМНИИК. Вып. XX. Улан-Удэ: 1955. С. 134–154.

Герасимова К.М. Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX – начале XX вв. / К.М. Герасимова. Улан-Удэ: 1957.

Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. М: Прогресс, 1991. 488 с.

Гимельштейн А.В., Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Даниленко А.В. Региональная власть и общественность Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск: 2007.

Гимельштейн А.В., Дамешек Л.М., Сенина Е.А. Образ «инородцев» на страницах сибирской периодической печати (вторая половина XIX – начало XX в.). Иркутск: 2007.

Гирченко В.П. К истории бурят-монголов – хоринцев первой половины XIX в. // Бурятиеведение. 1928. № 1–3. С. 43–62.

Гирченко В.П. Краткий очерк истории Прибайкалья. Верхнеудинск: 1921. 26 с.

Гирченко В.П. Материалы по истории хозяйства и родового управления забайкальских бурят во второй половине XVIII и начале XIX в. // Бурятиеведение. 1926. № 2.

Гирченко В.П. Социальное расслоение среди бурят-монгол в XVIII – XIX вв. // Жизнь Бурятии. 1929. № 2. С. 100–108; №3–4. С. 60–66.

Гирченко В.П. Хозяйство кудинских бурят в XVIII и первой трети XIX века // Жизнь Бурятии. 1927. № 1–3. С. 73–76.

Гирченко В.П. Хоринские «происшествия» 1848–49 гг. и православная миссия // Жизнь Бурятии. 1929. № 1. С. 119–124.

Гоголев З.В. Якутия на рубеже XIX – XX вв. Новосибирск: 1971.

Головачев П.М. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М.: 1902.

Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917). Новосибирск: Сиб. отделение, 1976. 343 с.

Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство в эпоху капитализма (проблемы и направления исследования) // Проблемы истории советского общества Сибири: материалы ноябрьского 1969 г. симпозиума по истории рабочего класса и крестьянства Сибири. История крестьянства Сибири досоветского периода. Новосибирск: 1970.

Градовский А.Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России. Русский Архив, ноябрь-декабрь, 1868.

Григорьев В. К вопросу о поземельном устройстве инородцев в Сибири // Сибирские вопросы. 1906. № 2. С. 55–74.

Гурлянд И.Я. Древний ойратский устав взысканий. Одесса, 1885.

Гылыкова Е.С. Обычное право бурят (Историко-правовое исследование): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М.: 2005.

Дамешек И.Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в). Иркутск: Изд-во ИГПУ, 2005. 320 с.

Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма. (Компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск: Оттиск, 2002. 202 с.

Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири в XIX – начале XX вв. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1986. 165 с.

Дамешек Л.М. Избранное. Том I. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начала XX вв.) / науч. ред. д.и.н., проф. А.А. Иванов. Иркутск: Оттиск, 2018. 455 с.

Дамешек Л.М. Иркутск в панораме веков: очерки истории города. Иркутск: Сибирская книга, 2002. 596 с.

Дамешек Л.М. Историография и источниковедение истории Сибири эпохи капитализма. Иркутск: 1990.

Дамешек Л.М. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / Л.М. Дамешек, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас. Серия «Россия Азиатская». Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 503 с.

Дамешек Л.М. Региональная власть и общественность Сибири, XIX – начала XX вв. / Л.М. Дамешек, А.В. Даниленко, А.В. Гимельштейн, И.Л. Дамешек. Иркутск: Вост.-Сиб. изд. компания, 2007. 256 с.

Дамешек Л.М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти XVIII –начала XX вв. / Л.М. Дамешек. Серия «Азиатская Россия». Иркутск: Вост.-Сиб. изд. компания, 2007. 320 с.

Дамешек Л.М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.) / Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек. Серия «Азиатская Россия» и др. Иркутск: Репроцентр А1, 2009. 389 с.

Дамешек Л.М. Том III. Сибирские окраины Российской империи (XVIII – начало XX вв.) / науч. ред. Л.В. Курас. Иркутск: Оттиск, 2018. 255 с.

Дамешек Л.М., Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 503 с.

Дамешек Л.М., Жалсанова Б. Ц, Чимитдоржиева Л.Ш. Бурятские общества в годы Первой мировой войны // Сборник статей по материалам круглого стола «Первая мировая война в истории Байкальского региона», посвященного 100-летию со дня начала Первой мировой войны, 16 окт. 2014 г. Улан-Удэ: 2015. С. 143–148.

Дамешек Л.М., Кузнецов А.С. Сибирская реформа 1822 г. // Очерки истории Сибири. Иркутск: 1973. Вып. 3.

Дамешек Л.М. Том II. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.) / науч. ред. М.В. Шиловский. Иркутск: Оттиск, 2018. 415 с.

Дамешек Л.М., Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. Местное самоуправление бурят в XIX – начале XX вв.: от Степных дум к волостным правлениям / Л.М. Дамешек, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас // Известия ИГУ. Серия «История». Т. 23. 2018. С. 22–35.

Даниленко А.В. Вопросы экономического развития Восточной Сибири во второй половине XIX в. В постановке областников «демократического периода» их истории // Вопросы социально-экономического развития Восточной Сибири (XIX–XX вв.). Чита: 1989. С. 18–34.

Даниленко А.В. Сибирское областничество 60–90-х. годов XIX века о странах Востока (по материалам сибирской прессы и публицистики) // Взаимоотношения России с афроазиатскими странами в XIX – начале XX веков. Иркутск: 1987. С. 141–150.

Даржаев С.Ю. Степные думы – органы самоуправления бурят в российском государстве (1822–1904 гг.). Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2001. 131 с.

Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири (1917–1923). Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1983. 321 с.

Доржиев Б.Д. Закамна. Исторический очерк. Улан-Удэ: [б.и.] 1993. 112 с.

Драбкина Е.Я. Национальный и колониальный вопрос в царской России. М.: Изд-во Ком. Академия, 1930. 189 с.

Дулов В.И. Крестьянство Восточной Сибири в годы первой русской революции. Иркутск: Кн. изд-во, 1956. 270 с.

Дулов В.И. Кудрявцев Ф.А. Революционное движение в Восточной Сибири в 1905–1907 гг. Иркутск: Кн. изд-во, 1955. 192 с.

Дырхеев П.С. Очерки истории верхоленских бурят. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2005. 239 с.

Егунов Н.П. К вопросу о введении института крестьянских начальников в Забайкалье // Учен. зап. Бурятского гос. пед. ин-та им. Д. Банзарова. 1962. Вып. 25. Ист.-филологич. серия.

Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М.: РАГС, 2000. 349 с.

Елбачева Г.А. Землеустроительная политика Кабинета в Горном Алтае в 1897–1913 гг. // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск: 1981. С. 68–82.

Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.

Ефремова Н.И. Управление у хакасов накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Доклады научной конференции ТГУ. Томск: 1972. С. 21–24.

Жабаева Л.Б., Цыпышева Н.В. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. Рец. на монографию «История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.» / Л.М. Дамешек, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 503 с. 31,5 п.л. // Вестник Восточно-Сибирского го-

сударственного университета технологий и управления. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2014. № 4 (49). С. 186–189.

Жалсанова Б.Ц. Архивные документы фонда «Усть-Ордынской Троицкой миссионерской церкви» как источник изучения истории миссионерства в Прибайкалье (1871–1925 гг.) / Б.Ц. Жалсанова // Научные сообщества историков и архивистов: интеллектуальные диалоги со временем и миром: материалы региональной научно-практической конференции, г. Омск, 5 июля 2006 г. Омск: Изд-во ОмГМА, 2006. С. 81–86.

Жалсанова Б.Ц. Архивные документы фонда «Тургинской инородной управы» как источник изучения истории органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX вв. / Б.Ц. Жалсанова // Исследования молодых ученых: межвузовский сборник статей. Улан-Удэ: 2007. Вып. X. С. 32–43.

Жалсанова Б.Ц. Преступления и правонарушения, находившиеся под юрисдикцией бурятских инородных управ, порядок их расследования и судопроизводство на материалах Национального архива Республики Бурятия (1822–1916 гг.) / Б.Ц. Жалсанова // Сибирская ссылка: сб. науч. статей. Иркутск: 2007. Вып. 4 (16). С. 142–154.

Жалсанова Б.Ц. Из истории реквизиции бурят в Архангельскую губернию в годы Первой мировой войны (1916–1917 гг.) / Б.Ц. Жалсанова // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2007. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. С. 120–125.

Жалсанова Б.Ц. История органов местного самоуправления бурят в отечественной историографии / Б.Ц. Жалсанова // Исследования молодых ученых: межвузовский сборник статей. Улан-Удэ: 2008. Вып. XI. С. 10–37.

Жалсанова Б.Ц. Законодательная политика Российского государства в отношении кочевых народов Сибири (1822–1857 гг.) / Б.Ц. Жалсанова // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2008. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. С. 309–314.

Жалсанова Б.Ц. Из истории Абаганатской инородной управы / Б.Ц. Жалсанова // Мир Центральной Азии-2: Сб. науч. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 100–106.

Жалсанова Б.Ц. Письменные источники по истории бурятских Степных дум и инородных управ. 1822–1917 гг. / Б.Ц. Жалсанова // Бурятские национальные демократы и общественно-полити-

ческая мысль монгольских народов XX в.: материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. С. 72–81.

Жалсанова Б.Ц. Архивные документы Национального архива Республики Бурятия как источник изучения истории развития земледелия в бурятских ведомствах в XIX – начале XX в. / Б.Ц. Жалсанова // Сибирь и Россия: освоение, развитие, перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2009. С. 155–157.

Жалсанова Б.Ц. Инородные управы как органы местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / Б.Ц. Жалсанова. Улан-Удэ: Изд-во ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2009. 240 с.

Жалсанова Б.Ц. Опека и попечительство в бурятском обществе в XIX – начале XX в. / Б.Ц. Жалсанова // Власть. 2009. № 12. С. 161–163.

Жалсанова Б.Ц. Система поощрений должностных лиц в органах местного самоуправления в XIX в. / Б.Ц. Жалсанова // Власть. 2010. № 10. С. 119–121.

Жалсанова Б.Ц. Деятельность должностных лиц в системе местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / Б.Ц. Жалсанова // Власть. 2011. № 4. С. 144–147.

Жалсанова Б.Ц. Система выборов должностных лиц органов местного самоуправления бурят в XIX в. / Б.Ц. Жалсанова // Власть. 2011. № 1. С. 125–127.

Жалсанова Б.Ц. Особенности формирования органов местного самоуправления бурят в XIX в. / Б.Ц. Жалсанова // Власть. 2011. № 11. С. 160–163.

Жалсанова Б.Ц. О воинской повинности бурят в XIX – начале XX в. / Б.Ц. Жалсанова // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 4. С. 7–11.

Жалсанова Б.Ц. Заяхан Хамаганов – почетный тайша кударинских бурят / Б.Ц. Жалсанова // От имени народа, во имя народа. Становление и деятельность органов представительной власти в Бурятии. Улан-Удэ: ЭКОС, 2011. С. 48–53.

Жалсанова Б.Ц. Сахар Хамнаев – великолепный хозяйственный деятель / Б.Ц. Жалсанова // От имени народа, во имя народа. Становление и деятельность органов представительной власти в Бурятии. Улан-Удэ: ЭКОС, 2011. С. 54–62.

Жалсанова Б.Ц. Политика Российского государства в отношении бурят Забайкальской области в 1870–1880-х гг. / Б.Ц. Жалсанова // Власть. 2012. № 1. С. 165–167.

Жалсанова Б.Ц. Деятельность Баргузинской Степной думы по развитию народного образования в XIX – начале XX в./ Б.Ц. Жалсанова // Власть. 2012. № 6. С. 180–183.

Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. Влияние «монгольского» вопроса на политику Российского государства в отношении бурят в XIX – начале XX в. / Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас // Вестник БГУ. Востоковедение. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. Вып. 8. С. 189–192.

Жалсанова Б.Ц. Урульгинская Степная дума – орган местного самоуправления тунгусов Забайкальской области в XIX – начале XX в. / Б.Ц. Жалсанова // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. № 3. С. 108–121.

Жалсанова Б.Ц. История формирования и развития органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / Б.Ц. Жалсанова. Иркутск: Оттиск, 2012. 364 с.

Жалсанова Б.Ц. Источники и историография истории местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / Б.Ц. Жалсанова. Иркутск: Оттиск, 2012. 138 с.

Жалсанова Б.Ц. Фонды тунгусских инородных управ и родовых управлений в Государственном архиве Республики Бурятия как источники по истории тунгусов в XIX – начале XX в. / Б.Ц. Жалсанова // Гуманитарный вектор. Чита: 2012. Вып. 2. С. 173–178.

Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. Волостная реформа в Забайкальской области в 1901–1904 гг. (по материалам Баргузинского ведомства) / Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас // Власть. 2012. № 8. С. 110–113.

Жалсанова Б.Ц. Ответственность должностных лиц органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / Б.Ц. Жалсанова // Власть. 2013. № 5. С. 170–172.

Жалсанова Б.Ц. Опыт борьбы с пьянством в бурятских ведомствах в XIX – начале XX в. / Б.Ц. Жалсанова // Власть. 2013. № 10. С. 168–171.

Жалсанова Б.Ц. Ответственность должностных лиц органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / Б.Ц. Жалсанова // Власть. 2013. № 5. С. 170–172.

Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. Место Баргузинской Степной думы в истории местного самоуправления бурят (XIX – начало XX в.). / Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас. Иркутск: Оттиск, 2013. 160 с.

Жалсанова Б.Ц. Намдак Дылыков – видный бурятский общественный деятель конца XIX – начала XX в. / Б.Ц. Жалсанова // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015. № 4. С. 27–42.

Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. Бракоразводные дела в инородческом судопроизводстве в XIX в. / Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас // Сибирский юридический вестник. 2016. № 3. С. 15–19.

Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. Имущественное право бурят в XIX – начале XX вв. // Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас // Сибирский юридический вестник. 2017. № 4(79). С. 11–17.

Жалсанова Б.Ц. Наказания по уголовным делам хоринских бурят в XIX в. / Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас, Д. З. Жамбалов // Сибирская ссылка. Сб. науч. статей. Иркутск: Оттиск, 2017. Вып. 8 (20). С. 90–104.

Жалсанова Б.Ц. «Инородческий вопрос» в Сибири в XIX – начале XX вв. в работах Л.М. Дамешека / Б.Ц. Жалсанова // Известия ИГУ. Серия «История». Т. 24. 2018. С. 108–116.

Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. Исковые дела бурят по спорам, возникающим из трудовых отношений (XIX в.) // Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас // Сибирский юридический вестник. 2018. № 3(82). С. 3–9.

Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. Роль норм обычного права бурят XIX в. в развитии политико-правовых ценностей конституционализма / Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас // Миссия современного государства и права в эпоху социальных перемен: материалы Междунар. науч.-практ. конф. г. Иркутск, 26 окт. 2018 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ», Юрид. ин-т; [отв. ред. Т.Л. Курас]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. 375 с. С. 14–17.

Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. Особенности семейных правоотношений бурят в XIX в.: материальное право и исковые дела по защите нарушенных оспариваемых прав и интересов / Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас // Сибирский юридический вестник. 2019. № 2(85). С. 9–14.

Жамбалова С.Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят. Новосибирск: 2000. С. 59–67.

Жамцарано Ц. Народническое движение бурят и его критика // Сибирские вопросы. 1907. № 21.

Жамцарано Ц. О правосознании бурят // Сибирские вопросы. 1906. № 2. С. 168–169.

Жамцарано Ц. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: 2001.

Жамцарано Ц., Турунов А. Обозрение памятников писаного права монгольских племен. Сб. тр. профес. и преподавателей гос. Иркутского универ. Иркутск: 1921. С. 1–13.

Залкин Е.М. Очерк генезиса феодализма в кочевом обществе. Барнаул: Изд-во Алтайского госуниверситета, 2012. 242 с.

Залкинд Е.М. Из истории обычного права западных бурят // Советская этнография. 1952. № 1.

Залкинд Е.М. К вопросу об образовании бурят-монгольской народности. Он же. Хозяйство бурят-монголов в XVII – начале XVIII вв. // Зап. БМНИИК. Вып. XXII. Улан-Удэ: 1956. С. 23–45.

Залкинд Е.М. К характеристике политики царизма по отношению к бурятам в XVIII в. // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ: 1968.

Залкинд Е.М. Новый памятник обычного права бурят // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ: 1968.

Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII и первой половине XIX века. М.: Наука, 1970.

Залкинд Е.М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ: 1958.

Залкинд Е.М. Хозяйство бурят-монголов в XVII – начале XVIII вв. // Зап. БМНИИК. Вып. XXIV. Улан-Удэ: 1957. С. 140–170.

Залкинд Е.М. Ясачная политика царизма в Бурятии в XVIII – первой половине XIX в. // Сибирь периода феодализма. Новосибирск: 1965. Вып. 2.

Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. 336 с.

Зибарев В.А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск: 1990.

Зимин Ж.А. История Аларского района. Иркутск: 1994.

Иванов А.А. Иркутский исследователь истории Сибири // Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII – начале XX в. [«Азиатская Россия»]. Иркутск: Оттиск, 2013. С. 31–43.

Иванов В.К. Якутская Степная дума и Якутское областное правление: правовой статус и полномочия // Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления: материалы науч.-практ. конф. (г. Якутск, 3 апр. 2007 г.) / [отв. ред. А.А. Борисов]. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2007. 196 с.

Иванова Т.С. Значение Устава об управлении инородцев 1822 г. в развитии правового положения народов Якутии. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2007.

Ивановский В.В. Административное устройство наших окраин. Казань: Типогр. Импер. ун-та, 1891. 47 с.

Игнатьева М.Н. Обычное право якутов (XVII–XIX вв.): Дис. ... канд. юрид. наук. М.: 1989.

Имперский строй в региональном измерении (XIX – начало XX века). Сб. научн. ст. / под ред. П.И. Савельвева. М.: 1997. 237 с.

Иркутские губернские ведомости. 1858 г. № 11. С. 3–5; № 12. С. 6; №18. С. 6–7.

Исследование о народах, обитающих в Сибири // Журнал МВД. 1860. Ч. 66. Кн. 5.

История Бурятии. В 3 т. Т. II. XVII – начало XX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011.

История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. / под ред. А.П. Окладникова. Улан-Удэ: Бурят.-Монг. кн. изд-во, 1951. С. 331–336.

История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. / под ред. П.Т. Хаптаева. Улан-Удэ: Бурят.-Монг. кн. изд-во, 1954.

История Сибири. В 5-ти томах. Т. 2, 3. Л.: 1968.

История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. М.: 1995. 564 с.

Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: 1998.

К истории Бурят-Монголии. Материалы дискуссии, состоявшейся в июне 1934 г. в Улан-Удэ. М.: 1935.

Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М.: Наука, 1973. 447 с.

Казарин В.Н. Местное самоуправление бурят в императорской России: современное видение. Рец. на монографию «История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.»: Л.М.

Дамешек, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 503 с. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2014. № 4. С. 305–310.

Капеллер А. Россия – многонациональная империя / пер. с нем. С. Червоная. М.: Прогресс-традиция, 1997. 343 с.

Карпинский В. Крестьянские начальники в Сибири // Сибирские вопросы. 1909. № 41. С. 13–19.

Карцов В.Г. Хакасия в период разложения феодализма (XVIII – первая половина XIX в.). Абакан: 1970.

Кауфман А.А. Колонизация Сибири в ее настоящем и будущем // Сибирские вопросы. 1905. № 1.

Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб.: 1905.

Кауфман А.А. Сибирские вопросы в сельскохозяйственных комитетах 1902 г. // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 1–32.

Кистяковский А. Собрание и разработка материалов обычного права. СПб.: 1876.

Клеменц Д. Заметки о кочевом быте // Сибирские вопросы. 1908. № 49–52.

Клеменц Д. На текущие темы // Сибирские вопросы. 1909. № 1. С. 14–17.

Коваляшкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири в концепциях государственной политики и областнической мысли. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. 326 с.

Коваляшкина Е.П. Российская государственная идея и аборигенная политика в Сибири // Обычное право и правовой плюрализМ.М.: 1999.

Козьмин Н.Н. Избранные труды: Хакасы. Туба. Князь Иренак. Д.А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае. Абакан: Журналист, 2010. 311 с.

Козьмин Н.Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб.: 1910.

Козьмин Н.Н. Очерки скотоводческого хозяйства в Бурреспублике // Жизнь Бурятии. 1925. № 5–6; № 9–12.

Конев А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX вв.). М.: 1995.

Копылов А.Н. Управление и политика царизма в Сибири в период феодализма // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск: 1971. С. 102–111.

Копылов С.В. Религиозные верования, семейные обряды и жертвоприношения северобайкальских бурят шаманистов / С.В. Копылов // ИЕВ. Прибавления. 21 декабря 1885 г. № 51. С. 620–636.

Копылов С.В. Тайлаганы, или общественные жертвоприношения у северобайкальских бурят. ИЕВ. Прибавления. 22 марта 1886 г. № 12. С. 143–151; 29 марта 1886 г. № 13. С. 155–164.

Коркунов Н.М. Русское государственное право. Изд. 6-е. СПб.: 1909.

Корф М.А. Жизнь графа Сперанского в 2-х тт. СПб.: 1861.

Кроль М.А. О забайкальских бурятах // Записки Читинского отделения Приамурского отдела РГО. 1896. Вып. 1.

Кроль М.А. Очерк экономического быта инородцев Селенгинского округа // Протокол обыкновенного общего собрания Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО. 1896. № 3.

Кудрявцев Ф.А. Декабрист Н.А. Бестужев о хозяйстве бурят Селенгинского района // Зап. БМНИИК. 1957. Вып. XXIV.

Кудрявцев Ф.А. Из истории бурятского учительства в Прибайкалье в 50–60 гг. XIX в. Жизнь Бурятии. 1926. № 4–6. С. 100–106; там же. № 4–6. С. 62–67.

Кудрявцев Ф.А. Из истории народного образования в Прибайкалье в эпоху Николая I // Жизнь Бурятии. 1926. № 10–12. С. 49–55.

Кудрявцев Ф.А. Из истории народного образования в Прибайкалье первой четверти XIX в. // Жизнь Бурятии. 1926. № 4–6. С. 100–106; № 7–9. С. 64–69.

Кудрявцев Ф.А. Изучение истории Бурятии за годы Советской власти // Исследования и материалы по истории Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968.

Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа. М-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 242 с.

Кузнецов Е. Характеристика бурят с точки зрения способности их к принятию христианства и общеевропейской культуры / Е. Кузнецов // ЗЕВ. 15 ноября – 1 декабря 1904 г. № 22–23. С. 310–330; 15 декабря 1904 г. № 24. С. 346–368.

Кулаков П.Е. Ольхон. Хозяйство и быт бурят Еланцинского и Кутульского ведомств Верхоленского округа Иркутской губернии. СПб.: 1896. 245 с.

Курас Л.В. Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах Росси в XVII – начале X в. (историография проблемы в трудах профессора Льва Михайловича Дамешека) // Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII – начале XX в. [«Азиатская Россия»]. Иркутск: Оттиск, 2013. С. 14–30.

Кюхельбекер М.К. Краткий очерк Забайкальского края // Декабристы о Бурятии. Статьи, очерки, письма. Улан-Удэ: 1975.

Ледовских А.Ю. Сибирский «инородческий вопрос» на страницах российской журнальной прессы во второй половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск: 2008.

Леонтович О.И. К истории права русских инородцев. Одесса: 1879.

Леонтович О.И. Калмыцкое право. Одесса: 1880.

Летописи баргузинских бурят. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 75 с.

Летописи селенгинских бурят. Вып. 1. Хроника Убаши Дамби Джалцан Ломбо Цэрэнова 1868 г. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 56 с.

Летописи хоринских бурят. Хроники Тугулдур Тобоева и Вандана Юмсунова / пер. Н.Н. Поппе.М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 108 с.

Лиджиева И.В. Местное самоуправление калмыков в XIX – начале XX вв. (историко-этнографический аспект). Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 310 с.

Лиджиева И.В. Финансово-хозяйственная деятельность органов общественного управления Калмыцкой степи в XIX в. // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 362–392.

Лиджиева И.В. Хозяйство и природопользование в деятельности органов местного самоуправления Калмыцкой степи в XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 46. С. 22–28.

Ломакина И.Б. Этническое обычное право: теоретико-правовой аспект: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. СПб.: 2005. 43 с.

Львов Л. Обозрение Забайкальского края // Русский вестник. 1842. №№ 7–10.

Маглеев А. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. Рец. на монографию «История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.» / Л.М. Дамешек, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 503 с. // Бурятия. 2014. 25 апреля.

Мамет Л.П. Колониальная политика царизма в Якутии в XVII – XIX вв. // 100 лет Якутской ссылки. М.: 1934. С. 26–78.

Мамышева Е.П. Хакасия: от Степных дум к автономии (1822–1930 гг.). Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та иМ.Н.Ф. Катанова, 2008. 124 с.

Мангутов Н.Р. Социально-экономические отношения в Западной Бурятии // Культура и быт народов Бурятии. Этнографич. сб. Улан-Удэ: 1965. Вып. 4.

Мантурова С.Ч. Государственное призрение и благотворительность в социальной и культурной жизни Забайкалья во второй половине XIX – начале XX вв. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2005. 232 с.

Маркова И.Б. Вопросы организации управления Сибирью периода позднего феодализма в советской историографии // Вопросы историографии Сибири и Алтая. Барнаул: 1988. С. 51–63.

Матханова Н.П. Генерал-губернатор в системе управления России: закон и практика (на примере Восточной Сибири середины XIX в.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVIII – XX вв. Новосибирск: 1996.

Матханова Н.П. От Трескина до Муравьева-Амурского (биография сибирского чиновника) // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. № 2.

Матханова Н.П. Рец. на монографию «История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.» / Л.М. Дамешек, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 503 с. // Гуманитарные науки в Сибири (Новосибирск). 2014. № 3. С. 106–107.

Матханова Н.П. Губернаторский корпус Восточной Сибири в середине XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 2.

Матханова Н.П. Чиновник и мемуарист Бернгард Васильевич Струве // Гуманитарные науки в Сибири. 1995. № 1.

Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 552 с.

Махатов Б.П. К истории кударо-бурятской школы // Бурятиеведение. 1927. № 3–4. С. 53–54.

Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск: 1975.

Моравский В. Инородческое образование в Сибири // Сибирские вопросы. 1909. № 28. С. 11–14.

Мунханов В.А. Организация управления народами Юго-Восточной Сибири в имперский период (1721–1917 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Иркутск: 2010.

Мурзина А.И. Реформа Сперанского в Западной Сибири // Учен. зап. ЛГУ. 1950. № 115. Вып. 1.

Нанзатов Б.З. Органы местного самоуправления у бурят в XIX в. Рец. на монографию «История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в.» / Л.М. Дамешек, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 503 с. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2014. Том 7. С. 228–231.

Наумкина В.В. Обычное право сибирских народов Восточной Сибири в правовой системе Российского государства в XIX – начале XX в.: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. М.: 2010.

Неупокоев В. Тунгусы в Бурятии // Жизнь Бурятии. 1927. № 7–9. С. 80–91; № 11–12. С. 59–69.

Никулин В.Н. Управление крестьянами Сибири в 1861–1905 гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск: 1979.

Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб.: 1911.

Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л.: 1937.

Островский И.В. Земельная и фискальная политика царизма в Сибири периода империализма // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск: 1980. С. 57–68.

Очерки историографии Сибири эпохи империи (XVIII – начала XX века) / отв. ред. Л.М. Дамешек. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017.

Патканов С. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб.: 1911.

Пахомов Е.А. Административно-территориальное устройство и традиции местного самоуправления Якутии по «Уставу об управлении инородцев Сибири» // Якутская Степная дума – первый опыт областного самоуправления: материалы науч.-практ. конф. (г. Якутск, 3 апр. 2007 г.) / [отв. ред. д. и. Н.А.А. Борисов]. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2007. 196 с.

Петри Б. Программа для собирания преданий по истории заселения Прибайкалья бурятами. Верхнеудинск: 1925.

Петри Б.Э. Среди кудинских бурят // Изв. Русского ком. для изучения Средней и Восточной Азии. СПб.: 1913. Сер. 2. Вып. 3.

Помус М.И. Бурят-Монгольская АССР. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. 390 с.

Постников А.В. История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII – начале XX в. в связи с формированием русско-китайской границы / под общ. ред. Б.В. Базарова. М.: Изд-во «ЛЕНАНД», 2013. 364 с.

Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири / гл. ред. Н.Н. Яновский. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. Т. 6. 384 с.

Предисловие А.Ю. Конева к сборнику документов «Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.)». Тюмень: 1999.

Прудникова Т.П. Основные проблемы истории крестьянства пореформенной Сибири (60–80-е годы) // Проблемы истории советского общества Сибири: материалы ноябрьского 1969 г. симпозиума по истории рабочего класса и крестьянства Сибири. Вып. 2. История крестьянства Сибири досоветского периода. Новосибирск: 1970.

Прутченко С.М. Сибирские окраины. Историко-юридические очерки. Приложения. СПб.: 1899. Т. 1. С. 5–6.

Раев А. Ф. Буряты // Вестник географического общества. 1858. Т. XXIV.

Ремнев А.В. Западные истоки сибирского областничества // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб.: 1997. С. 142–156.

Ремнёв А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 554 с.

Ремнёв А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1995. 237 с.

Ремнёв А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX вв. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1997. 253 с.

Ремнев А.В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX века. Некоторые итоги и перспективы изучения. http: //www.zaimka.ru/remnev3.shtml;

Ринчино Э.-Д. Бато-Далай Очиров // Документы, статьи, письма. Улан-Удэ: 1994.

Ринчино Э.-Д. Областническое движение в Сибири и социал-демократия // Документы, статьи, письма. Улан-Удэ: 1994.

Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении (XVIII – начало XX в.) / отв. ред. И.Л. Дамешек, Ю.П. Петрушин. Серия «Азиатская Россия». Иркутск: 2008.

Румянцев Г.Н. К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа // Зап. БМНИИК. Вып. XVII. Улан-Удэ: 1953. С. 30–61.

Рязановский В.А. Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк. Харбин: Типография Н.Е. Чинарева, 1931. 352 с.

Рязановский В.А. Обычное право бурят. Чита: Изд-во Бурят-Монгольской автономной области. 1921. 120 с.

Сборник материалов по истории Бурятии XVIII-го и первой половины XIX века. Вып. 1 / под ред. и с примеч. В.П. Гирченко. Верхнеудинск: 1926. 42 с.

Светличная Л.И. Преобразовательные планы и административная деятельность М.М. Сперанского в Сибири: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М.: 1952.

Сенина Е.А. Инородческий вопрос на страницах сибирской периодической печати во второй половине XIX – начале XX века: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Иркутск: 2005.

Серебренников И.И. Инородцы в Сибири, их состав и занятия. (Стат. сб.). Иркутск: 1913.

Серебренников И.И. Сибиреведение. Харбин: 1920.

Серебренников И.И. Инородческий вопрос в Сибири. Иркутск: 1917.

Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.

Сивкова А.В. Сибирь в системе имперского законодательства в 70-е годы XVIII – 80-е годы XIX в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ: 2006.

Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1 и 2. СПб.: 1886. 2-е изд.

Соболева Т.Н. Управление Колывано-Воскресенским (Алтайским) горным округом в XIX – начале XX вв. К историографии вопроса // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск: 1985.

Стуков К. Нечто о монголо-бурятской присяге / К. Стуков // ИЕВ. Прибавления. 11 августа 1879 г. № 32. С. 357–364.

Сухотина Л.Г. Землеустроительная политика правительства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Томской губернии) // Вопросы истории Сибири. Вып. 2. Томск: 1965. С. 62–72.

Термен А.И. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области. Очерки и впечатления. СПб.: Типогр. МВД, 1912. 144 с.

Токарев С.А. Буряты и их «кыштымы» в XVII в. // Зап. БМГНИИЯЛИ. Вып. 2. Улан-Удэ: Бурят-Монг. кн. изд-во, 1939. С. 136–155.

Токарев С.А. О происхождении бурятского народа // Советская этнография. 1953. № 2.

Токарев С.А. Расселение бурятских племен в XVII в. // Зап. Бурят-Монгольского гос. науч.-исследоват. ин-та языка, лит., искусства (БМГНИИЯЛИ). Вып. I. Улан-Удэ: Бурят-Монг. гос. изд-во, 1939. С. 101–130.

Топчий А.Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899). Томск: Изд-во ТГУ, 1979. 277 с.

Труды Агинской экспедиции. Материалы по исследованию Агинской степи Забайкальской области, произведенному в 1908 г. Читинским отделением императорского Русского географическо-

го общества. I. Население. Д.М. Головачев. II. Хозяйственный быт. В.В. Солдатов. Чита: 1911.

Тугужекова В.Н. Рецензия на: Дамешек Л.М., Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX века / отв. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013, 503 с. // Научное обозрение Саяно-Алтая. Рецензируемый научный журнал. № 4(12). 2015. Серия: история. Вып. 4. С. 117–118.

Тумунов Ж.Т. История Аги (1648–1917). Часть 1. Дооктябрьский период. Улан-Удэ: 2006.

Тумурова А.Т. Обычное право бурят по Селенгинскому уложению 1775 года: Дис. ... канд. юрид. наук. М.: 1997.

Тумурова А.Т. Обычное право бурят: историко-правовое исследование: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. М.: 2010.

Тумурова А.Т. Обычное право бурят: Селенгинское уложение 1775 г. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004. 77 с.

Турунов А. Прошлое бурят-монгольской народности. (Популярный историко-этнологический очерк). Иркутск: Гос. типогр., 1922. 48 с.

Тюньдешев Г.А. Обычай как элемент культуры хакасов: Автореф. дис… канд. юрид. наук. СПб., 1997.

Увачан В.В. Обычное право эвенков в XVII – начале XX в. М.: Кн. дом «Ун-т», 2001. 133 с.

Федоров М.М. История правового положения народов Восточной Сибири в составе России. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1991. 144 с.

Федоров М.М. Правовое положение народов Сибири в XVII – первой половине XIX вв. Якутск: Кн. изд-во, 1978. 207 с.

Фридман С. Революция 1905 г. и буряты // Жизнь Бурятии. 1925. № 9–12. С. 117–127.

Хангалов М.Н. «Зэгэтэ аба». Общественные охоты у северных бурят. Зэгэтэ аба у кудинских бурят. Юридические обычаи бурят, некоторые нормы обычного права бурят и др. // Собр. соч. Т. 1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 552 с.

Хангалов М.Н. Юридические обычаи у бурят // Собр. соч. Т. 1. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. С. 153–165.

Хаптаев П.Т. Бурят-Монголия в период Октябрьской социалистической революции. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1947. 120 с.

Хаптаев П.Т. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа. Улан-Удэ: БурГиз, 1942. 200 с.

Хаптаев П.Т. Национальное движение в Бурятии в период первой русской революции. Улан-Удэ: Бургосиздат, 1938. 148 с.

Хаптаев П.Т. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. Ч. 1, 2. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 336 с.

Хаптаев П.Т. Тезисы доклада «К спорным вопросам исторического процесса в Бурятии». Иркутск: 1934. 10 с.

Худяков В.Н. К вопросу об аграрной политике царизма пореформенного периода в Сибири // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск: 1978. С. 34–48.

Цибиков Б.Д. Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности. Новосибирск: 1992.

Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. Новосибирск: 1991. Т. 1.

Чибизев И.Я. Инородцы Енисейской губернии в первые годы ее существования // Сибирский архив. Сентябрь 1914 г. № 9. Минусинск: Типография А. Ф. Метелкина, 1914.

Шахерова С.Л. Инородческий вопрос в трудах присяжного поверенного М.А. Кроля / С.Л. Шахерова // Иркутску 350 лет – история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Сибиряковские чтения» 12–13 октября 2011 г. Иркутск: Оттиск, 2011. С. 181–182.

Шашков С.С. Собрание соч., Т. 2. СПб.: 1898. С. 632–652.

Шейнфельд М.Б. Землеустройство и введение волостных учреждений у хакасов в 1908–1914 гг. // Вопросы истории Хакасии. Абакан: 1977. С. 106–108.

Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика в XVII – начале XX вв. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2005. 312 с.

Шиловский М.В. Областничество и регионализм: эволюция взглядов сибирского общества на пути инкорпорации Сибири в общероссийское пространство / Административное и государственно-правовое развитие Сибири XVII–XXI веков. Материалы научно-теоретического семинара (12-13 ноября 2002 г.). Иркутск: 2003. С. 5–21.

Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Областники. Новосибирск: 1995.

Шиловский М.В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50-х – 60-х годах XIX века. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1989.

Шишкин В.И. Государственное управление Сибирью в XVII–XIX веках: основные особенности организации и функционирования // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XX вв. Новосибирск: 1998.

Штернберг Л.Я. Краткая программа по этнографии // Бурятиеведение. Верхнеудинск: 1927. № 3–4. С. 122–139.

Шунков В.И. Выступление на совещании историков Бурят-Монголии 16.10.1947 // Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры и экономики (НИИКЭ). Вып. VIII. Улан-Удэ: Бурят-Монг. гос. изд-во, 1948. С. 223–237.

Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век. М.: АН СССР, Сибирское отделение, 1956. 432 с.

Щапов А.П. Соч. Т. 3. СПб.: 1908.

Щапов А.П. Сельская оседло-инородческая и русско-крестьянская община в Кудинском крае // Собр. соч. Иркутск: 1937. Доп. том. С. 285–291.

Щукин Н.С. Буряты // Журнал МВД. 1849. Ч. 25.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб.: 1892.

After empire: Multi-ethnic societies and nation-building: The Soviet Union and theRussian, Ottoman, and Habsburg empires/ Ed. by Barkey K., Hagen M. von. – Boulder, 1997. VII. – 200 p.

Barrett T.M. At the edge of empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus frontier, 1700-1860. – Boulder, 1999. – XV. – 243 p.

Becker S. Russia and the concept of empire // Ab imperio. – Казань, 2000. – № 3/4. – С. 329-342.

Beyond the limits: The concept of space in Russian history and culture / Ed. Smith J. – Helsinki, 1999. – 276 p.

Geraci R. Window on the East: National and imperial identities in late tsarist Russia.Ithaca, 2001. XVI. – 378 p.

Le Donne J. Frontier governor general 1772–1825. I. Western frontier // Jb. Fur Geschichte Osteuropas. – Wiesbaden. 2000. – Bd 48, H.3. – P. 334.

Le Donne J. Frontier governor general 1772–1825. I. Western frontier // Jb. furGeschichte Osteuropas. – Wiesbaden. 1999. – Bd 47, H.I. – P. 56–88; II. The Southernfrontier // Ibid. – Wiesbaden, 2000. – Bd 48, H.2. – P. 161–183; III. The Easternfrontier// Ibid. – Bd 48, H.3. - P. 321–340.

Raeff M. Michael Speransky. Statesman of imperial Russia. 1772–1839. Martinus Nijhoff. – The Hague, 1969. – 394 p.

Raeff M. Patterns of Russian imperial policy toward the nationalities // Soviet nationality problems/ Ed. byAllworth E. – N.Y., 1971. – P. 22–42.

Raeff M. Patterns of Russian imperial policy toward the nationalities // Soviet nationalityproblems/ Ed. byAllworth E. – N.Y., 1971. – P. 39-40.

Raeff M. Siberia and reforms of 1822. Seattle, University of Washington press, 1956. – 210 p.

Rieber A. From reform to empire: Russia's «new» political history // Kritika. – Bloomington, 2001. – Vol.2, N 2. – P. 261–268.

Rieber A. Approaches to empire // От мира империи к глобализации. – Саратов, 2002. – С. 117–138.

Robbins, R.G., jr. The tsar's viceroys: Russian provincial governors in the last years of the empire. – Ithaca, 1987. XIV. – 271 p.

Robbins, R. G., jr. The tsar's viceroys: Russian provincial governors in the last years of theempire. – Ithaca, 1987. XIV. P.13, 17–19.

Robert W. Montgomery [Baldwin Wallace University]. Dameshek, Lev Mikhailovich, Budit Tsydipmunkuevna Zhalsanova, and Leonid Vladimirovich Kuras. Istoriia organov samoupravleniia buriat v XIX–nachale XX v. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogogosudarstvennogo universiteta, 2013. – 503 p. // Russian Review, Vol. 77, No. 1 (January 2018).

Russification in the Baltic provinces and Finland, 1855–1914 / Ed. by Thaden E.C. –Princeton, 1981. XIII. – 497 p.

Russification in the Baltic provinces and Finland, 1855-1914 / Ed. by Thaden E.C. –Princeton, 1981. – XIII. P. 462–463.

Stephan J.J. The Russian Far East. «A History». Stanford University Press. Stanford, California, 1994. – 481 p.

Weeks T. Nation and state in late imperial Russia: Nationalism and russification on theWestern frontier, 1863–1914. – DeKalh, 1996. XIII. – 297 p.

Weeks T. Russification and the Lithuanians, 1863–1905//Slavic rev. – Chicago, 2001. –Vol.60, N 1. – P. 96-114.

Yaney G.L. The systematization of Russian government: Social evolution in the domestic administration of imperial Russia, 1711–1905. Urbana,1973. – 430 p.

Приложение

Таблица 1

О количестве инородных управ, родов, местах кочевий и количестве населения Урульгинской Степной думы. 1827 г.[1779]

№	Название инородной управы	Места кочевий	Количество населения	Названия родов
1	Оловская	По рекам Курлыча, Кучелга, Олову, Нерче, Торче, Торчокану, Оле, Кие, Кичкону, впадающих в р. Шилку	976	Перводулигарский, Второбаягирский, Кельтегирский, Почегорский, Малицевский, Узонский роды
2	Онгоцонская	По рекам Кыре, Былыре, Бырце, Тарбальжею, Харалге, Улятую, Курулге, Акше, впадающим с левой стороны в р. Онон, урочища Улятуй, Онгун, Онхокто, Улачи, Онгоцон		Сартоцкий, Луникерский, Вакасильский роды

[1779] ГАЗК. Ф. 55. Оп. 1. Д. 25. Л. 161–199.

3	Урульгинская	По рекам Урульга, Будунай, Талача, Кабанья, Тумянкан и др.	483 (в т. ч. 30 оленных)	Мунгальский, Княже-Дуликатский, Домо-Дулигатского, Кельтегирский, Телембинский, Еравнинский роды и оленные бродячие
4	Кужертаевская		1113	Узонский, Чимчагирский, Гуновский, Тукчинский, Баликагирский, Гучитский роды
5	Шундуинская	По рекам Шивия, Шиндуй, Калангуй, Актий, Турга, Бырка, Сохтуев, Караксар, впадают в р. Онон	775	Улятский, Былыктуевский, Концелютский, Желтоцкий, Намятский, Намясинский, Долотский, Челкагирский роды

6	Маньковская	По рекам, начиная от вершины р. Онон, Борзи верст на 50	1487	Первобаягирский, Второбаягирский, Перводулигарский, Втородулигарский, Конурский, Долотский, Намятский, Чипчинутский и Дуларский роды

Таблица составлена по документам ГАЗК. Ф. 55. Оп. 1. Д. 25. Л. 161–199.

Таблица 2

Ведомость о состоящих в ведомстве Селенгинской Степной думы 18 родах с показанием в каждом роде числа душ платежных и неплатежных, а также какое количество каждый род платит ныне в год ясака

№	Звание родов	Число платежных душ	Старшины и детей их и неимущих	Ныне состоящих в платеже	В каждый год платимый ясак
1	Бомолготульский, в т. ч. старшин и детей их Увечных и неимущих От 50 до 60 лет От 7 до 18 лет	89	**5** **8** **20** **105**	**76**	**225**

2	Селенгинский харанутский в т. ч. старшин и детей их Увечных и неимущих От 50 до 60 лет От 7 до 18 лет	28	**15** **22** **45** **368**	**243**	**810**
3	Атаганова в т. ч. старшин и детей их, лам Увечных и неимущих От 50 до 60 лет От 7 до 18 лет	509	82 23 89 269	404	1220
4	Чикойского харанутского Увечных и неимущих, а также платящих соболями От 50 до 60 лет От 7 до 18 лет	71	9 17 73		
5	Галзутского От 50 до 60 лет От 7 до 18 лет	17	7 40	17	60
6	Олзонова в т. ч. старшин и детей их, лам Увечных и неимущих От 50 до 60 лет От 7 до 18 лет	60	4 7 14 76	49	150
7	Узенова в т. ч. старшин и детей их, лам От 50 до 60 лет От 7 до 18 лет	13	1 5 16	12	36

8	1-го табангутского в т.ч. старшин и лам Увечных и немущих От 50 до 60 лет От 7 до 18 лет	110	9 5 29 103	96	300
9	Бабайхурумчиевский в т. ч. старшин и детей их Увечных и немущих От 50 до 60 лет От 7 до 18 лет	65	 3 3 7 87	59	175
10	Цонголова в т. ч. старшин и детей их, лам Увечных и немущих От 50 до 60 лет От 7 до 18 лет	474	 108 36 120 361	330	970
11	Ашабагатского				494-88 1/3
12	Сартолова				625
13	3-го Табангутского				380
14	2-го табангутского				105
15	Чиноева				228-82
16	Алагуева				165
17	Подгородного				240
18	Хатагинова				226-11
	Итого				**6735-82 ¼**

ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 83. Л. 100–101

Таблица 3

О количестве населения по родам Балаганского ведомства в 1840 г.

№	Роды	Количество улусов	Жителей		Деревянных юрт	Рабочих душ
			М.П.	Ж. п.		
1	Булутский	6	575	570	192	250
2	Онгоевский	5	339	311	112	143

3	Кульметский	13	1098	1058	393	489
4	1-й Олзоевский	3	313	299	112	138
5	2-й Олзоевский	5	764	733	250	350
6	1-й Икинатский	4	427	394	139	184
7	2-й Икинатский	3	265	238	92	134
8	1-й Муруевский	10	486	472	169	224
9	2-й Муруевский	8	620	683	219	283
10	1-й Ноетский	7	613	563	208	229
11	2-й Ноетский	4	333	325	96	149
12	3-й Ноетский	1	105	103	38	80
13	Халтубаевский	4	739	726	224	344
14	Быкотский	3	372	410	114	160
15	Зунгарский	5	390	415	124	176
16	Бараевский	2	235	218	85	108
17	Онхотоевский	3	274	256	77	125
18	Шаратский	2	226	211	88	109
19	Бородоевский	2	45	37	25	22

Таблица 4

Ведомость о числе душ и ламах Агинской Степной думы Нерчинского округа 1840 г.

Не ранее 1840 г.

С. Агинское

№	Звание урочищ	Число душ					
		Ясачных		Лам комплектных		Лам сверхкомплектных	
		м	ж	казачьих	ясачных	казачьих	ясачных
1.	Зун-Харганатского	1886	1808		1		33
2.	Зун-Хоацайского	1056	1064				18
3.	Худайского	25	39				
4.	Гучитского	1					
5.	Саганского	869	914	-	-	-	8
6.	Галзотского	587	600	-	1	-	4

7.	Зун и Барун-Кубдутского	1095	1097	-	-	-	7
8.	Хальбинского	156	129	-	-	-	1
9.	Шарайтского	970	965	-	-	-	13
10.	Батанайского	6	2	-	-	-	-
11.	Барун-Хоацайского	835	634	-	-	-	11
12.	Бодонгутского	1268	1263	-	1	-	24
		8749	**8515**	**-**	**3**	**-**	**119**

ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 2. Л. 236–236 об.

Таблица 5

Раскладка податей и повинностей по кочевым инородцам Хоринского ведомства в 1848 г.

№	Виды податей	С одной души (в руб.)	Кол-во душ	Собрано (в руб.)
1	Ясачная подать	1,72	7873	13541,56
2	Общая земская повинность	2,04 ½	16150	33026,75
3	Общая земская повинность	0,24 ½	7866	1927,17
4	Частная земская повинность	0,11 ¼	16150	1816,87 ½
5	Капитал народного продовольствия	0,06	16150	969
6	Хозяйственный капитал	0,06	7866	471,96
7	Межевание земель	0,03	7866	235,98
	Итого			51989,29 ½

Таблица составлена по документам ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 130. Л. 1 об.

Таблица 6

Раскладка податей и повинностей по оседлым инородцам Хоринского ведомства в 1848 г.

№	Виды податей	С одной души (в руб.)	Кол-во душ	Всего собрано (в руб.)
1	Подати	0,86	34	29,24
2	Оброчные подати	2,29	34	77,86

3	Общая земская повинность	0,12	34	4,08
4	Общая земская повинность	2,04 ½	34	69,53
4	Частная земская повинность	0,11 ¼	34	3,82 ½
4	Капитал народного продовольствия	0,06	34	2,04
5	Хозяйственный капитал	0,06	34	2,04
6	Межевание земель	0,03	34	1,02
	Итого			189,63 ½

Таблица составлена по документам ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 130.

Таблица 7

Раскладка внутренних повинностей по Хоринскому ведомству в 1854 г.

№	Содержание статей денежной повинности	Сумма (в рублях)
1	Жалованье 14 писарям 53 сельских экономических магазинов	828-57
2	Жалованье писарям 14 инородных управ	400
3	Канцелярские расходы управ	200
3	Жалованье учителю Онинского приходского училища, отопление Содержание 14 мальчиков, учащихся в училище	942-86
4	Содержание тюремной избы	20
4	Содержание междудворных подвод	3023,86
	Итого	5415,29

Таблица составлена по документам ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 271. Л. 345 об.

Таблица 8

Раскладка натуральных повинностей по Хоринскому ведомству в 1854 г.

№	Содержание статей натуральной повинности	Сумма (в рублях)
1	Исправление дорог, мостов, гатей, перил, заготовка леса	3101-10
2	Отправление воинских команд (подвод) по Нерчинскому тракту с приготовлением подвод	481-60
3	Содержание перевозов через реки	165-26
4	Караульные 53 экономических магазинов	530
5	Караульный при Степной Думе	71-43
6	Денщики при Степной Думе	157-08
7	Денщики при инородных управах	280
8	Сопровождение каравана с золотом и серебром из г. Нерчинска в г. Санкт-Петербург	356-13
9	Содержание кордона на станции Домно-Ключевской	171-42
10	Сопровождение ссыльных в г. Нерчинск	588
	Итого	5902-02

Таблица составлена по документам ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 271. Л. 346.

Таблица 9

Список населенных пунктов Аларского инородческого ведомства Балаганского округа в 1859 г.

Название поседений	Какого рода поселение	Месторасположение (примечания)	Расстояние от уездного города (стана)	Число дворов	Количество душ	
					Муж	Жен
От Иркутска по правую сторону Московского почтового тракта.						
1. Тоготский	8-го Хонхо-доровского	Колодец	125 (15)	17	46	42

2. Кундулун-ский	3-го Халтубаева	При ключе Кундулун Хигинский экономический магазин.	70 (12)	20	66	62
По левую сторону Московского тракта.						
3. Забитуевский	8, 9-го Хон-ходоровского	Колодец.	111 (14)	31	69	73
4. Куйтинский	8, 9-го Хон-хо-доровского	Станционный дом и Куйтинский экономический магазин. Колодец.	115 (26)	107	409	446
5.Кийтский	8-го Хон-хо-доровского	Колодец.	118 (29)	8	20	18
6.Нижне-Ол-забейский	1, 2-го Хон-хо-доровского	Колодец.	132 (43)	67	174	169
7.Хыгинский (Хигинский)	1-й Хон-хо-доровский и почетных граждан	Аларская Степная дума. Хыгинская станция. Экономический магазин. Ламский деревянный дацан, каменная и деревянная ламские часовни. Колодец.	137 (48)	117	310	291

По правую сторону Куйтинского улуса.						
8.Ултуйский	8-го Хон-хо-до-ровского	Колодец	120 (31)	43	90	86
9.Шапша-лан-туйский	1,8,9-го Хон-хо-доров-ского	Колодец	125 (36)	36	85	75
10.Зонский (Модонский)	1,4,8-го Хон-хо-доров-ского	Зонский эко-номический магазин Колодец	129 (40)	41	104	107
Влево от Нижне-Олзабейского улуса						
11.Верх-не-Олзабей-ский	8-го Хон-хо-до-ровского	Колодец	133 (44)	25	68	67
От Степной думы по проселочной дороге в Зонский улус.						
12.Кулур-туй-ский (Коконур-ский)	1,3, 4, 5, 6, 7-го Хон-хо-до-ровского	Колодец.	148 (49)	65	186	167
13.Нижне-И-матский	1,6,8-го Хон-хо-доров-ского	Колодец.	149 (60)	25	90	79
14.Сред-не-Иматский	1,2,3,6,7-го Хон-ходо-ровского	Колодец.	152 (63)	49	117	111
15.Верхне-И-матский	3,6,7-го Хон-хо-доров-ского	Колодец.	153 (64)	21	55	47
От Степной думы по Ныгдинской станционной дороге.						

16.Болдой-ский	2,7-го Хон-хо-до-ровского	Колодец.	140 (51)	54	129	136
17.Бурков-ский	1,2,3,4,5-го Хон-ходо-ров-ско-го 9-го Шара-нут-ско-го	Экономиче-ский магазин. Колодец.	142 (53)	79	219	190
18.Туке-рен-ский	4-го Хон-хо-до-ровского	Колодец.	145 (56)	21	61	44
19.Ныгдин-ский	1,3,4,5-го Хонхо-доров-ского	Экономиче-ский магазин. Ныгдинская станция. Колодец.	149 (60)	101	275	289
20.Хаитин-ский	2,3,5-го Хонхо-доров-ского	Колодец.	152 (63)	64	169	148
21.Саган-Бу-рутский	2,4,5-го Хонхо-доров-ского	Колодец.	155 (66)	18	41	34
По правой стороне Ныгдинского улуса по течению реки Ирети.						
22.Аларская деревня	4,5-го Хон-хо-до-ровского	При реке Иреть.	156 (67)	15	37	31

23.Усть-Голуметский (Быжир)	4, 5-го Хон-хо-доровского	При реке Иреть	152 (63)	12	34	31
24.Балдуевский	4, 5-го Хон-хо-доровского	При реке Иреть	151 (62)	17	52	44
25.Иретский	1,2,3,5,7-го Хон-ходо-ров-ского	Православная деревянная церковь. Экономический магазин. При реке Иреть	149 (60)	39	93	92

Таблица составлена по документам ГАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 275. Л. 132–149.

Таблица 10

Подати и повинности по ведомству Баргузинской Степной думы. Март 1861 г.

По окладу следовало собрать	**Число душ**	**Сумма**	
		Руб.	**Коп.**
В 1860 г. с кочующих инородцев Баргузинского ведомства			
1. Ясачной подати по 1 руб. 43 коп.	2009	2872	87
2.Государственной повинности по 72 ½ коп.	4352	3155	20
3.Губернской повинности по 41 коп.	4352	1784	32
4.Частной земской повинности по 20 ¼ коп.	4352	881	28
5.Продовольственный капитал по 5 коп.	4352	217	60
6.Хозяйственный капитал по 6 коп.	2014	120	84
7.На межевание земель по 3 коп.	2014	60	42
Итого по окладу 1860 г.		9092	53
Согласно уведомлению окружного казначейства от 5 марта 1860 г. за № 255 недовзысканных за 1859 г.:			
Государственной повинности		282	55 ½

Губернской повинности		153	13 ½
Частной земской повинности		385	82 ½
Итого за 1859 г.		821	51 ½
Согласно указу Забайкальского областного правления от 23 мая 1860 г. за № 2353 взыскано при сборе второй половины 1860 г. с сына инородца Аранзы Мангутова Аксена, оказавшегося при проверке 10 переписи по летам работником			
Ясачной подати за 1859 г.		1	43
-//- за 1860 г.		1	43
Всего за 1860 г.		9916	90 ½

Собрано и внесено в окружное казначейство	**Сумма**		
При отношениях Степной думы от 28 февраля за № 82 и 83 за 1-ю половину 1860 г., а именно:			
Ясачной подати	1436	43 ½	Во взыскании денег квитанции Окружного казначейства от 2 марта 1860 г. за № 641, 917 и 641, 918
Государственной повинности	1577	60	
Губернской повинности	892	16	
Частной земской повинности	622	19	
Продовольственный капитал	108	80	
Хозяйственный капитал	60	42	
На межевание земель	30	21	
Итого за 1 половину	4727	81 ½	
Отчислено из суммы частной земской повинности и записано на приход под № 3 по Книге на содержание Степной думы	259	9	
Согласно уведомлению Окружного казначейства от 5 марта за № 255 при отношении думы от 4 апреля за № 269 недовзысканными за 1859 г.:			
Государственной повинности	282	55 ½	Квитанции Ок-ружного казначейства от 20 апреля за № 642, 145
Губернской повинности	153	13 ½	

Частной земской повинности	385	82 ½	
Итого недовзыскано	821	51 ½	
При отношении Степной думы от 14 ноября за № 1819 за 2 половину 1860 г.			
Ясачной подати	1433	57 ½	Квитанции Ок-ружного казначейства от 20 ноября за № 642, 985
Государственной повинности	1577	60	
Губернской повинности	892	16	
Продовольственного капитала	108	80	
Хозяйственного капитала	60	39	
На межевание земель	30	19 ½	
Итого за 2 половину	4402	72	
По указу Забайкальского областного правления от 20 мая 1860 г. за № 2353 сложено при взыскании оклада за 2 половину 1860 г. за сыновей инородцев Ченоевского рода Чено Шамнаева Бату и Бурского рода Маркула Матунова Доржи, оказавшихся при поверке 10 переписи не подлежащими по летам к числу рабочих			
Ясачной подати			
За 1859 г. с 2-х работников по 1 руб. 43 коп.	2	86	
1860 г. с 2-х работников по 1 руб. 43 коп.	2	86	
Итого сложено	5	72	
А всего в 1860 г.	9916	86	
Затем к 1 числу января 1861 г. оставлено против 1 числа 1860 г. недовзысканными:			
В хозяйственный капитал		3	
На межевание земли		1 ½	
		4 ½	
Сравнение	9916	90 ½	

ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 946. Л. 33–36 об.

Таблица 11

Внутренние повинности по Баргузинскому ведомству. Март 1861 г.

Приход			Сумма	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Остатком поступили на 1 января 1860 г.				
На содержание училища	19	6 ½		
На содержание между улусами станций	3	89		
На жалованье писарям при магазинах	4	6 ½		
На исправление Степной думы		92 ½		
Итого			27	94 ½
К тому вновь				
*Собрано с инородцев Баргузинского ведомства в течение 1860 г.				
На содержание училища	206	72		
На содержание между улусами станций	611	99 ¾		
На наем писарей по экономическим магазинам	57	12 ¼		
Итого			875	84
Итого в приход			903	78 ½

Расход	**Сумма**	
	Руб.	**Коп.**
В течение 1860 г. поступило в расход		
В жалованье учителю Баргузинского бурятского училища	160	
На канцелярские припасы, отопление и освещение училища	36	84
На жалованье писарю при магазинах	57	14
За содержание между улусных станций	611	61
Итого в 1860 г. в расход	865	59
Затем к 1 числу января 1861 г. состоит налицо: остаточных сумм, а именно:		
На содержание училища	28	94 ½
За содержание между улусных станций	4	27 ¾
На жалованье писарю при магазинах	4	4 ¾

На исправление Степной думы		92 ½
Итого	38	19 ½
Сравнение	903	78 ½

ГАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 946. Л. 39–40.

Таблица 12

Список населенных местностей Селенгинского ведомства. Июль 1865 г.

№	Названия селений	местность	Расстояние от г. Селенгинска	Число дворов	Число жителей		Здания
					М. п	Ж. п	
	По тракту от г. Селенгинска до г. Кяхты						
	Селения						
1	Иннокентьевское, (ясачного общества инородцев)	При протоке р. Селенга	45	12	26	22	Деревянная церковь, часовня, здания Думы, приходского училища, тюрьмы
2.	Стрелочное (оседлого общества инородцев)	При р. Се-ленга и Усть-Чикое	12	40	109	115	Одна часовня, один хлебозапасный магазин.
3.	Зарубинское	При р. Селенга	90	28	76	77	Деревянная часовня, хлебозапасный магазин

4	Холуйское	При р. Темник	40	5	24	20	Одна деревянная часовня
	Урочища кочующих инородцев:						
5.	1-го Селенгинского харанутского рода (Иволга, Оронгой, Убукун)	При р. Селенга и р. Иволге, Оронгой и Букуну	90	977	1201	1244	Один деревянный дацан, 2 почтовые станции-Мухинская и Нижнеубукунска, 3 хлебных магазина
6	1-го черноутского рода ((Иволга, Гильбира, Харгана)	При р. Оронгой, Гильбира, Убукун	60	754	479	506	3 хлебных магазина
7	Ользонова рода (Верхний и Нижний Оронгой, Загустай)	При р. Селенга, Оронгой, Загустай и оз. Гусиному	70	385	374	400	1 дацан, 1 почтовая станция-Арбузовская, 2 хлебных магазина
8	Бумалгутульского рода (Иволга, Зун-Шулун, Нянгор)	При р. Селенга, Иволга, Темник	30	526	724	689	3 хлебных магазина
9	Бабайхурумчиевского рода (Жаргалантуй, Сунусутун, Иволга)	При р. Селенга, Жаргалантуй, Иволга	90	447	597	588	3 хлебных магазина

10	3-го табангутского рода (Субуктуй, Харьяска, Дзокуй)	При р. Селенга, Харьяска, Субуктуй ключе Ондо-лине	40	580	601	579	1 дацан, 2 почтовые станции-Порохская, Калиноперевалоская, 2 хлебных магазина
11	2-го табангутского рода (Субуктуй)	При р. Селенга, ключе Харьяска	70	120	113	133	1 хлебный магазин
	От Селенгинской Степной Думы по проселочным дорогам к Старому Кругобайкальскому тракту						
12	Узенова рода (в степи Тамчин и урочище Нянги)	При р. Селенга и Темник	45	107	131	130	1 хлебный магазин
13	Подгородного рода (в степи Тамчин и Темнику)	При оз. Гусином и р. Селенга и Темник	45	399	456	459	1 дацан, 1 хлебный магазин
19	2-го Черноутского рода (ур. Удунга)	При р. Темник и Удунга	80	353	287	290	1 хлебный магазин
20	Иринскохаранутского рода (Ур. Иро)	При р. Темник, Иро, Урме	70	769	532	522	1 дацан, 1 хлебный магазин
21	Хатагинова рода (ур. Иро, Тамчин)	При оз. Гусином, р. Иро	75	485	489	494	2 хлебных магазина
22	Алагуевского рода (ур. Иро)	При р. Иро, Урма	80	373	329	340	1 хлебный магазин

	От Селенгинской Степной Думы по проселочному тракту вверх по р. Чикой						
23	Цонголова рода (ур. Чикой-Тагалцар, Едуй, Ноехон, Хилгантуй, Хамнигадай)	При р. Чикой, Хилок, Тамир, Киреть, Кудара, Елань, Асса	125	1500	1502	1515	1 дацан, 5 хлебных магазинов
24	Ашабагатского рода (ур. Кудара, Кырет, Тамир, Дунгуй, Дулмой, Асса)	При р. Чикой, Кудара, Киреть, Дунжой, Елань, Алцагаша, Асса	190	800	1120	1104	2 дацана, 1 мукомольная мельница, 5 хлебных магазинов
25	Чикойско-харанут-ского рода (ур. Верхний и Нижний Шаргалжин)	При р. Чикой, Шаргалжин	280	200	314	304	2 мукомольные мельницы, 1 хлебный магазин, 18 золотых приисков вверх по р. Чикой
14	2-го атаганова рода (ур. Ауй)	При оз. Гусином, р. Ауй	40	443	342	358	1 дацан, 1 хлебный магазин
15	2-го Селенгинско-харанутского рода (ур. Енхор, Тамча, Бараний луг)	При р. Селенга, Темник	25	455	302	329	1 хлебный магазин
	От г. Кяхты по старому Кругоморскому тракту						

16	1-го атаганова рода (в степи Боргой и ур. Дырысытуй и Тасурхай)	При р. Селенга и Джида, ур. Боргой	90	1390	1455	1583	1 дацан, 7 хлебных магазинов
17	1-го табангутского рода (в ур. Ичетуе)	При р. Джида и Ичетуй	115	301	299	303	1 дацан, 1 хлебный магазин
18	Сартолова рода (ур. Алцак, Торей, Бургултай, Гыгетуй, Ичетуй)	При р. Джида, Ичетуй, Гыгетуй, Гарын, Бургултай, Торей	160	760	1497	1617	2 дацана, 2 мукомольные мельницы, 5 хлебных магазинов
	Итого						

Итого: 4 селения, 21 родов, 12 209 дворов, жителей – 13 379 М.П., 13 721 ж. п.

Церквей – 1
Часовен – 4
Дацанов – 13
Степных дум – 1
Училище – 1
Хлебных магазинов – 52
Тюремные дома – 1
Почтовые станции – 5
Мельница – 5
Золотые прииски – 18
Перевозы – 4

ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3457. Л. 9–18.

Таблица 13

Населенные пункты Верхоленского ведомства. 1866 г.

	Названия поселений		**На какой реке**	**Расстояние**		**Число дворов**	**Наличное число жителей**	
				От г. Иркутска	От Степной думы			
1	Деревня Ользоны	Деревня оседлых и ясачных инородцев	При ключе Ербантуе	179	54	17	32	42
2	Улус Маралтуйский – с левой стороны почтового тракта в 7 верстах	Кочевые инородцы 2-го Абызаевского рода	При речке Маралтуе	126	50	97	252	209
3	Улус Молокский – с левой стороны почтового тракта в 8 верстах	Того же рода	При ключе Молока	125	47	73	185	187
4	Улус Гулун-Тумурский – с левой стороны от тракта 1 верста	Того же рода	При ключе Орбонтуе	133	42	47	124	62
5	Улус Ногоалыкский в левой стороне от тракта в 15 верстах	Того же рода	При речке Каменке	123	54	91	231	161

6	Улус Задайский с левой стороны тракта в 20 верстах	Того же рода	При озере Нухунур	118	44	24	85	35
7	1-й Онгойской с левой стороны тракта в 15 верстах	Того же рода	При речке Имине	133	65	56	183	183
8	2-й Онгойской с левой стороны тракта в 20 верстах	Того же рода	При речке Имине	128	62	49	82	69
9	Баяндаевское селение	Баяндаевского рода	При речке Баяндае	121	29	7	16	21
10	1-й Юзовский на правой стороне от тракта в 1 версте	Того же рода	При речке Баяндае	122	30	21	153	140
11	2-й Юзовский, 1-й Зангутский на левой стороне от тракта в ½ версте	Того же рода	При речке Хорога	112	16	44	146	140
12	Машанский на левой стороне от тракта в ½ версте	Того же рода	При речке Дуле	122 ½	29 ½	37	262	229
13	Кулинский в 50 верстах	Ользоновского рода	При речке Кулинге	50	50	26	97	92

14	Зурцаганский в 30 верстах	Того же рода	При речке Куда	96	89	110	244	234
15	Иригурской в 30 верстах	Того же рода	При речке Куде	95	85	75	163	155
16	Ничинской в 20 верстах	Того же рода	При речке Ничиге	110	75	72	129	139
17	Батхайский в 20 верстах	Того же рода	При речке Имине	100	77	42	130	103
18	Загатуйский в 26 верстах	Того же рода	При речке Муруне	120	50	20	33	41
19	Шарахырский в 20 верстах	Того же рода	При речке Куде	120	77	32	118	89
20	1 Кулутский в 27 верстах от тракта	1-го Бурского рода	При ключе Ербантуе	108	59	52	133	98
21	2 Кулутский в 27 верстах	Того же рода	При речке Кулуте	108	57	64	174	168
22	1 Байтокский в 36 верстах	Того же рода	При речке Куде	110	74	86	215	187
23	Хоторгунский в 36 верстах	Того же рода	При речке Куда	110	72	58	161	155
24	Ходоргунский в 36 верстах	1 Бурского рода	При речке Куда	101	72	64	178	142
25	Хойботский в 36 верстах	Того же рода	При речке Куда	104	73	29	82	86
26	2-й Байтокский в 36 верстах	Того же рода	При речке Куда	101	75	45	97	72

27	Харанур-ский в 25 верстах	4 Бурского рода	При речке Тургун	120	44	45	210	135
28	Адыкский в 25 вер-стах	Того же рода	При реч-ке Дунда	130	49	39	105	119
29	Баминда-евский в 25 верстах	Того же рода	При реч-ке Дунда	113	50	9	36	17
30	2-й Ба-хайский с правой стороны от тракта	1-го Абы-заевского рода	При реч-ке Ка-менной	171 ½	46	62	209	181
31	Баяндай-ский в 6 верстах с правой стороны тракта	Того же рода	При реч-ке	171 ½	40	37	173	151
32	1-й Бахай-ский по тракту	Того же рода	При реч-ке Ка-менной	165 ½	46	44	160	165
33	3-й Хо-ройский в правой стороне от тракта в 10 верстах	Того же рода	При ключе Карагун	153	9	36	146	116
34	2-й Хоро-йский в 4 верстах от тракта с левой сто-роны	Того же рода	При реч-ке	130	8	49	185	185
35	1-й Хоро-йский в 2 верстах с правой стороны тракта	Того же рода	При реч-ке	129	7	83	222	221

36	Балтагуйский в 7 верстах от тракта	Того же рода	При речке Ангурей	129	7	58	159	150
37	Хоготовское на тракте	Того же рода	При речке Куда	122	Степная Дума	15	67	76
38	Шотхолунский на тракте	Того же рода	На речке Куданцы	122 ½	10	46	102	118
39	Тотский на тракте	Того же рода	При реке Манзурка	102	20	28	56	66
40	Бортойский в 2 верстах в правой стороне от тракта	Того же рода	При реке Манзурка	112 ½	10	47	132	105
41	1-й Хальский в 6 верстах от тракта в правой стороне	1-го Абызаевского рода	При речке Куйтуне	108	28	44	127	107
42	2-й Хальский в 6 верстах в правой стороне от тракта	Того же рода	При речке Куйтуне	108	28	50	100	105
43	Шонтайский в 6 верстах от тракта в правой стороне	Того же рода		108	29	170	389	339
44	Тунгусский наслег		При речке Кунгур	128	20	4	12	10

Таблица составлена по документам фонда ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 233. Л. 49–53.

Таблица 14

Количество дворов и населения по Ольхонскому ведомству. 1871 г.

Названия родов	Дворов	Мужчин	Женщин
1-й Чернорудский род	179	384	376
2-й Чернорудский род	262	630	596
3-й Чернорудский род	61	160	138
4-й Чернорудский род	81	190	193
5-й Чернорудский род	103	219	237
6-й Чернорудский род	113	308	278
1-й Абызаевский род	137	307	325
2-й Абызаевский род	132	292	300
Хенхедурский род	125	278	260
Оседлые буряты	13	37	33
Всего	1206	2805	2736

Таблица составлена по документам ГАРБ. Ф. 12.Оп. 1. Д. 833. Л. 44 об.

Таблица 15

Количество населения и домов по инородным управам Хоринского ведомства в 1875 г.

№	Название управ	Количество населения			Количество домов			
		М.П.	Ж. п.	Итого	Дерев.	Юрт дерев.	Юрт войл	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Галзотская	2352	2237	4589	51	573	795	1419
2	Барун-Харганатская	2031	1897	3928	78	492	7897	8467
3	Зун-Харганатская	1157	1231	2388	25	574	377	976
4	Барун-Хоацайская	1721	1641	3362	57	310	749	1116
5	Зун-Хоацайская	1150	1661	2811	20	258	372	650

6	Барун-Кубдутская	1436	1079	2515	52	290	428	770
7	Зун-Кубдутская	1830	1694	3524	46	400	610	1056
8	Батанайская	1253	1267	2520	33	290	399	722
9	Шарайтская	898	882	1780	25	271	370	666
10	Бодонгутская	756	723	1479	30	231	307	568
11	Ходайская	2339	2162	4501	61	582	786	1429
12	Гучитская	1259	1217	2476	117	290	637	1044
13	Цаганская	270	276	546	22	107	190	319
14	Хальбинская	1029	943	1972	29	231	389	649
15	Курбинское общество	213	206	419	97	-	-	97
	Итого	19687	18616	38303	743	4899	7196	12838

Таблица составлена по данным ГАРБ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 526. Л. 625–626, 640.

Таблица 16

Количество родов, жителей и дворов по улусам Кударинского ведомства. 1876 г.

Название селений и улусов	**Расстояние от думы**	**Число**		**Число душ**			
		юрт	**зимников**	**крещеных**		**Некрещеных**	
				м. п.	**ж. п.**	**м. п.**	**ж. п.**
1.Селение Корсаковское							
2-й Чернорудский			15	31	29		
1-й Чернорудский			3	9	9		
Абазаевский род			8	23	19		

Сборный род			3	5	11		
Оседлых инородцев			6	11	8		
Всего			35	79	76		
2. Ертогайский улус	1						
2-й Чернорудский		23	18	45	45		
Всего		23	18	45	45		
3. Сакиновский улус	1						
Сборный род		10	8	3	4	18	18
Абазаевский род		10	6		1	14	22
1-й Чернорудский		3	1		1	3	2
Всего		23	15	3	5	35	42
4. Хынгылдыров-ский							
Сборный род	1	11	7	6	8	15	13
Всего		11	7	6	8	15	13
5.	1 ½						
Сборный род		7	6	12	11	8	10
Абазаевский род		1				1	1
2-й Чернорудский		20	20	38	36	1	7
Всего		28	26	50	47	10	18
6. Яртагайский улус	1 ½						
Абазаевский род		1	1	1	1		
Сборный род		4	4	7	7	1	4
Всего		5	5	8	8	1	4

7. Балтагуйский улус	1 ½						
Абазаевский род		17	14	13	16	26	32
2-й Чернорудский		1					1
Всего		18	14	13	16	26	33
8. Цыгэновский	1 ½						
2-й Чернорудский		36	28	90	82		
Абазаевский		1	1	6	1		
Всего		37	29	96	83		
9.Бужеевский улус	3						
2-й Чернорудский		23	12	50	39		
Всего		23	12	50	39		
10. Боройский улус	3						
2-й Чернорудский		10	2	19	22		
Сборный род						1	2
Всего		10	2	19	22	1	2
11.Утхулоевский	4						
1-й Чернорудский		11	6	6	3	13	4
Абазаевский род		2	1	1		3	2
Всего		13	7	7	3	16	6
12.	4						
Абазаевский род		15	8	5	3	29	24
Всего		15	8	5	3	29	24
13.Цанкировский	3 ½						
1-й Чернорудский		24	12	14	7	27	38

2-й Чернорудский		3	1	3	3	4	4
Всего		27	13	17	10	31	42
14. Балтайский улус	2 ½						
Сборный род		3	2			8	10
2-й Чернорудский		1	1			5	1
Всего		4	3			13	11
15. Бутухунский улус	2						
1-й Чернорудский		10	4	3	3	19	
Всего		10	4	3	3	19	?
16. Хамнайский улус	1						
1-й Чернорудский		27	18	17	21	25	33
Всего		27	18	17	21	25	33
17. Олостойский улус	4						
2-й Чернорудский		3	4	11	8		
Абазаевский род			1	2	2		
Всего		3	5	13	10		
18. Неподочный улус	5						
1-й Чернорудский		11	4	1		18	16
2-й Чернорудский		3	1			5	6
Абазаевский		3	3	1		8	7
Всего		17	8	2		31	29

Таблица составлена по документам ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1033. Л. 3–6об.

Таблица 17

Количество населения по улусам Кудинского ведомства по родам, улусам и селениям. 1886 г.

№	Название рода и улуса	Количество жителей		Грамотных	Вероисповедание	
		м. п.	ж. п.		Правосл.	Шаманск.
	1 Абаганатский род					
1	Кулункунский	250	208	10	29	429
	2 Абаганатский род					
1	Утуровский	68	67	6	15	120
2	Кутульский	84	82	3	3	163
3	Аманаганский	73	59		5	127
4	Тужинский	51	50	3	2	99
	3 Абаганатский					
1	Балтуевский	40	39	11		79
2	Гулзогаевский	85	63		2	146
3	Кужертуевский	62	78	4		140
4	Гуртинский	51	43		4	90
5	Утогоевский	42	29	1	6	65
6	Шахтуевский	75	57	3	3	129
7	Шерсинский	38	34	1	2	70
8	Ханьинский	26	23		2	47
9	Улангирский	25	19	3	2	42
10	Толодоевский	70	50		5	124
	4Абаганатский					
1	Базайский	126	126	10	10	242
2	Бороевский	141	106	11	25	222
	1 Харанутский					
1	Табуевский	75	73	2		148
2	Идыгинский	105	94	4	3	196
	2 Харанутский					
1	Болтохуровский	83	80	7	3	160
2	Бумолоевский	58	55			113

3	Богатуровский	84	83	3	5	162
4	1 Балтаевский	55	42	3		97
5	2 Балтаевский	58	28		14	75
	3Харанутский					
1	Муринский	438	377	33	33	792
2	Тангархаевский	74	52		6	120
3	Балтуровский	76	61	4	13	124
4	Голоусинский	96	99	4	4	191
	4 Харанутский					
1	Идыгинский	383	329	5	22	690
	1 Бабаевский					
1	Ходоровский	36	37			73
2	Бульсуровский	65	45			110
3	Тулайровский	77	78		4	151
4	Балхуровский	69	58			127
5	Басайский	24	25			49
6	Гушитский	61	52		3	110
7	Харьяшинский	26	37			63
	2 Бабаевский					
1	Ишинский	56	71	2		127
2	Гушитский	35	28			63
3	Бажинский	24	26			50
4	Базайский	25	27			52
5	Сагаровский	64	37		9	92
6	Корсукский	149	159	4		308
7	Тодохонский	39	28		1	66
8	Тыншутский	8	11	2		19
9	Хартуровский	2	2			4
	3 Бабаевский					
1	Бурунбулукский	145	134		1	278
2	Зунбулукский	136	127		1	262
3	Ирсайский	66	54			120
4	Ишинский	50	37			87
	4 Бабаевский					
5	Батуровский	54	50		2	102

6	Багаларовский	62	56			118
7	Сагаровский	53	48	1	8	93
8	Тыкшутский	45	29		4	70
9	Тодохонский	33	30		3	60
10	Хартуровский	11	6			17
11	Барайский	17	17			34
12	Харьяшинский	21	27	3	3	45
13	Корсукский	1	2			3
	1 Ашхабатский					
1	Харзаргайский	169	173	6	3	339
2	Кукунутский	180	154	1	3	331
3	Дархатский	93	99	1		192
	2 Ашхабатский					
1	Хандатский	49	61	8	7	103
2	Голоусинский	218	168	20	92	294
3	Кукунутский	150	150	2	8	292
	Курумчинский					
1	Хинеевский	209	238	1	48	399
2	Хадайский	153	145		1	297
3	Хатарский	104	92		2	194
4	Шохтойский	136	162		20	278
	Бродячие тунгусы					
1	Голоусинский	16	17		33	
2	Загайский	25	20		38	7
3	Куртунский	15	11	1	26	
	Селения					
1	Курское	111	116	7	227	
2	Усть-Ординское	141	162	50	299*	4
	Итого	6115	5621	230	1052**	10685

Примечание: * – в том числе 3 – римско-католического, 2 – иудейского вероисповедания; ** – в том числе 3 – римско-католического, 2 – иудейского вероисповедания.

Таблица составлена по документам ГАРБ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 15. Л. 42–54.

Таблица 18

Сведения о числе оседлых и кочевых крещеных, а также некрещеных инородцев по ведомству Урульгинской Степной думы. 1886 г.[1780]

По ведомству Урульгинской Степной думы числится всех инородцев крещеных и некрещеных:	**Число душ всего общества**		**В том числе крещеных**	
	м	**ж**	**м**	**ж**
Оседлого разряда	6	9	6	9
Кочевого разряда	11478	11071	7611	7303
Всего	11484	11080	7617	7312
Из них проживающих домами в селениях (не составляющие отдельные общества) кочевого по инородным управам:				
1. Урульгинской				
Проживающие в нижеозначенных селениях и деревнях кочевого разряда:				
Усть-Ницуганском	16	21	16	21
Князе-Урульгинском	69	56	69	56
Князе-Береговом	123	117	123	117
Князе-Посельском	39	32	38	32
Карымском	47	52	47	52
Верхне-Талочинском	96	94	96	94
Бацетуевском	123	118	123	118
Береинском	74	89	74	89
Средне-Талочинском	41	40	41	40
Бургенском	47	42	47	42
Тунгусской Оле	25	23	25	23
Оликанском	10	6	10	6
Цагакчинском	7	10	7	10
Родионовском	24	16	24	16
Илимской	13	7	13	7
Кинско-Кокуйском	6	3	6	3

[1780] ГАЗК. Ф. 1.Оп. 1. Д. 2172. Л. 96–99.

Дуралейском	7	6	7	6
Хилинском	4	2	4	2
Усть-Талочинском	27	27	27	27
Проживающих в нижепоименованных улусах ведущих кочевую жизнь:				
Батурском	26	35	19	29
Нарин-Талочинском	108	120	18	23
Паваринском	48	47	28	22
Кучегерском	25	29	25	29
Далюнском	59	51	42	30
Торгоконском	39	43	30	36
Улдургинском	12	12	11	11
Сахалтуевском	63	61	-	-
Живущих по р. Ульдурга	520	520	-	-
Проживающих в разных управах подведомственных управе инородцев	61	52	39	29
Всего	961	960	212	214
Итого оседлых				
Кочевого разряда, живущих домами:	798	761	798	761
юртами:	961	960	212	214
Показанное в прописанных выше селениях и улусах число душ разделяется на следующие родовые управления:				
Мунгальское				
Дулигатское				
Кельтегирское				
Теленбинское				
Еравнинское				
2. Оловской				
Проживающих в нижеозначенных селениях домами кочевого разряда:	390	369	390	369
Зюльзинском	87	103	87	103
Олеканском	150	153	150	153
Тунгусско-Оловском	17	24	17	24
Цагакчинском	40	39	40	39

Илимском	263	285	263	285
Нижне-Хилинском	180	185	180	185
Кокуйском	64	77	64	77
Верхне-Киинском	28	23	28	23
Кадаинском	114	118	114	118
Старо-Оловском	109	119	109	119
Мальчидунском	195	200	195	200
Улейском	58	56	58	56
Бушулейском	68	70	68	70
Верхне-Курлыченском	133	128	133	128
Тунгусско-Оловском	161	126	161	126
Оркиинском	19	18	19	18
Усть-Наринзорском	204	186	204	186
Верхне-Куренгском	112	132	112	132
Усть-Начинском	86	77	86	77
	2478	2478	2478	2478
Проживающих в нижепоименованных улусах ведущих кочевую жизнь				
Кыкерском	38	39	38	39
Дуралейском	18	16	18	16
Родионовском	23	24	23	24
Верхне-Хилинском	19	12	19	12
Усть-Даинском	41	26	41	26
Итого	136	117	136	117
оседлых	-	-	-	-
Итого кочевого разряда живущих домами	2478	2478	2478	2478
юртами	136	117	136	117
Показанное в прописанных выше селениях и улусах число душ разделяется на следующие родовые управления:				
Перво-Дулигарское	692	674	692	674
Второ-Баягирское	273	272	273	272
Кылтегирское	192	190	192	190
Узонское	231	230	231	230
Мальцевское	757	745	757	745

Сухановское	389	390	389	390
Нироновское	80	94	80	94
Итого	2614	2595	2614	2595
3. Шундуинской				
Проживающих домами кочевого разряда подведомых следующим родовым управлениям:				
Улятскому	712	640	712	640
Намятскому	210	171	210	171
Челкагирскому	27	28	27	28
Долотскому	21	19	21	19
Итого	970	858	970	858
Проживающих улусами в юртах ведущих кочевую жизнь:				
Улятского рода	143	184	41	49
Намятского	209	208	94	95
Долотского	53	60	40	45
Челкагирского	109	110	21	27
Итого	514	532	196	216
Итого оседлых	-	-	-	-
кочевого разряда, живущих домами	970	858	970	858
Юртами	514	532	196	216
Показанное в прописанных выше селениях и улусах число душ разделяется на следующие родовые управления:				
Улятское				
Намятское				
Челногирское				
4. Маньковской				
Проживающих в нижеозначенных селениях домами кочевого разряда:				
Маньковском	392	388	392	388
Кутувайском	54	56	54	56
Шоноктуевском	45	42	45	42
Засуланском	87	91	87	91
Верхне-Гирюнинском	125	78	125	78

Нижне-Гирюнинском	93	100	93	100
Олдондинском	84	83	84	83
Селиндинском	123	100	123	100
Чупинском	62	49	62	49
Верхне-Тарсукаевском	118	116	118	116
Усть-Тарсукаевском	59	59	59	59
Усть-Харкиринском	42	41	42	41
Верхне-Калгуканском	438	430	438	430
Усть-Начинском	58	54	58	54
Верхне-Куренском	108	98	108	98
Итого	1888	1785	1888	1785
Проживающих в нижеозначенных улусах и ведущих кочевую жизнь				
Шаракчинском	38	31	12	8
Залайском	56	66	17	17
Ачиканском	38	42	10	6
Ацолуйском	18	9	9	7
Шоноктуевском	87	86	25	28
Акурейском	56	46	25	20
Горуханском	32	37	15	13
Озерском	18	10	10	10
Магненском	25	26	12	19
Борон Кондуевском	69	69	18	24
Наринском	194	173	72	66
Урюлюнгуевском	218	211	64	68
ТалмонБорзинском	234	201	152	132
УстьДаинском	24	25	16	16
Итого	1107	1041	457	430
Итого оседлых	-	-	-	-
Кочевого разряда, живущих домами	1888	1785	1888	1785
Юртами	1107	1041	457	430
Показанные в прописанных выше селениях число душ разделяется на следующие родовые управления:				
Перво-Дулигарское	618	617	433	442
Второ-Баягирскоме	697	664	599	573

Долотское	66	70	52	55
Чипчинутское	393	375	215	210
Дуларское	168	160	148	142
Перво-Баягирское	198	166	198	166
Конурское	273	259	285	242
Второ-Дулигарское	231	209	231	189
Намятское	351	306	236	198
Итого	2995	2826	2367	2215
5. Кужертаевской				
Проживающих в нижеозначенных селениях кочевого разряда				
Кужертаевском	94	68	94	68
Цоронхонском	101	94	101	94
Ононском оседлых	6	9	6	9
кочевого разряда, живущих домами	12	11	12	11
Проживающих в разных посторонних ведомствах кочевого разряда крещеных инородцев	113	109	113	109
Итого	326	291	326	291
Проживающих в улусах юртами ведущих кочевую жизнь	1105	1073		
Итого	1105	1073		
Показанное по сей управе число душ крещеных и некрещеных инородцев разделяется на следующие родовые управления:				
Узонское	748	740	214	199
Тукчинское	196	171	9	7
Гуновское	309	285	50	43
Баликагирское	97	76	46	35
Гучитское	81	87	7	7
Итого	1431	1364	326	291
6. Онгоцонской				
Проживающих домами в деревне Бырцынской кочевого разряда	67	66	67	66
Проживающих в разных посторонних ведомствах кочевого разряда крещеных инородцев	51	56	51	56

Итого	118	122	118	122
Живущих в улусах юртами ведущих кочевую жизнь	1083	1062	38	40
Итого оседлых	-	-	-	-
Кочевого разряда, живущих домами	118	122	118	122
Юртами	1083	1062	38	40
Показанное по сей управе число душ крещеных и некрещеных инородцев разделяется на следующие родовые управления				
Луникерское	293	277	28	24
Вакасильское	128	117	18	17
Сартоцкое	698	710	74	79
Чилчагитское	83	80	36	42
Итого	1201	1184	136	162
Всего по думе оседлых	6	9	6	9
Кочевого разряда живущих домами	6572	6286	6572	6286
Того же разряда, живущих юртами	4906	4785	1039	1017
А вообще всех	11484	11080	7617	7312

Таблица 19

Состав населения Кудинской инородной управы. 1891 г.

№	Сословия	М	Ж	Примеч.
1. 1	Дворян потомственных	1	1	
2. 2	Дворян личных	3	1	
3. 3	Мещан	3	2	
4. 4	Крестьян	1		
5. 5	Инородцев	2729	2448	9 шаманов
6. 6	Поселенцев	2	6	
7	Всего	2740	2458	

Таблица составлена по документам ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 62. Л. 16 об.

Таблица 20

Роды и улусы Кудинской инородной управы. 1894 г.

№	Род	Количество ревизских душ	Улусы	Количество домов	Количество юрт
	1-й Харанутский	90	Идыгеевский зимний	76	60
			Летний	-	38
			Табуевский зимний	49	37
			летний		35
	2-й Харанутский	192	1-й Болтаевский зимний	48	40
			летний		20
			2-й Болтаевский зимний	38	30
			летний		25
			Сухо-Куядский зимний	75	49
			летний		46
			Бумалаевский зимний	41	27
			летний		25
			Эбартуриевский зимний	79	50
			летний		44
	3-й Харанутский	306	Муринский зимний	280	172
			летний		217
			Тангахаевский зимний	45	27
			летний		27
			Бартуровский зимний	40	20
			летний		31
			Голоустинский зимний	57	40
			летний	2	40
			Стойбища зимние	17	13
			Загинский и Куртулский (тунгусы)		14
	4-й Харанутский	235	Идыгинский зимний	240	180
			летний		174
			Харьяшинский зимний	34	28

			летний		29
	1-й Ашехабатский	219	Харзаргайский зимний	137	82
			летний	9	100
			Кукунутский зимний	109	90
				1	99
			Дархатский зимний	65	39
			летний	3	50
	2-й Ашехабатский	154	Хамбаровский зимний	40	20
			летний	2	24
			Кукунутский зимний	117	90
			летний	1	80
			Голоустинский зимний	108	80
			летний	16	83
			Стойбище зимнее Голоустинское	14	32
	Курское селение	71			59
	Усть-Ординское	53			47
	Всего	1352		1866	2393

Таблица составлена по документам ГАРБ. Ф. 13 Оп. 1. Д. 110. Л. 1–2.

Таблица 21

Раскладка натуральных повинностей по Абаганатской инородной управе в 1890 г.

Статьи расходов	По общественному приговору	Управляющий округом	Назначено
Жалованье письмоводителю	550	477	477
Двум помощникам	600	268	-
Канцелярские расходы	80	75-68	75-68
Отопление и освещение	70	-	-
Наем рассыльных	50	35	-
Выписка Губернских ведомостей	35	-	-
Портрет Государя	97	40	40
Итого	1482	855-68	592-68

Таблица составлена по документам ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.

Таблица 22

Ведомость о казенных сборах по инородческим ведомствам Забайкальской области в 1894 г.

Ведомства	Подушная подать	Оброчная подать	Частная повинность	Пожарный капи-тал	Межевой Капитал	ясак	Хоз. капитал	Губернские земские повинности	всего
Уруль-гинска-яСД									
Оседлые	4,05	8,16	1,17 ¾	0,12	0,09	-	-	13982,47	25866,80
Кочевые	4204,51	-	18 ¼	-	115,20	4285,84	-		
Бродя-чие	-	-	-	-	-	51	-	13982,47	25866,80
итого	4208,56	8,16	36	0,12	115,29	4336,84	-		
Селен-гинская СД									
Оседлые	228,14	508,64	73,39 ¾	7,48	5,61	-	-	7962,64	26295,92
Кочевые	4636,63	-	4746,50 ¼	-	169,89	7956,99	-		
Кударин-ская СД									
Оседлые	9,76	21,76	3,14	0,32	0,24	-	-	1284,89	4038,21 ¾
кочевые	785,18	-	801,87 ¾	-	29,82	1101,23	-		
Цонголь-ская ИУ									
Оседлые	197,29	492,32	71,04	7,24	5.43	-	-	149,71	923,03
Армак-ская ИУ									
Оседлые	20,71	51,68	7,45 ¾	0,76	0,57	-	-	46,26	920,47 ½
Кочевые	132,15	-	203,70 ¾	-	6,39	450,79	-		
Закамен-ская ИУ									
Кочевые	914,15	-	942	-	30,09	1297,68	-	2290,66	5474,58
Итого	6924,01	1074,4	6849,12 ¾	15,80	248,04	10806,69	-	11734,16	37652,22 ¼

Баргузинская СД									
кочевые	2110,73	-	1613,96	-	57,51	2739,84	-	3083,91	9605,95
Баргузинские подострожные тунгусы									
кочевые	68,95	-	105,58 ¾	-	3,54	204,89	-	77,09	460,05 ¼
Бродячие						828,72	18,24		846,96
Баунтовские остроги									
Кучицкого острога						459,89	9,66		469,55
Итого	2179,68		1719,54 ¼	-	61,05	4233,34	27,90	3161	11382,51 ¼
Всего	13312,25	1082,56	11784,20 ½	15,92	424,38	19376,87	27,90	28877,63	74901,53 ½

Таблица составлена по документам ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13785. Л. 84–86.

Таблица 23

Раскладка внутренних повинностей по Абаганатской инородной управе в 1895 г.

Содержание статей расходов	Сумма (в рублях)
Содержание лошадей в с.Усть-Ординском, обывательской гоньбы	716
Содержание анатомического ледника	15
Очистка Никольского ключа	6
Содержание Оекского приемного покоя и тюрьмы	60
Оплата миссионерам за покосную землю	60
Содержание Кудинского училища, пансионеров и жалованье учителю	326
Жалованье письмоводителю, помощнику	840
Канцелярские принадлежности	80
Содержание чистоты	174
Наем сторожа, караульного управы	180

Наем домов для родовых управлений	96
Приобретение оспенных инструментов	90
Итого	2643

Таблица составлена по документам ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 35. Л. 36–36 об.

Таблица 24

Сведения об улусах Агинского ведомства Читинского округа с указанием общего количества жителей. 1896 г.

№	Название улусов	Число дворов	Число жителей	
			мужчин	женщин
1	Селение Агинское	67	146	163
2	Мухон-Тарбальжейский	38	83	84
3	Тулуто-Тарбагатайский	112	152	167
4	Убыр-Алханайский	323	734	772
5	Табтанаевский	181	421	396
6	Аршантуевский	131	331	333
7	Нортуевский	192	526	507
8	Хойто-Агинский	259	522	488
9	Аргалейский	68	185	210
10	Амидхашинский	100	158	126
11	Цаган-Шелутаевский	112	326	317
12	Усть-Куйтунский	56	132	132
13	Верхне-Улдургинский	37	88	70
14	Килгиндинский	124	235	244
15	Верхне-Холиндинский	122	260	259
16	Усть-Живкошинский	46	77	78
17	Догоевский	169	261	241
18	Верхнее-Могойтуевский	225	465	477
19	Усть-Могойтуевский	120	222	243
20	Зугалуевский	277	607	595
21	Верхне-Харашибирский	276	602	579
22	Усть-Харашибирский	183	415	443
23	Быркинский	117	228	222

24	Усть-Осута-Кялинский	117	205	150
25	Боржигантайский	145	362	339
26	Усть-Цугальский	218	451	364
27	Соусольский	106	232	219
28	Урто-Жаргаламаевский	134	318	331
29	Шилы-Мыныхэтуйский	35	62	64
30	Верхне-Хоурай Кялы	21	80	83
31	Убжогойский	47	111	102
32	Цаган-Нор	56	103	107
33	Дортунский	155	327	344
34	Шылын-Ходак	143	387	399
35	Нарын Булак	73	159	157
36	Кункурский	63	138	147
37	Ножеевский	23	48	41
38	Барун-Убжогой	44	153	151
39	Хатон-Хошунский	33	93	72
40	Жабхаринский	119	262	271
41	Кяло-Шелутаевский	81	152	155
42	Судунтуевский	99	229	219
43	Верхне-Судунтуевский	44	115	113
44	Обото-Гашунский	127	329	309
45	Зуткулеевский	233	481	478
46	Чиндалеевский	89	214	185
47	Адгаликский	94	214	226
48	Оленгуйский	41	104	82
49	Верхне-Тургинский	195	436	389
50	Урто-Тургинский	152	295	257
51	Шара-Кундуйский	146	364	332
52	Борзинско-Могойтуевский	216	517	477
53	Сункурукский	225	465	453
54	Борзе-Шенусутуевский	279	648	626
55	Урулюнго-Кондуевский	193	452	462
	итого	7081	15682	15280

Таблица составлена по документам ГАРБ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 3084. ЛЛ. 104–105об.

Таблица 25

Раскладка внутренних повинностей по Абаганатской инородной управе в 1897 г.

Содержание статей расходов	Сумма (в рублях)
Содержание 8 лошадей в с. Усть-Ординском	270
Содержание 6 обывательских лошадей в с. Пашковском	370
Содержание лошадей по Амурскому тракту	550
Содержание лошадей при Ординской управе	70
Содержание караванной гоньбы при Кудинской управе	700
Содержание караульного при Кудинском анатомическом леднике	30
Содержание Оекского приемного покоя и тюрьмы	129-79
Усть-Ординскому причту за сенокосную землю	59-72
Содержание Кудинского, Ординского училища	206-28
Содержание 4 обязательных учеников	100
Содержание управы	1200
Содержание 4 лошадей и 2 ямщиков при управе	247-97
Приобретение детрита и разъезд оспенника на Собственной лошади	100
Наем квартиры для 4-х родовых управлений	100
Итого	4133-24

Таблица составлена по документам ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 36. Л. 46–49.

Таблица 26

Раскладка дорожной повинности по Абаганатской управе в 1899 г.

	людей	лошадей	длина дорог	мостов
Амурский тракт	56	56	10 верст 10 саженей	6
Кругобайкальский тракт	18	18	3 версты 72 сажени	4
Якутский тракт	66	66	12 верст	7

Таблица составлена по документам ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 183. Л. 19–20.

Таблица 27

Занятия бурятского населения по переписи 1897 г.

Занятия	Число	Всего в %
Скотоводы	145036	50,2%
Земледельцы	135074	46,8%
Рыбаки и охотники	1645	0,6%
Другие доходные занятия	233	0,1%
Купцы, торговцы и т. д.	2298	0,8%
Прочие	4377	1,5%
Итого	288663	100,0%

Таблица составлена по данным И. Серебренникова (Буряты: по данным переписи 1897 г. // Сиб. вопросы. 1908. № 37–38. С. 18–27).

Таблица 28

Сведения о работе общественного питейного заведения по Муринскому улусу Кудинской управы в 1901 г.

	Количество (в литрах)	Цена (в руб.)	Сумма (в руб.)
Поступило: вина обыкновенного	188-20	6-20	1166-84
вина столового	9-50	6-50	61-75
Наливок	0,50	12	6
Итого:	198-20		1234-59
Продано:	196-62		1629-25

Таблица составлена по документам ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 291. Л. 24–25.

Таблица 29

Содержание расходов по общественному питейному заведению Муринского улуса Кудинской управы в 1901 г.

№	Содержание расходов	Сумма
1	Уплачено в Усть-Ординский оптовый склад виноторговца Михайлова	1234-59
2	Возврат Я. Васильеву позаимствованных денег на приобретение патента	141-63
3	Жалованье сидельцу	120-00
4	Жалованье доверенному	60
	Итого	1556-22
	Прибыль	73-70

Таблица составлена по документам ГАРБ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 291. Л. 24 об.–25.

Таблица 30

Названия улусов, входивших в состав 22 родовых управлений Селенгинской Степной думы

№	Наименования управ	Улусы, входившие в состав управ
	1-й Селенгинско-Харанутская	Иволгинский, Гильбиринский, Янгажинский, Оронгойский, Букун-Харганатский, Букун-Жергалантуйский, Сутойский и Загустайский
	1-й Чернорутская	Гильбиринский, Янгажинский, Оронгойский, Букун-Харганатский,
	Бабайхоромчиевская	Иволгинский, Селенгинско-Билютойский, Жергалантуйский
	Бумалгутульская	Иволгинский, Оронгойский, Букун-Жергалантуйский, Сутойский, Дзуевский, Загустайский, Тамчинский, Шанайский, Темникский, Няньгинский
	Олзонская	Оронгойский, Загустайский
	2-я Атаганская	Загустайский, Ацайский, Муртойский, Тамчинский, Бараньелугский
	Узенская	Тамчинский, Няньгинский
	Подгородная	Темникский, Тамчинский, Харухайский, Судутуйский
	Хатагинская	Селенгинско-Енхорский, Тамчинский, Ацульский, Темникский, Иройский
	2-я Чернорутская	Удунгинский, Темникский
	Иринско-Харанутская	Иринский, Урминский, Удунгинский, Темникский
	Алагуевская	Иринский, Урминский, Удунгинский, Темникский
	1-я Атаганская	Боргойский, Джидинско-Енхорский, Тасурхайский, Нельцагатуйский, Дабхурский, Худагинский, Ихиритский, Дырестуйский, Хужирский
	1-я Табангутская	Ичетуйский, Цагатуйский
	1-я Сартольская	Гигетуевский, Ичотуйский, Саланский, Бургалтайский

	2-я Сартольская	Бургалтайский, Укыр-Челонский, Торейский, Хотхолдочинский, Алцакский
	3-я Табангутская	Зокуйский, Тукумский, Цанкир-Нугуйский, Харьястуйский, Собоктуевский, Усутуевский
	2-я Табангутская	Суджейский, Собоктуйский
	Цонгольская	Ноехонский, Тагалцарский, Харлунский, Большелугский, Едуйский, Мурочи-Хилгантуйский, Хамнегадайский, Тамирский, Киретуйский, Кударинский, Чикойско-Ацинский
	Ашебагатская	Киретуйский, Кударинский, Тамирский, Хамнегадайский, Шазагайский, Дунжайский, Чикойско-Ацинский
	2-я Селенгинско-Харанутская	Тамчинский, Селенгинско-Енхорский, Баранье-Лугский
	Чикойско-Харанутская	Шергальжинский

Таблица составлена по документам Ф. 2.

Таблица 31

Количество жителей Кударинского ведомства по вероисповеданиям

Годы	**Крещеные буряты**		**Шаманисты**	
	количество	**в %**	**Количество**	**в %**
1826 г.	16	0,4	4087	99,6
1843 г.	25		4227	
1858 г.	172	3,7	4407	96,3
1865 г.	643	13,5	4094	86,5
1870 г.	1506	30	3488	70
1895 г.	2403	49	2471	51
1902 г.	2879	56	2268	44

Таблица составлена по документам ГАРБ. Ф. 5.

Таблица 32

Сведения о количестве жителей по родовым управлениям Идинской Степной думы

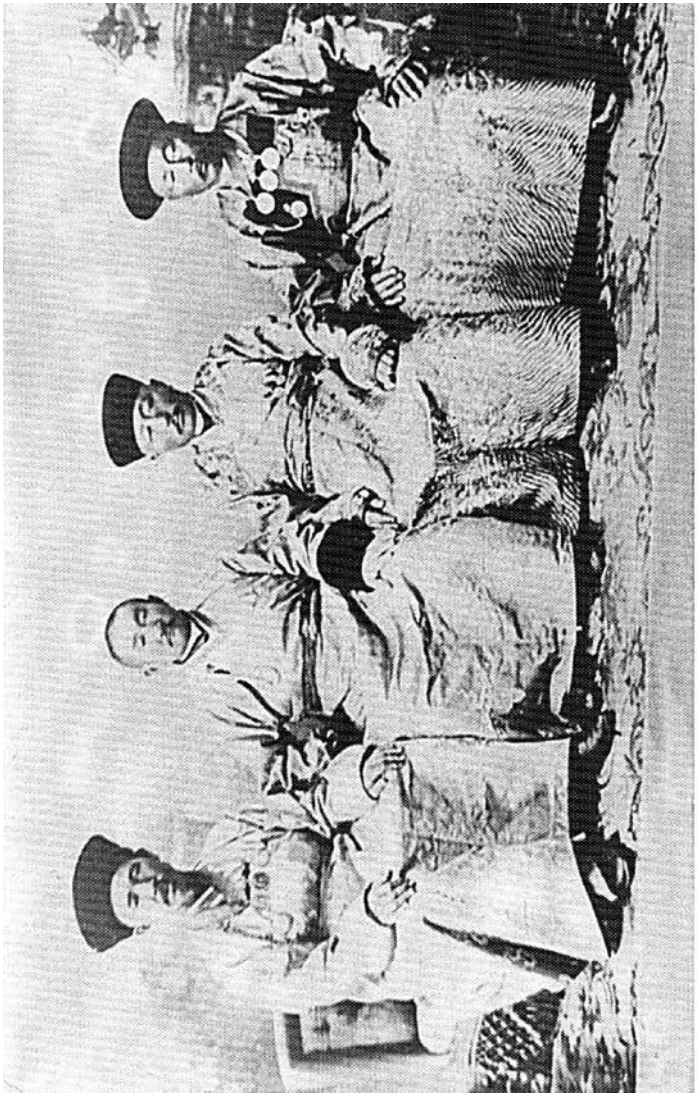
№	Родовые управления, роды	Количество в них жителей	
		М.П.	Ж. п.
1	**Боханское родовое управление**		
	1-й Готольский	655	634
	2-й Готольский	691	625
	3-й Готольский	1487	1457
2	**Укырское родовое управление**		
	1-й Шаралдаевский	562	531
	2-й Шаралдаевский	544	531
3	**Кахинское родовое управление**		
	Кахинский	541	536
	3-й Онгоевский	319	312
4	**Янгутское родовое управление**		
	Янгутский	885	782
	1-й Ирхидеевский	311	313
	2-й Ирхидеевский	541	501
5	**Бильчирское родовое управление**		
	1-й Холтубаевский	337	266
	2-й Холтубаевский	267	269
	4-й Готольский	358	312
6	**Обусинское родовое управление**		
	1-й Онгоевский	332	300
	2-й Онгоевский	553	463
	2-й Кахинский	274	231
7	**Улейское родовое управление**		
	1-й Онхотоевский	456	414
	2-й Онхотоевский	405	362
	Булутский	239	210
8	**Усть-Осинское родовое управление**		
	1-й Муруевский	172	141
	2-й Муруевский	359	329
	4-й Онгоевский	101	98

9	**Хойманское родовое управление**		
	1-й Бараевский	387	368
	2-й Бараевский	137	101
	3-й Бараевский	341	319
10	**Хорайское родовое управление**		
	1-й Кахинский	810	788
	3-й Кахинский	144	121
	3-й Холтубаевский	210	196
	4-й Холтубаевский	159	160
	Итого	**12577**	**11670**

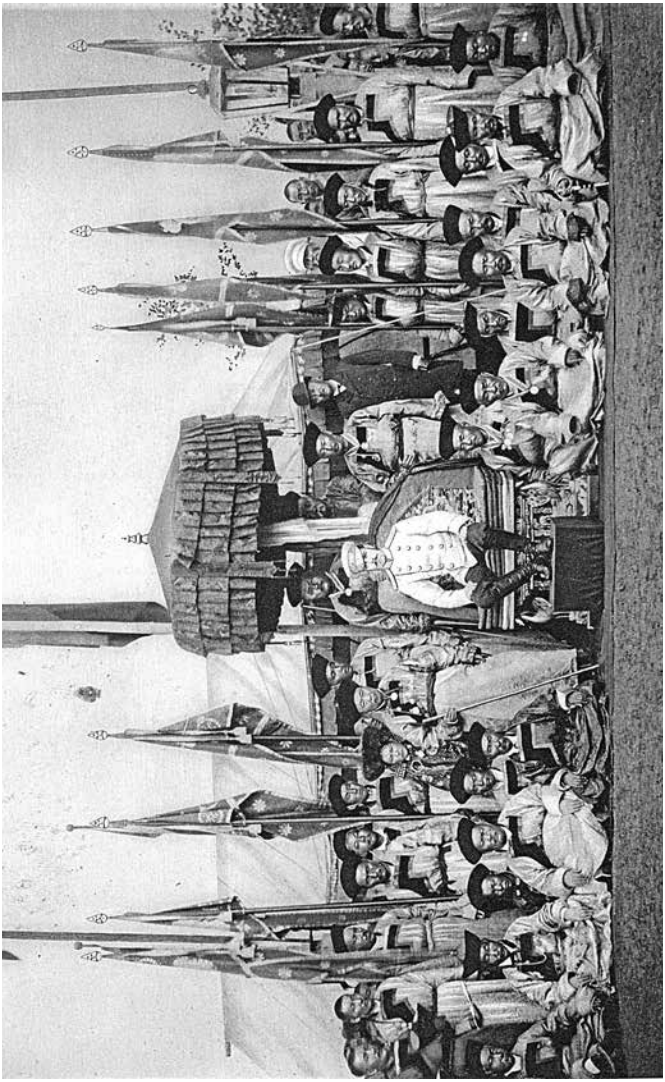
Таблица составлена по документам ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2687. Д. 23. Л. 15–15 об.

Фотоприложение

Группа нойонов. Во втором ряду 2-й слева – Намдак Дылыков, Цугольский волостной старшина, 4-й – Бато-Далай Очиров – Агинский волостной старшина, депутат II Государственной Думы. 1900-е гг.
Фонд Национального музея Республики Бурятия



Главные тайши бурятских Степных дум - Вандан Жамбалтаров (Селенгинской), Ринчин Сотиев (Баргузинской), Цыден Аюшиев (Хоринской) и Жиап Бодиип (Агинской). 1896 г. Фонд Национального музея Республики Бурятия



Должностные лица Агинского ведомства с цесаревичем Николаем. Ст. Туриноповоротная. 17 июня 1891 г. Фонд Государственного архива Республики Бурятия

Должностные лица Хоринской Степной думы. Конец XIX в.
Фонд Государственного архива Республики Бурятия

Жалсарай Зориктуев, главный тайша
Агинской Степной думы в 1878-1892 гг.
Фотография из книги Д.-Н. Цырендашиева
«Суугэлэй дасан»

Иван Заяханов, тайша Кударинской Степной думы в 1880-1883 гг. Фонд Государственного архива Республики Бурятия

Намдак Дылыков, Цугольский волостной старшина, видный бурятский общественный и политический деятель. Фонд Национального музея Республики Бурятия

Сидят: И.И. Пирожков - тайша Идинской Степной думы (слева), Б.М. Мархаев. Стоят: Т.Т. Трубачеев, М.Б. Мархаев. 1864 г. Фонд Государственного архива Республики Бурятия

Самдан Зодбоев, кандидат по главному тайше Агинской Степной думы. Фонд Национального музея Республики Бурятия

Ринчин Сотиев, тайша Баргузинской Степной думы. Фонд Государственного архива Республики Бурятия

Слева направо: Заяхан Хамаганов, главный тайша Кударинской Степной думы в 1852-1864 гг.,; Иван Заяханов, его сын, главный тайша Кударинской Степной думы в 1880-1883 гг.; Модогоев, главный шаман Шоноевского рода. Фонд Национального музея Республики Бурятия

Оглавление

От ответственного редактора 3
О задачах монографии 4
Глава I. Бурятский этнос и имперская система власти в научной литературе и источниках 9
§1. Отражение взаимоотношений имперской системы власти и бурятского этноса в отечественной и зарубежной историографии 9
§2. Документальные источники по истории бурятского этноса и имперской системы власти 82
Глава II. Имперская система власти и Азиатская Россия. 162
§1. Национальный фактор в окраинной политике империи. 162
§ 2. Присоединение юго-восточной Сибири (Бурятии) к России как политический процесс. Соотношение аборигенного и пришлого населения Азиатской России. 180
§3. Потестарные институты власти народов Сибири и их эволюция в административную систему Российской империи в XVIII в.. 199
Глава III. Имперское законодательство в отношении инородцев Сибири в XIX – начале XX вв. 208
§1. Законодательство Российской империи и инородцы Сибири (1822 – середина 1890-х гг.) 208
§2. Законодательство в отношении сибирских инородцев в период поздней империи (конец XIX – начало xx вв.) 241
Глава IV. Степные думы, инородные управы, родовые управления бурят в имперской системе власти (XIX – начало XX в.) 269
§ 1. Образование и развитие системы органов местного самоуправления бурят (1820–1890-е гг.) 269
§ 2. Местное самоуправление бурят в конце XIX – начале XX в. 312
Глава V. Административная и хозяйственная деятельность органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. 342
§ 1. Административная деятельность органов местного самоуправления бурят 342
§ 2. Хозяйственная деятельность органов местного самоуправления бурят 401
Глава VI. Судопроизводство в бурятском обществе в XIX – начале XX в. 457

§ 1. Роль органов местного самоуправления в осуществлении судопроизводства в бурятском обществе 457
§ 2. Следственные дела в отношении должностных лиц местного самоуправления бурят 534
Глава VII. Социальная политика органов местного самоуправления бурят в XIX − начале XX в. 564
§ 1. Общественная и частная благотворительность в области народного образования и здравоохранения 564
§ 2. Роль органов местного самоуправления бурят в осуществлении опеки и попечительства. Благотворительность. 604
Заключение 629
Источники и литература. 635
Приложение 675
Фотоприложение 728

Лев Михайлович Дамешек

Бутит Цыдыпмункуевна Жалсанова

Леонид Владимирович Курас

Бурятский этнос в имперской системе власти
(XIX – начало XX вв.)

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН»

Издательство «Оттиск»
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 4.03.2020 г.
Формат 60x84 1/32.
Гарнитура Minion Pro.
Усл. печ. л. 42,55. Уч.-изд. л. 37,13.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ № 52.
664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 26.
Тел./факс: (3952) 34-32-34, 241-242.
E-mail: ottisk@irmail.ru
www.ottisk-irk.ru